Народонаселение

ISSN 1561-7785 (online)

3 . 2026

июль–сентябрь

- ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
- ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И РЫНОК ТРУДА
- КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2026. Том 29. № 3 (июль-сентябрь)

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3; EDN: GHCTBE

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5).

Website: https://www.fnisc.ru

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ЭЛ № ФС77–91773 от 04.06.2026.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.
Входит в Белый список (ЕГПНИ), уровень 1.

Главный редактор:
Локосов В. В., член-корр. РАН (Москва, Россия).
Редакционная коллегия:
Аганбегян А. Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е. И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О. А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В. Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С. В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е. И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И. Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н. Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский О. Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е. В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С. В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А. Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М. Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М. С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунова А. А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Ярашева А. В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).
Ответственный секретарь:
Симагин Ю. А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).
Редактор перевода на английский язык:
Войтенкова Г. Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).
Корректор:
Киндякова Н. С. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2026.
© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2026.
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. Тел.: +7 499 125-54-91.
Website: https://www.narodonaselenie-journal.ru; e-mail: isesp-population@yandex.ru
2026. Том 29. № 3.
Цена: бесплатно.
Дата выхода в свет 30.09.2026.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2026. Vol. 29. No. 3 (July-September)

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3; EDN: GHCTBE

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS (FCTAS RAS)
(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS
(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

Website: https://www.fnisc.ru

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) on 04.06.2026 Series ЭЛ № ФС77–91773.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of periodicals – 79183.
The journal is included by the State Commission for Academic Degrees and Titles in the List of Russian peer-reviewed scientific journals, publication in which is required for defense of Candidate's and Doctor's theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS RSCI.

Editor in Chief:
Lokosov V.V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)
Editorial Board:
Aganbegian A.G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V.G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S.V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E.I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I.B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N.E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O.L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E.V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S.V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A.B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M.L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M.S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A.A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A.V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).
Executive secretary:
Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).
Editor of English translation:
Voytenkova G.F. Cand. Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).
Proof-reader:
Kindyakova N.S. (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2026.
© FCTAS RAS, 2026.
Postal address of the Editorial Board:
24/35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 125–54–91
Website: https://www.narodonaselenie-journal.ru; e-mail: isesp-population@yandex.ru
2026. Vol. 29. No. 3 Price: free.
Date of publication 30.06.2026.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2026. Том 29. № 3 (июль-сентябрь)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О.Л.
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ — МИГРАЦИОННЫХ РЕЦИПИЕНТОВ РФ И РОЛЬ МИГРАНТОВ ИЗ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ 4

Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В.
ПЕРСПЕКТИВНАЯ ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕВЫХ ОРИЕНТИРОВ РОЖДАЕМОСТИ 15

Архангельский В.Н., Козлова О.А., Макарова М.Н.
РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ 35

Галынчик Т.А., Данилова С.В., Волкова И.А.
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ВОСПРОИЗВОДСТВ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕГО СТАРЕНИЯ 47

Сущий С.Я.
РУССКИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ — ВЕКТОРЫ И ФАКТОРЫ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ 59

Доброхлеб В.Г.
СЕМЬЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 75

Шакирова А.Ф.
ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ И МЕДИЙНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ (КЕЙС РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН) 88

Манухина О.В., Цзин Ц., Ван И.
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МАТРИМОНИАЛЬНОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ 101

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И РЫНОК ТРУДА

Коленникова О.А.
СИСТЕМА РАБОЧИХ МЕСТ И ИЗМЕНЕНИЕ ИХ КАЧЕСТВА 115

Колесник Е.А.
ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА КАК МЕХАНИЗМ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА 127

Пешкова В.М.
СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ (ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА) 144

Гуртов В.А., Степусь И.С., Питухин Е.А., Родион И.В.
ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ И ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ВАХТОВЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РЕГИОНАХ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ 159

Лысенкова М.А.
ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СЖАТИЯ 175

Лабейко О.А.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ 188

Михайлов А.Ю., Хомякова Л.И., Морковкин Д.Е., Войтенкова Г.Ф.
РОЛЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ УСТАНОВОК В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СТРАНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ 199

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Федотов А.А.
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КЛАСТЕРИЗАЦИИ 212

Максимова И.В., Симагин Ю.А.
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЖИЛЬЁМ НАСЕЛЕНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА 226

Моргунов Е. В.
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА 239

Логинов Д.М.
БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ: МАСШТАБЫ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ 252

Крошилин С.В., Медведева Е.И.
ВЕКТОР НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫНУЖДЕННЫЕ КОРРЕКТИВЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ 264

Ярашева А.В., Марков Д.И.
СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, УСТАНОВКИ И ОЖИДАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ 277

Федоров В.В., Марков Д.И.
ДОВЕРИЕ РОССИЯН К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ В СФЕРЕ ЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ 289

Пилипенко И.В.
ДИНАМИКА ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ НАСЕЛЕНИЯ РСФСР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ПО ПРОДУКТАМ ПИТАНИЯ С 1970 ПО 1990 ГОДЫ 302

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2026. Vol. 29. No. 3 (July-September)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Oleg L. Rybakovsky
DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF REGIONS — MIGRATION RECIPIENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE ROLE OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN STATES IN ITS FORMATION 4

Alexandra A. Shabunova, Olga N. Kalachikova, Alexandra V. Korolenko
PROJECTED DYNAMICS OF THE POPULATION SIZE AND AGE STRUCTURE IN THE CONTEXT OF TARGET BIRTH RATES 15

Vladimir N. Arkhangelsky,Olga A. Kozlova,Maria N. Makarova
REGIONAL DIFFERENCES IN THE SEX-AGE STRUCTURE AND ITS IMPACT ON NATURAL POPULATION GROWTH 35

Tatyana A. Galynchik, Svetlana V. Danilova, Inna A. Volkova
INTERNATIONAL EXPERIENCE IN MANAGING THE REPRODUCTIVE SYSTEM IN THE CONTEXT OF POPULATION AGING 47

Sergey Ya. Suschy
RUSSIANS IN POST-SOVIET BELARUS — VECTORS AND FACTORS OF GEODEMOGRAPHIC DYNAMICS 59

Valentina G. Dobrokhleb
FAMILY AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH IN MODERN RUSSIA 75

Alisa F. Shakirova
PUBLIC PERCEPTION AND MEDIA REPRESENTATION OF LARGE FAMILIES (THE CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN) 88

Olesya V. Manukhina, Jinghua Jing, Yingnan Wang
MAIN TRENDS IN THE TRANSFORMATION OF MATRIMONIAL AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR IN MODERN CHINA 101

LABOR POTENTIAL AND LABOR MARKET

Olga A. Kolennikova
JOBS SYSTEM AND CHANGING THEIR QUALITY 115

Elena A. Kolesnik
DIGITAL EMPLOYMENT PLATFORMS AS A MECHANISM FOR STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN LABOR MARKET 127

Vera M. Peshkova
SOCIAL RISKS AND RESOURCE POTENTIAL OF LABOUR MIGRANT FAMILIES IN RUSSIA (EXPERT-BASED ANALYSIS) 144

Valery A. Gurtov, Irina S. Stepus, Evgeny A. Pitukhin, Inna V. Rodion
ESTIMATION OF THE NUMBER AND THE AGE AND GENDER STRUCTURE OF SHIFT MIGRANT WORKERS IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN ARCTIC ZONE 159

Maria A. Lysenkova
EXTERNAL LABOR MIGRATION AND THE PRODUCTIVE POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS UNDER DEMOGRAPHIC CONTRACTION 175

Olga A. Labeyko
IMPROVEMENT OF THE MECHANISM FOR ENSURING EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS 188

Alexey Yu. Mikhaylov, Lyubov I. Khomyakova, Dmitry E. Morkovkin, Galina F. Voytenkova
THE ROLE OF REPRODUCTIVE POLITICS IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY IN PERCEPTION OF CHINESE STUDENTS 199

QUALITY AND LIVING CONDITIONS OF POPULATION

Artem A. Fedotov
CLUSTER ANALYSIS OF REGIONS BY INDICATORS OF HUMAN POTENTIAL 212

Irina V. Maksimova, Yury A. Simagin
PROBLEMS OF HOUSING PROVISION OF POPULATION IN SMALL TOWNS OF RUSSIA 226

Evgeny V. Morgunov
THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY 239

Dmitry M. Loginov
BARRIERS TO DEVELOPMENT OF RUSSIAN CHILDREN'S EDUCATIONAL POTENTIAL: SCOPE AND DIFFERENTIATION 252

Sergey V. Kroshilin, Elena I. Medvedeva
THE VECTOR OF MODERNIZATION OF EDUCATION: FORCED ADJUSTMENTS UNDER THE INFLUENCE OF DEMOGRAPHIC INDICATORS 264

Aziza V. Yarasheva, Dmitry I. Markov
SAVING BEHAVIOR, ATTITUDES, AND EXPECTATIONS OF RUSSIAN YOUTH 277

Valery V. Fedorov, Dmitry I. Markov
RUSSIANS' TRUST IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PERSONAL FINANCE 289

Igor V. Pilipenko
THE DYNAMICS OF FOOD PURCHASING POWER OF WAGES OF THE POPULATION OF THE RSFSR AND THE UNION REPUBLICS FROM 1970 TO 1990 302

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-4-14
EDN: GKYHXK

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ — МИГРАЦИОННЫХ РЕЦИПИЕНТОВ РФ И РОЛЬ МИГРАНТОВ ИЗ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ

Рыбаковский О.Л.

ИСД ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)
E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:
Рыбаковский О.Л. Демографический потенциал регионов — миграционных реципиентов РФ и роль мигрантов из государств Центральной Азии в его формировании // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 4-14. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-4-14; EDN: GKYHXK

Аннотация. *Объект исследования — демографический потенциал регионов — межрегиональных миграционных реципиентов России (2001–2024 гг.). Цель исследования — характеристика этого потенциала и выявление роли мигрантов из Центральной Азии в его формировании (2014, 2018–2021 гг.). Методы исследования — демографический статистический анализ. Источник статистики для расчётов — Росстат. Миграционный прирост населения из Центральной Азии остаётся основным внешним компенсатором депопуляции РФ. Ощутимые региональные различия в нём имеются между двумя столицами, «курортными» регионами юга, Тюменской областью, Европейскими и Азиатскими локальными миграционными реципиентами РФ и прочей её частью. Для современных мигрантов, «трансформирующихся» из временных в постоянных, важнейшими условиями выбора направлений являются: уровень зарплат, наличие занятости, стоимость аренды жилья. Интенсивность миграционного прироста из Центральной Азии в два первых макрорегиона существенно ниже, чем в среднем по России. Это объясняется как дороговизной аренды жилья, так и (для Санкт-Петербурга) отраслевыми ограничениями для мигрантов стран не из ЕАЭС. Интенсивность миграционного прироста из Центральной Азии в «курортные» регионы юга РФ также ниже общероссийской: здесь помимо дороговизны жилья существуют высокая конкуренция со стороны межрегиональных переселенцев — россиян и сезонный характер занятости во многих сферах. Интенсивность миграционного прироста из Центральной Азии в Тюменскую область существенно выше общероссийской: есть тяжелая, но хорошо оплачиваемая работа. Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в локальные межрегиональные миграционные реципиенты, за исключением «курортных», также существенно выше общероссийской. Суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. в сравнение с 2014 г. в миграционном приросте как РФ в целом, так и в её межрегиональных миграционных реципиентах, заметно сокращение доли выходцев из Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана за счёт роста доли выходцев из Таджикистана.*

Ключевые слова: *демографический потенциал, миграционный прирост, депопуляция, мигранты из Центральной Азии, переписные поправки.*

© Рыбаковский О.Л., 2026

Постановка проблемы, методы исследования, источники информации

Главная демографическая проблема РФ — депопуляция, или естественная убыль большинства её коренных народов, прежде всего, русских. Миграционный прирост населения из стран Центральной Азии остаётся основным внешним компенсатором этой убыли. Всё сильнее нарастает замещение коренных народов России выходцами из данных экономически слаборазвитых государств с малограмотным населением и мусульманским вероисповеданием. Процесс этот в последние годы идёт в основном за счёт трансформации временных мигрантов (трудовых, образовательных и др.) в постоянное население России с последующим приёмом части таких мигрантов и членов их семей в гражданство РФ [1]. Так, «в 2025 году паспорта РФ были выданы более чем 78 тыс. таджикистанцев. В 2024 г. их число составило 42,5 тыс. человек»[1].

Объект исследования в предлагаемой статье — демографический потенциал регионов — межрегиональных миграционных реципиентов России[2] в 2001–2024 годы. Предмет исследования — характеристика этого потенциала и выявление роли мигрантов из государств Центральной Азии в его формировании в последние годы (за 2018, 2019 и 2021). Методы исследования — демографический статистический анализ, в том числе балансовый метод. Отбор регионов России в группу миграционных реципиентов проведён по итоговым и частным сальдо постоянной межрегиональной миграции населения за период с 2001 по 2010 годы. Выбор периода отбора регионов объясняется тем, что с 2011 г. Росстат изменил методику учета постоянной миграции и постоянного населения РФ [2, С. 189–194], фактически смешав временную и постоянную миграцию населения и тем самым, по нашему мнению, ухудшив эту текущую статистику. Относительные показатели, использованные в работе, — отношения миграционного прироста регионов РФ из стран Центральной Азии ко всему их такому приросту из-за рубежа или к аналогичному приросту РФ из Центральной Азии.

Источник статистики для расчётов — Росстат, его база данных ЕМИСС и ежегодные отчёты по 2024 год. Более свежей информации в открытом доступе нет. Вследствие того, что поправки трёх переписей населения РФ (2002, 2010 и 2020 гг.) вызывают у исследователей вопросы [2; 3], и большая часть поправок имеет «миграционное происхождение» [2], разнести (разделить) их на межрегиональные и зарубежные для регионов итоги не представляется возможным [4]. И для характеристики миграционных потоков в работе используются лишь текущие данные Росстата. Анализ миграционных потоков из государств Центральной Азии проведён по суммарным данным за 2018, 2019 и 2021 гг., данных по 2020 г. нами не найдено, а данные за 2022 г. нетипичны из-за значительного оттока населения РФ после начала СВО. Для сравнения имеется аналогичная информация за 2014 г. (без учёта Крыма).

С 2008 г. статистика о национальном составе иммигрантов не предоставляется. Можно предполагать, какая доля титульных народов Центральной Азии находится в миграционных потоках из этих государств. По нашим оценкам, она с начала XXI в. стремительно растёт, так как оставшаяся доля русских в странах Средней Азии мала, а доля мигрантов из Казахстана в Россию сокращается. При подведении итогов по группам субъектов РФ надо иметь ввиду, что суммировать итоговые сальдо межрегиональной и/или внешней для регионов миграции населения без учёта обмена населением этих территорий между собой некорректно. Данные же о межрегиональной миграции Росстат предоставлял в XXI в. по 2019 г., но не всегда и не в открытом доступе.

Под демографическим потенциалом в данной работе мы подразумеваем лишь его часть — «текущие демографические возможности» [5] регионов, то есть численности их

[1] Посол РФ: Таджикистанцы проявляют высокий интерес к получению гражданства России // ТАСС, 11.05.2026. – URL : https://tass.ru/obschestvo/27372259 (дата обращения: 14.05.2026).

[2] Анализ проведён без учёта информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

постоянного населения, уровни воспроизводства и миграции населения за рассматриваемый период. С 2008 г. нами используются термины «основные и локальные межрегиональные миграционные реципиенты» РФ [6]. Основные миграционные реципиенты России — те регионы, которые имеют положительное сальдо межрегиональной миграции в обмене населением с подавляющим числом прочих регионов страны. Локальные миграционные реципиенты России — регионы, которые имеют положительное итоговое сальдо межрегиональной миграции и/или положительные сальдо межрегиональной миграции в обмене населением со смежными/соседними регионами, за исключением основных миграционных реципиентов России. В определениях используется лишь межрегиональная миграция, ибо все субъекты РФ в рассматриваемый период суммарно имели положительные сальдо зарубежной миграции, по которым их ранжировать нет смысла.

Обзор литературы частично представлен в вышеизложенном тексте, добавим следующее. Данная проблематика была и/или остаётся в центре внимания таких исследователей как Л.Л. Рыбаковский и Н.И. Кожевникова [7], Т.К. Ростовская и В.А. Безвербный [8], О.Д. Воробьева [9], В.Г. Доброхлеб [10], А.Е. Иванова и А.В. Топилин [9] и другие. Изучением миграции населения из стран Центральной Азии и её влияния на демографию России и её регионов занимались и/или занимаются такие исследователи как Л.Л. Рыбаковский [11], С.В. Рязанцев [12], Г.И. Осадчая и О.А. Волкова [13], Е.С. Красинец [14], В.Ю. Леденева [15], Е.П. Сигарева [16], Т.Н. Юдина [13] и другие. (Не раскрываем содержание работ данных исследователей вследствие ограниченности объёма статьи, их тексты представлены в Интернете). Отметим, что эти труды касаются демографической дифференциации регионов России, факторов этих различий, миграционной проблематики отдельных стран Центральной Азии, СНГ, ближнего зарубежья. Миграция населения из этих территорий рассмотрена для РФ в целом, её отдельных федеральных округов либо регионов. В работах Е.П. Сигаревой и С.Ю. Сивоплясовой [16] дана оценка влияния внешней миграции на рождаемость населения РФ. В представленной работе этот вопрос не затрагивается. В таком конкретном ракурсе, как в данной статье, трудов ранее не представлено.

Результаты и обсуждение

Центрами притяжения как зарубежных, так и межрегиональных мигрантов в России являются регионы — основные и локальные межрегиональных миграционные реципиенты (в дальнейшем, для краткости, — основные и локальные миграционные реципиенты). Основными миграционными реципиентами страны являются Московский, Ленинградский и Краснодарский макрорегионы, включающие пары субъектов РФ: Москву и Московскую область; Санкт-Петербург и Ленинградскую область; Краснодарский край и Республику Адыгея соответственно. Каждая пара представляет собой единое миграционное пространство, поэтому рассмотрение миграционных процессов в отдельных из этих субъектов РФ для понимания общей картины миграционной ситуации в стране необходимо, по возможности, дополнять и рассмотрением аналогичных процессов в этих парах — макрорегионах [17].

Московский макрорегион суммарно за 2001–2019 гг. получил миграционный прирост из-за рубежа в 510 тыс. человек[3], Ленинградский — 171, Краснодарский — 204. Три макрорегиона в сумме добавили 885 тыс. человек, или 24% всего миграционного прироста РФ. В 2020–2022 гг. эта доля выросла до 31% (183 тыс. человек). По нашей оценке, в 2001–2019 гг. с учётом обмена населением данных шести субъектов РФ между собой суммарно они имели положительный межрегиональный миграционный прирост не менее 2,5 млн человек. Естественная убыль трёх столичных макрорегионов в 2001–2019 гг. составила 1,5 млн человек, или 1/5 от общероссийской, в 2020–2024 гг. — 0,5 млн человек, или 1/7 от общероссийской. Поправки трёх

[3] Здесь и далее корректнее было бы использовать единицы измерения «постоянных миграций», а не «человек», так как отдельные перемещения в длительный период времени могут совершать одни и те же люди.

переписей населения РФ по данной группе субъектов РФ составили плюс 5,4 млн человек при общероссийских плюс 4,3 млн человек. Для сравнения: поправки трёх переписей населения РФ без учёта трёх столичных макрорегионов и шести республик Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) за тот же период были равны минус 2,2 млн человек. С учётом переписных поправок численность постоянного населения трёх макрорегионов за 19 лет выросла на 8,4 млн человек, а в 2001–2024 гг. — на 9,4 млн человек. Доля этих шести субъектов РФ в населении страны выросла с начала 2001 г. до начала 2025 г. с 18% до 25% (без учёта Республики Крым и города Севастополя). За этот же период численность населения остальной России сократилась на 10,6 млн человек: со 118,1 до 107,5 млн человек. Численность населения РФ без учёта трёх макрорегионов и шести республик СКФО за период снизилась на 12,9 млн человек.

Московский макрорегион суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получил миграционный прирост из-за рубежа 124 тыс. человек, Ленинградский — 32, Краснодарский — 55 тыс. человек. Три макрорегиона в сумме добавили 212 тыс. человек — это 25% всего миграционного прироста РФ. Для сравнения: в 2014 г. эта доля составляла лишь 20% (53 тыс. человек). Миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. составил: в Московском макрорегионе 40 тыс. человек (32% от всего прироста из-за рубежа данной агломерации), в Ленинградском — 8 (25%), Краснодарском — 18 тыс. человек (32%). Доля миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии в три макрорегиона во всём приросте РФ составила всего 15%. Для сравнения: в 2014 г. эта доля была выше — 19% (10 тыс. человек).

Можно сделать вывод, что интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в три первых макрорегиона в 2014 г. и суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. была существенно ниже, чем в среднем по России. По шести субъектам ощутимые различия были между двумя первыми мегаполисами и окружающими их областями. Так, миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии в Московскую область почти в 6 раз превышал аналогичный объём в Москву. Доля миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии во всём приросте из-за рубежа в Ленинградской области была в 3 раза выше, чем в Санкт-Петербурге (39% и 13%).

Отдельного рассмотрения требует Тюменская область, как и три входящих в её состав территории. В рассматриваемый период она являлась единственным регионом России, имевшим как естественный, так и миграционный прирост населения. В 2001–2019 гг. миграционный прирост из-за рубежа составил 191 тыс. человек, естественный прирост — 383 тыс. человек. Оба прироста были положительными во всех трёх частях области. С учётом переписных поправок численность постоянного населения Тюменской области за 2001–2024 гг. увеличилась на 0,7 млн человек. Область суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получила миграционный прирост из-за рубежа 49 тыс. человек. При этом миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии составил 36 тыс. человек, или 73% от всего прироста из-за рубежа данной территории. Для сравнения: в 2014 г. эта доля составляла лишь 49% (7 тыс. человек). По трём частям области различия в доле миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии во всём приросте из-за рубежа суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. были ощутимые: Ханты-Мансийский — Югра АО (ХМАО) — 81%, Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО) — 44%, южная часть области — 73%.

Круг локальных миграционных реципиентов за последние 25 лет менялся незначительно, и основная их часть с 2001 г. осталась в данной группе регионов. Это в Европейской России: Белгородская, Воронежская, Ярославская и Калининградская области; Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области; Ставропольский край. Некогда благополучная Белгородская область после начала СВО выбыла из этого списка. Республика Крым и город Севастополь (по статистике с 2015 г.) также входят в данную группу. В Азиатской части России локальными

миграционными реципиентами мы считаем Свердловскую, Новосибирскую и Томскую области; Приморский и Хабаровский края [18].

Положительный либо близкий к нулю межрегиональный миграционный прирост в целом за 2001–2019 гг. имели все Европейские и Сибирские локальные миграционные реципиенты. Лишь два края Дальневосточного ФО теряли население в обмене с прочей частью РФ (в сумме не менее 100 тыс. человек). В 2001–2019 гг. миграционный прирост из-за рубежа указанных 15-ти субъектов РФ составил 0,9 млн человек, в 2020–2022 гг. — 0,1 млн человек. Естественная убыль 13-ти регионов (без учёта Республики Крым и города Севастополь) в 2001–2024 гг. была равна 2,9 млн человек, или 28% от общероссийской.

Поправки трёх переписей населения РФ по 15 субъектам РФ составили в сумме плюс 225 тыс. человек. При этом Ярославская, Нижегородская, Свердловская и Томская области, а также Приморский и Хабаровский края имели суммарно отрицательные поправки 474 тыс. человек, остальные 9 регионов группы — положительные 699 тыс. человек. С учётом переписных поправок численность постоянного населения 13 регионов (без учёта Республики Крым и Севастополя) в 2001–2024 гг. сократилась на 1,5 млн человек: с 31,6 до 30,1 млн человек (с 22% до 21% от РФ). Численность постоянного населения Крыма выросла в 2015–2024 гг. на 160 тыс. человек, несмотря на естественную убыль 112 тыс. человек. Все 15 регионов суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получили миграционный прирост из-за рубежа 231 тыс. человек, или 28% всего такого прироста РФ. Для сравнения: в 2014 г. эта доля (без учёта Республики Крым и города Севастополь) составляла 21% (57 тыс. человек). Миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии в 15 территорий суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. составил 132 тыс. человек, или 57% от их миграционного прироста из-за рубежа. По субъектам ощутимые различия в долях миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии во всём приросте из-за рубежа были между южными территориями Европейской части РФ (Республика Крым и Севастополь, Белгородская область, Ставропольский край (7–25%)) и Азиатской частью России, а также Ярославской, Калининградской, Самарской областями и Республикой Татарстан (72–96%).

Суммарно по всем рассмотренным выше территориям имеем следующую картину. С учётом переписных поправок (плюс 5,7 млн человек) и без учёта Республики Крым и Севастополя численность постоянного населения данных регионов в 2001–2024 гг. выросла на 8,6 млн человек: с 61,6 до 70,2 млн человек, или с 43% до 50% от населения РФ. Естественная убыль всех этих регионов, за исключением Тюменской области, в 2001–2024 гг. составила 5,1 млн человек, или 49% от общероссийской. За 2001–2022 гг. основные и локальные межрегиональные миграционные реципиенты имели миграционный прирост из-за рубежа в сумме свыше 2,2 млн человек, или 53% всего миграционного прироста РФ. Данная группа регионов суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получила миграционный прирост из-за рубежа 492 тыс. человек, или почти 60% от всего миграционного прироста РФ. При этом миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии составил 234 тыс. человек. Это 47% миграционного прироста данных территорий из-за рубежа. Доля миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии в эти регионы во всём таком приросте РФ суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. составила 54%.

РФ в целом за эти три года имела миграционный прирост из-за рубежа 840 тыс. человек, в том числе из пяти государств Центральной Азии 435 тыс. человек или 52% от всего прироста. Для сравнения: в 2014 г. эта доля составляла 43% (115 тыс. человек). Остальная часть РФ (помимо её межрегиональных миграционных реципиентов) суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получила миграционный прирост из-за рубежа 347 тыс. человек, или 41% всего такого прироста страны. Из государств Центральной Азии прирост составил 201 тыс. человек, или 58% от всего их миграционного прироста из-за рубежа. При этом в тех из этих регионов, что расположены в европейской части,

доля аналогичного прироста составила 48%, в азиатских — 79%.

По миграционному приросту всех рассмотренных выше территорий из отдельных стран Центральной Азии статистика за эти три года следующая. Максимальной в миграционном приросте РФ из Центральной Азии была доля выходцев из Таджикистана: по РФ в целом — 40%, по всей группе миграционных реципиентов — 37%, по Тюменской области в целом — 56%. Лишь по группе 15 локальных миграционных реципиентов эта доля (32%) была незначительно ниже, чем у выходцев из Казахстана (35%). Последние по РФ в целом составляли 26%, по Тюменской области в целом — 23%, по Московскому макрорегиону — 12% их миграционного прироста из Центральной Азии. Третье/четвёртое места делили между собой Кыргызстан и Узбекистан: по РФ в целом — 15% и 14% соответственно, по всей группе миграционных реципиентов — 13% и 16%, по Тюменской области в целом — 12% и 8%, по группе 15 локальных миграционных реципиентов — по 15%. Туркменистан составлял в миграционном приросте РФ из Центральной Азии лишь 4% (5% по Московскому макрорегиону, 0% по Тюменской области в целом).

По Ленинградскому макрорегиону данные не приводим, так как они от года к году диаметрально меняются (издержки порядка учёта постоянной миграции и постоянного населения Росстатом с 2011 г.). Так, в 2019 г. в северном столичном макрорегионе была миграционная убыль населения в Кыргызстан более 7,6 тыс. человек, хотя в 2018 г. и в 2021 г. наблюдался миграционный прирост 1,4 и 2,1 тыс. человек соответственно. Да и в 2014 г. территория имела миграционную убыль, но в Узбекистан (3,4 тыс. человек). Связано это ещё отчасти с тем, что во втором мегаполисе РФ введены региональные запреты для всех мигрантов, исключая из ЕАЭС, на занятость в такси, курьерской доставке и других сферах. А так как Росстат учитывает временных, в том числе трудовых мигрантов, как постоянное население при определённых условиях, то они и нарушают статистику миграции населения Санкт-Петербурга — началось это с 2011 года.

Остальная часть РФ (помимо её межрегиональных миграционных реципиентов) суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получила миграционный прирост из государств Центральной Азии в такой пропорции: из Таджикистана — 44%, Казахстана — 22%, Кыргызстана — 18%, Узбекистана — 12%, Туркменистана — 3%. При этом в тех из этих регионов, что расположены в Европейских федеральных округах, аналогичные пропорции заметно различались с Азиатскими. В регионах из Европейских федеральных округов было: из Таджикистана — 54%, Казахстана — 17%, Кыргызстана — 9%, Узбекистана — 14%, Туркменистана — 6%; из Азиатских: из Таджикистана — 32%, Казахстана — 28%, Кыргызстана — 29%, Узбекистана — 10%, Туркменистана — 0%. Для сравнения: в 2014 г. остальная часть РФ получила миграционный прирост из государств Центральной Азии в такой пропорции: из Таджикистана — 18%, Казахстана — 33%, Кыргызстана — 11%, Узбекистана — 37%, Туркменистана — 1%. Таким образом, в 2018–2021 гг. в сравнение с 2014 г. в миграционном приросте РФ из государств Центральной Азии заметно сокращение доли выходцев из Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана за счёт роста доли выходцев из Таджикистана.

В завершении скажем, что ещё 4 области Центрального ФО: Калужскую, Липецкую, Рязанскую и Тульскую — можно было бы отнести в группу локальных межрегиональных миграционных реципиентов страны, но по статистике только за последние годы. Надеемся исследовать миграционную ситуацию в данных субъектах РФ в дальнейшем.

Выводы

Методический вывод: суммировать итоговые сальдо межрегиональной и/или внешней для регионов миграции населения без учёта обмена населением этих территорий между собой некорректно. Миграционный прирост населения из стран Центральной Азии остаётся основным внешним компенсатором депопуляции в РФ. Нарастает замещение коренных народов России выходцами из данных государств с нетрадиционны-

ми для России культурными и социально-экономическими традициями. Процесс этот в последние годы идёт в основном за счёт «трансформации» временных мигрантов в постоянное население РФ с последующим приёмом части таких мигрантов и членов их семей в гражданство страны.

Миграционный прирост из государств Центральный Азии в регионы России в последние годы в целом идёт неравномерно. Ощутимые региональные различия имеют место между двумя столицами, «курортными» регионами юга, Тюменской областью, европейскими и азиатскими локальными межрегиональными миграционными реципиентами, а также между территориями остальной части страны. Приграничные к Казахстану территории имеют в данной ситуации географическое преимущество. Для современных мигрантов, «трансформирующихся» из временных в постоянных, важнее уровень зарплат, наличие занятости и стоимость аренды жилья. Эти факторы и определяют направления и объёмы потоков мигрантов в регионы России.

Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в три первых макрорегиона по миграционному притоку в 2014 г. и суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. была существенно ниже, чем в среднем по России. Это объясняется: для Москвы — дороговизной жилья и его аренды, для Санкт-Петербурга — ещё и отраслевыми ограничениями для мигрантов из всех стран. Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в «курортные» регионы юга РФ также ниже общероссийской: здесь помимо дороговизны жилья иностранные мигранты сталкиваются как с высокой конкуренцией со стороны межрегиональных переселенцев — россиян, так и с сезонным характером занятости во многих сферах. Суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. доля миграционного прироста из стран Центральной Азии во всём таком приросте из-за рубежа составила: в Севастополе — 7%, Республике Крым — 13%, Ставропольском крае — 25%.

Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в Тюменскую область существенно выше общероссийской, так как есть тяжёлая, но хорошо оплачиваемая работа в сферах добычи нефти, газа и связанных с ними. Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в локальные межрегиональные миграционные реципиенты, за исключением «курортных», также существенно выше общероссийской. Так, суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. доля миграционного прироста из стран Центральной Азии во всём таком приросте из-за рубежа составила: в Новосибирской области — 96%, Ярославской области — 93%, Хабаровском крае — 89%, Томской области и Приморском крае — по 86%. При исследовании миграционного прироста из отдельных стран Центральной Азии выявлено, что в 2018–2021 гг. в сравнение с 2014 г. в миграционном приросте как РФ в целом, так и её межрегиональных миграционных реципиентов, заметно сокращение доли выходцев из Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана за счёт роста доли выходцев из Таджикистана.

Остальная часть РФ (помимо её межрегиональных миграционных реципиентов) имела аналогичные сдвиги в пропорциях миграционного прироста из государств Центральной Азии. При этом в тех из этих регионов, что расположены в европейских федеральных округах, аналогичные пропорции заметно различались с азиатскими. В регионах из европейских федеральных округов доля выходцев из Таджикистана в целом достигала 54%, Казахстана — 17%; из азиатских — из Таджикистана лишь 32%, Казахстана — 28%. Географическая соудалённость всегда являлась важным фактором миграции населения.

Литература и Интернет-источники

1. ***Рыбаковский, О.Л.*** Трудовая миграция как потенциал роста населения России / О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // Народонаселение. — 2018. — № 4. — С. 58–67. EDN: YVSQCL
2. Миграционные процессы в России / под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. — Москва : Экон-информ, 2014. — 383 с. EDN: YTKXUN
3. ***Зубаревич, Н.В.*** «Лукавые цифры» на карте Родины / Н.В. Зубаревич // ЭКО. — 2012. — № 4. — С. 74–85. EDN: OXWZWX
4. ***Рыбаковский, О.Л.*** Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки / О.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 71–82. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-71-82; EDN: HGRXPV
5. ***Рыбаковский, О.Л.*** Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы / О.Л. Рыбаковский // Уровень жизни населения регионов России. — 2023. — № 3. — С. 319–326. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326; EDN: CQKRYK
6. ***Рыбаковский, О.Л.*** Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа / О.Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-Информ, 2008. — 287 с. EDN: QOPJBJ
7. ***Рыбаковский, Л.Л.*** Региональная дифференциация результативности демографических процессов / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования. — 2020. — № 3(40). — С. 8–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-8-17; EDN: AGSUFU
8. ***Ростовская, Т.К.*** Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России / Т.К. Ростовская, В.А. Безвербный, А.М. Ситковский, С.В. Рославцев // Уровень жизни населения регионов России. — 2025. — Т. 21. — № 4. — С. 602–617. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617; EDN: YZRFOF
9. ***Воробьева, О.Д.*** Региональная дифференциация демографической динамики России и роль здравоохранения / О.Д. Воробьева, А.Е. Иванова, Г.В. Ниорадзе, А.В. Топилин // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2023. — Т. 31. — Спецвыпуск 2. — С. 1275–1281. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281; EDN: VSJADQ
10. ***Доброхлеб, В.Г.*** К оценке различий человеческого потенциала мужчин и женщин в регионах России / В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 17–24. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-17-24; EDN: XUULQP
11. ***Рыбаковский, Л.Л.*** Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России / Л.Л. Рыбаковский // Уровень жизни населения регионов России. — 2023. — № 3. — С. 327–337. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337; EDN: EIOOWG
12. ***Рязанцев, С.В.***, Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию / С.В. Рязанцев, Б.А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2024. — Т. 4. — № 3. — С. 105–118. DOI: 10.19181/demis.2024.4.3.7; EDN: XOJKLU
13. ***Осадчая, Г.И.***, Семейные ценности и ролевые установки мигранток из Центральной Азии / Г.И. Осадчая, О.А. Волкова, Т.Н. Юдина, М.В. Рославцева // Женщина в российском обществе. — 2024. — № 4. — С. 84–100. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.6; EDN: BVXNBG
14. ***Красинец, Е.С.***, Миграционная составляющая демографической динамики в развитии человеческого капитала современной России / Е.С. Красинец // Миграционное право. — 2021. — № 1. — С. 11–14. DOI: 10.18572/2071-1182-2021-1-11-14; EDN: WFUCEI
15. ***Леденева, В.Ю.***, Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов / Ю.В. Леденева, Х.А. Рахмонов // Вестник МГИМО-Университета. 2023. — Т. 16. — № 6. — С. 250–269. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269; EDN: PUEKNQ
16. ***Сигарева, Е.П.*** Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России / Е.П. Сигарева, С.Ю. Сивоплясова // Научный результат. Социология и управление. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 68–91. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6; EDN: MSHYXI
17. ***Рыбаковский, О.Л.*** Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет: [монография] / О.Л. Рыбаковский. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 471 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021; EDN: CCHKVJ

18. ***Рыбаковский, О.Л.*** Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века / О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 4–14. DOI: 10.26653/1561-7785-2019-22-3-01; EDN: TKGVHP

Сведения об авторе:
Рыбаковский Олег Леонидович, д.э.н., главный научный сотрудник, ИСД ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; SPIN-код РИНЦ: 7022–5369.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-4-14

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF REGIONS — MIGRATION RECIPIENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE ROLE OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN STATES IN ITS FORMATION

Oleg L. Rybakovsky
ISD FCTAS RAS
(6, korpus 1, Fotievoy str., Moscow, Russia,119333)
E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:
Rybakovsky O.L. Demographic potential of regions — migration recipients of the Russian Federation and the role of migrants from Central Asian states in its formation. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 4-14. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-4-14 (in Russ.)

Abstract. *The object of this study is the demographic potential of regions — interregional migration recipients in Russia (2001–2024). The main objectives of the study are characterizing this potential and identifying the role of migrants from Central Asia in its formation in recent years (2018, 2019, and 2021). The research method is demographic statistical analysis. The source of statistics for the calculations is Rosstat. Migration growth from Central Asian countries remains the main external compensator for depopulation in the Russian Federation. Significant regional differences exist between the two capitals, the southern resort regions, Tyumen Oblast, European and Asian local migration recipients of the Russian Federation, and the rest of the country. For modern migrants «transforming» from temporary to permanent, the most important factors in choosing their destination are wage level, employment, and rental housing costs. The intensity of migration growth from Central Asia to the first two macroregions is significantly lower than the Russian average. This explained by high rental housing costs in Moscow and by industry-specific restrictions for migrants from all countries in St. Petersburg. The migration rate from Central Asian countries to the resort regions of southern Russia is also lower than the national average. Here, in addition to high housing costs, foreign migrants face both intense competition from interregional migrants — Russians and seasonal nature of employment in many sectors. The migration rate from Central Asian countries to Tyumen Oblast is significantly higher than the national average, as there are challenging but well-paid jobs available. The rate of net migration from Central Asian countries to local interregional migration destinations, with the exception of resort destinations, is also significantly higher than the Russian average. In 2018, 2019, and 2021, compared to 2014, both the Russian Federation as a whole and its interregional migration destinations saw a significant decrease in the share of immigrants from Uzbekistan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan, due to an increase in the share of immigrants from Tajikistan. The rest of the Russian Federation experienced similar shifts in the proportions of net migration from Central Asia.*
Keywords: *demographic potential, migration increase, depopulation, migrants from Central Asia, census amendments.*

References and Internet sources

1. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Trudovaya migratsiya kak potentsial rosta naseleniya Rossiyi [Labor migration as the growth potential of the population of Russia]. Narodonaselenie [*Population*]. 2018. No. 4. P. 58–67. (in Russ.)
2. Migratsionnyje protsessy v Rossii [*Migration Processes in Russia*]. Eds. V.V. Lokosov, L.L. Rybakovsky. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2014. 383 p. (in Russ.)
3. Zubarevich N.V. «Lukavyye tsifry» na karte Rodiny [«Cunning figures» on the map of Russia]. EKO [ECO]. 2012. No. 4. P. 74–85. (in Russ.)
4. Rybakovsky O.L. Balans naseleniya regionov Rossii v 1992–2023 gg. i perepisnyye popravki [Population balance of the regions of Russia in 1992–2023 and census corrections]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 71–82. (in Russ.)
5. Rybakovsky O.L. Demograficheskiy potentsial: sushchnost', struktura i osnovnyye factory [Demographic potential: essence, structure and main factors]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2023. No. 3. P. 319–326. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326 (in Russ.)
6. Rybakovsky O.L. Migratsii naselenija mezhdu regionami: problemy metodologii i metodiki analiza [*Migration between Regions: Issues of Methodology and Analysis Techniques*]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2008. 287 p. (in Russ.)
7. Rybakovsky L.L., Kozhevnikova N.I. Regional'naya differentsiatsiya rezul'tativnosti demograficheskikh protsessov [Regional differentiation of efficiency of demographic processes]. Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [*Social and Labor Research*]. 2020. Vol. 40. No 3. P. 8–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-8-17 (in Russ.)
8. Bezverbny V. A, Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M., Roslavtsev S.V. Vzaimosvyazi demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh pokazateley razvitiya regionov Rossii [The interrelationship of demographic and socio-economic indicators of regional development in Russia]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2025. Vol. 21. No. 4. P. 602–617. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617 (in Russ.)
9. Nioradze G.V., Topilin A.V., Vorobyova O.D., Ivanova A.E. Regional'naya differentsiatsiya demograficheskoy dinamiki Rossii i rol' zdravookhraneniya [Regional differentiation of demographic dynamics in Russia and the role of healthcare]. Problemy sotsialnoj gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. [*Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*]. 2023. Vol. 31. Special issue 2. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281:1275-1281 (in Russ.)
10. Dobrokhleb V.G. K otsenke razlichiy chelovecheskogo potentsiala muzhchin i zhenshchin v regionakh Rossii [On the issue of assessing the differences in the human potential of men and women in the regions of Russia]. Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 17–24. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-17-24 (in Russ.)
11. Rybakovsky L.L. Migratsionnaya komponenta i yeyo vklad v demograficheskoye razvitiye sovremennoy Rossii [The migration component and its contribution to the demographic development of modern Russia]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2023. No 3. P. 327–337. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337 (in Russ.)
12. Ryazantsev S.V., Sydygalieva B.A. Novyye trendy migratsii iz Kyrgyzstana v Rossiyskuyu Federatsiyu [New trends in migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation]. DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya [*DEMIS. Demographic Research*]. 2024. Vol. 4. No. 3. P. 105–118. DOI: 10.19181/demis.2024.4.3.7 (in Russ.)
13. Osadchaya G.I., Volkova O.A., Yudina T.N., Roslavtseva M.V. Semeynyye tsennosti i rolevyye ustanovki migrantok iz Tsentral'noy Azii [Family values and roles of migrant women from Central Asia]. Zhenshchina v rossijskom obshchestve [*Woman in Russian Society*]. 2024. No. 4. P. 84–100. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.6 (in Russ.)
14. Krasinets E.S. Migratsionnaya sostavlyayushchaya demograficheskoy dinamiki v razvitii chelovecheskogo kapitala sovremennoy Rossii [Migration component of demographic dynamics in the development of human capital in modern Russia]. Migratsionnoye pravo [*Migration Law*]. 2021. No. 1. P. 11–14. DOI: 10.18572/2071-1182-2021-1-11-14 (in Russ.)

15. Ledeneva V. Yu., Rakhmonov A. Kh. Vliyaniye «migratsionnogo potentsiala» na ekonomicheskoye i demograficheskoye razvitiye stran-donorov i stran-retsipiyentov [The impact of 'migration potential' on the economic and demographic development of donor and recipient countries]. Vestnik MGIMO-Universiteta [*MGIMO Review of International Relations*]. 2023. Vol. 16. No. 6. P. 250–269. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269 (in Russ.)
16. Sigareva E.P., Sivoplyasova S. Yu. Vliyaniye vneshney migratsii na brachnost' i rozhdayemost' v sovremennoy Rossii [The impact of external migration on marriage and fertility in modern Russia]. Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye [*Research Result. Sociology and Management*]. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 68–81. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6 (in Russ.)
17. Rybakovsky O.L. Zakonomernosti i osobennosti mezhregional'nykh migratsionnykh svyazey naseleniya Rossii za 50 let [*Patterns and Features of the Interregional Migration Relations of the Russian Population for 50 Years*]. Moscow. FNISTs RAN [FCTAS RAS]. 2022. 471 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021 (in Russ.)
18. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Migratsionnaja situatsija na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale 21 veka [Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century]. Narodonaselenie [*Population*]. 2019. No. 3. P. 4–14. DOI: 10.26653/1561-7785-2019-22-3-01 (in Russ.)

Information about the author:
Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Chief Researcher, ISD FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; Elibrary SPIN-code: 7022–5369.

Статья поступила в редакцию 31.05.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-15-34
EDN: IXVVLD

ПЕРСПЕКТИВНАЯ ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕВЫХ ОРИЕНТИРОВ РОЖДАЕМОСТИ

Шабунова А.А.*, Калачикова О.Н., Короленко А.В.

Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56А)

**E-mail: aas@volnc.ru*

Для цитирования:
Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В. Перспективная динамика численности и возрастной структуры населения в контексте целевых ориентиров рождаемости // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 15-34. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-15-34; EDN: IXVVLD

Аннотация. *Определение целевых ориентиров демографического развития является одним из важных этапов и способов оценки эффективности реализуемых мер. При этом национальная цель развития РФ — сохранение населения, то есть, преодоление депопуляции. В этой связи особую актуальность приобретает сценарное прогнозирование динамики численности населения. В данной статье с помощью нормативного сценария повышения рождаемости до целевых значений суммарного коэффициента рождаемости выявлено, что только за счёт данного компонента достичь сохранения численности населения невозможно, потребуется снижение смертности и, вероятно, стимулирование постоянной миграции. Ещё одним важным аспектом перспективной динамики численности и структуры населения является соотношение когорт трудоспособного и нетрудоспособного возрастов. В условиях демографического старения поэтапное повышение пенсионного возраста компенсирует прирост численности группы старше трудоспособного возраста только до 2028 г. даже при условии достижения целевых показателей рождаемости и сохранения параметров смертности на уровне 2024 года. Кроме того, выявлено сохранение региональных различий динамики численности и структуры населения, что требует продолжения усиления региональной компоненты демографической политики. Исследование проведено на материалах субъектов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) РФ. Но его результаты могут быть использованы и в других регионах России, так как большинство субъектов РФ имеет динамику численности и возрастную структуру населения сходную той, что есть в регионах СЗФО.*

Ключевые слова: *демографический прогноз, прогноз с учетом целевых показателей рождаемости населения, эффект повышения пенсионного возраста, Северо-Западный федеральный округ.*

© Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В., 2026

Введение

Одной из важнейших национальных целей развития России выступает сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи. Для её достижения определены целевые показатели, в частности «повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,6 к 2030 г. и до 1,8 к 2036 г., увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 г. и до 81 года к 2036 г.»[1]. Главными инструментами реализации этой цели являются национальные проекты «Семья» и «Продолжительная и активная жизнь», каждый из которых решает отдельные задачи. Если первый нацпроект ориентирован на «повышение рождаемости посредством увеличения числа семей с детьми, в том числе многодетных, их поддержки и укрепления семейных ценностей»[2], то второй направлен на «укрепление здоровья и повышение продолжительности жизни населения через совершенствование системы здравоохранения, повышение качества и доступности медицинских услуг»[3].

Серьёзным вызовом на пути воплощения в жизнь национальных приоритетов становится демографическое старение. Повышение доли пожилых людей в возрастной структуре населения может способствовать изменению его воспроизводства: смертность превышает рождаемость, что, несмотря на увеличение продолжительности жизни, в перспективе определяет процесс депопуляции [1, с. 113]. При этом последствия старения сложны, многообразны и проявляются на разных уровнях. На индивидуальном уровне увеличение продолжительности жизни ведёт к росту численности пожилых людей (демографический аспект), в результате чего возрастает нагрузка на трудоспособное население (экономический аспект), а также органы здравоохранения и социальной защиты населения (социальный аспект). На мезоуровне экономический аспект проявляется в изменении потребительского поведения «стареющих домохозяйств» (снижение потребления и увеличение накопления), за которым следуют уменьшение совокупного спроса и замедление темпов экономического роста. Социальный и демографический аспекты выражаются в изменении семейных (увеличение среднего возраста родителей) и ценностных установок. Макроуровень характеризуется увеличением нагрузки на бюджет и пенсионную систему страны (экономический аспект), а также изменением политики в отношении граждан пожилого возраста (социальный и демографический аспекты) [2, с. 93–94].

Как следствие, разнообразны и направления государственной политики по преодолению и смягчению негативных последствий старения. Ключевыми из них становятся адаптация пенсионных систем к изменяющимся условиям, включая повышение пенсионного возраста как наиболее простой инструмент сокращения численности пенсионеров [3, с. 122], и политика активного долголетия, предполагающая сохранение трудовой и социальной активности пожилых [4, с. 23]. В России реализуются оба направления. В 2018 году в стране проведена пенсионная реформа, в рамках которой осуществляется постепенное увеличение возраста выхода на пенсию (до 65 лет у мужчин и до 60 лет у женщин к 2028 г.). Политика активного долголетия реализуется через федеральные проекты «Старшее поколение», «Здоровье для каждого» и другие. В 2025 г. утверждена «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года», которая, в том числе, направлена на «создание условий для активного участия граждан старшего поколения в политической, социальной и иных сферах деятельности общества»[4].

[1] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309. – URL : http://www.kremlin.ru / acts / news / 73986 (дата обращения: 12.03.2026).

[2] Национальный проект „Семья" // Правительство РФ. – URL : http://government.ru / rugovclassifier / 915 / about / (дата обращения: 12.03.2026).

[3] Национальный проект „Продолжительная и активная жизнь" // Правительство РФ. – URL : http://government.ru / rugovclassifier / 917 / about / (дата обращения: 12.03.2026).

[4] Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 7 апреля 2025 г. № 830-р. – URL : http://

Несмотря на большое внимание к демографической повестке прогнозные оценки численности населения России, осуществлённые разными организациями и специалистами, свидетельствуют о её неизбежном снижении в ближайшие десятилетия. В работе А.И. Антонова и В.М. Карповой проведено сопоставление последнего доступного прогноза Росстата 2023 г. (на период до 2046 г.) со средними сценариями прогнозов ООН 2024 г., Института измерения показателей и оценки состояния здоровья (IHME) 2020 г. и Международного института прикладного системного анализа (IIASA) 2023 года. Сравнительный анализ показал, что средний вариант прогноза у всех организаций дает близкие результаты, и в перспективе ближайших двадцати лет численность населения России по наиболее вероятным сценариям сократится до 135,8–139,2 млн человек [5, с. 185]. При этом прогнозы Росстата в целом соответствуют расчётам отдельных научных коллективов (В.В. Юмагузин и М.В. Винник [6]). Снижение численности населения страны, демонстрируемое всеми прогнозами за исключением оптимистичного высокого варианта Росстата, обуславливается одновременным влиянием демографической структуры населения (сокращением численности женщин репродуктивного возраста, старением населения), а также сохранением низких показателей рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, и говорят о необходимости существенного расширения мер демографической политики, направленных как на повышение рождаемости, так и на снижение смертности, рост ожидаемой продолжительности жизни и преодоление разницы в её величине у мужчин и женщин [5, с. 189].

Для оценки результативности государственной политики в области народосбережения и перспектив демографической динамики России важным представляется учёт достижения её целевых ориентиров. В условиях старения, происходящего в России главным образом «снизу» [7, с. 69], крайне актуальной становится оценка изменения параметров возрастной структуры населения под влиянием реализуемых мер повышения рождаемости. Это определило направленность данного исследования — оценить достижимость цели народосбережения при увеличении рождаемости населения до целевых значений и проанализировать прогноз динамики возрастно-половой структуры, в частности, оценить эффект повышения пенсионного возраста для снижения демографической нагрузки когортами старше трудоспособного возраста. Для этого построен прогноз возрастно-половой структуры и численности населения регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) по сценариям сохранения современных демографических тенденций, и с учётом достижения целевых параметров рождаемости населения.

Важно отметить, что использование для практических целей среднего варианта прогноза как наиболее реалистичного критикуется специалистами. Так, Л.Л. Рыбаковский отмечал, что, исходя из стратегии демографического развития России, наряду с прогнозом-экстраполяцией, допускающим сохранение сложившихся тенденций, также необходимо применять нормативный прогноз, учитывающий соответствующее национальным интересам страны параметры динамики населения [8, с. 13]. Именно поэтому в данном исследовании помимо инерционного прогноза реализован нормативный, соответствующий целевым ориентирам государственной политики.

Материалы и методы

Наиболее точным и зарекомендовавшим себя методом оценки перспектив демографического развития, в том числе возрастной структуры населения, является метод компонент (или метод передвижки по возрастам), суть которого заключается в «отслеживании» движения отдельных когорт во времени в соответствии с заданными (прогнозными) параметрами трёх компонентов: рождаемости, смертности, миграции [9, с. 234]. Прогнозная численность

static.government.ru / media / files / 3s71wNjjcii0hB2DJxdhBlAJawkT1SBE.pdf (дата обращения: 12.03.2026).

населения в его рамках рассчитывается по формуле [9, с. 234]:

$$S_{(x+1)}^{(t+1)} = S_x^t P_x + M_x, \quad (1)$$

где — S_x^t возрастная численность населения на начало года (t), — $P_x = \frac{L_{x+1}}{L_x}$ коэффициент передвижки в следующий возраст, рассчитываемый как отношение чисел живущих по таблицам дожития в возрасте (*x*) и (*x*+1), — M_x сальдо повозрастной миграции. Для расчёта прогнозной численности детей в возрасте 0 лет используются данные о численности женщин репродуктивного возраста, их повозрастных коэффициентах рождаемости и вероятности выживания новорождённых [10, с. 297]:

$$N_0 = \sum_{x=15}^{4} N_x \delta L_{0,j}^{-}, \quad (2)$$

где — N_x численность детей, рождённых женщинами в возрасте *x*, δ — доля девочек или мальчиков среди родившихся, — $L_{0,j}^{-}$ среднее число живущих из таблиц смертности для данного пола. Численность старшей возрастной группы с открытым интервалом (85 лет и старше) вычисляется следующим образом [10, с. 296]:

$$\infty P_x^{\text{кон}} = (nP_{x-n}^{\text{нач}} + ? P_x^{\text{нач}}) \times T_x / T_{x-n}, \quad (3)$$

где T_x — число человеко-лет жизни в возрасте старше *x*, T_{x-n} — число человеко-лет жизни в возрасте старше *x*–*n*, $n,nP_{x-n}^{\text{нач}}$ и $\infty P_x^{\text{нач}}$ — численность населения в возрастной группе на начальный и конечный моменты прогноза, — начальный возраст в возрастном интервале от *x* до *x*+*n*.

Построение демографических прогнозов в данном исследовании осуществлялось по двум сценариям — инерционному и нормативному (сценарию повышения рождаемости). Выбор сценария повышения рождаемости объясняется наличием соответствующих целевых ориентиров, позволяющих рассчитать прогноз с учётом планируемой к реализации государственной демографической политики. Инерционный сценарий предполагает сохранение сложившихся тенденций рождаемости, смертности и миграции населения на протяжении всего прогнозного периода на уровне базового года (2023 г.). Во второй сценарий заложено равномерное ежегодное изменение показателей рождаемости, опирающееся на значения целевого индикатора (суммарного коэффициента рождаемости), установленные в Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 г..[5] В соответствии с этим документом рождаемость в стране должна увеличиться к 2035 г. на 28% [11, с. 34].

Прогнозирование осуществлялось на примере СЗФО и его отдельных регионов. Нами применен метод передвижки по возрастам с некоторыми допущениями о динамике демографических процессов. Первое из них касается сохранения режима воспроизводства населения каждого региона на уровне базового года на протяжении всего прогнозного периода, что подразумевает удерживание на одном и том же уровне основных структурных демографических показателей: половозрастных коэффициентов смертности, возрастных коэффициентов рождаемости и половозрастной структуры миграции для инерционного сценария [11, с. 34–35]. Второе допущение предполагает учёт возможных изменений только основных демографических процессов — рождаемости, смертности и миграции. В этом случае показатели брачности и разводимости, уровня жизни и образования населения и другие не рассматривались, поскольку допускается, что их влияние изначально заложено в количественные характеристики естественного и механического движения [12, с. 40]. Третье допущение заключается в едином для всех регионов СЗФО значении темпов изменения показателей рождаемости в рамках сценария её повышения. Ожидается, что начиная с 2030 года изменения в половозрастной структуре населения будут способствовать повышению её общих показателей. Активного репродуктив-

[5] Значение СКР к 2030 г. должно составить 1,593, к 2035 г – 1,8. Источник: „Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года" // Правительство РФ. – URL : http://static.government.ru / media / files / ZsnFICpxWknEXeTfQdmcFHNei2FhcR0A.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

ного возраста в этот период будут достигать поколения начала 2000-х гг. рождения, когда рождаемость в России начала расти. При этом наиболее заметно положительное влияние структурного фактора проявится среди родившихся в 2007 г. и нескольких последующих годах [13, с. 164]. Эмпирическую базу исследования составили официальные статистические данные Росстата по каждому региону СЗФО и по всему федеральному округу: численность постоянного населения по полу и возрасту на начало года по однолетним и пятилетним возрастным группам (на 1 января 2023 и 2024 гг.)[6], число умерших по полу и пятилетним возрастным группам (за 2023 г.)[7], число родившихся по полу (за 2022 и 2023 гг.)[8], возрастные коэффициенты рождаемости населения (за 2023 г.)[9], число прибывших и выбывших по полу и пятилетним возрастным группам (за 2023 г.)[10].

Результаты исследования

Прогноз возрастно-половой структуры населения. Построенные прогнозы позволили выделить типы регионов СЗФО по динамике численности населения с разным вкладом в нее трех основных возрастных групп. Первая группа характеризуется растущей прогнозной численностью населения либо за счёт всех возрастных групп (Ненецкий АО), либо только за счёт трудоспособного населения и населения старше трудоспособного возраста (Ленинградская и Калининградская области; табл. 1). При инерционном сценарии численность населения Калининградской области незначительно сократится, тогда как при нормативном вырастет. Среди регионов с убывающей прогнозной численностью населения можно выделить две группы: 1) в которых при сокращении численности населения трудоспособного и моложе трудоспособного возраста растёт численность населения старших возрастов (Санкт-Петербург, республики Карелия и Коми, области Мурманская, Вологодская и Архангельская) и 2) с сокращающейся численностью всех возрастных групп населения (области Новгородская и Псковская).

Поскольку акцент в исследовании сделан на эффекте политики повышения рождаемости населения, в начале остановимся на прогнозной динамике численности детей (возраст 0–15 лет). В большинстве субъектов СЗФО по обоим сценариям ожидается сокращение численности детей к 2035 г., наиболее существенное — в Новгородской и Вологодской областях. Очевидно, что главным вызовом для этих регионов выступит проблема замещения когорт трудоспособного населения. Увеличение численности детского населения прогнозируется лишь в Ненецком АО как по инерционному сценарию (на 8%), так и при условии достижения целевых демографических ориентиров (на 31%). Таким образом, эффект политики повышения рождаемости населения в АО составит 22%, что благоприятно скажется в последующем на трудовом потенциале региона.

Сценарий повышения рождаемости населения, хоть и не обратит вспять негативную тенденцию сокращения населения младшей возрастной группы в остальных регионах СЗФО, но заметно её «смягчит». Среди регионов с прогнозируемой убылью её численности наиболее выраженный позитивный эффект от реализации демографической политики испытают на себе Ленинградская и Мурманская области, Санкт-Петербург и Республика Карелия (прирост численности детей 0–15 лет по сравнению с инерционным сценарием составит 14%). В меньшей степени это отразится на численности детского населения Новгород-

[6] Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2024 года // Росстат. – URL : https://rosstat.gov.ru / folder / 11110 / document / 13284 (дата обращения: 18.08.2025).

[7] Число умерших по полу и 5-летним возрастным группам // ЕМИСС. – URL : https://www.fedstat.ru / indicator / 58775 (дата обращения: 18.08.2025).

[8] Данные, предоставленные Росстатом по запросу.

[9] Возрастные коэффициенты рождаемости // ЕМИСС. – URL : https://www.fedstat.ru / indicator / 30973 (дата обращения: 18.08.2025).

[10] Число прибывших и выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения. Миграция (витрины) // Росстат. – URL : https://rosstat.gov.ru / folder / 12781 (дата обращения: 18.08.2025).

Таблица 1

Динамика прогнозной численности населения регионов СЗФО к 2035 г. по сравнению с базовым 2024 г. (инерционный сценарий и сценарий повышения рождаемости), человек, %

Table 1

Dynamics of the projected population of the Northwestern Federal District regions by 2035 compared to the baseline year of 2024 (inertial scenario and scenario of increased birth rates), people, %

Регион (ФО, АО, область, город, республика)	Изменение численности всего населения				Изменение численности нас. МТВ (детей 0–15 лет)				Изменение численности нас. ТВ		Изменение численности нас. СТВ		Эффект повышения рождаемости*	
	С1(и)		С2 (р)		С1(и)		С2 (р)		Оба сценария		Оба сценария			
	чел., +/-	%	чел., +/-	%	чел., +/-	%	чел., +/-	%	чел., +/-	%	чел., +/-	%	чел.	%
СЗФО	-637466	95,4	-340750	97,5	-584755	74,0	-288039	87,2	-433874	94,9	+381163	112,5	296716	13,2
Регионы, прогнозная численность населения которых растёт														
Регионы с растущей численностью населения за счёт всех возрастных групп, в том числе детей														
Ненецкий АО	+12198	128,9	+14280	133,8	+749	108,1	+2831	130,5	+10143	138,4	1307	119,9	2082	22,4
Регионы численность населения которых будет расти (или незначительно сократится) за счёт трудоспособного населения и населения старше трудоспособного возраста при сокращающейся численности детей														
Ленинградская	+76473	103,8	+116936	105,7	-50065	82,5	-9603	96,6	+40850	103,1	+85688	119,1	40463	14,2
Калининградская	-5375	99,5	+16892	101,6	-53776	70,2	-31509	82,5	+4848	100,8	+43553	120,3	22267	12,3
Регионы, прогнозная численность населения которых сокращается														
Регионы, в которых растёт только численность населения старше трудоспособного возраста														
Санкт-Петербург	-122795	97,8	-2357	100,0	-176233	79,3	-55795	93,4	-220558	93,7	+273996	122,0	120438	14,1
Коми	-79357	89,0	-62082	91,4	-40465	69,7	-23190	82,6	-49281	88,8	+10389	107,1	17275	12,9
Мурманская	-32154	95,1	-15478	97,6	-32793	73,4	-16118	86,9	-6397	98,5	+7037	105,9	16676	13,5
Вологодская	-98634	91,2	-74065	93,4	-75119	64,5	-50550	76,1	-34323	94,8	+10808	104,4	24569	11,6
Карелия	-51363	90,2	-39148	92,5	-23505	73,7	-11290	87,4	-28671	90,7	+813	100,6	12215	13,7
Архангельская (без АО)	-109905	88,5	-89792	90,6	-57300	66,0	-37187	77,9	-52694	90,6	+89	100,0	20113	12,0
Регионы с сокращающейся численностью всех возрастных групп населения, в том числе детей														
Новгородская	-53936	90,6	-42506	92,6	-35559	64,2	-24129	75,7	-18182	94,6	-195	99,9	11430	11,5
Псковская	-77790	86,6	-66481	88,6	-30834	67,3	-19525	79,3	-42684	87,5	-4272	97,0	11310	12,0

Примечания: МТВ — моложе трудоспособного возраста, ТВ — трудоспособного возраста, СТВ — старше трудоспособного возраста, С1(и) — инерционной сценарий, С2(р) — нормативный сценарий (сценарий повышения рождаемости).

*разница в численности детского населения 0–15 лет между инерционным сценарием и сценарием повышения рождаемости (количество детей, рождённых за счёт реализации политики; насколько % изменится численность детского населения).

Источник: рассчитано по данным Росстата.

ской, Вологодской, Псковской и Архангельской областей (прирост не превысит 12%).

Изучение половозрастных пирамид населения регионов СЗФО для базового года и прогнозного периода (до 2035 г.) позволяет оценить краткосрочные перспективы изменения возрастно-половой структуры населения. Форма половозрастных пирамид большинства субъектов СЗФО по обоим прогнозным сценариям изменится в сторону её постарения. Половозрастные пирамиды населения Псковской, Новгородской, Архангельской областей и Санкт-Петербурга к 2035 г. будут иметь наиболее узкое основание и широкую верхнюю часть, что говорит о более «старом» населении и низком уровне рождаемости. Для прогнозных пирамид Ненецкого АО, Мурманской, Калининградской и Ленинградской областей характерна относительно широкая средняя часть, свидетельствующая о большой представленности трудоспособного населения. Сценарий повышения рождаемости в большинстве регионов даст видимый эффект расширения основания пирамиды (увеличения численности населения младше трудоспособного возраста), наиболее заметный — в Ненецком АО, Мурманской области и Карелии.

Следует отметить, что прогнозные половозрастные пирамиды регионов округа ярко демонстрируют передвижение вверх основных провалов («впадин»), характеризующих малочисленные поколения «детей войны», детей «детей войны», кризисных поколений детей, рождённых в конце 1990-х-начале 2000-х годов. Реализация целевых демографических ориентиров в большинстве субъектов создаст выраженные пики в группе детей до 10 лет.

Отдельно стоит остановиться на Ненецком АО, половозрастная пирамида населения которого, в отличии от остальных регионов округа, к 2035 г. будет иметь самое широкое основание и, как следствие, самую высокую долю детского населения (особенно в рамках нормативного сценария). Кроме того, по сравнению с относительно симметричной формой пирамиды для базового года к 2035 г. прогнозируется явная горизонтальная асимметрия, выражающаяся в значительном преобладании численности женщин в возрастных группах от 30 до 50 лет. Причиной подобной диспропорции может быть текущий разрыв в показателях смертности мужчин и женщин. Так, возрастные коэффициенты смертности мужчин в Ненецком АО для базового года превышали показатели женщин: в возрасте 30–34 лет — в 13,7 раза (8,1 против 0,6‰), 35–39 лет — в 6,6 раза (9,8 против 1,5‰), 40–44 лет — в 2,4 раза (10,5 против 4,3‰), 45–49 лет — в 4,9 раза (12,7 против 2,6‰)[11].

Прогноз демографической нагрузки на трудоспособное население. Прогнозируемое сокращение численности детского, трудоспособного населения и увеличение численности старших контингентов в СЗФО говорит о нарастании интенсивности старения, что актуализирует вопросы оценки демографической нагрузки на трудоспособных лиц. Согласно прогнозным данным, в подавляющем числе субъектов СЗФО вплоть до 2035 г. общая демографическая нагрузка будет сокращаться (табл. 2). К 2045 г. такая тенденция сохранится лишь в Ненецком АО, Новгородской и Вологодской областях. В Мурманской и Псковской областях снижение общей демографической нагрузки ожидается в рамках инерционного сценария, тогда как реализация нормативного сценария обеспечит сохранение её уровня. На фоне остальных регионов выделяется Санкт-Петербург, в котором по инерционному сценарию к 2030 г. прогнозируется снижение общей нагрузки (на 2%), к 2035 г. — её стабилизация, а к 2045 г. — рост (на 19%). Но в рамках нормативного сценария показатель на протяжении всего прогнозного периода будет расти (на 2% к 2030 г., на 6% к 2035 г., на 25% к 2045 г.).

Примечательно, что, если в базовом году наибольшая общая демографическая нагрузка наблюдалась в Новгородской области и Республике Карелия, то 2045 г. на первое место по величине показателя согласно инерционному сценарию выйдет Санкт-Петербург. Самая низкая демографическая

[11] Число умерших по полу и 5-летним возрастным группам // ЕМИСС. – URL : https://www.fedstat.ru / indicator / 58775 (дата обращения: 19.03.2026).

Таблица 2

Прогноз общей демографической нагрузки на трудоспособное население регионов СЗФО до 2045 года (инерционный сценарий и сценарий повышения рождаемости), нетрудоспособных на 1000 трудоспособных

Table 2

Forecast of the total demographic burden on the working-age population of the Northwestern Federal District regions until 2045 (inertial scenario and scenario of increased birth rates), number of disabled people per 1,000 working-age people

Регионы	Сценарии	Год										2030 г.	2035 г.	2045 г.
		2024(б)	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2035	2040	2045	к 2024 г., %		
СЗФО	С1(и)	695	668	673	643	645	644	642	630	659	723	92,4	90,8	104,2
	С2(пр)		671	681	654	658	661	662	667	715	767	95,3	96,0	110,4
Респ. Карелия	С1(и)	788	752	757	719	718	714	710	693	731	790	90,1	88,0	100,2
	С2(пр)		756	765	730	734	733	733	737	802	849	93,0	93,5	107,7
Респ. Коми	С1(и)	710	680	685	654	655	652	647	638	681	748	91,1	89,8	105,3
	С2(пр)		684	694	666	671	671	671	682	751	807	94,4	96,0	113,6
Арханг. обл. (без АО)	С1(и)	784	747	748	710	705	698	690	664	701	776	88,1	84,7	99,0
	С2(пр)		751	756	720	719	716	711	703	764	829	90,7	89,7	105,7
Ненецкий АО	С1(и)	662	621	610	573	562	546	533	490	496	502	80,6	74,0	75,8
	С2(пр)		627	621	589	584	573	565	547	577	575	85,3	82,6	86,9
Вологодская обл.	С1(и)	778	740	742	704	697	686	675	630	648	711	86,8	80,9	91,3
	С2(пр)		744	749	714	712	704	696	669	709	764	89,5	86,0	98,2
Ленинградская обл.	С1(и)	632	607	611	582	584	585	584	574	590	649	92,4	90,8	102,6
	С2(пр)		610	616	590	594	598	600	604	635	683	94,9	95,6	108,1
Калининградская обл.	С1(и)	689	657	660	628	626	623	618	597	623	691	89,7	86,7	100,3
	С2(пр)		661	666	637	639	639	637	632	676	735	92,5	91,7	106,7
Мурманская обл.	С1(и)	649	616	614	580	574	566	559	533	548	587	86,1	82,0	90,5
	С2(пр)		620	621	591	589	584	581	573	612	646	89,5	88,3	99,5
Новгородская обл.	С1(и)	792	752	750	708	703	694	684	636	651	702	86,3	80,2	88,6
	С2(пр)		755	757	718	716	710	703	672	708	750	88,8	84,8	94,7
Псковская обл.	С1(и)	785	748	753	716	715	710	706	680	695	742	89,9	86,6	94,6
	С2(пр)		751	760	726	728	727	726	717	754	792	92,5	91,3	100,9
Санкт-Петербург	С1(и)	667	650	662	639	646	652	657	669	713	795	98,4	100,2	119,0
	С2(пр)		654	670	650	661	670	677	706	768	831	101,5	105,8	124,6

Примечание: здесь и далее 2024(б) – базовый год; С1(и) – инерционный сценарий, С2(пр) – сценарий повышения рождаемости.

Источник: рассчитано по данным Росстата.

нагрузка в 2024 г. отмечалась в Ленинградской области, однако после 2030 г. её будет демонстрировать Ненецкий АО.

Для понимания причин наблюдаемых различий в уровне общей демографической нагрузки на трудоспособное население следует проанализировать её в разрезе нагрузки детьми и старшими возрастными категориями. Демографическая нагрузка населением младше трудоспособного возраста в регионах СЗФО по инерционному сценарию будет сокращаться и достигнет минимума начиная с 2035 г. (в 2035 г. — в Карелии, Коми и Ненецком АО, в 2036 г. — в Архангельской и Новгородской областях, в 2037 г. — в Вологодской и Мурманской областях, в 2038 г. — в Калининградской и Псковской областях, в 2040 г. — в Ленинградской области и Санкт-Петербурге), после чего начнётся её постепенный рост (рис. 1 и 2). Благодаря политике повышения рождаемости в большинстве субъектов минимального значения показатель достигнет уже в 2033–2035 гг., как следствие, тенденция его роста проявится раньше. Реализация нормативного сценария в ряде регионов к 2045 г. приведёт к увеличению нагрузки детским населением по сравнению с базовым годом: в Карелии — на 16%, в Коми — на 9%, в Ненецком АО и Мурманской области — на 3%, в Архангельской и Псковской областях — на 1–2%.

Как по инерционному, так и по нормативному сценарию лидерство по уровню демографической нагрузки детским населением на протяжении всего прогнозного периода будет сохранять Ненецкий АО. Причём в случае достижения целевых ориентиров демографической политики в 2035–2045 гг. показатель существенно возрастёт (более чем на 25% по сравнению с инерционным сценарием). Наименьшую демографическую нагрузку детьми в рамках обоих сценариев продемонстрирует Ленинградская область, однако повышение рождаемости будет способствовать увеличению и поддержанию её уровня на протяжении всего прогнозного периода.

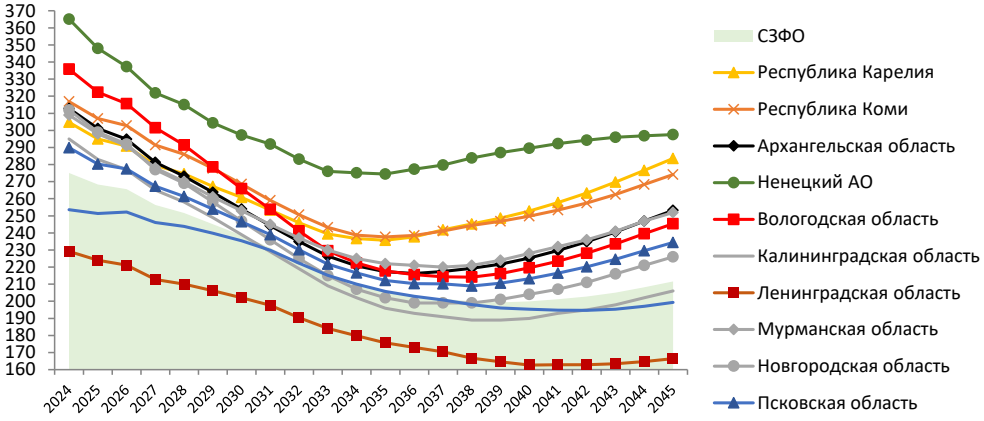

Рис. 1. Демографическая нагрузка населением моложе трудоспособного возраста на трудоспособное население регионов СЗФО до 2045 года (инерционный сценарий), моложе трудоспособного возраста на 1000 трудоспособных

Fig. 1. Demographic burden of the population under working age on the working-age population of the Northwestern Federal District regions until 2045 (inertial scenario), under working age per 1,000 working-age people

Источник: рассчитано по данным Росстата.

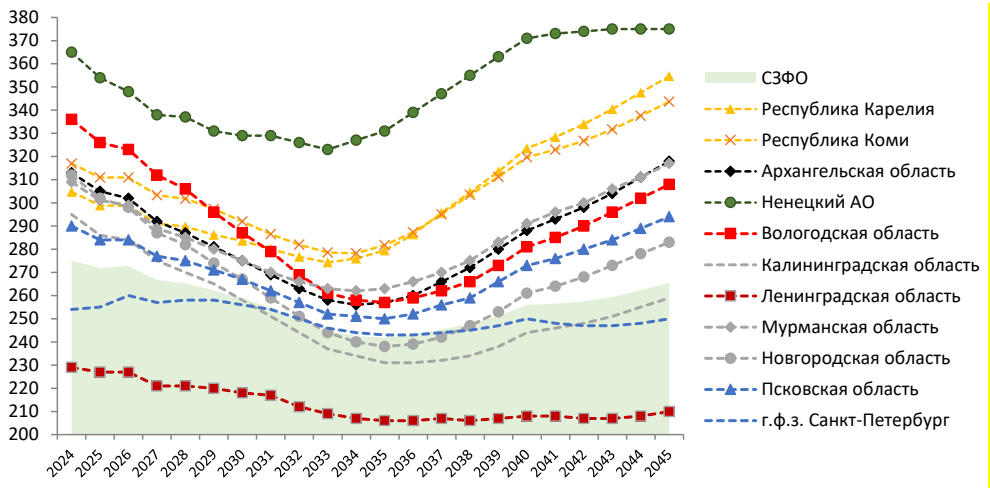

Рис. 2. Демографическая нагрузка населением моложе трудоспособного возраста на трудоспособное население регионов СЗФО до 2045 года (сценарий повышения рождаемости), число лиц моложе трудоспособного возраста на 1000 трудоспособных

Fig. 2. Demographic burden of the population under working age on the working-age population of the Northwestern Federal District regions until 2045 (scenario of increased birth rates), under working age per 1,000 working-age people

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Поскольку политика повышения рождаемости отразится на нагрузке населением старшего возраста лишь в долгосрочной перспективе (изменения начнут проявляться после 2040 г.), то анализ показателя проводился обобщённо по двум сценариям. В большинстве субъектов СЗФО показатель достигнет наименьшего значения уже в 2027 г., что, очевидно, связано с эффектом пенсионной реформы (повышения планки пенсионного возраста), а начиная с 2028 г. зародится его рост, который не прекратится вплоть до 2045 г. (рис. 3 и 4). Если к 2030 г. показатель сократится в 10 из 11 регионов СЗФО (исключение — Ненецкий АО), то к 2035 г. — в 8 (исключение — Коми, Ленинградская область и Санкт-Петербург), а к 2045 г. — только в 3 (Ненецком АО, Мурманской и Новгородской областях). В Ненецком АО снижение нагрузки старшей возрастной группой на трудоспособное население ожидается в течении всего прогнозного периода.

По уровню демографической нагрузки населением старше трудоспособного возраста до 2035 г. будет лидировать Псковская область, но далее её сменит Санкт-Петербург, показатель которого вырастет на 12% к 2035 г. и более чем на 40% к 2045 году. В то же время самые низкие значения нагрузки старшей возрастной группой предвидятся в Ненецком АО и Мурманской области, но в АО её уровень снизится наиболее существенно (более чем на 25% к 2035 г. и более чем 30% к 2045 г.).

Таким образом, в большинстве регионов СЗФО снижение общей демографической нагрузки в период до 2035 г. в рамках обоих прогнозных сценариев будет обеспечиваться сокращением нагрузки населением младше и старше трудоспособного возраста, а её рост после 2035 г. — увеличением нагрузки лицами старшего возраста. Благодаря реализации сценария повышения рождаемости снижение нагрузки детским населением до 2035 г. будет не таким значительным, а в 6 регионах округа приведёт к её увеличению к 2045 году. Рост общей нагрузки на трудоспособное население в Санкт-Петербурге на протяжении всего прогноз-

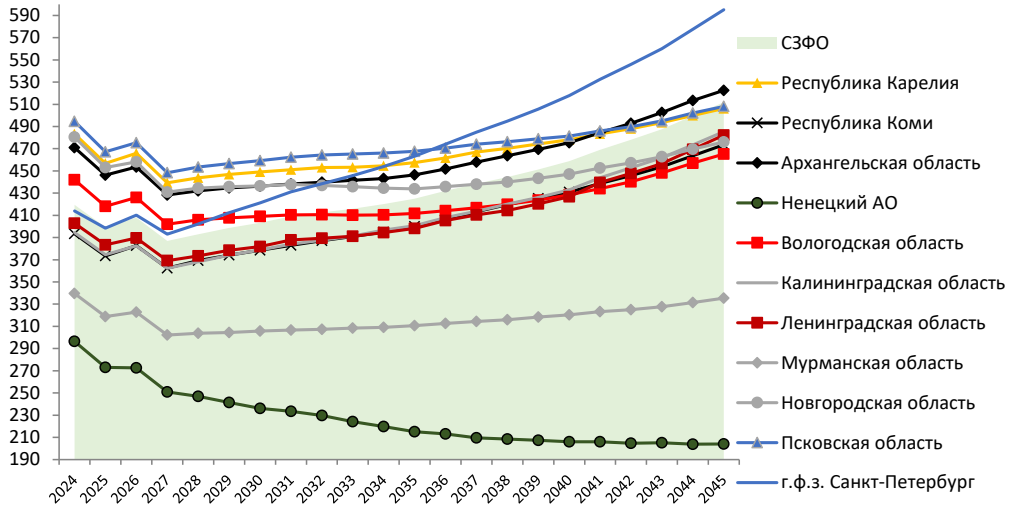

Рис. 3. Демографическая нагрузка населением старше трудоспособного возраста на трудоспособное население регионов СЗФО до 2045 года (инерционный сценарий), число лиц старше трудоспособного возраста на 1000 трудоспособных

Fig. 3. Demographic burden of the population over working age on the working-age population of the Northwestern Federal District regions until 2045 (inertial scenario), over working age per 1,000 working-age people

Источник: рассчитано по данным Росстата.

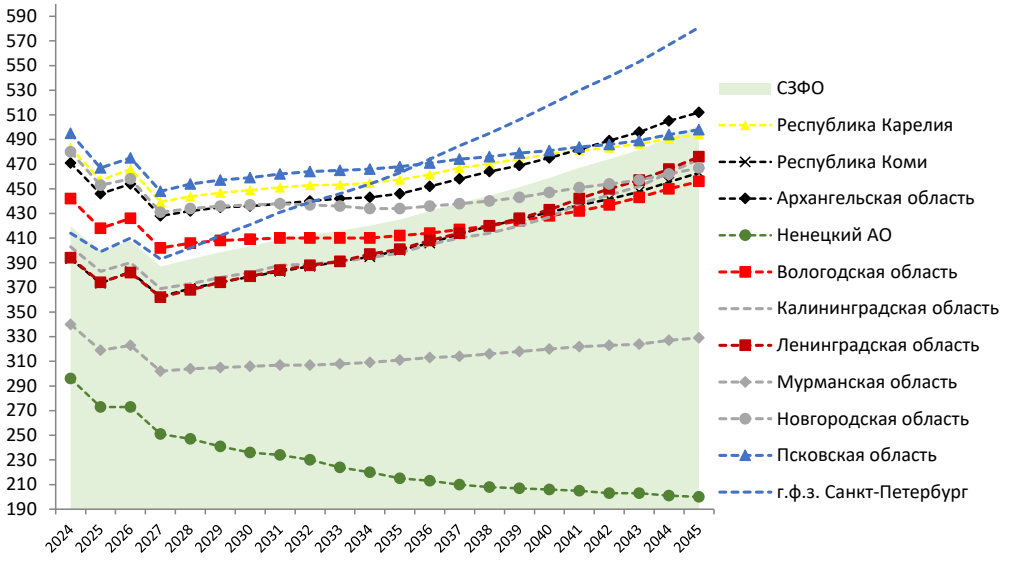

Рис. 4. Демографическая нагрузка населением старше трудоспособного возраста на трудоспособное население регионов СЗФО до 2045 года (сценарий повышения рождаемости), старше трудоспособного возраста на 1000 трудоспособных

Fig. 4. Demographic burden of the population over working age on the working-age population of the Northwestern Federal District regions until 2045 (scenario of increased birth rates), over working age per 1,000 working-age people

Источник: рассчитано по данным Росстата.

ного периода будет происходить за счёт более интенсивного старения населения.

Во всех регионах за исключением Ненецкого АО нагрузка старшими возрастными группами на трудоспособное население будет превышать нагрузку младшими, и разрыв между ними будет нарастать. До 2035 г. максимальный разрыв в показателях по обоим прогнозным сценариям ожидается в Ленинградской области (2,3 и 2,0 раза в 2035 г. по инерционному и нормативному сценарию соответственно), а после 2035 года — в Санкт-Петербурге (3,0 и 2,3 раза в 2045 г. по инерционному и нормативному сценарию соответственно). Ненецкий АО, напротив, продемонстрирует преобладание нагрузки детьми над пожилыми, которое в перспективе будет только усиливаться (1,3 и 1,5 раза к 2035 г. и 1,5 и 1,9 раза к 2045 г. по инерционному и нормативному сценарию соответственно).

Заключение

Произведённые прогнозные оценки показали, что достижение целевых ориентиров в области повышения рождаемости, заложенных в стратегических документах развития России, в большинстве субъектов СЗФО в кратко- и среднесрочной перспективе не преломит негативных тенденций сокращения численности населения, в том числе детского. Однако реализация государственной демографической политики позволит заметно «смягчить» отрицательные последствия старения и улучшить характеристики возрастной структуры населения. При этом демографические перспективы и восприимчивость к эффектам повышения рождаемости заметно различаются среди регионов. Наиболее благоприятная ситуация сложится в Ненецком АО, численность населения которого будет расти, а демографическая нагрузка на трудоспособное население снижаться, что во многом определяется его молодой возрастной структурой, высокими показателями рождаемости и менее интенсивным старением. Однако главными вызовом на пути демографического развития АО станет гендерный дисбаланс в половозрастной структуре. Прогнозируемое увеличение численности населения Ленинградской области будет обусловлено приростом трудоспособных и старших контингентов при сокращении численности детей. В Калининградской области рост численности будет возможен только при условии реализации второго сценария — повышения рождаемости. В остальных регионах СЗФО ожидается сокращение численности населения за счёт детей и трудоспособных граждан и увеличение численности старших возрастных категорий по обоим вариантам прогноза. Самая неблагоприятная ситуация будет отмечаться в Псковской и Новгородской областях, в которых убыль численности будет происходить за счёт всех возрастных групп. Отдельно стоит отметить Санкт-Петербург, в котором ожидается наиболее интенсивное демографическое старение и, как следствие, более высокая общая нагрузка на трудоспособное население за счёт старших контингентов.

Сценарий повышения рождаемости в большинстве регионов даст видимый позитивный эффект с точки зрения увеличения численности населения младше трудоспособного возраста, но наиболее заметным он окажется в Ненецком АО, Мурманской области и Карелии. Наименьший «отклик» достижение целевых демографических ориентиров получит в Архангельской, Вологодской, Новгородской и Псковской областях. В этих регионах меры, заложенные в рамках национальной демографической политики в отношении рождаемости, недостаточны, что требует усиления её региональной компоненты, учитывающую специфику территорий (в том числе за счет повышения целевых ориентиров роста рождаемости и / или снижению смертности). Так, например, эффективность регионального материнского капитала при рождении третьего ребенка имеет региональные различия [14]. Это свидетельствует о важности региональной настройки системы мер демографической политики в рамках федеральной повестки с целью выбора оптимальных для территории путей достижения национальной цели народосбережения.

Важно отметить, что положительный эффект пенсионной реформы (увеличение численности трудоспособных лиц, сокращение численности населения старше трудоспособного возраста и демографической нагрузки ими) в регионах СЗФО продлится недолго и начнёт затухать сразу после окончания повышения пенсионного возраста в 2028 году. К схожим выводам приходят и другие исследователи. Так, А.В. Кашепов в ходе оценки баланса трудовых ресурсов в России на среднесрочную перспективу резюмирует, что подъём номинальной численности трудоспособного населения в ходе заключительного этапа пенсионной реформы не окажет существенного влияния на количество рабочей силы [15, с. 67–68]. Кроме того, как отмечает учёный, пенсионная реформа ухудшила положение части молодых семей в результате сокращения числа женщин в возрасте 55–60 лет, имеющих возможность «работать бабушками» [15, с. 68], и оставила их без помощи, что в последствии может привести к сокращению рождаемости [16, с. 62]. Всё это свидетельствует о необходимости поиска новых инструментов адаптации экономики и общества к последствиям старения населения, в том числе развития политики активного долголетия и расширения охвата населения её мерами. Кроме того, нарастание демографической нагрузки населением старших возрастов потребует создания новых механизмов общественного перераспределения ресурсов, например, постепенного встраивания в государственную пенсионную систему базового пенсионного дохода [17, с. 42].

Представленный методический подход может быть использован при разработке целевых ориентиров демографического развития, в том числе при выявлении «болевых точек» и «точек роста», регулирующее воздействие на которые даст наибольший вклад в улучшение ситуации.

Литература и Интернет-источники

1. ***Доброхлеб, В.Г.*** Динамика демографического старения этнонациональных регионов РФ во втором и начале третьего десятилетия XXI века / В.Г. Доброхлеб // Проблемы развития территории. — 2024. — Т. 28. — № 6. — С. 112–122. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.8; EDN: LEYLDE
2. ***Барсуков, В.Н.*** Последствия демографического старения и ресурсный потенциал населения «третьего» возраста / В.Н. Барсуков, Е.А. Россошанская // Проблемы развития территории. — 2017. — № 3(89). — С. 92–108. EDN: YPATKB
3. ***Чистова, Е.В.*** Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России / Е.В. Чистова, В.П. Чичканов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 3 (45). — С. 121–137. DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.7; EDN: WCOIHV
4. ***Калачикова, О.Н.*** Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия / О.Н. Калачикова, А.В. Короленко, Л.Н. Нацун // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2023. — № 1. — С. 20–45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2209; EDN: TYOGUM
5. ***Антонов, А.И.*** Сравнительный анализ демографических прогнозов: оценка долгосрочных тенденций для мира и России / А.И. Антонов, В.М. Карпова // Проблемы прогнозирования. — 2025. — № 2 (209). — С. 180–191. DOI: 10.47711/0868-6351-209-180-191; EDN: TLRBPN
6. ***Юмагузин, В.В.*** Прогноз численности и демографической нагрузки населения России до 2100 года / В.В. Юмагузин, М.В. Винник // Проблемы прогнозирования. — 2022. — № 4 (193). — С. 98–111. DOI: 10.47711/0868-6351-193-98-111; EDN: TOFVHS
7. ***Доброхлеб, В.Г.*** Демографическое старение в России и новая социальная реальность / В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6; EDN: SCLQUP
8. ***Рыбаковский, Л.Л.*** Демографическое будущее России: прогнозы и реальность / Л.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 4–15. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.1; EDN: ILGXMB

9. Практическая демография / под ред. Л.Л. Рыбаковского. — Москва : ЦСП, 2005. — 280 с. EDN: QOPAEF
10. Передвижка по возрастам // Народонаселение. Энциклопедический словарь / гл. ред. Г.Г. Мелкьян. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1994. — 640 с. EDN: UWFDSP
11. ***Шабунова, А.А.*** Демографическое развитие регионов Северо-Западного федерального округа: VI региональный демографический доклад / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко, [и др.]; под редакцией А.А. Шабуновой; Вологодский научный центр РАН. — Вологда : ВолНЦ РАН, 2025. — 98 с. EDN: FGUGRB
12. ***Короленко, А.В.*** Тенденции и перспективы демографического развития сельских территорий регионов Северо-Западного федерального округа / А.В. Короленко // Миграция и социально-экономическое развитие. — 2017. — Т. 2. — № 1. — С. 29–48. DOI: 10.18334/migration.2.1.38392; EDN: YUMTGU
13. ***Архангельский, В.Н.*** Резервы повышения рождаемости в России: к методике оценки / В.Н. Архангельский, Т.А. Фадеева // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 162–176. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.2; EDN: DBHLLO
14. ***Калачикова, О.Н.*** Оценка влияния регионального материнского (семейного) капитала на рождаемость населения / О.Н. Калачикова, В.Н. Архангельский // Социальное пространство. — 2025. — Т. 11. — № 2. — Порядковый № 6. — URL : http://socialarea-journal.ru / article / 30343. DOI: 10.15838/sa.2025.2.46.6; EDN: LRBJDM
15. ***Кашепов, А.В.*** Проблемы занятости населения старшего поколения в период повышения пенсионного возраста в России / А.В. Кашепов // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2025. — Т. 5. — № 2. — С. 55–70. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.4. EDN: UMHZTY
16. ***Кашепов, А.В.*** Пенсионная реформа: предварительные результаты и оценка их влияния на экономическое положение старших возрастных групп населения / А.В. Кашепов // Социально-трудовые исследования. — 2023. — № 3(52). — С. 56–67. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67; EDN: IOMTKE
17. ***Потапенко, В.В.*** Старение населения и демографическая нагрузка на российскую пенсионную систему / В.В. Потапенко // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2025. — № 5. — С. 27–45. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_27_45; EDN: ISBAMN

Сведения об авторах:

Шабунова Александра Анатольевна, д.э.н., доцент, директор, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.
Контактная информация: e-mail: aas@volnc.ru; ORCID: 0000-0002-3467-0921; РИНЦ SPIN код: 7600–0822.

Калачикова Ольга Николаевна, к.э.н., зам. директора по научной работе, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.
Контактная информация: e-mail: onk82@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4681-4344; РИНЦ SPIN код: 4087–8120.

Короленко Александра Владимировна, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия.
Контактная информация: e-mail: coretra@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7699-0181; РИНЦ SPIN код: 5079–5628.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-15-34

PROJECTED DYNAMICS OF THE POPULATION SIZE AND AGE STRUCTURE IN THE CONTEXT OF TARGET BIRTH RATES

Alexandra A. Shabunova*, Olga N. Kalachikova, Alexandra V. Korolenko

Vologda Research Center RAS
(56A Gorkogo str., Vologda, Russia, 160014)

**E-mail: aas@volnc.ru*

For citation:
Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Korolenko A.V. Projected dynamics of the population size and age structure in the context of target birth rates. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 15-34. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-15-34 (in Russ.)

Abstract. *Determining the targets for demographic development is an important step and a way to assess the effectiveness of implemented measures. At the same time, the national goal of Russia's development is to preserve the population and overcome depopulation. In this regard, methods for forecasting the dynamics of the future population size are particularly relevant. In this article, using a normative scenario for increasing fertility to the target values of the total fertility rate, it is found that it is not possible to achieve population preservation solely through this component. And it will be necessary to reduce mortality rates and, possibly, encourage permanent migration. Another important aspect of the future dynamics of population size and structure is correlation of working-age and non-working-age cohorts. In the context of demographic aging, a gradual increase in the retirement age will only compensate for the growth of the older working-age group until 2028, even if the target birth rates are achieved and the mortality rates remain at the level of 2024. Additionally, it is revealed that there are still regional differences in the dynamics of population size and structure, which requires a continued strengthening of the regional component of demographic policy.*

Keywords: *demographic forecast, forecast based on target birth rates, effect of increasing the retirement age, regions of the Northwestern Federal District.*

References and Internet sources

1. Dobrokhleb V. G. Dinamika demograficheskogo stareniya etnonatsional'nykh regionov RF vo vtorom i nachale tret'ego desyatiletiya 21 veka [Demographic dynamics of the ethnonational regions of the Russian Federation in the twenties and early thirties of the 21st century]. Problemy razvitiya territorii [*Problems of Territory's Development*]. 2024. Vol. 28. No. 6. P. 112-122. DOI: 10.15838/ptd.2024.6.134.8 (in Russ.)
2. Barsukov V. N., Rossohanskaya E. A. Posledstviya demograficheskogo stareniya i resursnyj potentsial naseleniya «tret'ego» vozrasta [The consequences of demographic ageing and the resource potential of the population of the «third» age]. Problemy razvitiya territorii [*Problems of Territory's Development*]. 2017. No. 3 (89). P. 92-108. (in Russ.)
3. Chistova E. V., Chichkanov V. P. Prognoz vliianiya povysheniya pensionnogo vozrasta na demograficheskuyu strukturu Rossii [Forecasting the effects of raising the retirement age on Russia's demographic structure]. Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2016. No. 3(45). P. 121-137. DOI: 10.15838/esc.2016.3.45.7 (in Russ.)
4. Kalachikova O. N., Korolenko A. V., Natsun L.N. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy issledovaniya aktivnogo dolgoletiya [Theoretical and methodological foundations of active longevity research]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*]. 2023. No. 1. P. 20-45. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2209 (in Russ.)

5. Antonov A. I., Karpova V. M. Sravnitel'nyj analiz demograficheskikh prognozov: otsenka dolgosrochnykh tendentsij dlya mira i Rossii [Comparative analysis of demographic forecasts: assessment long-term trends for the world and Russia]. Problemy prognozirovaniya [*Studies on Russian Economic Development*]. 2025. No. 2(209). P. 180-191. DOI: 10.47711/0868-6351-209-180-191 (in Russ.)
6. Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. Prognoz chislennosti i demograficheskoj nagruzki naseleniya Rossii do 2100 goda [Forecast of population size and demographic burden in Russia up to 2100]. Problemy prognozirovaniya [*Studies on Russian Economic Development*]. 2022. No. 4(193). P. 98-111. DOI: 10.47711/0868-6351-193-98-111 (in Russ.)
7. Dobrokhleb V. G. Demograficheskoye stareniye v Rossii i novaya sotsial'naya real'nost' [Demographic aging in Russia and new social reality]. Narodonaselenie [*Population*]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 66-76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6 (in Russ.)
8. Rybakovsky L. L. Demograficheskoye budushcheye Rossii: prognozy i real'nost' [Russia's demographic future: forecasts and reality]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 4-15. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.1 (in Russ.)
9. Prakticheskaya demografiya [*Practical Demography*]. Ed. L. L. Rybakovsky. Moscow: TsSP [Center for Social Forecasting]. 2005. 280 p. (in Russ.)
10. Peredvizhka po vozrastam [Age shift]. Narodonaseleniye. Entsiklopedicheskij slovar' [*Population. Encyclopedic Dictionary*]. Ed. G. G. Melkiyan. Moscow. Bol'shaia Rossiiskaya entsiklopediya [The Great Russian Encyclopedia], 1994. 640 p. (in Russ.)
11. Demograficheskoye razvitiye regionov Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga: 6 regional'nyj demograficheskij doklad [*Demographic Development of the Regions of the Northwestern Federal District: VI Regional Demographic Report*]. Ed A. A. Shabunova. Vologda: VolNTs RAN [VolRC RAS]. 2025. 98 p. (in Russ.)
12. Korolenko A. V. Tendentsii i perspektivy demograficheskogo razvitiya sel'skikh territorij regionov Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Trends and prospects for demographic development of rural areas of the North-Western Federal District]. Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye [*Migration and Social Development*]. 2017. Vol. 2. No. 1. P. 29-48. DOI: 10.18334/migration.2.1.38392 (in Russ.)
13. Arkhangelsky V. N., Fadeeva T. A. Rezervy povysheniya rozhdaemosti v Rossii: k metodike otsenki [Reserves for increasing the fertility in Russia: to the method of assessment]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 162-176. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.2 (in Russ.)
14. Kalachikova O. N., Arkhangelsky V. N. Otsenka vliianiya regional'nogo materinskogo (semejnogo) kapitala na rozhdaemost' naseleniya [Assessing the impact of regional maternal (family) capital on the birth rate]. Sotsial'noye prostranstvo [*Social Area*]. 2025. Vol. 11. No. 2. DOI: 10.15838/sa.2025.2.46.6 (in Russ.)
15. Kashepov A. V. Problemy zanatosti naseleniya starshego pokoleniya v period povysheniya pensionnogo vozrasta v Rossii [Problems of employment of the older generation during the period of raising the retirement age in Russia]. DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya [*DEMIS. Demographic Research*]. 2025. Vol. 5. No. 2. P. 55-70. DOI: 10.19181/demis.2025.5.2.4 (in Russ.)
16. Kashepov A. V. Pensionnaya reforma: predvaritel'nyye rezultaty i otsenka ikh vlianiya na ekonomicheskoye polozheniye starshikh vozrastnykh grupp naseleniya [Pension reform: preliminary results and assessment of their impact on the economic situation of older age groups of the population]. Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [*Social and Labor Research*]. 2023. No. 3(52). P. 56-67. DOI: 10.34022/2658-3712-2023-52-3-56-67 (in Russ.)
17. Potapenko V. V. Stareniye naseleniya i demograficheskaya nagruzka na rossiiskuyu pensionnuyu sistemu [Population aging and the demographic burden on the Russian pension system]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoj akademii nauk [*The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*]. 2025. No. 5. P. 27-45. DOI: 10.52180/2073-6487_2025_5_27_45 (in Russ.)

Information about the authors:
Shabunova Alexandra Anatolyevna, Doctor of Economics, Associate Professor, Director, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.
Contact information: e-mail: aas@volnc.ru; ORCID: 0000-0002-3467-0921; Elibrary SPIN-code: 7600–0822.

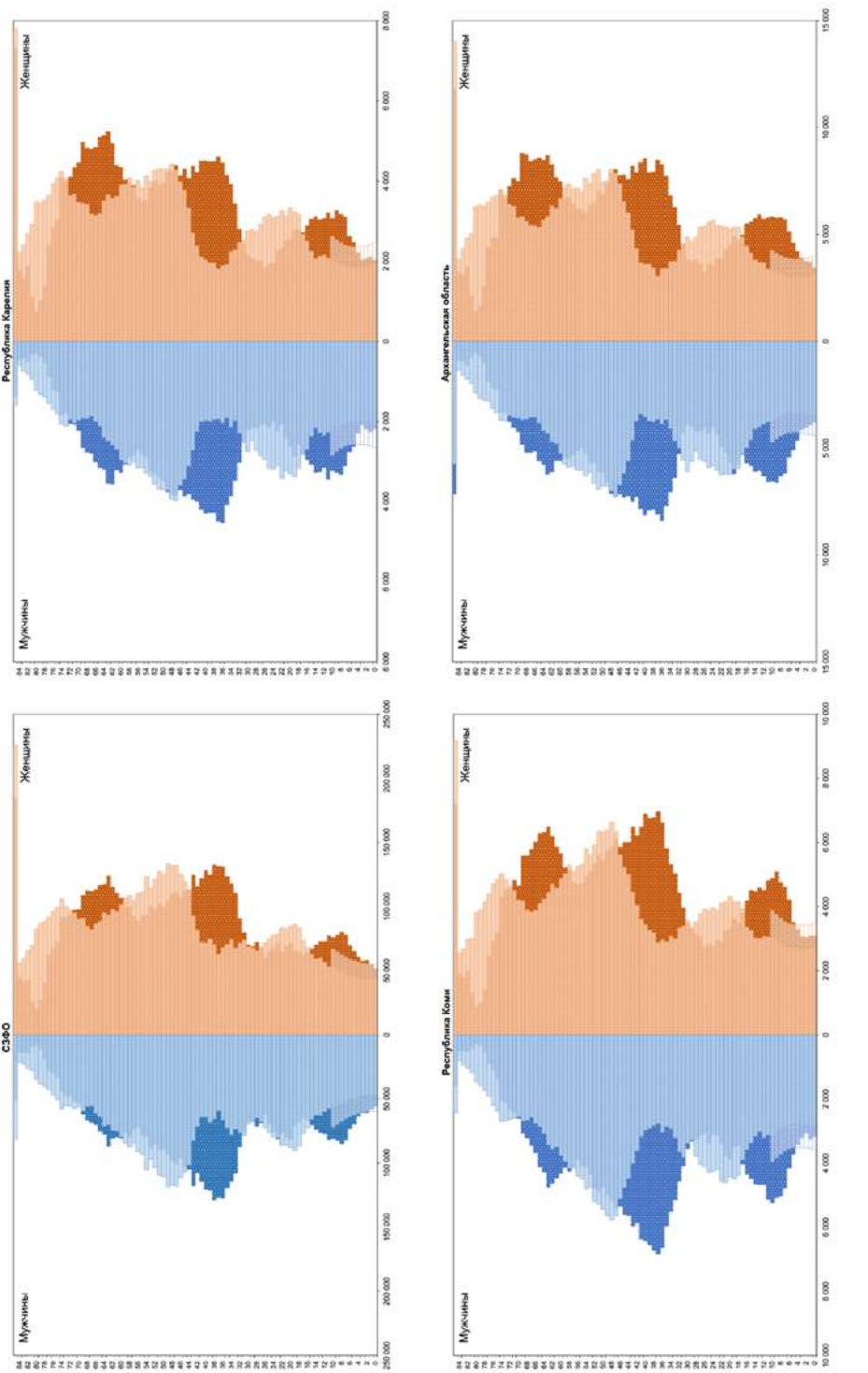
Kalachikova Olga Nikolaevna, Candidate of Economics, Deputy Director for Research, Leading Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.
Contact information: e-mail: onk82@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4681-4344; Elibrary SPIN-code: 4087–8120.

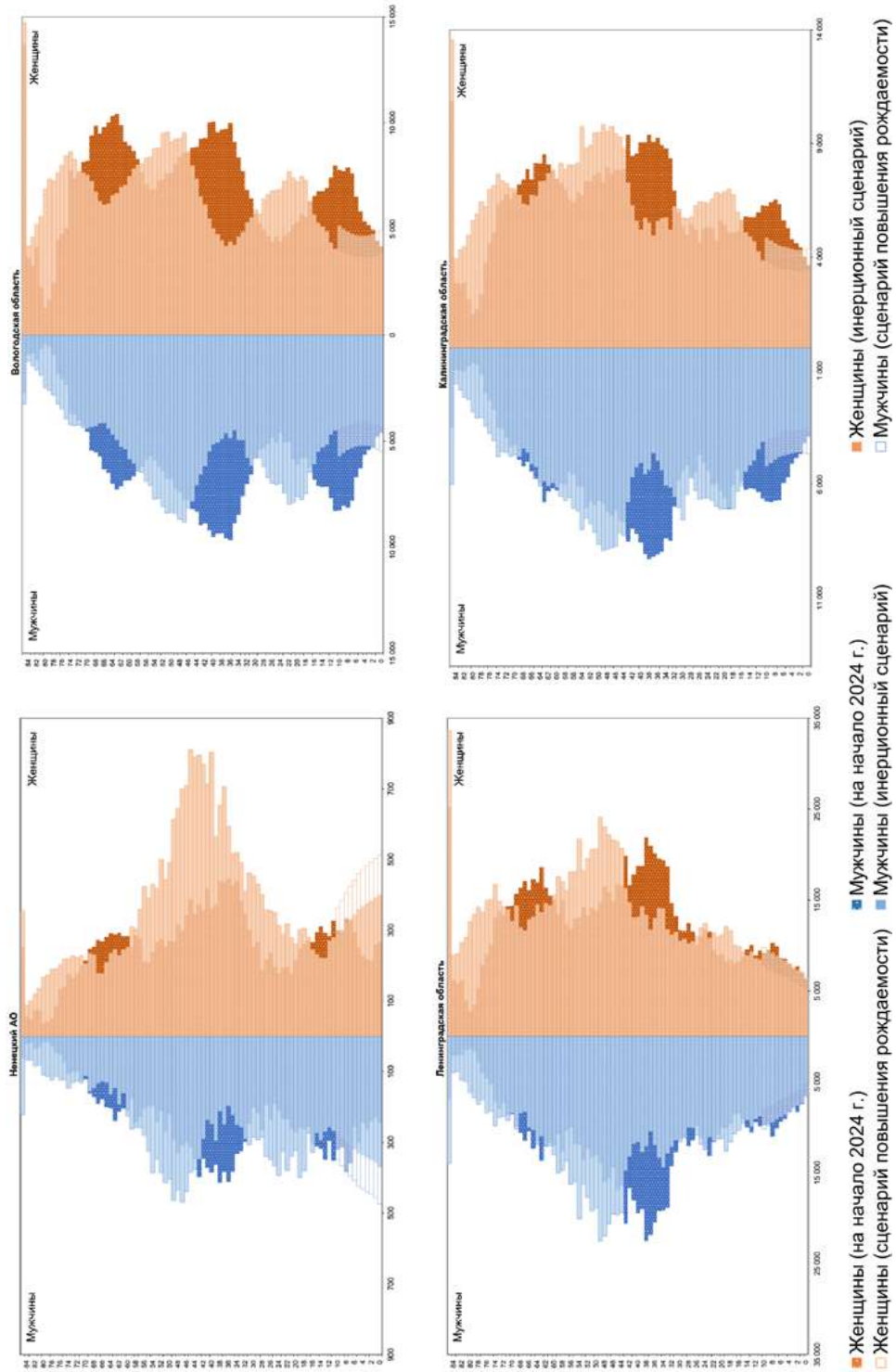
Korolenko Alexandra Vladimirovna, Senior Researcher, Vologda Research Center RAS, Vologda, Russia.
Contact information: e-mail: coretra@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7699-0181; Elibrary SPIN-code: 5079–5628.

Статья поступила в редакцию 01.04.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

Приложение

Половозрастные пирамиды регионов СЗФО (на начало 2024 г.; сценарии — инерционный и повышения рождаемости к 2035 г.)
Gender and age pyramids of the Northwestern Federal District regions (at the beginning of 2024; inertia and increase in fertility scenarios by 2035)

Вологодская область
Калининградская область
Ненецкий АО
Ленинградская область
Женщины
Мужчины
Женщины (на начало 2024 г.)
Женщины (сценарий повышения рождаемости)
Мужчины (на начало 2024 г.)
Мужчины (инерционный сценарий)
Женщины (инерционный сценарий)
Мужчины (сценарий повышения рождаемости)

*На диаграмме для Санкт-Петербурга не отражена полностью прогнозная численность женщин в возрасте 85 лет и старше по инерционному сценарию (144537 человек) и сценарию повышения рождаемости (144537 человек).

Источник: рассчитано по данным Росстата.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-35-46
EDN: HHEGME

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ

Архангельский В.Н.[1,2*], Козлова О.А.[3], Макарова М.Н.[3]

[1]МГУ имени М.В. Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)
[2]ИСД ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6)
[3]Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29)
**E-mail: archangelsky@yandex.ru*

Для цитирования:
Архангельский В.Н., Козлова О.А., Макарова М.Н. Региональные различия половозрастной структуры и её влияние на естественный прирост населения // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 35-46. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-35-46; EDN: HHEGME

Аннотация. *В статье представлены результаты исследования по актуальной проблеме, обусловленной трансформацией половозрастной структуры населения и её влияния на динамику естественного прироста населения в различных регионах страны. Цель исследования состояла в выявлении основных предикторов динамики естественного прироста населения, в том числе, роли в данном процессе половозрастной структуры населения. Новизна исследования заключается в разработке методического инструментария оценки влияния половозрастной структуры на динамику естественного прироста населения с использованием таких индикаторов, как соотношение численности женщин репродуктивного возраста (15–49 лет), численности населения обоих полов в возрасте 60 лет и старше и возрастных коэффициентов естественного прироста как разности между возрастными коэффициентами рождаемости и смертности для женщин репродуктивного возраста и для остальных половозрастных групп населения. Использовались данные Росстата по 85 субъектам РФ[1]. В ходе исследования были использованы методы сравнения, группировки, индексный метод, модифицированный для цели исследования, что позволило определить не только силу влияния половозрастной структуры населения на отклонение регионального естественного прироста от общероссийского, но и сравнить, какой из трёх компонентов естественного прироста (возрастные коэффициенты рождаемости и смертности, половозрастная структура) оказывает на него более существенное влияние. Проведена оценка региональных различий влияния половозрастной структуры населения на коэффициент естественного прироста с учётом того, на сколько ‰-ных пунктов общий коэффициент естественного прироста в данном регионе был бы больше или меньше, чем в целом по России, если бы различия между ними определялись только различиями в половозрастной структуре населения. Полученные результаты имеют значение для более глубокого понимания региональных процессов воспроизводства населения и обоснования необходимости дифференцированного подхода к реализации демографической политики в регионах России.*

Ключевые слова: *естественный прирост, половозрастная структура населения, регионы, дифференциация, оценка.*

© Архангельский В.Н., Козлова О.А., Макарова М.Н., 2026

[1] По Донецкой и Луганской Народным Республикам, Запорожской и Херсонской областям данных нет.

Введение

В современных условиях понимание механизмов влияния демографических процессов на динамику численности населения становится ключевым фактором для формирования эффективной государственной политики в сфере народонаселения [1; 2]. Демографические процессы выступают в качестве одного из основных факторов социально-экономического развития [3], определяющего вектор движения общества в долгосрочной перспективе, поскольку динамика численности и структуры населения оказывают влияние на формирование трудовых ресурсов и уровня занятости, качество жизни населения, а также развитие социальной инфраструктуры. Кроме того, наблюдается усиление региональной дифференциации демографического развития, что создаёт необходимость в разработке дифференцированных подходов к демографической политике. Таким образом, исследование взаимосвязей демографических показателей представляет собой актуальную научную задачу, решение которой позволит по-новому взглянуть на демографическое развитие регионов и обеспечить их устойчивое социально-экономическое развитие.

Половозрастная структура населения представляет собой демографический показатель, отражающий распределение населения по полу и возрастным группам, изменения в которой во времени и пространстве связывают с экономическими и социальными характеристиками исследуемого населения. Сравнительные оценки различных возрастных структур осуществляются на основе различных стандартов возрастной структуры (единый численный индекс распределения населения Пирла[2] индекс наклона возрастной пирамиды Ю.А. Корчак-Чепурковского [4], а также с помощью коэффициентов соотношения отдельных возрастных групп (коэффициент демографической нагрузки пожилыми [5], показатель инстабильности возрастной структуры населения [6], оценки структурных сдвигов [7] и других[3]).

В контексте теории демографического перехода, представляющего собой фундаментальную трансформацию режимов воспроизводства населения [8–10], возрастная структура населения становится важнейшим фактором динамики численности населения [11]. Его оценка может быть выражена в потенциале роста населения — показателе, предложенном в 1945 г. П.-Э. Венсаном, который характеризует прирост теоретического стабильного населения за счёт исходной возрастной структуры и при условии неизменности его режима воспроизводства. В отличие от подхода Венсана, в отношении реального населения представляют интерес идеи С. Престона [12], который предложил для анализа демографических процессов использовать разложение коэффициента естественного прироста на две составляющие, обусловленные воздействием возрастной структуры и интенсивностью режима воспроизводства населения. Именно этот методологический подход, на наш взгляд, может быть применён для оценки региональных различий влияния половозрастной структуры на естественный прирост населения, что позволит углубить теоретические представления о региональной специфике демографических процессов и обосновать необходимость дифференциации инструментов управления в сфере народосбережения.

Методы и информационная база исследования

Исследователи региональных особенностей возрастной структуры населения во взаимосвязи с другими демографическими процессами сходятся во мнении, что старение населения является глобальным и необратимым процессом для России [13], однако его интенсивность и проявления сильно варьируются по субъектам РФ [14]. При этом именно возрастная структура населения в существенной мере определяет различия между

[2] Возрастная структура населения // Народонаселение: энциклопедический словарь. – Москва : Большая российская энциклопедия, 1994. – URL : https://bigenc.ru / c / vozrastnaia-struktura-naseleniia-91b16e (дата обращения: 13.02.26).

[3] Рябцев В.М., Чудилин Г.И. Региональная статистика. – Москва : МИД, 2001. – 380 с.

российскими регионами в динамике численности населения [11] наряду с процессами старения [15; 16] и миграции [17].

На наш взгляд, индикатором половозрастной структуры населения при оценке её влияния на естественный прирост, во-первых, может служить соотношение численности женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) и численности населения (обоих полов) в возрасте 60 лет и старше. Во-вторых, более конкретно оценить влияние половозрастной структуры на естественный прирост населения позволяет использование индексного метода. В этом случае специально рассчитывается возрастной коэффициент естественного прироста как разность между возрастными коэффициентами рождаемости и смертности: для женщин репродуктивного возраста это будет разность между этими показателями, а для остальных половозрастных групп — возрастной коэффициент смертности со знаком минус. Набор индексов применительно к общему коэффициенту естественного прироста населения выглядит следующим образом:

$$\frac{k1}{k0}=\frac{\sum\left\{\left(f_x^1-m_x^1\right)*s_x^1\right\}}{\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^0\right)*s_x^0\right\}}=\frac{\sum\left\{\left(f_x^1-m_x^1\right)*s_x^1\right\}}{\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^1\right)*s_x^1\right\}}*\frac{\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^1\right)*s_x^1\right\}}{\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^0\right)*s_x^1\right\}}*\frac{\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^0\right)*s_x^1\right\}}{\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^0\right)*s_x^0\right\}},$$

где k^1 и k^0 — общие коэффициенты естественного прироста сравниваемых населений; fx^1 и fx^0 — возрастные коэффициенты рождаемости сравниваемых населений; mx^1 и mx^0 — возрастные коэффициенты смертности (отдельно для женщин и мужчин) сравниваемых населений; sx^1 и sx^0 — доли населения каждой половозрастной группы в общей численности населения сравниваемых населений.

Четвёртый (последний) индекс в этом наборе показывает влияние различий в половозрастной структуре населения на различия общих коэффициентов естественного прироста, то есть во сколько раз данный показатель у одного населения был бы больше или меньше, чем у другого населения, если бы различия между ними определялись только различиями в половозрастной структуре населения. Учитывая, что, в отличие от общих коэффициентов рождаемости и смертности, общий коэффициент естественного прироста может быть как положительной, так и отрицательной величиной, в классическом виде индексный метод здесь не применим (при делении без использования модуля «пропадает» знак). Однако представляется возможным модифицировать индексный метод, заменив деление вычитанием — тогда формула выглядит следующим образом:

$$k^1-k^0=\left(\sum\left\{\left(f_x^1-m_x^1\right)*s_x^1\right\}\right)-\left(\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^0\right)*s_x^0\right\}\right)=$$

$$=\left[\sum\left\{\left(f_x^1-m_x^1\right)*s_x^1\right\}-\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^1\right)*s_x^1\right\}\right]+$$

$$\left[\sum\left\{\left(\mathrm{f}_\mathrm{x}^0-\mathrm{m}_\mathrm{x}^1\right)*\mathrm{s}_\mathrm{x}^1\right\}-\sum\left\{\left(\mathrm{f}_\mathrm{x}^0-\mathrm{m}_\mathrm{x}^0\right)*\mathrm{s}_\mathrm{x}^1\right\}\right]+\left[\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^0\right)*s_x^1\right\}-\sum\left\{\left(f_x^0-m_x^0\right)*s_x^0\right\}\right]$$

Четвёртое (последнее) вычитание показывает на сколько ‰-ных пунктов общий коэффициент естественного прироста у населения одного региона был бы больше или меньше, чем у населения другого региона, если бы различия между ними определялись только различиями в половозрастной структуре населения. Расчёты с использованием модифицированного индексного метода могут быть осуществлены по субъектам РФ только за 2023 г., поскольку за 2024 г. возрастные коэффициен-

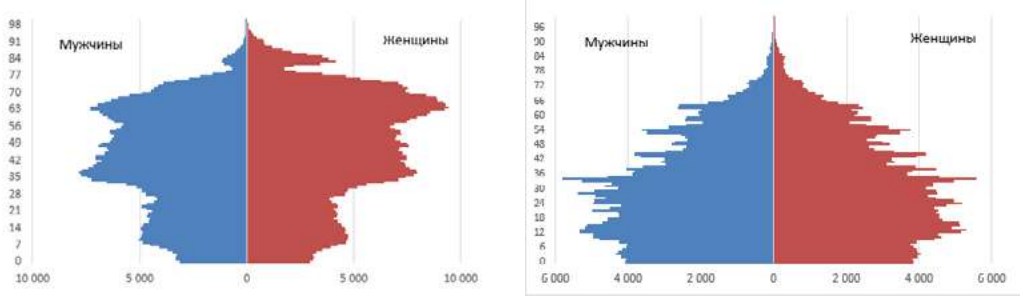
ты рождаемости и смертности недоступны для использования.

В данном исследовании для того, чтобы оценить как различия половозрастной структуры населения влияют на коэффициент естественного прироста населения с использованием модифицированного индексного метода, показатели по каждому субъекту РФ соотносились с показателями по России в целом. Таким образом, для каждого региона был проведён расчёт того, на сколько ‰-ных пунктов общий коэффициент естественного прироста населения в данном регионе был бы больше или меньше, чем в целом по России, если бы различия между ними определялись только различиями в половозрастной структуре населения. Таким образом, сравнение показателей по всем регионам с общероссийским уровнем является индикатором региональных различий и позволяет классифицировать субъекты РФ в зависимости от соотношения исследуемых показателей.

Результаты и обсуждение

В половозрастной структуре населения России на начало 2025 г. численность женщин в возрасте 15–49 лет (34068,2 тыс.) лишь ненамного (на 4,3%) меньше численности всего населения в возрасте 60 лет и старше (35586,6 тыс.). В 52 субъектах РФ, как и в целом по стране, численность женщин репродуктивного возраста меньше численности населения обоих полов в возрасте 60 лет и старше. Наибольшая разница между ними в Тамбовской области, где численность женщин 15–49 лет на начало 2025 г. была меньше численности всего населения в возрасте 60 лет и старше на 29,1% (рис. 1а). В 33 субъектах РФ, наоборот, численность женщин репродуктивного возраста больше численности населения в возрасте 60 лет и старше. В 3 регионах разница между ними более, чем двукратная, а наибольший перевес численности женщин в возрасте 15–49 лет над численностью населения обоих полов в возрасте 60 лет и старше имеет место в Республике Ингушетии и составляет 2,77 раза (рис. 1б).

Дифференциация субъектов РФ по соотношению численности женщин 15–49 лет и численности всего населения в возрасте 60 лет и старше тесно взаимосвязана с различиями между ними по величине общего коэффициента естественного прироста населения. Коэффициент корреляции между этим индикатором на начало 2025 г. и общим коэффициентом естественного при-

а) Тамбовская область

б) Республика Ингушетия

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения Тамбовской области и Республики Ингушетия (на начало 2025 г.)

Fig. 1. Sex-age pyramid of the population of Tambov oblast and the Republic of Ingushetia (on 01.01.2025)

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС. — URL : (https://fedstat.ru / indicator / 33459; https://fedstat.ru / indicator / 31548) (дата обращения: 20.02.26).

роста населения за 2024 г.[4] составляет 0,90[5]. Во всех субъектах РФ, в которых на начало 2025 г. отношение численности женщин в возрасте 15–49 лет к численности всего населения в возрасте 60 лет и старше превышало 1,4 раз, в 2024 г. отмечался естественный прирост населения. Отметим, что в Чукотской АО он был небольшим (0,4‰), что связано с относительно высоким уровнем смертности в данном регионе. Исключение составляет и Республика Алтай, где в 2024 г. отмечалась естественная убыль населения несмотря на сложившуюся половозрастную структуру (табл. 1).

Почти во всех регионах с соотношением этих половозрастных групп менее 1,30 в 2024 г. имела место естественная убыль населения (исключение составляют только республики Карачаево-Черкесская и Северная Осетия — Алания, Москва). Таким образом, в данной ситуации можно говорить о 30%-ном превышении численности женщин 15–49 лет по сравнению с численностью всего населения в возрасте 60 лет и старше как пороговом значении, отделяющем естественный прирост от естественной убыли населения. В большинстве субъектов РФ, в которых численность женщин репродуктивного возраста больше численности населения в возрасте 60 лет и старше в 1,00–1,29 раза, естественная убыль населения не превышает 5,0‰. Больше она только в Хабаровском крае, Амурской и Магаданской областях, Еврейской АО.

Среди регионов, в которых соотношение численности женщин 15–49 лет и численности всего населения в возрасте 60 лет и старше находится в диапазоне от 0,90 до 1,00, уже более чем в половине естественная убыль населения в 2024 г. была больше 5,0‰. А среди 21 региона, где это соотношение составляет от 0,80 до 0,90, кроме Москвы с естественным приростом населения, убыль населения более 5,0‰. Среди регионов, в которых указанное соотношение менее 0,80, т.е. численность женщин репродуктивного возраста более, чем на 20% меньше численности населения в возрасте 60 лет и старше, естественная убыль населения составляет более 9,0‰, а наибольшая наблюдалась во Владимирской и Псковской областях (10,0‰).

На основе предложенного модифицированного индексного метода проведена оценка региональных различий влияния половозрастной структуры населения на коэффициент естественного прироста (табл. 2).

В 44 субъектах РФ половозрастная структура населения в 2023 г. была более благоприятной с точки зрения влияния на естественный прирост населения, чем в целом по России. В одном регионе (Республика Марий Эл) её влияние совпало с общероссийским. В 40 регионах, наоборот, половозрастная структура населения вносила в 2023 г. отрицательный вклад в отличие от величины общего коэффициента естественного прироста населения в целом по стране в целом по стране.

Как и индикатор соотношения численности женщин в возрасте 15–49 лет и численности населения в возрасте 60 лет и старше, так и основанная на использовании модифицированного индексного метода оценка влияния половозрастной структуры населения на отличие региональной величины общего коэффициента естественного прироста от общероссийской свидетельствуют о том, что наиболее благоприятная половозрастная структура населения, с точки зрения влияния на естественный прирост населения, имеет место в Республике Ингушетия. Если бы отличия от показателя по России в целом в величине общего коэффициента естественного прироста населения в 2023 г. определялись только различиями в половозрастной структуре населения, то в Республике Ингушетия они составляли бы 9,6‰-ных пунктов. Свыше 5‰-ных пунктов они в этом случае были бы также

[4] Данные Росстата. – URL : https://rosstat.gov.ru / storage / mediabank / EDN_12–2024.htm (дата обращения: 20.02.26).

[5] Следует иметь в виду, что, наряду с очевидным влиянием половозрастной структуры населения на естественный прирост населения, имеет место и обратное влияние — естественный прирост, в значительной мере, зависит от уровня рождаемости, который влияет на формирование половозрастной структуры населения. Однако исследование такой взаимосвязи выходит за рамки данного исследования.

Таблица 1

Группировка субъектов РФ по соотношению численности женщин 15-49 лет и численности всего населения в возрасте 60 лет и старше (на начало 2025 г.) и общему коэффициенту естественного прироста населения в 2024 году

Table 1

Grouping of the RF subjects according to the ratio of the number of women aged 15-49 years and the total population aged 60 years and older (on 01.01.2025) and the total natural population growth rate in 2024

Соотношение	Общий коэффициент естественного прироста населения (‰)		
	0,1 и более	-5,0 – 0,0	менее -5,0
1,30 и более	11 регионов (республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Саха (Якутия), Тыва и Чеченская, область Тюменская, АО Ненецкий, Ханты-Мансийский–Югра, Чукотский и Ямало-Ненецкий)	1 регион (Республика Алтай)	–
1,00 – 1,29	2 региона (республики Карачаево-Черкесская и Северная Осетия - Алания)	15 регионов (республики Адыгея, Бурятия, Калмыкия и Хакасия, края Забайкальский, Камчатский, Красноярский и Ставропольский, области Астраханская, Иркутская, Московская, Мурманская, Новосибирская и Томская, Севастополь)	4 региона (Хабаровский край, области Амурская и Магаданская, Еврейская АО)
менее 1,00	1 регион (Москва)	6 регионов (республики Башкортостан и Татарстан, край Краснодарский, области Сахалинская и Свердловская, Санкт-Петербург)	45 регионов (республики Карелия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская и Чувашская, края Алтайский, Пермский и Приморский, области Архангельская, Белгородская, Брянская, Владимирская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Костромская, Курганская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Омская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ульяновская, Челябинская и Ярославская)

Источник: рассчитано авторами по данным ЕМИСС (URL: https://fedstat.ru/indicator/33459; https://fedstat.ru/indicator/31548) и Росстата (URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/EDN_12-2024.htm) (дата обращения: 20.02.26).

Таблица 2

Группировка субъектов Российской Федерации по разнице с общероссийской величиной общего коэффициента естественного прироста населения в 2023 г., обусловленной отличием половозрастной структуры населения

Table 2

Grouping of the RF subjects by difference from the total natural population growth rate in 2023, due to the difference in the sex-age structure of the population

Разница с общероссийской величиной общего коэффициента естественного прироста населения в 2023 г., обусловленная отличием половозрастной структуры населения (‰-ные пункты)		Количество субъектов РФ, единиц
Сильная положительная	От 5,0‰-ных пунктов и выше	7
Слабая положительная	От 0,0‰-ных пунктов до 5,0‰-ных пунктов	38
Слабая отрицательная	От –2,5‰-ных пунктов до 0,0‰-ных пунктов	34
Сильная отрицательная	От –2,5‰-ных пунктов и ниже	6

Источник: рассчитано авторами по данным Росстата.

в Чеченской Республике (8,4‰-ных пунктов), Республике Тыва (7,7‰-ных пунктов), Республике Дагестан (6,5‰-ных пунктов), Ямало-Ненецком АО (6,2‰-ных пунктов) и Чукотском АО (5,9‰-ных пунктов), Республике Саха (Якутия) (5,5‰-ных пунктов).

С другой стороны, наиболее неблагоприятная половозрастная структура населения по этому критерию в 2023 г. была в Кировской и Тамбовской областях. За счёт её влияния общий коэффициент естественного прироста населения в них был на 3,1‰-ных пунктов меньше, чем в целом по России. 3,0‰-ных пунктов эта величина составляла в Курганской и Тульской областях, 2,8‰-ных пунктов — в Рязанской области, 2,5‰-ных пунктов — в Костромской области.

Два индикатора половозрастной структуры населения, использованные в исследовании — отношение численности женщин в возрасте 15–49 лет к численности всего населения в возрасте 60 лет и старше и оценка влияния половозрастной структуры населения на отличие региональной величины общего коэффициента естественного прироста от общероссийской — очень тесно взаимосвязаны между собой (коэффициент корреляции — 0,95).

Предложенный модифицированный индексный метод позволяет определить не только силу влияния половозрастной структуры населения на отклонение регионального естественного прироста от общероссийского уровня, но и сравнить, какой из трёх компонентов естественного прироста (возрастные коэффициенты рождаемости и смертности, половозрастная структура) оказывает более существенное влияние. Так, в 22 российских регионах, где в 2023 г. общий коэффициент естественного прироста был выше среднероссийского уровня, наблюдается положительное влияние половозрастной структуры населения. Причём в 8 из них (республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия и Саха (Якутия), область Тюменская, АО Ханты-Мансийский — Югра и Ямало-Ненецкий) вклад половозрастной структуры в повышенные значения естественного прироста населения выше, чем вместе взятые положительные вклады возрастных коэффициентов рождаемости и смертности. И, наоборот, в 14 регионах, где в 2023 г. общий коэффициент естественного прироста был ниже среднероссийского уровня, отмечается наибольшее отрицательное влияние половозрастной структуры населения, причём в областях Калужская, Рязанская, Тамбовская, Тульская и Ульяновская её влияние сильнее, чем вместе взятые отрицательные вклады возрастных коэффициентов рождаемости и смертности. В остальных регионах отклонение общего коэффициента есте-

ственного прироста от среднероссийского уровня определяется в основном возрастными показателями рождаемости и смертности, а вклад половозрастной структуры населения менее значителен.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии региональных различий как в самой половозрастной структуре населения, так и в её влиянии на формирование естественного прироста населения. Полученные результаты важны, во-первых, с точки зрения более глубокого понимания процессов воспроизводства населения, во-вторых, в качестве обоснования необходимости дифференцированного подхода к реализации демографической политики в регионах России.

Отдельно отметим методологические ограничения проведенного исследования, которые одновременно определяют вектор для дальнейших научных изысканий. Во-первых, использование границ репродуктивного (15–49 лет) и пожилого (60 лет и старше) возраста обусловлено необходимостью обеспечения сопоставимости с официальной статистикой Росстата. Однако эти границы могут не в полной мере отражать современные поведенческие сдвиги: ядро рождаемости в современной России все больше смещается в диапазон 18–42 лет, а универсальной демографической границей старения всё чаще признается возраст 65 лет и старше. Адаптация индикаторов под эти новые тенденции в демографическом поведении населения является важной задачей для последующих исследований. Во-вторых, оценка влияния структурных факторов на основе данных за один конкретный год несет в себе риск конъюнктурного искажения картины из-за наложения циклических демографических волн. Для выявления более устойчивых региональных трендов в будущих работах целесообразно применять сглаживание данных и рассчитывать индексы в среднем за многолетний период. В-третьих, общий коэффициент естественного прироста является синтетическим индикатором, формируемым двумя разнонаправленными процессами. Применённый в статье индексный метод позволяет оценить суммарный вклад половозрастной структуры в отклонение регионального естественного прироста от общероссийского, он не разделяет структурные эффекты отдельно для рождаемости и смертности. Направлением развития предложенного методического инструментария является его дополнение процедурой прямой стандартизации общих коэффициентов рождаемости и смертности, что позволит измерить эффект возрастной структуры для каждого из этих процессов независимо. Несмотря на указанные ограничения, полученные результаты сохраняют свою значимость для диагностики регионального демографического дисбаланса и обоснования необходимости дифференцированного подхода к реализации демографической политики

Заключение

Проведённое исследование позволило достичь поставленной цели провести анализ изменения половозрастной структуры населения в разрезе регионов и оценить её влияние на динамику регионального естественного прироста населения. В качестве основных результатов, определяющих научную новизну и практическую значимость исследования, можно выделить следующие.

1. Разработка и апробация методического инструментария оценки влияния половозрастной структуры населения на динамику естественного прироста, позволяющего определять силу влияния половозрастной структуры населения на отклонение регионального естественного прироста от общероссийского уровня и проводить сравнения возрастных коэффициентов рождаемости и смертности и половозрастной структуры по силе данного влияния.

2. Подтверждение значительной роли половозрастной структуры населения в динамике естественного прироста населения и наличия региональных различий как в самой половозрастной структуре населения, так и в её влиянии на динамику естественного прироста населения. Разработанный методический инструментарий создаёт ос-

нову для формирования дифференцированного подхода к формированию и реализации демографической политики как необходимого условия повышения её результативности на уровне регионов.

3. Полученные результаты важны как с точки зрения более глубокого понимания региональных процессов воспроизводства населения, так и в качестве основы по обоснованию дифференцированного подхода к реализации демографической политики в российских регионах. Перспективы дальнейших исследований видятся в реализации следующих направлений: 1) проведение дальнейших исследований по выявлению закономерностей в динамике естественного прироста и половозрастной структуры населения; 2) разработка и апробация целевых программ для конкретных регионов с учётом выявленной региональной специфики динамических взаимосвязей половозрастной структуры и естественного прироста населения. Осуществление этих направлений будет способствовать совершенствованию научного инструментария формирования и реализации демографической политики на уровне регионов в условиях современных демографических вызовов.

Литература и Интернет-источники

1. ***Безвербный, В.А.*** Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России / В.А. Безвербный, Т.К. Ростовская, А.М. Ситковский, С.В. Рославцев // Уровень жизни населения регионов России. — 2025. — Т. 21. — № 4. — С. 602–617. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617; EDN: YZRFOF
2. ***Гуриева, Л.К.*** Экономика и демография региона: взаимозависимость проблем и возможности их решения / Л.К. Гуриева, А.В. Джиоев // Экономика, предпринимательство и право. — 2022. — Т. 12. — № 12. — С. 3447–3464. DOI: 10.18334/epp.12.12.116895; EDN: JKMCZC
3. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. — Москва : Новое издательство, 2006. — 608 с. EDN: SUQARX
4. ***Корчак-Чепурковский, Ю.А.*** Избранные демографические исследования / Ю.А. Корчак-Чепурковский. — Москва, 1970. — 388 с.
5. ***Доброхлеб, В.Г.*** Демографическое старение в России и новая социальная реальность / В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2022. — Т. 25.– № 2. — С. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6; EDN: SCLQUP
6. ***Пирожков, С.И.*** Демографические процессы и возрастная структура населения / С.И. Пирожков. — Москва : Статистика, 1976. — 136 с.
7. ***Секицки-Павленко, О.О.*** Типология трансформации возрастной структуры населения регионов России / О.О. Секицки-Павленко // Экономика региона. — 2023. — Т. 19. — № 3. — С. 813–827. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-15; EDN: SIIUTP
8. ***Landry, A.*** Révolution démographique / A. Landry, A. Girard. — Paris : INED, 1982. — 230p. (in French)
9. ***Notestein, F.W.*** Economic Problems of Population Change / F.W. Notestein // Proceeding of the Eighth International Conference of Agricultural Economics. — London : Oxford University Press, 1953. — P. 13–31.
10. ***Thompson, W.S.*** Movements of Population / W.S. Thompson // American Journal of Sociology. — 1935. — Vol. 40. — No. 6. — P. 713–719. DOI: 10.1086/216974
11. ***Архангельский, В.Н.*** Возрастная структура как фактор будущей динамики численности населения / В.Н. Архангельский, Ю.В. Зинькина, С.Г. Шульгин // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 2. — С. 18–33. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-02; EDN: UWRDYS
12. ***Preston, S.H.*** Empirical analysis of the contribution of age composition to population growth / S.H. Preston // Demography. — 1970. — Vol.7. — Issue 4. — P. 417–432.
13. ***Доброхлеб, В.Г.*** Демографические теории и региональный аспект старения населения / В.Г. Доброхлеб, В.Н. Барсуков // Экономические и социальные перемены: факты, тен-

денции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 6. — С. 89–103. DOI: 10.15838/esc / 2017.6.54.6; EDN: YMWXGQ

14. ***Секицки-Павленко, О.О.*** Обзор исследований возрастной структуры населения в отечественной литературе / О.О. Секицки-Павленко // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 83–95. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-83-95; EDN: CZCUZV
15. ***Сафарова, А.А.*** Трансформация возрастной структуры и старение населения регионов Северо-Западного федерального округа / А.А. Сафарова, Г.Л. Сафарова // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. — 2021. — № 3(66). — С. 94–102. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-94-102; EDN: EGBKFN
16. ***Черешнев, В.А.*** Выявление региональных особенностей старения населения России / В.А. Черешнев, Е.В. Чистова // Экономический анализ: теория и практика. — 2017. — Т. 16. — № 12. — С. 2206–2223. DOI: 10.15838/esc / 2017.6.54.6; EDN: ZXQUOL
17. ***Мкртчян, Н.В.*** Возрастная структура населения России и её влияние на внутреннюю миграцию / Н.В. Мкртчян // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2015. — Т. 13. — С. 209–221. EDN: VBCJND

Сведения об авторах:

Архангельский Владимир Николаевич, к.э.н., зав. сектором, МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник, ИСД ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: archangelsky@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7091-9632; РИНЦ SPIN-код: 1472–3201.

Козлова Ольга Анатольевна, д.э.н., профессор, руководитель центра, Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.
Контактная информация: e-mail: kozlova.oa@uiec.ru; ORCID: 0000-0002-0448-3519; РИНЦ SPIN-код: 8102–7666.

Макарова Мария Никитична, к.э.н., старший научный сотрудник Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.
Контактная информация: e-mail: makarova.mn@uiec.ru; ORCID: 0000-0001-6144-6178; РИНЦ SPIN-код: 8630–5215.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-35-46

REGIONAL DIFFERENCES IN THE SEX-AGE STRUCTURE AND ITS IMPACT ON NATURAL POPULATION GROWTH

Vladimir N. Arkhangelsky[1,2]*, Olga A. Kozlova[3], Maria N. Makarova[3]

[1]Lomonosov Moscow State University
(1 Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991)
[2]ISD FCTAS RAS
(6 Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)
[3]Institute of Economics of the Ural Branch RAS
(29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620014)

**E-mail: archangelsky@yandex.ru*

For citation:
Arkhangelsky V.N., Kozlova O.A., Makarova M.N. Regional differences in the sex-age structure and its impact on natural population growth. Narodonaselenie. [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 35-46. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-35-46 (in Russ.)

Abstract. *The article presents the results of a study on an urgent problem caused by the transformation of the sex-age structure of the population and its impact on the dynamics of natural population growth*

in various regions of the country. The purpose of the study was to identify the main predictors of the dynamics of natural population growth, including the role of the sex-age structure of the population in this process. The novelty of the study lies in the development of a methodological tool for assessing the impact of the sex-age structure on the dynamics of natural population growth using indicators such as the ratio of the number of women of reproductive age (15–49 years), the number of people of both sexes aged 60 years and older, and the age-specific rates of natural growth as the difference between the age-specific rates of fertility and mortality for women of reproductive age and for other sex-age groups of the population. The study used data from Rosstat for 85 subjects of the Russian Federation. The study used comparison methods, grouping methods, and index method modified for the purpose of the study, so the authors were allowed not only to assess the effect of sex-age structure of the population on the deviation of regional natural growth from the national average, but also to find out which of the three components of natural growth (age-specific birth and death rates, and sex-age structure) has the most significant impact on it. The study assesses regional differences in the impact of the sex-age structure of the population on the natural growth rate, taking into account how many ‰-points the overall natural growth rate in a given region would be higher or lower than the national average if the differences were solely due to the sex-age structure of the population. The findings have both scientific and practical significance for a deeper understanding of the regional population reproduction processes and the need for a differentiated approach to implementing demographic policies in Russian regions.

Keywords: *natural increase, sex-age structure of population, regions, differentiation, assessment.*

References and Internet sources

1. Bezverbny V.A., Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M., Roslavtsev S.V. Vzaimosvyazi demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh pokazatelej razvitiya regionov Rossii [The interrelationship of demographic and socio-economic indicators of regional development of Russia]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2025. Vol. 21. No. 4. P. 602–617. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617 (in Russ.)
2. Gurieva L.K., Dzhioev A.V. Ekonomika i demografiya regiona: vzaimozavisimost'» problem i vozmozhnosti ikh resheniya [The region's economy and demography: the interdependence of problems and opportunities for solutions]. Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [*Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*]. 2022. Vol. 12. No. 12. P. 3447–3464. DOI: 10.18334/epp.12.12.116895 (in Russ.)
3. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [*Demographic Modernization of Russia, 1900–2000*]. Ed. A.G. Vishnevsky. Moscow. 2006. 608 p. (in Russ.)
4. Korchak-Chepurkowsky Yu. A. Izbrannyye demograficheskyie issledovaniya [*Selected Demographic Studies*]. Moscow. 1970. 388 p. (in Russ.)
5. Dobrokhleb V.G. Demograficheskoye stareniye v Rossii i novaya sotsial'naya real'nost'» [Demographic aging in Russia and new social reality]. Narodonaselenie [*Population*]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 66–76. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.6 (in Russ.)
6. Pirozhkov S.I. Demograficheskiye protsessy i vozrastnaya struktura naseleniya [*Demographic Processes and Age Structure of the Population*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1976. 136 p. (in Russ.)
7. Sekicki-Pavlenko O.O. Tipologiya transformatsii vozrastnoj struktury naseleniya regionov Rossii [Typology of the transformation of the age structure in Russian regions]. Ekonomika regiona [*Economy of Regions*]. 2023. Vol. 19. No. 3. P. 813–827. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-3-15 (in Russ.)
8. Landry A., Girard A. *Révolution démographique*. Paris.1982. 230 p. (in French)
9. Notestein F.W. Economic problems of population change. *Proceedings of the Eighth International Conference of Agricultural Economics*. London. Oxford University Press. 1953. P. 13–31.
10. Thompson W.S. Movements of Population. *American Journal of Sociology*. 1935. Vol. 40. No. 6. P. 713–719. DOI: 10.1086/216974

11. Arkhangelsky V.N., Zinkina Yu. V., Shulgin S.G. Vozrastnaya struktura kak faktor budushchej dinamiki chislennosti naseleniya [Age structure as a factor of future population dynamics]. Narodonaselenie [*Population*]. 2018. Vol. 21. No. 2. P. 18–33. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-2-02 (in Russ.)
12. Preston S.H. Empirical analysis of the contribution of age composition to population growth. *Demography*. 1970. Vol. 7. Iss. 4. P. 417–432.
13. Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. Demograficheskiye teorii i regional'nyj aspect stareniya naseleniya [Demographic theories and the regional aspect of population ageing]. Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2017. Vol. 10. No. 6. P. 89–103. DOI: 10.15838/esc / 2017.6.54.6 (in Russ.)
14. Sekicki-Pavlenko O.O. Obzor issledovanij vozrastnoj struktury naseleniya v otechestvennoj literature [Review of studies on the age structure of population in Russian literature]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 83–95. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-83-95 (in Russ.)
15. Safarova A.A., Safarova G.L. Transformatsiya vozrastnoj struktury i stareniye naseleniya regionov Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Age structure transformation and the aging of the population in the regions of the Northwestern Federal District]. Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya [*Economy of the NorthWest: Problems and Development Prospects*]. 2021. No. 3(66). P. 94–102. DOI: 10.52897/2411-4588-2021-3-94-102 (in Russ.)
16. Chereshnev V.A., Chistova E.V. Vyyavleniye regional'nykh osobennostej stareniya naseleniya Rossii [Determination of regional aspects of population aging in Russia]. Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika [*Economic Analysis: Theory and Practice*]. 2017. Vol. 16. No. 12. P. 2206–2223. DOI: 10.15838/esc/2017.6.54.6 (in Russ.)
17. Mkrtchyan N.V. Vozrastnaya struktura naseleniya Rossii i yeyo vliyaniye na vnutrennyuyu migratsiyu [Age structure of Russia's population and its influence on internal migration]. Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN [*Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*]. 2015. Vol. 13. P. 209–221. (in Russ.)

Information about the authors:

Arkhangelsky Vladimir Nikolaevich, Candidate of Economics, Head of Sector, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Leading Researcher, ISD FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: archangelsky@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7091-9632; Elibrary SPIN code: 1472–3201.

Kozlova Olga Anatolyevna, Doctor of Economics, Professor, Head of Center, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia
Contact information: e-mail: kozlova.oa@uiec.ru; ORCID: 0000-0002-0448-3519; Elibrary SPIN code: 8102–7666.

Makarova Maria Nikitichna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.
Contact information: e-mail: makarova.mn@uiec.ru; ORCID: 0000–0001–6144–6178; Elibrary SPIN code: 8630–5215.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-47-58
EDN: JEMXRP

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМОЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕГО СТАРЕНИЯ

Галынчик Т.А.*, Данилова С.В., Волкова И.А.

Нижневартовский государственный университет
(628602, Россия, Нижневартовск, ул. Ленина, 56)

**E-mail: tagal82@mail.ru*

Для цитирования:
Галынчик Т.А., Данилова С.В., Волкова И.А. Международный опыт управления системой воспроизводства населения в условиях его старения // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 3. – С. 47-58. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-47-58; EDN: JEMXRP

Аннотация. *Любое государство, обособленный регион, территория, с учётом специфики территориальных демографических процессов, создают и реализуют собственные демографические программы, направленные на стимулирование демографических процессов в необходимом направлении. Целью данного обзорного исследования является анализ отдельных элементов демографической политики разных стран, а также применяемых инструментов реализации данного вида политики. В статье исследованы демографические процессы отдельных государств. Авторами обоснованно отмечается, что значительное количество государств столкнулось с проблемой существенного снижения рождаемости: высокие показатели качества жизни, более осознанный подход к созданию семьи, воспитанию, понимание необходимости дополнительных расходов при рождении ребёнка, все это влияет на рождаемость. Одновременно растёт и продолжительность жизни, что требует от органов власти пересмотра программ в области демографии, а также общей концепции демографической политики. Выявлено, что миграционная политика является одним из элементов демографической политики государства, но международная миграция перестаёт приносить высокие показатели рождаемости, так как с повышением качества жизни прибывающего населения, их ассимиляцией в местном обществе, повышаются и уровень образования, и продолжительность жизни, и требования к качеству жизни, что влияет и на показатели рождаемости. Проведённое исследование указывает, что демографическая политика большинства государств представляет собой достаточно сложную совокупность программ и инструментов, с помощью которых данные программы реализуются, но в построении демографической политики следует в обязательном порядке учитывать интересы всех общественных групп независимо от возраста и социального статуса.*

Ключевые слова: *демографическая политика; демографические процессы; качество жизни; миграционная политика; продолжительность жизни; рождаемость.*

© Галынчик Т.А., Данилова С.В., Волкова И.А., 2026

Введение

Понимание необходимости проведения различных программных мероприятий в рамках демографической политики, а также формирование единого подхода в реализации демографической политики на определённой территории, постепенно формируется в мировом экономическом сообществе. Согласно исследованиям, например, Б. К. О'Нил, Д. Балк, М. Брикман и М. Эзра «Руководство по глобальным демографическим прогнозам», современная ситуация с демографическими процессами (снижением рождаемости) связана с развитием общества [1, с. 227].

В соответствии с докладом отдела народонаселения ООН 2019 г. «в большинстве стран разработана и реализуется комплексная демографическая политика, а также отдельные программы, направленные на стимулирование уровня рождаемости в нужных объёмах»[1]. Следует отметить, что не все страны реализуют политику, нацеленную на повышение рождаемости. Отдельные государства сдерживают рождаемость (страны Африки к югу от Сахары и Океании, кроме Австралии и Новой Зеландии), а некоторые — поддерживают на существующем уровне (страны Латинской Америки и Карибского бассейна). Остановимся подробнее на отдельных элементах демографической политики разных стран, а также применяемых инструментах реализации данного вида политики. Отметим присутствие определённых проблем в проведении глубины исследования, так как больший объём информации по реализации демографической политики доступен по развитым странам, а по слаборазвитым — данные минимальны. Подчеркнём, что это обзорное исследование.

Особенности демографической политики в странах мира

Большая часть правительств государств разрабатывает и реализует демографическую политику, нацеленную на повышение уровня рождаемости и, соответственно, на рост численности работоспособного населения, так как в большинстве стран, относящихся к развитым, наблюдается старение населения и снижение рождаемости. В докладе отдела народонаселения ООН отмечено, что в государствах с низким уровнем рождаемости реализуются государственные программы, направленные на прямое и косвенное стимулирование рождаемости через осуществление дополнительных выплат семьям с детьми, предоставление отпуска по уходу за ребёнком и прочее[2].

Необходимо акцентировать внимание на том, что в большинстве развитых и развивающихся стран в последние десятилетия происходят существенные изменения в процессах естественного прироста населения. В табл. 1 представлены характеристики демографических процессов в отдельных государствах.

Согласно данным, представленным в таблице, значительное количество самых разных государств столкнулось с проблемой существенного снижения рождаемости и естественного прироста населения. Высокие показатели качества жизни, более осознанный подход к созданию семьи, воспитанию, понимание необходимости дополнительных расходов при рождении ребёнка — всё это влияет на рождаемость. Одновременно растёт и продолжительность жизни, что требует от органов власти пересмотра программ в области демографии, а также общей концепции демографической политики.

В связи со стремительным старением населения, во многих странах демографическая политика трансформируется с учётом потребностей населения старшего возраста. Отдельные программы демографической политики стали соответствовать концепции «серебряной экономики» [16, с. 2]. В частно-

[1] Population Division of the United Nations Department of Economic and Social Affairs. World Population Policies 2021: Policies related to fertility. – URL : https://www.un.org / development / desa / pd / content / population-policies-0 (дата обращения: 01.06.2025).

[2] Population Division of the United Nations Department of Economic and Social Affairs. World Population Policies 2021: Policies related to fertility. – URL : https://www.un.org / development / desa / pd / content / population-policies-0. (дата обращения: 01.06.2025).

Таблица 1

Демографические тенденции в отдельных государствах

Table 1

Demographic trends in separate States

Государство	Описание демографической ситуации
Республика Беларусь	«В демографической сфере необходимо решить ряд важных проблем. Демографический вызов связан, прежде всего, с сокращением и старением населения. Проблема депопуляции актуальна для Беларуси с 1993 г. и с тех пор смертность ежегодно превышает рождаемость» [2, с. 53].
Хорватия	«Хорватская нация в настоящее время проходит процесс демографического вымирания. Демографическое вымирание началось до большой волны эмиграции. По оценкам, каждый год из Хорватии эмигрируют 30 000 граждан, в основном это молодые люди. Демографический сдвиг является неизбежным следствием значительного снижения смертности на работе и увеличения продолжительности жизни, а также сопровождается сниженной рождаемостью» [3, с. 22].
Румыния	«Число рождений детей уменьшилось с 6,64 млн в 1990 г. до 3,74 млн в 2022 г., при этом массовое снижение рождаемости считается основной причиной демографического спада. Сокращение количества детей сопровождается увеличением численности населения пенсионного и предпенсионного возраста. За период 1990-2022 гг. доля людей старше 65 лет в общей численности населения увеличилась почти вдвое: с 10,28% в 1990 г. до 19,46% в 2022 г., при этом коэффициент демографической нагрузки (соотношение между числом людей иждивенческого возраста и 100 человек трудоспособного возраста) увеличился за тот же период с 46,4 до 55,5» [4, с. 70].
Финляндия	«Является мировым лидером по старению населения: в настоящее время 29% всего населения и 38% всех взрослых находятся в возрасте 65 лет и старше. Старение населения происходит уже давно, сначала из-за демографически выраженного поколения финских бэби-бумеров, родившихся в 1945-1949 гг., а в последнее время – из-за изменений в рождаемости в период с 2010 по 2019 г., когда рождаемость резко снизилась, а уровень чистой миграции оставался скромным. В результате естественный прирост населения Финляндии отрицательный с 2016 года. Без увеличения уровня международной иммиграции прогнозируется сокращение населения Финляндии к 2034 г. примерно до 5,6 млн человек при условии сохранения текущих демографических тенденций» [5, с. 139].
Италия	«Сокращение численности населения, а также его прогрессирующее старение, в значительной степени объясняется динамикой рождаемости за последние 70 лет». «С уменьшением числа людей в фертильном возрасте число потенциальных родителей уменьшалось, в то время как экономические трудности для семей увеличивались. Неудивительно, что сочетание этих двух факторов вызвало обвал рождаемости, который с тех пор продолжается непрерывно» [6, с. 16].
Нидерланды	«Сохранение низкого уровня рождаемости в сочетании с высокой плотностью населения, в ближайшем будущем столкнётся с изменением демографической политики. До недавнего времени политику можно было назвать умеренно антинаталистской, направленной на сохранение рождаемости ниже уровня воспроизводства. Основная рекомендация Королевской комиссии по народонаселению, выпущенная в 1977 г., состояла в том, чтобы сделать выбор в пользу прекращения естественного прироста. Однако в 1983 г. правительство заявило, что если рождаемость останется ниже уровня воспроизводства в течение ближайших лет, то её увеличение станет необходимым» [7, с. 29].
Польша	«В муниципалитетах, входящих в польскую сеть Cittaslow, демографическая ситуация ухудшается, а проблема старения населения углубляется. Следствием этого является, среди прочего: необходимость активизации пожилых людей на рынке труда и обеспечение пожилым людям соответствующего качества жизни» [8].
Венгрия	«С момента достижения низшей точки в 2011 г., уровень рождаемости в Венгрии увеличивался до 2016 г., а затем произошла стагнация. Согласно данным Центрального статистического управления Венгрии, рождаемость в Венгрии увеличилась на 3,4% в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом. Путём уменьшения расходов, связанных с рождением детей, правительство пытается стимулировать семьи иметь как можно больше детей» [9, с. 12-13].
Германия	«Население Германии стареет и сокращается. В течение примерно трёх десятилетий уровень рождаемости в Германии был настолько низким, что только две трети поколения родителей заменяются собственными детьми» [10, с. 539].
Бразилия	«Бразилия находится в процессе глубоких социально-экономических преобразований, направляемых демографическими изменениями, которые включают резкое падение рождаемости и увеличение продолжительности жизни» [11, с. 848].
Китай (Тайвань)	«В то время как многочисленные развитые и развивающиеся экономики сталкиваются с проблемой старения населения, Тайвань, Китай стареет быстрее, чем другие развитые и развивающиеся экономики» [12, с. 11].

Таблица 1

Демографические тенденции в отдельных государствах

Table 1

Demographic trends in separate States

Государство	Описание демографической ситуации
Непал	«В последние десятилетия происходят значительная модернизация демографических процессов, так как резко снизился уровень рождаемости и увеличилась продолжительности жизни. В 2015 г. общий коэффициент рождаемости оценивался в 2,3 ребёнка на женщину по сравнению с 5 детьми на женщину в конце 1990-х гг.» [13, с. 2376].
Иран	«Политика повышения рождаемости с очень низкого уровня (менее 1,5 детей на женщину) отличается от той, которая направлена на поддержание рождаемости на уровне, близком к уровню воспроизводства. Рождаемость в Иране была стабильной на уровне около 2,0 детей до 2010 года. Анализ показателей рождаемости показал, что подавляющее большинство иранских женщин (93%) все ещё рожают своего первого ребёнка в течение первых четырёх лет брака, и около 83% тех, у кого был первый ребёнок, переходят ко второму ребёнку. Результаты также указывают, что у трети женщин трое и более детей, у другой трети двое детей, и только у трети нет детей или есть один ребёнок – это показывает, что рождаемость не низкая. Таким образом, поддержание рождаемости на нынешнем уровне или немного выше кажется идеальным вариантом для демографической политики Ирана» [14, с. 38].
Мусульманские страны в целом	«В большинстве мусульманских стран значительно снизились как показатели смертности, так и показатели рождаемости. В странах произошло снижение уровня младенческой и детской смертности, что обычно считается важной предпосылкой снижения рождаемости. Уровень младенческой смертности (число случаев смерти младенцев на 1000 живорождений) резко снизился за последние три десятилетия в большинстве исследуемых мусульманских стран. Например, за этот период уровень младенческой смертности в Индонезии снизился с 80 до 25, в Бангладеш – со 126 до 33, в Иране – с 71 до 15. Однако в Афганистане (71), Пакистане (70) и Нигере (60) уровень младенческой смертности остался очень высоким» [15, с. 62].

Источник: систематизировано авторами в процессе исследования.

сти, в Сингапуре предоставляются гранты на переезд, которые используются для переезда пожилых родителей и детей, которые при совместном проживании смогут приходить на помощь и осуществлять уход. В Японии предоставляются «билеты по уходу» старшему поколению, создаются «серебряные» центры кадровых ресурсов, предлагающие временную работу для пожилых работников [16, с. 24].

В Китае давно осознана необходимость повышения качества жизни пожилого населения и проведения программы по повышению качества долгосрочного ухода за пожилыми. Министерство труда Китая разработало закон «О занятости людей среднего и старшего возраста», направленного на повышение занятости этой категории населения. Министерство здравоохранения и социального обеспечения реализует «Национальный десятилетний план долгосрочного ухода», в котором создана система мероприятий оказания помощи малообеспеченным пожилым людям и инвалидам, активно строятся учреждения здравоохранения, социального обеспечения и долгосрочного ухода. В отдельных муниципалитетах разработан и реализуется «Инновационный план поддержки семейных опекунов», который способствует повышению условий труда персонала по уходу на дому благодаря повышения зарплат и поощрения сохранения рабочих мест [12, с. 11–12].

В Беларуси сокращается численность занятых в связи со старением населения и постепенно формируется устойчивый дефицит бюджета Фонда социальной защиты населения, из которого происходит выплата пенсий. В целях снижения финансовой нагрузки на бюджет с 2016 г. в стране реализуется программа постепенного повышения пенсионного возраста. Расчёт величины пенсионных выплат происходит на основании Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении». В последние годы в Беларуси развивается система накопительного пенсионного страхования, но данная система пенсионного страхования

не получила широкого применения в обществе [2, с. 53–54].

Странам ЕС свойственны одинаковые тенденции в демографических процессах и демографической политике. В ближайшие годы по всей Европе будет прогрессировать старение населения. Число людей в возрасте 80 лет и старше будет расти быстрее, чем группа в возрасте 65–79 лет. За редкими исключениями, к 2040 г. численность самого пожилого населения удвоится, а в некоторых странах (Кипр, Мальта, Польша и Ирландия) может даже утроиться [17, с. 66]. Во всех странах ЕС значительная группа людей продолжает работать после 60 лет. Существует в ЕС и потребность в реализации функции по уходу за старшим населением, в отдельных государствах разработаны меры поддержки семей, участвующих в долгосрочном уходе (пособия и иная помощь)[3].

В Польше в 2025 г. доля населения пенсионного возраста превысила 30%. Соответственно, демографическая политика Польши направлена не только на стимулирование рождаемости, но и нацелена на формирование условий для интеграции в обществе пенсионеров и лиц с ограниченными возможностями, что реализуется в повышении доступности данных категорий граждан к медицинским услугам, привлечению к участию в различных мероприятиях, повышение безопасности, устранение дискриминации [18, с. 159]. Но в целом в Европе повсюду существует неопределённость относительно будущего финансирования пенсий и финансовых возможностей будущих пенсионеров оплачивать уход за собой в повседневной жизни [17, с. 67]. Для финансирования будущих пенсий важное значение имеет соответствующий коэффициент поддержки. В странах ЕС в 2005 г. на 35 человек в возрасте от 65 лет приходилось 100 человек рабочей силы, а к 2050 г. планируется, что показатель увеличится до 72 человек на 100, то есть более чем в 2 раза[4]. В большинстве стран ЕС, даже при условии роста численности пенсионеров, доля пенсионных расходов в ВВП относительно незначительна (7,8% в 2020 г.). Во всех государствах без исключения зарегистрировано увеличение ассигнований на социальные расходы [4, с. 72].

В целом демографическая политика в ЕС в области сохранения активности старшего поколения не ограничивается только пенсионными выплатами, пособиями, но сопровождается созданием широкой совокупности объектов и инструментов социальной инфраструктуры, направленных на эффективное функционирование благоприятной среды для пожилых людей. Например, специально спроектированные скамейки и открытые тренажёрные залы для пожилых людей, доступные в различных городах ЕС; интеллектуальные мобильные приложения, включая программное обеспечение, интегрированное в работу и использование интеллектуальных домов и телемедицинских услуг [16, с. 24].

В зависимости от количества населения старшего возраста трансформируется и демографическая политика, которая (даже при увеличении пенсионного возраста на законодательном уровне) направлена на сохранение активности, долголетия, трудового участия пенсионного и предпенсионного населения. Кроме пенсионных выплат, пособий членам семей пенсионерам, в странах разрабатываются и реализуются программы, содействующие активному долголетию, вовлечению в социальные проекты, повышению качества медицинских услуг, а в последнее десятилетие и с помощью создания интеллектуальных программ продуктов, которые позволяют повышать социальную активность и маломобильным группам населения.

Важным элементом демографической политики любого государства является ми-

[3] European Commission. EU research on social sciences and humanities. Population Policy Acceptance Study. The Viewpoint of Citizens and Policy Actors Regarding the Management of Population Related Change. – Luxembourg : Office for Official Publications of the European Communities, 2007. – 198 p.

[4] Muenz R. Aging and Demographic Change in European Societies: Main Trends and Alternative Policy Options. Hamburg Institute for International Economics. – URL : https://resources.saylor.org / wwwresources / archived / site / wp-content / uploads / 2011 / 08 / Polsc323–4.1.1-Reading-Muenz.pdf (дата обращения: 20.07.2025).

грационная политика. В целом правительства государств осознают важность и необходимость миграционных процессов, так как «миграция может существенно изменить как возрастную структуру, так численность населения» [19, с. 4–6]. Управление миграцией органами власти территорий начинается с реализации механизмов, направленных или на стимулирование выезда из определённых регионов, или на стимулирование переезда в нужные территории. Стандартными инструментами управления миграцией, применяемых в рамках демографической политики, являются «развитость рынка труда, размер заработной платы, условия по обеспечению безопасности, соблюдение прав человека, религиозных и личных свобод» [19, с. 4–6].

В большинстве стран Европы в последние десятилетия прирост численности населения связан только с миграцией. «Две трети европейских стран показали положительную чистую миграцию» [17, с. 18]. «Миграция увеличилась в 2–2,5 раза в Греции, Германии, России, Швеции, Швейцарии и Дании и стала положительной во всех странах Западной Европы» [17, с. 22]. В Италии и Польше миграционные потоки в основном связаны с переселением населения «из сельской местности в города или из небольших городов в крупные агломерации» [20, с. 143]. Данный вид внутренней миграции является классическим и связан с «возможностью получения образования и трудоустройства», но «процессы европейской интеграции и глобализации способствуют и международной миграции. Направления миграции определяются привлекательностью территорий с учётом возможности трудоустройства и комфортности проживания. Люди переезжают в центры современной промышленности и сферы услуг» [20, с. 143].

В Италии признаётся «важный вклад иностранцев в развитии демографии, но и он стал недостаточным, так как у этой группы населения уровень рождаемости сократился вдвое за последние 20 лет — с 23,5‰ в 2004 г. до 10,4‰ в 2022 г.» [6, с. 19]. В Италии пытаются разработать «новые пути для реализации хорошо управляемой иммиграции, адекватно сопровождаемой эффективными инструментами по полной интеграции прибывающего населения в местное сообщества, но и сдерживать эмиграцию. А эмиграция особенно популярна среди молодого населения с высоким уровнем образования, столкнувшегося с отсутствием возможностей успешно реализоваться на рынке труда внутри страны» [6, с. 19]. В Польше аналогичная ситуация — «молодое население (в рамках экономической миграции) переезжает в крупные города» [18, с. 153]. В Германии «миграционная политика, входящая в состав демографической стратегии, стала инструментом краткосрочного „качественного“ увеличения «национального человеческого капитала»» [10, с. 556].

Таким образом, в европейских странах присутствует проблема управления миграцией, наблюдается слабоуправляемый отток населения из сельской местности и / или малых населённых пунктов в крупные города, а международная миграция перестала давать высокие показатели рождаемости, так как с повышением качества жизни прибывающего населения, их ассимиляцией в местном обществе, повышается и уровень образования, и требования к качеству жизни, что влияет на показатели рождаемости. Применяемые инструменты в рамках демографической политики не масштабны, но направлены на привлечение «качественного человеческого капитала», то есть людей, с необходимым уровнем образования, способных к адаптации к новым условиям жизни и труда.

Демографическая политика в большей мере сосредоточена на стимулировании рождаемости в необходимых объёмах и снижении уровня смертности. Часть исследователей предполагают, что «изменения смертности и рост доходов являются наиболее важными факторами изменений в уровне рождаемости», «снижение уровня рождаемости в основном обусловлено снижением уровня смертности», «образование (особенно у женщин) и доход домохозяйства отрицательно коррелируют с рождаемостью» [19, с. 4–6]. Чем выше уровень об-

разования у женщины, тем меньше количество рождений, так как женщина с образованием не стремиться надолго уходить с рынка труда. Соответственно, государства, реализующие политику, направленную на повышение рождаемости, должны создавать условия для быстрого возвращения женщин к работе, повышать уровень дохода семей на период ухода за детьми.

«В Беларуси реализуется множество государственных программ по стимулированию рождаемости. Женщинам предоставляется отпуск по уходу за ребёнком на 3 года. Многодетным семьям предоставляются льготные кредиты и поддержка в строительстве жилья. С 2015 г. в Беларуси реализуется программа „Семейный капитал“: предусмотрено зачисление средств на депозитный счёт многодетным родителям при рождении (усыновлении) третьего и последующих детей. По достижении ребёнком 18 лет эти средства можно будет потратить на образование, обустройство жилья или медицинское обслуживание» [2, с. 53].

«В Скандинавских странах (Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия и Швеция) предоставляют всестороннюю поддержку родителям. Семейная политика уделяет большое внимание социальному и гендерному равенству. В англоязычных странах (Ирландия, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия и в некоторой степени Канада и США) родители с маленькими детьми получают меньше пособий» [9, с. 6]. «В Испании, Греции, Ирландии, Корее, США реализуется финансовая поддержка семей через налоговую систему. Сюда относятся, например, налоговые льготы. В Бельгии, Германии, Франции, Ирландии, Португалии и Швейцарии поддержка семей с детьми интегрирована в налоговую ставку, то есть чем больше семья, тем ниже налогооблагаемый доход. В Бельгии, Франции, Германии и Японии предоставляются налоговые льготы для супружеских пар» [9, с. 9–11].

Как отмечалось ранее, страны, включённые в ЕС, столкнулись с проблемой стремительного старения населения, соответственно, в этих государствах в последние годы происходит модернизация системы поддержки деторождения, обеспечения семей с детьми. Перечисленные механизмы необходимы к реализации, так как по «исследованиям выявлено, что в дополнение к семейным денежным пособиям, предоставлению услуг (детский и дошкольный уход), мерам по высвобождению времени для семей (отпуск по уходу за ребёнком, гибкий рабочий график), для поощрения родительства необходим последовательный пакет дополнительных мер, включая обеспечение ухода за детьми младшего возраста и улучшение условий жизни семей» [17, с. 442–43].

В Европе «количество разводов за последние годы оценивается негативно. Связь между браком и семьёй стали менее значимыми в установках населения. Традиционные ценности в отношении семьи встречаются реже в Бельгии и Нидерландах, но чаще встречается в Южной и Восточной Европе»[5]. «У женщин довольно низкий уровень занятости, кроме Словении, в которой действует современная система семейной политики, помогающей женщинам входить на рынок труда»[6]. В большинстве европейских стран формируют «благоприятные для семьи условия труда (неполный рабочий день, гибкий рабочий график или удалённая работа)»[7]. Одновременно присутствует «доступ к государственным учреждениям (неоплачиваемым родителями) по уходу за детьми. Услуги для детей старшего возраста разнообразны — уровень охвата значительно превышает 70%. В отличие от детских садов, услуги по уходу за детьми младшего возраста серьёзно отстают в развитии почти во всех европейских странах. Исключениями являются Швеция и Дания с уровнем охвата более 60%. Худшая ситуация в странах Средиземноморья, Германии и Австрии, где менее 15% детей в возрасте 0–2 лет посещают ясли»[8].

---

[5] European Commission. EU research on social sciences and humanities. Population Policy Acceptance Study. The Viewpoint of Citizens and Policy Actors Regarding the Management of Population Related Change. – Luxembourg : Office for Official Publications of the European Communities, 2007. – 198 p.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

«Другим элементом политики является отпуск по уходу за ребёнком. Во всех странах ЕС мужчины имеют право на отпуск по уходу за ребёнком, но они редко им пользуются. Исключением являются скандинавские страны, где это право индивидуализировано. В Центральной Европе, Испании и Германии отпуска по уходу за ребёнком длительны (около 2,5–3 лет), а короткие отпуска — от 5 до 8,5 месяцев — существуют в Нидерландах, Словении и Финляндии»[9]. «Сумма пособий на детей в большинстве стран не зависят от дохода семьи и / или увеличиваются с количеством детей (чем выше количество детей или больше семья, тем выше размер пособия)»[10].

Остановимся на инструментах регулирования рождаемости в странах ЕС. В Румынии применяются «отдельные меры с очень слабым потенциалом воздействия, например, информационные и просветительские кампании относительно справедливого распределения обязанностей внутри домашнего хозяйства и семьи; поощрение заключения трудовых договоров с гибким графиком и / или удалённой работой; предоставление средств и вспомогательных услуг по уходу за детьми и зависимыми членами семьи» [4, с. 73]. В правительственной программе Румынии предусмотрены меры, направленные на «улучшение условий жизни семей посредством инвестиций в инфраструктуру, жильё или посредством мер, направленных на повышение уровня жизни, путём облегчения доступа к рынку труда или посредством более эффективных социальных льгот и доступных и качественных услуг социальной помощи» [4, с. 74], «строительство учреждений, предназначенных для присмотра и ухода за детьми дошкольного возраста, а также упрощение легализации деятельности профессии няни для облегчения доступа семей к услугам по уходу за детьми и присмотру в течение дня» [4, с. 75]. Однако в Румынии по-прежнему «система социальных услуг недостаточна, не выражена» [4, с. 81].

В Италии, как и в Польше «общая тенденция связана с ростом образования и уровня жизни родителей, что приводит к уменьшению количества детей — очевидно, что наличие детей приводит к более высоким альтернативным издержкам за счёт ограничения возможностей для профессионального развития, снижения заработной платы и сокращения свободного времени» [20, с. 143]. В этих странах «ухудшается коэффициент зависимости между доходами бюджета и социальными расходами. Финансовая жизнеспособность пенсионных систем становится нестабильной, а расходы на здравоохранение и социальную помощь увеличиваются» [20, с. 144]. При этом в Польше признаётся «важность режима работы, позволяющего совмещать родительские и профессиональные обязанности, например, удалённая работа, гибкий график работы и неполный рабочий день, поскольку продление отпуска по уходу за ребёнком может повлечь за собой риск устаревания профессиональных компетенций женщин и, таким образом, негативно повлиять на уровень женской работоспособности занятость и размер их будущего заработка» [18, с. 153]. В рамках реализации демографической политики в Польше «принят „Закон об уходе за детьми до трёхлетнего возраста“, задачей которого было создание многообразных форм ухода и повышение стандартов работы учреждений. В соответствии с Законом присмотр за ребёнком в возрасте до 3 лет может быть организован в форме яслей или детского клуба, а также обеспечен воспитателем и няней. Далее внесены изменения в Закон «О системе образования» заключающиеся в снижении платы за дополнительные часы пребывания ребёнка в детском саду. Увеличен отпуск по уходу за ребёнком с 4 до 5 лет. В подоходном налоге выделена форма пособий на детей, совместное налогообложение доходов супругов и льготное налогообложение доходов родителей одиночек. Пищевые продукты и некоторые детские товары облагаются более низкой ставкой НДС. Ещё одним инструментом поддержки семей является «Карта Большой семьи», дающая право

[9] Там же.

[10] Там же.

многодетным семьям на скидки» [18, с. 153]. Кроме того, в Польше принят «Закон о поддержке семьи и системе патронажного воспитания». В нем среди прочего указывается, что семья может получить помощь от коммуны. Учреждение, работающее в форме опеки, обеспечивает ребёнку уход, помощь в учёбе, организации свободного времени, развлекательных и спортивных занятий, развитие интересов, а учреждение, работающее в специализированной форме, включает в себя, терапевтические, коррекционные, компенсирующие и логопедические занятия» [18, с. 154]. «В результате внесения поправок в Закон „О семейных пособиях“, всем родителям, независимо от формы занятости, не взявшим отпуск по уходу за ребёнком, будет выплачиваться пособие, а Законом «О государственной помощи в воспитании детей» предусмотрены образовательные льготы» [18, с. 154].

В Нидерландах предоставляется «шестимесячный оплачиваемый отпуск по беременности и родам, любому из родителей, который не работает и воспитывает ребёнка в возрасте до 4-х лет, выплачивается государством пособие (50% от официальной минимальной заработной платы), а также предоставляется кредит на создание семьи (кредит в размере до 2000 долларов США, погашаемый при рождении детей: 400 долларов США при рождении первого ребёнка и 800 долларов за вторые и третьи роды» [21].

В Венгрии существует «пожизненное освобождение от налогов для матерей с четырьмя детьми дети и 10 миллионов форинтов беспроцентной помощи на содержание ребёнка, где молодые люди могут быть полностью освобождены от обязательств по возврату долга, если они решатся на рождение детей» [9, с. 12–13]. «Согласно Закону „О защите семьи“ «семья является важнейшим национальным ресурсом Венгрии. Семья, как базовая ячейка общества, является гарантией выживания нации и естественной среды обитания, развитие человеческой личности, которое должно уважаться государством» [9, с. 12–13]. «В Венгрии была расширена поддержка ипотеки при рождении второго, третьего и каждого последующего ребёнка; матери, имеющих четырёх и более детей, освобождены от налогообложения; предоставляется низкий процентный кредит на ведение домашнего хозяйства (покупку дома) после рождения двух детей; предоставляются субсидии на покупку автомобиля многодетным семьям; предоставляются пособия по уходу за детьми бабушкам и дедушкам, если они оказывают помощь родителям, желающим вернуться на работу, но воспитывают маленьких детей; проводится программа дневного ухода за детьми до 3 лет» [9, с. 14–16].

Заключение

Таким образом, для повышения результативности демографической политики большинством странами применятся стандартные и результативные инструменты, такие как финансовая помощь. Финансовая помощь населению от государства стимулирует решение семей к рождению и воспитанию второго и последующих детей. Эта помощь может выражаться в форме социальных пособий, предоставления налоговых льгот, компенсации части процентной ставки по ипотечным и / или иным видам кредитов, частичной компенсации расходов на оплату услуг няни или услуг дошкольных учреждений по присмотру за детьми. «Государствам следует модернизировать систему отпусков по уходу за ребёнком, так как краткосрочные отпуска не стимулируют рождаемость, а необходимость развития рынка труда должна строиться на оптимизации системы занятости родителей с детьми (сокращённый рабочий день, дистанционный формат работы и т.п.). Выплата пособий, налоговые льготы и прочие финансовые стимулы существенно влияют на решение семей относительно рождаемости. Пособия должны быть комбинированными и учитывать не только количество детей в семье, но и желание родителей ухаживать за своими детьми полный рабочий вместо выхода на работу и передачу детей в государственные учрежде-

ния по уходу и присмотру за детьми. Существенно высоким влиянием на решение о рождении детей обладают государственные программы, связанные с улучшением жилищных условий, например, в форме выдачи льготных кредитов на покупку жилья, связанные со снижением процентной ставки и / или погашением части основной суммы долга»[11]. Необходимо расширение качества и количества объектов, оказывающих услуги по присмотру за детьми всех возрастных групп, вовлечённость в систему не только дошкольного образования, но и более высокие уровни.

Отметим, что важным элементом демографической политики является сохранение качества жизни всех возрастных групп. Увеличение продолжительности жизни, рост численности населения старшего возраста должно стимулировать государства на развитие всех сфер и отраслей, влияющих на качество и комфорт жизни. Страны с высокой численностью населения пенсионного возраста развивают инфраструктуру, повышающую социальную занятость населения и вовлечённость в общественную жизнь независимо от возраста, здоровья и физической активности. Создаются и модернизируются объекты социально-бытовых услуг, системы здравоохранения, объекты спорта и центры социальной активности. Для семей с детьми разрабатываются и реализуются программы, направленные на развитие городской инфраструктуры, в том числе комфортности городской среды. Для молодёжи необходимы объекты досуга, спорта, культуры и искусства.

[11] European Commission. EU research on social sciences and humanities. Population Policy Acceptance Study. The Viewpoint of Citizens and Policy Actors Regarding the Management of Population Related Change. – Luxembourg : Office for Official Publications of the European Communities, 2007. – 198 p.

Сведения об авторах:
Галынчик Татьяна Анатольевна, к.э.н., доцент, научный сотрудник, Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия.
Контактная информация: e-mail: tagal82@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9332-2791; РИНЦ SPIN-код: 9146–0018.

Данилова Светлана Витальевна, к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия.
Контактная информация: e-mail: svaprel@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8975-6845; РИНЦ SPIN-код: 9464–0686.
Волкова Инна Анатольевна, д.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск, Россия.
Контактная информация: e-mail: via.uprav@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2231-6351; РИНЦ SPIN-код: 8347–9813.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-47-58

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN MANAGING THE REPRODUCTIVE SYSTEM IN THE CONTEXT OF POPULATION AGING

Tatyana A. Galynchik*, Svetlana V. Danilova, Inna A. Volkova

Nizhnevartovsk State University
(56 Lenina str., Nizhnevartovsk, Russia, 628602)

**E-mail: tagal82@mail.ru*

For citation:
Galynchik T.A., Danilova S.V., Volkova I.A. International experience in managing the reproductive system in the context of population aging. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 47-58. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-47-58 (in Russ.)

Abstract. *Each state, separate territory or region, taking into account the specifics of its own territorial and demographic processes, develops and implements its own demographic programs aimed at regulating demographic trends in the right direction. The main purpose of this study is to analyze the specific components of demographic policy in various countries and the methods used to implement it. The paper examines the demographic processes of a number of states. The authors rightly emphasize that many countries are faced with the serious problem of a significant drop in the birth rate due to a high quality of life, a conscious attitude towards starting a family and raising children, and awareness of increase in child support costs. At the same time, there is an increase in life expectancy, which forces government agencies to reconsider the existing demographic programs and the general concepts of demographic policy. The study showed that migration policy is one of the key aspects of the demographic strategy of the state. Nevertheless, this element of demography is often difficult to control, especially international migration. Increase in the standards of living of migrants, their integration into local society, increase in education level and life expectancy, raise their requirements to quality of life, which negatively affects birth rates. The findings suggest that the demographic policy of most countries is a complex set of programs and measures through which they are implemented, but it is important to take into account the interests of all social groups, regardless of age and degree of adaptation to society.*

Keywords: *demographic policy; demographic processes; quality of life; migration policy; life expectancy; birth rate.*

Литература и Интернет-источники / References and Internet sources

1. O'Neill Brian C., Balk D., Brickman M., Ezra M. Guide to global population projections. *Demographic Research*. 2001. Vol. 4. Art. 8. P. 203–288.
2. Rezanova E. The social policy of Belarus and the development of human potential: Problems and solutions. *Eastern Review*. 2019. No. 8. P. 49–65.
3. Jurun E., Ratković N., Ujević I. A cluster analysis of Croatian counties as the base for an active demographic policy. *Croatian Operational Research Review.* 2017. No. 8. P. 221–236.
4. Arpinte D. Adecvarea politicilor publice la tendințele demografice actuale. *Sociologie Românească.* 2023. Vol. 22 Iss. 1. P. 69–83.
5. Marois G., Rotkirch A., Lutz W. Future population ageing and productivity in Finland under different education and fertility scenarios. *Finnish Yearbook of Population Research*. 2022. No. 56. P. 137–160.
6. Blangiardo G.C. The «demographic winter» in Italy: Crisis factors, problematic issues and policy actions. *European View.* 2024. Vol. 23. No. 1. P. 14–21.
7. Leeuw F.L. Social acceptance and demographic effects of population policy in the Netherland. *Finnish Yearbook of Population Research*. 1986. No. 24. P. 29–42.
8. Wierzbicka W., Farelnik E. Population aging and the potential for developing a silver economy in the Polish National Cittaslow Network. *Sustainability*. 2024. No. 16. P. 6768.
9. Novoszáth P. Fighting the demographic winter — an evaluation of Hungarian family policy for the last ten years. *Urban Studies and Public Administration*. 2022. Vol. 5. No. 1. P. 1–19.
10. Schultz S. Familien politik und die «demografische Chance». Zur postkatastrophistischen Phase einer neuen deutschen Bevölkerungspolitik. *Prokla.* Verlag Westfälisches Dampfboot. Heft 173. 43. 2013. No. 4. P. 539–561.
11. Vaz de Lima D., Matias-Pereira J. A dinâmica demográfica e a sustentabilidade do regime geral de previdência social brasileiro. *Revista de Administracao Pública*. Rio de Janeiro. 2014. Vol. 48. No. 4. P. 847–868.
12. Chin-Peng Chu, Kuo-Chun Yeh. *Demographic Transition for Economic Development in Taipei, China: literature and Policy Implications.* ADBI Working Paper Series. 2021. No. 1222. 23 p.
13. Zhanga S., Loaizab E., Snow R. Sub-national estimates of human capital indicators: Localizing

investments for the demographic dividend. *African Population Studies*. 2016. Vol. 30. No. 2. P. 2376–2392.

14. Hosseini-Chavoshi Meimanat, Abbasi-Shavazi Mohammad Jalal, McDonald Peter. Fertility, marriage, and family planning in Iran: Implications for future policy. *Population Horizons.* 2016. Vol. 13. No. 1. P. 31–40.
15. Abbasi-Shavazi Mohammad Jalal, Jones Gavin W. Population dynamics and human capital in Muslim countries. *Vienna Yearbook of Population Research*. 2018. Vol. 16. P. 57–81.
16. Klimczuk A. Comparative analysis of national and regional models of the silver economy in the European Union. *International Journal of Ageing and Later Life*. 2016. No. 10(2). P. 31–59.
17. Avdeev A., Eremenko T., Festy P., Gaymu J., Le Bouteillec N., Springer S. Populations and demographic trends of European countries (1980–2010). *Demography of the World's Regions*: *Situation and Trends*. 2011. Vol. 66. No. 1. P. 9–129.
18. Gogół A. Tendencje demograficzne a polityka ludnościowa w Polsce. *Gospodarka Narodowa.* 2016. No. 3. P. 145–162.
19. Ahmed S.A., Cruz M., Quillin B., Schellekens P. *Demographic Change and Development*: *A Global Typology*. Policy Research Working Paper. 2016. 39 p.
20. Pastuszka S. Regional differentiation of the demographic potential in Italy and Poland. *Comparative Economic Research. Central and Eastern.* 2017. Vol. 20. Iss. 3. P. 137–159.
21. Leeuw F.L. Social acceptance and demographic effects of population policy in the Netherland. *Finnish Yearbook of Population Research.* 1986. No. 24. P. 29–42.

Information about the authors:

Galynchik Tatyana Anatolyevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Researcher, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.
Contact information: e-mail: tagal@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9332-2791; Elibrary SPIN-code: 9146–0018.

Danilova Svetlana Vitalievna, Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.
Contact information: e-mail: svaprel@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8975-6845; Elibrary SPIN-code: 9464–0686.

Volkova Inna Anatolyevna, Doctor of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.
Contact information: e-mail: via.uprav@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2231-6351; Elibrary SPIN-code: 8347–9813.

Статья поступила в редакцию 24.08.2025, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-59-74
EDN: FPBGFV

РУССКИЕ В ПОСТСОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ — ВЕКТОРЫ И ФАКТОРЫ ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Сущий С.Я.

Южный научный центр РАН
(344006, Россия, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41)

E-mail: SS7707@mail.ru

Финансирование:
Исследование выполнено за счёт гранта РНФ № 24–28–00974. — URL :https://rscf.ru / project / 24–28–00974 /

Для цитирования:
Сущий С.Я. Русские в постсоветской Беларуси — векторы и факторы геодемографической динамики // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 59-74. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-59-74; EDN: FPBGFV

Аннотация *В статье исследуются особенности геодемографической динамики русского населения постсоветской Беларуси. Установлено, что эти особенности соответствовали центральным трендам, характерным для русских общин ближнего зарубежья. Численность русских Беларуси за 1989–2019 гг. сократилась в 1,9 раз (с 1,34 до 0,71 млн чел.). Но система их расселения сохранила свои основные черты — повышенную концентрацию в столице, крупных и средних городах, в северо-восточных районах Витебской области. Центральным фактором убыли русских на всем протяжении постсоветского периода оставалась ассимиляция. В 1990-е гг. на неё пришлось 81–83% демографических потерь, в 2000-е и 2010-е соответственно 83–86 и 70–75%. Основной причиной данного процесса являлся высокий уровень межнациональной брачности русских (70–75%). Уже в конце 1980-х гг. потомство таких браков (биэтнофоры) составляло 1,25–1,35 млн человек. (12,5–13,5% населения республики). Но если в советский период 60–65% биэтнофоров самоопределялись русскими, то в независимой Беларуси 60–70% выбирали другие идентичности — прежде всего титульную, поскольку основная часть межнациональных браков заключалась между русскими и белорусами. Среди социодемографических следствий этого процесса — сокращение у русских Беларуси в 2000–2010-е гг. общего коэффициента рождаемости до 3–5‰ и рост медианного возраста к концу 2010-х гг. до 51,2 лет (более трети русских было старше 60 лет). Но трансформация вектора национальной идентичности биэтнофоров практически не отражалась на их культурно-языковой принадлежности. Смешанное население оставалось русскоязычным, ориентированным на русскую культуру. Такой вариант ассимиляции без аккультурации у части биэтнофоров был неустойчивым, что подтверждается возвратным количественным ростом в 2010-е гг. ряда групп русского населения одного года / периода рождения. Исследование позволяет сделать вывод, что комфортное в статусном, социопсихологическом, культурно-языковом аспектах положение русского населения в Беларуси может выступать фактором сокращения его численности.*

Ключевые слова: *Беларусь, русское население, геодемографическая динамика, естественное воспроизводство, ассимиляционный процесс, группа биэтнофоров.*

© Сущий С.Я., 2026

Введение

В конце 1980-х гг. Белоруссия являлась четвертой союзной республикой (без учёта РСФСР) по численности русских (1,34 млн человек) и удельному весу их в структуре населения (13,2%). В постсоветский период, Беларусь фактически оказалась единственной страной постсоветского пространства, в которой власти в сфере нациостроительства не прибегали к этноцентричным практикам [1]. А социокультурная близость двух народов почти исключала межнациональную напряжённость в их взаимодействии.

Отчасти вследствие такой «беспроблемности», русская община Беларуси фактически выпала из исследовательского фокуса российских этносоциологов и демографов [2][1]. Притом, что геодемографическая динамика русского населения республики была достаточно сложной. В первое постсоветское десятилетие русские Беларуси действительно демонстрировали минимальные темпы убыли (за 1989–1999 гг. они составили 14,9%). Но ситуация изменилась уже в 2000-е годы. Если темпы демографических потерь большинства русских общин на постсоветском пространстве в «нулевые» снижались, то в Беларуси они ускорились (–31,3%). В целом за 1990–2000-е гг. русское население страны сократилось на 41,5%: больше, чем в Латвии и Эстонии, правовое, социокультурное, психологическое положение русских в которых было значительно сложнее, чем в Беларуси. Таким образом, взаимосвязь между уровнем общего комфорта русских страны и их количественной динамикой была нелинейной. Что повышает интерес к изучению внутренних алгоритмов, определявших динамику русского населения постсоветской Беларуси.

Обзор литературы, информационная база и методы исследования

Русская община страны фактически оказалась на периферии фокуса специалистов, анализировавших динамику русских на постсоветском пространстве. Из 195 статей, опубликованных в 1992–2023 гг. в ведущих российских социологических и этнологических журналах по тематике русского населения ближнего зарубежья [3, с. 121], только работа З.В. Сикевич была посвящена ряду аспектов жизнедеятельности русского населения Беларуси [4]. Показательно, что в фундаментальном исследовании С.С. Савоскула, детально анализировавшего положение русских во всех бывших советских республиках, только для русского населения Беларуси не нашлось своего раздела [1]. География расселения русской общины страны рассматривалась в работах А.Л. Арефьева и В.М. Кабузана, но без детального анализа её геодемографической динамики [5; 6].

Учитывая сближенность естественновоспроизводственных характеристик русских и белорусов, составляющих большинство населения страны, при изучении особенностей динамики русской общины в 2000–2010-е гг. могут использоваться и работы, посвящённые демографическим процессам у всего населения современной Беларуси[2]. Отметим работу Н.П. Борзых, исследующую уровень и динамику межнациональной брачности русских БССР в первые десятилетия советского периода [7]. Для изучения особенностей этого процесса в 1970–1980-е гг. центральное значение имеет работа А.Г. Волкова [8], позволяющая определить размеры и удельный вес группы биэтнофоров (смешанного населения) в составе русских Белоруссии в конце советского периода, а также зафиксировать существовавшее соотношение подгрупп с русской и иной самоидентичностью. Поскольку позже аналогичных исследований межнациональной брачности русских Беларуси не проводилось, полученные А.Г. Волковым индексы этнонимии и патрономии для русско-белорусских и русско-нетитульных семей могут быть взяты за основу для изучения масштабов смещения идентичностей в группе биэтнофоров в 1990–2010-е годы.

[1] Не вдаваясь в дискуссию, насколько русские Беларуси могут быть определены как диаспора или община, укажем, что в статье определение «русская община» используется как обозначение русского населения страны.

[2] Шахотько Л.П. Динамика численности и структуры населения Беларуси // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси. — Кишинёв : Штиинца, 2010. — С. 39–66.

Статистической базой исследования являлись результаты Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г., трех национальных переписей постсоветской Беларуси, дополненные материалами, размещёнными на сайте «Population statistics of Eastern Europe and the former USSR»[3] и данными текущего учёта населения, отражёнными в демографических ежегодниках, выпускаемых Национальным статистическим комитетом Беларуси[4]. Для расчёта показателей естественной динамики, миграционной активности русских Беларуси и масштабов их ассимиляции также использовались материалы советских и российских статистических и аналитико-экспертных сборников[5]; статистические ряды, размещённые в приложении на сайте Демоскоп Weekly[6].

Отметим, что русская община Беларуси является удобным объектом для исследования не только благодаря детальной статистике, фиксирующей пространственное размещение русских в пределах республики (области, административные районы, города, посёлки городского типа — пгт), их половозрастную структуру и языковую принадлежность (родной язык, язык разговорного общения), но и потому, что постсоветские переписи сохраняли 10-летнюю периодичность. Это позволило использовать метод передвижки возрастов для изучения динамики отдельных половозрастных когорт русского населения всей страны и отдельных её регионов. Для анализа имеет значение и хорошее качество этнодемографических результатов переписей Беларуси — доля лиц с неустановленной национальностью составила в 2009 г. только 2,38%, в 2019 г. — 1,99%.

Для общей оценки размеров, динамики численности группы биэтнофоров с русской идентичностью и их доли в составе русской общины Беларуси была использована статистика межнациональной брачности русских мужчин и женщин в БССР[7], которая в сочетании с установленными А.Г. Волковым индексами этнономии и патронимии позволила в первом приближении рассчитать количественные и удельные параметры группы смешанного населения в возрастных генерациях русских Беларуси 1960–1980-х гг. рождения.

При анализе естественной динамики русского населения Беларуси в 2000–2010-е гг., исследовании его основных миграционных потоков, сдвигов в формах и широте расселения по территории республики использовались методы принятые в демографических разработках, географии населения и геоурбанистике, предполагавшие комплексный анализ и корреляционную оценку статистических данных, их группировку и классификацию с помощью рабочих методик балльного шкалирования.

Демографическая динамика русских в 1990–2010-е гг. и соотношение её факторов

Количественный рост русского населения Беларуси, фиксируемый на протяжении всех послевоенных десятилетий, обрывается на рубеже 1990-х гг., фактически совпадая с началом постсоветского периода. Как уже отмечалось, убыль русских республики носила в 1990-е г. ограниченные масштабы, хотя и была повсеместной. За 1989–1999 гг. размеры русской общины сократились с 1342,1 тыс. до 1141,7 тыс. человек (–14,9%). Естественная динамика населения всей Беларуси стала отрицательной только в 1993 г. и общие его естественные потери

[3] Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения республик СССР. Демоскоп-Weekly. – URL : https://www.demoscope.ru / weekly / ssp / ussr_nac_89.php?reg=3; Итоговые данные переписей населения Республика Беларусь 2009, 2019. – URL : https://census.belstat.gov.by / ; Population statistics of Eastern Europe & former USSR. – URL : http://pop-stat.mashke.org (дата обращения: 12.05.2025).

[4] Демографический ежегодник Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 501 с.; Демографический ежегодник Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь., 2019. – 429 с.

[5] Население СССР. Статистический ежегодник. Москва: Финансы и статистика. – 1989. – 704 с.; Население России 2001 г.: девятый ежегодный демографический доклад / ред. А.Г. Вишневский. Москва: Университет. – 2002. – 216 с.

[6] Демографические показатели по 15 новым независимым государствам // Демоскоп Weekly. – URL : https://www.demoscope.ru / weekly / pril.php (дата обращения: 19.04.2025).

[7] Демографический ежегодник Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – С. 230–231.

за 1989–1999 гг. составили 1,1–1,2%. Учитывая сходство показателей воспроизводства русских и титульного населения, естественная убыль первых в 1990-е гг. едва ли превышала 1,2–1,5% (16–20 тыс. человек). Незначительным в этот период был и чистый отток русских из Беларуси (18 тыс. за 1992–1999 гг.) (рис. 1), что делало Беларусь исключением на постсоветском пространстве, демонстрировавшим значительные масштабы миграции русского населения в Россию. Поскольку русская община республики в 1989–1999 гг. потеряла около 200 тыс. человек, на третий фактор её демографической динамики — ассимиляцию и смену национальной идентичности, пришлась самая значительная часть понесённой убыли — 160–165 тысяч (81–83%).

Динамика русских в начале XXI в. оказалась парадоксальной — на фоне общей социально-экономической стабилизации Беларуси и некоторого улучшения воспроизводственных показателей всего населения страны, темпы убыли русской общины в 2000-е гг. увеличиваются в 2 раза: за 1999–2009 гг. её размеры сокращаются на 31,1% (с 1141,7 до 785,0 тыс. человек). Среднегодовой коэффициент естественной убыли всего населения Беларуси в 2000-е гг. составил 4,2‰ [рассчитано по: 5]. В русской общине этот показатель мог быть несколько выше (4,5–5,0‰). Тем самым, естественные потери за десятилетие могли составить 4,5–5,0% от общей численности русских (50–60 тыс. человек). При этом, в республике уже с 1998 г. фиксировался небольшой, но устойчивый чистый миграционный приток русского населения, составивший за 2000–2007 гг. 8,6 тыс. человек (рис. 1). Таким образом, из 357 тыс. человек демографической убыли русских страны за 1999–2009 гг. порядка 310–320 тыс. (86–89%) должно приходиться на ассимиляционные потери.

Первая половина и середина 2010-х гг. были наиболее благополучным периодом в демографической динамике населения постсоветской Беларуси. В 2013–2016 гг. коэффициент естественной убыли сохранялся на минимальном уровне 0,1–0,7‰. А общие естественные потери за 2010–2019 гг. составили 1,56%. У русских, имевших повышенный медианный возраст, этот показатель мог быть выше, но едва ли превышал 2–3% (порядка 15–22 тыс. человек). Сальдо миграционного взаимообмена Беларуси с Россией на всем протяжении 2010-х гг. оставалось положительным и при этом ограниченным по размерам (около 2,5 тыс. в среднегодовом исчислении)[8]. Есть основания полагать, что и русская община скорее пополнялась, чем теряла население в результате международной циркуляции. Хотя размеры этого попол-

[8] Рассчитано по: Демографический ежегодник Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2012. – 501 с.; Демографический ежегодник Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 429 с.

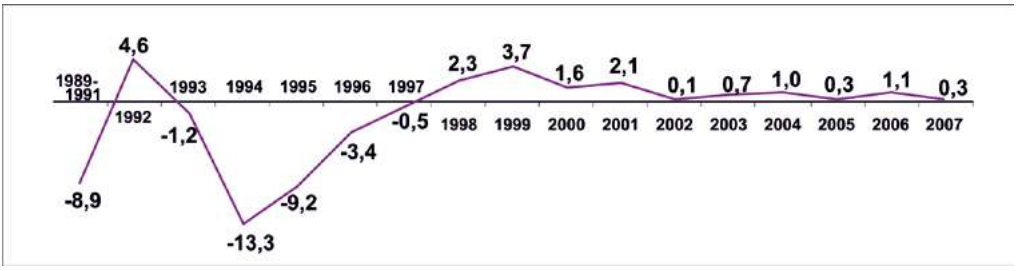

Рис. 1. Сальдо миграции русского населения Беларуси, 1989–2007 гг. (тыс. человек)

Fig. 1. Balance of migration of the Russian population of Belarus, 1989–2007 (thousand persons)

Источник: Население России 2001 г.: девятый ежегодный демографический доклад. Москва, 2002; Карачурина **Л.** Миграция в постсоветских странах // Российский совет по международным делам. 2013. — URL : https://russiancouncil.ru / analytics-and- comments / analytics / migratsiya-v-postsovetskikh-stranakh / (дата обращения: 17.04.2025).

нения, как и в 2000-е гг., должны были оставаться очень незначительными (несколько тысяч человек за десятилетие). Учитывая, что перепись 2019 г. обнаружила убыль русской общины за 10 лет на 78 тыс. человек, её динамика в 2010-е гг., как и ранее в самой значительной степени определялась ассимиляцией (60–70 тыс. человек) (рис. 2).

Геодемографическая динамика русских постсоветской Беларуси

В пространственном разрезе убыль русских страны была повсеместной с начала постсоветского периода. Но в 1990-е гг. её масштабы по территории Беларуси колебались в широком диапазоне — от 4,1% до 20,4% (соответственно Гродненская и Могилевская области) (рис. 3А). При этом данные демографические потери не сказались на широте системы расселения русских, которая к началу XXI в. по-прежнему охватывала всю территорию страны, сохраняя исторически сложившуюся взаимосвязь с городской сетью, выступавшей основным ориентиром для русских переселенцев имперского, а затем и советского периода. В 1990-е гг. переток местных русских в города почти прекратился и сельская компонента русской общины, в целом, сохранялась значительно лучше городской (за 1989–1999 гг. их демографические потери составили соответственно 4,9% и 16,5%). В 2000-е гг. убыль всех региональных групп русских существенно выросла, но при этом сблизилась по темпам (26,6–34,4%). Фактически с одной скоростью сокращалось теперь и русское население разных форм расселения (столица, крупные и средние города, малые центры, сельская местность) (рис. 3В).

Положение изменяется в 2010-е гг., когда единообразие демографических трендов у различных региональных групп русских Беларуси и на всех уровнях системы их расселения уступает место разнонаправленной динамике. Впервые за постсоветский период количественная убыль русского населения перестаёт быть повсеместным явлением. Если в Могилевской и Гродненской областях оно продолжало быстро сокращаться

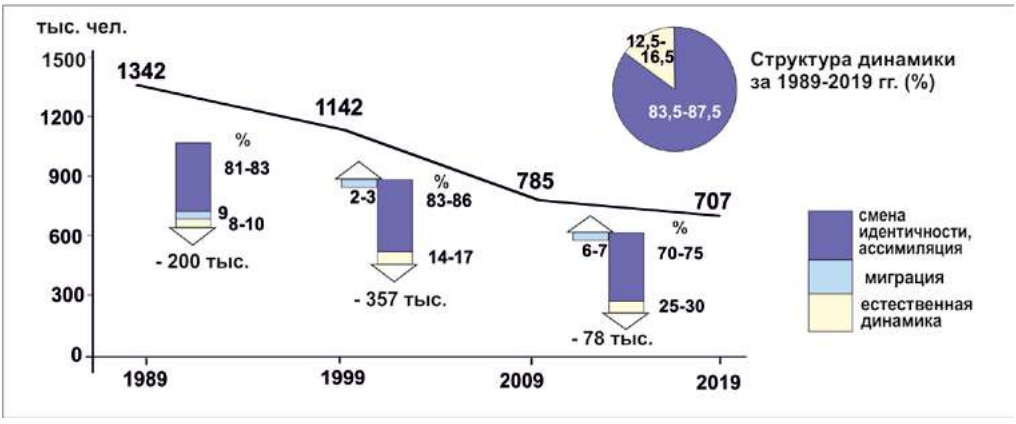

Рис. 2. Динамика русского населения Беларуси в 1989–2019 гг. и соотношение её факторов по десятилетиям (тыс. человек, %)

Fig. 2. Factors of population dynamics of the Russian population in Belarus in 1989-2019 by decades in post-Soviet Russia (thousand persons, %)

Источник: Рассчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения республик СССР // Демоскоп-Weekly. — URL : https://www.demoscope.ru / weekly / ssp / ussr_nac_89.php?reg=3; Итоговые данные переписей населения Республика Беларусь 1999, 2009, 2019. — URL : https://census.belstat.gov.by / (дата обращения: 12.05.2025).

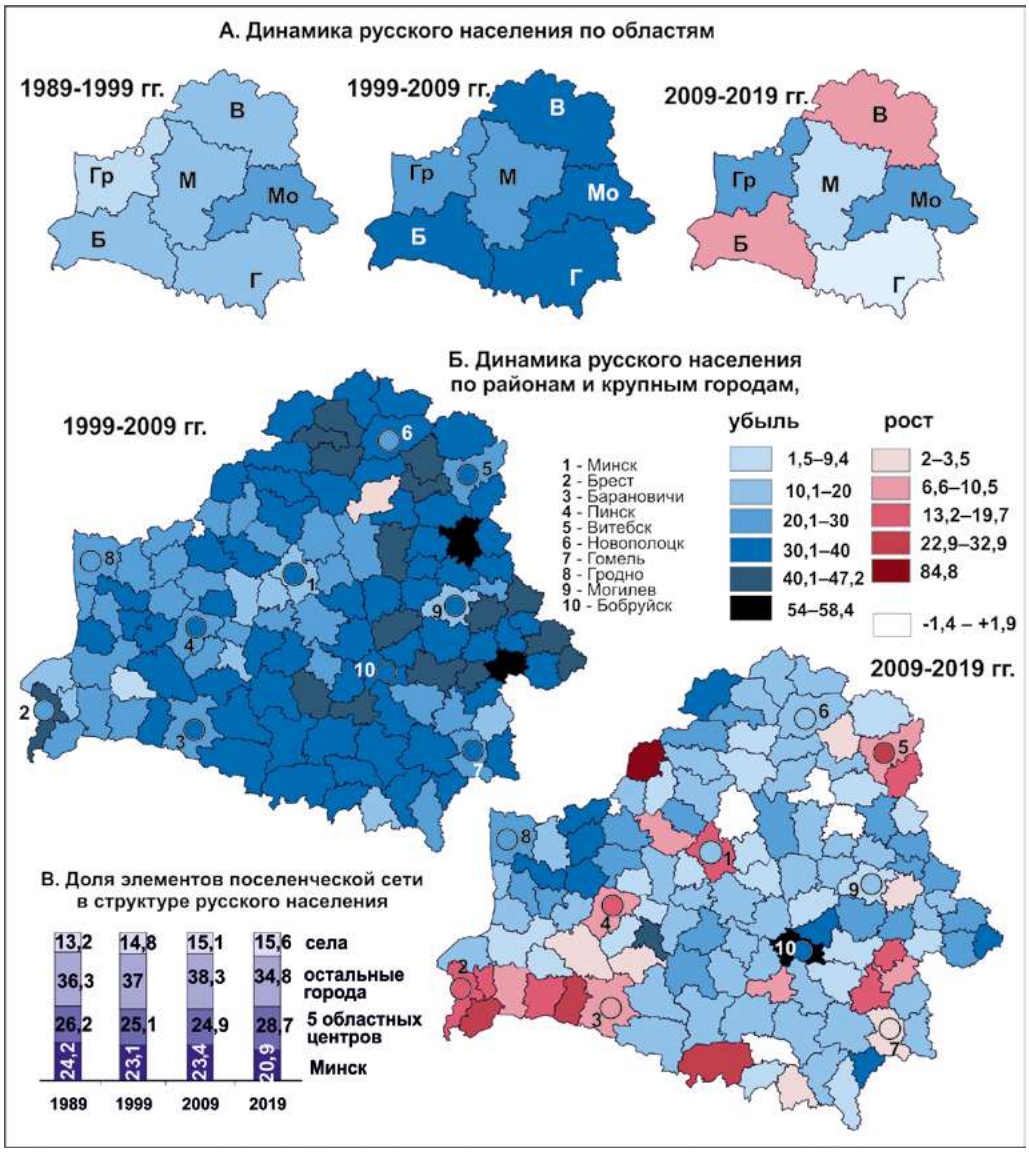

Рис. 3. Геодемографическая динамика русского населения Беларуси, 1989–2019 гг. (%)

Fig. 3. Geodemographic dynamics of the Russian population of Belarus, 1989–2019 (%)

Источник: Рассчитано автором по: Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение городского и сельского населения республик СССР // Демоскоп-Weekly. — URL : https://www.demoscope.ru / weekly / ssp / ussr_nac_89.php?reg=3; Итоговые данные переписей населения Республика Беларусь 1999, 2009, 2019. — URL : https://census.belstat.gov.by / (дата обращения: 12.05.2025).

(на 25–28%), то в Минске и столичном регионе темпы убыли заметно упали, в Гомельской области русское население фактически стабилизировалось, а в Брестской и Витебской продемонстрировало некоторый рост (на 9–10,5%), который в значительной степени был связан с увеличением русских общин областных центров — Бреста и Витебска (соответственно на 17,4% и 32,9%).

Выросло и русское население других крупных городов Брестской области — Барановичи и Пинска, а также ряда сельских районов, сформировавших в 2010-е гг. обширный пояс положительной демографической динамики русских, охватывавший половину региона. Аналогичный, хотя и более ограниченный по размерам сельский ареал роста фиксировался и вокруг Витебска (рис. 3Б). Учитывая, что показатели естественного воспроизводства у различных территориальных групп русского населения страны были сближенными, его разнонаправленная динамика могла быть связана с межрегиональной миграцией и особенностями ассимиляционного процесса, который детальнее будет рассмотрен в следующем разделе.

В целом за 1989–2019 гг. русское население Беларуси сократилось почти в 2 раза (с 1,34 до 0,71 млн человек). Но система его расселения сохранила черты, сформированные в середине — второй половине XX в.: повышенную концентрацию в Минске, крупных и средних городах по всей территории страны, а также в северо-восточных сельских районах Витебской области. Избежала Беларусь и глубокой дерусификации своей сельской поселенческой сети — процесса характерного для большинства стран ближнего зарубежья: только в 96 сельсоветах страны (6,0%) доля русских в структуре населения на рубеже 2000–2010-х гг. была меньше 1%. Уровень представленности русского населения в городской системе был ещё выше. В стране не было ни одного городского центра или посёлка городского типа (пгт) с долей русских в структуре населения менее 1%. А в 35 городах и пгт (17,1%) они составляли более 10% жителей (табл. 1; рис. 4). Как в сельской поселенческой сети, так и в городской системе расселения представленность русских коррелировала с расстоянием до РФ, постепенно снижаясь в западном направлении.

Межнациональная брачность русских Беларуси как центральный фактор демографической динамики

Порядка 83,5–87,5% всех демографических потерь за 1989–2019 гг. пришлось на ассимиляционный процесс, игравший центральную роль не только в убыли русского населения страны, но и в заметном ухудшении показателей естественного воспроизводства русских за последние 10–15 лет. Очевидно, что особенности ассимиляционного процесса требуют более детального анализа, с учётом масштабов межнациональной брачности русских и менявшейся с течением времени доли смешанного населения (биэтнофоров) в половозрастной структуре русской общины Беларуси.

Имеющаяся информация свидетельствует о том, что уровень межнациональной брачности русских в Белоруссии был очень высоким на всем протяжении советского периода. Уже в 1927 г. доля межнациональных браков у русских мужчин и женщин в Белорусской ССР (БССР) составляла соответственно 47,3 и 20,7%. В середине 1930-х гг. этот показатель вырос до 69,3 и 75,2% [7, с. 108]. На уровне 70–75% он сохранялся и в дальнейшем, вплоть до последних советских десятилетий[9]. Таким образом, начиная со второй четверти XX в. в каждой своей новой генерации русские Белоруссии, вступая во взрослую жизнь, в значительном большинстве выбирали себе супруга другой национальности. Причём в 3 / 4–4 / 5 случаях это был представитель титульного народа республики [7, с. 108; 8]. Иными словами, уже в 1930-е гг. детские когорты русских БССР на 70% были представлены биэтнофорами. А последние в дальнейшем вновь в 3 / 4 случаев выбрали супруга другой национальности (опять же в своей массе именно белоруса / белоруску). То есть, спустя два поколения в детской груп-

[9] Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — 2019, С. 230–231.

Таблица 1
Представленность русского населения в поселенческой сети регионов Беларуси, 2009 (%)

Table 1
Representation of the Russian population in the settlement network of the regions of Belarus, 2009 (%)

Области и страна в целом	Доля русских в структуре местного населения*, %						Всего поселений
	до 1,0	1,1–3,0	3,1–6,0	6,1–10,0	10,1–20,0	20,1–56,0	
Сельская местность							
Брестская	39 / 15,0*	100 / 38,5	85 / 32,7	30 / 11,5	6 / 2,3		260 / 100
Витебская	4 / 1,6	43 / 17,1	78 / 31,0	74 / 29,4	48 / 19,0	5 / 2,0	252 / 100
Гомельская	21 / 7,0	93 / 31,1	122 / 40,8	48 / 16,1	15 / 5,0		299 / 100
Гродненская	14 / 6,3	78 / 35,3	91 / 41,2	32 / 14,5	5 / 2,3	1 / 0,5	221 / 100
Минская	10 / 2,8	113 / 31,8	147 / 41,4	68 / 19,2	15 / 4,2	2 / 0,6	355 / 100
Могилевская	8 / 3,6	52 / 23,6	107 / 48,6	34 / 15,5	15 / 6,8	4 / 1,8	220 / 100
Беларусь	96 / 6,0	479 / 29,8	630 / 39,2	286 / 17,8	104 / 6,5	12 / 0,7	1607 / 100
Города и пгт							
Брестская		4 / 14,3	16 / 57,1	6 / 21,4	2 / 7,1		28 / 100
Витебская			15 / 34,9	13 / 30,2	13 / 30,2	2 / 4,7	43 / 100
Гомельская		2 / 5,9	20 / 58,8	9 / 26,5	3 / 8,8		34 / 100
Гродненская		2 / 6,5	17 / 54,8	8 / 25,8	3 / 9,7	1 / 3,2	31 / 100
Минская		3 / 6,7	13 / 28,9	22 / 48,9	6 / 13,3	1 / 2,2	45 / 100
Могилевская		1 / 4,2	10 / 41,7	9 / 37,5	4 / 16,7		24 / 100
Беларусь		12 / 5,9	91 / 44,4	67 / 32,7	31 / 15,1	4 / 2,0	205 / 100

*В числителе число поселений имеющих данную долю русских в структуре своего населения; в знаменателе — доля этих населённых пунктов в общей поселенческой сети данного региона или Беларуси.

Источник: рассчитано автором по: Итоговые данные переписи населения Республика Беларусь 2009. — URL : https://census.belstat.gov.by / (дата обращения: 12.05.2025).

пе республиканских русских арифметически могло оказаться не более 1 / 10–1 / 16-й этнически «чистых» представителей своего народа. А смена трёх поколений русских БССР в интервале 1920–1980-х гг. могла привести к почти полной «белорусизации» русского населения республики, но этого не произошло. Более того, численность русских в республике росла в послевоенные советские десятилетия быстрей, чем все население БССР и её титульный народ. За 1959–1989 гг. русское население Белоруссии увеличилось в 2,2 раза, а все население и белорусы — соответственно на 26,0% и 19,1%.

Расчёты показывают, что опережающий рост русских республики в этот период обеспечивался не только естественным воспроизводством и миграцией, но и ассимиляционным процессом, в которой доминировал вектор обрусения смешанного потомства. Фактически «государственный» статус русских в СССР, как и общее воздействие советской официальной культуры, способствовали тому, что большинство биэтнофоров в БССР самоопределялось русскими. При этом ситуация различалась для смешанного потомства русско-белорусских и русско-нетитульных семей. По данным А.Г. Волкова, в русско-белорусских семьях Белоруссии в конце 1970-х гг. национальность смешанного потомства определялась родителями практически в равной степени, не давая преимущества ни одной из исходных национальных компонент (50,3% — русские, 49,7% — белорусы)[10] [9]. Но доста-

[10] В действительности данная цифра была результирующей по двум вариантам русско-белорусской брачности (русский – белоруска; белорус – русская) в каждом из которых отчётливо доминировал принцип патрономии, определяющий национальность ребёнка по отцу. В семьях с русским отцом 60,7% детей определялись как русские; в семьях с отцом-белорусом – 61,1% как белорусы.

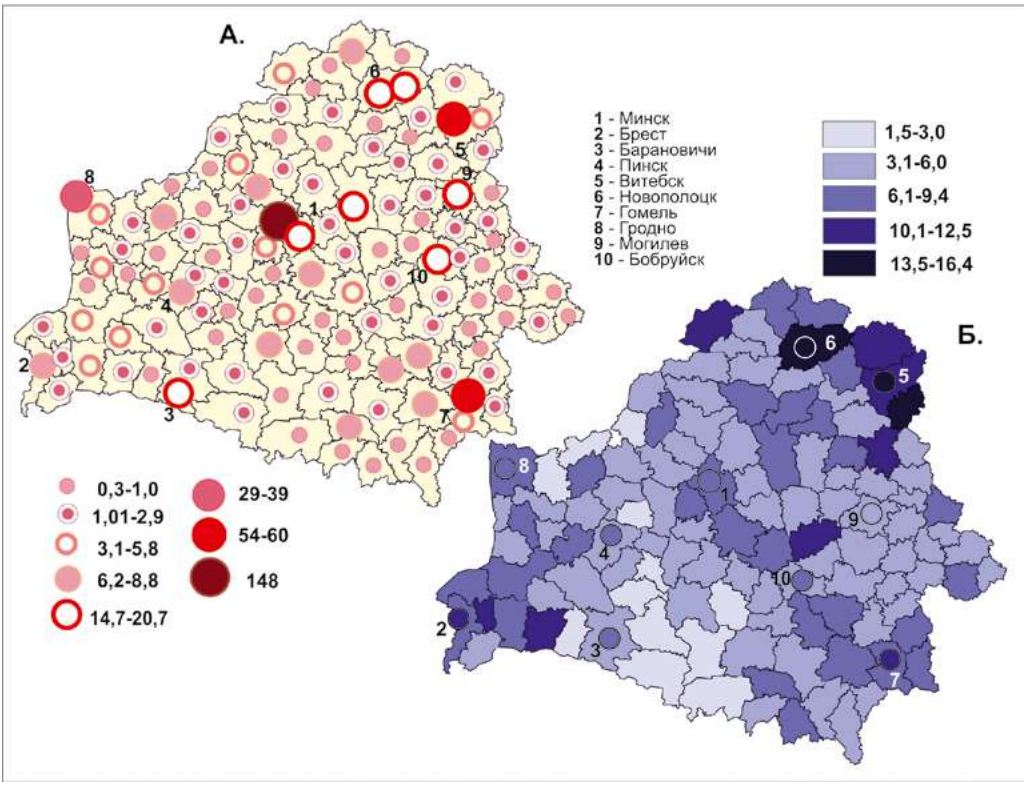

Рис. 4. Русское население по крупным городам и административным районам Беларуси, 2019 год

Fig. 4. Russian population in major cities and administrative districts of Belarus, 2019

Источник: рассчитано автором по: Итоговые данные переписей населения Республика Беларусь 2019. — URL : https://census.belstat.gov.by / (дата обращения: 12.05.2025).

точно активной в республике была брачность русских и с представителями других народов (украинцами, евреями, поляками и другими). На такие браки в сумме приходилось 38–39% всех межнациональных семей русских БССР. И в этих семьях русская национальность смешанного потомства была уже доминирующей (80–90%). В целом, по нашим расчётам, в республике в конце советского периода во всех семьях с одним из русских супругов 63–64% детей фиксировались во время переписей как русские [рассчитано по: 9].

При этом в генерациях русского населения республики, рождённых в 1960–1980-е гг., на 100 полных этнических русских приходилось 340–350 биэтнофоров (русских на «50%»). Из 1,34 млн русских Белоруссии, зафиксированных переписью 1989 г., на смешанное население приходилось 60–65% (800–850 тыс. человек). Число биэтнофоров, выбиравших другую идентичность, составляло 450–500 тысяч[11]. Таким образом, вся биэтническая группа заключала 1,25–1,35 млн человек (12,5–13,5% населения). Для сравнения: в Украинской ССР в конце 1980-х гг. группа русско-украинских биэтнофоров включала 16,7% жителей республики [10, с. 69].

Распад СССР и превращение БССР в самостоятельное государство способствовали существенной идентификационной «пе-

[11] Если исходить, из предположения, что в 1950–1960-е гг. 60–65% смешанного потомства межнациональных семей русских БССР выбирали русскую идентичность.

рецентрировке» смешанного белорусско-русского населения. Часть биэтнофоров, ранее позиционировавшихся как русские, в новых социально-политических условиях стала самоопределяться белорусами. Однако низкий уровень этнополитизации социальной жизни в Беларуси ограничивал масштабы такой идентификационной трансформы у населения среднего и старшего возраста. И сдвиг в долевом соотношении двух подгрупп русско-белорусского множества шёл преимущественно за счёт нарастающего титульного самоопределения новых генераций смешанного населения.

Но и в семьях русских с представителями других народов удельное доминирование русской идентичности у смешанного потомства перестало быть абсолютным. Оно могло заметно варьировать по конкретным этническим связкам, при этом испытывая серьезное влияние со стороны социокультурных, этнополитических, геоцивилизационных факторов. Можно полагать, что в целом в постсоветских генерациях русско-нетитульных биэтнофоров Беларуси русская идентичность продолжала преобладать, но уже с небольшим перевесом, не компенсировавшим потери, связанные с «уходом» в белорусы все более весомой части русско-белорусской молодёжи.

Одним из следствий растущей удельной «дерусификации» младших когорт биэтнофоров являлась все более существенная деформация возрастной структуры русской общины, удельное «сжатие» детского населения и быстрый рост доли пожилых и старых людей. Среднегодовой коэффициент рождаемости у русских Беларуси, рассчитанный по размерам однолетних групп, составлял в конце 1990-х — начале 2000-х гг. 3,2–3,4‰ в год, при общереспубликанском показателе 9,0–9,4‰[12]. Сохранялось данное положение и в последующие годы. Как результат, за 1989–2009 гг. группа населения младше трудоспособного возраста сократилась в русской общине с 21,4% до 7,3%. При этом соотношение численности детско-юношеских возрастов (0–19 лет) и женщин активного фертильного возраста (20–39 лет) у русского населения страны на протяжении «нулевых» годов колебалось в диапазоне 0,84–1,05, а у белорусов составляло 1,5–1,62 (этот показатель используется демографами для примерной оценки коэффициента суммарной рождаемости женщин при отсутствии точной информации) [11]. Очевидной причиной столь разительного расхождения являлся уже указанный предпочтительный выбор смешанным потомством русско-белорусских семей титульной идентичности (причём как в семьях с русской матерью, так и с русским отцом).

Таким образом, первые два десятилетия постсоветского периода продемонстрировали резкое ускорение ассимиляционной динамики в русской общине Беларуси. Но исходя из математического алгоритма данного процесса (быстрый абсолютный и удельный рост группы русско-белорусских биэтнофоров при параллельном сокращении доли выбирающих русскую идентичность), темпы убыли русского населения страны должны были возрастать с каждой следующей переписью. Тем более, что практически исчез миграционный фактор.

По расчётам, выполненным в 2019 г., численность русских в Беларуси за 2010-е гг. должна была сократиться на 25–30% и составить в 2020 г. 590–630 тыс. человек [11, с. 120]. Однако перепись 2019 г. обнаружила в республике 707,0 тыс. русских (–9,9%). Скорость их депопуляции сократилась в сравнении с «нулевыми» в три раза. Наиболее вероятное объяснение этого явления может заключаться в неустойчивом характере национальной идентичности части биэтнофоров.

Комфортное в социопсихологическом и культурно-языковом аспектах положение русских, являясь одним из факторов ускоренной их депопуляции, через интенсивную межнациональную брачность с белорусами и переход все большей части смешанного потомства к титульной идентичности, вместе с тем не мешало этой биэт-

[12] Рассчитано по: Демографические показатели по 15 новым независимым государствам, 1992–2018 // Демоскоп-Weekly. – URL : https://www.demoscope.ru / weekly / pril.php (дата обращения: 12.05.2025).

нической группе в полной мере сохранять своё русскоязычие и приверженность русской культуре. Более того, позиции русского языка в 2000–2010-е гг. укреплялись даже среди титульного населения страны, как и в большинстве её крупных этнических общин. В 2019 г. русский был родным языком для 42,3% жителей Беларуси, для 71,4% он был основным языком общения (у белорусов данные показатели составляли соответственно 38,1% и 71,0%)[13]. Таким образом, Беларусь демонстрировала свою устойчивую принадлежность к российскому геоцивилизационному ареалу. Достаточно высоким в условиях союзного государства оставался и статус русской национальности. В такой ситуации выбор большинством русско-титульных биэтнофоров белорусской идентичности, как правило, содержал элементы ситуативно-конъюнктурного характера, а не был результатом окончательного личностного самоопределения.

Аналогичной была ситуация и в других биэтнических подмножествах русских страны. С их учётом общая численность смешанного населения Беларуси в настоящее время может превышать 20% её жителей. При этом обширная часть этого полиэтничного демографического множества может характеризоваться многосоставной идентичностью, соотношение различных этнонациональных компонент которой является ситуационно-подвижным, зависящим от многих факторов[14]. Данный вывод подтверждается анализом динамики уже использованной нами кривой одногодичных возрастных групп русского населения. Но в этот раз для сравнения были взяты кривые, зафиксированные переписями 2009 и 2019 годов. Сравнение обнаруживает существенную разницу в численности русских уроженцев разных лет.

По данным переписи 2009 г., в самых младших возрастных стратах (уроженцы 2000-х гг.) численность русских по однолетним группам составляла 3,3–3,4 тыс. человек. Однако перепись 2019 г. для этих же лет дала цифры 3,8–4,1 тыс. (рис. 5А). По отдельным однолетним группам прирост достигал 15–22%, по пятилетним когортам составил 7–15%. Максимальным он оказался у самой младшей генерации русских детей (0–4 года), размеры которой в 2009 г. составляли 16,75 тыс. человек. К 2019 г. эта группа (теперь уже дети 10–14 лет) выросла до 19,7 тысяч (+17,7%).

В целом, более или менее заметный прирост числа русских фиксировался вплоть до группы уроженцев 1975–1979 гг. (рис. 5Б). Этот рост не объяснить ни естественным воспроизводством, ни миграционным фактором, он связан только с изменением национальности, выбираемой частью биэтнофоров во время переписи 2019 года. Только в группах наиболее «возрастного» русского населения Беларуси фиксировалась нарастающая убыль, которая связана с высокой смертностью. Значимым следствием количественного роста младших когорт стало замедление в 2010-е гг. процесса старения русской общины, а также смягчение проблемы быстрого сжатия группы русских женщин активного репродуктивного возраста (20–39 лет). По данным переписи 2009 г. её размеры в Беларуси в следующее десятилетие должны были сократиться почти на треть (с 98,8 до 66,7 тыс.). Действительные потери оказались меньше — в 2019 г. данная группа заключала 75,6 тыс. человек (–23,5%). Соответственно ниже оказались темпы снижения рождаемости и показатели естественной убыли русского населения страны.

Таким образом, происходившее в первые постсоветские десятилетия поступательное смещение группы русско-белорусских биэтнофоров к своей титульной идентичности, в 2010-е гг. у части смешанного населения страны, сменилось обратным трендом. Отметим, что у данного процесса фиксировались ощутимые межрегиональные особенности, которые требуют самостоятельного анализа. Но в целом, есть все основания полагать, что идентификационная циркуляция части смешанного населения Беларуси,

[13] Рассчитано по: Итоговые данные переписей населения Республика Беларусь 2009, 2019. – URL : https://census.belstat.gov.by / (дата обращения: 12.05.2025).

[14] Следует учитывать и то, что национальное самоопределение взрослого человека может отличаться от национальности, «назначенной» ему родителями во время переписи, прошедшей в его детские годы.

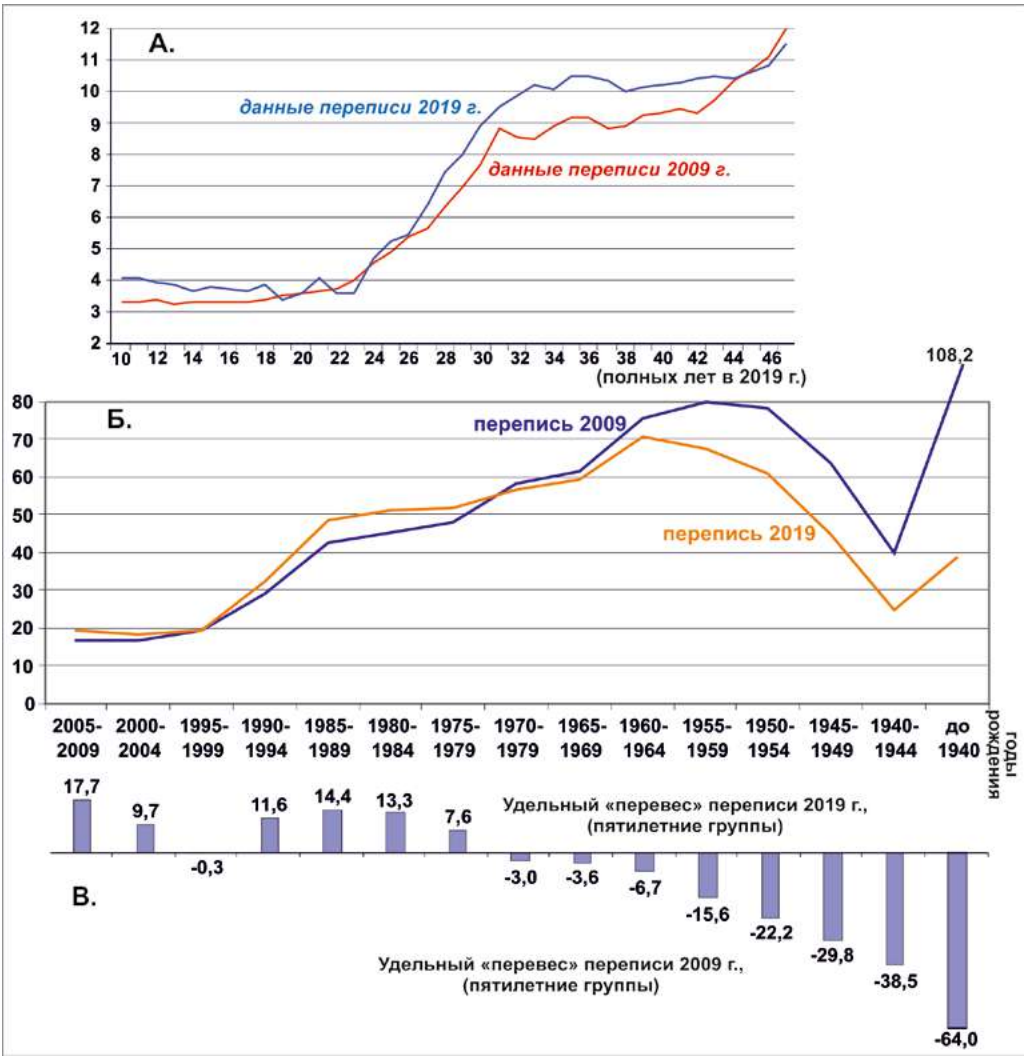

Рис. 5. Русское население Беларуси по однолетним и пятилетним группам в 2009 и 2019 гг.
Fig. 5. Russian population of Belarus for one-year and five-year groups in 2009 and 2019.
Источник: рассчитано автором по: Итоговые данные переписей населения Республика Беларусь 2009, 2019. — URL : https://census.belstat.gov.by / (дата обращения: 12.05.2025).

действительно, является процессом с «двухсторонним» движением, которое продолжится и в дальнейшем, существенным образом осложняя прогнозные расчёты динамики русской общины. Сказанное, однако, не отменяет общей тенденции, фиксируемой в динамике русского населения постсоветской Беларуси: постепенным его «растворением» в титульной среде; дальнейшим сокращением в структуре русской общины страны доли уже не только «чистых», но и наполовину русских; параллельным ростом числа носителей все меньших долей русской этнической компоненты[15].

[15] На деле данный процесс означает поступательное смещение данной компоненты из сферы актуального национального самоопределения человека в область его семейных преданий.

Заключение

Исследование подтвердило, что количественная и пространственная динамика русских Беларуси в 1990–2010-е гг. соответствовала основным геодемографическим трендам, характерным для всего русского населения ближнего зарубежья. Размеры русской общины страны демонстрировали быстрое сокращение — на 47,3% за 1989–2019 гг. (с 1342 до 707 тыс. человек). Но если, в первые два десятилетия постсоветского периода убыль русских была повсеместной, охватывая все регионы и уровни системы расселения, то в 2010-е гг. количественная динамика отдельных территориальных групп стала разнонаправленной. В Брестской и Витебской областях фиксировался небольшой рост численности русских при сохранении сокращения других региональных групп. В целом система расселения русских постсоветской Беларуси сохраняла основные черты, сформированные в середине — второй половине XX века, в т.ч. повышенную концентрацию в Минске, крупных и средних городах по всей территории страны, а также в северо-восточных сельских районах Витебской области.

Центральным фактором убыли русских на всем протяжении постсоветского периода оставался ассимиляционный процесс, на который за 1989–2019 гг. пришлось порядка 83,5–87,5% всех демографических потерь. Основной причиной интенсивной ассимиляции являлся высокий уровень межнациональной брачности (70–75%), характерный для всех генераций русских Беларуси, начиная с первой половины XX века. Уже в конце 1980-х гг. смешанное потомство таких браков составляло 1,25–1,35 млн человек, из которых 800–850 тыс. (60–65%) самоопределялось русскими. В Беларуси удельное соотношение идентичностей биэтнофоров стало смещаться в сторону других национальностей, прежде всего титульной, поскольку основная часть межнациональных браков заключалась между русскими и белорусами.

К числу негативных социодемографических следствий нарастающей идентификационной «дерусификации» представителей биэтнической группы можно отнести сокращение в 2000–2010-е гг. среднегодового коэффициента рождаемости у русского населения Беларуси до 3–5‰, повышение к концу 2010-х гг. его медианного возраста до 51,2 лет; низкий коэффициент суммарной рождаемости у русских женщин (0,9–1,05 на протяжении 2010-х гг.).

При этом, самоидентификация по своей нерусской этнической компоненте не отражалась на культурно-языковом предпочтении биэтнофоров, в своей массе остававшихся русскоязычными и ориентированными на русскую культуру. Для определённой их части такая ассимиляция без аккультурации и выбор нерусской самоидентичности не были окончательными. Подвижность этого показателя обнаруживалась пульсирующими в широком диапазоне размерами однолетних / пятилетних групп русских, фиксируемых переписями Беларуси 2009 и 2019 годов.

Подвижная самоидентичность части биэтнического множества не отменяла центрального тренда внутренней этнодемографической трансформации русской общины страны, связанного с постепенным ростом в её структуре группы смешанного населения, а в составе последней, носителей все меньших долей русской этнической компоненты. Вместе с тем ряд факторов продолжает работать на сохранение весомого русского этнического присутствия в Беларуси (пребывание в составе союзного государства, разнообразные формы взаимодействия российского и белорусского обществ; высокий уровень культурно-языкового обрусения населения).

В целом демографическая история русских Беларуси является наглядной иллюстрацией нелинейного характера взаимосвязи между условиями жизни и количественной динамикой русского населения на постсоветском пространстве. Максимально комфортное в психологическом и культурно-языковом аспектах положение русских способно становиться фактором снижения их численности (аналогично влиянию сложных социально-политических

и этнокультурных условий жизнедеятельности). Результаты проведённого исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения русского населения ближнего зарубежья и учитываться в деятельности органов, ответственных за работу с соотечественниками на постсоветском пространстве.

Литература и Интернет-источники

1. ***Савоскул, С.С.*** Русские нового зарубежья (выбор судьбы) / С.С. Савоскул. — Москва : Наука. 2001. — 438 с. EDN: QDQZLD
2. ***Сущий, С.Я.*** Русские ближнего зарубежья в постсоветский период: геодемографические, этносоциальные, социокультурные аспекты / С.Я. Сущий // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 1. — С. 103–116. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.10; EDN: VLHPVK
3. ***Сущий, С.Я.*** Русские ближнего зарубежья в фокусе российской социологии: эволюция исследовательских подходов и ракурсов (1990–2020-е гг.) / С.Я. Сущий // Социологические исследования. — 2024. — № 7. — С. 112–127. DOI: 10.31857/S0132162524070119; EDN: EHBFEL
4. ***Сикевич, З.В.*** Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? / З.В. Сикевич // Социологические исследования. — 2007. — № 9. — С. 59–67. EDN: ICAJHN
5. ***Арефьев, А.Л.*** Русский язык на рубеже XX–XXI вв. / А.Л. Арефьев. — Москва : ЦСП, 2012. — 482 с. EDN: QJYFRW
6. ***Кабузан, В.М.*** Русские в мире. / В.М. Кабузан. — Санкт-Петербург : Блиц, 1996. — 348 с.
7. ***Борзых, Н.П.*** Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов / Н.П. Борзых // Советская этнография — 1984 — № 1. — С. 101–112.
8. ***Волков, А.Г.*** Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав. / А.Г. Волков // Вестник статистики. — 1989 — № 7. — С. 12–26; № 8. — С. 8–24.
9. ***Rele, J.R.*** Fertility analysis through extension of stable population concepts / J.R. Rele. — Berkely : University of California. — 1967. — 91 p.
10. ***Сущий, С.Я.*** Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода (история, современность, перспективы) / С.Я. Сущий. — Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН. — 2019. — 344 с.

Сведения об авторе:
Сущий Сергей Яковлевич, д.филос.н., зав. лабораторией, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия.
Контактная информация: e-mail: SS7707@mail.ru; ORCID 0000–0001–5131–3988; РИНЦ SPIN-код: 7644–9948.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-59-74

RUSSIANS IN POST-SOVIET BELARUS — VECTORS AND FACTORS OF GEODEMOGRAPHIC DYNAMICS

Sergey Ya. Suschy

Southern Scientific Center RAS
(41 Chekhova prospect, Rostov-on-Don, Russia, 344006)

E-mail: SS7707@mail.ru

Funding:
The research was funded by grant from the Russian Science Foundation No. 24–28–00974. – URL : https://rscf.ru/project/24–28–00974 /

For citation:
Suschy S. Ya. Russians in post–Soviet Belarus – vectors and factors of geodemographic dynamics. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 59-74. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-59-74 (in Russ.)

Abstract *The article examines the features of the geodemographic dynamics of the Russian population of post-Soviet Belarus. It was found that these features corresponded to the central trends characteristic of the Russian communities of the near abroad. The number of Russians in Belarus decreased by 1.9 times in 1989–2019 (from 1.34 to 0.71 million people). But the system of their settlement has retained its main features — an increased concentration in the capital, large and medium-sized cities, and in the northeastern regions of Vitebsk oblast. Assimilation remained the central factor in the decline of Russians throughout the post-Soviet period. In the 1990s, it accounted for 81–83% of the demographic losses, in the 2000s and 2010s — for 83–86 and 70–75% respectively. The main reason for this process was high level of interethnic marriage among Russians (70–75%). Already at the end of the 1980s, the offspring of such marriages (biethnophores) amounted to 1.25–1.35 million people. But during the Soviet period, 60–65% of biethnophores identified themselves as Russians, and in the independent Belarus, 60–70% chose other identities — primarily the titular one. Among the sociodemographic consequences of this process is reduction of the birth rate among Russians in Belarus to 3–5‰ and increase in the median age to 51.2 years by the end of the 2010s. But the transformation of the vector of national identity of the bi-ethnophores had practically no effect on their cultural and linguistic affiliation. The mixed population remained Russian-speaking, oriented towards Russian culture. This variant of assimilation without acculturation among some biethnophores was unstable, that is confirmed by the return to quantitative growth in the 2010s for a number of groups of the Russian population born in the same year / period. The study allows us to conclude that the comfortable status, sociopsychological, cultural and linguistic aspects of the position of the Russian population in the near abroad can also act as a factor of reduction in its number.*

Keywords *Belarus, Russian population, geodemographic dynamics, natural reproduction, assimilation process, biethnophore group.*

References and Internet sources

1. Savoskul S.S. Russkiye novogo zarubezh'ya: Vybor sud'by [*Russians of the New Abroad: The Choice of Fate*]. Moscow. Nauka [Science]. 2001. P. 438 p. (in Russ.)
2. Sushchy S. Ya. Russkiye blizhnego zarubezh'ya v postsovetskij period: geodemograficheskiye, etnosotsial'nyye, sotsiokul'turnyye aspekty [Russians of the neighboring countries in the post-Soviet period: geodemographic, ethnosocial, and sociocultural aspects]. Narodonaselenie [*Population*]. 2021. Vol. 24. No. 1. P. 103–116. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.10 (in Russ.)
3. Suschy S. Ya. Russkiye blizhnego zarubezh'ya v fokuse rossijskoj sotsiologii: evolyutsiya issledovatel'skikh podkhodov i rakursov (1990–2020-e gg.) [Russians of the near abroad in the focus of Russian sociology: the evolution of research approaches and angles (1990s-2020s)] Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2024. No. 7. P. 112–127. DOI: 10.31857/S0132162524070119 (in Russ.)
4. Sikevich Z.V. Russkiye, ukraintsy, belorusy: vmeste ili vroz'? [Russians, Ukrainians, and Belarusians: together or separately?]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2007. No. 9. P. 59–67. DOI: 10.31857/S0132162524070119 (in Russ.)
5. Arefyev A.L. Russkij yazyk na rubezhe 20–21 vv. [*Russian Language at the Turn of the 20th-21st Centuries*]. Moscow. 2012. 482 p. (in Russ.)
6. Kabuzan V.M. Russkiye v mire. [*Russians in the World*]. St. Petersburg. Blits [Blitz]. 1996. 348 p. (in Russ.)
7. Borzykh N.P. Mezhnatsional'nyye braki v SSSR v seredine 1930-h godov [Interethnic marriages in the USSR in the mid-1930s.]. Sovetskaya etnografiya [*Soviet Ethnography*]. 1984. No. 1. P. 101–112. (in Russ.)

8. Volkov A.G. Etnicheski smeshannye sem'i v SSSR: dinamika i sostav [Ethnically mixed families in the USSR: dynamics and composition]. Vestnik statistiki [*Bulletin of Statistics*].1989. No 7. P. 12–26. No. 8. P. 8–24. (in Russ.)
9. Rele J.R. *Fertility Analysis through Extension of Stable Population Concepts*. Berkely. University of California. 1967. 91 p.
10. Suschy S. Ya. Russkoye naselenyiye blizhnego zarubezh'ya: geodemograficheskaya dinamika postsovetskogo perioda (istoriya, sovremennost', perspektivy). [*Russian Population of the Near Abroad: Geodemographic Dynamics of the Post-Soviet Period (History, Modernity, Prospects)*]. Rostov-on-Don. YuNTs RAN [SSC RAS]. 2019. 344 p. (in Russ.)

Information about the author:
Suschy Sergey Yakovlevich, Doctor of Philosophy, Head of Laboratory, Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don, Russia.
Contact information: e-mail: SS7707@mail.ru; ORCID 0000–0001–5131–3988; Elibrary SPIN-code: 7644–9948.

Статья поступила в редакцию 18.07.2025, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-75-84
EDN: BTYBTT

СЕМЬЯ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Доброхлеб В. Г.

ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5)

E-mail: vdobrokhled@mail.ru

Для цитирования:
Доброхлеб В. Г Семья как предмет научных исследований в современной России // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 75-84. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-75-84; EDN: BTYBTT

Аннотация. *Реальная жизнедеятельность населения протекает преимущественно в рамках семейных структур различных форм и моделей, а действующие здесь социальные механизмы, в конечном счёте выходят на численность и тенденции движения человеческого потенциала. Цель данного исследования заключается в выявлении особенностей современного состояния семейных структур РФ. Основными характеристиками посемейной структуры современной России является высокий уровень брачности, при этом внимание исследователей направлено на проблемы неблагоприятной динамики посемейных структур населения страны, которая обусловлена процессом демографического старения, высокой смертностью мужчин, а также неустойчивостью семейных структур, что связано высоким уровнем разводов. Вместе с тем семья и брак остаются важнейшими социальными ценностями российского населения. В России нарастают изменения в соотношении архетипов семей: идет движение в сторону эгалитарной модели. Предложены направления действий улучшения брачности и снижения разводимости в нашей стране, связанные с новой стратегией демографической и семейной политики в регионах РФ. При этом с учетом современной ситуации они должны строиться, с одной стороны, как среднесрочные стратегии, с учетом активного участия бизнеса и государственных структур в улучшении уровня и качества жизни людей, с существенным ростом финансовых вложений. А с другой — в тактическом плане, в ближайшей перспективе, важнейшим направлением демографической политики становится воспитание молодежи с учетом традиционных, в том числе семейных, ценностей и распространение наиболее успешных практик многодетных семей. Овладение внутренними механизмами и инструментами динамики семейных структур может дать возможность, если не управлять, то, по крайней мере, влиять на демографическое воспроизводство. Следует переходить к новой парадигме рассмотрения населения, в основе которой лежит посемейное представление населения.*

Ключевые слова: *парадигма, архетип семьи, посемейная структура, брачность, разводимость.*

© Доброхлеб В.Г., 2026

Постановка проблемы

В настоящее время в России есть запрос на теоретическое осмысление имеющихся эмпирических исследований демографических процессов. Именно демографическая динамика во многом формирует будущее страны. Рождаемость, брачность и смертность — ключевые события в массовых демографически когортах населения, основная жизнедеятельность которых протекает в семейных структурах. Изучение современного состояния посемейной структуры основано на результатах последней Всероссийской переписи населения. Исследование динамики брачности, разводимости и состояния архетипов семей связано с материалами отечественной и зарубежной статистики, а также фундаментальными работами российских исследователей начиная со второй половины XX века

В современных российских демографических исследованиях семья в первую очередь рассматривается с точки зрения повышения рождаемости, «ячейка воспроизводства населения». При этом большего внимания требует процесс образования и развития семей. Демографы выявили, что в нашей стране с середины XX в. сложилась «специфическая и относительно устойчивая семейная структура населения», для которой характерны три типа семей — основой данной структуры стали «нуклеарные семьи с небольшим числом детей; распространены неполные семьи с одним из родителей; а также сложные семьи, в составе которых, как правило, две брачные пары. В этот период фиксируется устойчивая доля лиц, живущих отдельно [1]. При этом исследователи разделились во взглядах на современную семью. Одни характеризует современное состояние семей в России как кризис, другие — указывают, что сегодня идет трансформация семейных структур с учетом изменившихся условий.

Обзор научной литературы

В течение XX и первой четверти XXI в. в России происходили и продолжают идти грандиозные социальные перемены. Эти перемены не могли не затронуть массовые слои населения и повлияли на демографическую динамику страны [2]. Известные экономисты, социологи, демографы опубликовали ряд фундаментальных научных работ, в которых в том числе рассматривались проблемы изменения семьи. В этом аспекте важна работа Т. Куна „Структура научных революций“, в котором показано, что и в политических, и в научных революциях складывается ситуация, что когда существующие институты не отвечают на вызовы, и тогда в науке возникает запрос на новую научную парадигму [3, с. 129]. Для нашего исследования наиболее интересны работы, в первую очередь российских ученых, с их взглядами на эволюцию и состояние современной семьи в России. В первые десятилетия текущего века были опубликованы работы, которые и сегодня можно рассматривать как методологическую основу анализа изменений, происходящих в семье.

Так в статье И.С. Кона «Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции», опубликованной пятнадцать лет назад, показано различие политических и социальных революций. Оно состоят в парадоксальном феномене социальных революций: радикальные сдвиги в социальных отношениях происходят относительно быстро, но потом они в течение длительного времени влияют на систему социальных отношений. И.С. Кон утверждал, что как на Западе, так и в России со второй половины XX в. идут «три глобальные революции — сексуальная, гендерная и семейная» Сексуальная революция основана на индивидуализации, ослабление внешнего контроля за сексуальным поведением и появлением эффективной контрацепции. И.С. Кон указывал на «снижение возраста сексуального дебюта, отделение сексуального поведения от брачного, рост числа до- и внебрачных связей, ослабление двойного стандарта». Наряду с этим происходит гендерная революция, основанная на «ломке исторического гендерного порядка». Основная борьба связана и изменением принципа господства и подчинения (что присуще традиционно-

му обществу) и постепенному формированию отношений полов как осознанной взаимозависимости. При этом на фоне «нормативной неопределённости часто возникают конфликты, особенно острые в сфере брачно-семейных отношений». Показано, что фундаментальные перемены в брачно-семейных отношениях (семейная революция) обусловлены тем, что главным в оценке семейных отношений становится «понятие субъективного благополучия (subjective well-being)». По оценке И.С. Кона: «Счастливой считается лишь та семья, в которой хорошо всем её членам» [4].

Одним из теоретиков российской фамилистики по праву можно считать С.И. Голода, который в своей статье «Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи» [5] кратко изложил результаты своих многочисленных исследований, в том числе опубликованных ранее в монографии «Семья и брак: историко-социологический анализ» [6]. В книге учёный рассматривал семью как объединение людей, состоящих в каком-либо «из трёх видов отношений: кровного родства, порождения, свойства». При развитии моногамии преобладание одного из этих типов отношений, также их характер менялся «от крайней формы половозрастной зависимости до соответствующей автономии». Именно эта динамика является критерием, характеризующим соответствующий исторический этап эволюции моногамии. Были выделены и описаны три идеальных типа семейных отношений: патриархальный или традиционный, детоцентристский или современный, супружеский или постсовременный. Эта классификация и сегодня позволяет определить вектор семейных отношений и используется современными исследователями О.Н. Бурмыкиной и Н.А. Нечаевой [7; 8], И.И. Корчагиной и Л.М. Прокофьевой [9], С.Ю. Сивоплясовой и Е.П. Сигаревой [10], О.Н. Калачиковой и В.Н. Архангельским [11], Т.А. Гурко [12; 13], О.В. Кучмаевой [14], А.Б. Синельниковым [15], Т.К. Ростовской [16] и другими.

В современной России социальная нормативность остаётся общественным регулятором семейно-брачных отношений, но чаще, чем традиционная норма учитывает своеобразие личности. Важно сегодня более полно задействовать личностные практики, образы и планы, нацеленные на создание и сохранении, в том числе многодетных семей. Вопрос состоит в широком использовании во внутрисемейных отношениях таких адаптационных ниш, как духовная, психологическая, сексуальная, информационная, родственная, культурная и бытовая. Как совместить в семьях одновременно автономность и интимность? Каковы должны быть направления действий по смягчению противоречия «между самоценным эросом и сексуальностью, акцентированной на прокреацию»? Как с «наибольшей пользой действовать в тех нелёгких условиях, которые предлагает реальная жизнь» [5]. Эти вопросы, поставленные С. И Голодом, сегодня востребованы как научной теорией, так и социальной практикой.

Ряд российских авторов, в том числе А.Г. Вишневский [17], указывали, что динамику модели брачного поведения следует объяснять, используя концепцию «второго демографического перехода», предложенную зарубежными авторами Р. Лестэг и Д. ван де Каа[1]. Изменение брачных отношений базируется на переменах в структуре демографического поведения, которое включает различный статус и формы брака и семьи, что влечёт за собой падение рождаемости.

Существенный вклад в развитие научных взглядов на семью связан с именем основателя современной российской социодемографической научной школы Н.М. Римашевской. Она была соавтором и редактором многих коллективных монографий, в том числе коллективной монографии «Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире». Именно в этой работе был представлен развёрнутый текст о социодемографической научной школе, которую Наталья Михайловна формировала и возглавляла. Она отмечала, что главные шаги, определившие методологические подходы этого

[1] Lesthaeghe R. Second Demographic Transition, Basil Blackwell. — URL : http://www.vub.ac.be / SOCO / ron / final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc (дата обращения: 06.03.2026).

научного направления, его основная парадигма и институциональные основы «базировались преимущественно на посемейном представлении населения и соответствующих исследованиях» [18]. Как исследователь Н.М. Римашевская не боялась противостояния официальной демографической традиции, которая рассматривает население как совокупность индивидов. Ею было отмечено, что традиционный подход можно применять как «макро-идеологию в демографии», относящуюся к тому или иному населению в целом. Это также приемлемо для различного рода прогнозов. Но если цель состоит в эффективном воздействии на демографические процессы, необходимы исследования на уровне семьи. Иными словами, следует переходить к микро-идеологии. Использование новой парадигмы изучения воспроизводства населения на базе его посемейной структуры позволяет решать одну из методологических задач демографической науки — «это создание алгоритма трансформирования общей численности населения: в то время это — 142 млн человек — в 53 млн семейных домохозяйств». Это даёт в возможность последующего наблюдения за этой трансформацией в динамике [18, с. 11–12].

Цель данного исследования состоит в выявлении специфики состояния семейных структур современной России. Задачами являются: анализ состояния брачной структуры населения России, а также структуры семей с детьми. Методология исследования основывается на статистическом анализе, использовании междисциплинарного подхода. Информационной базой стали российские базы данных, а также исследования отечественных и зарубежных учёных по избранной тематике.

Результаты

Посемейная структура населения по результатам переписи населения России. По данным Всероссийской переписи населения в России (Перепись-2020) в стране более 35,4 млн семейных ячеек, которые объединяют более 97 млн человек (табл. 1). Из них более половины составляют супружеские пары с детьми, среди которых более трети имеют детей моложе 18 лет. Существенный интерес представляют данные по составу семей с детьми до 18 лет. Ниже представлена гистограмма по числу детей в семьях (рис. 1.): с одним ребёнком — 49%, с двумя — 38%, с тремя — 10%, с четырьмя — 2%, с пятью и более — 1%.

По данным Переписи-2020, из 122,4 млн человек в возрасте 16 лет и старше 84,6% указали своё брачное состояние. При этом

Таблица 1

Семейные ячейки, входящие в состав домохозяйств в России, по данным Переписи-2020 (единиц, %)

Table 1

Family units in the Russian households according to the All-Russian Population Census of 2020 (units, %)

Тип семейных ячеек	Число, единиц	Доля лиц в семейных ячейках, %
Всего семейных ячеек	35466004	100
Супружеские пары без детей	11009257	22,6
Супружеские пары с детьми	13231393	50,2
– из них имеющие детей моложе 18 лет	9550492	37,9
Матери с детьми	9208993	22,2
– из них имеющие детей моложе 18 лет	4854030	12,7
Отцы с детьми	2016361	4,7
– из них имеющие детей моложе 18 лет	1128280	2,8

Источник: рассчитано автором по данным Всероссийской переписи населения 2020. Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по размеру и числу детей моложе 18 лет // Росстат. — URL : // https: www. // docs.yandex.ru / docs / view?url=ya- (дата обращения: 12.01.2026).

18,9% респондентов от указавших брачное состояние ответили, что они никогда не состояли в браке или супружеском союзе. В их числе молодые люди в возрасте 16–29 лет — 11,8 млн человек, людей в трудоспособном возрасте, никогда не состоявших в браке или брачном союзе — 18,4 млн человек. Среди лиц старше трудоспособного возраста никогда не состояли в браке или брачном союзе 1,2 млн человек.

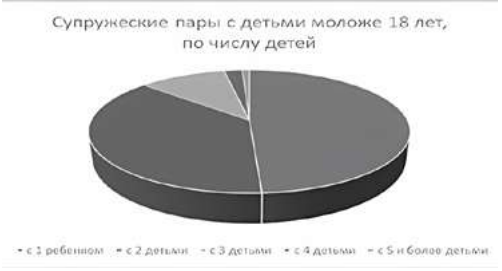

Рис. 1. Супружеские пары с детьми моложе 18 лет по числу детей (в %)

Fig. 1. Married couples with children under the age of 18 by the number of children (in %)

Источник: рассчитано автором по данным Всероссийской переписи населения 2020. Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств, по размеру и числу детей моложе 18 лет // Росстат. — URL : // https: www. // docs. yandex.ru / docs / view?url=ya- (дата обращения: 12.01.2026).

Отметим, что Перепись-2020 зафиксировала 18,8 млн человек (15,4%) от населения в возрасте 16 лет и старше, не отметивших своё брачное состояние. Иными словами, можно фиксировать две группы населения, которые с большой вероятностью представляются проблемными с позиции отношения к браку. В их составе, во-первых, лица, никогда не состоявшие в браке (19,6 млн человек), а во-вторых, не показавшие своё брачное состояние (18,8 млн). Доля этих двух групп более одной трети населения брачного возраста (31,4%). В описанных выше группах отмечены определённые различия по полу. Например, 8,4 млн мужчин и 10,3 млн женщин не указали состояние в браке. В числе никогда не состоявших в браке или супружеском союзе 10,8 млн мужчин и 8,7 млн женщин. Безусловно треть населения, не имеющая отношения к браку, требует более пристального изучения.

В настоящее время исследователи сосредоточены на лицах, состоящих в браке. По данным переписи-2020, в браке состоят 60,0 млн или 49,0% от населения брачных возрастов. При этом в зарегистрированном браке — 54,6 млн (44,6% от населения в возрасте 16+), в незарегистрированном супружеском союзе — 5,4 млн (4,4% от населения в возрасте 16+).

Рассмотрим ещё три категории граждан, которые ранее состояли в браке, а в настоящее время являются официально разведёнными — 9,1 млн (7,5% от населения в возрасте 16+), разошедшимися — 3,0 млн (2,5% от населения в возрасте 16+) и вдовыми — 11,7 млн (9,6% от населения в возрасте 16+). Вдовые, официально разведенные и разошедшиеся составляют 19,5% населения старше 16 лет. Эти данные характеризуют нестабильность браков в стране, которая, по мнению демографов, обусловлена как высоким уровнем разводов, так и демографическим старением, а также сверхсмертностью мужчин.

Проведенный анализ показал, что особенностями современной брачной структуры населения России являются следующие характеристики: 1) в возрасте старше 16 лет треть населения страны не состояла в браке или не указало своё брачное состояние; 2) почти каждого пятого жителя (19,5%) можно отнести к категории «потерпевших крушения брака»; 3) менее половины россиян (49,0% от населения брачных возрастов) состоят в браке, в числе которых в незарегистрированном супружеском союзе — 4,4% от населения 16+ [20].

Тенденции брачности и динамика архетипов семейных отношений в РФ. Вместе с тем Россия остаётся страной с высоким уровнем брачности (рис. 2).

По данным Росстата, с середины прошлого века по настоящее время самый высокий показатель заключённых браков на тысячу человек населения наблюдался в 1960 г. и составил 12,5‰[2]. Ниже (рис. 3) представлена

[2] Браки // Росстат. – URL : // https: www. // docs.yandex.ru / docs / view?url=ya- (дата обращения: 14.01.2024).

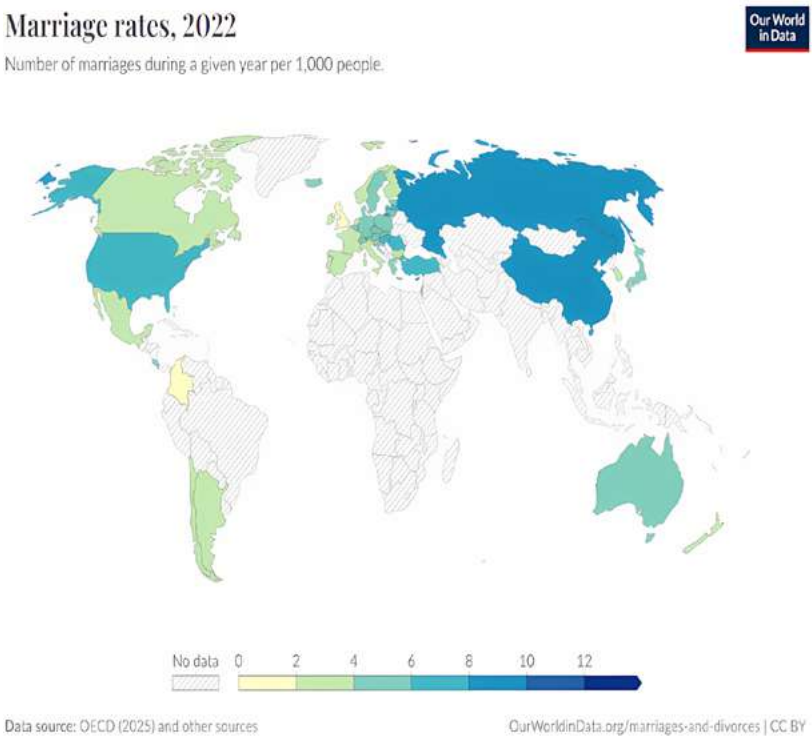

Рис. 2. Брачность по странам мира (на 1000 человек)

Fig. 2. Marriage rates by country (per 1000 people)

Источник: Marriages and Divorces // Our World in Data. — URL. ttps:// ourworldindata.org / marriages-and-divorces (дата обращения: 05.03 2026).

динамика браков с 2013 по 2024 гг., которая показывает падение показателя брачности. Отметим, что существенное увеличение этого показателя приходится на 2022 год. Начало СВО показало, что в критические моменты, брак, вероятно, становится существенной поддержкой в жизни.

По имеющимся данным 2024 г., в нашей стране зарегистрировано 151,4 тыс. браков. На 20% снизилось число поданных заявлений на расторжение браков в семьях с детьми. В первом квартале более чем на четверть (26,7%) уменьшилось число разводов. Ряд экспертов связывают эти процессы с проведением активной семейной политики[3].

В российском обществе существует широкая палитра семей, которая теоретически представлена трем архетипами взаимоотношений внутри них: патриархальным, детоцентристским и супружеским (эгалитарным) [5]. Более десяти лет назад Н.М. Римашевская показала, что эти типы семей имеют «свой вес». Патриархальные, или традиционные семьи составляли половину от всех семейных ячеек. Детоцентристские, которую Н.М. Римашевская считала современной — 40% и постсовременная (супружеская, эгалитарная) — 10% [18, с. 25].

Динамику внутрисемейных взаимоотношений в семьях в настоящее время можно соотнести с результатами эмпирических

[3] Данные за январь-декабрь 2024 года // Росстат (разводы, браки). — URL : https://t-j.ru / stat-divorce / ?ysclid=mnc1wraqsu596525431&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 10.03.202).

Рис. 3. Динамика браков в России

Fig. 3. Dynamics of marriages in Russia

Источник: Браки и разводы в России. — URL : https://www.tadviser.ru / index.php / Статья: Браки и разводы в России? ysclid=mnc21q9zj5582548783 (дата обращения: 05.03 2026).

исследований. Опросы ВЦИОМ (2024 г.) показывают, что почти две трети жителей страны (73%) предпочитают официальный брак сожительству. При этом молодежь значительно реже (64%) намерена регистрировать свои отношения в ЗАГСе, 8% считают, что лучше жить одному, немногим меньше одного процента оформили бы фиктивный брак, 11% предпочитают жить в семье, но не регистрироваться. 62% респондентов указали, что «идеальная семья» та, в которой отношения мужа и жены равноправны, обязанности и права делятся равномерно. В такой семье обязательно есть дети (51%), отношения гармоничны, основаны на любви и взаимопонимании (40%). Однако 31% — придерживается мнения, что один из членов семьи является её главой. 90% респондентов указали на то, что «взаимопонимание и поддержку необходимо сохранять, несмотря на финансовые трудности». Взаимоотношения равноправия в семье женщины поддерживают чаще (71% женщин против 51% мужчин.). Эксперты пишут, что, например, в 2012 г. мнения о равном распределении обязанностей между мужем и женой, поддерживали 45% (против 62% в 2024 г.)[4]. Эти результаты показывают изменения в соотношении типов семей, движение в сторону её эгалитарной модели. Можно предположить, что соотношение партиархальности и эгалитарности в семейных отношениях сдвигается в сторону эгалитарного типа. Однако заметим, что речь в опросе шла об идеальном типе счастливой семьи, а не о фактических отношениях, сложившихся в семьях. По предварительным оценкам, которые нуждаются в дополнительной эмпирике, сегодня патриархальные семьи составляют 35% от всех семейных ячеек; детоцентристкие — 40% и эгалитарные — 25%.

Особый интерес представляет направление исследований, связанных с оценкой удовлетворённостью жизнью успешных работающих родителей. Выявлено,

[4] ВЦИОМ: люди считают идеальной семью, где оба партнёра равны в принятии решений. — URL : https://www.vedomosti.ru / society / articles / 2024 / 07 / 08 / 1048554-lyudi-schitayut-idealnoi-semyu-gde-oba-partnera-ravni (дата обращения: 27.03.2026).

что удовлетворённость жизнью, у респондентов, имеющих семьи с детьми, выше по сравнению с другими опрошенными. Результаты получены в ходе пилотного межстранового социологического опроса населения, проведенного в России, Беларуси и Польше [19].

Несмотря на то, что семья для населения РФ является одной из главных ценностей, что подтверждается социологическими опросами, в современном российском обществе сложился тренд, связанный с ростом одиноко поживающих граждан. Число домохозяйств-одиночек существенно выросло. Их причины исследователи связывают с «увеличением продолжительности жизни, снижением уровня брачности и рождаемости, внутри страновой и межстрановой мобильностью, экономической независимостью и самостоятельностью женщин и взрослых детей, урбанизацией и нуклеаризацией семей, распространением ценностей индивидуализма, самореализацией и толерантностью к различным стилям жизни» [11].

Динамика разводимости в России. Ещё одним социально-демографическим вызовом остается проблема устойчивости браков, которую оценивают по числу разводов (рис. 4). Так, начиная с 1950 по 2022 гг. наименьшее число разводов в расчёте на 1000 человек было в первый год наблюдения, когда этот показатель составил 0,5‰. Наибольших значений показатель достигал в 2002 г. — 5,9‰. В 2022 г. его значение составило 4,7‰ [17]. По уровню разводов в настоящее время (показатель: 4,4‰) РФ занимает второе место в мировом антирейтинге. Первое принадлежит Мальдивам, которые исторически имеют самый высокий уровень разводов в мире, составляющий 5,5‰.

Представляет интерес показатель соотношения разводов и браков: количество разводов по отношению к количеству браков, часто выраженное в % (или разводы на 100 браков). Это оценивается как приблизительный пожизненный риск того, что брак в конечном итоге закончится разводом. Лидерами по показателям пожизнен-

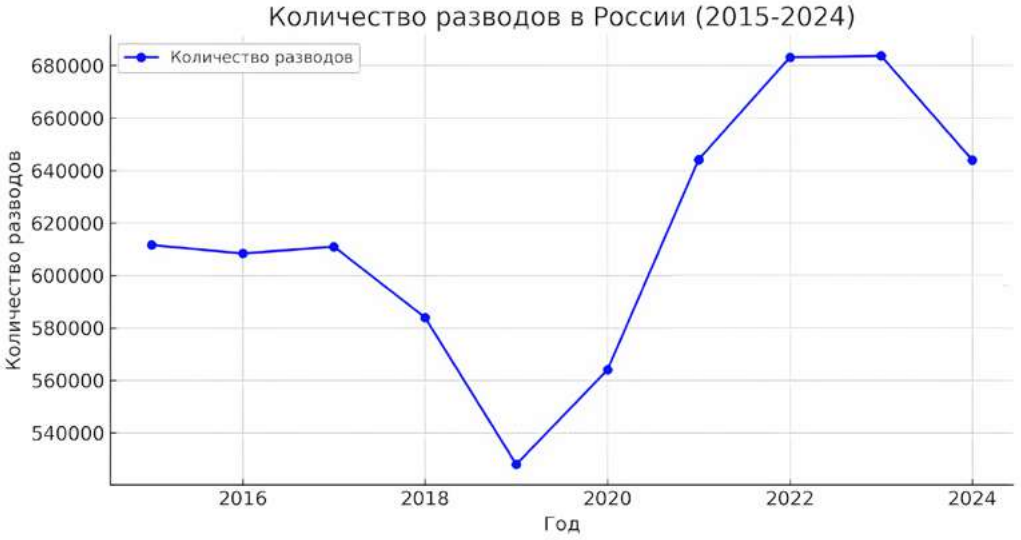

Рис. 4. Динамика разводов в России

Fig. 4. Divorce dynamics in Russia

Источник: Браки и разводы в России. — URL : https://www.tadviser.ru / index.php / Статья: Браки и разводы в России? ysclid=mnc21q9zj5582548783 (дата обращения: 05.03 2026).

ного риска развода являются Испания (85% браков заканчиваются разводом — это стало возможным после легализации разводов в 1981 г.) и Россия — 74%. Наиболее низкий уровень разводов наблюдается в странах, где существуют юридические или культурные барьеры для развода — Филиппины и Ватикан[5] [20]. По мнению опрошенных жителей России, основными причинами разводов становятся бедность и финансовые проблемы (38%), измены (18%), недопонимание супругов (14%), вредные привычки и зависимости (10%)[6].

Возможно, существенным направлением улучшения брачности и снижения разводимости в нашей стране могут стать новые программы демографической и семейной политики в регионах страны. При этом с учетом современной ситуации они должны строиться, с одной стороны, как среднесрочные стратегии, с учетом активного участия бизнеса и государственных структур в улучшении уровня и качества жизни людей, с существенным ростом финансовых вложений. А с другой — в тактическом плане, в ближайшей перспективе, наиболее перспективным направлением демографической политики становится воспитание молодежи с учетом традиционных, в том числе семейных, ценностей и распространении наиболее успешных практик многодетных семей. Важным является рост применения в практике семейных взаимодействий широкого спектра адаптационных ниш, таких как духовная, психологическая, сексуальная, информационная, родственная, культурная и бытовая [5].

* * *

Безусловно Россия в своей новейшей истории прошла и проходит через череду изменений в посемейной структуре, содержании и смене архетипов семейных отношений, в уровне и качестве жизни людей. Научная новизна данного исследования связана с выявлением динамики посемейных структур в стране с учетом данных Всероссийской переписи населения (2020). Основными характеристиками посемейной структуры современной России является высокий уровень брачности, при этом внимания исследователей направлено на проблемы неблагоприятной динамики посемейных структур населения страны, которая обусловлена процессом демографического старения, высокой смертностью мужчин, а также неустойчивостью семейных структур, что обусловлено высоким уровнем разводов. Вместе с тем семья и брак остаются важнейшими социальными ценностями российского населения. В России нарастают изменения в соотношении архетипов семей: идет движение в сторону эгалитарной модели. Практическая значимость работы обусловлена системной выявлением проблем современной российской семьи, а также предложениями направлений их разрешения, которые по мнению автора должны проводится в два этапа: предусматривать как среднесрочные стратегии, так и ближайшие направления действий. При этом автор солидарен с Н.М. Римашевской в том, что «было бы неправильно связывать сложившуюся в стране ситуацию с глубоким кризисом семьи. Скорее следует говорить не о кризисе, а о преобразовании семейных структур, закономерно меняющихся с течением времени» [18, с. 25]. Именно в семьях различных типов формируются не только демографические процессы воспроизводства населения, но и человеческий потенциал регионов и страны в целом.

[5] Marriages and Divorces // Our World in Data. – URL : ttps://ourworldindata.org / marriages-and-divorces (дата обращения: 05.03 2026).

[6] ВЦИОМ назвал процент россиян, которые предпочитают официальный брак сожительству // Российская газета. – URL : https://rg.ru / 2024 / 10 / 24 / vciom-nazval-procent-rossiian-kotorye-predpochitaiut-oficialnyj-brak-sozhitelstvu.html?ysclid=mn8vigbsyk499048777&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения: 27.03.2026).

Литература и Интернет-источники

1. ***Волков, А.Г.*** Эволюция российской семьи в XX веке / А.Г. Волков // Мир России. — 1999. — № 4. — С. 47–57. EDN: WXPBJS
2. ***Золотарева,*** О А. Демографическая безопасность России: тенденции и прогнозы / О.А. Золотарева, Д.В. Накисбаев // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 154–173. DOI: 10.15838/ESC.2024.3.93.9
3. ***Кун, Т.*** Структура научных революций. — Москва : Прогресс, 1977. — 300 с.
4. ***Кон, И.С.*** Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции / И.С. Кон. — URL : http://www.demoscope.ru / weekly / 2010 / 0447 / analit05.php (дата обращения: 20.03.2026)
5. ***Голод, С.И.*** Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи / С.И. Голод // Социологические исследования. — 2008. — № 1. — С. 40–49. EDN: IPWLWL
6. ***Голод, С.И.*** Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И. Голод. — Санкт-Петербург : ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 272 с. EDN: YQXVEN
7. ***Нечаева, Н.А.*** Динамика представлений петербургских студентов о семье и межпоколенных отношениях (2007–2017 гг.) / Н.А. Нечаева, О.Н. Бурмыкина // Петербургская социология сегодня. — 2018. — Вып. 9. — С. 27–46.
8. ***Нечаева, Н.А.*** Представления студенческой молодёжи о гендерных и семейно-брачных отношениях / Н.А. Нечаева // Новая значимость семьи и межпоколенных отношений для России и Китая / под ред. И.И. Елисеевой. — Санкт-Петербург: Реноме, 2018. — С. 114–141. EDN: TOEMUL
9. ***Корчагина, И.И.*** Межсемейные отношения / И.И. Корчагина, Л.М. Прокофьева // Народонаселение современной России: риски и возможности / Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. — Москва : Экономическое обозрение, 2013. — С. 96–108. EDN: ZAVPWV
10. ***Сивоплясова, С.Ю.*** Модели брачности и разводимости в молодёжных когортах современной России / С.Ю. Сивоплясова, Е.П. Сигарева // Наука. Культура. Общество. — 2025. — Т. 31. — № 3. — С. 126–141. DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.9. EDN: TOSXAY
11. ***Калачикова, О.Н.*** Оценка влияния регионального материнского (семейного) капитала на рождаемость населения / О.Н. Калачикова, В.Н. Архангельский // Социальное пространство. –2025. — Т. 11. — № 2. — С. 1–23. DOI: 10.15838/sa.2025.2.46.6; EDN: LRBJDM
12. ***Гурко, Т.А.*** Тенденции и социальные предпосылки одиночного проживания / Т.А. Гурко // Социологические исследования. — 2024. — № 5. — С. 113–127. DOI: 10.31857/S0132162524050096; EDN: KEJOWU
13. ***Гурко, Т.А.*** Развитие института брака: Россия в международном контексте / Т.А. Гурко // Женщина в российском обществе. — 2025. — № 2. — С. 13–34. DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.2 EDN: AFFNWV
14. ***Кучмаева, О.В.*** Студенческая семья в современной России: демографические и социальные характеристики по данным выборочного обследования / О.В. Кучмаева, О.А. Золотарева // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2022. — Т. 15. — № 1. — С. 135–149. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-135-149. EDN: XURWKG
15. ***Синельников, А.Б.*** Оценка взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью / А.Б. Синельников, О.А. Золотарева, М.Д. Хабиб // Вестник университета. — 2024. — № 12. — С. 180–195. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-12-180-19; EDN: WFLONS
16. ***Ростовская, Т.К.*** Студенческая семья как ключевое направление нового национального проекта «Семья» / Т.К. Ростовская, А.В. Пачин // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2025. — Т. 5. — № 1. — С. 152–166. DOI: 10.19181/demis.2025.5.1.9. EDN: FYFRDI.
17. ***Вишневский, А.Г.*** Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens / А.Г. Вишневский // Демографическое обозрение. — 2014. — № 1. — С. 6–33. EDN: TLMUVV

18. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография / науч. ред. Н.М. Римашевская, В.Г. Доброхлеб. — Москва : Экон-Информ, 2015. — 318 с. EDN: YTKWXL

19. ***Доброхлеб, В.Г.*** Состояние и динамика семейных структур современной России как вызов её цивилизационного развития / В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 17–27. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-17-27 EDN: MHVXBL

20. ***Шабунова, А.А.*** Баланс работы и семьи: оценки успешных работающих родителей / А.А. Шабунова, Г.В. Леонидова // Народонаселение — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 123–134. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.10; EDN: PWJWQK

Сведения об авторе:
Доброхлеб Валентина Григорьевна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4864-8231; РИНЦ SPIN-код: 6419–6611.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-75-84

FAMILY AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH IN MODERN RUSSIA

Valentina G. Dobrokhleb

FCTAS RAS
(24 / 35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

E-mail: vdobrokhleb @mail.ru

For citation:
Dobrokhleb V.G. Family as a subject of scientific research in modern Russia. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 75-84. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-75-84 (in Russ.)

Abstract. *The real life of the population takes place mainly within the framework of family structures of various forms and models, and the social mechanisms that operate here ultimately affect the size and trends in the movement of human potential. The purpose of this study is to identify the characteristics of the current state of family structures in the Russian Federation. The main features of the family structure in modern Russia include high marriage rates, and researchers are focusing on the challenges posed by the unfavorable dynamics of family structures in the country, which are caused by demographic aging, high male mortality, and the instability of family structures due to high divorce rates. At the same time, family and marriage remain the most important social values for the Russian population. In Russia, there are growing changes in the ratio of family archetypes, with a shift towards an egalitarian model. The paper proposes actions to improve marriage rates and reduce divorce rates in Russia, which are part of a new strategy for demographic and family policy in the regions of the Russian Federation. Given the current situation, these actions should be implemented as medium-term strategies, with the active participation of businesses and government agencies in improving the standard of living and quality of life for individuals, and with significant financial investments. On the other hand, in the short term, the most important aspect of demographic policy are education of young people in accordance with traditional values, including family values, and dissemination of the most successful practices for large families. Mastering the internal mechanisms and tools of family dynamics can provide an opportunity to influence, if not control, demographic reproduction. It is necessary to move towards a new paradigm of population analysis based on a family-oriented view of the population.*

Keywords: *paradigm, family archetype, family structure, marriage, divorce.*

References and Internet sources

1. Volkov A.G. Evolyutsiya rossiiskoj semi v 20 veke [Evolution of the Russian family in the 20th century]. Mir Rossii [*Universe of Russia*]. 1999. No. 4. P. 47–57. (in Russ.)
2. Zolotareva O.A., Nakisbaev D.V. Demograficheskaya bezopasnost Rossii tendentsii i prognozy [Demographic security of Russia: trends and forecasts]. Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 154–173. DOI: 10.15838/ESC.2024.3.93.9 (in Russ.)
3. Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsij [*Structure of Scientific Revolutions*]. Moscow. Progress [Progress]. 1977. (in Russ.)
4. Kon I.S. Tri v odnom: seksualnaya, gendernaya i semeinaya revolyutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions]. Available at: http://www.demoscope.ru / weekly / 2010 / 0447 / analit05.php (Accessed: 20 March 2026). (in Russ.)
5. Golod S.I. Sociologo-demograficheskij analiz sostoyaniya i evolyutsii semi [Socio-demographic analysis of the state and evolution of family]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2008. No. 1. P. 40–49. (in Russ.)
6. Golod S.I. Semya i brak: istoriko-sotsiologicheskij analiz. [*Family and Marriage: Historico-Sociological Analysis*]. St. Petersburg. Petropolis [Petropolis]. 1998. 272 p. (in Russ.)
7. Nechaeva N.A., Burmykina O.N. Dinamika predstavlenij peterburgskikh studentov o semye i mezhpokolennykh otnosheniyakh — 2007–2017 gg. [Dynamics of St. Petersburg students views on the family and intergenerational relations (2007–2017)]. Peterburgskaya sotsiologiya segodnya [*St. Petersburg Sociology Today*]. 2018. No. 9. P. 27–46. (in Russ.)
8. Nechaeva N.A. Predstavleniya studencheskoj molodezhi o gendernykh i semejno-brachnykh otnosheniyakh [Views of student youth of gender and family-marriage relations]. Novaya znachimost semi i mezhpokolennykh otnoshenij dlya Rossii i Kitaya [*New Significance of Family and Inter-Generation Relations for Russia and China*]. Ed. I.I. Eliseeva. Sotsiologicheskiy in-t FNISTS RAN [Sociological Institute of the FCTAS RAS]. St. Petersburg. Renome [Renome]. 2018. P. 114–141. (in Russ.)
9. Korchagina I.I., Prokofieva L.M. Mezhsemeinyye otnosheniya [Inter-family relations]. Narodonaseleniye sovremennoj Rossii: riski i vozmojnosti [*Population of Modern Russia: Risks and Opportunities*]. ISEPN RAN [ISESP RAS]. Moscow. Ekonomicheskoye obozreniye [Economic Review]. 2013. P. 96–108. (in Russ.)
10. Sivoplyasova S. Yu., Sigareva E.P. Modeli brachnosti i razvodimosti v molodezhnikh kogortakh sovremennoj Rossii [Models of marriage and divorce in the youth cohorts of modern Russia]. Nauka. Kultura. Obschestvo [*Science. Culture. Society*]. 2025. Vol. 31. No. 3. P. 126–141. DOI: 10.19181/nko.2025.31.3.9 (in Russ.)
11. Kalachikova O.N., Arkhangelsky V.N. Otsenka vliyaniya regionalnogo materinskogo (semejnogo) kapitala na rozhdaemost naseleniya [Assessing the impact of regional maternity (family) capital on the birth rate]. Sotsialnoye prostranstvo [*Social Area*]. 2025. Vol. 11. No. 2. P. 1–23. DOI: 10.15838/sa.2025.2.46.6 (in Russ.)
12. Gurko T.A. Tendentsii i sotsialnyye predposilki odinochnogo prozhivaniya [Trends and social reasons of living alone]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2024. No. 5. P. 113–127. DOI: 10.31857/S0132162524050096 (in Russ.)
13. Gurko T.A. Razvitiye instituta braka: Rossiya v mezhdunarodnom kontekste [The development of the institution of marriage: Russia in an international context]. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [*Woman in Russian Society*]. 2025. No. 2. P. 13–34. DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.2 (in Russ.)
14. Kuchmaeva O.V., Zolotareva O.A. Studencheskaya semya v sovremennoj Rossii: demograficheskiye i sotsialnyye kharakteristiki po dannym vyborochnogo obsledovaniya [Student family in modern Russia: demographic and social characteristics according to sample survey data]. Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskiye nauki [*Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences*]. 2022. Vol. 15. No. 1. P. 135–149. DOI: 10.17213/2075-2067-2022-1-135-149 (in Russ.)

15. Sinelnikov A.B., Zolotareva O.A., Khabib M.D. Otsenka vzaimosvyazi brachnosti s razvodimostyu i rojdaemostyu [Statistical assessment of interrelationship of marriage and divorces to fertility]. Vestnik universiteta [*Bulletin of the University*]. 2024. No. 12. P. 180–195. DOI: 10.26425/1816-4277-2024-12-180-19 (in Russ)
16. Rostovskaya T.K., Pachin A.V. Studencheskaya semya kak klyuchevoye napravleniye novogo natsionalnogo proekta «Semya» [Student family as a key area of the new national project «Family»]. DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya [*DEMIS. Demographic Research*]. 2025. Vol. 5. No. 1. P. 152–166. DOI: 10.19181/demis.2025.5.1.9 (in Russ)
17. Vishnevsky A.G. Demograficheskaya revolyutsiya menyaet reproduktivnuyu strategiyu vida homo sapiens [The demographic revolution is changing the reproductive strategy of *homo sapiens*]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*] Electronic scientific journal. 2014. No. 1. P. 6–33. (in Russ)
18. Nastoyascheye i budushcheye semi v menyayushchemsya mire [*The Present and the Future of Family in a Changing World*]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2015. 318 p. (in Russ)
19. Dobrokhleb V.G. Sostoyaniye i dinamika semeinykh struktur sovremennoj Rossii kak vizov yeyo tsivilizatsionnogo razvitiya [The state and dynamics of family structures in modern Russia as a challenge to its civilizational development]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 17–27. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-17-27 (in Russ)
20. Shabunova A.A., Leonidova G.V. Balans raboty i semi: otsenki uspeshnikh rabotayuschikh roditelej [Work-family balance: assessments of successful working parents]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 123–134. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.10 (in Russ)

Information about the author:
Dobrokhleb Valentina Grigorievna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: vdobrokhleb@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4864-8231; Elibrary SPIN-code: 6419–6611.

Статья поступила в редакцию 03.04.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-88-100
EDN: BYRFGF

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ И МЕДИЙНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МНОГОДЕТНЫХ СЕМЕЙ (КЕЙС РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Шакирова А.Ф.

Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, Казань, ул. Карла Маркса, 23 / 6)

E-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru

Финансирование:
Работа выполнена за счёт гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан» (Соглашение от 16.12.2024 № 108 / 2024-ПД).

Для цитирования:
Шакирова А.Ф. Общественное восприятие и медийная репрезентация многодетных семей (кейс Республики Татарстан) // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 88-100. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-88-100; EDN: BYRFGF

Аннотация. *В статье рассматривается феномен многодетности в современном российском обществе как результат сложного и динамичного процесса социального конструирования. В работе представлен вторичный анализ результатов отечественных социологических исследований (Т.Н. Грудина, А.Е. Звонарева, Ю.А. Лебедева и других), посвящённых общественному восприятию многодетных семей и образа многодетной матери в современной России. Анализ выявил амбивалентность репрезентаций многодетности, сочетающих позитивные ассоциации с традиционными ценностями, семейной сплочённостью и взаимопомощью с негативными стереотипами, связанными с материальными трудностями, социальным неблагополучием и иждивенчеством. В статье автор также делится результатами массового опроса 400 жителей Республики Татарстан (РТ) и 20 глубинных интервью с многодетными матерями. Эмпирические данные демонстрируют, что личный родительский опыт влияет на эмоциональную и когнитивную оценку многодетности: многодетные чаще фиксируют позитивные реакции окружающих, в то время как бездетные и семьи с 1–2 детьми склонны к большей критичности и вниманию к негативным аспектам. Отмечены значимые различия по признаку детности в восприятии образа многодетных семей в СМИ и запросах на его изменение. Также предложены меры по улучшению общественного отношения, включая государственное поощрение, расширение прав и льгот, позитивное медиа-освещение и образовательные программы.*

Ключевые слова: *многодетная семья, социальное конструирование, общественное восприятие, медийные репрезентации, демографические ценности, социальная поддержка.*

© Шакирова А.Ф., 2026

Постановка проблемы

Образ многодетной семьи в современном российском обществе не является фиксированной данностью, а представляет собой результат многослойного и динамичного процесса социального конструирования. Он формируется на пересечении индивидуальных характеристик (внешний облик, поведенческие стратегии, внутрисемейная динамика), институциональных контекстов (нормы и практики государственной семейной и демографической политики) и медийных репрезентаций (традиционные средства массовой информации (далее — СМИ) и цифровые платформы). Теоретическую основу анализа составляют концепция социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана[1], гендерные теории материнства Ш. Хейс[2] и Н. Чодоров[3], а также теория статусных характеристик С. Риджвей и С. Коррелл [1]. Эти подходы позволяют рассматривать семью как социальный институт, а материнство — как статусно-ролевую позицию в конкретном культурно-экономическом контексте. Институциональная рамка репрезентаций многодетной семьи в России вписана в социальную политику, ориентированную на традиционные семейные ценности. Согласно теории институциональных матриц, российская модель (Х-матрица) строится на коллективистских, иерархичных и патерналистских институтах, в которых многодетная семья символизирует устойчивость общества, а мать выступает ключевой фигурой, обеспечивающей выполнение демографических задач [2].

Сегодняшнее общественное мнение о многодетной семье часто оказывается разделённым между традиционными представлениями и установками и современными тенденциями, что порождает как поддержку, так и критику различных форм семейной жизни. На протяжении десятилетий в России отсутствовало единое правовое определение многодетной семьи на федеральном уровне, что до 2024 г. обусловило регулирование исключительно на уровне субъектов РФ и привело к фрагментарности законодательства. Отсутствие унифицированного критерия осложняло и научные исследования. В 1990-х — 2010-х гг. продолжалась дискуссия о численном пороге многодетности, при этом в литературе использовались модели с тремя, четырьмя и пятью детьми (Г.И. Назарова [3], О.Н. Безрукова [4]), что затрудняло сопоставление данных и формирование целостной государственной политики. Принятие Указа Президента России от 23 января 2024 г. № 63[4] ознаменовало переход к новой фазе институционального признания многодетности как социального явления. Впервые на федеральном уровне было закреплено понятие: многодетная семья — это **семья,** имеющая трёх и более детей — и **этот статус устанавливается бессрочно.** В настоящем исследовании будет использована категория «многодетная семья», однако, учитывая, что в массовом сознании семья в первую очередь ассоциируется с материнской фигурой, акцент также будет сделан на образе многодетной матери.

В современном информационном пространстве образ многодетной семьи формируется под влиянием стереотипов СМИ и социальных сетей, сочетая позитивные ассоциации с традиционными ценностями и устойчивостью с негативными представлениями о бедности и социальном неблагополучии. Так, например, в трудах Т.Н. Грудиной образ многодетной семьи включает представление о неблагополучии, обусловленном многочисленными ограничениями и недостатками: материальными лишениями, такими как недостаток одежды, скудный рацион питания, ограниченный доступ к качественному образованию [5]. Такие учёные, как А.Е. Звонарева и Ю.А. Ле-

[1] Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. — Нью-Йорк: Anchor Books, 1966. — 219 с.

[2] Хейс Ш. Культурные противоречия материнства. — Нью-Хейвен: Yale University Press, 1996. — 257 с.

[3] Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера. — Беркли : University of California Press, 1978. — 283 с.

[4] Указ Президента Российской Федерации от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». — URL : https://www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_467710 / (дата обращения: 10.08.2025).

бедева, зафиксировали возрастные различия: молодёжь (18–29 лет) проявляет меньший интерес к многодетности (36,4%), тогда как старшие поколения (60 лет и старше) — больший (69,2%) [6]. Сходная возрастная дифференциация восприятия многодетности обнаружена в зарубежном исследовании J. Gorbaniuk, M. Szyszka и J. Goleń: проведённое среди 506 респондентов исследование показало различия в представлениях о малодетных и многодетных семьях между возрастными группами [7]. В свою очередь, Т.В. Пермякова и А.А. Красноперова выявили преобладание позитивного восприятия, связанного с семейной сплочённостью, но четверть респондентов сохраняют негативный образ; молодёжь чаще воспринимает многодетность через призму негативных образов из медиа [8]. В отличие от этого, А.В. Вайсбург отмечает у молодёжи позитивное восприятие, основанное на ответственности обоих родителей [9]. Тем временем, Е.В. Камышова и В.В. Кочетков подчёркивают социальную уязвимость многодетных семей и явление эксклюзии, а С.Н. Костина и Г.А. Банных связывают её с преобладанием в медиа нейтрально-негативных образов, закрепляющих стереотипы о неблагополучии [10; 11].

Методика исследования

С целью выявления образа многодетных семей, в том числе образа многодетных матерей, в Республике Татарстан (РТ) проведён опрос населения с выборкой 400 респондентов методом квотного отбора по полу и возрасту среди городского и сельского населения. При доверительной вероятности 95% максимальная статистическая погрешность выборки менее 5%. В опросе приняли участие жители республики, представляющие разные гендерные, возрастные, семейные и этно-религиозные группы республики. Женщины составили 55% выборки, распределение по возрастным группам: 18–29 лет — 25%, 30–49 лет — 35%, 50 лет и старше — 40%. Большинство состоят в официальном браке (73,5%). Бездетные составили 25% выборки, имеющие одного-двух детей (немногодетные) — 53%, троих и более детей (многодетные) — 22%. Большинство респондентов — татары (70%), жители городов (76%), имеют высшее образование (62%) и работают по найму (58,5%). Глубинными интервью были охвачены 20 многодетных матерей. В их семьях чаще всего — трое детей, возраст которых варьируется от 1 месяца до 23 лет. Средний возраст женщин, ставших информантами, составил 36 лет. Большинство замужем, имеют высшее образование, по национальности — татарки с умеренным уровнем религиозности (верующие, но участвуют в обрядах только по праздникам).

К ограничениям исследования следует отнести особенности использованного инструментария. Во-первых, перечень вариантов ответа на вопрос об образе многодетной семьи в СМИ и социальных сетях включал больше характеристик с негативной коннотацией, что потенциально могло влиять на распределение ответов. Во-вторых, при оценке отношения к знакомым многодетным семьям отдельно не фиксировалось наличие или отсутствие таких семей в непосредственном окружении респондента, что необходимо учитывать при интерпретации данного показателя. В-третьих, понятия «непонимание» и «дискриминация» в рамках использованного инструментария концептуально не разграничивались, поэтому полученные оценки следует интерпретировать как обобщённые представления респондентов о негативном отношении к многодетным семьям. Наконец, участники глубинных интервью проживали в разных городах и районах РТ, однако территориальная принадлежность информантов в ходе интервью отдельно не фиксировалась, в связи с чем анализ территориальных различий в рамках качественной части исследования не проводился.

Результаты и обсуждение

В соответствии с данными массового опроса, половина опрошенных жителей РТ (50,3%) заявила о позитивном отношении к знакомым многодетным семьям (род-

ственникам, друзьям, коллегам и пр.), чуть меньше половины (45,5%) выбрали нейтральную позицию, и лишь 2,5% выразили негативное отношение. Наиболее частыми чувствами, которые вызывают многодетные семьи у населения, являются уважение (63,3%), понимание (42,5%) и интерес (37%). Данные показатели определялись на основании ответов респондентов на вопрос «Какие чувства и эмоции Вы испытываете к многодетным семьям?». Одним из предложенных вариантов ответа являлся «интерес». Таким образом, в настоящем исследовании категория «интерес» характеризует субъективную эмоциональную реакцию респондента на многодетные семьи и не рассматривается как показатель репродуктивных намерений или готовности к многодетному родительству. При этом 10,8% опрошенных заявили, что вовсе не испытывают каких-либо чувств и эмоций по отношению к многодетным семьям.

Оказалось, что собственный родительский опыт особенным образом влияет на эмоциональные оценки многодетности. Понимание выражается наиболее часто у самих многодетных (62,9%), реже — у бездетных (35,4%) (χ^2 = 19,635, p = 0,001), интерес у многодетных — наиболее высокий (50,6%), у немногодетных — наименьший (30,7%) (χ^2 = 10,759, p = 0,005). Непонимание встречается почти исключительно у бездетных (8,1%), среди многодетных оно отсутствует вовсе (χ^2 = 7,171, p = 0,028). Уважение чаще выражают немногодетные (68,9%) и бездетные (58,6%) по сравнению с самими многодетными (55,1%) (χ^2 = 6,376, p = 0,041) (рис. 1).

При проведении глубинных интервью мы акцентировали внимание многодетных мам на их статусе и спросили, что для них значит быть многодетной мамой и ощущают ли они какую-либо особенность этого статуса. Значительная часть информантов сообщила об особенно глубоком эмоциональном удовлетворении, которое они получают от материнства, хотя для некоторых оно и сопряжено с трудностями: *«Многодетная мама для меня — много любви от моих детей и мужа*[5]» (информант № 12, трое детей, возраст: 2, 7 и 10 лет); *«Несмо-*

[5] Здесь и далее в цитатах сохранена авторская орфография.

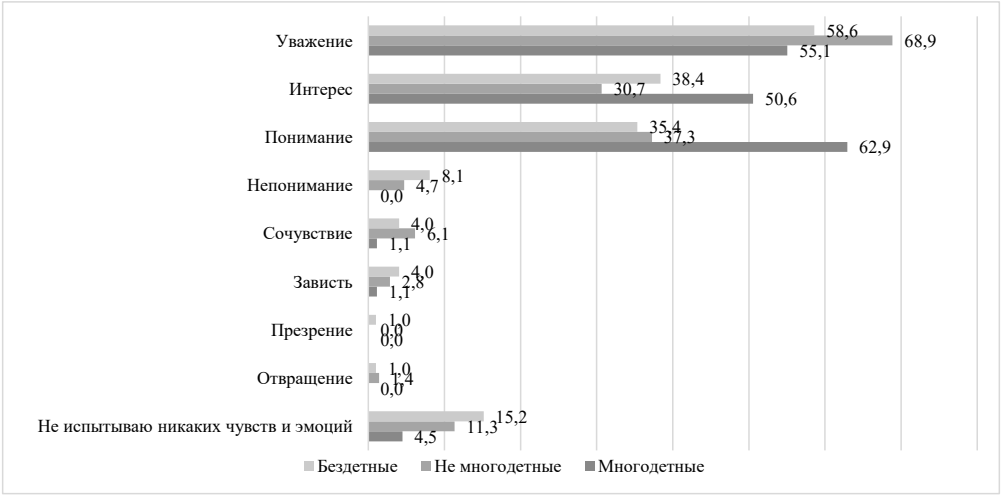

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие чувства и эмоции Вы испытываете к многодетным семьям?», в разрезе групп по количеству детей, в %

Fig. 1. Distribution of respondents' answers to the question «What feelings and emotions do you have towards large families?», broken down by groups by the number of children, in %

Источник: составлено по материалам авторского исследования.

тря на вечную усталость, это безграничное счастье…» (информант № 10, трое детей: 10 месяцев, 4 и 6 лет); *«Детский смех, вечный бардак, ссоры и примирения… Я счастлива, чувствую, что так и должно быть»* (информант № 19, трое детей, возраст: 5, 8 и 9 лет).

Однако для большинства бытовые трудности и повышенная ответственность «перевешивают» радость; эмоциональный фон многодетности в таких случаях оказывается несколько депрессивным: *«Многодетная мама — это большая работа, тем более если нет помощи со стороны бабушек и дедушек»* (информант № 4, трое детей, возраст: 3 месяца, 2 и 7 лет); *«Быть многодетной — это большая ответственность и рутинная каждодневная работа»* (информант № 5, трое детей, возраст: 6, 10 и 15 лет). Кроме этого, ряд информантов не ощущают особенности своего статуса, воспринимая многодетность как вариант нормы, и потому не испытывают каких-либо выдающихся чувств и эмоций: *«Многодетных сейчас много, ничего особенного не ощущаю»* (информант № 3, трое детей, возраст: двойня по 5 лет, 7 лет); *«Многодетная мама такая же мама, как и все остальные. Особенности не ощущаю, так как много знакомых многодетных семей»* (информант № 17, трое детей, возраст: двойня по 5 лет, 11 лет). К слову, по данным информационно-аналитической системы Республики Татарстан, за последние 13 лет численность многодетных семей в республике увеличилась более чем в два раза: с 24 785 семей в I квартале 2013 г. до 59 229 семей в I квартале 2026 года[6].

Таким образом, многодетные семьи для самих многодетных — это источник одновременно безусловно положительных (источник любви, счастья и гордости) и условно отрицательных (ежедневный труд и высокая ответственность, иногда — непризнанный подвиг) чувств и эмоций, а в ряде случаев — обыкновенная норма. Что касается предположений татарстанцев об уровне общественного одобрения феномена многодетности, то массовый опрос показал следующую картину. По мнению более чем половины респондентов, в обществе доминирует нейтральное отношение к многодетным семьям (53,8%), ещё треть считают, что отношение в основном позитивное (32,5%). На негативное отношение указали 4,3% опрошенных. Таким образом, в восприятии респондентов общественное отношение к многодетности характеризуется преимущественно нейтрально-позитивной направленностью.

Дискриминация многодетных матерей, многодетных семей и феномена многодетности в целом со стороны общества может выступать значимым препятствием для формирования нормы многодетности. Однако говорить об однозначной дискриминации не приходится — по результатам массового опроса, в том числе опроса многодетных родителей, доминирует нейтральное отношение, которое, с одной стороны, не поощряет пары рожать троих и более детей, но с другой — как будто говорит о свободе выбора своей модели детности.

В целом 11 из 20 информантов отмечают положительное отношение общества к многодетным матерям и семьям, 4 — нейтральное, а ещё 5 затруднились данное отношение оценить. Положительное отношение, по мнению информантов, естественно и вписывается в реализуемую в стране политику повышения рождаемости: *«Сейчас многодетные семьи, в основном, благополучные. Рождение троих и более детей принимается осознанно, поощряется государством, поэтому и общество относится положительно»* (информант № 7, трое детей, возраст: 2 месяца, 7 и 9 лет). Положительное отношение проявляется в различных формах поддержки и внимания со стороны окружающих и государственных институтов: *«Многие часто удивляются, увидев меня молодую мамочку с тремя детьми… помогают с колясками»* (информант № 20, трое детей, возраст: 2, 4 и 7 лет); *«Пропускали в очереди в поликлинике, магазине, на аттракционах»* (информант № 3, трое детей, возраст: двойня по 5 лет, 7 лет); *«Пропускают в очереди, уступают место в транспорте»* (информант № 19, трое детей, возраст:

[6] Численность многодетных семей в Республике Татарстан // ИАС органов государственной власти Республики Татарстан. – URL : https://ias.tatar.ru / ipad / open_rt_view.php?id=28479 (дата обращения: 06.07.2026).

5, 8 и 9 лет); *«Положительные стороны — это льготы для многодетных семей: путёвки в санаторий, бесплатное питание в школах»* (информант № 17, трое детей, возраст: двойня по 5 лет, 11 лет); *«Отношение педиатра, социальных служб, когда я туда обращалась»* (информант № 18, трое детей, возраст: 5, 8 и 23 года).

О нейтральном отношении информанты рассуждают как о безразличии в обществе всех ко всем, а не только к многодетным матерям и семьям: *«Кому какое дело до чужой семьи?»* (информант № 18, трое детей, возраст: 5, 8 и 23 года); *«Да всем безразлично, сколько у кого детей»* (информант № 14, трое детей, возраст: 5, 10 и 12 лет).

Негативное отношение, хоть оно и не было выбрано ни одной из опрошенных матерей в ответе на вопрос о превалирующем общественном отношении, информанты характеризуют как непонимание самой концепции многодетности либо связывают с материальным положением семьи: *«Кто-то не понимает, зачем столько детей, в основном те, у кого нет детей»* (информант № 6, трое детей, возраст: 3, 5 и 7 лет); *«Если материальное положение и благополучие многодетной семьи хорошее, то общество относится положительно. Если неблагополучная семья — то отрицательно»* (информант № 18, трое детей, возраст: 5, 8 и 23 года).

По данным массового опроса, только 1,8% респондентов сообщили о частом опыте негативного отношения к многодетным семьям, ещё 14,5% — о ситуативном опыте («иногда»), большинство же (64,5%) утверждают, что ни они, ни их знакомые не сталкивались с предвзятым или негативным отношением к многодетным семьям.

Что же касается личного опыта, то большинство многодетных матерей, принявших участие в нашем исследовании, не испытывали на себе систематически негативного отношения из-за многодетности. Однако были единичные случаи предвзятого отношения, проявляющегося в неуместных вопросах о количестве детей (*«Спрашивали, как решилась родить троих подряд с небольшой разницей в возрасте. Вопросы отпадали, когда узнавали, что двойня»* (информант № 3, трое детей, возраст: двойня по 5 лет, 7 лет)), в непрошенных замечаниях (*«В магазине, когда дети шумно разговаривают. Однажды в парке женщина нецензурно сказала, что мои дети невоспитанные, хотя мой ребенок просто шел и хныкал, он мешал ей разговаривать по телефону»* (информант № 11, трое детей, возраст: 1, 4 и 7 лет)), в высказываниях о корыстных мотивах деторождения (*«Считает окружение, что многодетные самые богатые, ведь ежедневно информация со всех источников о поддержке государства многодетных. Считается, что рожаем мы для пособий»* (информант № 11, трое детей, возраст: 1, 4 и 7 лет)).

Далее подробнее остановимся на сферах проявления непонимания по отношению к многодетным и их дискриминации. Как показали результаты массового опроса, большинство респондентов полагают, что чаще всего многодетные семьи сталкиваются с непониманием или дискриминацией в общественных местах (34,8%), детских садах и школах (31%), органах власти при получении льгот (30,5%), а также на работе (25,3%) и в медицинских учреждениях (23,3%). Только 3% считают, что дискриминации не существует, ещё 5,5% затруднились ответить. Это указывает на восприятие многодетности как социальной уязвимости в ряде институциональных и публичных сфер. Борьба с описанными выше проявлениями непонимания и дискриминации, а также в целом улучшение социального имиджа многодетных семей реализуются мерами социально-демографической политики. Среди них наиболее эффективными, по мнению наших респондентов, являются признание и поощрение многодетных семей на уровне государства (54,8%) и расширение их прав и льгот (38,8%). Также большое значение имеют проведение образовательных кампаний, направленных на повышение ценности родительства (29,8%), и позитивное освещение в СМИ (28,8%). Реже респонденты упоминают необходимость демонстрации успешных примеров многодетных семей (26,8%) и поддержку со стороны работодателей (29,5%).

Между бездетными, немногодетными и многодетными респондентами зафиксированы значимые расхождения. **Бездетные** почти вдвое чаще поддерживают позитивное освещение многодетных семей в СМИ (40,4% против 25% среди немногодетных и 24,7% среди многодетных; χ^2 = 8,725, p = 0,013), также вместе с немногодетными они выступают за расширение прав и льгот (40,4% и 44,8% против 22,5% среди многодетных; χ^2 = 13,332, p = 0,001). Многодетные чаще остальных говорят о необходимости проведения образовательных программ (33,7% против 29,3% среди бездетных и 28,3% среди немногодетных) и реже остальных — о поддержке работодателей (15,7% против 33,3% и 33,5% соответственно; χ^2 = 10,437, p = 0,005) и демонстрации успешных примеров в публичной сфере (21,3% против 35,4% и 25%).

Позитивное освещение многодетности в СМИ в качестве меры улучшения общественного отношения отметили 28,8% респондентов, что обусловливает необходимость более подробно рассмотреть воспринимаемый медийный образ многодетной семьи. Наиболее распространённым образом многодетной семьи, транслируемым в СМИ, по мнению респондентов, является благополучная, сплочённая семья (36,5%). Однако значительная доля респондентов отмечает, что в медиа фигурируют семьи, испытывающие материальные трудности (22,2%) или представленные как безответственные / асоциальные (10,5%). Это указывает на наличие как позитивных, так и стигматизирующих нарративов в информационном поле. Вариант «разные образы» выбрали 13% (рис. 2), что говорит о разнородности источников и интерпретаций.

По признаку детности выявлена статистически значимая связь с распределением ответов респондентов (χ^2 = 57,261, p = 0,001). В группе многодетных респондентов позитивный образ многодетной семьи отмечался чаще (67,4%), чем среди бездетных (30,3%) и немногодетных (26,4%). В то же время вариант, характеризующий многодетные семьи как асоциальные, выбрали 2,2% многодетных респондентов, 14,2% немногодетных и 10,1% бездетных. На образ многодетных семей как семей, испытывающих материальные трудности, указали соответственно 14,6%, 24,1% и 25,3% респондентов.

Полученные результаты в целом соотносятся с данными российских и зарубежных исследований, указывающих на неоднозначность положения и восприятия многодетных семей. З.Е. Дорофеева выявила более низкие объективные показатели дохода многодетных семей по сравнению с другими семьями, одновременно отметив более высокий уровень их субъективного благополучия [12]. Е.В. Землянова, Н.А. Безвербная и Е.К. Журавлева также фиксируют значи-

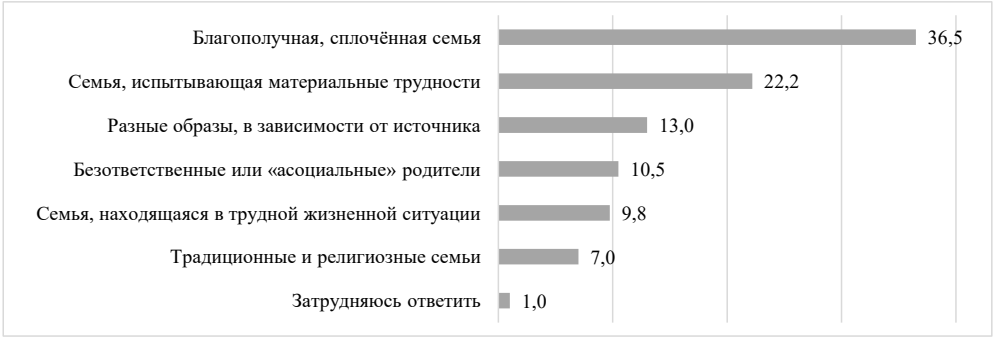

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой образ многодетной семьи чаще всего транслируется в СМИ, по Вашему наблюдению?», в процентах

Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question «What image of a large family is most often broadcast in the media, in your opinion?», in percentages

Источник: составлено автором по материалам авторского исследования.

мость материальных и жилищных трудностей для многодетных семей, вместе с тем обращая внимание на необходимость преодоления существующих в обществе и СМИ стереотипов относительно их материального положения [13]. Таким образом, выявленная в настоящем исследовании представленность в медиапространстве образа многодетных семей, испытывающих материальные трудности, имеет определённые объективные основания, однако сведение образа многодетности преимущественно к материальной уязвимости может приводить к его упрощению.

Что же касается представлений респондентов массового опроса о стереотипизированности или правдивости транслируемого СМИ образа многодетных семей, то в большинстве случаев к медиа-контенту по данной теме опрошенные татарстанцы относятся с умеренным доверием — 59,5% из них указали, что тому, как многодетные семьи представлены в СМИ, доверяют «частично». Только 10% опрошенных полностью доверяют представленному образу, а 12% респондентов считают его искажённым. Почти пятая часть затруднилась с ответом (18,5%). Это говорит о высокой доле критичности и скепсиса в оценках медиаобраза многодетных семей. В этой связи, представляется логичным то, что почти половина респондентов (47%) выразили желание видеть больше правдивых историй о многодетных семьях в информационном пространстве. При этом 30,5% считают это неактуальным или не выражают такой потребности, а 22,5% затруднились ответить. Таким образом, можно говорить о высоком запросе на корректное и объективное медиа-представление многодетных семей.

По признаку детности также выявлены статистически значимые различия (χ^2 = 25,699, p = 0,001). Многодетные респонденты значительно реже хотят изменений — лишь 32,6% выразили соответствующее желание, а 51,7% заявили, что не нуждаются в дополнительной репрезентации. В то же время половина бездетных и немногодетных выразила желание видеть более правдивые истории (50,5% и 51,4% соответственно). Можно предположить, что многодетные семьи либо не рассчитывают на изменения, либо не видят смысла в трансформации образа, опираясь на собственный жизненный опыт, противопоставляемый медийному.

В отличие от многодетных респондентов, многодетные матери — участницы нашей серии глубинных интервью, хотели бы донести до широкой общественности правду о многодетности. В частности, большинство из них хотели бы сказать, что дети — это счастье и любовь: *«Дети — это счастье»* (информанты № 4 — трое детей, возраст:3 месяца, 2 и, 7 лет; № 14 — трое детей (5, 10, 12 лет); № 16 — четверо детей (5, 14, 17, 18)); *«Многодетная семья — это счастье»* (информант № 8, четверо детей, возраст: 2 и 7 лет, двойня по 13 лет). При этом некоторые информанты подчеркнули, что рождение детей требует зрелого подхода, а не подчинения ожиданиям общества: *«Дети — это большое счастье, но в то же время большая ответственность»* (информант № 12, трое детей, возраст: 2, 7 и 10 лет); *«К созданию семьи нужно подойти осознанно, а не потому, что окружающие спрашивают: когда уже замуж и родишь?»* (информант № 1, трое детей, возраст: 5, 13 и 18 лет); *«Дети — это большая ответственность. Надо рожать не ради кого-то, а ради себя»* (информант № 17, трое детей, возраст: двойня по 5 лет, 11 лет).

Кроме этого, некоторые открыто заявили о неприглядной стороне многодетности — финансовой нестабильности, социальном давлении и ограничениях для женщин: *«Многодетные семьи и особенно матери — это счастье только снаружи, когда люди приходят, умиляются детям и уходят. Многодетность — это клетка, особенно когда ты не можешь полноценно зарабатывать, а на пособия не имеешь права. От нас ждут, что наши дети чемпионы, самые умные и т. п. Но как водить на кружки, если они стоят не меньше 2–3 тысяч на одного ребёнка? Хочу сказать, что семья — не для всех. Есть женщины с амбициями и талантами, которые могут принести больше пользы в профессии, но они оседают дома, потому что забо-*

та о детях полностью оказывается на них» (информант № 3, трое детей, возраст: двойня по 5 лет, 7 лет).

Выводы

Социальное принятие многодетности жителей Республики Татарстан характеризуется преобладанием позитивных и нейтральных оценок: большинство респондентов лично выражают позитивное отношение, либо занимают нейтральную позицию. Уровень открытого негативного отношения крайне низкий. Эмоциональное восприятие многодетных семей носит преимущественно позитивный характер: наиболее часто респонденты отмечают уважение, понимание и интерес. Негативные эмоциональные реакции распространены значительно реже. Таким образом, в обществе преобладает толерантное отношение к многодетности, но оно не всегда сопровождается высокой степенью включённости или поддержки.

Родительский опыт связан с различиями в эмоциональном восприятии многодетности. Многодетные респонденты чаще отмечают понимание и интерес к многодетным семьям, тогда как непонимание наиболее характерно для бездетных. При этом уважение несколько чаще отмечается немногодетными и бездетными респондентами. Материалы глубинных интервью дополняют эту картину: многодетность видится матерям одновременно как источник любви и счастья, высокая ответственность и повседневный труд, а в отдельных случаях — как привычная норма жизни.

Многодетные матери — участницы серии глубинных интервью, между тем считают отношение общества к многодетным семьям преимущественно положительным. Женщины нередко сталкиваются с восхищением, похвалами и уважением. Однако отмечается и селективность отношения: благополучные семьи вызывают уважение, тогда как к нуждающимся часто применяются стереотипы. Зафиксированы отдельные случаи осуждения, а также необходимости оправдываться перед окружающими. Стереотипы в отношении многодетных семей и матерей варьируются от положительных («большая семья — это счастье», «мудрые и терпеливые родители») до критических («рожают ради пособий», «дети недополучают внимания»). Амбивалентность общественных установок сохраняется, однако позитивный образ значительно преобладает. Так, большинство наших информантов не ощущают сильного давления со стороны общества, однако отдельные случаи трудностей в профессиональной сфере, в общественных местах, свидетельствуют о важности достижения гибкости социальной среды.

СМИ и социальные сети занимают заметное место в представлениях респондентов о многодетных семьях. В восприятии многодетных респондентов медийный образ таких семей чаще характеризуется позитивно, тогда как среди бездетных и немногодетных чаще встречаются указания на материалы, в которых многодетные семьи представлены как испытывающие материальные трудности или имеющие признаки асоциальности. При этом доверие к подобному контенту носит частичный характер, что указывает на неоднозначность восприятия транслируемых образов многодетности.

Литература и интернет- источники

1. ***Ridgeway, C.L.*** Unpacking the Gender System: A Theoretical Perspective on Gender Beliefs and Social Relations / C.L. Ridgeway, S.J. Correll // Gender & Society. — 2004. — Vol. 18. — № 4. — P. 510–531. DOI: 10.1177/0891243204265269
2. ***Кирдина-Чэндлер, С.Г.*** Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X–Y-теорию / С.Г. Кирдина-Чэндлер. — 3-е изд., перераб., расшир. и илл. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — 468 с. EDN: TTDPAN
3. ***Назарова, Г.И.*** Многодетная семья: понятие и современное социально-экономическое положение / Г.И. Назарова // Форум молодых учёных. — 2017. — № 8(12). — С. 223–226. EDN: ZHKSZT

4. ***Безрукова, О.Н.*** Многодетные семьи: жизненная ситуация / О.Н. Безрукова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2008. — № 1. — С. 100–114. EDN: JKLCWZ

5. ***Грудина, Т.Н.*** Многодетный образ жизни в современных социально-экономических условиях / Т.Н. Грудина // Социология. — 2019. — № 5. — С. 155–167. EDN: FWFOES

6. ***Звонарева, А.Е.*** Образ многодетной семьи в представлениях жителей малого города (на примере г. Наволоки) / А.Е. Звонарева, Ю.А. Лебедева // Малые города большой страны: сборник научных статей и материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции (Иваново : 14–15 июня 2024 г.). — Иваново : Ивановский государственный университет, 2024. — С. 598–606. EDN: LEAHRL

7. ***Gorbaniuk, J.*** The Perception of Fertility Based on Comparative Studies from 2013 and 2021. Guidelines for the Catholic Family Ministry / J. Gorbaniuk, M. Szyszka, J. Goleń // Verbum Vitae. — 2022. — Vol. 40. — No. 1. — P. 209–234. DOI: 10.31743/vv.13493

8. ***Пермякова, Т.В.*** Многодетная семья в оценках жителей Екатеринбурга / Т.В. Пермякова, А.А. Красноперова // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сборник статей X Уральского демографического форума. В 2 т. (Екатеринбург : 10–11 июня 2019 г.). — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2019. — Т. II. — С. 235–243. EDN: ECYYIY

9. ***Вайсбург, А.В.*** Противоречивость образа многодетных семей глазами молодежи Тверского региона / А.В. Вайсбург // Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2024. — № 6. — С. 69–72. EDN: HHDOSL

10. ***Камышова, Е.В.*** Социальная эксклюзия многодетных семей в современной России / Е.В. Камышова, В.В. Кочетков // Социальные процессы современной России: Международная научно-практическая конференция (Нижний Новгород : 19–20 ноября 2020 г.). — Нижний Новгород : Научно-исследовательский социологический центр, 2020. — Т. 1. — С. 561–565. EDN: RLFYJV

11. ***Костина, С.Н.*** Многодетность в российских массмедиа: результаты контент-анализа / С.Н. Костина, Г.А. Банных // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2019. — Т. 10. — № 4. — С. 55. EDN: LMUBGQ

12. ***Дорофеева, З.Е.*** Особенности жизненных практик многодетных семей / З.Е. Дорофеева // Социологические исследования. — 2019. — № 7. — С. 114–124. DOI: 10.31857/S013216250005798-0; EDN: UEDKMA

13. ***Землянова, Е.В.*** Экономическое положение многодетных семей Москвы и Московской области: социологическое исследование / Е.В. Землянова, Н.А. Безвербная, Е.К. Журавлева // Уровень жизни населения регионов России. — 2025. — Т. 21. — № 2. — С. 223–232. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_2_4_223_232; EDN: FYYPGW

Информация об авторе:
Шакирова Алиса Фиргатовна, к.соц.н., главный научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.
Контактная информация: e-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru; ORCID: 0000-0003-4187-6562; РИНЦ SPIN-код: 3521–5452.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-88-100

PUBLIC PERCEPTION AND MEDIA REPRESENTATION OF LARGE FAMILIES (THE CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Alisa F. Shakirova

Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (23 / b Karl Marx str., Kazan, Russia. 420111)

E-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru

Funding:
The work was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan provided to young candidates of sciences (postdoctoral students) within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan «Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan» (Agreement dated 16.12.2024 No. 108 / 2024-PD).

For citation:
Shakirova A.F. Public perception and media representation of large families (the case of the Republic of Tatarstan). Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 88-100. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-88-100 (in Russ.)

Abstract *The article examines the phenomenon of having many children in modern Russian society as a result of a complex and dynamic process of social construction. The paper presents a secondary analysis of the results of domestic sociological research (T.N. Grudina, A.E. Zvonareva, Yu. A. Lebedeva, and others) devoted to the public perception of large families and the image of a mother with many children in modern Russia. The analysis revealed ambivalent representations of large families, combining positive associations with traditional values, family cohesion, and mutual assistance with negative stereotypes associated with financial hardship, social disadvantage, and dependency. In the article, the author also shares the results of a mass survey of 400 residents of the Republic of Tatarstan and 20 in-depth interviews with mothers having many children. It was found that in the public consciousness, large families have an ambivalent image, combining traditional values and positive stereotypes (cohesion, responsibility, and stable family ties) with persistent negative perceptions (poverty, social disadvantage, and selfish motives). Empirical data demonstrate that personal parenting experience influences the emotional and cognitive assessment of large families: those with many children more often register positive reactions from others, while childless families and families with one or two children tend to be more critical and focus on negative aspects. Significant differences based on the number of children were indicated in perception of the image of large families in the media and in requests for its change. The article also proposed measures to improve public attitudes, including government incentives, expanded rights and benefits, positive media coverage, and educational programs.*

Keywords: *large family, social construction, public perception, media representations, demographic values, social support.*

References and Internet sources

1. Ridgeway C.L., Correll S.J. Unpacking the gender system: A theoretical perspective on gender beliefs and social relations. *Gender and Society.* 2004. Vol. 18. No. 4. P. 510–531. DOI: 10.1177/0891243204265269
2. Kirdina S.G. Institutsional'nyye matritsy i razvitiye Rossii. Vvedeniye v X-Y-teoriyu *[Institutional Matrices and Development of Russia. An Introduction to X–Y Theory].* 3rd ed., revised and expanded. St. Petersburg. Nestor-Istoriya [Nestor-History]. 2014. 468 p. (in Russ.)

3. Nazarova G.I. Mnogodetnaya sem'ya: ponyatiye i sovremennoye sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye [Large family: the concept and the current socio-economic situation]. Forum molodykh uchenykh *[Forum of Young Scientists].* 2017. No. 8(12). P. 223–226. (in Russ.)

4. Bezrukova O.N. Mnogodetnyye sem'i: zhiznennaya situatsiya [Large families: living situations]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika *[Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy].* 2008. No. 1. P. 100–114. (in Russ.)

5. Grudina T.N. Mnogodetnyy obraz zhizni v sovremennykh sotsial'no-ekonomicheskikh usloviyakh [Large-family lifestyle in contemporary socio-economic conditions]. Sotsiologiya *[Sociology].* 2019. No. 5. P. 155–167. (in Russ.)

6. Zvonareva A.E., Lebedeva Yu. A. Obraz mnogodetnoy sem'i v predstavleniyakh zhiteley malogo goroda (na primere g. Navoloki) [The image of a large family in the perceptions of small-town residents (the case of Navoloki)]. Malyye goroda bol'shoy strany sbornik nauchnykh statey i materialov Vtoroy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ivanovo, 14–15 iyunya 2024 g.) *[Small Towns of a Large Country.* Proceedings of the Second All-Russian scientific and practical conference. (Ivanovo, 14–15 June 2024)]. Ivanovo. Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet [Ivanovo State University]. 2024. P. 598–606. (in Russ.)

7. Gorbaniuk J., Szyszka M., Goleń J. Postrzeganie dzietności rodziny na podstawie badań porównawczych z 2013 i 2021. Wskazania dla katolickiego duszpasterstwa rodzin [The perception of fertility based on comparative studies from 2013 and 2021. Guidelines for the Catholic family ministry]. *Verbum Vitae.* 2022. Vol. 40. No. 1. P. 209–234. DOI: 10.31743/vv.13493 (in Polish)

8. Permyakova T.V., Krasnoperova A.A. Mnogodetnaya sem'ya v otsenkakh zhiteley Ekaterinburga [Large family in the assessments of Ekaterinburg residents]. Sotsial'no-ekonomicheskiye i demograficheskiye aspekty realizatsii natsional'nykh proyektov v regione sbornik statey 10 Ural'skogo demograficheskogo foruma. V 2 t. (Yekaterinburg, 10–11 iyunya 2019 g.) *[Socio-Economic and Demographic Aspects of the Implementation of National Projects in the Region.* Proceedings of the Xth Ural Demographic Forum. (Ekaterinburg, 10–11 June 2019). In 2 Vols.]. Vol. 2. Ekaterinburg. Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics of the Ural Branch RAS]. 2019. P. 235–243. (in Russ.)

9. Vaisburg A.V. Protivorechivost' obraza mnogodetnykh semey glazami molodezhi Tverskogo regiona [The inconsistency of the image of large families through the eyes of the youth of the Tver Region]. Ekonomicheskiye i gumanitarnyye issledovaniya regionov *[Economic and Humanitarian Research of the Regions].* 2024. No. 6. P. 69–72. (in Russ.)

10. Kamyshova E.V., Kochetkov V.V. Sotsial'naya eksklyuziya mnogodetnykh semey v sovremennoy Rossii [Social exclusion of large families in modern Russia]. Sotsial'nyye protsessy sovremennoy Rossii Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (Nizhniy Novgorod, 19–20 noyabrya 2020 g.) *[Social Processes of Modern Russia.* Proceedings of the international scientific and practical conference. (Nizhny Novgorod, 19–20 November 2020)]. Vol. 1. Nizhny Novgorod. Nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr [Scientific Research Sociological Center]. 2020. P. 561–565. (in Russ.)

11. Kostina S.N., Bannykh G.A. Mnogodetnost' v rossiyskikh massmedia: rezul'taty kontent-analiza [The phenomenon of large families in Russian mass media: results of the content analysis]. Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya [*World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*]. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 55. (in Russ.)

12. Dorofeeva Z.E. Osobennosti zhiznennykh praktik mnogodetnykh semey [Features of life practices of large families]. Sotsiologicheskiye issledovaniya *[Sociological Studies].* 2019. No. 7. P. 114–124. DOI: 10.31857/S013216250005798-0 (in Russ.)

13. Zemlyanova E.V., Bezverbnaya N.A., Zhuravleva E.K. Ekonomicheskoye polozheniye mnogodetnykh semey Moskvy i Moskovskoy oblasti: sotsiologicheskoye issledovaniye [Economic situation of large families in Moscow and the Moscow Region: a sociological study]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii *[Living Standards of the Population in the Regions of Russia].* 2025. Vol. 21. No. 2. P. 223–232. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_2_4_223_232 (in Russ.)

Information about author:
Shakirova Alisa Firgatovna, Candidate of Sociology, Chief Researcher, Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.
Contact information: e-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru; ORCID: 0000-0003-4187-6562; Elibrary SPIN-code: 3521–5452.

Статья поступила в редакцию 18.08.2025, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-101-114
EDN: RVBKKG

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МАТРИМОНИАЛЬНОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Манухина О. В.*, Цзин Ц., Ван И.

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского (603022, Россия, Нижний Новгород, проспект Гагарина, 23)
Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова (603155, Россия, Нижний Новгород, ул. Минина, 31 А)

**E-mail: yumeikra@mail.ru*

Для цитирования:
Манухина О. В., Цзин Ц., Ван И. Основные тенденции трансформации матримониального и репродуктивного поведения в современном Китае // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 101-114. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-101-114; EDN: RVBKKG

Аннотация. *Статья посвящена изучению особенностей матримониального и репродуктивного поведения в современном Китае, анализу основных тенденций и факторов, происходящих изменений. Актуальность темы обусловлена глубиной и быстротой трансформационных процессов, которым подвержена семья в Китае. Данное исследование основано на сопоставительном анализе данных Всеобщих переписей населения, нормативно-правовых документов и изучении результатов исследований китайских учёных. Авторами были сделаны следующие выводы: 1) институту семьи и брака в современном Китае свойственны такие тенденции, как повышение возраста вступления в брак и рождения ребёнка, снижение коэффициентов брачности и рождаемости, появление добровольной бездетности, уменьшение размера семьи, её нуклеаризация, изменение гендерных и межпоколенных ролей, распространение альтернативных форм семьи, рост числа разводов и повторно заключаемых браков; 2) факторами всех этих изменений являются процессы индустриализации и урбанизации, активизировавшиеся в Китае во второй половине XIX в. и значительно ускоренные политическими и социально-экономическими преобразованиями второй половины XX в., в частности политикой планирования рождаемости и рыночными реформами с конца 1970-х годов; 3) обозначенные тенденции сопоставимы с общемировыми при сохранении ряда региональных отличий таких, как малая доля людей, никогда не состоявших в браке, и бездетных женщин детородного возраста, низкий уровень внебрачных рождений, стремительный рост домохозяйств, состоящих из одного человека, супружеских пар без детей, а также экстерриториальных семей и «пустых гнёзд»; 4) вся совокупность изменений семейно-брачных отношений свидетельствует об их переходе к новым формам. Китайские власти стремятся к формированию соответствующей демографической и семейной политики с целью поддержания жизнеспособности этого социально важного института.*

Ключевые слова: *современный Китай (XXI в.), матримониальное и репродуктивное поведение, структура и размер семьи, основные тенденции, факторы изменений.*

© Манухина О. В., Цзин Ц., Ван И., 2026

Введение

В последние десятилетия мы всё чаще слышим дискуссии учёных, политиков, общественных деятелей о вызовах обществу — внешних и внутренних, глобальных и локальных. К числу глобальных вызовов относится современное состояние института семьи и брака. Актуализация проблематики семьи и брака обусловлена тем, что, во-первых, этот институт — один из основополагающих социальных институтов, а во-вторых, что в соответствии с объективным ходом истории на протяжении всего XX в. и в настоящее время наблюдается интенсивный процесс его трансформации.

Динамике семейно-брачных отношений свойственны такие тенденции, как повышение возраста вступления в брак и рождения ребёнка, снижение уровня брачности, брачная фобия, уменьшение размера семьи, её нуклеаризация, изменение гендерных и межпоколенных ролей, распространение альтернативных форм семьи (сожительство, с одним родителем, экстерриториальная, «пустое гнездо» и др.), падение рождаемости, увеличение количества внебрачных детей, распространение добровольной бездетности, рост числа разводов и повторно заключаемых браков [1–4]. Вышеперечисленные тенденции требуют принятия со стороны государства и общества адекватных мер реагирования и адаптации, без чего в перспективе они могут превратиться в угрозы устойчивому социально-экономическому развитию страны.

Под воздействием расширяющегося промышленного производства, возрастающей урбанизации и интеллектуализации труда, ставших своеобразными символами последнего столетия, происходит смещение «центра тяжести» в системе взаимодействия «общество-семья-индивид» с общества на индивида. Отсюда следуют изменения в массовом сознании и поведении людей, в результате которых на первый план выходит удовлетворение индивидуально-личностных потребностей в обход интересов семьи. По мере модернизации общества и изменения функций семьи постепенно меняется ценностное отношение к ней. Семья перестаёт быть главным местом, где испокон веков индивид занимался трудовой деятельностью, обучался, проходил социализацию, находил морально-психологическую поддержку. В современном, всё более индивидуализированном мире, утверждаются ценностные стандарты несемейного образа жизни, переносящие смысложизненные акценты во внесемейную сферу. Подтверждением этому служат уменьшение количества браков, сокращение рождаемости, повышение возраста вступления в брак и рождения первого ребёнка. Модель поведения современного человека характеризуется гибким подходом к выбору жизненного пути, множеством стилей жизни.

Борьба за построение брака на основе любви, равноправия и взаимоуважения между мужем и женой сделала неизбежным рост числа разводов и повторно заключаемых браков. И даже наличие детей не является препятствием к расторжению супружеских отношений. Это во многом объясняется изменениями в детско-родительских отношениях, а именно снижением роли детей в системе жизнеобеспечения семьи, включая поддержку родителей в старости. Стабильность современной семьи в значительной мере зависит от качества супружеских отношений, одним из главных компонентов которых становится сексуальная жизнь. Либерализация взглядов на секс, разъединение мотивов создания семьи и деторождения делают возможным распространение бездетных семей, увеличение количества внебрачных детей, рост числа консенсуальных браков. Институт семьи и брака оказывается своеобразной «экспериментальной площадкой» человеческих отношений, где наблюдается переход от традиционной к современным формам семейной организации. В разных уголках мира этот процесс имеет как общие (универсальные) черты, выделяемые теорией второго демографического перехода[1], так и региональ-

[1] Валитова З.Х., Есимова А.Б. Концептуальные основы теории второго демографического перехода // Вестник Казахского национального университета. Серия психологии и социологии. – 2023. – Т. 86. – № 3. – С. 74–84.

ные особенности, обусловленные различиями в государственном устройстве, структуре общества, уровне экономического развития, культурном наследии. Рассмотрим описанные выше тенденции на примере семьи и брака в современном Китае.

Особенности матримониального поведения современных китайцев

Согласно данным Министерства гражданских дел КНР, в 2025 г. было зарегистрировано 6763 тыс. браков. За год их количество увеличилось на 10,76%[2], что стало заметным событием на фоне многолетнего снижения коэффициента брачности в Китае. Так, с 2013 по 2023 г. данный показатель уменьшился почти в два раза[3]. Факторы его снижения заключаются в следующем: 1) сокращение численности китайской молодёжи; 2) сохраняющаяся диспропорция между полами. Согласно данным Всеобщей переписи населения, в 2020 г. мужчин было больше, чем женщин на 34,9 млн, в возрасте от 20 до 40 лет — на 17,5 млн[4], что является следствием дисбаланса полов новорождённых и ведёт к нехватке невест в КНР; 3) трансформация взглядов на брак и семью и, как одно из следствий этого — повышение возраста вступления в брак; 4) высокая стоимость жилья и рост свадебных расходов. Чем крупнее город, тем выше цена покупки или аренды квартиры, особенно в центральном и восточном Китае. Для сельской местности наиболее актуальной является проблема выкупа невесты. В отдалённых экономически отсталых районах свадебные подарки жениха дороже, чем в развитых регионах страны; 5) жёсткая конкуренция на рынке труда и, как следствие, трудности с поиском стабильной высокооплачиваемой работы.

Средний возраст вступления в брак в 2020 г. составил 28,67 лет: у мужчин — 29,38, у женщин — 27,95[5]. Для КНР доминирующей тенденцией стало откладывание вступления в брак, распространение консенсуальных браков и домохозяйств, состоящих из одного человека. В 2023 г. учёными Народного университета Китая в пяти городах[6] и прилегающих к ним сельских районах было проведено исследование трёх групп населения: 1) лица, никогда не состоявшие в браке (в возрасте 30–45 лет), было собрано 2112 бюллетеней; 2) супружеские пары 20–40 лет, состоящие в браке два и более года и не имеющие детей (для супружеских пар Китая между вступлением в брак и рождением ребёнка характерен интервал в среднем 2 года) — 2083 бюллетеня; 3) супружеские пары 20–45 лет, имеющие одного ребёнка в возрасте трёх лет и старше (средний интервал между рождением первого и второго ребёнка в китайских семьях составляет 3 года) — 1313 бюллетеней [5]. Результаты исследования показали, что 23,3% опрошенных из первой группы не намерены вступать в брак. Интересно заметить, что женщин, отвергающих официальный брак, больше, чем мужчин. Однако большинство китайцев (65,0%) по-прежнему желают создать семью.

Респонденты назвали следующие причины отказа от вступления в брак или его откладывания: 1) экономические факторы (отсутствие собственного жилья, высокие свадебные расходы, жёсткая конкуренция на рынке труда и, как следствие, трудности с поиском работы); 2) недостаток времени на общение с представителями противоположного пола, что связано с увеличением временных затрат на получение образования и самореализацию в профессиональной сфере: 38,2% респондентов ответили, что у них нет времени для знакомства и создания семьи; 3) отрицательный опыт

---

[2] Чжунго ван [中国网]. – URL : http://news.china.com.cn/2026-02/12/content_118331038.html (дата обращения: 26.07.2026). (на китайском языке)

[3] Официальный сайт главного статистического управления КНР. – URL : https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0P0C&sj=2024 (дата обращения: 27.01.25). (на китайском языке)

[4] Официальный сайт главного статистического управления КНР. – URL : https://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/d7c/202111/P020211126523667366751.pdf (дата обращения: 05.09.2023).

[5] Там же.

[6] Пекин, Шэньчжэнь, Чэнду (пров. Сычуань), Чжэнчжоу (пров. Хэнань), Чанчжоу (пров. Цзянсу) и Цицикар (пров. Хэйлунцзян).

семейной жизни родных, друзей, а также дестабилизирующее влияние на брак и семью СМИ (сообщения о личной жизни известных людей, популяризация эгоцентрического образа жизни). Почти 33% участников опроса отметили, что неудачный брак родственников или друзей влияет на их матримониальное поведение; 4) нежелание иметь ребёнка. Таких респондентов из первой группы насчитывается 38,1%.

Особенности функционирования семьи как социального института определяют характер добрачного поведения. Начиная с XIX в. происходит ослабление значения экономической, репродуктивной, воспитательной функций семьи. Всё большая вовлеченность общества в современные процессы глобализации и модернизации усиливает эту тенденцию. Одной из главных функций взаимоотношения полов в семье становится рекреационно-гедонистическая. Стремление к удовлетворению эмоциональных потребностей, эгоцентризм, эгалитаризация внутрисемейных отношений выступают характерными чертами современной китайской семьи и в то же время являются отражением общемировых тенденций эволюции семейной организации.

В 2021 г. свыше 60% китайцев в возрасте 18–39 лет считали целью заключения брака личное счастье (62,5% мужчин и 65,4% женщин) и лишь 6,4% (7,3% мужчин и 5,6% женщин) главную цель создания семьи видели в деторождении [6]. При выборе брачного партнёра китайская молодёжь обращает первостепенное внимание на личностные, а не статусные характеристики индивида: общность взглядов и интересов, черты характера, образование, сферу трудовой занятости. Безусловно, важное значение имеет и уровень дохода. Отношения в семье строятся на равенстве и взаимном уважении всех её членов. Тем не менее в КНР до сих пор сохраняется традиционная концепция «каждому ровня» (门当户对), согласно которой брак рассматривается в качестве союза не только двух человек, но и двух семей, чьё общественное положение и экономический статус сопоставимы. Речь идёт прежде всего об отдалённых, слаборазвитых районах.

Важно отметить возрастающую в XXI в. роль интернета в общении между людьми. С одной стороны, информационные технологии дают широкие возможности знакомства и регулярного общения, сокращая расстояние между пользователями, с другой — неограниченный поток информации, её фрагментарность и разноплановость отрицательно влияют на ценностные представления о браке, ведут к кратковременным знакомствам, дестабилизируют семейно-брачные отношения. В китайской молодёжной среде растёт лояльность к так называемым молниеносным бракам и разводам (闪婚闪离). С каждым годом увеличивается число консенсуальных браков. В 2010 г. половина респондентов в возрасте 14–35 лет выступала против добрачных половых связей, в 2018 г. их доля снизилась до 33% [6]. Сегодня наличие серьёзных отношений перестаёт быть поводом для заключения брака, хотя, в отличие от западных стран, сожительство не выступает альтернативой браку[7]. Пробные союзы китайских пар, как правило, предшествуют официальному оформлению отношений. Подтверждением этому является по-прежнему очень низкий процент внебрачных рождений — не более 1%. Пары, планирующие рождение ребёнка или уже родившие его, крайне редко отказываются от заключения брака. Сожительство не признаётся китайским законодательством. Внебрачные дети испытывают трудности с оформлением прописки, получением социальных пособий, поступлением в школу, пусть даже закон и наделяет их равными с другими детьми правами. От родителя могут запрашивать свидетельство о браке или документ, подтверждающий кровное родство ребёнка со вторым родителем.

С каждым годом увеличивается число китайцев, никогда не состоявших в браке. И хотя их соотношение меньше, чем в большинстве развитых стран, тем не менее данная тенденция, столь нехарактерная для до-

[7] Хоу Хуэйли, Ван Гуанчжоу. Изменения репродуктивного поведения и ценности культуры деторождения на новом этапе развития народонаселения // Исследования социализма с китайской спецификой [中国特色社会主义研究]. – 2024. – № 6. – С. 79. (на китайском языке)

реформенного Китая (до 1980-х гг.), стала вполне очевидной в нынешнем столетии. Помимо добровольного отказа от создания семьи часть населения вынуждена принять безбрачие по причине трудностей с поиском партнёра. Результаты исследования учёных Академии общественных наук КНР, основанные на данных Всеобщих переписей населения, показали, что в 2020 г. доля неженатых мужчин в возрасте 50 лет и старше превысила 7 млн человек (3,1%). С 2010 г. среднегодовой прирост составил 185 тыс. человек. Количество незамужних женщин этой возрастной категории значительно меньше и равно 1056 тыс. (0,7%, 2020 г.) [7]. Наибольшие трудности с поиском брачного партнёра испытывают сельские мужчины с низким уровнем образования и городские женщины с высшим образованием и, как правило, хорошим доходом. Полагаем, что неуклонное повышение возраста вступления в брак лишь усугубляет обозначенную проблему. Соотношение неженатых мужчин и незамужних женщин в возрасте 40–49 лет, проживающих в сельской местности, равняется 8,72:1 [7]. Даже в условиях социального одобрения возрастного старшинства мужчины в браке, снижение рождаемости[8] и существующий дисбаланс полов значительно затрудняют создание семьи описываемой категорией граждан. Что касается незамужних горожанок, то здесь главным препятствием выступают сохраняющиеся традиционные воззрения на социальную роль полов, а также высокие требования к выбору брачного партнёра. Доля таких женщин в возрасте 50 лет и старше растёт — с 0,44% (2010 г.) до 0,71% (2020 г.) [8].

Появление разнообразных форм организации семейно-брачных отношений делает возможным откладывание вступления в брак и даже отказ от него. И хотя, как уже было отмечено, численность лиц, никогда не состоявших в браке, небольшая, однако есть все основания говорить о её дальнейшем росте. Положительная динамика прослеживается и среди разведённых, а также повторно вступивших в брак. В 2024 г. общий коэффициент разводимости составил 2,5‰, в дореформенный период он был равен 0,18‰ (1978 г.)[9]. За четыре с лишнем десятилетия в КНР имели место вторая (1981–1983 гг.) и третья волна разводов (после 2003 г.), вызванные, в первую очередь, упрощением процедуры расторжения брака. С 2019 г. отмечается небольшое сокращение числа разводов, что связано с уменьшением количества заключаемых браков и действием с 2021 г. Положения о 30-дневном периоде примирения для сторон. Только по истечении этого срока супруги могут быть разведены. Указанное правило утрачивает силу при судебных разбирательствах, включая случаи домашнего насилия. Чаще всего инициаторами расторжения брака выступают женщины.

Важную цементирующую роль в китайских семьях по-прежнему играют дети. Ради них китайцы готовы идти на компромиссы и сохранять супружеские отношения. Учёные КНР, опираясь на соотношение разведённых к состоящим в браке, а также на число разведённых в течение 10 лет после вступления в первый брак, характеризуют китайские семьи как достаточно крепкие в сравнении с западными странами, Японией и Южной Кореей [8, с. 16]. Что касается повторно заключаемых браков, то в 2023 г. доля относящихся к этой категории людей составила около 36% от общего числа всех заключивших брак[10]. В 2000 г. более 1 млн человек повторно создали семью, в 2020 г. их количество увеличилось в четыре раза. В качестве факторов роста следует рассматривать не только либерализацию взглядов на семейно-брачные отношения, но и увеличение числа разводов, в частности среди бездетных супружеских пар. Намерение родить ребёнка в большинстве случаев ведёт к новой регистрации отношений.

Поздние браки, сожительства, одинокий образ жизни — все эти сравнительно новые

[8] В перспективе это приведёт к сокращению численности потенциальных брачных партнёров.

[9] Официальный сайт Главного статистического управления КНР. – URL : https://data.stats.gov.cn/search.htm?s=%E7%A6%BB%E5%A9%9A%E7%8E%87 (дата обращения: 27.06.2025). (на китайском языке)

[10] Официальный сайт Главного статистического управления КНР. – URL : https://data.stats.gov.cn/search.htm?s=%E7%A6%BB%E5%A9%9A%E7%8E%87 (дата обращения: 27.06.2025). (на китайском языке)

для китайского общества явления получают всё большее распространение. Данные изменения в значительной мере ускорены политикой реформ и открытости и государственным курсом планирования рождаемости. Несмотря на универсальный характер указанных выше процессов, семейно-брачные отношения китайцев характеризуются и рядом отличительных черт. Речь идёт о незначительной доле никогда не состоявших в браке, а также малом количестве внебрачных рождений. Что касается сожительства и одинокого образа жизни среди молодёжи, то все эти явления не являются альтернативой официальному браку, а лишь предшествуют ему. Современная китайская семья основывается на переплетении традиционных и современных ценностей, благодаря чему сохраняется её высокая социальная значимость и относительная стабильность.

Особенности репродуктивного поведения современных китайцев

Согласно данным Государственного статистического управления КНР, в 2025 г. коэффициент рождаемости был равен 5,63‰. За год население уменьшилось на 3390 тыс. человек, коэффициент естественного прироста составил –2,41‰[11]. Начиная с 2022 г. для Китая характерна естественная убыль населения. В 2024 г. суммарный коэффициент рождаемости составил 1,07 ребёнка на одну женщину. Для сравнения: в России он равен 1,4 ребёнка на одну женщину. По данному показателю КНР вошла в число стран с очень низкой рождаемостью.

В китайском обществе сокращается доля женщин фертильного возраста (15–49 лет). С 2021 по 2022 гг. их стало меньше на 4 млн человек[12]. За последние четыре десятилетия доминирующей тенденцией стали поздние роды и малое количество детей в семье. Согласно результатам Всеобщей переписи населения, в 2020 г. среднее желаемое число детей у женщин фертильного возраста составило 1,8[13]. Есть все основания говорить о формировании традиций воспитания одного ребёнка в семье. Вышесказанное подтверждается и результатами исследования, проведённого учёными Народного университета Китая [5]. Изучение бездетных супружеских пар показало, что желаемое число детей у них составляет 1,09, планируемое — 0,99. Данные показатели ниже, чем в целом по стране. Идеальным возрастом для рождения первого ребёнка считается 28,1 лет у женщин и 29,7 лет у мужчин (средние значения). Однако больше половины опрошенных оказались старше названных ими возрастов, что говорит о существовании препятствий для деторождения.

Участники опроса выделили следующие факторы, определяющие их репродуктивные установки: 1) трансформация взглядов на рождение и воспитание детей, повышение степени толерантности общества к бездетным семьям. Рождение ребёнка перестаёт быть главной целью заключения брака. 76% респондентов на первое место ставят удовлетворение индивидуальных потребностей в любви, заботе и взаимопомощи; 2) свыше 70% полагают, что рождение ребёнка способно повлиять на их самореализацию, в том числе в сфере профессиональных интересов (потеря работы, снижение трудовой мобильности, ограничение возможности получения образования и карьерного роста), сократить время для отдыха; 3) свыше 70% супружеских пар беспокоят вопросы образования и здоровья детей. Будущие родители опасаются, что их дети будут менее «успешными», чем другие; 4) наличие помощи в уходе за детьми (69,3%), социальная среда (52,4%), меры поддержки со стороны государства (46,7%). В условиях роста экономических издержек на рождение, воспитание и образование детей, а также увеличения занятости супру-

[11] Официальный сайт Народного университета Китая. – URL : http://nads.ruc.edu.cn/zkdt/xzgd/5dd4c80a37984221b2e92d3ff8542028.htm (дата обращения: 27.07.2026). (на китайском языке)

[12] Официальный сайт Главного статистического управления КНР. – URL : http://www.stats.gov.cn/xxgk/jd/sjjd2020/202301/t20230118_1892285.html (дата обращения: 06.07.23). (на китайском языке)

[13] Официальный сайт Главного статистического управления КНР. – URL : http://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/d7c/202303/P020230301403217959330.pdf (дата обращения: 21.07.23). (на китайском языке)

гов во внесемейной сфере получение материальной поддержки и помощи со стороны третьих лиц наряду с уровнем собственного дохода и состоянием здоровья выступают стимулирующими рождение ребёнка факторами; 5) наличие проблем со здоровьем: 10,9% бездетных супружеских пар отметили, что не могут иметь ребёнка по причине болезни одного или обоих супругов.

Стоит отметить, что доля бездетных женщин в возрасте 49 лет составляет около 5% [9, с. 85]. Этот показатель, хотя и демонстрирует динамику роста, значительно ниже, чем в Америке (11%) и странах ЕС (19%), на основании чего можно сделать вывод о доминировании в китайских семьях традиции рождения и воспитания детей. Бездетность носит как вынужденный, по состоянию здоровья, так и добровольный характер. Наибольшее количество бездетных женщин имеют высшее образование и проживают в городе. В северо-восточных провинциях Китая, в Пекине и Шанхае, где самые низкие показатели рождаемости, имеется и самая высокая доля не имеющих детей женщин.

Что касается результатов исследования малодетных семей, то большая их часть (72,1%) не планирует рождение второго ребёнка, хотя 48,1% респондентов идеальным считают наличие в семье двоих детей [5]. Доля положительно ответивших на этот вопрос мужчин выше, чем женщин. Были указаны следующие факторы малодетности: 1) высокие расходы на рождение, воспитание и образование детей. В семьях с двумя и более детьми средние траты на одного ребёнка меньше, чем в однодетных семьях. В вопросах деторождения родители отдают предпочтение качественным, а не количественным характеристикам семьи; 2) неравномерность распределения домашних обязанностей, связанных с воспитанием ребёнка. В эту сферу главным образом вовлечены матери. В домохозяйствах, где муж и другие родственники или наёмные работники помогают женщине, больше положительно ответивших на вопрос о желании родить ещё одного ребёнка; 3) трансформация взглядов на роль детей в семейно-брачных отношениях.

Названные участниками опроса препятствия к деторождению являются схожими с другими странами. Это подтверждается докладом Фонда ООН в области народонаселения (ЮНФПА)[14]. Им совместно с аналитической компанией YouGov в 14 странах на пяти континентах было проведено исследование 14 тыс. взрослых мужчин и женщин с разным уровнем дохода. Почти пятая часть респондентов репродуктивного возраста считает, что не сможет иметь желаемое количество детей[15]. Среди основных барьеров на пути к принятию собственного репродуктивного решения более половины респондентов всех возрастов указали экономические трудности (финансовые ограничения, жилищные проблемы, отсутствие качественных вариантов ухода за детьми, безработица и др.); каждый четвёртый назвал проблемы со здоровьем (включая трудности с получением услуг по лечению бесплодия или ведению беременности); 19% опрошенных беспокоят такие проблемы, как изменение климата, ухудшение качества окружающей среды, войны, пандемии, 14% — отсутствие партнёра, более 10% — недостаточная вовлеченность второй половины в работу по дому или уход за детьми. При этом женщины почти в два раза чаще, чем мужчины, указывали на данный факт в качестве препятствия к желаемому числу детей.

В современном Китае распространены однодетные и двухдетные семьи с преобладанием первой категории семей[16]. Отказ от многодетности обусловлен изменением целей деторождения. С рождением ребёнка родители стремятся получить удовольствие от общения с ним, удовлетворить потребность в родительских эмоциях. Связанные с деторождением традиционные представления о продолже-

[14] Доклад ЮНФПА: народонаселение мира, 2025 год. – URL : https://www.unfpa.org/swp2025 (дата обращения: 19.06.2025).

[15] Речь идёт не только о большем количестве детей, но и о меньшем, чем есть на самом деле.

[16] Официальный сайт Главного статистического управления КНР. – URL : https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 19.07.25). (на китайском языке)

нии рода, обеспеченной старости, увеличении количества рабочих рук, стабильности и процветании семьи уходят в прошлое. Полагаем, что именно изменение ценностных представлений о браке и семье выступает главной причиной снижения рождаемости в КНР, равно как и в других регионах мира. Социально-экономические факторы, с одной стороны, инициируют эти изменения, с другой — выступают своего рода рычагами, способными ускорять или замедлять демографические процессы. Так, неуклонный рост денежных расходов[17] и времени, связанных с рождением и воспитанием детей, повышение трудовой занятости взрослого населения, отсутствие продолжительного отпуска по уходу за ребёнком, нехватка мест в детских дошкольных учреждениях оказывают негативное влияние на репродуктивные установки семей. Малодетность и даже добровольный отказ от деторождения являются новыми и закономерными тенденциями пореформенного Китая. Следует отметить, что китайское общество за очень короткий исторический промежуток времени отказалось от многовековой традиции многодетности. В настоящее время, как уже было отмечено, среднее желаемое число детей не превышает двоих.

Размер и структура китайской семьи

Вся совокупность изменений, переживаемых китайской семьёй, говорит о том, что её классическая модель перестаёт удовлетворять людей. Они ищут новые формы, менее жёсткие, чем прежде, дающие возможность организовать свою личную жизнь в экономических, социальных и демографических условиях, отличных от тех, в которых когда-то сложилась и функционировала традиционная семья с её культом многодетности. Данные изменения характерны для большинства стран современного мира. В результате трансформации матримониального и репродуктивного поведения, увеличения средней продолжительности жизни, старения населения, активизации миграционных процессов, улучшения жилищных условий в современном китайском обществе растёт число не только консенсуальных браков, бездетных супружеских пар, домохозяйств из одного человека, но и «пустых гнёзд»[18], а также экстерриториальных (гостевых) семей. В отличие от прошлых лет, сегодня раздельное проживание супругов носит как вынужденный[19], так и добровольный характер. Многие китайцы выбирают подобную форму отношений, чтобы сохранить личную независимость и избежать однообразия в повседневной жизни. Стоит заметить, что в КНР распространение новых форм семейно-брачных отношений ускорено политикой планирования рождаемости и появлением избалованных молодых людей из однодетных семей (так называемое поколение «маленьких императоров»).

Согласно итогам Всеобщих переписей населения, в 2020 г. в Китае насчитывалось 494 млн семей, их средний размер составил 2,62 человека: в городе — 2,57, в селе — 2,70[20]. В пореформенный период наблюдается быстрый рост числа домохозяйств и уменьшение их размера (таб. 1).

Большинство китайских семей состоит из одного, двух или трёх человек. Анализ результатов выборочных обследований населения показал, что за последние два десятилетия динамику роста имеют первые две категории[21]. С каждым годом увеличивается количество однопоколенных семей и сокращается доля двухпоколенных и более. Уменьшение среднего размера китайской семьи связано с ростом количества домохозяйств из одного человека, супружеских пар без детей[22], супружеских пар с одним ребёнком, неполных семей. Главными факторами распространения неполных семей выступают

[17] Расходы китайских семей на рождение и воспитание детей являются одними из самых высоких в мире.

[18] Пожилые родители, живущие отдельно от своих детей.

[19] Речь идёт о внутренней миграции.

[20] Официальный сайт Главного статистического управления КНР. – URL : http://www.stats.gov.cn/sj/pcsj/rkpc/d7c/202303/P020230301403217959330.pdf (дата обращения: 21.07.23). (на китайском языке)

[21] Официальный сайт Главного статистического управления КНР. – URL : https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 19.07.25). (на китайском языке)

[22] К этой категории относятся как пары, не имеющие детей, так и супруги, проживающие отдельно от детей («пустые гнёзда»).

Таблица 1

Количество и средний размер семей в Китае по результатам Всеобщих переписей населения

Table 1

Number and average size of families in China according to the General Population Censuses

Показатель	1953 г.	1964 г.	1982 г.	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Количество семей (млн)	-	-	-	277	340	402	494
Размер семьи (человек)	4,33	4,43	4,41	3,96	3,44	3,10	2,62

Источник: Данные Всеообщих переписей населения КНР. — URL : https://data.stats.gov.cn/easyquery.htm?cn=C01&zb=A0305&sj=2023 (дата обращения: 05.06.2025). (на китайском языке)

развод и раздельное проживание супругов. С 1982 по 2020 гг. значительно сократилось количество нуклеарных семей — с 68,7% до 55,3%, одновременно с 8,4% до 20,5% увеличилось число одиноких[23]. Среди одиноких растёт доля пожилых. Для общества характерно распространение домохозяйств, состоящих из пожилых супружеских пар («пустые гнёзда») и одиноко проживающих пожилых людей. Что касается трёхпоколенных семей, то здесь наблюдается отрицательная динамика — с 15,6% до 14,7%, но она не столь очевидна в сравнении с нуклеарными семьями. Это связано с распространением практики совместного проживания уже взрослых детей и их родителей с целью оказания помощи в воспитании внуков. Сохраняются и традиционные представления о необходимости заботы за родителями в старости. С возрастом или после смерти супруга (супруги) немало пожилых китайцев проживают в семье своих взрослых детей.

Касаясь вопроса размера и структуры китайской семьи, следует отметить вероятность несоответствия между соотношением зарегистрированного и фактически проживающего населения. Об этом говорит директор Центра исследований семьи Шанхайской академии общественных наук Сюй Аньци. Расхождения между данными официальной статистики и реальной ситуацией связаны с тем, что многие семьи имеют более одного жилища, в одном из которых могут быть зарегистрированы их несовершеннолетние дети, на самом деле проживающие с родителями или с дедушкой и бабушкой (дети родителей-мигрантов). У многих пожилых людей место регистрации и фактического проживания также отличается. Китайский учёный считает, что по этой причине число домохозяйств из одного человека завышено [10, с. 187].

Безусловно, опираясь на данные официальной статистики, можно говорить лишь об общей тенденции. Более полную картину дают результаты выборочных исследований китайских учёных, в частности в отношении «оставшихся семей» и семей «с пропущенным поколением». Фактором их распространения в пореформенном Китае является внутренняя миграция, охватившая более 300 млн человек. «Оставшиеся семьи» — это неполные семьи, в которых один из родителей вынужден жить и работать отдельно от своих близких. Семьи «с пропущенным поколением» — это пожилые родители, чьи дети уехали на заработки и оставили на воспитание внуков. Так, в одной из начальных школ уезда Дафан провинции Гуйчжоу из 247 учеников половину составляют дети, оставшиеся без родительского надзора[24]. По всей стране таких детей насчитывается более 60 млн человек[25]. Данные категории семей являются объектом постоянного изучения внутри страны, что подчёркивает их многочисленность и актуальность сопряжённых с ними проблем. Ак-

[23] Ван Лэй. Изучение особенностей, тенденций и проблем, связанных с изменением структуры китайской семьи: основано на анализе микроданных Всеобщих переписей населения // Вестник Пекинского университета (Философия и социальные науки). – 2024. – Т. 61. – № 4. – С. 143. (на китайском языке)

[24] Сообщение агентства Синьхуа. – URL : http://gz.news.cn/20230927/2a488ae899c44acc93b3ba6637850a59/c.html (дата обращения: 08.07.2025). (на китайском языке)

[25] Положение детей в Китае в 2020 году: факты и цифры // Главное статистическое управление КНР. – URL : https://www.stats.gov.cn/zs/tjwh/tjkw/tjzl/202304/t20230419_1938814.html (дата обращения: 14.07.2026). (на китайском языке)

тивно проблемы китайских семей и в целом демографические проблемы и политику современной КНР изучают и иностранные учёные, в том числе российские **[11–14].**

Заключение

Трансформация структуры китайской семьи отражает изменения, которые наблюдаются в сфере семейно-брачных отношений в пореформенный период. Сокращение коэффициентов брачности и рождаемости, повышение возраста вступления в брак и рождения ребёнка, увеличение количества разводов, старение населения — всё это ведёт к росту числа домохозяйств, состоящих из одного человека, и уменьшению доли супружеских пар с детьми. В настоящее время многие учёные, общественные деятели говорят о кризисе семьи. На наш взгляд, вся совокупность изменений современного института семьи и брака свидетельствует о его переходе к новым формам. И в этом контексте уместнее говорить о вызовах семейно-брачным отношениям. Задача государства и общества состоит в необходимости их изучения и выработки соответствующей демографической и семейной политики с целью поддержания жизнеспособности этого социально важного института.

С целью стимулировать рождаемость и смягчить тем самым проблему быстрого старения населения и сокращения трудовых ресурсов, в 2021 г. власти КНР разрешили семьям рождение третьего ребёнка. В этом же году были внесены соответствующие поправки в закон КНР «О демографии и плановом деторождении» — статья 27 провозглашает использование государством целого комплекса мер[26]. Речь идёт о страховых и дополнительных денежных выплатах семьям с детьми, налоговых льготах, субсидиях в сфере образования и обеспечения жильём, содействии в трудоустройстве, увеличении продолжительности отпусков декретного и по уходу за ребёнком, расширении сети детских дошкольных учреждений, в том числе ясельных, развитии учреждений по охране здоровья матери и ребёнка. Все эти меры направлены на создание благоприятной «дружественной рождению социальной среды» (生育友好社会氛围). Данный термин стал активно использоваться в нормативно-правовых документах и СМИ сегодняшнего Китая.

В мае 2025 г. была упрощена процедура регистрации брака: отныне брак можно зарегистрировать в любом месте независимо от адреса прописки. Местные органы власти, предприятия и организации внедряют поощрительные меры для вступающих в брак пар. Так, в городе Тяньмэнь провинции Хубэй молодожёны получают сертификат на покупку квартиры номиналом в 60 тыс. юаней[27]. Стоит отметить ведущую роль региональных и местных властей в реализации поставленных центральным правительством задач, а также значительное место пропагандистско-просветительских мероприятий в демографической и семейной политике КНР.

Полагаем, в ближайшее время комплекс мер, направленных на поддержку института семьи и брака, расширится. Набор и степень их эффективности во многом будут определяться финансовыми возможностями местных властей. Представляется, что в будущем Китаю удастся замедлить темпы падения рождаемости и, вполне возможно, повысить коэффициент брачности, однако вряд ли стоит ожидать глубоких изменений в этой сфере. Как мы уже отмечали, трансформация семейно-брачных отношений китайцев, несмотря на ряд отличительных особенностей, соответствует общемировым тенденциям и является неизбежным следствием социально-экономических и политических преобразований китайского общества.

[26] Закон КНР о демографии и плановом деторождении, 2021. – URL : https://flk.npc.gov.cn/detail2.html? (дата обращения: 30.10.23). (на китайском языке)

[27] Молодая пара из Хубэя: утром расписались, днём купили квартиру! // Информационное агентство «Синьхуа». – URL : http://hb.news.cn/20250512/4340f5a833264b1d980afd5b3f343d4e/c.html (дата обращения: 12.07.25). (на китайском языке)

Литература и Интернет-источники

1. ***Голод, С.И.*** Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И. Голод. — Санкт-Петербург : Питер, 2008. — 220 с.
2. ***Гурко, Т.А.*** Развитие института брака: Россия в международном контексте / Т.А. Гурко // Женщина в российском обществе. — 2025. — № 2. — С. 13–34. DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.2; EDN: AFFNWV
3. ***Ткачева, Н.А.*** Трансформация семейных ценностей и родительства в современном мире / Н.А. Ткачева, В.А. Юдашкин // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Москва, 26–27 июня 2025 г.) / науч. ред. В. В. Локосов. — Москва : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2025. — С. 77–80. EDN: TXSPMR
4. Городские миры России и Китая: модернизация и её влияние / отв. ред. М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, П.М. Козырева, М.Ф. Черныш, [и др.]. — Москва : Новый Хронограф, 2023. — 720 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-415-4.2023; EDN: UWCMGA
5. ***Ян, Ф.*** Безбрачие, бездетность и малодетность в Китае: текущее состояние, определяющие факторы и меры политического реагирования / Ф. Ян, П. Го, Ц. Лю // Демографические исследования [人口研究]. — 2024. — Т. 48. — № 2. — С. 30–43. (на китайском языке)
6. ***Ян, Ц.*** Изучение изменений во взглядах на брак и любовь у современной китайской молодёжи / Ц. Ян, Д. Ши // Исследования молодых учёных [青年探索杂志]. — URL : https://mp.weixin.qq.com / s? (дата обращения: 30.01.2025). (на китайском языке)
7. ***Чжан, Л.*** Исследование никогда не состоящего в браке населения: показатели и тенденции / Л. Чжан, Г. Ван // CNKI [中国知网]. — URL : http://sociology.cssn.cn / shxsw / swx_kycg / swx_xslw / 202410 / W020241025417455508142.pdf (дата обращения: 09.06.2025). (на китайском языке)
8. ***Юй, Ц.*** Заключение и расторжение брака в Китае: тенденции и сравнение с другими странами / Ц. Юй, С. Чжао, Ю. Се // Демографические исследования [人口研究]. — 2020. — Т. 44. — № 5. — С. 3–18. (на китайском языке)
9. ***Чжан, Ц.*** Оценка уровня бездетности среди китайских женщин: анализ данных 7 Всеобщей переписи населения / Ц. Чжан, [и др.] // Демографические исследования [人口研究]. — 2023. — Т. 47. — № 3. — С. 85. (на китайском языке)
10. Семья в России и Китае: процесс модернизации / под ред. И.И. Елисеевой и Аньци Цюй. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — 720 с.
11. ***Русанова, Н. Е.*** Особенности нового китайского пронатализма / Н.Е. Русанова, Е Ван // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 39–51. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.4; EDN: FNKLXQ
12. ***Русанов, А.В.*** Жилищные аспекты политики рождаемости: опыт Китая / А.В. Русанов, Е Ван // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 76–88. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-76-88; EDN: UHGVCM
13. ***Макеева, С.Б.*** Особенности китайской региональной демографической политики в северо-западной провинции Шэньси / С.Б. Макеева // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 89–100. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-89-100; EDN: BDWAYH
14. ***Манухина, О.В.*** Аспекты демографической политики КНР в 1949–2023 годах / О.В. Манухина // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 4. — С. 47–58. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-47-58; EDN: ITBNAR

Сведения об авторах:

Манухина Олеся Вячеславовна, к.ист.н., доцент Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: yumeikra@mail.ru; ORCID: 0009-0007-1585-4163; РИНЦ SPIN-код: 3407–6870.

Цзин Цзинхуа, к.фил.н., доцент Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.
Контактная информация: e-mail: 1021969275@qq.com; ORCID: 0009-0008-9621-4391.

Ван Иннань, ассистент Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия.
Контактная информация: e-mail: 2470706232@qq.com; ORCID: 0009-0004-1579-8139.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-101-114

MAIN TRENDS IN THE TRANSFORMATION OF MATRIMONIAL AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR IN MODERN CHINA

Olesya V. Manukhina*, Jinghua Jing, Yingnan Wang

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(23 Prospekt Gagarina, Nizhny Novgorod, Russia, 603022)
Linguistics University of Nizhny Novgorod
(31a Minin str., Nizhny Novgorod, Russia, 603155)

**E-mail: yumeikra@mail.ru*

For citation:
Manukhina O. V., Jing Jinghua, Wang Yingnan. Main trends in the transformation of matrimonial and reproductive behavior in modern China. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 101-114. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-101-114 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to study of the characteristics of matrimonial and reproductive behavior in modern China, analysis of the main trends and causes, the ongoing changes. The relevance of this study is due to the depth and speed of the transformation processes that family is subject to in China. At the same time, being the most important social institution, family has a direct impact on the course of development of the society. This study is based on a comparable analysis of the data of General Population Censuses, regulatory documents and study of the results of research of Chinese scientists. The author made the following conclusions: 1) the institution of family and marriage in modern China is characterized by such trends as increase in the age of marriage and childbirth, decrease in marriage and birth rates, emergence of voluntary childlessness, decrease in the size of family, its nuclearization, changes in gender and intergenerational roles, spread of alternative forms of family, increase in the number of divorces and re-marriages; 2) all these changes are caused by the processes of industrialization and urbanization, which began in China in the second half of the 19th century and significantly accelerated by the political and socio-economic transformations of the second half of the 20th century, in particular by the policy of birth planning and market reforms, initiated by the Chinese leadership in 1978; 3) the trends indicated above are comparable with the global ones while maintaining a number of regional differences such as a small share of people who have never been married and childless women of childbearing age, a low level of illegitimate births, rapid growth of households consisting of one person, married couples without children, as well as exterritorial families and «empty nests.» Cohabitation, although becoming more widespread, is not an alternative to official marriage, usually preceding it; 4) all these changes in family-marriage relations are indicative of their transition to new forms. The Chinese authorities are striving to develop an appropriate demographic and family policy in order to maintain the viability of this socially important institution.*
Keywords: *modern China, matrimonial and reproductive behavior, family structure and size, main trends, reasons for changes.*

References and Internet sources

1. Golod S. I. Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskiy analiz [*Family and Marriage: Historic and Sociological Analysis*]. St. Petersburg. Piter. 2008. 220 p. (in Russ.)
2. Gurko T. A. Razvitiye instituta braka: Rossiya v mezhdunarodnom kontekste [Development of the institution of marriage: Russia in an international context]. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [*Woman in Russian Society*]. 2025. No. 2. P. 13–34. DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.2 (in Russ.)
3. Tkacheva N. A., Yudashkin V. A. Transformatsiya semeynykh tsennostey i roditel'stva v sovremennom mire *[*Transformation of family values and parenting in modern world]. Sotsial'naya dinamika naseleniya i chelovecheskiy potentsial. Materialy 7 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 26–27 iyunya 2025 g.) [*Social Dynamics of Population and Human Potential*. Proceedings of the VII international scientific and practical conference (Moscow, June 26–27, 2025)]. Ed. V. V. Lokosov. Moscow. ISEPN FNITs RAN [ISESP FCTAS RAS]. 2025. P. 77–80. (in Russ.)
4. Gorodskie miry Rossii i Kitaya: modernizatsiya i yeyo vliyanie [*Urban Worlds of Russia and China: Modernization and its Influence*]. Eds. M. K. Gorshkov, Li Peilin, P. M. Kozyreva, M. F. Chernysh, et al. Moscow. Novy Khronograf [New Chronograph]. 2023. 720 p. DOI 10.19181/monogr.978–5–89697–415–4.2023 (in Russ.)
5. Yang F., Guo P., Liu J. The situation, influencing factors and policy responses to singlehood, childlessness and low fertility in China: finding from a specialized survey. *Population Research*. 2024. Vol. 48. No. 2. P. 30–43. (in Chinese)
6. Yang J., Shi D. A Study on the changes in Chinese youth's views on marriage and love in the new era. *Youth Research.* Available at: https://mp.weixin.qq.com/s? (Accessed: 30 January 2025). (in Chinese)
7. Zhang L, Wang G. Research on the status and trends of lifetime unmarried population in China. CNKI. Available at: http://sociology.cssn.cn/shxsw/swx_kycg/swx_xslw/202410/W020241025417455508142.pdf (Accessed: 9 June 2025). (in Chinese)
8. Yu J., Zhao X., Xie Yu. Marriage and divorce in China: trends and global comparison. *Population Research*. 2020. Vol. 44. No. 5. P. 3–18. (in Chinese)
9. Zhang C. An assessment of lifetime childlessness in China based on the 7th Population Census. *Population Research*. 2023. Vol. 47. No. 3. P. 3. (in Chinese)
10. Sem'ya v Rossii i Kitae: protsess modernizatsii [*Family in Russia and China: Process of Modernization*]. Eds. I. I. Eliseeva, Anqi Xu. St. Petersburg. Nestor-Istoriya [Nestor-History]. 2015. 720 p. (in Russ.)
11. Rusanova N. E., Wang Ye. Osobennosti novogo kitajskogo pronatalizma [National features of the new Chinese pronatalism]. Narodonaselenie [*Populatio*n]. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 39–51. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.4 (in Russ.)
12. Rusanov A. V., Wang Ye. Zhilishchnyye aspekty politiki rozhdaemosti: opyt Kitaya [Housing aspects of fertility policy: China's experience]. Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 76–88. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-76-88 (in Russ.)
13. Makeeva S. B. Osobennosti kitajskoj regional'noj demograficheskoj politiki v severo-zapadnoj provintsii Shen'si. [Features of the Chinese regional demographic policy in the northwestern province of Shaanxi]. Narodonaselenie. [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 89–100. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-89-100 (in Russ.)
14. Manukhina O. V. Aspekty demograficheskoj politiki KNR v 1949–2023 godah [Aspects of the demographic policy of the People's Republic of China in 1949–2023]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 4. P. 47–58. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-47-58(in Russ.)

Information about the authors:

Manukhina Olesya Vyacheslavovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: yumeikra@mail.ru; ORCID: 0009-0007-1585-4163; Elibrary SPIN-code: 3407–6870.

Jing Jinghua, Candidate of Philology, Associate Professor. Linguistics University of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod, Russia.
Contact information: e-mail: e-mail: 1021969275@qq.com; ORCID: 0009-0008-9621-4391.

Wang Yingnan, Assistant, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.
Contact information: e-mail: 2470706232@qq.com; ORCID: 0009-0004-1579-8139.

Статья поступила в редакцию 22.07.2025, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И РЫНОК ТРУДА

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-115-126
EDN: RGVWDV

СИСТЕМА РАБОЧИХ МЕСТ И ИЗМЕНЕНИЕ ИХ КАЧЕСТВА

Коленникова О. А.
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5)
**E-mail: kolennikova@mail.ru*

Для цитирования:
Коленникова О. А. Система рабочих мест и изменение их качества // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 115-126. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-115-126; EDN: RGVWDV

Аннотация. *Воздействие внешних шоков на развитие отечественной экономики актуализирует потребность модернизации системы рабочих мест с точки зрения таких характеристик, как производительность и оплата труда. Вопрос о характере структурной трансформации рынка труда, идущей в последнее время, широко обсуждается в научных и политических кругах. В статье представлены результаты анализа прироста числа высокопроизводительных рабочих мест по данным Росстата за 2012–2024 гг., которые позволили сделать ряд выводов о эволюции рынка труда. Внешнеполитические события 2014 г. дали толчок к переформатированию пространства занятости, а эпидемиологические и дальнейшие геополитические шоки распространили эти процессы по широкому спектру отраслей. Однако в одних сегментах экономики, прежде всего в отраслях социальной сферы, предпосылки для прогрессивных сдвигов в качестве занятости так и не были созданы, а в обрабатывающих производствах, напротив, механизмы преобразований были запущены. В итоге такие приоритетные отрасли, как образование, здравоохранение и культура, стали еще больше отставать от поступательного развития обрабатывающей промышленности. Следствием данных процессов стал рост дифференциации рабочих мест, который усиливает структурную рассогласованность экономической системы в целом и её многоуровневый характер. Основанная по большей части на зарплатной составляющей качественная неоднородность рабочих мест, не подкрепленная соответствующими сдвигами в технологическом плане и производительности труда, носит неустойчивый характер. В такой ситуации критически важно ликвидировать провалы в создании предпосылок для качественного преобразования всего комплекса отраслей, которые определяют будущее социально-экономического развития страны.*

Ключевые слова: *высокопроизводительные рабочие места, качество занятости, качество рабочего места, заработная плата, производительность труда, рынок труда.*

© Коленникова О. А., 2026

Введение

Трансформация российской модели занятости отражается на структуре рабочих мест, о чём свидетельствуют такие их характеристики, как уровень образования и оплата труда работников. По этим характеристикам прослеживается эволюция системы рабочих мест и их распределение на «плохие» и «хорошие» рабочие позиции, а в основе различий между ними лежат главным образом технологические факторы. Согласно концепции многоуровневой экономики, разработанной Ю. В. Яременко, данные факторы обусловливают неоднородность производственных (капитальных и трудовых) ресурсов в зависимости от технологических «этажей», на которых они расположены [1]. Производства на верхних «этажах» обладают более качественными и более дефицитными трудовыми ресурсами, а на нижних — менее качественными (массовыми) ресурсами. Иерархическая структура рабочих мест, соответственно «плохих» и «хороших», формируется в соответствии с этими «этажами». Следствием многоуровневого характера экономики является сегментация рынка труда, то есть концентрация рабочих мест, однотипных по качеству, что объясняет устойчивые профессиональные, межфирменные, отраслевые и региональные различия в оплате труда [2], имеющие иерархическую структуру. Так, на «хороших» рабочих местах требуется более высокая квалификации и стабильность кадров, что, в свою очередь, заставляет фирмы обучать и удерживать работников с помощью высокой оплаты труда, перспектив профессионального и карьерного продвижения, дополнительных льгот[1].

Несмотря на то, что сегментация отечественного рынка труда предметно стала изучаться сравнительно недавно, его иерархическая структура отмечалась многими специалистами и в советское время. Это, например, касалось ряда инвестиционных производств, где качество трудовых ресурсов было гораздо выше, чем в отраслях потребительского назначения (пищевая и текстильная промышленность, деревообработка и другие), симптомами неблагополучия которых выступали высокая текучесть и перманентный дефицит кадров. Исследования 2000–2010-х гг. показали деструктивный характер сегментации рынка труда ввиду качественной неоднородности используемых трудовых ресурсов и постепенного исчерпания их массовой компоненты. Выяснилось также, что рыночные регуляторы далеко не всегда позволяют преодолеть, а могут создать новые или усугубить уже имеющиеся устойчивые барьеры, препятствующие качественному улучшению структуры рабочих мест [3; 4]. Поэтому возросло внимание к механизмам государственного регулирования в сфере занятости.

В майских поручениях Правительству РФ (2012 г.) Президент России сформулировал задачу создания и модернизации к 2020 г. 25 млн высокопроизводительных рабочих мест, которые могли бы стать локомотивом роста заработных плат и в целом благосостояния населения[2], что фактически предполагает масштабное обновление рынка труда. По расчётам специалистов, с учётом целевых показателей производительности труда и демографических факторов, поставленная задача эквивалентна примерно 35-процентной доле рабочих мест на рынке труда [5]. Влияние эпидемиологических и геополитических шоков внесло свои коррективы в реализацию курса государства на расширение качественной занятости за счёт технологического перевооружения экономики и роста производительности труда, ещё сильнее актуализировав поставленную задачу.

В стратегических программных документах, ориентированных на срок до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., заданы целевые показатели развития отечественной экономики, в их числе опережающий сложившиеся тенденции рост производительности

[1] Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; пер. с англ., под ред. С. А. Ерофеева. — Казань : Издательство Казанского университета, 1997. — С. 60.

[2] Указ Президента РФ «О долгосрочной государственной экономической политике» от 07.05.2012 № 596 // Президент России. — URL : http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201205070026.pdf (дата обращения: 12.11.2025).

труда[3]. Экспертами запланированные преобразования рассматриваются и в фокусе процессов деиндустриализации и перехода к неоиндустриализации, однако происходит ли de facto структурно-технологическая трансформация российской экономики в целом, и его трудовой составляющей в частности, остаётся вопросом дискуссионным. В частности, обсуждается, идёт ли в последнее время полноценная модернизация или наблюдается временная перестройка экономики в сторону секторов, работающих на возросший государственный спрос.

Новый виток обострения международных отношений, датируемый 2014 г., вызвал необходимость перекраивать экономическое пространство, наращивать расходы на военные нужды и ограничивать удовлетворение нужд социальной сферы [6]. Специалисты полагают, что после начала СВО российская экономика успешно адаптировалась к внешним шокам и ограничениям, однако существенной структурной трансформации пока не наблюдается. Между тем требуется не просто адаптация, а выбор стратегического вектора устойчивого и динамичного развития на перспективу с учётом как усиливающихся ограничений, в числе которых дефицит кадров, так и открывающихся возможностей [7]. Вопросы, в какой мере данные подвижки в последнее время происходят на рынке труда, включая замещение вновь создаваемых и модернизируемых рабочих мест, требуют специального анализа. Цель исследования — проанализировать характер изменения системы рабочих мест с точки зрения их качества.

Материалы и методы

В политических, деловых и научных кругах встречаются различные трактовки качества рабочего места, не только как высокопроизводительного, но и как высокотехнологичного[4], высокоэффективного, инновационного с разным набором характеристик [8]. Поиск подходящих идентификаторов ведётся с целью отличить рабочее место современного типа от характерного для традиционных или устаревших производств. Среди таких черт можно выделить ряд ключевых — во-первых, в разы бóльшая производительность труда за счёт оснащённости самым современным технологическим оборудованием, высокие требования к качеству образования и квалификации работника, хорошие условия труда и его высокая оплата. Данные характеристики корреспондируют с концепцией достойного труда, предложенной Международной организацией труда. Во исполнение поручений Президента РФ государственной статистикой ведётся мониторинг прироста высокопроизводительных рабочих мест. Согласно методике Росстата, к высокопроизводительным относятся все замещённые рабочие места предприятия (организации), на котором среднемесячная заработная плата работников (для индивидуальных предпринимателей средняя выручка) равна или превышает пороговое значение, дифференцированное по типам предприятий и субъектам РФ[5].

Данный показатель был принят Росстатом коллегиально с привлечением широкого круга экспертов. Теоретически высокая оплата труда с учётом отраслевой и региональной специфики должна выплачиваться на наиболее производительных предприятиях, однако отслеживаемый показатель имеет ряд недостатков. Во-первых, высокая заработная плата далеко не всегда соответствует уровню технологичности предприятия и может быть следствием конъюнктурных и иных факторов. Во-вторых, пороговый уровень оценивается не по мировым

[3] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. // Правительство России. – URL : http://government.ru/docs/53927/; Концепция технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации № 1315-р от 20 мая 2023 г. // Правительство России. – URL : http://government.ru/docs/48570/ (дата обращения: 12.11.2025).

[4] Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Доктрина высокотехнологичных рабочих мест в российской экономике. – Москва : Эдитус, 2013. – 124 с.

[5] Об утверждении методики расчёта показателя «Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году»: приказ Росстата от 09.10.2017 № 665 (ред. от 15.04.2019) // КонсультантПлюс. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280225/ (дата обращения: 12.11.2025).

стандартам, а по национальным (отраслевым и региональным) достижениям. В-третьих, согласно методике Росстата, к высокопроизводительным относятся все рабочие места предприятия со средней заработной платой, соответствующей пороговому значению, что обнуляет наличие внутрифирменной дифференциации оплаты труда (по должности, образованию, квалификации, условиям труда и пр.) и как следствие различий в качестве рабочих мест на отдельных предприятиях. С учётом указанных ограничений материалы мониторинга Росстата тем не менее могут быть использованы для изучения сдвигов в отношении качества рабочих мест на рынке труда по зарплатной составляющей, поскольку последняя отражает условия воспроизводства рабочей силы и возможности стимулирования труда и занятости. В работе использовались данные официальной статистики за 2012–2024 гг. в целом и в разрезе видов экономической деятельности, а также по подотраслям обрабатывающей промышленности.

Результаты и обсуждение

На конференции «Национальная система компетенций и квалификаций: от кадровой катастрофы к долгосрочной политике» (2013) А. Р. Белоусов говорил, что ориентирами для предпринимателей должны служить не рабочие места как таковые, а компетенции и квалификация работников, а целью — создание мотивации к повышению производительности труда на рабочих местах. Он оценивал количество высокопроизводительных рабочих мест на тот момент примерно в 9 млн во всех отраслях экономики[6]. Его оценка была на 45% ниже, чем по данным Росстата, согласно которым в 2012 г. их было 16,4 млн или 24,1% от числа занятых (рис. 1). Таким образом, официальная статистика сильно завышает масштабы высокопроизводительных рабочих мест, однако динамика данного показателя в 2012–2024 гг. наглядно отражает влияние комплекса внешних и внутренних факторов на качество занятости на рынке труда.

Как видно из рис. 1, вплоть до 2014 г. количество качественных рабочих мест росло, но затем ситуация ухудшилась в связи с валютным кризисом и введением санкций в отношении России. В 2016 г. число «хороших» рабочих позиций на рынке труда сократилось до 22,2%, то есть стало ниже уровня 2012 г. С преодолением кризисной ситуации пространство качественной занятости в 2018 г. восстановилось до уровня 2014 г., а затем вновь стало расширяться. В острую

[6] Национальная система компетенций и квалификаций: от кадровой катастрофы к долгосрочной политике // Агентство стратегических инициатив (АСИ), 15 мая 2013. — URL : https://asi.ru/news/8554/ (дата обращения: 12.11.2025).

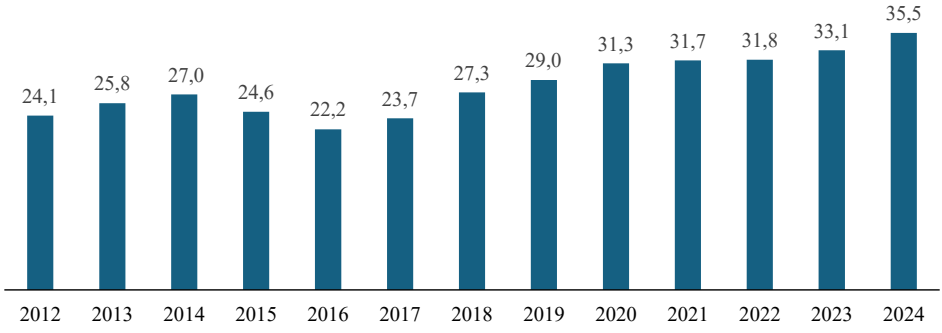

Рис. 1. Количество высокопроизводительных рабочих мест в России в 2012–2024 гг., % от занятых

Fig. 1. The number of high-performance jobs in Russia in 2012–2024, % of employed

Примечание: с 2017 г. данные представлены в соответствии с ОКВЭД2 и с учетом последней переписи населения, 2022–2024 гг. — без новых регионов.

Источник: рассчитано по данным Росстата (база ЕМИСС).

фазу пандемии COVID-19 и с началом СВО темпы данного процесса затормозились, а в 2023–2024 гг. вновь ускорились. В целом за период 2012–2024 гг. зона высокопроизводительных рабочих мест увеличилась до 26 млн рабочих мест (35,5%), то есть формально контрольные целевые ориентиры к 2025 г. достигнуты, и внешние шоки сначала выступили факторами торможения, а затем, напротив, создания и модернизации качественных рабочих мест. Однако, как видно из рис. 2, динамика производительности труда (кроме 2014–2015 гг.) отставала от роста заработной платы.

В отраслевом разрезе процессы носили крайне неоднородный характер. В табл. 1 приведены данные за 2017 г. и 2024 г. и их изменение по видам экономической деятельности. Как видно из данных табл. 1, внутри отраслей изменения шли с разной интенсивностью и неодинаковым конечным эффектом.

В сельском хозяйстве число качественных рабочих позиций выросло в 2,5 раза, но этот прирост был с очень низкой базы (8,6%), поэтому эта отрасль, несмотря на позитивные перемены, остаётся в числе наименее благополучных. Если не рассматривать перемены в сфере госуправления и обеспечения военной безопасности (требуется специальный анализ), то «хорошие» рабочие места в 2017 г. преобладали (составляли более половины общего числа, а значит, были типичной чертой занятости) только в добывающих производствах, в электроэнергетике и в сфере обеспечения газом и теплом, а также в финансах и страховании. В 2018 г. к ним добавились информация и связь, в 2019 г. профессиональная, научная и техническая деятельность, а в 2024 г. — обрабатывающая промышленность. В подавляющем большинстве отраслей в 2017 г. качественные рабочие места составляли менее пятой части. Хотя в 2024 г. число этих отраслей сократилось, но в их составе остаются такие ключевые сферы, как образование и культура, и лишь немногим превышающая этот порог медицина (22%). Ситуация в образовании, культуре и спорте выглядит совсем удручающей, поскольку за последние годы улучшений в них не произошло, а в образовании ситуация даже ухудшилась, и эта сфера стала самой отстающей.

Число «хороших» позиций в образовании в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом резко выросло и составило 14,9%, что стало максимумом за весь период наблюдений (с 2012 г.), но затем стало медленно снижаться. В 2023–2024 гг. темпы снижения ускорились, и их количество упало до 9,4% (уровень 2012 г.). Данные процессы происходили на фоне сокращения общей занятости в образовательной сфере, и если бы этого сокращения не было, то количество

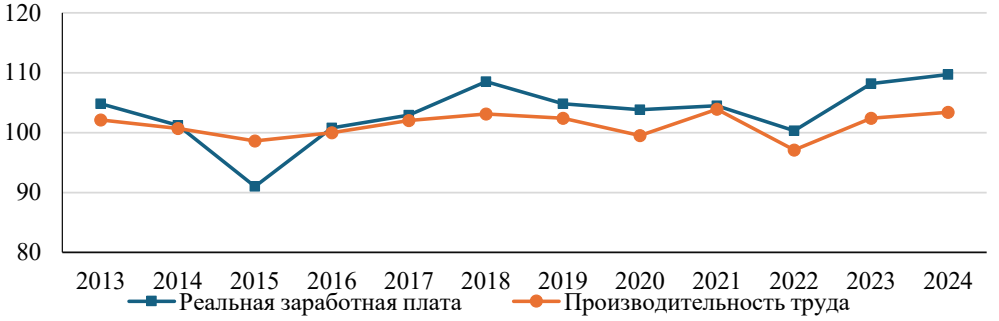

Рис. 2. Индексы реальной заработной платы и производительности труда в РФ в 2013-2024 гг., % к предыдущему году

Fig. 2. Indices of real wages and labor productivity in the Russian Federation in 2013-2024, % compared to the previous year

Примечание: данные представлены с учётом последней переписи населения, без учета новых регионов.

Источник: данные Росстата (база ЕМИСС).

Таблица 1

Количество высокопроизводительных рабочих мест в РФ в 2017-2024 гг., % к общему их числу в соответствующих видах экономической деятельности

Table 1

The number of high-performance jobs in the Russian Federation in 2017–2024, % of the total number of jobs in the corresponding economic activities

Сфера экономической деятельности	2017 г.	2024 г.	Прирост за 2017–2024 гг., %
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство	8,6	21,4	147,7
Добывающая промышленность	77,1	88,9	15,2
Обрабатывающие производства	34,5	58,2	68,6
Обеспечение электроэнергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	53,7	67,5	25,7
Водоснабжение, водоотведение, сбор и утилизация отходов, ликвидация загрязнений	20,9	48,0	129,4
Строительство	13,2	25,0	89,8
Торговля	12,8	24,0	88,2
Гостиницы и общественное питание	6,8	19,6	187,6
Информация и связь	41,0	73,3	78,8
Финансы и страхование	58,7	61,9	5,5
Операции с недвижимостью	19,5	37,2	90,8
Профессиональная, научная и техническая деятельность	42,9	59,2	38,0
Образование	12,4	9,4	-24,5
Здравоохранение	19,5	22,0	12,8
Культура, спорт, досуг и развлечения	11,0	11,5	4,4
В целом по экономике	23,7	35,5	49,6

Примечание: Данные представлены с учётом последней переписи населения, 2024 г. без новых регионов.

Источник: рассчитано по данным Росстата (база ЕМИСС).

качественных позиций снизилось бы куда больше (на 27%). Перемены в сфере культуры и спорта, основная часть которой так же, как образование, относится к бюджетной сфере, носили в целом аналогичный характер. Только после «всплеска» в 2018 г. число «хороших» позиций снижалось более плавно и в 2024 г. вернулось к уровню 2017 года. В здравоохранении ситуация сначала развивалась по тому же сценарию (после резкого скачка числа высокопроизводительных рабочих мест в 2018 г. до 34,8% началось их сокращение), однако коронавирусная пандемия все в корне изменила. В 2020 г. благодаря резко выросшему объёму финансирования системы здравоохранения и «ковидных выплат» число «хороших» в зарплатном отношении рабочих позиций подскочило до 43,4%. Но уже в последующие годы их число стало неуклонно снижаться и к 2025 г. сократилось вдвое. Эти тенденции характерны для всей социальной сферы, в которой система оплаты труда была подвергнута поэтапному реформированию[7].

Реформирование системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях неблагоприятным образом сказалось на качестве занятости в этом секторе рынка труда. Последствия «совершенствования» системы оплаты труда и практику внедрения эффективного контракта специалисты подвергают серьёзной и обоснованной критике [9; 10]. Возникновение новых и обострение старых проблем схожи в образовании, здравоохранении, учреждениях

[7] Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы: распоряжение Правительства Российской Федерации № 2190-р от 26.22.2012 // Правительство России. – URL : http://government.ru/docs/all/85095/ (дата обращения: 12.11.2025).

академической науки и культуры, что говорит о том, что непродуманные преобразования «сверху» затормозили развитие кадрового потенциала этого приоритетного сегмента экономики.

Разница между отраслями по количеству качественных рабочих мест в 2017 г. составляла 7 раз: 77,7% в добыче полезных ископаемых и 11,1% в области культуры и спорта. К началу 2023 г. разница не только не сократилась, а, напротив, увеличилась до 7,5 раз, а к 2025 г. межотраслевой разрыв достиг 9,5 раз. Неравенство усиливалось, с одной стороны, ростом числа «хороших» в зарплатном отношении рабочих позиций в промышленном секторе, с другой стороны — тормозился прогресс в таких социальных отраслях, как образование и культура. Согласно работам отечественных исследователей, дефицит рабочих мест с достойной оплатой труда подпитывал и подпитывает немалый слой «работающих бедных», несмотря на то что доля высококвалифицированного труда в них, как, например, в образовании и здравоохранении, очень высокая. Российская модель оплаты труда отличается высоким уровнем дифференциации, а её основными факторами выступают недоплата квалифицированной рабочей силе, «сверхгибкая» политика оплаты труда, сведение к минимуму социальных фондов, неиспользование положенных по закону выплат и льгот, отсутствие профсоюзов или невыполнение ими своих функций по защите работников в области оплаты труда [11]. Особенность отечественной модели оплаты труда в том, что образовательно-квалификационные факторы, играющие ведущую роль в западных моделях, напротив, имеют меньшее значение, а более значимы межотраслевые и региональные различия [12].

Таким образом, если в одних секторах экономики, прежде всего, в отраслях социальной сферы, предпосылки для прогрессивных сдвигов в качестве занятости не были созданы, то в других, они, напротив, сложились. Так, в обрабатывающих производствах, обновление которых на современной технологической базе трактуется как ключевой фактор перехода к неоиндустриализации, в 2017 г. только немногим более трети рабочих мест считались высокопроизводительными. В 2023 г. их число увеличилось до половины общего числа, а к 2025 г. значительно перевалило за половину (58,2%). По мнению специалистов, санкции запустили внутренние механизмы развития производственного сектора. Кризисные условия, вызванные постпандемийными и санкционными ограничениями, оказались более сильным мотиватором развития отечественного производственного сектора, нежели рыночные институты, ориентирующие национального производителя на интеграцию в мировую экономику [13].

Если взглянуть на распределение качественных рабочих мест в обрабатывающих производствах, представленное на рис. 3, то можно увидеть, что прогрессивные сдвиги шли во всех подотраслях. К значительным положительным результатам можно отнести снижение к началу 2025 г. межотраслевого разрыва по числу высокопроизводительных рабочих мест до 4,6 раз (который в 2017 г. составлял 12,5 раз) за счёт позитивных сдвигов во всех отраслях, в том числе наиболее отстающих. Сменился лидер: на смену нефтепереработке пришла фармацевтика. Из рис. 3 также видно, что интенсивность динамики в 2017–2024 гг. по отдельным промышленным комплексам различалась. Сильно продвинулись фармацевтика и машиностроение, войдя в состав наиболее благополучных отраслей, в которых качественные рабочие места составляют свыше 2/3. Это объясняется настоятельной необходимостью ликвидировать кадровые дефициты и привлечь дополнительную рабочую силу для расширения производства продукции в связи с эпидемиологическими и геополитическими причинами. Однако в значительной массе обрабатывающих производств второго эшелона (пищевая, лёгкая промышленность, лесопромышленный комплекс и другие), несмотря на значительные положительные подвижки за последние годы, по-прежнему доминируют рабочие места низкого качества.

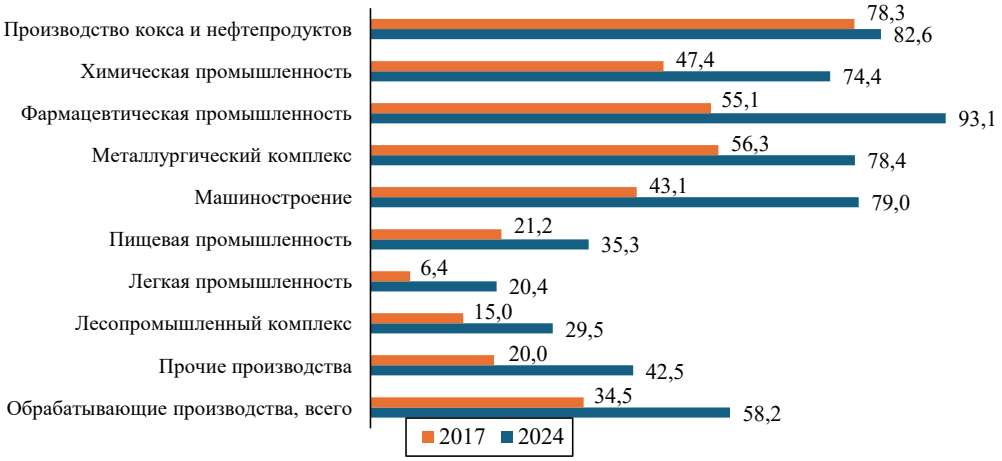

Рис. 3. Количество высокопроизводительных рабочих мест в РФ в 2017–2024 гг., % в соответствующих подотраслях обрабатывающей промышленности

Fig. 3. The number of high-performance jobs in the Russian Federation in 2017–2024, % in the relevant sub-sectors of the manufacturing industry

Примечание: данные представлены с учётом последней переписи населения без учёта новых регионов.

Источник: рассчитано по данным Росстата (база ЕМИСС).

Поскольку высокопроизводительные рабочие места оцениваются Росстатом по зарплатным характеристикам, столь быстрые и масштабные сдвиги отражают прежде всего увеличение оплаты труда. Это подтверждают результаты обследования производственного сектора Центробанком России[8]: в 2023–2024 гг. производственные компании реализовывали мероприятия, направленные на повышение производительности труда: 67% модернизировали и обновляли оборудование (в большей мере модернизировали, чем обновляли), 42% совершенствовали бизнес-процессы, 39% занимались повышением квалификации или переподготовкой персонала, 35% автоматизацией, 28% внедряли новые технологические решения и другие меры, однако подстройка промышленных предприятий к новым условиям на рынке труда происходила преимущественно за счёт роста зарплат, который опережал рост производительности труда. По данным обследования, росли и расходы на соцпакет, но в меньшей мере, чем заработные платы; нематериальные стимулы, как и раньше, шире применялись в производствах с неблагоприятными условиями труда, которые работодатели компенсировали не только заработными платами.

Разные по характеру и интенсивности внутриотраслевые сдвиги изменили общую картину на рынке труда. В 2017 г. благополучные виды деятельности, для которых качественные рабочие места были типичны, — добыча полезных ископаемых, электроэнергетика и сфера обеспечения газом и теплом, финансы и страхование, а также нефтепереработка, фармацевтика и металлургия –по общему числу занятых составляли лишь 8% рынка труда, к 2025 г. за счёт количественного роста числа данных отраслей их вес вырос до 20%. Это свидетель-

[8] Карлова Н., Пузанова Е. Адаптация промышленности к новым условиям на рынке труда: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. – Москва : Центральный банк Российской Федерации, 2025. – 22 с. – URL : https://cbr.ru/Content/Document/File/176558/analytic_note_20250505_dip.pdf (дата обращения: 12.11.2025). В обследовании по заказу Банка России участвовали 500 предприятий различных отраслей обрабатывающей промышленности и добычи полезных ископаемых (кроме ТЭК).

ствует о позитивных тенденциях расширения пространства качественной занятости и привлекательных для трудоустройства рабочих мест, но устойчивый характер они приобретут, если будут подкрепляться адекватным повышением технологического уровня производств и в целом производительности труда.

* * *

По расчётам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН на 2019–2035 гг., основными драйверами роста количества работников должны стать наряду с реципиентами научно-технологических достижений (отраслями обрабатывающей промышленности, а также строительством) отрасли экономики знаний (здравоохранение, образование, наука и другие), а в торговле, напротив, число занятых должно сокращаться [14]. Однако анализ прироста качественных рабочих мест показал, что такие отрасли как образование, здравоохранение и культура все больше отстают от поступательного движения обрабатывающих производств, тем самым усиливая дифференциацию рабочих мест, структурную рассогласованность экономической системы в целом и её многоуровневый характер.

В социальных отраслях негативные проявления не только не преодолены, но и продолжают ухудшать позиции работников. В целях обеспечения роста доходов занятых в бюджетном секторе экономики с 2027 г. вводятся новые системы оплаты труда государственных и муниципальных организаций[9]. Таким образом, решение проблемы зарплатного отставания социальной сферы ожидается в рамках реализации целей, указанных в стратегических документах развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 года. В какой мере очередная модернизация систем заработной платы в отраслях экономики знаний окажется результативной, покажет время.

[9] Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. // Правительство России. – UPL : http://government.ru/docs/53927/ / (дата обращения: 12.11.2025).

Литература и Интернет- источники

1. ***Яременко, Ю.В.*** Теория и методология исследования многоуровневой экономики. Кн. 1./Ю.В. Яременко. — Москва : Наука. — 398 с. EDN: VYHTUD
2. ***Dunlop, J.T.*** The Task of Contemporary Wage Theory/J.T. Dunlop // New Concepts in Wage Determination/eds. G. Taylor, F. Pierson. — NY : McGraw-Hill, 1957. — P. 117–139.
3. ***Токсанбаева, М.С.*** Сегментированный рынок труда: отраслевая структура и масштабы занятости/М.С. Токсанбаева // Экономическая наука современной России. — 2016. — № 1. — С. 76–88. EDN: VUZBZH
4. ***Коленникова, О.А.*** Мобильность рабочей силы на сегментированном рынке труда на примере приема кадров/О.А. Коленникова // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 3. — С. 84–95. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-06; EDN: YNHEKT.
5. ***Коровкин, А.Г.*** Динамика высокопроизводительных рабочих мест в экономике России: опыт макроэкономической оценки/А.Г. Коровкин, С.Г. Кузнецов, И.Н. Долгова, [и др.] // Прогнозирование экономического роста. Материалы Международной научной конференции (Москва, 21–22 октября 2015 г.)/ред. В.В. Ивантер. — Москва : МАКС Пресс, 2017. — С. 251–261. EDN: XZSNQJ
6. ***Рогов, С.М.*** Новая холодная война: последствия для российского общества/С.М. Рогов // Вестник Российской академии наук. — 2020. — № 3. — С. 279–292. DOI: 10.31857/S0869587320030196; EDN: UOIKTZ
7. ***Ленчук, Е.Б.*** Структурные изменения в российской экономике и политика технологической трансформации: Научный доклад/Е.Б. Ленчук, Н.Ю. Ахапкин, Л.Н. Лыкова, [и др.]. — Москва : ИЭ РАН, 2025. — 72 с. EDN: SCAXRD

8. ***Кузнецов, С.Г.*** Высокопроизводительные рабочие места: определение, учет, анализ и прогнозирование/С.Г. Кузнецов, А.Г. Коровкин // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2015. — Т. 13. — С. 115–137; EDN: VBCJLP

9. ***Курбатова, М.В.*** Эффективный контракт в высшем образовании: замыслы и результаты/М.В. Курбатова, И.В. Донова // Высшее образование в России. — 2023. — Т. 32. — № 4. — С. 23–41. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-23-41; EDN: CQBNCH

10. ***Музычук, В.Ю.*** Занятость и оплата труда в сфере культуры: итоги бюджетной реформы и реализации «майских указов»/В.Ю. Музычук // Уровень жизни населения регионов России. — 2023. — Т. 19. — № 4. — С. 501–514. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_4_3_501_514; EDN: JDQMBF

11. ***Воейков, М.И.*** Природа, факторы и социальные аспекты внутрикорпоративного неравенства в России/М.И. Воейков, Г.В. Анисимова, Э.Н. Соболев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2012. — № 3 (68). — С. 43–51. EDN: UCOKMB

12. ***Соболев, Э.Н.*** Оплата труда в российской экономике: Тенденции и проблемы/Э.Н. Соболев // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2018. — № 5. — С. 79–96. DOI: 10.24411/2073-6487-2018-00006; EDN: YLZLAT

13. ***Алексеев, А.В.*** Реструктуризация российского производственного сектора в условиях санкций/А.В. Алексеев // Мировая экономика и международные отношения. — 2025. — Т. 69. — № 8. — С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-8-5-15; EDN: YCWFOA

14. ***Порфирьев, Б.Н.*** Структурно-технологические сдвиги и модернизация экономики России (средне- и долгосрочные перспективы)/Б.Н. Порфирьев, А.А. Широв // Вестник Российской академии наук. — 2024. — Т. 94 — № 3. — С. 255–265. DOI: 10.31857/S0869587324030085; EDN: GGHNTL

Сведения об авторе:
Коленникова Ольга Александровна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115; РИНЦ SPIN-code: 8352–5335.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-115-126

JOBS SYSTEM AND CHANGING THEIR QUALITY

Olga A. Kolennikova
ISESP FCTAS RAS
(24 / 35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)
E-mail: kolennikova@mail.ru

For citation:
Kolennikova O.A. Jobs system and changing their quality. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 115-126. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-115-126 *(*in Russ.)

Abstract. *The impact of external shocks on the development of the national economy highlights the urgent need for modernizing the jobs system in terms of productivity and wage. The nature of the structural transformation currently going in the labor market is widely discussed in political and academic circles. This article presents the results of an analysis of the growth in the number of high-productivity jobs based on official statistics from 2012 to 2024, which led to several conclusions regarding the evolution of the labor market. The events of 2014 gave an impetus to reformatting of the employment area, while subsequent epidemiological and geopolitical shocks expanded these processes*

across a wide range of sectors. However, in certain segments of the economy, primarily in the sectors of social sphere, the conditions for progressive shifts in the quality of employment have not been established, whereas in manufacturing industries, transformation mechanisms have been launched. As a result, priority sectors such as education, healthcare, and culture began to lag even further behind the progressive development of the manufacturing industry. These processes have resulted in an increased differentiation of jobs, which exacerbates the structural inconsistencies within the economic system as a whole and its multilevel nature. The qualitative heterogeneity of jobs, largely based on wage components and lacking corresponding shifts in technology and labor productivity, exhibits an unstable character. In this context, it is critically important to eliminate failures in creating conditions for qualitative transformation across the entire spectrum of industries that determine the future socio-economic development of the country.

Keywords: *high-performance jobs, quality of employment, job quality, wage, labor productivity, labor market.*

References and Internet sources

1. Yaremenko Yu. V. Teoriya i metodologiya issledovaniya mnogourovnevoy ekonomiki [*Theory and Methodology of Multilevel Economy Research*]. Book 1. Moscow. Nauka. [Science]. 1997. 398 p. (in Russ.)
2. Dunlop J.T. The task of contemporary wage theory. *New Concepts in Wage Determination*. Eds. G. Taylor, F. Pierson. New York. McGraw-Hill. 1957. P. 117–139.
3. Toksanbaeva M.S. Segmentirovannyy rynok truda: otraslevaya struktura i masshtaby zanyatosti [The dual labour market: industrial structure and employment rate]. Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [*Economics of Contemporary Russia*]. 2016. No. 1. P. 76–88. (in Russ.)
4. Kolennikova O.A. Mobil'nost' rabochey sily na segmentirovannom rynke truda na primere priyoma kadrov [Labour mobility on segmented labour market in the case of hiring]. Narodonaselenie [*Population*]. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 84–95. (in Russ.)
5. Korovkin A.G., Kuznetsov S.G., Dolgova I.N., et al. Dinamika vysokoproizvoditel'nykh rabochikh mest v ekonomike Rossii: opyt makroekonomicheskoy otsenki [Dynamics of high-productivity jobs in the Russian economy: the experience of macroeconomic estimation]. Prognozirovaniye ekonomicheskogo rosta [*Forecasting Economic Growth*]. Proceeding of the international scientific conference (Moscow, 21–22 October 2015)]. Ed. V.V. Ivanter. Moscow. MAKS Press [MAKS Press]. 2017. P. 251–261. (in Russ.)
6. Rogov S.M. Novaya kholodnaya vojna: posledstviya dlya rossijskogo obshchestva [The new cold war: consequences for the Russian society]. Vestnik Rossijskoj akademii nauk [*Herald of the Russian Academy of Sciences*]. 2020. Vol. 90. No. 3. P. 279–292. DOI: 10.31857/S0869587320030196 (in Russ.)
7. Strukturnyye izmeneniya v rossijskoj ekonomike i politika tekhnologicheskoj transformatsii [*Structural Changes in the Russian Economy and the Policy of Technological Transformation*]. Scientific report. Ed. E.B. Lenchuk. Moscow. IE RAN [Institute of Economics RAS]. 2025. 72 p. (in Russ.)
8. Kuznetsov S.G., Korovkin A.G. Vysokoproizvoditel'nyye rabochiye mesta: opredeleniye, uchot, analiz i prognozirovaniye [High performance workplaces: identification, accounting, analysis and forecasting]. Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyajstvennogo prognozirovaniya RAN [*Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*]. 2015. Vol. 13. P. 115–137. (in Russ.)
9. Kurbatova M.V., Donova I.V. Effektivnyj kontrakt v vysshem obrazovanii: zamysly i rezul'taty [Effective contract in higher education: intentions and outcomes]. Vyssheye obrazovaniye v Rossii [*Higher Education in Russia*]. 2023. Vol. 32. No. 4. P. 23–41. (in Russ.)
10. Muzychuk V. Yu. Zanyatost' i oplata truda v sfere kul'tury: itogi byudzhetnoj reformy i realizatsii «majskikh ukazov» [Employment and labour payment in the cultural sector: outcomes of the budget reform and the May decrees]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2023. Vol. 19. No. 4. P. 501–514. (in Russ.)
11. Voeykov M.I., Anisimova G.V., Sobolev E.N. Priroda, faktory i sotsial'nyye aspekty vnutrikorporativnogo neravenstva v Rossii [Nature, factors and social aspects of inter-corporate inequality in Russia]. Vestnik

Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [*Bulletin of the Russian Foundation for the Humanities*]. 2012. No. 3(68). P. 43–51. (in Russ.)

12. Sobolev E.N. Oplata truda v rossijskoj ekonomike: Tendentsii i problemy [Remuneration of labor in the Russian economy: trends and challenges]. Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk [*Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*]. 2018. No. 5. P. 79–96. (in Russ.)
13. Alekseev A.V. Restrukturizatsiya rossijskogo proizvodstvennogo sektora v usloviyakh sanktsij [Restructuring of the Russian manufacturing sector under sanctions] Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [*World Economy and International Relations*]. 2025. Vol. 69. No. 8. P. 5–15. (in Russ.)
14. Porfiriev B.N., Shirov A.A. Strukturno-tekhnologicheskiye sdvigi i modernizatsiya ekonomiki Rossii (sredne- i dolgosrochnyye perspektivy) [Structural and technological shifts and modernization of the Russian economy: mid-term and long-term prospects]. Vestnik Rossijskoj akademii nauk [*Herald of the Russian Academy of Sciences*]. 2024. Vol. 94. No. 3. P. 255–265. (in Russ.)

Information about the author:
Kolennikova Olga Aleksandrovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: kolennikova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0138-6115; Elibrary SPIN-code: 8352–5335.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-127-143
EDN: SOVSEE

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА КАК МЕХАНИЗМ СТРУКТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА

Колесник Е.А.

Тюменский индустриальный университет
(625000, Россия, Тюмень, ул. Володарского, 38)

E-mail: kolesnikea@tyuiu.ru

Для цитирования:
Колесник Е.А. Цифровые платформы трудоустройства как механизм структурной трансформации российского рынка труда // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 3. – С. 127-143. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-127-143; EDN: SOVSEE

Аннотация. *Цель исследования — раскрыть механизм влияния цифровых платформ трудоустройства на структурную трансформацию российского рынка труда, обосновать их синергетический эффект во взаимодействии с государственной системой занятости и выявить новые тренды в перераспределении трудовых ресурсов между отраслями и регионами. Методология включала: статистический анализ данных ведущих коммерческих (HeadHunter, Работа.ру, Superjob.ru, FL.ru, YouDo, Profi.ru, Авито.Работа) и государственной («Работа России») платформ за 2022–2025 гг. (динамика вакансий, резюме, сроки закрытия позиций, зарплатные предложения); сравнительную оценку эффективности коммерческих и государственных решений по критериям скорости обработки откликов, верификации данных и адаптивности к локальным условиям; экспертный анализ научных публикаций, отчётов аналитических агентств и данных государственной статистики. Полученные результаты демонстрируют: цифровые платформы стали ключевым инструментом трансформации занятости (коммерческие сервисы обеспечивают оперативность подбора, государственные — широкий охват и стабильность). Наблюдается структурный сдвиг в отраслевом спросе с ростом потребности в специалистах сельского хозяйства, промышленности и строительства. Распространяются новые форматы занятости, особенно в IT-секторе (до 70% вакансий). Отмечен рост зарплат в ключевых отраслях, что подтверждает адаптацию рынка труда через цифровые инструменты. Выявлена синергия коммерческих и государственных платформ, формирующая устойчивую экосистему взаимодействия работодателей и соискателей. Впервые был проведён комплексный анализ влияния цифровых платформ с учётом региональных и отраслевых особенностей. Системно исследована взаимодополняющая роль коммерческих (HeadHunter, Работа.ру) и государственных («Работа России») платформ в формировании единой экосистемы занятости. Выделены новые тенденции: структурные изменения спроса на рабочую силу и профессиональная поляризация под воздействием цифровизации. Разработана авторская классификация платформ по охвату, формам занятости и профессиональной специализации, отражающая эволюцию их функций. Практическая значимость — формирование инструментария для оптимизации кадровой политики предприятий, государственного регулирования рынка труда и стратегий трудоустройства граждан в условиях цифровой трансформации занятости.*

Ключевые слова: *цифровые платформы для трудоустройства, рынок труда, трансформация занятости, традиционная занятость, платформенная занятость, региональные диспропорции.*

© Колесник Е.А., 2026

Введение

В условиях стремительной цифровизации общества платформенные решения становятся ключевым элементом экономических взаимодействий, трансформируя традиционные модели бизнеса и потребления. Цифровые платформы представляют собой инновационную инфраструктуру, которая объединяет потребителей и поставщиков, минимизируя транзакционные издержки, стимулируя сотрудничество и создавая дополнительную ценность для всех участников экосистемы. Цифровые платформы для трудоустройства — это продукт технологических достижений. Они меняют ландшафт глобального рынка труда, предлагая как возможности, так и серьёзные вызовы. Согласно МОТ: будущее труда зависит от способности общества использовать преимущества цифровизации, минимизируя её риски через международное сотрудничество, инклюзивные политики и инновационные формы социального диалога[1]. В России динамика популярности и востребованности платформ является закономерным результатом формирования цифровой экономики.

На XXVII экономическом форуме (5–8 июня 2024 г., Санкт-Петербург), Президентом России В.В. Путиным была обозначена значимость цифровых платформ в механизме структурных изменений экономики страны в период до 2030 года. Намечено: для России цифровые платформы должны стать основой перевода «экономики и социальной сферы на качественно новые принципы работы с использованием системы управления, основанной на больших данных»[2]. Это важно и для того, что в условиях дефицита трудовых ресурсов, они могут стать объективным условием, способствующем разрешению данной сложной проблемы. Ведь как показывает отечественный и зарубежный опыт, цифровые платформы способны вывести на новый уровень качество бизнеса и эффективность работы, сократить уровень рутинных операций и оптимизировать процессы. Кроме того, цифровые платформы помогают привлекать талантливых специалистов из удалённых регионов страны и зарубежья.

Таким образом, цифровые платформы для трудоустройства — это технологический мост к новым возможностям трудореализации. В качестве примера можно привести отчёт World Bank Group, в котором отмечается: в мире по различным оценкам платформенной занятостью охвачено от 154 до 435 млн человек[3]. Подчёркивается, что в 2023 г. на дистанционную занятость приходилось около 28% мировой рабочей силы, и она является растущим источником дохода для миллионов человек[4]. Nomad List прогнозируется, что к 2035 г. по всему миру будет насчитываться 1 млрд дистанционных работников[5]. Относительно России, согласно исследованиям НИУ ВШЭ, страна входит в число мировых лидеров по уровню платформенной занятости — в 2024 г. этот показатель достиг 4,4%[6], что соответствует 5 млн работников, использующих цифровые платформы в своей профессиональной деятельности. Экспертами PwC прогнозировался рост объёма рынка фриланса в России до 102 млрд долларов США к 2025 г.[7], благодаря чему Россия войдёт в первую десятку стран по объёму платформенной занятости, уступая только США по скорости расширения данного рынка.

[1] Декларация столетия МОТ о будущем сферы труда, 2019. – URL : https://www.ilo.org / sites / default / files / wcmsp5 / groups / public / %40ed_norm / %40relconf / documents / meetingdocument / wcms_715175.pdf (дата обращения: 16.06.2025).

[2] Национальный проект «Экономика данных». - URL: http://government.ru / news / 50469 / (дата обращения: 16.06.2025).

[3] A World Bank Group Flagship Report 2019. The changing nature of work. – URL : https://www.worldbank.org / en / publication / wdr2019 (дата обращения: 16.06.2025).

[4] Statista. – URL : https://www.statista.com / statistics / 1450450 / employees-remote-workshare / (дата обращения: 16.06.2025).

[5] Модные и бездомные: как цифровая экономика изменила стиль жизни и географию деловых людей. – URL : https://www.forbes.ru / forbeslife / 383497-modnye-i-bezdomnye-kak-cifrovaya-ekonomika-izmenila-stil-zhizni-i-geogarfiyu (дата обращения: 16.06.2025).

[6] Россия вошла в число стран-лидеров по платформенной занятости. – URL : https://iz.ru / 1746313 / 2024-08-21 / rossiia-voshla-v-chislo-stran-liderov-po-platformennoizaniatosti (дата обращения: 04.05.2025).

[7] Свобода по выбору: настоящее и будущее фриланса в России // РБК. Тренды. – URL : https://trends.rbc.ru / trends / social / 60c8e3139a79472ba64fde35?from=copy (дата обращения: 16.06.2025).

В тоже время, цифровые платформы для трудоустройства — это не только виртуальная площадка, обеспечивающая gig-работников временными заданиями, но и эффективный канал соединения работодателей со специалистами для постоянной занятости. Их развитие способствует перестройке традиционных механизмов найма, формируя гибкие модели взаимодействия между участниками рынка труда. В условиях цифровой экономики такие платформы становятся ключевым элементом инфраструктуры, оптимизирующим процессы поиска работы и подбора кадров, снижая транзакционные издержки и сокращая временные затраты. В связи с этим изучение их роли в трансформации российского рынка труда приобретает особую актуальность. В рамках данного исследования под цифровой платформой для трудоустройства автор понимает цифровую экосистему, функционирующую как многосторонний рынок, которая обеспечивает взаимодействие между соискателями и работодателями, минимизируя транзакционные издержки за счет алгоритмического поиска, верификации данных и автоматизации процессов подбора персонала. Несмотря на значительное число публикаций, посвящённых отдельным аспектам функционирования цифровых платформ, их системное влияние на структурные сдвиги в занятости, а также механизмы взаимодействия коммерческих и государственных сервисов в формировании новой экосистемы рынка труда остаются недостаточно исследованными. Цель настоящего исследования — раскрыть механизм влияния цифровых платформ трудоустройства на структурную трансформацию российского рынка труда, обосновать их синергетический эффект во взаимодействии с государственной системой занятости и выявить новые тренды в перераспределении трудовых ресурсов между отраслями и регионами.

Разработанность темы

Понятия «цифровые платформы» и «платформенная занятость» отражают не только новый быстрорастущий феномен в сфере труда, но и формирующуюся парадигму трудовых отношений, основанную на цифровых технологиях. Цифровая экономика расширяет возможности трудоустройства: если раньше платформы охватывали узкий круг профессий (фрилансеры, дизайнеры, маркетологи и др.), то теперь — практически все сферы: от рабочих специальностей (курьеры, водители) до высококвалифицированных специалистов. Толчком к развитию платформ стала пандемия COVID-19, изменившая трудовые практики: рост спроса на удалённую работу и гибкую занятость ускорил внедрение цифрового рекрутинга.

В России интерес к платформенной занятости возрос на фоне трансформации рынка труда в 2020–2021 гг. — сокращение традиционных рабочих мест и рост фриланса сделали платформы альтернативным механизмом трудоустройства. Они не только помогли адаптироваться к новым условиям, но и заложили основы структурных изменений в экономике. Несмотря на новизну, в российском правовом поле эти термины уже получают юридическое оформление (рис. 1). В тоже время, ввиду новизны данные понятия рассматриваются научными сообществами и отдельными учёными с разных позиций, выводя академический дискус на новый уровень и обогащая понимание процессов, происходящих на рынке труда вообще и в сфере занятости в частности. Как отмечают учёные НИУ ВШЭ, цифровая экономика создаёт систему, объединяющую «значимое количество участников … сокращая транзакционные издержки и ускоряя взаимодействие между ними»[8]. В основе — цифровые платформы, усиливающие кооперацию, функционируя как экосистема возможностей для получения выгод конечными пользователями.

В современном мире цифровые платформы для рынка труда приобретают системную значимость, формируя, по выражению А.В. Шевчука, «базовую инфраструктуру экономических и социальных взаимодействий» [1, с. 32]. Они не просто облег-

[8] Цифровая экономика, 2023: краткий статистический сборник. – Москва : НИУ ВШЭ, 2023. – 120 с.

чают коммуникацию между участниками рынка, но и трансформируют социально-трудовые отношения, меняя традиционные модели организации труда. Будучи эффективными «средствами связи между экономическими агентами», платформы становятся системной инфраструктурой, определяющей «базовые условия функционирования и развития рынков» [2, с. 11]. При этом они не только оптимизируют существующие процессы, но и формируют новую архитектуру рынка труда в современной российской экономике.

Р.И. Капелюшников и Д.И. Зинченко подчёркивают трансформационное влияние цифровых технологий на современный рынок труда. Онлайн-платформы, предоставляя услуги в цифровом формате, создают «потенциально глобальный рынок труда поверх как географических, так и институциональных границ» [3, с. 111], способствуя трудовой мобильности через удалённую работу. Авторы отмечают поляризацию платформенного рынка труда на «два основных сегмента: онлайн и по месту нахождения» [3, с. 111], формирующие качественно разную рабочую силу. Онлайн-сегмент преимущественно включает высококвалифицированных специалистов нефизического труда (удалённо), а сегмент по месту нахождения — низкоквалифицированных работников, требующих физического присутствия. Таким образом, цифровые технологии ведут не только к глобализации, но и к внутренней структурной перестройке современного рынка труда.

Данная динамика подтверждается наблюдениями Е.В. Неходы, которая подчёркивает: «распространение цифровых платформ изменяет структуру рынка труда, приводя как к диверсификации форм занятости, так и размытию её традиционных видов» [4, с. 899], трансформируя саму природу занятости. При этом, Р.А. Долженко, С.Б. Долженко и В.С. Половинко указывают, что платформы оптимизируют трудовые отношения, устраняя избыточных посредников и бюрократические процедуры — элементы, «которые не дают эффектов и могут быть ликвидированы» [5, с. 166]. Таким образом, цифровые платформы для трудоустройства, с одной стороны, упрощают взаимодействие, с другой — усложняют структуру рынка, формируя новые линии социально-экономического неравенства. В результате цифровизация одновременно

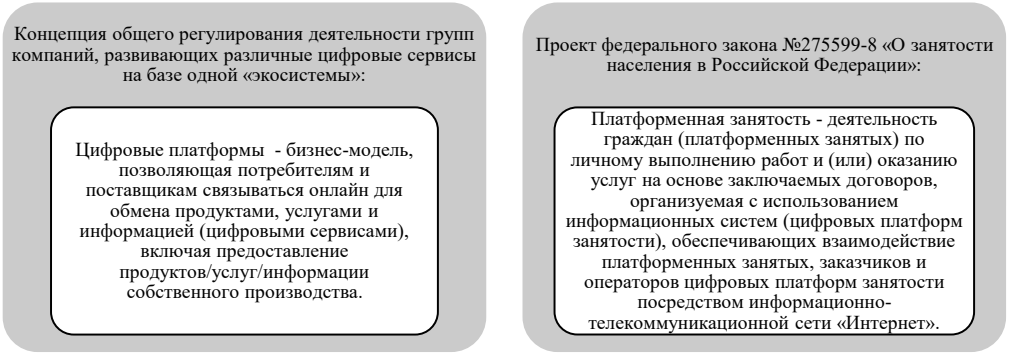

Рис. 1. Понятия «цифровые платформы» и «платформенная занятость» в формирующемся российском законодательном поле

Fig. 1. The concepts of «digital platforms» and «platform employment» in the emerging Russian legislative field

Источник: составлено автором на основании «Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной экосистемы». — URL : https://www.economy.gov.ru / material / file / cb29a7d08290120645a871be41599850 / koncepciya_21052021.pdf; Проекта Федерального закона № 275599–8 «О занятости населения в Российской Федерации». — URL : https://base.garant.ru / 76854157 / 741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b / #friends (дата обращения: 16.06.2025).

выступает фактором глобализации, демократизации и поляризации труда.

Таким образом, российскими исследователями подчёркивается, что развитие цифровых платформ для трудоустройства сопряжено с комплексом вызовов. Эти проблемы носят системный характер и затрагивают различные аспекты трудовых отношений, экономики и социальной сферы. При этом акцентируется, что платформы направлены на обеспечение «баланса между спросом и предложением на рабочую силу … в пределах какой-либо географически определённой области» [6, с. 9]. Это достигается за счёт единой площадки для поиска и предложения работы, предоставляющей инструменты эффективного взаимодействия. В итоге создаётся более эффективный рынок труда, где соискатели получают доступ к широким возможностям, а работодатели — к обширному пулу специалистов.

Зарубежные авторы отмечают, что цифровые платформы «радикально меняют социально-экономические и организационные модели» [7], «способы взаимодействия» и «традиционные бизнес-функции»[9]. Они стремительно расширяют «пределы допустимого за счёт цифрового масштабирования … доступности рабочей силы» [7], что из-за низких барьеров входа ведёт к неэффективным паттернам. Это вызывает правовые противоречия с трудовым законодательством[10] и конфликт с традиционными структурами занятости, актуализируя потребность в разработке новых форм социального партнёрства и модернизации правовых механизмов регулирования цифрового труда [8]. Кроме того, цифровыми платформами для трудоустройства формируется эксплуататорская динамика [9; 10], перекладывая риски на работников и усиливая технологический детерминизм рынка, где человеческий капитал обесценивается алгоритмами, а профессиональные траектории подчиняются цифровым системам.

Таким образом, несмотря на расхождения в оценках российских и зарубежных исследователей (функциональная роль, влияние, преимущества, риски), трансформационный потенциал цифровых платформ неоспорим. Они становятся ключевым механизмом цифровизации, вытесняя традиционные формы трудоустройства (центры занятости, агентства) за счёт эффективного алгоритмизированного взаимодействия. Платформы формируют инновационную экосистему занятости, минимизируя пространственные ограничения и оптимизируя поиск работы и подбор кадров. Российские и зарубежные исследования демонстрируют значительный интерес к теме, а научная дискуссия подчёркивает важность платформ в изменении социально-трудовых отношений, организации труда и рынка в целом. Новизна и не проработанность вопроса (академическая и практическая) обуславливают необходимость данного исследования: комплексного анализа трансформации российского рынка труда под влиянием цифровых платформ с учётом национальной специфики и современных экономических реалий.

В основе исследования — подход, сочетающий количественные и качественные методы анализа данных российских цифровых платформ рынка труда. Автор опирается на статистический анализ данных ведущих платформ (HeadHunter, Работа.ру, SuperJob, Авито.Работа, FL.ru, YouDo, Profi.ru, государственная информационная система «Работа России»), включая динамику вакансий, резюме, сроков закрытия позиций и зарплатных предложений за период 2022–2025 годов. Для выявления структурных изменений используется сравнительный анализ отраслевых и региональных данных для оценки влияния платформ на преодоление кадрового дефицита в приоритетных секторах (сельское хозяйство, промышленность, строительство) и территориальных диспропорций. Сопоставляется эффективность коммерческих и государственных платформ по скорости обработ-

[9] Shivakumar S.K. Introduction to digital platforms. Enterprise Content and Search Management for Building Digital Platforms. — 2017. — P. 1–31. DOI: 10.1002/9781119206842.ch1

[10] Ruyter A., Brown M. The Gig Economy. 2019. DOI: 10.1017/9781788210065

ки откликов, уровню верификации данных и адаптивности к локальным условиям.

Исследование основано на комплексном подходе, включающем: статистический анализ данных платформ (HeadHunter, Работа.ру и других) за 2022–2025 гг.: динамика вакансий, резюме, сроки закрытия позиций, зарплатные предложения, региональные и отраслевые показатели; сравнительный анализ эффективности коммерческих (HeadHunter, Работа.ру) и государственной («Работа России») платформ по скорости обработки откликов, уровню верификации данных и адаптивности к локальным условиям; экспертный анализ научных публикаций (НИУ ВШЭ, МОТ, Всемирный банк), отчётов аналитических агентств (PwC, «СберАналитика») и данных государственной статистики (Росстат). Методологическая новизна заключается в системном подходе к анализу взаимодействия цифровых платформ с рынком труда, объединяющем статистический анализ их данных с оценкой институционального влияния на трансформацию трудовых отношений. Это позволило выявить как практическую эффективность платформ, так и их роль в формировании новой парадигмы занятости.

Результаты исследования

В условиях изменчивой экономики и дисбалансов на традиционном рынке труда цифровые платформы становятся универсальным решением, адаптируясь к потребностям соискателей и работодателей. Они трансформируют привычные схемы взаимодействия, предлагая новые возможности для традиционной и гибкой занятости. Современный российский рынок включает десятки крупных и средних онлайн-сервисов, предлагающих работу в различных форматах: от классического найма до фриланса, временной занятости, массового рекрутинга и gig-работы. Наиболее популярные из них представлены в табл. 1.

За последние годы количество предоставляемых услуг на этих платформах значительно выросло. Например, Работа.ру, один из первых и крупнейших сервисов в России, трансформировалась из классической доски объявлений (с 1999 г.) в инновационную HR-платформу. Войдя в экосистему «Сбера» в 2019 г., сервис значительно укрепил позиции. В 2021–2022 гг. его мобильное приложение стало самым скачиваемым среди российских сервисов поиска работы на Android, опередив Hh.ru и SuperJob[11]. Если в 2019 г. платформа насчитывала порядка 10 млн резюме, 100 тыс. вакансий и 400 тыс. работодателей, то к 2023 г. ежемесячная аудитория превысила 10 млн пользователей, а база данных выросла до 23 млн резюме, 250 тыс. вакансий и более 980 тыс. работодателей. В 2024 г. динамика роста сохранилась: 24 млн резюме, ежедневно публиковалось порядка 250 тыс. вакансий, число зарегистрированных работодателей превысило 980 тыс..[12] Работа.ру стабильно входит в ТОП-10 сайтов по трудоустройству и обладает широкой региональной представленностью.

Одна из самых крупных российских компаний интернет-рекрутинга HeadHunter, основанная в 2000 г. как онлайн-база резюме, к 2022 г. стала крупнейшей платформой по поиску работы и подбору персонала в России. Её популярность отражает адаптивность к развивающимся потребностям рынка. Динамика роста впечатляет: в 2002 г. — 30 тыс. резюме и 650 компаний; в 2022 г. — 58 млн резюме и 1,7 млн работодателей[13]. К июлю 2025 г. база насчитывала 85 млн резюме, 1,2 млн вакансий от 2,3 млн проверенных компаний, с 1 млн откликов на вакансии. Эти цифры подтверждают, что HeadHunter за долгий период работы стала неотъемлемой частью российской HR-сферы, эффективно связывая соискателей и работодателей.

Superjob.ru был основан в 2000 г. как сайт рекрутингового агентства с бесплатными объявлениями. В 2002 г. он был перепрофи-

[11] Путь к лидерству: как Работа.ру стала сервисом № 1 для поиска работы и сотрудников. – URL : https://press.rabota.ru / put-k-liderstvu (дата обращения: 16.06.2025).

[12] Оптимизация и производительность: каким был 2024 год на рынке труда. – URL : https://pro.rabota.ru / all2024 (дата обращения: 16.06.2025).

[13] 22 года вместе с hh.ru: вспоминаем как это было. – URL : https://twotwo.hh.ru / story?from=main (дата обращения: 16.06.2025).

Таблица 1

Ведущие цифровые платформы для трудоустройства, представленные в России

Table 1

The leading digital employment platforms presented in Russia

Год запуска	Название платформ	Охват (страны)	Охват (пользователи)
1999	Работа.ру (www.rabota.ru)	Россия, Беларусь, Казахстан, Нидерланды, Узбекистан.	Ежедневно на платформе публикуется около 250 тыс. вакансий и 16 млн резюме; ежемесячная аудитория - более 10 млн пользователей.
2000	HeadHunter (hh.ru)	Россия, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, ОАЭ (Дубай) (сервис uae.hh.ru).	На июнь 2025 г. В базе 84 млн резюме, 1,19 млн вакансий, 2,24 млн зарегистрированных компаний.
2000	Superjob.ru	Россия. Охватывает значительную часть пользователей из стран СНГ; не большой охват из Черногории.	На начало 2025 г. порядка 25 млн резюме и свыше 400 000 активных вакансий; посещаемость более 4,8 млн визитов в месяц.
2005	FL.ru	Россия. Охватывает большинство пользователей СНГ; онлайн-услуги доступны глобально.	Ежедневно размещается более 1500 фриланс-заказов; зарегистрированы миллионы фрилансеров и заказчиков.
2009	Работа России (trudvsem.ru)	Сервис ориентирован на рынок труда РФ и граждан России. Доступ за пределами РФ ограничен, иностранцам вакансии доступны только при наличии необходимых разрешений.	Содержит более 1 млн актуальных вакансий, формируемых на основе данных региональных служб занятости, а также информации от прямых работодателей.
2012	YouDo	Россия. Частично доступен в СНГ; отдельные задания могут выполнять пользователи из любой страны.	Объединяет более 11 млн пользователей, включая свыше 3,5 млн исполнителей; представлены более 12000 видов услуг.
2014	Profi.ru	Россия. Частично доступен в СНГ; для отдельных онлайн-услуг может использоваться заказчиками и исполнителями вне РФ.	База включает более 15 млн клиентов и 3 млн специалистов по более чем 900 видам услуг. Ежемесячно сервис используют миллионы пользователей.
2014	Авито.Работа	Россия. Пользователи из СНГ могут просматривать и частично размещать вакансии.	Более 50 млн пользователей ежемесячно, а объявления о работе охватывают все регионы России.

Источник: результаты авторского исследования.

лирован в коммерческий IT-сервис по поиску работы и подбору сотрудников. Показатели деятельности Superjob.ru свидетельствуют о его успехе. За период 2013–2024 гг. платформа значительно нарастила масштабы: выросло количество размещённых резюме, опубликованных вакансий, расширялся пул работодателей, увеличилась динамика откликов на вакансии. К 2024 г. на платформе было размещено свыше 800 тыс. активных резюме с годовым приростом в 27% (к 2023 г.) и в 24% за два года (к 2022 г.)[14]. Число уникальных работодателей превысило 1,5 млн. В I кв. 2025 г. прирост резюме составил на 10% больше, чем год назад, и на 22% больше, чем два года назад. Наибольшая активность сосредоточена в Центральном, Приволжском и Северо-Западном федеральных округах. Успех платформы обусловлен постоянным развитием функционала, адаптацией к потребностям рынка и стратегической целью стать лидером в онлайн-рекрутинге, предоставляя максимально удобный сервис для соискателей и работодателей.

На территории РФ Авито работает с 2007 г. как сайт объявлений, а с 2014 г. — как платформа для найма. Сегодня Авито. Работа — одна из крупнейших баз для соискателей и работодателей, предлагающая инструменты для публикации вакансий, отслеживания откликов и организации найма. Платформа популярна среди частных организаций, крупных компаний и рекрутин-

[14] Итоги 2024 года на рынке труда. – URL : https://www.superjob.ru / research / articles / 114992 / itogi-2024-goda-na-rynke-truda / (дата обращения: 16.06.2025).

говых агентств, включая крупнейшие компании российского ритейла, предприятия лёгкой промышленности и строительства. Аудитория сервиса растёт: если в 2013 г. раздел «Работа» посещало 4 млн человек в месяц, то в 2023 г. число резюме выросло на 6% в годовом сопоставлении[15]. В II квартале 2024 г. количество резюме увеличилось на 16% по сравнению с I кварталом. Особенно заметен прирост среди офисных специалистов и соискателей старше 55 лет (на 90% за год). Среди работодателей ежемесячно активны десятки тысяч компаний, а количество вакансий с обязательным откликом через резюме выросло на 44%. На 2024 г. на платформе было более 800 тыс. активных вакансий и резюме: в Москве — около 500 тыс. резюме и почти 500 тыс. вакансий, в Санкт-Петербурге — свыше 200 тыс. объявлений. В торговле и промышленности число вакансий и резюме ежегодно растёт на 10–20%, что подтверждает популярность сервиса.

Государственная информационная система «Работа России» — это федеральная база вакансий и резюме, интегрированная с Центрами занятости. Проект направлен на содействие трудоустройству, подбор кадров и цифровизацию рынка труда. На портале зарегистрировано 22,7 млн пользователей и размещено 11 млн актуальных вакансий (на июль 2025 г.)[16], что делает его крупнейшей государственной площадкой для поиска работы в России. Система предоставляет функциональные возможности для дистанционного взаимодействия соискателей и работодателей, включая видеоинтервью и онлайн-собеседования, объединяя миллионы вакансий и резюме, упрощая поиск работы и подбор кадров, а также повышая прозрачность рынка труда. Перечень цифровых платформ для трудоустройства не замыкается на представленных в табл. 2.

Реальный спектр гораздо шире и разнообразнее. Многие платформы специализируются на узких нишах, предлагая специфические услуги. Основные их типы представлены в табл. 3. Данная классификация наглядно демонстрирует, что, помимо универсальных рекрутинговых сайтов, существует сегмент платформ, ориентированных на определённые форматы занятости или типы контрактов. Таким образом, динамика российского рынка цифровых платформ для трудоустройства демонстрирует значительный потенциал расширения и усложнения. Более того, на рынке формируются ключевые тренды, которые способствуют их дальнейшему развитию (рис. 2). Из вышеперечисленного следует — в России цифровые платформы стали ключевой частью механизма трудоустройства, рационализируя подход к найму и экономя ресурсы (временные, человеческие, финансовые). Они положительно влияют на рынок труда, способствуя его развитию, росту ВВП через повышение занятости, снижение издержек и расширение доступности. Учитывая устойчивый рост потребности организаций в кадрах (рис. 3), цифровые платформы становятся важным инструментом для удовлетворения спроса на рабочую силу. Как показывают официальные данные, если в 2020 г. удельный вес вакансий составлял 3,7%, то к 2024 г. этот показатель увеличился до 7,6%, создавая повышенную нагрузку на традиционные методы рекрутинга. В таких условиях цифровые решения позволяют оперативно закрывать вакансии, сокращая время поиска сотрудников и обеспечивая лучшее соответствие между требованиями работодателей и компетенциями соискателей.

Данные государственной системы «Работа в России» демонстрируют существенную региональную дифференциацию в сроках закрытия вакансий, что отражает особенности локальных рынков труда. Нижегородская область показывает признаки оптимизации рекрутинга и насыщения рынка: по вакансиям с коротким циклом подбора (до 60 дней) сроки выросли на 29%, тогда как в сегментах длительного поиска (61–90 дней и 90+) сократились на 27% (данные на июль 2025 г. в сравнении с аналогичным

[15] Авито работа – Авито подработка. – URL : https://www.cnews.ru / book / Avito_-_Авито_работа_-_Авито_подработка (дата обращения: 16.06.2025).

[16] Работа России: Статистика портала. – URL : https://trudvsem.ru / analytics / portal-stats / (дата обращения: 16.06.2025).

Таблица 2

Классификация типов цифровых платформ для трудоустройства

Table 2

Classification of types of digital platforms for employment

Признак	Разновидности	Характеристика/примеры
По охвату	Локальные	те, которые ориентированные на определенный регион (Joblab.ru, Rabota66.ru, Kazan.hh.ru)
	Национальные	охватывающие всю страну (Платформа «Работа России», HeadHunter, SuperJob, Работа.ру)
	Глобальные	предоставляющие возможность найти работу по всему миру (Glassdoor, Layboard, Jobsin, GoAbroad)
По типу занятости	Фриланс-платформы	предоставляют возможность найти разовую или проектную работу (Freelance.ru, Fl.ru, Kwork.ru, FixGigs)
	Платформы для удалённой работы	предлагают вакансии с удалённым форматом работы (FL.ru, Kwork, Freelance.ru, Work-zilla)
	Платформы для временной работы	позволяют найти краткосрочную работу («Профессионалы 4.0», «Рабочие руки», «Яндекс.Услуги»)
	Платформы для подработки	предоставляют возможность найти дополнительную работу на свободное время (Авито.Подработка, «Яндекс.Такси»)
По направленности	Для специалистов	платформы, ориентированные на высококвалифицированных специалистов (разработчики, дизайнеры, маркетологи) («Работа России», Работа.ру, HeadHunter)
	Для работников физического труда	платформы, ориентированные на работников физического труда (Авито.Работа, JobIn.ru, Worki)
	Для студентов	платформы, ориентированные на трудоустройство студентов и недавних выпускников (Jobby, Факультетус)
По профессиональным сообществам (нишевые платформы)	Платформы для предоставления образовательных услуг	системы, использующие информационные технологии для организации и доставки образовательного контента, а также для взаимодействия между преподавателями и учащимися (Гос. платформы «Земский учитель» и «Учитель для России», Тетрика, Foxford, Sirius Future и Vocaboo)
	Платформы для проектной деятельности	сервисы, связывающие заказчиков с исполнителями для выполнения различных проектов («Инвестиционные проекты России» и «Цифровая платформа МСП», FL.ru, Kwork)
	Платформы для программистов, IT-услуг и специалистов в digital-сфере	онлайн-сервисы, помогающие работодателям найти подходящих IT-специалистов, а соискателям - работу в сфере информационных технологий и цифрового маркетинга (Freelancejob.ru, Freelance.ru, YouDo, Remote-Job)
	Платформы для копирайтеров, написания и продажи текстов	онлайн-сервисы, связывающие заказчиков с авторами для выполнения текстовых проектов (FL.ru, Text.ru)
	Платформы для дизайнеров	онлайн-сервисы, помогающие дизайнерам находить заказчиков, а работодателям - подходящих специалистов в области дизайна (Vsedesignery.ru, Weblancer)
	Платформы для специалистов новых медиа	онлайн-сервисы, помогающие работодателям найти подходящих кандидатов в сфере новых медиа, а соискателям - работу в этой области (Boostmarket, Freelance.ru)
	Платформы для вахтовой работы на Севере	сервисы, помогающие работодателям найти сотрудников, а соискателям – вакансии в этой сфере (Vahtav.ru)

Источник: результаты авторского исследования.

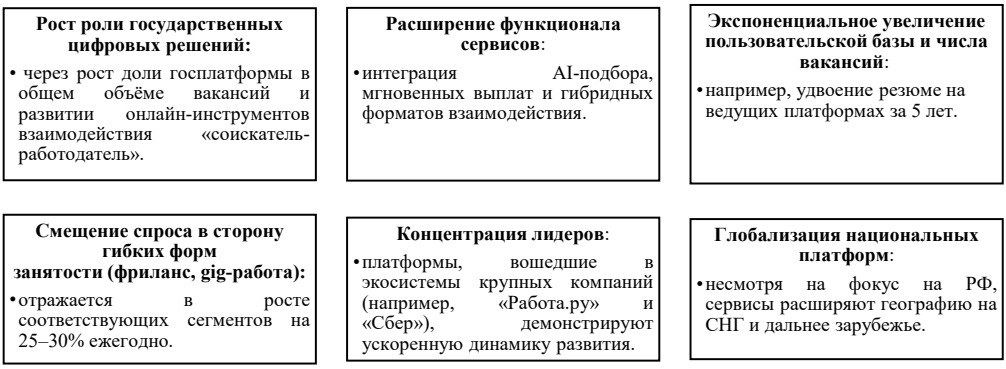
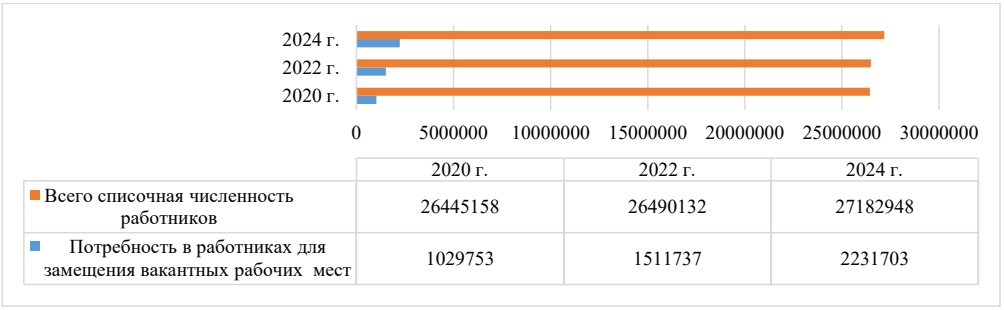

Рис. 2. Ключевые тренды в развитии российского рынка цифровых платформ для трудоустройства

Fig. 2. Key trends in development of the Russian market of digital platforms for employment

Источник: результаты авторского исследования.

	2020 г.	2022 г.	2024 г.
Всего списочная численность работников	26445158	26490132	27182948
Потребность в работниках для замещения вакантных рабочих мест	1029753	1511737	2231703

Рис. 3. Потребность организаций РФ в работниках для замещения вакантных рабочих мест, человек

Fig. 3. The need of Russian organizations for workers to fill vacant jobs, people

Источник: составлено автором на основании данных Росстата.

периодом 2024 г.). В Магаданской области зафиксирована противоположная динамика, свидетельствующая о растущем кадровом дефиците: сроки увеличились на 33% практически во всех категориях, за исключением вакансий «90+ дней», где отмечено снижение на 33%. Эта ситуация обусловлена миграционным оттоком и структурными изменениями в экономике. Наиболее тревожная тенденция наблюдается в Воронежской и Архангельской областях, Республике Ингушетия и Ненецком АО: здесь произошло значительное увеличение сроков по всем категориями. Наибольший прирост — в сегментах длительного поиска: «90+ дней» (+33%) и «31–60 дней» (+19%).

Данные коммерческих платформ (HeadHunter, Работа.ру, Superjob.ru, FL.ru, YouDo, Profi.ru, Авито.Работа) демонстрируют разнонаправленные тенденции. В 2020–2025 гг. время закрытия вакансий полной занятости выросло на 20–70% в зависимости от отрасли и региона. В то же время фриланс-задания (FL.ru, YouDo, Profi.ru) завершаются значительно быстрее — от нескольких часов до 14 дней. На Авито.Работа 33% соискателей трудоустраиваются менее чем за 2 недели, 25% — в течение месяца. Наибольшие сроки сохраняются в отраслях с кадровым дефицитом, где продолжительность поиска зависит от профессии, региона, квалификации и формата занятости.

Структура потребности в специалистах также претерпела изменения (рис. 4). Данные официальной статистики (2020–2024 гг.) фиксируют трансформацию кадрового спроса: если в 2020–2022 гг. дефицит концентрировался в сферах обслуживания, торговли и охраны (5,3–7,7%), то к 2024 г. приоритеты сместились в сторону производственных и аграрных секторов. Потребность в работниках сельского и лесного хозяйства выросла с 4,8% (2020 г.) до 13% (2024 г.), что отражает структурные сдвиги в экономике и усиление господдержки АПК. Аналогичная тенденция, хотя и менее выраженная, наблюдается в промышленности и строительстве: рост с 4,7% до 10,6%. При этом ситуация с неквалифицированным трудом остаётся сложной — несмотря на технологизацию производства, спрос на эту категорию работников стабильно высокий (9,6% в 2024 г.), что может объясняться как ростом объёма низкоквалифицированных работ, так и дефицитом желающих заниматься подобной деятельностью. На этом фоне выделяется стагнация спроса на руководителей и высококвалифицированных специалистов. Их доля в вакансиях незначительно выросла с 2,1–3,3% (2020 г.) до 4,5–6% (2024 г.), оставаясь минимальной. Это свидетельствует об «оптимизации управления» в компаниях и возможном насыщении рынка топ-менеджерами в условиях экономической нестабильности. Данная динамика отражает трансформацию экономики России под влиянием внутренних (импортозамещение, санкции) и внешних факторов (глобальная автоматизация, изменение структуры занятости).

Цифровые платформы для трудоустройства играют важную роль в адаптации рынка труда к описанным структурным изменениям. Их функционал позволяет оперативно реагировать на изменяющийся спрос, обеспечивая более эффективное сопряжение соискателей и работодателей, даже в таком консервативном секторе, как сельское хозяйство. Эта тенденция отражает не только развитие секторов, но и растущее влияние цифровых инструментов по оптимизации взаимодействия работодателей и соискателей. В условиях структурного дефицита компании, использующие алгоритмы подбора и анализа зарплатных ожиданий, вынуждены предлагать более конкурентоспособные условия. Согласно прогнозам «СберАналитики» и «Работа.ру», в 2025 г. рост зарплат в этих отраслях сохранится, хотя и замедлится до 10–12%[17], что связано с насыщением рынка цифровыми решениями и адаптацией работодателей к новым условиям. Таким образом, цифровые платформы не только фиксируют тренды, но и формируют их, повышая эффективность рынка труда и устойчивое развитие ключевых отраслей экономики России.

Платформы вносят ключевой вклад в снижение дефицита неквалифицированных работников. Государственная система «Работа России» и коммерческие платформы предлагают для этого упрощённые схемы трудоустройства. Особую роль играет сервис Авито.Работа, его эффективность для найма в регионах обусловлена простым и быстрым размещением вакансий, низким порогом входа и возможностью прямого контакта между сторонами. В целом они ориентированы на снижение дефицита неквалифицированной рабочей силы, с одной стороны, за счёт адаптации к новым требованиям рынка, внедряя технологии, которые помогают улучшить процесс подбора персонала. С другой — через повышение доступности информации о вакансиях, ускорение процесса найма, расширение географии поиска, повышение прозрачности рынка и гибкости в трудоустройстве.

Несмотря на наименьший удельный вес потребности в руководителях и высококвалифицированных специалистах (рис. 4), данные HeadHunter, Работа.ру и Superjob.ru фиксируют в 2023–2025 гг. устойчивый рост спроса на них. Ежемесячно Superjob.ru публикует свыше 800 тыс. вакансий, а 63% компаний активно ищут профессионалов (HeadHunter), что подтверждает сохраняющийся кадровый дефицит. Наиболее востребованы специалисты IT, инженерии, медицины, педагогики, финансов, бухгалте-

[17] «СберАналитика» и «Работа.ру» назвали сферы с наибольшим ростом заработных плат в 2024 году. – URL : https://www.cnews.ru / news / line / 2025–03–14_sberanalitika_i_rabota (дата обращения: 16.06.2025).

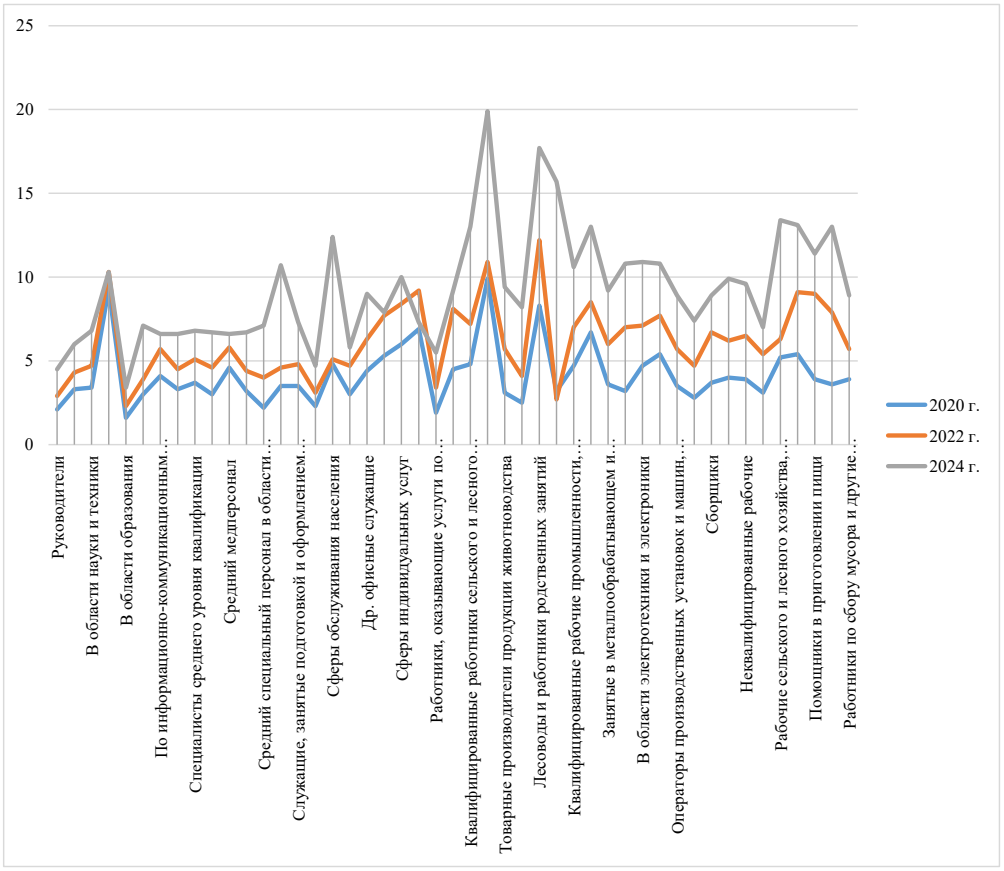

Рис. 4. Динамика удельного веса потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест, в %

Fig. 4. Dynamics of the share of the need for workers to fill vacant jobs in the total number of jobs, in %

Источник: составлено автором на основании данных Росстата.

рии и управленческие кадры. Значительное количество вакансий открыто в продажах, маркетинге, транспорте и логистике. Наиболее острая нехватка наблюдается среди IT-специалистов и руководителей: в 2024 г. их численность выросла на 8,1% по сравнению с 2023 г., а в Тульской области на одну позицию приходится более 20 соискателей. Индекс востребованности квалифицированных кадров вырос на 19%, с наибольшим спросом в Сахалинской, Челябинской, Кемеровской, Тверской областях. При этом столица остаётся главным центром притяжения для высококвалифицированных специалистов. Важной тенденцией остаётся рост удалённых и гибридных форматов занятости: в 2025 г. до 70% IT-вакансий и 68% маркетинговых допускают удалённую работу. Superjob.ru также фиксирует рост спроса на соискателей старше 40 лет: инженеры и управленцы 51–60 лет получили на 95% больше предложений о работе, чем раньше.

Анализ HeadHunter и Superjob.ru показывает: зарплаты руководителей варьируются от 50 тыс. до 655 тыс. рублей в зависимости от должности, отрасли и региона. Например, руководитель отдела продаж получает 80–655 тыс. рублей — разброс отражает зависимость дохода от масштаба ответственности, уровня компании и её локации. По дан-

ным FL.ru и Работа.ру, медианная зарплата высококвалифицированных специалистов выросла с 64 тыс. (2023 г.) до 78 тыс. рублей (2024 г.), что подтверждает рост доходов на фоне кадрового дефицита. Наибольшие зарплаты предлагаются в Москве и Санкт-Петербурге (свыше 100 тыс. рублей). В регионах с особыми условиями, например в Чукотском АО, доходы достигают 185 тыс. рублей благодаря северным коэффициентам и высокой востребованности. В менее развитых регионах зарплаты на 20–50% ниже, но в условиях дефицита компании готовы предлагать конкурентоспособные условия даже в удалённых локациях, особенно для гибридного и дистанционного формата. Таким образом, цифровые платформы для трудоустройства на российском рынке труда являются катализатором изменений, ускоряя адаптацию работодателей и соискателей к новым экономическим реалиям. Они не только фиксируют текущие тренды, но и активно формируют их, способствуя перераспределению трудовых ресурсов в пользу наиболее востребованных отраслей.

Платформы стимулируют рост гибридной, удалённой и gig-занятости, повышая адаптивность рынка труда. В 2023–2025 гг. спрос на удалённые и платформенные профессии (особенно в IT и интернет-маркетинге) значительно вырос: на FL.ru и Profi.ru вакансии для IT-специалистов и маркетологов увеличились на 42–63%, подтверждая тренд на цифровизацию занятости. Данные платформ свидетельствуют о росте популярности удалённого формата. Так, согласно HeadHunter — в 2023 г. доля удалённых вакансий достигла 6,7%, а в 2024 г. резюме с запросом на такой формат выросли на 92%; Работа.ру — рост удалённых вакансий на 46% в 2023 г. к предыдущему периоду; Superjob.ru — до 35% IT-вакансий предполагают удалённую работу. Гибридные модели также набирают обороты: в 2025 г. около 24% новых вакансий на HeadHunter и Profi.ru предлагают смешанный формат, отражая растущий интерес к гибким условиям труда.

Несмотря на общее сокращение платформенной занятости в России на 14,1% в 2024 г. (данные Росстата), платформы FL.ru, YouDo, Profi.ru и Авито.Работа продолжают развивать проектные форматы работы. YouDo и Profi.ru охватывают около 25% трудоспособного населения; FL.ru укрепляет позиции фрилансеров через новые законодательные инициативы; Superjob.ru и Работа.ру фиксируют рост вакансий в этом сегменте: в 2023 г. их количество увеличилось более чем вдвое, а в 2024–2025 гг. тренд сохранился. Цифровые платформы не только реагируют на изменения рынка труда, но и формируют тренд на цифровизацию и гибкие форматы занятости. Государственная система «Работа России» также вносит вклад в развитие гибких форматов, хотя и в меньших масштабах. Этот сдвиг отражает фундаментальные изменения парадигмы труда, соответствуя общемировым тенденциям с учётом специфики российского рынка.

Подводя итог исследованию, отметим: эффективность цифровых платформ трудоустройства зависит от функциональности, удобства, качества вакансий и репутации. HeadHunter и SuperJob выделяются продвинутыми алгоритмами подбора, широким выбором вакансий и обратной связью. Работа.ру, менее функциональная, остаётся популярной. Платформы с высокой скоростью отклика (HeadHunter) не всегда гарантируют надёжность предложений, тогда как сервисы с жёсткой модерацией (Работа России, Profi.ru) обеспечивают качество, но требуют больше времени. Эффективность также определяется направленностью (фриланс, массовые вакансии, госсектор), формируя многоуровневую экосистему, где каждая платформа занимает свою нишу. Локальные и массовые сервисы (Авито.Работа) смягчают региональный дисбаланс, предлагая решения для конкретных территориальных рынков.

Таким образом, HeadHunter и «Работа России» демонстрируют наибольшую эффективность в преодолении кадрового дефицита и регионального дисбаланса благодаря адаптивности к локальным рынкам, широкой базе вакансий и механизмам верификации. HeadHunter с его продвинуты-

ми алгоритмами и высокой скоростью отклика успешно закрывает вакансии в крупных городах и динамичных секторах. «Работа России», несмотря на строгую модерацию, обеспечивает стабильность и достоверность предложений, что критично для регионов. Подобное разделение ролей компенсирует слабые стороны платформ: коммерческие сервисы оперативно реагируют на спрос, государственные минимизируют риски, а локальные и массовые платформы охватывают специфические сегменты рынка.

Выводы

Проведённое исследование демонстрирует — цифровые платформы трудоустройства стали ключевым инструментом трансформации российского рынка труда. Они не только фиксируют изменения, но и активно формируют тренды, перераспределяя трудовые ресурсы в развивающиеся отрасли. Важнейшая их роль — снижение регионального дисбаланса и кадрового дефицита в стратегических секторах экономики. Платформы не просто реагируют на спрос, но и прогнозируют структурные сдвиги, обеспечивая эффективное взаимодействие работодателей и соискателей. Наибольшую эффективность показали коммерческие платформы (HeadHunter, Работа.ру) и госсистема «Работа России» благодаря широкому охвату и адаптивности. Их взаимодействие создаёт многоуровневую экосистему: коммерческие сервисы обеспечивают оперативность и гибкость, а государственная платформа — стабильность и доступность. Это минимизирует структурные перекосы, сокращает время закрытия вакансий и повышает мобильность трудовых ресурсов, делая платформы драйверами развития рынка труда.

Новым научным результатом стало выявление механизма влияния платформ на структурные изменения экономики через специфику их региональной адаптации, что дополняет изученные аспекты глобализации и цифровизации труда. Дифференцированный подход платформ к регионам России (с учётом их экономической специализации и кадровых потребностей) способствует выравниванию рыночных диспропорций. Автором уточнена роль государственных и коммерческих платформ в формировании экосистемы занятости, что ранее не изучалось детально. Синергия между госсистемой «Работа России» (обеспечивающей широкий охват) и коммерческими платформами (предлагающими инновационные инструменты) создаёт новый уровень эффективности, делая рынок труда доступнее и динамичнее.

Литература и Интернет-источники

1. ***Шевчук, А.В.*** От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике / А.В. Шевчук // Социология власти. — 2020. — Т. 32. — № 1. — С. 30–54. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-30-54; EDN: XHQTOI
2. ***Шевчук, А.В.*** Теоретизируя цифровые платформы: концептуальная схема для гиг-экономики / А.В. Шевчук // Экономическая социология. — 2023. — Т. 24. — № 5. — С. 11–53. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-5-11-53; EDN: SKOPKB
3. ***Капелюшников, Р.И.*** Цифровые формы занятости на российском рынке труда. Часть II: платформенная занятость / Р.И. Капелюшников, Д.И. Зинченко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2025. — № 1. — С. 107–129. DOI 10.14515 / monitoring.2025.1.2782; EDN: HKCBBZ
4. ***Нехода, Е.В.*** Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху / Е.В. Нехода, Л. Пань // Экономика труда. — 2021. — Т. 8. — № 9. — С. 897–916. DOI: 10.18334/et.8.9.113408; EDN: DDOMCI
5. ***Долженко, Р.А.*** Прикладная экономика труда в условиях двойного дефицита персонала: возрождение и новые вызовы. Часть 1 / Р.А. Долженко, С.Б. Долженко, В.С. Половинко // Уровень жизни населения регионов России. — 2024. — Т. 20. — № 2. — С. 163–171. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_2_163_171; EDN: DBRIAR

6. ***Бобков, В.Н.*** Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости / В.Н. Бобков, Е.А. Черных // Мир новой экономики. — 2020. — Т. 14. — № 2. — С. 6–15. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15; EDN: ILZXUU

7. ***Mikolajewska-Zajac, K.*** Couchsurfing with Bateson: An ecology of digital platforms / K. Mikolajewska-Zajac, A. Marton, M. Zundel // Organization Studies. — 2022. — Vol. 43. — № 7. — P. 1115–1135. DOI: 10.1177/01708406211058628

8. ***Tug, M.A.*** Future of the gig economy / M. A. Tug, P. Basar // PressAcademia Procedia (PAP). — 2023. — No. 17. — P. 230–231. DOI: 10.17261/Pressacademia.2023.1796

9. ***Fourie, D.*** The individual in the gig society: Is the gig economy exploitative of the informal economy, or a means of empowerment? / D. Fourie // Acta Academica. — 2023. — Vol. 55. — No. 2. — P. 154–169. DOI: 10.38140/aa.v55i2.7725

10. ***Shumeng, L.*** The gig Economy and Labour Market Dynamics / L. Shumeng // Advances in Economics Management and Political Sciences. — 2023. — Vol. 61. — No. 1. — P. 275–281. DOI: 10.54254/2754-1169 / 61 / 20231285

Сведения об авторе:
Колесник Елена Андреевна, к.э.н., доцент, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.
Контактная информация: e-mail: kolesnikea@tyuiu.ru; РИНЦ SPIN-код: 3908–2820.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-127-143

DIGITAL EMPLOYMENT PLATFORMS AS A MECHANISM FOR STRUCTURAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN LABOR MARKET

Elena A. Kolesnik

Industrial University of Tyumen
(38 Volodarsky str., Tyumen, Russia, 625000)

E-mail: kolesnikea@tyuiu.ru

For citation:
Kolesnik E.A. Digital employment platforms as a mechanism for structural transformation of the Russian labor market. Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 29. No. 3. P. 127-143. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-127-143 (in Russ.)

Abstract *The purpose of the study is to reveal the mechanism through which digital employment platforms influence the structural transformation of the Russian labor market, to substantiate their synergistic effect in interaction with the state employment system, and to identify emerging trends in the redistribution of labor resources across industries and regions. The methodology comprised: statistical analysis of data from leading commercial platforms (HeadHunter, Rabota.ru, Superjob.ru, FL.ru, YouDo, Profi.ru, Avito.Work) and the state platform «Work of Russia» for the period 2022–2025 (dynamics of vacancies, resumes, time-to-fill positions, salary offers); a comparative assessment of the effectiveness of commercial and state solutions based on such criteria as response processing speed, data verification, and adaptability to local conditions; and expert analysis of scientific publications, analytical agency reports, and official state statistics. The findings demonstrate that digital platforms have become a key instrument for employment transformation, with commercial services ensuring recruitment efficiency and state platforms providing broad coverage and stability. A structural shift in sectoral demand is observed, marked by growing demand for specialists in agriculture, industry, and construction. New employment formats are spreading, particularly in the IT sector (up to 70% of*

vacancies). Wage growth has been recorded in key industries, confirming the adaptation of the labor market through digital tools. The synergy between commercial and state platforms has been identified, forming a sustainable ecosystem for interaction between employers and job seekers. For the first time, a comprehensive analysis of the impact of digital platforms has been conducted, taking into account regional and sectoral specifics. The complementary roles of commercial (HeadHunter, Rabota.ru) and state («Work of Russia») platforms in shaping a unified employment ecosystem have been systematically examined. New trends have been identified: structural changes in labor demand and professional polarization driven by digitalization. An original classification of platforms by coverage, employment types, and professional specialization has been developed, reflecting the evolution of their functions. The practical significance lies in the development of tools for optimizing corporate personnel policies, state regulation of the labor market, and employment strategies for people in the context of digital transformation of employment.

Keywords: *digital employment platforms, labor market, employment transformation, traditional employment, platform employment, regional disparities.*

References and Internet sources

1. Shevchuk A.V. Ot fabriki k platforme: avtonomiya i kontrol' v tsifrovoj ekonomike [From factory to platform: autonomy and control in the digital economy]. Sotsiologiya vlasti [*Sociology of Power*]. 2020. Vol. 32. No. 1. P. 30–54. DOI: 10.22394/2074-0492-2020-1-30-54 (in Russ.)
2. Shevchuk A.V. Teoretiziruya tsifrovyye platformy: kontseptual'naya skhema dlya gig-ekonomiki [Theorizing digital platforms: a conceptual framework for the gig economy]. Ekonomicheskaya sotsiologiya [*Journal of Economic Sociology*]. 2023. Vol. 24. No. 5. P. 11–53. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-5-11-53 (in Russ.)
3. Kapelyushnikov R.I., Zinchenko D.I. Tsifrovyye formy zanyatosti na rossijskom rynke truda. Chast' 2: platformennaya zanyatost' [Digital forms of employment in the Russian labor market. Part II: Platform employment]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*]. 2025. No. 1. P. 107–129. DOI: 10.14515/monitoring.2025.1.2782 (in Russ.)
4. Nekhoda E.V., Pan L. Transformatsiya rynka truda i zanyatosti v tsifrovuyu epokhu [Transformation of the labour market and employment in the digital age]. Ekonomika truda [*Russian Journal of Labor Economics*]. 2021. Vol. 8. No. 9. P. 897–916. DOI: 10.18334/et.8.9.113408 (in Russ.)
5. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B., Polovinko V.S. Prikladnaya ekonomika truda v usloviyakh dvojnogo defitsita personala: vozrozhdeniye i novyye vyzovy. Chast' 1 [Applied labor economics in conditions of double personnel shortage: revival and new challenges. Part 1]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population of the Regions of Russia*]. 2024. Vol. 20. No. 2. P. 163–171. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_2_163_171 (in Russ.)
6. Bobkov V.N., Chernykh E.A. Platformennaya zanyatost': masshtaby i priznaki neustojchivosti. [Platform employment — the scale and evidence of instability]. Mir novoj ekonomiki [*The World of New Economy*]. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 6–15. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15 (in Russ.)
7. Mikolajewska-Zajac K., Marton A., Zundel M. Couchsurfing with Bateson: An ecology of digital platforms. *Organization Studies*. 2022. Vol. 43. No. 7. P. 1115–1135. DOI: 10.1177/01708406211058628
8. Tug M.A., Basar P. Future of the gig economy. *PressAcademia Procedia (PAP)*. 2023. No. 17. P. 230–231. DOI: 10.17261/Pressacademia.2023.1796
9. Fourie D. The individual in the gig society: Is the gig economy exploitative of the informal economy, or a means of empowerment? *Acta Academica*. 2023. Vol. 55. No. 2. P. 154–169. DOI:10.38140/aa.v55i2.7725
10. Shumeng L. The gig economy and labour market dynamics. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2023. Vol. 66. No. 1. P. 275–281. DOI: 10.54254/2754-1169 / 61 / 20231285

Information about the author:
Kolesnik Elena Andreevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia.
Contact information: e-mail: kolesnikea@tyuiu.ru; Elibrary SPIN-code: 3908–2820.

Статья поступила в редакцию 29.07.2025, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-144-158
EDN: SSPRJL

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ И РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕМЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИИ (ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА)

Пешкова В.М.

Институт социологии ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24 / 35, к.5)

E-mail: pever@mail.ru

Для цитирования:
Пешкова В.М. Социальные риски и ресурсный потенциал семей трудовых мигрантов в России (исследовательская экспертиза) // Народонаселение. – 2026. – Т. – № 3 – С. 144-158. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-144-158; EDN: SSPRJL

Аннотация. *Проблематика положения семей трудовых мигрантов с детьми лишь недавно стала восприниматься как органичная часть доктринальных и правовых оснований российской миграционной политики и шире –общественной повестки принимающего общества. В этой связи актуален вопрос о том, выступают ли такие семьи источником дополнительных социальных вызовов и рисков или, напротив, могут рассматриваться в качестве ресурса, в том числе интеграционного. В статье на основе экспертной исследовательской процедуры анализируется то, как категория «семья мигрантов» концептуализируется и проблематизируется в представлениях российского научного сообщества. Эмпирическую базу составляют глубинные полуструктурированные интервью с 24 специалистами в области изучения семьи и миграции из стран Центральной Азии в России. Показывается, что в настоящее время не существует однозначного понимания категории «семья мигрантов», поскольку она охватывает многообразие семейных структур и моделей отношений на различных этапах миграционной траектории. Следовательно, оценка социального положения и интеграционного потенциала семей мигрантов требует чёткой фиксации их конкретных форм. В экспертных интерпретациях описание характеристик и границ таких семей осуществляется, во-первых, через сравнение как с семьями в странах Центральной Азии, так и с российскими семьями; во-вторых, через сопоставление семейной и индивидуальной миграции в различных контекстах, прежде всего с точки зрения адаптационного и интеграционного потенциала. Делается вывод, что миграция семей с детьми выступает одновременно социальным вызовом и ресурсом интеграции, а также фактором демографического и социально-экономического развития России.*

Ключевые слова: *миграционная политика, семьи мигрантов, семейная миграция, трудовая миграция, миграция из Центральной Азии, адаптация, интеграция.*

© Пешкова В.М., 2026

Постановка проблемы

В последнее десятилетие дискуссия относительно миграционной ситуации в российской повестке, казалось, стала терять остроту. Однако с 2023 г. вопросы иностранной трудовой миграции вновь оказались в центре внимания, что было обусловлено долгосрочными последствиями пандемии и трагическими событиями в «Крокус Сити Холле». При этом как в законотворческой деятельности и её реализации, так и в общественно-политической риторике прослеживаются двойственные тенденции. С одной стороны, в России сохраняется дефицит трудовых ресурсов, что диктует необходимость привлечения иностранной рабочей силы; с другой — наблюдается последовательное ужесточение нормативно-правового регулирования миграционной сферы, продиктованное приоритетами национальной безопасности[1]. Ужесточение контроля в 2025 г. приобрело институциональный характер и коснулось разных сфер миграционной ситуации. Новые нормативы в основном затрагивают тех, кто приезжает на длительное время в составе полной семьи. В частности, вступили в силу поправки, фактически исключающие возможность легального нахождения семьи с мигрантом, осуществляющим деятельность на основании патента[2]. С 1 апреля 2025 г. также действуют новые правила, регулирующие порядок приёма детей мигрантов в образовательные учреждения[3].

Возникает вопрос, насколько подобные меры коррелируют с долгосрочными целями государственной политики России. Речь идёт о преемственности положений обновлённой «Концепции государственной миграционной политики (до 2030 г.)», которая, несмотря на акцент на национальной безопасности, по-прежнему декларирует поддержку лиц, «способных органично включиться в систему позитивных социальных связей»[4]; а также принятой в 2025 г. «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики до 2036 г.»[5], ориентированных на поддержку лиц, способных к успешной интеграции в российское социокультурное пространство. Существует определённое противоречие и с установками новой «Стратегии государственной национальной политики»[6], а также с международными обязательствами РФ в рамках ЕАЭС и СНГ. Ведь, согласно исследованиям, именно мигранты с семьями, особенно с несовершеннолетними детьми, проявляют наибольшую склонность к долгосрочному укоренению и конструктивной адаптации [1–4].

Общественным мнением ситуация в сфере миграции и данные инициативы воспринимаются также неоднородно. Согласно исследованиям ВЦИОМ (2024–2025 гг.), идею запрета на въезд семей для мигрантов поддерживают 52% россиян. В то же время 39% респондентов выступают против, полагая, что наличие семьи является фактором со-

[1] Ужесточение миграционной политики: ТОП-10 изменений для иностранных граждан в РФ в 2025 году // Экспертный портал Б1 (бывш. EY), 7 февраля 2025 г. — URL : https://b1.ru / insights / pas-messenger / migration-policy-7-february-2025 / ; Порядок использования мобильного приложения для миграционного учета в Москве и МО // Официальный сайт ММЦ Сахарово. — URL : https://mc.mos.ru (дата обращения: 08.01.2026).

[2] Федеральный закон от 8.08.2024 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях повышения эффективности федерального государственного контроля за пребыванием (проживанием) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» установил лимит пребывания в РФ для безвизовых категорий граждан не более 90 дней в течение года. — URL : http://www.kremlin.ru / acts / bank / 51023 (дата обращения: 08.01.2026).

[3] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об образовании в Российской Федерации». — URL : https://www.consultant.ru / document / cons_doc_LAW_140174 / 61481667d956e25b4c53b1febedf53ed1121e78c7 (дата обращения: 08.01.2026).

[4] Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы» // Официальное опубликование правовых актов. — URL : http://publication.pravo.gov.ru / document / 0001202510150055 (дата обращения: 08.01.2026).

[5] Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. — URL : http://government.ru / docs / 54573 / (дата обращения: 08.01.2026).

[6] Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // Официальное опубликование правовых актов. — URL : http://publication.pravo.gov.ru / document / 0001202511250012 (дата обращения: 08.01.2026).

циальной ответственности и стабильности мигранта. Поддержка ограничений сосуществует с высокой толерантностью: почти 80% опрошенных не испытывают личной неприязни к мигрантам[7].

Таким образом, семья мигранта, особенно с несовершеннолетними детьми, превращается в объект жёсткого государственного регулирования. Но о какой семейной миграции идёт речь, если под ней можно понимать любое перемещение людей, связанное с формированием новых или поддержанием уже существующих родственных связей? Международная организация по миграции (МОМ) выделяет четыре вида семейной миграции, которым соответствуют четыре типа мигрантских семей: создание семьи в стране назначения; миграция членов семьи, сопровождающих «основного» заявителя; воссоединение семьи; международное усыновление[8]. На практике, однако, границы между данными категориями зачастую оказываются размытыми. Кроме того, ключевым фактором, детерминирующим государственную политику в данной сфере, выступает национально-специфическое понимание того, какие именно семейные узы признаются легитимным основанием для въезда и пребывания в стране[9].

Обозначенное выше противоречие между юридическими определениями и социальной практикой находит своё отражение и в российских реалиях. Начнём с того, что представление о численности и доле семей мигрантов в общем миграционном потоке в России может быть получено лишь на основе анализа косвенных показателей. К ним относятся статистические и экспертные данные о численности женщин-мигрантов, а также детей мигрантов, как родившихся в России, так и имеющих собственный миграционный опыт; о доле мигрантов, состоящих в браке; и об основаниях получения правовых статусов. По официальным данным, в последние годы женщины составляют около 20% трудовых мигрантов. Ю. Флоринская оценивает среднегодовое присутствие женщин — трудовых мигрантов в России в 1 млн человек, или около четверти общего объёма трудовой миграции. При этом страновая структура женской миграции неоднородна: например, доля женщин в потоках из Узбекистана и Таджикистана составляет 13 и 12% соответственно [5].

По данным на февраль 2016 г., в России свыше трёх месяцев находились 941 тыс. несовершеннолетних мигрантов [6]. По данным МВД, в 2025 г. этот показатель составлял 766 тыс. человек, сократившись через год примерно до 574 тыс. человек[10]. Ведомственные данные дополняют научные расчёты. К концу 2020 г. численность детей из семей международных мигрантов в возрасте 7–17 лет составляла от 445 до 460 тыс. человек. Причём в масштабах российской школьной системы их доля оставалась относительно небольшой: менее 1% составляли дети мигрантов из Центральной Азии и около 1,5% — из Армении и Азербайджана; собственный миграционный опыт после 2011 г. имели 0,6% школьников [7]. Число детей, родившихся в России и имеющих хотя бы одного родителя-мигранта, в период с 2001 по 2020 г., по экспертной оценке, составляет от 1 до 1,15 млн человек, однако только около трети из них имели двух родителей-мигрантов [8].

Что касается семейного состава миграции, по данным опросов, проведённых Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2017 и 2020 гг., около 62% мигрантов состояли в зарегистрированном, религиозном или

[7] Запрет мигрантам на въезд семей в Россию. 22 августа 2024. URL: https://wciom.ru / analytical-reviews / analiticheskii-obzor / zapret-migrantam-navezd-semei-v-rossiju; Межнациональные отношения Межнациональные отношения и проблема иммиграции. ВЦИОМ. 18 июля 2024. https://wciom.ru / analytical-reviews / analiticheskii-obzor / mezhnaetnicheskie-otnoshenija-v-rossii-monitoring-2024 – (дата обращения 08.01.2026).

[8] World Migration 2008: Managing Labour Mobility in the Evolving Global Economy. World Migration Report Series. Vol. 4. — Geneva : International Organization for Migration, 2028.

[9] Family migration in Europe: policies vs. reality. IMISCOE Policy Brief. –2009. –No. 16. –August. –URL: https://www.icmpd.org / file / download / 48684 / file / IMISCOE_PB16-Familymigration.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

[10] В России из 766 тысяч детей иностранцев на миграционном учёте стоят 154 тысячи, 25.02.2025. – URL: https://www.interfax.ru/russia/1010744; Володин сообщил о сокращении на 25% числа детей мигрантов в РФ, 29.01.2026. – URL: https://www.interfax.ru/russia/1070026 (дата обращения: 02.08.2026).

гражданском браке. В 2017 г. 47% респондентов проживали в России с родственниками, в 2020 г. около 31% вели совместное хозяйство с супругами и ещё 15% — с другими родственниками. Женщины значительно чаще мужчин проживают с членами семьи. В среднем около 16% опрошенных в 2017 г. и 15% в 2020 г. находились в России с несовершеннолетними детьми [2].

Наконец, семейная составляющая миграции отражается в статистике оснований получения правового статуса и причин переезда. В 2014–2018 гг. по линии воссоединения семьи разрешение на временное проживание получили 557 тыс. человек, или в среднем около 35% всех получателей; 366 тыс. из них являлись супругами граждан России. За 2010–2018 гг. гражданство по семейным основаниям получили 577 тыс. человек, или 35,6% общего числа натурализованных. В 2011–2018 гг. из 3,8 млн международных мигрантов, прибывших в Россию, 1,6 млн, или 41%, указали причины личного и семейного характера [9].

Таким образом, имеющиеся данные описывают разные стороны семейной миграции и не могут быть сведены к одному числу. Хотя, как абсолютные, так и относительные величины этих показателей сложно назвать большими, обзор общественно-политического дискурса в России демонстрирует, что положение семей иностранных мигрантов, в первую очередь трудовых, лишь начинает концептуализироваться в качестве фундаментального элемента государственной политики. Ключевой вопрос здесь заключается в определении функциональной роли таких семей: выступают ли они в качестве дополнительного вызова для российского государства и общества или же их следует рассматривать как демографический и социокультурный ресурс, способный стимулировать развитие страны и её регионов. Однако ответить на данные вопросы невозможно без чёткого осмысления самого явления «семья мигранта» в современном российском контексте. В этой связи целью данной статьи является концептуализация понятия «семья мигрантов», а также её типологизация, выявление структурных границ и сущностных характеристик, в том числе через сравнение с индивидуальной трудовой миграцией.

Исследовательский контекст и ключевая дискуссия

История изучения семейной миграции в мировой науке отражает эволюцию восприятия мигранта от «трудовой единицы» к субъекту, включённому в социальные связи. Становление исследовательского интереса к семье как самостоятельному актору миграции относится к 1980-м гг. [10]. Этот поворот был обусловлен двумя факторами: прекращением массового набора иностранной рабочей силы в Западной Европе и влиянием феминистской оптики [11; 12]. Интерес к семье и домохозяйству как единице анализа в миграционных исследованиях также утвердился благодаря развитию «новой экономической теории трудовой миграции» (NELM), предложившей рассматривать миграционные решения как коллективные стратегии по распределению рисков и ресурсов между членами семьи [13]. Несмотря на это, долгое время семейная миграция продолжала трактоваться как вторичное явление по сравнению с «основным» мигрантом [3]. В 1990–2000-е гг. произошёл концептуальный переход к изучению сложных семейных стратегий и транснациональных семейных пространств [14][11]. В этот же период утвердился тезис о том, что любая миграция в определённом смысле является семейной, поскольку даже индивидуальные решения о переезде практически всегда принимаются в контексте семейных потребностей, взаимных обязательств и внутрисемейной динамики [15].

Институционализация семейной миграции во многом объясняет поляризацию академических и общественно-политических дискуссий о влиянии семейной миграции на страны приёма. Сторонники первой точки зрения полагают, что патриархальные отношения и традиции (например, браки по договорённости или принудительные

[11] The Transnational family: new European frontiers and global networks / D.F. Bryceson, U.Vuorela (eds.). – Oxford : Berg Publishers, 2002.

браки), приписываемые семьям мигрантов, выступают априорным препятствием для их успешной интеграции [16]. Данные аргументы дополняются тезисами о структурных ограничениях, прежде всего в доступе к рынку труда, жилью и языковым ресурсам. Подобный дефицит ресурсов снижает «видимость» семейных мигрантов для интеграционных программ и повышает риск их социальной изоляции[12]. Семейная миграция также описывается как источник дополнительной нагрузки на социальную инфраструктуру, что побуждает государство минимизировать «интеграционные риски» через селективность допуска и ужесточение требований [17]. А семейная миграционная политика определяется через призму гендера, культуры и национальной идентичности [18].

Противоположная точка зрения рассматривает семейную миграцию как ресурс интеграции и фактор стабилизации миграционных процессов[13]. В рамках этой парадигмы предполагается, что совместное проживание с семьёй усиливает установку на долгосрочное оседание в странах приёма. Ключевым аргументом здесь выступает роль детей: становясь «мостом» между семьёй и институтами принимающего общества, они ускоряют адаптацию своих родителей, а в долгосрочной перспективе сами формируют капитал принимающей страны [19]. Однако, несмотря на фиксируемое исследователями разнообразие семейных форм, современные миграционные режимы западных стран зачастую игнорируют данный ресурсный потенциал, последовательно ужесточая условия воссоединения.

В отечественной социальной науке семейная проблематика затрагивается в рамках исследований женской миграции [1; 20; 21], а также в работах, посвящённых детям из мигрантских семей и их образовательной интеграции [22–24]. Специальные исследования семейной миграции в России сфокусированы на анализе этнического состава домохозяйств[14], трансформации брачного поведения [25] и методологических проблемах интерпретации статистических данных [9; 26]. Особое место занимают работы, посвящённые транснациональным практикам и специфике жизни мигрантов и их семей «на два мира» [2; 27].

Но несмотря на разнообразие работ, в российских исследованиях до сих пор не представлено осмысления семейной миграции как системного и общественно-политически значимого явления. В публикациях превалирует фрагментарный подход (фокусирующийся на отдельных категориях: «дети мигрантов», «женщины-мигранты» или «члены семей»), в то время как дискуссия о том, выступает ли семейная миграция ресурсом развития или источником критического усложнения социально-экономической ситуации, остаётся в тени.

Эмпирические данные

В виду того, что в таком ракурсе, насколько нам известно, проблема ранее не формулировалась, а также малочисленности специальных научных работ, для ответа на поставленные вопросы предлагается начать с изучения научного экспертного мнения. Экспертиза основана на анализе интервью с исследователями региональных и общероссийских научно-исследовательских центров и университетов, специализирующихся на семейной проблематике и миграции из стран Центральной Азии в России. Выбор этих стран обусловлен тем, что на протяжении многих лет не менее половины иностранных трудовых мигрантов в России составляют уроженцы трёх центральноазиатских стран (Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана), а в постпандемийные годы их доля среди трудовых мигрантов дополнительно возросла. Цен-

[12] Family migration in Europe: policies vs. reality. IMISCOE Policy Brief. – 2009. – No. 16. – August. – URL : https://www.icmpd.org / file / download / 48684 / file / IMISCOE_PB16-Familymigration.pdf (дата обращения: 18.12.2025).

[13] Spitzer D.L. Family migration policies and integration. –New York: United Nations, 2018. – May 15–16. – URL : https://www.un.org / development / desa / family / wp-content / uploads / sites / 23 / 2018 / 05 / Family-Oriented-Migration-Policies-and-Social-Integration.pdf (дата обращения: 02.10.2026).

[14] Донец Е.В. Семьи мигрантов в Российской Федерации: этническое измерение // Современные исследования миграции населения / ред. Е.В. Донец, О.С. Чудиновских. – Москва : МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. – С. 50–60.

тральноазиатская миграция также характеризуется постепенным ростом численности людей, ориентированных на укоренение в России: чуть менее четверти лиц, приобрётших российское гражданство в период с 1992 по 2021 гг., являются гражданами указанных стран [28, с. 67].

Эмпирическую базу исследования составляют 24 глубинных полуструктурированных интервью с российскими научными деятелями, проведённые в 2022–2023 годах. Из них 4 интервью проведены со специалистами по семейной проблематике и 20 интервью — с исследователями в области демографии и миграции, включая миграцию из стран Центральной Азии в Россию, в том числе 3 интервью — с центральноазиатскими исследователями. Разнообразие экспертных позиций позволяет ответить на поставленные вопросы с учётом различных дисциплинарных и индивидуальных исследовательских оптик.

В зависимости от специализации эксперту предлагалось ответить на общие и специфические вопросы. Общие вопросы касались оценки миграционной ситуации и миграционных тенденций в странах исхода и в России; определения понятия «семьи мигрантов»; выявления ключевых характеристик, границ и форм семей мигрантов; а также оценки специфики семей мигрантов с точки зрения разных жизненных ситуаций, в том числе с позиций сильных и слабых сторон семейной миграции для адаптации и интеграции. Специальные вопросы формулировались с учётом дисциплинарной специализации экспертов. Например, исследователям, занимающимся проблематикой семьи, предлагалось дать характеристику современного состояния семьи и брака, семейных отношений, а также их изменений в последние годы. В качестве методов анализа использовались тематический анализ нарративов и метод социальной категоризации.

Результаты исследования

Контекстуальные факторы положения семей мигрантов в России. Положение семей мигрантов из Центральной Азии в России, по мнению экспертов, представляет собой комплексную проблему, требующую анализа с учётом совокупности различных факторов. Прежде всего предлагается принимать во внимание контекст, определяемый взаимовлиянием социально-экономических и миграционных процессов как в странах происхождения, так и в России. Динамика этого взаимодействия раскрывается через анализ изменений в соотношении масштабов, состава и целей миграции.

По оценкам специалистов, несмотря на то что в последние годы доля выходцев из стран Центральной Азии в структуре иностранной трудовой миграции в России растёт, в абсолютных показателях их численность сокращается. Один из экспертов характеризует эту динамику как завершение «золотого века миграции». В частности, это выражается в постепенной утрате Россией статуса ключевого центра притяжения для трудовых мигрантов из Центральной Азии. Одновременно фиксируется увеличение числа мигрантов из региона, получающих российское гражданство, в том числе посредством инвестиций в недвижимость и использования механизмов воссоединения семьи. Указанная тенденция интерпретируется специалистами как следствие «старения» трудовой миграции. Мнения о хронологии этого сдвига расходятся: одни датируют его серединой 2000-х гг., другие — периодом 2010–2015 годов.

В качестве следующего фактора, задающего специфику семейной миграции, исследователи указывают на качественное изменение самой природы миграционных процессов. К нему относят обширную географию перемещений из центральноазиатских государств в Россию, что придаёт этой миграции одновременно транснациональный и транслокальный характер. Миграция также понимается как жизненный проект с временным горизонтом, где ориентация на краткосрочное или долгосрочное пребывание определяет тип рациональности, либо способствующий, либо тормозящий разработку устойчивых планов интегра-

ции, в том числе семейной миграции. Наконец, миграция приобретает ярко выраженную семейную направленность и, по выражению одного из специалистов, выступает кланово-родовым проектом. Повышенная мобильность мигрантов порождает изменчивость семейных границ: в структуру мигрантского домохозяйства могут включаться не только представители нуклеарной семьи, но и дальние родственники, а иногда даже лица без кровных связей.

Ещё одним фактором, обуславливающим положение мигрантских семей в России, исследователи считают отношение местного населения к мигрантам. Хотя в целом современный общественный дискурс демонстрирует снижение уровня предубеждений по сравнению с началом 2000-х гг., полного преодоление антиэмиграционных установок не наблюдается. По мере роста числа семей с детьми целями таких установок всё чаще выступают женщины и дети, вовлечённые, в отличие от мужчин, в более тесные повседневные контакты с принимающими институтами и локальными сообществами. В итоге принимающее общество начинает усматривать в миграции вызов не только для рынка труда, но и сложившимся представлениям о распределении социальных благ. Эта реакция служит одним из мотивов для самоизоляции части мигрантских семей, в том числе в рамках этно-мигрантских анклавов.

Понятийный аппарат семейной миграции в оценках экспертов. Для осмысления значения семей мигрантов в миграционной и социально-экономической ситуации в России специалисты рекомендуют анализировать категории «семья» и «мигрант» как самостоятельные единицы анализа. Так, трактовка семьи, по их мнению, определяется спецификой исследовательского подхода и критериями определения. Если исходить из состава, семья может быть нуклеарной или расширенной, полной или неполной; по юридическому статусу — оформленной официально или неформальной; по типу внутрисемейных связей –патриархальной либо эгалитарной; по последовательности брака — первичной или последующей и другое. Иными словами, эксперты фиксируют разнообразие семейных конфигураций в целом.

Трактовка термина «мигрант» также определяется исследовательской оптикой. В рамках формально-правового подхода мигрант предстаёт прежде всего иностранным гражданином, который утрачивает этот статус после получения гражданства РФ. Культурологический подход, напротив, отвергает автоматическое снятие миграционного ярлыка при смене паспорта, поскольку, по оценкам ряда специалистов, даже смена поколений не всегда обеспечивает сдвиг в идентичности индивида. В отношении выходцев из государств Центральной Азии в России, обладающих различным правовым статусом и ориентированных на долгосрочное проживание, некоторые специалисты считают целесообразным использовать категорию «человек с миграционным бэкграундом» или «миграционной историей» и, соответственно, «семья с миграционной историей (бэкграундом)». Наконец, ряд экспертов дополняет этот условно «внешний» подход к определению «мигранта» «внутренним» или субъективным измерением, согласно которому ключевым фактором выступает самоидентификация: индивид утрачивает статус мигранта лишь в том случае, когда сам себя таковым больше не ощущает. В итоге специалисты разных социальных дисциплин не предлагают единой трактовки понятий «семья» и «мигрант» по отдельности и, соответственно, «семья мигрантов» в целом, потому что оно охватывает разнообразные формы семейных структур и типы внутренних связей. Обобщая экспертные мнения, выделим следующие конфигурации мигрантских семей.

Во-первых, это транснациональные семьи, которые проявляются либо в формате дистанционного взаимодействия, либо как структуры с накопленным миграционным опытом; для значительного числа мигрантов они выступают промежуточной стадией на пути к полноценному воссоединению в стране назначения. Во-вторых, это вторичные или параллельные семьи: хотя полигамные связи составляют побочное след-

ствие миграционных процессов в целом, масштабная и затяжная мужская трудовая миграция стимулировала их более интенсивное развитие, с одновременной регистрацией подобных практик и среди женщин. В-третьих, формируются смешанные браки, часто совмещающие межэтнические, межконфессиональные характеристики или союзы мигранта с местным жителем. Распространение четвертой формы, фиктивных браков, объясняется мигрантскими стратегиями легализации, но их число постепенно снижается из-за ужесточения процедур регистрации в России и странах Центральной Азии, а также благодаря доступным альтернативным механизмам легализации, включая воссоединение семей. Наконец, условно традиционная модель мигрантской семьи в России возникает либо через воссоединение родственников, либо путём создания нового союза в условиях миграции. Типично это двухпоколенная нуклеарная моноэтническая и моноконфессиональная семья с детьми, с российским гражданством или без, зачастую длительно и постоянно проживающая в России.

Сравнительные рамки анализа семей мигрантов. Для характеристики мигрантских семей, и, прежде всего, условно традиционной модели мигрантской семьи, исследователи используют две сравнительные перспективы: во-первых, сопоставление с семьями как в странах Центральной Азии, так и с российскими семьями; во-вторых, сопоставление с индивидуальной миграцией в разнообразных жизненных ситуациях с точки зрения адаптационных и интеграционных возможностей. Говоря о «типичной семье»[15] в современных центральноазиатских обществах, исследователи акцентируют высокую ценность семьи, прежде всего семьи с детьми. Нормативный семейный порядок, по их оценкам, включает ориентацию на многодетность; связи с расширенной семьёй (как правило, трёхпоколенной и нередко объединённой в рамках одного домохозяйства); сравнительно ранний возраст вступления в брак; иерархичность внутрисемейных отношений; выраженную дифференциацию гендерных ролей. Современная российская семья, напротив, описывается через вариативность и нестабильность (подвижность структуры) при относительно небольших размерах домохозяйства; типичным вариантом выступает нуклеарная первобрачная малодетная семья.

Вместе с тем исследователи подчёркивают, что институт семьи подвергается трансформациям как в центральноазиатских государствах, так и в России. В странах Центральной Азии фиксируют противоречивые процессы — ретрадиционализацию и эмансипацию, обусловленные глобальными влияниями и масштабной трудовой миграцией, в том числе в Россию. Среди индикаторов перехода от «традиционности» к «современности» называются нуклеаризация семьи, снижение рождаемости, рост брачного возраста, большая лояльность к самостоятельному выбору партнёра молодыми. Отмечается также рост числа браков, заключённых исключительно по религиозному обряду, что негативно сказывается на институте семьи как в Центральной Азии, так и в России. Трансформация же семьи в России выражается в ослаблении её экономических функций при сохранении репродуктивных задач. Несмотря на преемственность детоцентричной модели, фиксируется сдвиг приоритетов от обязательного родительства к значимости супружеских отношений. При этом на фоне снижения среднего числа детей в семье увеличивается доля многодетных домохозяйств.

В итоге исследователи заключают, что мигрантские семьи совмещают черты семейных моделей как в странах исхода, так и в России. Так, в большинстве подобных семей сохраняется разветвлённая сеть родственных контактов, поддерживаемая практиками взаимопомощи и взаимообмена. Ряд семей демонстрирует более выраженную патриархальность и замкнутость, иногда даже по сравнению с семьями в странах Центральной Азии. Вместе с тем фиксируется и тенденция к снижению патриархальности, семьи частично эмансипи-

[15] Специалисты уточняют: характеристики семейных форм варьируются в зависимости от конкретной страны Центральной Азии и типа поселения, из которого прибыл мигрант.

руются. Так, рост мобильности женщин, уже заметный в отправляющих государствах, в миграции получает дополнительный импульс за счёт расширения возможностей в сфере труда и досуга.

Ещё одним ракурсом анализа выступает сопоставление семейной и индивидуальной миграции в контексте различных жизненных сценариев. Исследователи рассматривают эти модели преимущественно через призму их адаптационного потенциала и возможностей для интеграции в принимающее общество. Любой иностранец в России, в первую очередь, сталкивается с необходимостью решения вопросов занятости и проживания, а также прохождения процедур легализации, что связано со значительными временными и финансовыми издержками. Однако в условиях семейной миграции нагрузка по легализации существенно возрастает. Если индивидуальный мигрант может ограничиться койко-местом, то семье, в частности для устройства детей в образовательные учреждения, необходимы легальная регистрация и отдельное жилье. Кроме того, поиск жилья для семей мигрантов нередко осложняется установками арендодателей, которые отказывают иностранцам с детьми. Это, в свою очередь, вынуждает семьи периодически менять место проживания, что затрудняет устойчивое включение в социальную и образовательную инфраструктуру. Таким образом, можно заключить, что в целом семьи мигрантов оказываются в более уязвимом положении по сравнению с индивидуальными мигрантами[16].

Наличие в семье несовершеннолетних детей задаёт дополнительный комплекс обстоятельств. При условии решения жилищного вопроса устройство в детские сады и школы, по оценкам экспертов, в большинстве российских регионов не сопряжено с существенными затруднениями. Вместе с тем проблемным остаётся владение русским языком, прежде всего у детей, прибывших в возрасте старше 10 лет, что осложняет их адаптацию и создаёт дополнительные нагрузки для образовательных организаций. Напротив, у детей, родившихся в России либо начавших обучение с первого класса (особенно при наличии опыта посещения детского сада), подобные трудности, как правило, не проявляются. В большинстве случаев они успешно включаются в школьную среду и выстраивают социальные связи.

По оценкам специалистов, уровень владения русским языком выступает существенным барьером для адаптации не только детей, но и женщин. Объясняется это тем, что в некоторых семьях, особенно у мигрантов из Таджикистана и Узбекистана, взаимодействие с институтами принимающего общества (например, со школой) чаще берёт на себя мужчина. Подобная практика может быть обусловлена как религиозными нормами, так и недостаточным знанием русского языка: в этих условиях женщина, как правило, не вовлечена в занятость вне дома и сосредоточена преимущественно на внутрисемейных обязанностях.

В ряде семей дети выступают не только в роли переводчиков, но и в качестве посредников и агентов адаптации для родителей. Многие эксперты подчёркивают, что само присутствие детей является принципиальным признаком, отличающим семейную миграцию от индивидуальной. Приезд трудовых мигрантов с детьми нередко интерпретируется как индикатор ориентации семьи на долгосрочное проживание в России. В этой логике, несмотря на повышенную уязвимость на начальных этапах, многие семьи инвестируют больше ресурсов в формирование устойчивых условий жизни, чем индивидуальные мигранты, несущие ответственность преимущественно за собственное благополучие.

Кроме того, такие семьи, согласно экспертам, представляют собой относительно более состоятельный слой мигрантов, поскольку они способны оплачивать аренду жилья и перевоз детей. Именно во втором поколении, в детях мигрантов, особенно рождённых в России или привезённых в младшем возрасте, опрошенные специалисты видят ключевой ресурсный и интеграционный потенциал миграции из стран Центральной Азии.

[16] Особенно семьи из Таджикистана и Узбекистана, которым, в отличие от граждан Кыргызстана, необходимо оформлять трудовой патент.

Заключение

Анализ исследовательской экспертизы показывает, что положение семей трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России следует рассматривать как многоуровневый и контекстуально обусловленный вопрос, укоренённый одновременно в ситуациях в странах исхода и принимающего общества. Такое понимание семейной миграции соотносится с международными подходами, рассматривающими миграцию не как совокупность индивидуальных перемещений, а как социально встроенный процесс, поддерживаемый семейными и сетевыми связями и воспроизводимый на протяжении времени [18].

Одним из центральных выводов является признание принципиальной невозможности унификации понятия «семья мигрантов». Это обусловлено тем, что категории «семья» и «мигрант» носят релятивный характер, приобретая конкретное содержание в рамках определённой исследовательской парадигмы, юридического статуса индивидов или специфики их жизненных обстоятельств. Поэтому типологизация форм семей мигрантов важна не только как описательный инструмент, но и как условие корректной постановки вопроса о вызовах и ресурсах семейной миграции. Семейная миграция из стран Центральной Азии в России в экспертных интерпретациях предстаёт как амбивалентное явление, одновременно усложняющее социально-экономическую ситуацию и выступающее стратегическим ресурсом для развития принимающего общества — логика, характерная и для европейских дискуссий о семейной миграции как поле пересечения рисков и интеграционного потенциала [14].

Основные риски связаны с повышенной институциональной и правовой уязвимостью семей мигрантов и с ограничениями доступа к ключевым ресурсам адаптации. По сравнению с индивидуальными мигрантами семейная миграция предполагает большую административную и финансовую нагрузку, требуют дополнительных затрат и времени. По мере роста числа семей с детьми меняется и конфигурация общественных напряжений: их объектами чаще становятся женщины и дети, вовлечённые в повседневные контакты с образовательными, медицинскими и локальными институтами. В ответ на это часть семей поддерживает стратегии самоизоляции и замыкания в этно-мигрантских сообществах.

Вместе с тем, семья выступает ключевым фактором стабилизации миграционных потоков, переводя их из логики временной мобильности в плоскость стратегий долгосрочного укоренения. В рамках этого процесса дети становятся агентами интеграции, транслирующими социальный капитал и языковые компетенции через образовательные, медицинские и другие социальные институты. Таким образом, если в краткосрочной перспективе семейная миграция может восприниматься как вызов для социальной инфраструктуры и управления, то в долгосрочном измерении она становится демографическим ресурсом принимающего общества. Поэтому принципиально важно отказаться от универсальных оценок и перейти к дифференцированному пониманию «семьи мигрантов», в котором тип семьи и её миграционная траектория выступают ключевыми основаниями как для научного анализа, так и для выработки инструментов государственной политики.

Несмотря на эмпирическую и концептуальную значимость, выводы, основанные только на исследовательской экспертизе, имеют ограничения, поскольку не позволяют реконструировать повседневные практики и стратегии самих семей мигрантов. Поэтому дальнейшие исследования целесообразно развивать за счёт эмпирических исследований семей мигрантов, а также углублённого анализа долгосрочных траекторий второго поколения и роли институтов разного уровня в формировании условий включения семей мигрантов в принимающее общество, т.е. направления, которые сегодня занимают одно из центральных мест в международных исследованиях семейной и транснациональной миграции.

Литература и интернет-источники

1. ***Зайончковская, Ж.А.*** Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Ж.А. Зайончковская, Е.В. Тюрюканова, Л.Б. Карачурина, [и др.]. — Москва : МАКС Пресс, 2011. — 120 с. EDN: QONPHJ
2. ***Толмачева, А.Ю.*** Семьи мигрантов из постсоветских государств: между родиной и Россией / А.Ю. Толмачева // Вестник Института социологии. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 49–69. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830; EDN: PGADOO
3. ***Kofman, E.*** Introduction: issues and debates on family-related migration and the migrant family: A European perspective / E. Kofman, A. Kraler, M. Kohli, C. Schmoll // Gender, Generations and the Family in International Migration. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2013. — P. 13–54. DOI: 10.1515/9789048513611-002
4. ***Bonjour, S.*** Introduction: Family migration as an integration issue? Policy perspectives and academic insights / S. Bonjour, A. Kraler // Journal of Family Issues. — 2015. — Vol. 36. — No. 11. — P. 1407–1432. DOI: 10.1177/0192513X14557490
5. ***Флоринская, Ю.Ф.*** Женская трудовая миграция в Россию: численность, страны-доноры, ниши на рынке труда / Ю.Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. — 2022. — № 1(190). — С. 78–90. DOI: 10.47711/0868-6351-190-78-90; EDN: UHKZIA
6. ***Мукомель, В.И.*** Дети в малоимущих мигрантских домохозяйствах в России (часть 1) / В.И. Мукомель // Социологические исследования. — 2025. — № 11. С. 52–64. DOI: 10.7868/S3034577X25110056; EDN: WSDSHX
7. ***Смирнова, М.А.*** Дети мигрантов в России: потребность в интеграционной образовательной поддержке / М.А. Смирнова // Демографическое обозрение. — 2024. — Т. 11. — № 1. — С. 81–103. DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20933; EDN: FLBLVY
8. ***Smirnova, M.A.*** Estimation of the Size of the Second Generation of Migrants in Russia and the West / M.A. Smirnova // Population and Economics. — 2025. — Vol. 9. — No. 3. — P. 148–172. DOI: 10.3897/popecon.9.e135459; EDN: SCTKIN
9. ***Чудиновских, О.С.*** Измерение семейной миграции в России: источники данных и проблемы их интерпретации / О.С. Чудиновских // Вопросы статистики. — 2020. — Т. 27. — № 4. — С. 24–52. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52; EDN: KLGGGL
10. ***Boyd, M.*** Family and personal networks in international migration: Recent developments and new agendas / M. Boyd // International Migration Review. — 1989. — Vol. 23. — No. 3. — P. 638–670. EDN: HIEODD
11. ***Morokvasic, M.*** Birds of passage are also women... / M. Morokvasic // International Migration Review. — 1984. — Vol. 18. — No. 4. — P. 886–907.
12. ***Castles, S.*** The Age of Migration: International population movements in the modern world / S. Castles, M.J. Miller. — 4th ed. — London : Palgrave Macmillan, 2009. — 338 p.
13. ***Stark, O.*** The New Economics of Labor Migration / O. Stark, D.E. Bloom // American Economic Review. — 1985. — Vol. 75. — No. 2. — P. 173–178.
14. ***Kofman, E.*** Family migration / E. Kofman, F. Buhr, M.L. Fonseca // Introduction to Migration Studies / P. Scholten (ed.). — Cham : Springer IMISCOE, 2022. — P. 137–149. DOI: 10.1007/978-3-030-92377-8_8
15. ***Baldassar, L.*** Key developments and future prospects in the study of transnational families / L. Baldassar, M. Kilkey, L. Merla, R. Wilding // Research Handbook on the Sociology of the Family / J. Treas, J. Scott, M. Richards (eds.). — Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2021. — P. 439–451. DOI: 10.4337/9781788975544.00040
16. ***Bonjour, S.*** A proper wife, a proper marriage: Constructions of «us» and «them» in Dutch family migration policy / S. Bonjour, B. de Hart // European Journal of Women's Studies. — 2013. — Vol. 20. — No. 1. — P. 71–86. DOI: 10.1177/1350506812456459
17. ***Massey, D.S.*** Theories of international migration: a review and appraisal / D.S. Massey, J. Arango, G. Hugo, [et al.] // Population and Development Review. — 1993. — Vol. 19. — No. 3. — P. 431–466.

18. ***La Spina, E.*** «Good / bad» migrant families and their integration in the European Union / E. La Spina // Migraciones Internacionales [online]. — 2019. — Vol. 10. — e2025. DOI: 10.33679/rmi.v1i1.2025

19. ***Wray, H.*** Introduction to special issue: family migration in times of crisis / H. Wray, K. Charsley, G. Kolbaşı-Muyan, L. Smith // Migration Studies. — 2023. — Vol. 11. — No. 3. — P. 363–379. DOI: 10.1093/migration / mnad026; EDN: FPSLMC

20. ***Зотова, Н.А.*** Феминизация миграции из стран Средней Азии в Россию на примере Таджикистана / Н.А. Зотова // Россия и мусульманский мир. — 2007. — № 11. — С. 94–101. EDN: HGMAHT

21. ***Полетаев, Д.В.*** Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию / Д.В. Полетаев // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 68–78. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07; EDN: YVSQCT

22. ***Александров, Д.А.*** Дети из семей мигрантов в школах Санкт-Петербурга: предварительные данные / Д.А. Александров, В.В. Баранова, В.А. Иванюшина. — Санкт-Петербург : Изд-во Политехнического университета, 2011. — 100 с. EDN: QYJQNV

23. ***Флоринская, Ю.Ф.*** Миграция семей с детьми в Россию: проблемы интеграции / Ю.Ф. Флоринская // Проблемы прогнозирования. — 2012. — № 4. — С. 118–127. EDN: PIIAVH

24. Адаптация и интеграция детей из семей мигрантов в российской системе образования / под ред. Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. — Москва : Этносфера, 2022. — 169 с. DOI: 10.37492/978-5-93125-188-2

25. ***Рязанцев, С.В.*** Брачное поведение женщин-мигрантов из стран Центральной Азии / С.В. Рязанцев, С.Ю. Сивоплясова // Женщина в российском обществе. — 2021. — Спец. выпуск. — С. 136–149. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9; EDN: HUFCTO

26. ***Ткачева, Н.А.*** Семьи с миграционной историей в контексте политики социального развития региона / Н.А. Ткачева, А.В. Юдашкин // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2023. — № 4. — С. 142–161. DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-142161; EDN: ZLSVLT

27. ***Жить*** в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность / ред. С.Н. Абашин, О.Е. Бредникова. — Москва : Новое литературное обозрение, 2021. — 520 с. EDN: MZZYPY

28. ***Мукомель, В.И.*** Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова, [и др.]. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 400 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022; EDN: YKKOSI

Информация об авторе:
Пешкова Вера Михайловна, к.ист.н., ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: pever@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3530-922X; РИНЦ SPIN-код: 1436–3640.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-144-158

SOCIAL RISKS AND RESOURCE POTENTIAL OF LABOUR MIGRANT FAMILIES IN RUSSIA (EXPERT-BASED ANALYSIS)

Vera M. Peshkova

IS FCTAS RAS
(24 / 35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Russia, Moscow, 117218)

E-mail: pever@mail.ru

For citation:
Peshkova V.M. Social risks and resource potential of labour migrant families in Russia (expert-based analysis). Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 144-158. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-144-158 (in Russ.)

Abstract. *The issues of the position of labour migrant families with children have only recently begun to be perceived as an integral component of the doctrinal and legal foundations of Russia's migration policy. In this context the question arises, whether such families are a source of additional challenges for migration policy and socio-economic development of the country or, conversely, can be regarded as a resource. Drawing on an expert-based research procedure, this article examines how the category of the «migrant family» is conceptualized and problematized in the Russian academic community. The empirical basis of the study consists of in-depth semi-structured interviews with 24 specialists engaged in the study of family and migration from Central Asian countries to Russia. The author concludes that currently there is no unambiguous, and indeed can be no unequivocal, definition of the category migrant family», as it encompasses a variety of family structures and relationship models at different stages of the migration trajectory. Consequently, any assessment of migrants' family status and integration potential requires a clear specification of their concrete forms. In expert interpretations, description of the characteristics and boundaries of such families is constructed, first, through comparison both with families in the countries of origin in Central Asia and with Russian families; and second, through comparison of family and individual migration in different contexts, primarily in terms of the adaptive and integrative potential. It is concluded that migration of families with children simultaneously presents a social challenge and a resource of integration, as well as a factor of demographic and socio-economic development of Russia.*

Keywords: *migration policy, migrant families, family migration, labor migration, migration from Central Asia, integration.*

References and Internet sources

1. Zaionchkovskaya Zh. A., Tyuryukanova E.V., Karachurina L.B., et al. Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii [*Women Migrants from CIS Countries in Russia*]. Moscow: MAKS Press [MAKS Press]. 2011. 120 p. (in Russ.)
2. Tolmacheva A. Yu. Sem'i migrantov iz postsovetskikh gosudarstv: mezhdu rodinoj i Rossiej [Families of migrants from post-Soviet states: between homeland and Russia]. Vestnik Instituta sotsiologii [*Bulletin of the Institute of Sociology*]. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 49–69. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.830 (in Russ.)
3. Kofman E., Kraler A., Kohli M., Schmoll C. Introduction: issues and debates on family-related migration and the migrant family: a European perspective. *Gender, Generations and the Family in International Migration.* Amsterdam. Amsterdam University Press. 2013. P. 13–54. DOI: 10.1515/9789048513611-002
4. Bonjour S., Kraler A. Introduction: Family migration as an integration issue? Policy perspectives and academic insights. *Journal of Family Issues.* 2015. Vol. 36. No. 11. P. 1407–1432. DOI: 10.1177/0192513X14557490

5. Florinskaya Yu. F. Zhenskaya trudovaya migratsiya v Rossiyu: chislennost', strany-donory, nishi na rynke truda [Female labor migration to Russia: number, donor countries, niches in the labor market]. Problemy prognozirovaniya [*Studies on Russian Economic Development*]. 2022. No. 1 (190). P. 78–90. DOI: 10.47711/0868-6351-190-78-90 (in Russ.)
6. Mukomel V.I. Deti v maloimushchikh migrantskikh domokhozyaistvakh v Rossii (chast' 1) [Children in low-income migrant households in Russia (Part 1)]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2025. No. 11. P. 52–64. DOI: 10.7868/S3034577X25110056 (in Russ.)
7. Smirnova M.A. Deti migrantov v Rossii: potrebnost' v integratsionnoj obrazovatel'noj podderzhke [Children of migrants in Russia: The need for integrative educational support]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 81–103. DOI: 10.17323/demreview.v11i1.20933 (in Russ.)
8. Smirnova, M.A. Estimation of the size of the second generation of migrants in Russia and the West. *Population and Economics.* 2025. Vol. 9. No. 3. P. 148–172. DOI: 10.3897/popecon.9.e135459
9. Chudinovskikh O.S. Izmereniye semeinoj migratsii v Rossii: istochniki dannykh i problemy ikh interpretatsii [Measuring family migration in Russia: sources of data and problems of its interpretation]. Voprosy statistiki [*Statistical Issues*]. 2020. Vol. 27. No. 4. P. 24–52. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-4-24-52 (in Russ.)
10. Boyd M. Family and personal networks in international migration: recent developments and new agendas. *International Migration Review.* 1989. Vol. 23. No. 3. P. 638–670.
11. Morokvasic M. Birds of passage are also women… *International Migration Review.* 1984. Vol. 18. No. 4. P. 886–907.
12. Castles S., Miller M.J. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World.* 4th ed. London. Palgrave Macmillan. 2009. 338 p.
13. Stark O., Bloom D.E. The new economics of labor migration. *American Economic Review.* 1985. Vol. 75. No. 2. P. 173–178.
14. Kofman E., Buhr F., Fonseca M.L. Family migration. *Introduction to Migration Studies.* Ed. P. Scholten. Cham. Springer IMISCOE. 2022. P. 137–149. DOI: 10.1007/978-3-030-92377-8_8
15. Baldassar L., Kilkey M., Merla L., Wilding R. Key developments and future prospects in the study of transnational families. *Research Handbook on the Sociology of the Family.* Eds. J. Treas, J. Scott, M. Richards. Cheltenham. Edward Elgar Publishing. 2021. P. 439–451. DOI: 10.4337/9781788975544.00040
16. Bonjour, S. de Hart B. A proper wife, a proper marriage: Constructions of «us» and «them» in Dutch family migration policy. *European Journal of Women's Studies.* 2013. Vol. 20. No. 1. P. 71–86. DOI: 10.1177/1350506812456459
17. Massey D.S., Arango J., Hugo G., et al. Theories of international migration: A review and appraisal. *Population and Development Review.* 1993. Vol. 19. No. 3. P. 431–466.
18. La Spina E. «Good / bad» migrant families and their integration in the European Union. *Migraciones Internacionales* [online]. 2019. Vol. 10. e2025. DOI: 10.33679/rmi.v1i1.2025
19. Wray H., Charsley K., Kolbaşı-Muyan G., Smith L. Introduction to special issue: Family migration in times of crisis. *Migration Studies.* 2023. Vol. 11. No. 3. P. 363–379. DOI: 10.1093/migration/mnad026
20. Zotova N.A. Feminizatsiya migratsii iz stran Srednei Azii v Rossiyu na primere Tadzhikistana [Feminization of migration from Central Asian countries to Russia: The case of Tajikistan]. Rossiya i musul'manskii mir [*Russia and the Moslem World*]. 2007. No. 11. P. 94–101. (in Russ.)
21. Poletayev D.V. Zhenskaya trudovaya migratsiya iz Tadzhikistana i Kirgizii v Rossiyu [Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia]. Narodonaselenie [*Population*]. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 68–78. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07 (in Russ.)
22. Aleksandrov D.A., Baranova V.V., Ivanyushina V.A. Deti iz semej migrantov v shkolakh Sankt-Peterburga: predvaritel'nyye dannye [*Children from Migrant Families in Schools of Saint Petersburg: Preliminary Data]*. St. Petersburg. Izd-vo Politekhnicheskogo universiteta [Polytechnic University Publishing House]. 2011. 100 p. (in Russ.)

23. Florinskaya Yu. F. Migratsiya semej s det'mi v Rossiyu: problemy integratsii [Migration of families with children to Russia: Integration problems]. Problemy prognozirovaniya [*Studies on Russian Economic Development*]. 2012. No. 4. P. 118–127. (in Russ.)
24. Adaptatsiya i integratsiya detei iz semej migrantov v rossiiskoj sisteme obrazovaniya [*Adaptation and integration of children from migrant families in the Russian education system*]. Eds. E.A. Omelchenko., A.A. Shevtsova. Moscow. Etnosfera [Ethnosphere]. 2022. 169 p. DOI: 10.37492/978-5-93125-188-2 (in Russ.)
25. Ryazantsev S.V., Sivoplyasova S. Yu. Brachnoye povedeniye zhenshchin-migrantov iz stran Tsentral'noj Azii [Matrimonial behavior women from Central Asian countries]. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [*Woman in Russian Society*]. 2021. Special issue. P. 136–149. (in Russ.)
26. Tkacheva N.A., Yudashkin A.V. Sem'i s migratsionnoj istoriej v kontekste politiki sotsial'nogo razvitiya regiona [Families with a migration history in the context of regional social development policy]. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika [*Proceedings of Higher Education Institutions. Sociology. Economics. Politics*]. 2023. No. 4. P. 142–161. DOI: 10.31660/1993-1824-2023-4-142161 (in Russ.)
27. Zhit' v dvukh mirakh: pereosmyslyaya transnatsionalizm i translokal'nost' [*Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality*]. Eds. S. N Abashin., O.E. Brednikova. Moscow. Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review]. 2021. 520 p. (in Russ.)
28. Mukomel V.I., Grigorieva K.S., Monusova G.A., et al. Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory [*Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators*]. Moscow. FNISTs RAN [FCTAS RAS]. 2022. 400 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022 (in Russ.)

Information about the author:
Peshkova Vera Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, IS FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: pever@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3530-922X; Elibrary SPIN-code: 1436–3640.

Статья поступила в редакцию 22.01.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-159-174
EDN: STDAOS

ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ И ПОЛОВОЗРАСТНОГО СОСТАВА ВАХТОВЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РЕГИОНАХ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИИ

Гуртов В.А., Степусь И.С.*, Питухин Е.А., Родион И.В.

Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета (185910, Россия, Петрозаводск, проспект Ленина, 31)

**E-mail: stepus@petrsu.ru*

Финансирование:
Исследование выполнено за счёт гранта РНФ (проект № 25–28–00019). – URL : https://rscf.ru / project / 25–28–00019 / .

Для цитирования:
Гуртов В.А., Степусь И.С., Питухин Е.А., Родион И.В. Оценка численности и половозрастного состава вахтовых трудовых мигрантов в регионах Арктической зоны России // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 3. – С. 159-174. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-159-174; EDN: STDAOS

Аннотация. *Кадровое обеспечение экономики Арктической зоны России (АЗ РФ) во многом опирается на временные формы трудовой мобильности, важнейшей из которых является вахтовая миграция. В условиях сокращения численности постоянного населения АЗ РФ необходимо не только оценивать масштабы этого явления, но и формировать «портрет» вахтовых работников, включая их половозрастные характеристики. Цель исследования — разработка методов определения численности трудовых мигрантов, работающих вахтовых методом и привлекаемых из-за пределов арктических регионов, с детализацией по полу и возрасту. Предложенный методический подход основан на сопоставлении общей численности работников и численности работников из постоянного населения в регионах АЗ РФ. На этой основе разработан алгоритм, позволяющий выделить численность вахтовиков и построить их половозрастные профили. В качестве источников информации использованы данные территориальных отделений СФР России, микроданные выборочных обследований рабочей силы и статистика Росстата за 2019–2023 годы. Результаты исследования показали, что подавляющее большинство вахтовых работников в арктических регионах — мужчины. По результатам расчёта для четырёх автономных округов с высокой долей вахтовиков получены их детализированные половозрастные профили за 2019–2023 годы. Выявлено, что основная доля вахтовиков сосредоточена в возрасте 30–50 лет. В Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах численность таких работников ежегодно растёт, тогда как в Ханты-Мансийском и Ненецком автономных округах остаётся почти неизменной, с незначительным смещением к более старшим возрастам. В целом возрастной профиль вахтовиков за исследуемый период демонстрирует относительную стабильность, в отличие от общего тренда старения местного населения и работников в арктических регионах.*

Ключевые слова: *арктические регионы, трудовая миграция, население, вахтовая занятость, половозрастная структура.*

© Гуртов В.А., Степусь И.С., Питухин Е.А., Родион И.В., 2026

Введение и обзор литературы

Трудоспособное население приоритетных территорий Арктической зоны России (АЗ РФ), несмотря на пристальный интерес государства к макрорегиону и его геостратегическое значение, продолжает сокращаться [1; 2]. В этих условиях значимым фактором формирования постоянного населения и трудового потенциала, как и в период советского освоения Арктики, продолжают оставаться различные формы пространственной мобильности населения[1]. Ключевая характеристика именно арктических миграций — цикличность, сочетающая длинные циклы ресурсного освоения с сезонными колебаниями рынков труда [3], а также со специфичными для АЗ РФ вахтовыми трудовыми миграциями, являющимися проявлением временных форм миграционного движения [4].

Вахтовый метод привлечения рабочей силы для освоения ресурсов на арктических территориях и создания необходимой инфраструктуры стал активно использоваться с начала 1960-х гг. и не теряет своей актуальности по сей день [5]. Подробный обзор научных публикаций по изучению различных аспектов вахтовой миграции как особой формы организации труда в АЗ РФ ранее уже был представлен авторами данной статьи в [6]. Кроме того, была проанализирована общая динамика и масштабы распространения вахтовой занятости в регионах АЗ РФ. Результаты показали, что в настоящее время потоки трудовой миграции в арктические регионы обеспечивают до половины кадровой потребности экономики АЗ РФ [7], а объёмы этих потоков за счет применения вахтового метода организации труда ежегодно увеличиваются [6]. Вахтовый метод распространён на малоосвоенных территориях с низкой плотностью населения (АО Чукотский (ЧАО), Ненецкий (НАО), Ямало-Ненецкий (ЯНАО), Ханты-Мансийский — Югра (ХМАО), арктических территориях Республики Коми, Республики Саха (Якутия), Красноярского края), но набирает свою популярность и на староосвоенных территориях Европейского Севера (Мурманская, Архангельская области). В дальнейшем ожидается рост его масштабов в связи со смещением добычи в удалённые труднодоступные районы с экстремальными условиями.

Управление потоками трудовой миграции в отношении арктических регионов на фоне растущего дефицита трудовых ресурсов требует объективных знаний не только об общих масштабах явления, но и о более детальных параметрах, позволяющих сформировать «портрет» вахтового трудового мигранта. Одной из таких важнейших структурных характеристик, влияющих на миграционное поведение населения, являются половозрастные особенности миграции и динамика их изменения с течением времени. На важности изучения специфики возрастного профиля трудовой миграции для планирования эффективной миграционной политики уже акцентировали внимание российские учёные. В работе [8] отмечается, что возрастная структура трудовых мигрантов, осуществляется в ограниченном возрастном промежутке, совпадающем с периодом экономической активности, и отличается от структуры долговременных мигрантов.

Основным источником информации для анализа возрастных особенностей временной трудовой миграции в России в работах Н. В. Мкртчяна и коллег выступили результаты Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 года, а также Обследований населения по проблемам занятости за 2012–2014 гг. [9; 10]. Анализ показателей по пятилетним возрастным категориям мигрантов позволил определить, что пик трудовой миграции приходится на 20–29 лет, после чего мобильность постепенно снижается и резко падает ближе к концу трудоспособного возраста, после 50 лет. Авторы обращают внимание и на межрегиональные различия возрастного профиля трудовой миграции. Так, например, «северное» направление трудовой миграции требует более взрослых и опытных работников. В более поздних работах для анализа половозрастного состава

[1] Heleniak T. Migration in the Arctic // Arctic Yearbook 2014. Human Capital in the North. – Akureyri : Northern Research Forum, 2014. – P. 82–104.

возвратных трудовых мигрантов используются результаты ВПН-2020 года [11]. В сравнении с результатами ВПН-2010 в структуре возвратной трудовой миграции на уровне РФ наблюдается старение: так, теперь пик миграции сместился на возрастной диапазон 30–39 лет [12].

Вместе с тем, анализ научной литературы показал, что исследовательской лакуной является рассмотрение альтернативных источников информации для формирования профилей вахтовых работников с детализацией по полу и однолетним возрастным категориям. Цель исследования заключается в разработке методов определения половозрастных характеристик вахтовых трудовых мигрантов, привлекаемых из-за пределов арктических регионов России, и последующем анализе изменений в их численном составе с детализацией по полу и однолетним возрастным категориям.

Материалы и методы

Вахтовые трудовые мигранты по статусу занятости на основной работе относятся к категории наемных работников и подразделяются на международных/межрегиональных (привлекаемых из-за пределов региона) и внутрирегиональных (из числа постоянного населения региона). Основная методологическая предпосылка статьи основана на том, что общая численность наемных работников в регионе является суммой работников из числа постоянного населения и межрегиональных и международных трудовых мигрантов, работающих вахтовым методом. Таким образом, разница показателей общей численности работников (СЧР) и численности работников из постоянного населения (ЧР ПН) позволяет выделить когорту трудовых мигрантов, работающих вахтовым методом, внешних по отношению к постоянному населению региона (далее — вахтовики, вахтовые работники). К ним относятся — межрегиональные и международные трудовые мигранты.

Введём некоторые обозначения. Пусть $L_{\Sigma}(n)$ – общая численность работников в регионе возраста n, а $L_1(n)$ — численность работников из постоянного населения региона. Тогда, $L_2(n)$ — численность вахтовых работников из числа трудовых мигрантов возраста n, привлекаемых из-за пределов региона, определяется следующим соотношением:

$$L_2(n) = L_{\Sigma}(n) - L_1(n) \qquad (1)$$

Поскольку общая численность работников региона $L_{\Sigma}(n)$ является доступным статистическим показателем в разрезе пола и возраста, то основной задачей при определении половозрастной численности вахтовиков $L_2(n)$ является расчёт численности работников из постоянного населения в разрезе возрастных категорий $L_1(n)$.

В работе используются два способа расчёта численности $L_1(n)$: 1) расчёт с использованием показателей численности занятых из постоянного населения $EP(n)$ в разрезе однолетних возрастных категорий; 2) расчёт с использованием показателей численности постоянного населения в трудоспособном возрасте в разрезе однолетних возрастных категорий $PP(n)$. Общими для этих методов является выбор модельного региона, в котором в минимальной степени представлены вахтовые работники. Как видно из табл. 1, к этим регионам АЗ РФ относятся Республика Карелия, Архангельская область и Красноярский край. Наименьшие показатели — у Республики Карелия, где доля вахтовых работников по отношению к общей численности работников составляет 0,6%. Для модельного региона m рассчитываются показатели $k_{1m}(n)$ — доля работников в численности занятых и $k_{2m}(n)$ — доля работников в численности постоянного населения за год n. При этом в модельном регионе предполагается, что численность работников, по которым выплачивают страховые взносы работодатели (СЧР), равна численности работников из постоянного населения (ЧР ПН):

$$k_{1m}(n) = L_{\Sigma m}(n)/EP_m(n),$$
$$k_{2m}(n) = L_{\Sigma m}(n)/PP_m(n) \qquad (2)$$

Примем допущение, что и для других регионов, где присутствуют вахтовики, коэффициенты $k_1(n)$ и $k_2(n)$ те же самые, что и в модельном регионе. В этом случае, численность работников из постоянного населения в разрезе возрастных категорий L_1 для других регионов будет:

$$L_{1,EP}(n) = k_{1m}(n) * EP(n) \qquad (3.1)$$

$$L_{1,PP}(n) = k_{2m}(n) * PP(n) \qquad (3.2)$$

По соотношениям (1) — (3.1–3.2) проведен расчёт численности трудовых мигрантов, работающих вахтовым методом, внешних по отношению к постоянному населению региона, по полу и однолетним возрастным категориям. Для расчёта были использованы следующие источники информации: 1) данные территориальных отделений Социального фонда России об общей численности работников — численности застрахованных лиц, в отношении которых работодатель выплачивает страховые взносы[2]; 2) микроданные выборочного обследования рабочей силы (ОРС) Росстата[3] о численности занятых из постоянного населения, масштабированные методом двойного сглаживания (DMA_3) с центрированным скользящим средним с окном 3 [13]; 3) данные Росстата о численности постоянного населения[4]. Особенностью указанных источников информации является глубокий уровень детализации показателей численности работников, занятых и населения: по полу, однолетним возрастным категориям в динамике за несколько лет.

Статистика по численности вахтовиков более ограничена и не имеет детализации по полу и возрасту. Традиционно выделяют два основных источника информации о масштабах вахтовой занятости [6]. Первый — форма Росстата П4 (НЗ), отражающая численность работников, привлечённых вахтовым методом в организациях, не относящихся к малому бизнесу. Она не учитывает место проживания и гражданство работников, т.е. включают и межрегиональную, и внутрирегиональную, и иностранную вахту. Второй источник — показатели межрегиональной трудовой миграции (МТМ) занятого населения в возрасте 15 лет и старше, формируемые Росстатом по данным ОРС. При этом, численность занятого населения, въезжающего на работу в субъект, включает в себя как вахтовых мигрантов, так и маятниковых, приезжающих на работу из других регионов. Отмеченные источники использовались для расчёта половозрастной численности вахтовых работников в регионах АЗ РФ. Временные рамки исследования определяются пятилетним периодом 2019–2023 годов.

Интегральные характеристики вахтовой занятости в арктических регионах: гендерный аспект

В табл. 1 представлены исходные данные по рассмотренным выше показателям (общей численности работников, занятых из постоянного населения, вахтовиков) из различных источников информации за 2023 год. Из десяти арктических регионов максимальный объём привлекаемых межрегиональных трудовых мигрантов в 2023 г. наблюдался в ХМАО и ЯНАО, что составляет 21,5% и 32,0% от общей численности работников соответственно, минимальный — в Республике Карелия, Архангельской области (0,6% и 1,3%). Кроме объективного показателя, основным признаком того, что в составе работников региона в значительном объёме присутствуют вахтовики, является превышение общей численности работников над численностью занятых из числа постоянного населения. В табл. 1 приведено также долевое соотношение этих показателей (r_E) для десяти субъектов АЗ РФ раздельно для мужчин и женщин.

Анализ долевого отношения общей численности работников к занятым из по-

[2] Данные за 2019–2023 гг. получены путём официального запроса в территориальные отделения Социального фонда России.

[3] Итоги выборочного обследования рабочей силы // Росстат. – URL : https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265 (дата обращения: 18.08.2025).

[4] Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Росстат. – URL : https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (дата обращения: 18.08.2025).

Таблица 1

Численность работников, занятых и вахтовиков в субъектах АЗ РФ, человек в 2023 году

Table 1

Indicators of the number of employees, employed and shift workers in the subjects of the AZ RF, 2023

Субъект АЗ РФ	Работники (СЧР), тыс. человек		Занятые по ОРС, тыс. человек		Отношение работников к занятым (r_E)		Численность вахтовиков (МТМ) по ОРС	Доля вахтовиков в СЧР, %
	м	ж	м	ж	м	ж	всего	Всего
Республика Карелия	91,7	104,9	123,6	122,0	0,7	0,9	1100	0,6
Республика Коми	155,5	154,8	170,7	171,7	0,9	0,9	7400	2,4
НАО	13,7	12,9	10,7	11,2	1,3	1,1	3300	12,4
Архангельская область	181,2	199,9	219,5	220,5	0,8	0,9	4800	1,3
Мурманская область	134,3	143,1	181,4	159,9	0,7	0,9	10900	3,9
ХМАО	561,3	346,1	467,0	442,3	1,2	0,8	195061	21,5
ЯНАО	233,1	131,9	149,3	146,3	1,6	0,9	116863	32,0
Красноярский край	609,6	564,8	712,3	682,3	0,9	0,8	42719	3,6
ЧАО	24,3	14,2	15,2	14,0	1,6	1,0	1900	4,9
Республика Саха (Якутия)	208,4	194,4	248,2	239,8	0,8	0,8	47111	11,7

Источник: составлено авторами по данным Социального Фонда России и выборочных обследований Росстата.

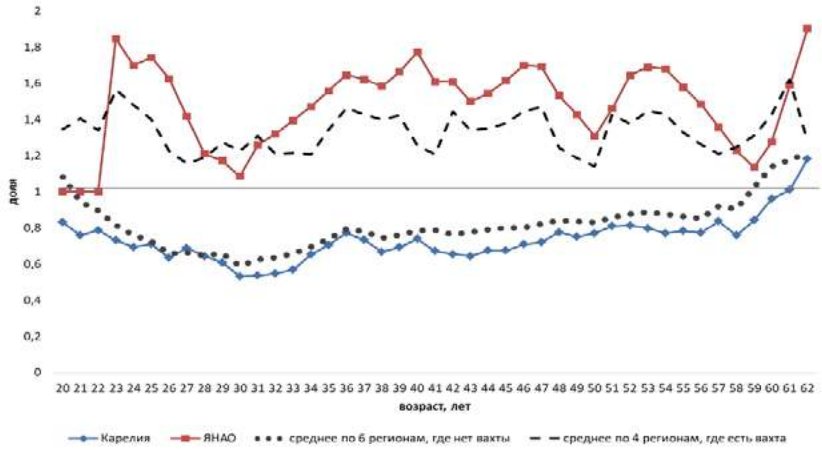
стоянного населения, представленного в табл. 1, свидетельствует о том, что для женщин участие в вахтовой занятости несущественно: в восьми из десяти субъектов АЗ РФ число работников из числа женщин не превышает число занятых ($r_E < 1$). Исключение составляют ЧАО, где наблюдается превышение на уровне погрешности, и НАО, где объективные данные статистики демонстрируют незначительное превышение общей численности работников над численностью занятых из постоянного населения. Для мужчин вахтовая занятость проявляется ($r_E > 1$) в четырёх автономных округах: НАО, ХМАО, ЯНАО, ЧАО. Из таблицы 1 также следует, что в этих четырёх субъектах АЗ РФ доля вахтовиков превышает 10% от общей численности работников.

Долевое отношение общей численности работников к занятым из постоянного населения по возрастным категориям

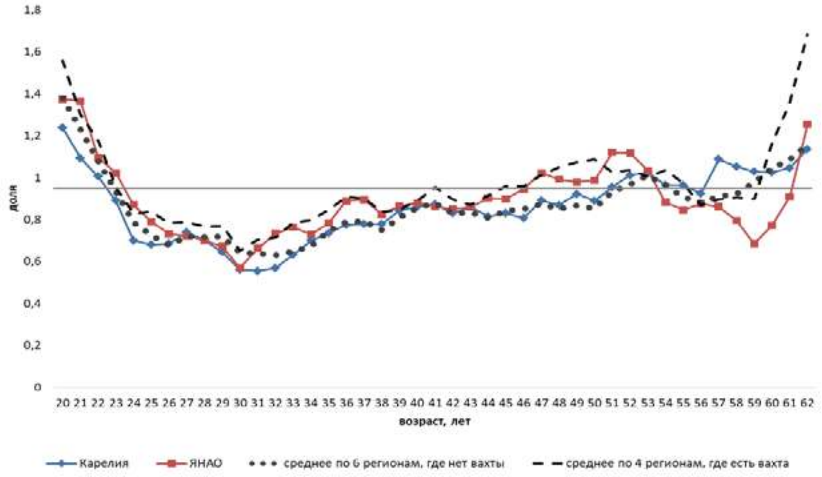
Визуализация долевого отношения работников к занятым по однолетним возрастным категориям приведена на рис. 1, раздельно для мужчин (а) и женщин (б).

Согласно показателям долевого отношения численности всех работников к численности занятых из постоянного населения $r_E(n)$ по однолетним возрастным категориям регионы делятся на две группы. К первой группе относятся шесть арктических регионов (Республика Карелия, Республика Коми, Мурманская область, Архангельская область, Республика Саха (Якутия), Красноярский край), для которых показатель $r_E(n)$ меньше 1. На рисунке 1(а) представлен пример для одного из регионов данной группы — Республики Карелия, а также линией с точками выделено среднее значение рассматриваемого показателя для этих шести регионов по всем возрастным категориям n =20..62 лет.

Во вторую группу входят четыре автономных округа, где $r_E(n)$ больше 1. Эти же регионы были перечислены ранее в табл. 1 как регионы с высокой долей вахтовиков на основе интегральных показателей. На рисунке 1(а) представлена визуализация для ЯНАО, а также пунктиром — усреднён-

а) мужчины

б) женщины

Рис. 1. Долевое отношение численности всех работников $L_{\Sigma}(n)$ к численности занятых из постоянного населения $EP(n)$ по однолетним возрастным категориям, 2023 год, мужчины (а) и женщины (б)

Fig. 1. Ratio of the number of all employees $L_{\Sigma}(n)$ to the number of employed from the permanent population $EP(n)$ by one-year age categories, 2023, men (a) and women (b)

Источник: составлено авторами по данным Социального Фонда России и выборочных обследований Росстата.

ное значение по четырём регионам из данной группы. Из рисунков 1 (а) и (б) видно, что в трудоспособном возрасте усреднённое по регионам АЗ РФ (за исключением четырёх регионов с вахтовой занятостью) значение коэффициента долевого отношения работников к занятым минимально $r_E(n)$=0,6 для мужчин и $r_E(n)$=0,7 для женщин в возрастах около 30 лет, и подрастает до $r_E(n)$=0,9 для мужчин в 55–60 лет и женщин старше 40 лет.

Долевое отношение общей численности работников к численности постоянного населения по возрастным категориям

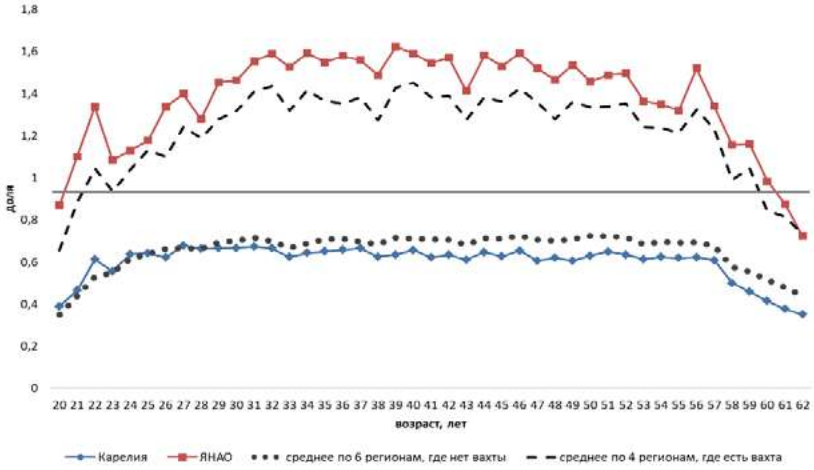
Визуализация долевого отношения общей численности работников к численности постоянного населения $r_p(n)$ по однолетним возрастным категориям приведена на рис. 2 раздельно для мужчин (а) и женщин (б). Согласно показателям долевого отношения численности всех работников к численности постоянного населения $r_p(n)$ по однолетним возрастным категориям регионы также делятся на две группы. В первую входят шесть вышеперечисленных арктических регионов, для которых показатель $r_p(n)$ меньше 1, во вторую группу входят четыре вышеперечисленных арктических региона, где $r_p(n)$ больше 1. На рисунке 2(а) продемонстрированы примеры для двух регионов из каждой группы (ЯНАО и Республика Карелия), а также приведено среднее значение рассматриваемого показателя для каждой группы регионов по всем возрастным категориям n =20..62 лет. Из рисунков 2 (а) и (б) видно, что в трудоспособном возрасте коэффициент долевого отношения работников к постоянному населению на протяжении всех возрастов однороден $r_p(n)$=0,7 для мужчин (за исключением четырёх регионов с вахтовой занятостью), минимален $r_p(n)$=0,6 возрастах около 30 лет, и подрастает до $r_p(n)$ =0,8 в возрастах около 50 лет для женщин.

Половозрастная численность вахтовых трудовых мигрантов, внешних по отношению к постоянному населению региона

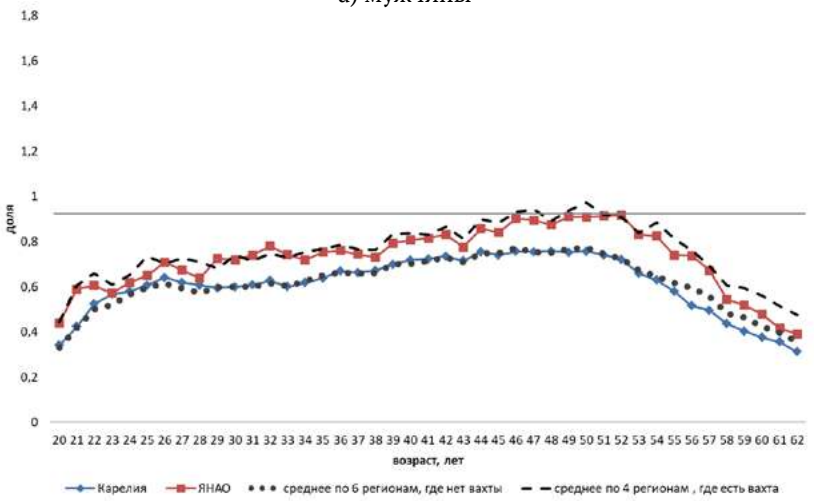
Алгоритм расчёта половозрастной численности вахтовиков согласно методологическому подходу, предложенному авторами, выглядит следующим образом: 1) выбирается модельный регион с низким уровнем трудовой миграции и рассчитывается половозрастная структура работников (на основе данных СФР) и половозрастная структура занятых на основе данных ОРС путём сглаживания микроданных; 2) для модельного региона по соотношению (2) рассчитывается доля работников по отношению к занятым $k_{1m}(n)$ и доля работников по отношению к постоянному населению $k_{2m}(n)$; 3) для анализируемого региона рассчитывается половозрастная структура работников (на основе данных СФР) и половозрастная структура занятых на основе данных ОРС путем сглаживания микроданных; 4) для анализируемого региона половозрастная численность занятых умножается на модельную долю $k_{1m}(n)$; так рассчитывается численность работников из постоянного населения $L_{1,EP}(n)$ по соотношению (3.1); 5) для анализируемого региона половозрастная численность населения умножается на модельную долю $k_{2m}(n)$; так рассчитывается численность работников из постоянного населения $L_{1,PP}(n)$ по соотношению (3.2); 6) затем по соотношению (1) из общей численности работников вычитается численность работников из постоянного населения на каждый год, рассчитанная в п. 4 и 5. Таким образом, формируется половозрастная численность вахтовых трудовых мигрантов, внешних по отношению к постоянному населению региона.

На рис. 3 приведены показатели общей численности работников (расчёт по п. 3 алгоритма) и численности работников из постоянного населения (расчёт по п. 4 и п. 5 алгоритма) $L_{1,EP}(n)$ и $L_{1,PP}(n)$ для ЯНАО как региона с высокой долей вахтовиков. Как следует из рис. 3, значения численности работников из постоянного населения, рассчитанные разными способами, совпадали между собой с высокой точностью. Коэффициент корреляции между полученными рядами данных для женщин составил 0,98, для мужчин — 0,96 соответственно.

Для женщин показатели общей численности работников и численности работников из постоянного населения, рассчитанные двумя разными способами, почти совпадали для всех десяти регионов АЗ РФ, что говорит об отсутствии вахтовых работников среди женщин. Такие же зависимости наблюдались и для мужчин из регионов АЗ РФ, за исключением четырёх автономных округов с большими объёмами вахто-

а) мужчины

б) женщины

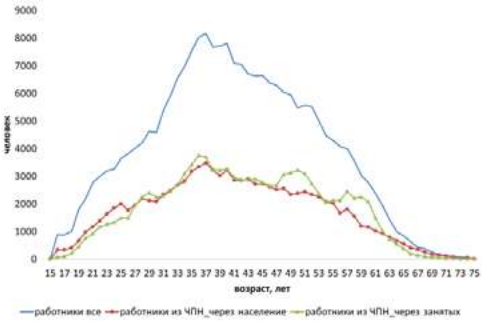
Рис. 2. Долевое отношение численности всех работников $L_{\Sigma}(n)$ к численности постоянного населения $PP(n)$ по однолетним возрастным категориям, 2023 год, мужчины (а) и женщины (б)

Fig. 2. Ratio of the number of all workers $L_{\Sigma}(n)$ to the number of permanent population $PP(n)$ by one-year age categories, 2023, men (a) and women (b)

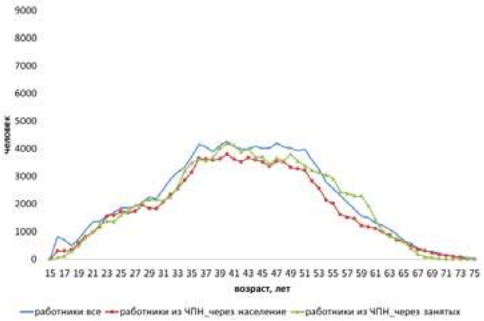
Источник: составлено авторами по данным Социального Фонда России и данным Росстата.

вой трудовой миграции. Результаты расчёта численности вахтовых трудовых мигрантов, внешних по отношению к постоянному населению этих регионов, по однолетним возрастным категориям приведены на рис. 4.

Результаты расчёта численности внешних вахтовых трудовых мигрантов в арктических регионах (рис. 4), свидетельствуют о том, что их основной возрастной диапазон находится в интервале от 30 до 50 лет. Максимальная численность вахтовиков харак-

а) мужчины

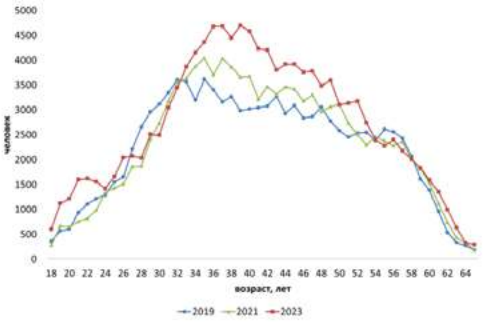

б) женщины

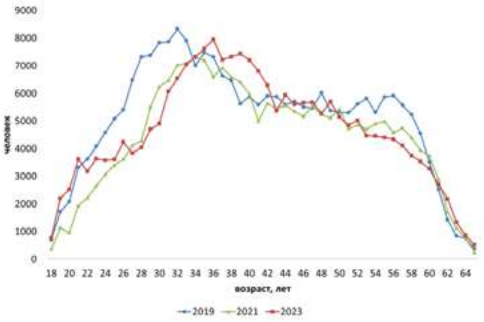
Рис. 3. Общая численность работников и численность работников из постоянного населения, ЯНАО, 2023 год

Fig. 3. Total number of employees and number of employees from the permanent population, Yamal-Nenets Autonomous Okrug, 2023

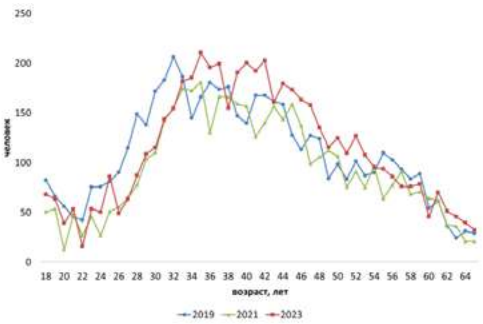
Источник: составлено авторами по результатам собственных расчётов.

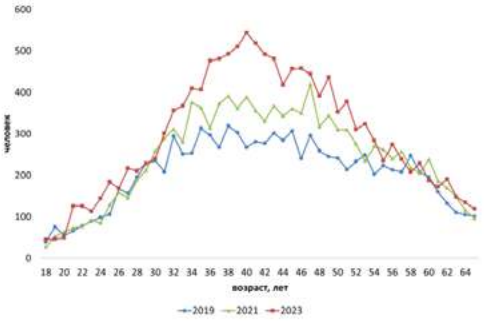

а) ЯНАО

б) ХМАО

в) Ненецкий АО

г) Чукотский АО

Рис. 4. Расчётная численность вахтовых работников-мужчин по однолетним возрастным категориям в динамике, 2019–2023 годы

Fig. 4. Estimated number of shift workers — men by one-year age categories in dynamics, 2019–2023

Источник: составлено авторами по результатам собственных расчётов.

терна для возраста 35–40 лет. Эта особенность подтверждаются и в результатах других исследований, где аналогичный возраст вахтовых работников для арктических регионов определён на основе социологических методов [14; 15]. Для ЯНАО и Чукотского АО численность вахтовиков в возрастах 30–50 лет ежегодно увеличивается. В ХМАО и Ненецком АО такой тенденции нет, но для этих регионов наблюдается уменьшение численности молодых вахтовых работников в возрасте 25–30 лет. В ЯНАО и ЧАО численность этой когорты вахтовиков не изменилась. Численность молодых вахтовых работников в возрастах до 30 лет и вахтовых работников старше 50 лет в исследуемом временном периоде (2021–2023 гг.) во всех регионах, за исключением ХМАО, остается почти неизменной.

Обсуждение результатов

Основным результатом исследования является предложенный алгоритм расчёта численности внешних вахтовых трудовых мигрантов с детализацией по полу и однолетним возрастным категориям. Результаты реализации этого алгоритма приведены на рисунке 4 для четырёх субъектов АЗ РФ с высокой вахтовой составляющей и позволяют провести анализ изменений в численном половозрастном составе вахтовиков.

Согласно данным рис. 4 в динамике половозрастной структуры вахтовых трудовых мигрантов, внешних по отношению к постоянному населению региона, не происходит значительных изменений. Кривая численности вахтовиков по возрастам за 2019–2023 гг. не демонстрирует явных смещений вправо, что могло бы свидетельствовать о тенденции старения вахтовых работников или влево, что означало бы омоложение состава вахтовых работников. В большинстве случаев кривая численности вахтовиков за рассматриваемый период с незначительными колебаниями смещается вверх либо остается в заданном диапазоне предыдущих лет, означая общее увеличение численности вахтовых работников в каждом возрасте или их незначительное изменение. Эта «стабильность» является уникальной особенностью возрастной структуры вахтовых трудовых мигрантов в регионах АЗ РФ. Если рассматривать показатели численности постоянного населения и работников в арктических регионах, то их возрастные профили, напротив, демонстрируют заметное смещение вправо, означая проявление общероссийской тенденции старения населения [16] и сокращения численности работников в молодых трудоспособных возрастах [17].

Суммирование расчётных показателей численности вахтовиков по полу и однолетним возрастным категориям позволяет сформировать показатель общей численности внешних вахтовых трудовых мигрантов. Сравнение этой численности с показателями статистики по вахтовой занятости из различных источников является одним из способов верификации предложенного алгоритма. В табл. 2 приведены сравнительные характеристики общей численности вахтовых работников, полученных четырьмя разными способами: статформа П4 (НЗ); показатели межрегиональной трудовой миграции по результатам ОРС; расчёт по формулам 3.1. (по занятым) и 3.2. (по населению).

Как отмечалось ранее, показатели статформы П4 (НЗ) наиболее полные и включают в себя не только внешних вахтовых работников (межрегиональных и зарубежных трудовых мигрантов), но и внутрирегиональных вахтовиков. Так, например, согласно уточняющей региональной статистике ЯНАО, в структуре вахтовиков доминирует межрегиональная вахтовая миграция (порядка 80% от общей численности вахтовиков), на внутрирегиональную вахту приходится около 13%, минимальный вклад вносит международная вахта — 7% [18]. Показатели межрегиональной трудовой миграции по данным ОРС учитывают как вахтовых мигрантов, так и маятниковых мигрантов. В данной статье рассчитаны показатели численности только внешних вахтовых мигрантов (межрегиональных и зарубежных). Ожидаемо, они должны находиться между значениями показателей статформы П4

Таблица 2

Сравнение численности вахтовых работников в автономных округах, тыс. человек

Table 2

Comparison of the number of shift workers in the autonomous okrugs, thousand people

Источник информации о численности вахтовых работников	ЯНАО			ХМАО			Чукотский АО			Ненецкий АО		
	2019	2021	2023	2019	2021	2023	2019	2021	2023	2019	2021	2023
П4 (НЗ)	121	146	160	149	149	160	4,3	5,0	5,9	12,7	11,3	12,7
МТМ по ОРС	108	122	117	198	205	195	3,5	4,6	1,9	2,8	5,2	3,3
Расчёт по занятым	101	104	122	232	200	213	8,7	10,2	12,7	5,8	5,0	5,4
Расчёт по населению	108	112	129	244	213	224	9,9	11,7	14,1	5,3	4,6	5,4

Источник: составлено авторами по результатам собственных расчётов.

(НЗ) и МТМ по ОРС, однако это подтверждается лишь для ЯНАО и НАО. В ЧАО и ХМАО расчётные значения превышают альтернативные источники, что требует дополнительного уточнения.

Несмотря на этот дискуссионный момент, предложенная авторская методика может быть признана приемлемой. Во-первых, данные Росстата также могут носить оценочный характер (компании могут занижать численность работников по форме П4 (НЗ)), а показатели МТМ по ОРС ограничены низким охватом респондентов (в среднем не более 0,73% населения в год), погрешностью выборки и правдивостью ответов опрашиваемых. Во-вторых, рассчитанные по двум методам показатели численности вахтовиков по порядку цифр и общему тренду совпадают с данными Росстата. Основное преимущество предложенной авторами методики заключается в возможности детализированной оценки численности внешних вахтовых мигрантов по полу и возрасту, а также анализе изменений в их численном половозрастном составе во времени.

Заключение

Вахтовый метод организации труда имеет преимущества и недостатки, однако остаётся объективной необходимостью для развития Арктики [19]. Регулирование миграционных потоков вахтовой миграции в АЗ РФ требует научного сопровождения и владения аналитической информацией о её масштабах и характеристиках, доступность которой крайне ограничена [20]. Одной из таких важных характеристик является возрастной и гендерный состав вахтовых работников.

В представленной статье разработаны и апробированы два метода расчёта половозрастной численности вахтовых трудовых мигрантов, внешних по отношению к постоянному населению региона (межрегиональных и зарубежных вахтовых работников), с детализацией по полу и однолетним возрастным категориям. Численность вахтовиков в обоих случаях рассчитывается как разница численности всех работников в регионе и численности работников из постоянного населения региона. Разработанный методический подход и алгоритм для детализированной оценки половозрастной численности вахтовых трудовых мигрантов вносит вклад в развитие научного знания в части исследований трудовой миграции сквозь призму показателей рынка труда и демографии.

Результаты реализованного алгоритма расчёта половозрастной численности вахтовиков подтвердили, что среди вахтовых работников в регионах АЗ РФ преобладают мужчины. Для ряда арктических регионов (ЯНАО, ХМАО, НАО, ЧАО) с высокой долей вахтовых мигрантов получены их детализированные половозрастные профили за 2019–2023 годы. Основной возрастной диапазон таких мигрантов — 30–50 лет, с пиком в 35–40 лет. В ЯНАО и ЧАО численность вахтовиков в этом диапазоне

ежегодно увеличивается, в ХМАО и НАО — остаётся стабильной с небольшой тенденцией к смещению в более старшие возраста. При этом динамика возрастной структуры характеризуется относительной стабильностью и не отражает общероссийской тенденции старения населения. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные половозрастные профили вахтовых мигрантов могут быть использованы при кадровом прогнозировании, разработке стратегий привлечения трудовых ресурсов и выстраивании эффективной миграционной политики в АЗ РФ. Такая подробная детализация показателей вахтовой трудовой миграции позволит трансформировать процессы кадрового обеспечения приоритетных геостратегических регионов АЗ РФ с уровня общих трендов на уровень доказательной, предиктивной и адресной политики.

Литература и Интернет-источники

1. ***Никулкина, И.В.*** Демографическое развитие арктических регионов России в контексте концепции резильентности / И.В. Никулкина, Е.В. Романова // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 123–135. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-123-135; EDN: FFACHY
2. ***Ковалева, О.М.*** Миграционные тенденции в Арктической зоне России в 2012–2019 годах / О.М. Ковалева // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 147–160. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.12; EDN: TVBXXP
3. ***Фаузер, В.В.*** Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты / В.В. Фаузер, А.В. Смирнов // Арктика: экология и экономика. — 2020. — № 4(40). — С. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18; EDN: JDXXAO
4. ***Рязанцев, С.В.*** Формы временной миграции в России / С.В. Рязанцев // Миграционное право. — 2014. — № 1. — С. 14–17. EDN: RTBWJ
5. ***Гончарова, К.С.*** Трансформация структуры населения северных регионов Западной Сибири: факторы и последствия / К.С. Гончарова, А.Г. Шеломенцев // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 42–56. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56; EDN: VPAIRJ
6. ***Степусь, И.С.*** Вахтовая занятость в экономике Арктической зоны России: динамика, масштабы, профессионально-квалификационные характеристики / И.С. Степусь, В.А. Гуртов // Общество и экономика. — 2023. — № 6. — С. 90–108. DOI: 10.31857/S020736760025036-8; EDN: PNFNSM
7. ***Ефимов, И.П.*** Кадровая потребность экономики Российской Арктики: взгляд в будущее / И.П. Ефимов, В.А. Гуртов, И.С. Степусь // Вопросы экономики. — 2022. — № 8. — С. 118–132. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-118-132; EDN: ECTJPA
8. ***Флоринская, Ю.Ф.*** Миграция и рынок труда / Ю.Ф. Флоринская, Н.В. Мкртчян, Т.М. Малева, М.К. Кириллова. — Москва : Дело, 2015. — 108 с. EDN: VYMKUH
9. ***Мкртчян, Н.В.*** Возрастной профиль внутрироссийской трудовой миграции и иных форм пространственной мобильности населения / Н.В. Мкртчян // Региональные исследования. — 2018. — № 1(59). — С. 72–81. EDN: UPGPKI
10. ***Карачурина, Л.*** Б Внутрироссийская трудовая миграция: распространённость и география передвижений / Л.Б. Карачурина // Экономическое развитие России. — 2013. — № 7. — С. 45–49. EDN: QIYHOF
11. ***Короленко, А.В.*** Современная территориальная и социально-демографическая специфика вахтовой трудовой миграции в России / А.В. Короленко, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 206–225. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.12; EDN: EIRVLU
12. ***Соколова, А.А.*** Возвратная трудовая миграция: масштабы, последствия, подходы к регулированию / А.А. Соколова. — Вологда : ВолНЦ РАН, 2026. — 167 с. EDN: GGCMTX
13. ***Питухин, Е.А.*** Математическая обработка данных выборочных обследований для формирования и прогнозирования половозрастной численности занятых / Е.А. Питухин,

В.А. Гуртов, И.В. Родион // Экономика и управление. — 2025. — Т. 31. — № 4. — С. 411–429. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-4-411-429; EDN: VKMTEF

14. ***Туракаев, М.С.*** Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана / М.С. Туракаев, Г.Р. Баймурзина // Проблемы развития территории. — 2022. — Т. 26. — № 6. — С. 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7; EDN: OMTHEQ
15. ***Хотеева, Е.А.*** Перспективы развития потенциала Российской Арктики: мотивационные драйверы трудовых мигрантов (на примере вахтовой занятости) / Е.А. Хотеева, А.В. Симакова, И.С. Степусь // Социологическая наука и социальная практика. — 2024. — Т. 12. — № 4. — С. 156–178. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.9; EDN: GXZKVR
16. ***Кашепов, А. В.*** ПОСТ-СССР: экономика, занятость и демография / А.В. Кашепов. — Москва : МАКС Пресс, 2023. — 360 с. DOI: 10.29003/m3161.978-5-317-06959-9; EDN: ECZRMG
17. ***Степусь, И.С.*** Динамика половозрастной структуры работников Арктической зоны России: региональные особенности / И.С. Степусь, В.А. Гуртов, Е.А. Питухин, И.В. Родион // Регионология. — 2026. — Т. 34. — № 2. — С. 393–414. DOI: 10.15507/2413-1407.26342.393-414; EDN: SRIDGD
18. ***Логинов, В.Г.*** Вахтовый метод как основной источник рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики / В.Г. Логинов // Известия УГГУ. — 2021. — Вып. 2(62). — С. 191–201. DOI: 10.21440/2307-2091-2021-2-191-201; EDN: LOOYOD
19. ***Бажутова, Е.А.*** Особенности миграционных потоков регионов российской Арктики в контексте решения задачи удержания населения / Е.А. Бажутова // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2025. — № 1. — С. 180–196. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2025.87.012; EDN: GJQSWP
20. ***Silin, A.N.*** Sociological Aspects of Rotational Employment in the Northern Territories of Western Si beria / A.N. Silin // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. — 2015. — No. 4(40). — P. 109–123. DOI: 10.15838/esc / 2015.4.40.7

Информация об авторах:

Гуртов Валерий Алексеевич, д.ф.-м.н., профессор, директор Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.
Контактная информация: vgurt@petrsu.ru; ORCID: 0000-0002-2442-7389; РИНЦ SPIN-код: 4180–0970.

Степусь Ирина Сергеевна, к.э.н., зам. директора Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.
Контактная информация: stepus@petrsu.ru; ORCID: 0000-0001-5070-0273; РИНЦ SPIN-код: 4827–1957.

Питухин Евгений Александрович, д.т.н., профессор, начальник аналитического отдела Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.
Контактная информация: eugene@petrsu.ru; ORCID: 0000-0002-7021-2995; РИНЦ SPIN-код: 2318–8378.

Родион Инна Владимировна, аспирант, специалист отдела прогнозирования Центра бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.
Контактная информация: irodion@petrsu.ru; ORCID: 0000-0002-6243-4010; РИНЦ SPIN-код: 6461–9993.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-159-174

ESTIMATION OF THE NUMBER AND THE AGE AND GENDER STRUCTURE OF SHIFT MIGRANT WORKERS IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN ARCTIC ZONE

Valery A. Gurtov, Irina S. Stepus*, Evgeny A. Pitukhin, Inna V. Rodion

Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University
(31 Lenin prospect, Petrozavodsk, Russia, 185910)

**E-mail: stepus@petrsu.ru*

Funding:
The research was funded by the Russian Science Foundation (grant No. 25–28–00019). URL: https://rscf.ru/project/25–28–00019/.

For citation:
Gurtov V.A., Stepus I.S., Pituhin E.A., Rodion I.V. Estimation of the number and the age and gender structure of shift migrant workers in the regions of the Russian Arctic zone. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 159-174. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-159-174 (in Russ.)

Abstract. *The need for staffing the economy of the Russian Arctic zone has led to spread of the rotational method of labor organization, which is one of the most striking manifestations of labor migration in the Russian Arctic regions. Migration is a process that is selective by age and gender of the people participating in it, therefore the aim of the study is to develop methods for determining age and gender characteristics of labor migrants working on a rotational basis and attracted from outside the Russian Arctic regions (interregional and foreign labor migrants). The methodology for calculating rotational labor migrants is based on comparing the total number of workers in the region and the number of workers from the permanent population by gender and one-year age categories The input data for the calculation are detailed indicators of the total number of employees, generated by the Social Fund of Russia, as well as indicators of the number of employed people from the permanent population, generated by Rosstat. For autonomous districts of the Russian Arctic with a high share of rotational labor migrants, calculations were made of the number of shift workers and subsequent analysis of changes in their numerical gender and age composition, detailed by gender and one-year age categories for the period 2019–2023. The study found that the gender composition of shift workers is overwhelmingly represented by male population; the main age range of shift workers is between 30 and 50 years. There are no significant transformations in the dynamics of the age and gender structure of shift migrant workers being not part of the permanent population of the region. On the whole, the age profile of the shift workers in the period under study demonstrates a relative stability in contrast to the general trend of ageing of the local population and workers in the Arctic regions.*

Keywords: *Arctic regions, labour migration, population, shift employment, age and gender structure.*

References and Internet sources

1. Nikulkina I.V., Romanova E.V. Demograficheskoye razvitiye arkticheskikh regionov Rossii v kontekste kontseptsii rezilentnosti [Demographic development of the Arctic regions in the context of resilience concept]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 123–135. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-123-135 (in Russ.)
2. Kovaleva O.M. Migratsionnyye tendentsii v Arkticheskoy zone Rossii v 2012–2019 godakh [Migration trends in the Arctic zone of Russia in 2012–2019]. Narodonaselenie [*Population*]. 2021. Vol. 21. No. 4. P. 147–160. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.12 (in Russ.)

3. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Migratsii naseleniya rossijskoj Arktiki: modeli, marshruty, rezultaty [Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results]. Arktika: ekologiya i ekonomika *[Arctic: Ecology and Economy*]. 2020. No. 4(40). P. 4–18. DOI: 10.25283/2223-4594-2020-4-4-18. (in Russ.)

4. Ryazantsev S.V. Formy vremennoy migratsii v Rossii [Forms of temporary migration in Russia]. Migratsionnoye pravo [*Migration Law*]. 2014. No. 1. P. 14–17. (in Russ.)

5. Goncharova K.S., Shelomentsev A.G. Transformatsiya struktury naseleniya severnykh regionov Zapadnoj Sibiri: faktory i posledstviya [Transformation of the population structure in the northern regions of Western Siberia: factors and consequences]. Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 42–56. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-42-56 (in Russ.)

6. Stepus I.S., Gurtov V.A. Vakhtovaya zanyatost v ekonomike arkticheskoj zony Rossii: dinamika, masshtaby, professionalno-kvalifikatsionnyye kharakteristiki [Shift work in the economy of the Russian Arctic zone: dynamics, scale, professional and qualification characteristics]. Obshchestvo i ekonomika [*Society and Economy*]. 2023. No. 6. P. 90–108. DOI: 10.31857/S020736760025036-8 (in Russ.)

7. Efimov I.P., Gurtov V.A., Stepus I.S. Kadrovaya potrebnost ekonomiki Rossijskoj Arktiki: vzglyad v budushcheye [Recruitment needs of the Russian Arctic economy: Future outlook]. Voprosy Ekonomiki [*Economic Issues*]. 2022. No. 8, P. 118–132. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-118-132 (in Russ.)

8. Florinskaya Yu. F., Mkrtchyan N.V., Maleva T.M., Kirillova M.K. Migratsiya i rynok truda [*Migration and Labor Market*]. Moscow. Delo [Business]. 2015. 108 p. (in Russ.)

9. Mkrtchyan N.V. Vozrastnoj profil vnutrirossijskoj trudovoj migratsii i inykh form prostranstvennoj mobilnosti naseleniya [Age profile of Russian internal labor migration and other forms of spatial population mobility]. Regionalnyye issledovaniya [*Regional Research*]. 2018. No. 1(59), P. 72–81. (in Russ.)

10. Karachurina L.B. Vnutrirossijskaya trudovaya migratsiya: rasprostranennost i geografiya peredvizhenij [Domestic labor migration in Russia: incidence and geography of migration]. Ekonomicheskoye razvitiye Rossii [*Economic Development of Russia*]. 2013. No. 7. P. 46–49. (in Russ.)

11. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Sovremennaya territorialnaya i sotsialno-demograficheskaya spetsifika vakhtovoj trudovoj migratsii v Rossii [Modern territorial and socio-demographic specifics of long-distance commuting in Russia]. Ekonomicheskiye i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 206–225. DOI: 10.15838/esc.2024.3.93.12 (in Russ.)

12. Sokolova A.A. Vozvratnaya trudovaya migratsiya: masshtaby, posledstviya, podkhody k regulirovaniyu [*Return labor Migration: Scale, Consequences, Approaches to Regulation*]. Vologda. VolNTc RAN [VolRC RAS]. 2026. 167 p. (in Russ.)

13. Pitukhin E.A., Gurtov V.A., Rodion I.V. Matematicheskaya obrabotka dannykh vyborochnykh obsledovanij dlya formirovaniya i prognozirovaniya polovozrastnoj chislennosti zanyatykh [Mathematical processing of sampling inquiry data to form and forecast the age and gender number of employed people]. Ekonomika i upravleniye [*Economics and Management*]. 2025. Vol. 31. No. 4. P. 411–429. DOI: 10.35854/1998-1627-2025-4-411-429 (in Russ.)

14. Turakayev M.S., Baimurzina G.R. Rabota vakhtovym metodom glazami vremennykh trudovykh migrantov iz Bashkortostana [A fly-in fly-out work through the eyes of temporary labor migrants from Bashkortostan]. Problemy razvitiya territorii [*Problems of Territory's Development*]. 2022. Vol. 26. No. 6. P. 115–133. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.7 (in Russ.)

15. Khoteeva E.A., Simakova A.V., Stepus I.S. Perspektivy razvitiya potentsiala Rossijskoj Arktiki: motivatsionnye drajvery trudovykh migrantov (na primere vakhtovoj zanyatosti) [Prospects for the Development of the potential of the Russian Arctic: motivational drivers of labor migrants (based on the example of shift employment]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsialnaya praktika [*Sociological Science and Social Practice*]. 2024. Vol. 12. No. 4. P. 156–178. DOI: 10.19181/snsp.2024.12.4.9 (in Russ.)

16. Kashepov A.V. POST-SSSR: ekonomika, zanyatost i demografiya [*POST-USSR: Economy, Employment, and Demography*]. Moscow. MAKS Press. 2023. 360 p. DOI: 10.29003/m3161.978-5-317-06959-9 (in Russ.)

17. Stepus I.S., Gurtov V.A., Pitukhin E.A., Rodion I.V. Dinamika polovozrastnoj struktury rabotnikov Arkticheskoj zony Rossii: regional'nyye osobennosti. [Dynamics of the age and gender structure of workers in the Russian Arctic zone: regional characteristics]. Regionologiya [*Russian Journal of Regional Studies]*. 2026. Vol. 34. No. 2. P. 393–414, DOI:10.15507/2413-1407.26342.393-414. (in Russ.)
18. Loginov V.G. Vakhtovyj metod kak osnovnoj istochnik rabochej sily dlya osvoeniya neftegazovykh resursov zapolyarnykh rajonov Arktiki [Rotation system as the basic source of workforce for the development of oil and gas resources of the arctic polar regions]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo gornogo universiteta [*News of the Ural State Mining University*]. 2021. Vol. 2(62). P. 191–201, DOI: 10.21440/2307-2091-2021-2-191-201. (in Russ.)
19. Bazhutova E.A. Osobennosti migratsionnykh potokov regionov rossijskoj Arktiki v kontekste resheniya zadachi uderzhaniya naseleniya [Migration trends in the Russian Arctic: challenges and strategies for population retention]. Sever i rynok: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [*North and Market: Forming an Economic Order*]. 2025. No. 1. P. 180–196. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2025.87.012 (in Russ.)
20. Silin A.N. Sociological aspects of rotational employment in the northern territories of Western Siberia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2015. No. 4(40). P. 109–123. DOI: 10.15838/esc / 2015.4.40.7

Information about the authors:

Gurtov Valery Alekseevich, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Director, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University (BMC of PetrSU), Petrozavodsk, Russia.
Contact information: vgurt@petrsu.ru; ORCID: 0000-0002-2442-7389; Elibrary SPIN-code: 4180–0970.

Stepus Irina Sergeevna, Candidate of Economics, Deputy Director, BMC of PetrSU, Petrozavodsk, Russia.
Contact information: stepus@petrsu.ru; ORCID: 0000-0001-5070-0273; Elibrary SPIN-code: 4827–1957.

Pitukhin Evgeny Aleksandrovich, Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Department, BMC of PetrSU, Petrozavodsk, Russia.
Contact information: eugene@petrsu.ru; ORCID: 0000-0002-7021-2995; Elibrary SPIN-code: 2318–8378.

Rodion Inna Vladimirovna, Postgraduate student, Specialist, BMC of PetrSU, Petrozavodsk, Russia.
Contact information: irodion@petrsu.ru; ORCID: 0000-0002-6243-4010; Elibrary SPIN-code: 6461–9993.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-175-187
EDN: SVSHLX

ВНЕШНЯЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СЖАТИЯ

Лысенкова М. А.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5)

E-mail: lysenkovam@gmail.com

Финансирование:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 25–28–00302). – URL : https://rscf.ru/project/25-28-00302/.

Для цитирования:
Лысенкова М. А. Внешняя трудовая миграция и производственный потенциал регионов России в условиях демографического сжатия // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 3. – С. 175-187. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-175-187; EDN: SVSHLX

Аннотация. *Исследование посвящено анализу влияния внешней трудовой миграции на производственный потенциал регионов России в условиях демографического сжатия, санкционного давления и структурной трансформации экономики. Актуальность работы обусловлена усилением дефицита рабочей силы, региональной дифференциацией миграционных процессов и необходимостью выработки эффективных инструментов миграционной политики. Цель исследования — на основе панельных данных по субъектам РФ количественно оценить влияние внешней трудовой миграции на производственный потенциал регионов и выявить ключевые социально-экономические последствия миграционных процессов. Эмпирической базой служат официальные статистические данные Росстата по 82 субъектам РФ за 2012–2023 гг., включающие показатели миграционных потоков, валового регионального продукта и характеристик рынка труда. В качестве инструмента количественного анализа используется стохастическая производственная функция, оцененная методом максимального правдоподобия в трёх спецификациях и позволяющая совместно учитывать традиционные факторы производства и параметры внешней трудовой миграции. Дополнительно рассматриваются институциональные изменения миграционной политики и регулирования привлечения иностранной рабочей силы в 2020-е годы, влияющие на масштабы легальной занятости мигрантов и риски расширения теневого сегмента. Результаты демонстрируют асимметрию между более и менее экономически развитыми регионами: значимый отрицательный коэффициент при совокупном притоке мигрантов и положительный — при их оттоке. Установлено, что внешняя трудовая миграция одновременно выступает фактором частичной компенсации демографического сжатия и источником социально-экономических рисков, включая нарастающую географическую концентрацию источников миграции. Научная новизна работы состоит в интеграции стохастического моделирования производственного потенциала с демографическим и институциональным анализом внешней трудовой миграции на региональном уровне. Результаты могут быть использованы при разработке региональных программ миграционной политики.*

Ключевые слова: *внешняя трудовая миграция, демографическое сжатие, дефицит рабочей силы, человеческий капитал, рынок труда, миграционная политика, санкционное давление.*

© Лысенкова М. А., 2026

Введение

В последние годы российский рынок труда развивается в условиях сочетания демографического сжатия, ускоренного старения населения и сохраняющегося регионального неравенства по уровню социально-экономического развития и качеству человеческого капитала. Сокращение численности населения трудоспособного возраста и локальные «провалы» в обеспеченности кадрами в ряде отраслей усиливаются воздействием санкционного давления и структурной перестройки экономики, что делает воспроизводство трудовых ресурсов ключевым ограничением для долгосрочного роста. В этой ситуации внешняя трудовая миграция становится одним из главных компенсаторных механизмов, позволяющих частично сглаживать дефицит рабочей силы, но, одновременно, формирующих новые демографические и социально-экономические риски на региональном уровне.

Исследовательский интерес к внешней трудовой миграции сосредоточен на динамике миграционных потоков, институциональных особенностях миграционной политики и оценке вклада мигрантов в рынок труда и доходы населения. Значительно реже рассматривается комплексная взаимосвязь между внешней трудовой миграцией, производственным потенциалом регионов, качеством их человеческого капитала и пространственной асимметрией социально-экономического развития. Эта взаимосвязь особенно значима для России с её выраженной территориальной дифференциацией. Цель данного исследования — на основе панельных данных по субъектам РФ количественно оценить влияние внешней трудовой миграции на производственный потенциал регионов и выявить ключевые социально-экономические последствия миграционных процессов в условиях демографического сжатия.

Миграция, производственный потенциал и региональное развитие: обзор исследований

В отечественных демографических и экономических исследованиях внешняя и внутренняя трудовая миграция традиционно рассматриваются как важнейший фактор формирования региональных рынков труда и сглаживания территориальных диспропорций в обеспеченности рабочей силой. Показано, что на фоне второй волны депопуляции роль миграции в пополнении трудовых ресурсов возрастает, при этом вклад различных видов миграции — постоянной, внутренней, внешней — в формирование региональных рынков труда существенно различается [1]. Для крупнейших агломераций и ресурсных регионов характерно сочетание интенсивного притока внутренних и внешних трудовых мигрантов, что усиливает нагрузку на локальные рынки труда, инфраструктуру и системы социальной защиты [2].

Часть работ фокусируется на демографических аспектах воспроизводства населения и человеческого капитала в российских регионах [3–5]. Учёные отмечают, что развитие человеческого капитала невозможно без решения базовых демографических проблем, связанных с сокращением численности и изменением возрастной структуры населения, особенно в северных и периферийных регионах [5]. В рамках концепции социально-демографического потенциала показано, что потери от выбытия населения и оттока экономически активных групп ограничивают возможности инновационного и экономического роста территорий [6]. При этом миграционные процессы рассматриваются одновременно как источник пополнения человеческого капитала и как канал его перетока между регионами с разной структурой возможностей и ограничений [4].

Отдельное направление исследований посвящено оценке влияния миграционных потоков на экономическую активность и макроэкономические показатели [7][1]. На основе эконометрического подхода оценивается влияние миграции на выпуск, занятость, заработную плату и безработи-

[1] Кудаева М., Редозубов И. Влияние миграционных потоков на экономическую активность и рынок труда России в целом и региональном аспекте. Серия докладов об экономических исследованиях. – Москва : Банк России, 2021. – 45 с.

цу в регионах-донорах и реципиентах. Показано, что для «притягивающих» регионов внешняя трудовая миграция может выступать фактором расширения производственного потенциала, прежде всего в трудоёмких и низкооплачиваемых видах деятельности, тогда как для «отдающих» территорий отток населения сопровождается ростом заработной платы и усилением дефицита кадров.

Важное место занимают работы, анализирующие последствия внешней трудовой миграции для сбалансированности региональных рынков труда, экономической безопасности и социальной устойчивости [2; 8–10]. Авторы фиксируют неоднородность влияния внешней трудовой миграции: в одних случаях она компенсирует структурный дефицит рабочей силы и поддерживает функционирование ключевых отраслей (строительство, агропромышленный комплекс, ЖКХ), в других — усиливает конкуренцию на рынке труда и нагрузку на социальную инфраструктуру. Отмечается, что в современных условиях санкционного давления и переориентации внешнеэкономических связей возрастает значение регионов, активно интегрированных в новые логистические и производственные цепочки, что требует более тонкой настройки миграционной политики и механизмов привлечения иностранной рабочей силы [11].

В зарубежной литературе вопросы влияния международной трудовой миграции на экономический рост, производительность труда и региональное развитие рассматриваются преимущественно в рамках эмпирических исследований, использующих панельные данные и различные модификации производственных функций [12]. Исследования показывают, что эффекты миграции сильно зависят от структуры квалификаций мигрантов, институционального качества принимающих стран и регионов, а также от способности рынков труда и систем образования интегрировать мигрантов в сегменты, где существует устойчивый спрос на их труд. В то же время в российской литературе сравнительно мало работ, которые одновременно учитывали бы производственный, демографический и институциональный потенциал внешней трудовой миграции на региональном уровне, опираясь на методы стохастического моделирования. Наличие этого пробела задаёт нишу для настоящего исследования.

Данные и методы

Эмпирической основой исследования служат официальные статистические данные по субъектам РФ, включающие показатели миграции, валового регионального продукта, рынка труда и характеристик населения. Используются данные Росстата[2] о миграционных потоках и миграционном приросте, статистика по ВРП, занятости и безработице, а также источники, отражающие изменения миграционного законодательства и регулирования привлечения иностранной рабочей силы. Временные рамки анализа — период 2012–2023 годов.

Сформирована панель данных по 82 регионам России за выбранный период. Из общего числа субъектов РФ исключены регионы с неполными или несопоставимыми временными рядами по миграционным и социально-экономическим показателям за период 2012–2023 гг. (в их числе — новые регионы РФ, вошедшие в состав страны в 2022 г. и не имеющие сопоставимой статистики за весь анализируемый период, а также отдельные субъекты с пропусками в данных Росстата по миграционному обороту и ВРП). В качестве ключевых миграционных переменных используются: F1 — численность всех прибывших мигрантов; F2 — численность всех выбывших мигрантов; F3 — численность прибывших из стран СНГ; F4 — численность выбывших в страны СНГ; F5 — численность прибывших из стран дальнего зарубежья; F6 — численность выбывших в страны дальнего зарубежья. Методологической основой количественной оценки служит стохастическая производственная функция [13], адаптированная к задачам настоящего исследования:

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели 2024: стат. сборник. – Москва : Росстат, 2024. – URL : https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 16.03.2026).

$$\ln R_i = \beta_0 + \beta_1 \ln K_i + \beta_2 \ln L_i + v_i - u_i,$$
$$v_i \in N(0, \sigma_v^2), \quad (1)$$
$$u_i \in N^+(\delta_0 + \delta_1 z_i^1 + ... + \delta_m z_i^m, \sigma_u^2)$$

где R_i — результат производственной деятельности (валовой региональный продукт, млн руб.), *Ki* — объем физического капитала (стоимость основных фондов региона, млн рублей), *Li* — объем трудозатрат (среднегодовая численность занятых в экономике региона, тыс. человек), $z_i^1,...,z_i^m$ — характеристики m факторов эффективности, которые связаны с миграционными потоками (численность прибывших/выбывших мигрантов в разбивке по направлениям — всего, из стран СНГ, из стран дальнего зарубежья, человек). Включение миграционных переменных в производственную функцию позволяет оценить эластичности ВРП по отношению к потоку внешних трудовых мигрантов, а также выявить различия в производственной отдаче мигрантского труда между группами регионов. Оценённое воздействие отражает совокупный эффект миграции (включая как трудовую, так и учебную, семейную и другие), а не изолированное влияние именно трудовой миграции. Оценивание параметров осуществлялось в пакете STATA с использованием метода максимального правдоподобия. Рассматривались три спецификации модели: 1) все F1-F6; 2) чётные F2, F4, F6 — потоки выбытия; 3) нечётные F1, F3, F5 — потоки прибытия.

Результаты (табл. 1) показывают несколько важных моментов. Во всех спецификациях именно физический капитал даёт основной вклад в ВРП. Совокупный приток мигрантов (F1) в первой модели связан с уменьшением ВРП, тогда как совокупный отток (F2) ассоциируется с его ростом. При этом по отдельным направлениям миграции большинство коэффициентов статистически не значимы, что позволяет сделать вывод: важен не столько состав мигрантов, сколько соотношение притока и выбытия. Более детальное понимание этих зависимостей возможно с учётом региональных различий, что рассмотрено далее. Для модели с использованием факторов F1-F6 по данным 2023 г. построены оценки технической эффективности (рис. 1).

Показатель технической эффективности применительно к задачам исследования показывает, насколько фактический результат производственной деятельности региона (с учётом факторов труда, капитала и миграционных потоков) приближается к потенциально достижимому при данном наборе ресурсов. Регионы с высокими оценками технической эффективности (Магаданская область, Чукотский АО, Москва, Санкт-Петербург, Республика Калмыкия, Красноярский край, Республика Татарстан, Иркутская область) демонстрируют близкое к максимальному использование производственного потенциала при имеющемся сочетании капитала, труда и мигрантского фактора, тогда как отклонение прочих регионов от границы эффективности указывает на резервы роста, не реализуемые в текущей структуре занятости и миграционного обмена.

К группе регионов с максимально высокими показателями относятся Магаданская область и Чукотский АО, которые в рамках использованной спецификации практически совпадают с границей эффективного использования капитала, труда и мигрантского фактора. Близкие значения демонстрируют также Москва, Санкт-Петербург, Республика Калмыкия, Красноярский край, Республика Татарстан и Иркутская область, что указывает на почти полную загрузку производственного потенциала в заданных условиях.

Региональная дифференциация социально-экономических последствий

Полученные эконометрические результаты приобретают объяснительную силу при обращении к региональной специфике российского рынка труда. Региональная дифференциация проявляется в двух полярных моделях. В экономически развитых регионах-реципиентах (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) мигранты замещают нишевые позиции, от которых устойчиво отказывается местное население. В периферийных регионах отток собственного тру-

Таблица 1

Результаты оценки стохастической производственной функции (82 региона РФ, 2023 г.)

Table 1

Results of Stochastic Production Function estimation (82 regions of the Russian Federation, 2023)

Показатель	F1-F6	F2, F4, F6	F1, F3, F5
K	0,8661***	0,8594***	0,8792***
L	0,0138	0,0592	0,0946
F1	-0,522**	–	0,0005
F2	0,647**	0,0863	–
F3	0,1055	–	0,0441
F4	0,0664	0,0323	–
F5	0,0351	–	-0,0404*
F6	0,0037	0,0357	–
Log likelihood	15,262	12,079	12,524

Примечание: *** – значимо на уровне 1%; ** – на уровне 5%; * – на уровне 10%.

Источник: результаты расчётов с помощью пакета STATA.

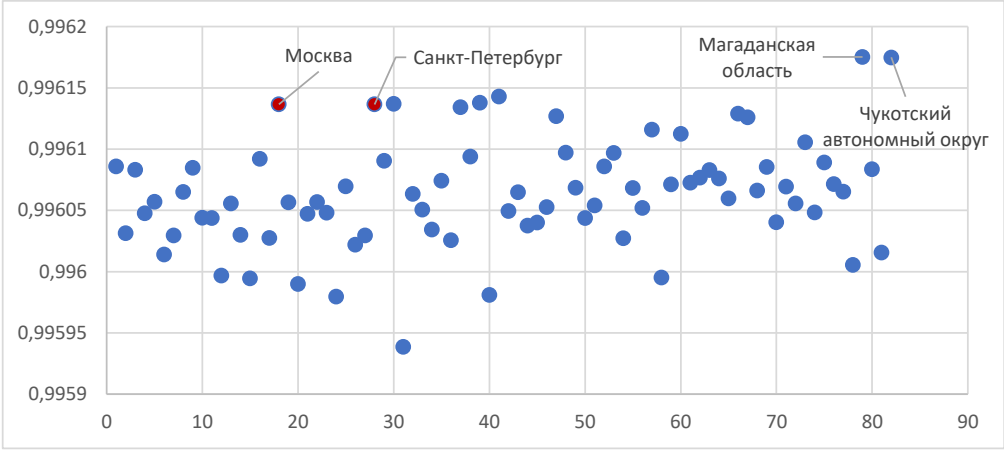

Рис. 1. Оценки технической эффективности в модели с использованием факторов F1-F6 по данным 2023 года

Fig. 1. Estimates of technical efficiency in the model using factors f1-f6 based on 2023 data

Источник: составлено автором по результатам расчётов с помощью пакета STATA.

доспособного населения сопровождается слабыми стимулами для притока внешних мигрантов, что воспроизводит и усиливает кадровый дефицит.

Масштаб проблемы иллюстрируют данные о структурном дефиците рабочей силы. По оценкам Института экономики РАН и Института Гайдара, в 2023 г. в стране не хватало порядка 4,0–4,8 млн работников, а более 90% компаний испытывали дефицит персонала в 2024–2025 годах. Острота дефицита существенно различается по регионам: наиболее высокий уровень незакрытых вакансий фиксируется в Севастополе (16,3%), Чукотском АО (12,1%), Камчатском крае (11,9%), областях Московской

(11%) и Магаданской (10,7%), тогда как регионы с высокой безработицей (прежде всего северокавказские регионы) практически не испытывают кадрового голода. Это указывает на структурный, а не циклический характер дисбаланса[3].

Такое пространственное распределение дефицита соответствует двум полярным моделям взаимодействия демографических тенденций и внешней трудовой миграции. В развитых регионах с высоким платёжеспособным спросом на труд мигранты восполняют «нижний» сегмент рынка труда (строительство, ЖКХ, транспорт и логистику, агропромышленный комплекс), от которого отказывается местное население. В периферийных регионах с низкой оплатой труда мигранты не находят экономических стимулов для прибытия, и дефицит воспроизводится уже не за счёт структурного несоответствия, а вследствие депопуляции и оттока собственного трудоспособного населения. Таким образом, внешняя трудовая миграция не решает задачи сбалансированности региональных рынков труда, а, напротив, дополнительно усиливает пространственную концентрацию экономической активности [2; 14]. Этот вывод подкрепляется результатами работ [15], в которых показано, что производственный и человеческий потенциал регионов РФ формируется под воздействием комплекса факторов (инновационной активности, уровня образования, качества институтов), а не только под влиянием демографических потоков. Миграция встраивается в эту систему как один из факторов: её эффект зависит от наличия «принимающей среды» — производственного потенциала, структуры занятости и институционального качества.

Региональная асимметрия как системная характеристика

Полученные результаты позволяют поставить под сомнение представление о внешней трудовой миграции как однонаправленном инструменте компенсации демографических потерь. Выявленная асимметрия между регионами-реципиентами и регионами-донорами имеет устойчивый, структурный характер: более экономически развитые территории концентрируют подавляющую долю внешних трудовых мигрантов (на Москву и Санкт-Петербург с прилегающими областями приходится более половины всех иностранных работников), тогда как периферия остаётся вне зоны влияния этого механизма [14–18]. Данная закономерность согласуется с результатами исследований региональной конвергенции, фиксирующих, что миграционные потоки в России не обеспечивают автоматического сглаживания межрегиональных диспропорций — ни в уровне заработной платы, ни в темпах роста ВРП. Концентрация мигрантов в крупнейших агломерациях усиливает их притягивающую силу, формируя асимметрию двойного рода: пространственную — между «ядром» и «периферией» — и функциональную, когда интенсивный приток мигрантов в развитые регионы сочетается с одновременным оттоком наиболее квалифицированных местных работников в те же центры [3; 18; 19].

Эконометрические результаты настоящего исследования позволяют формализовать эту закономерность. Значимый отрицательный коэффициент при совокупном миграционном притоке и положительный — при совокупном оттоке (табл. 1) отражают следующую логику: в менее развитых регионах приток мигрантов не сопровождается соответствующим расширением производственных мощностей и созданием новых рабочих мест — напротив, он создаёт дополнительную нагрузку на рынок труда и социальную инфраструктуру, не конвертируясь в прирост ВРП. В более развитых регионах отток избыточной рабочей силы через механизм конкуренции за вакансии ведёт к росту производительности труда и, как следствие, к увеличению выпуска. От структурной асимметрии между регионами перейдём к географической концентрации самих миграционных пото-

[3] Регионы России с самым острым дефицитом кадров назвали в Росстате. – URL : https://rossaprimavera.ru/news/8d24b04f; Рынок труда России: между дефицитом и трансформацией/ – URL : https://russiancouncil.ru/blogs/rahmon-ulmasov/rynok-truda-rossii-mezhdu-defitsitom-i-transformatsiey/ (дата обращения: 16.03.2026).

ков — фактору, который усиливает описанные диспропорции.

Сужение географии доноров и концентрация рисков

Важной составляющей обсуждаемой проблематики является нарастающая географическая концентрация источников внешней трудовой миграции. Если в 1990-е и 2000-е гг. география стран-доноров была относительно диверсифицированной (большинство стран СНГ, в том числе Украина, Молдова), то к 2022–2025 гг. она сузилась преимущественно до стран Центральной Азии — Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. По данным исследований, 85% приезжающих в Россию трудовых мигрантов — граждане именно этих трёх стран, тогда как ранее их доля составляла менее 20%. Это сужение само по себе является риском для устойчивости российского рынка труда: высокая зависимость от одного миграционного коридора делает систему уязвимой к политическим, экономическим и демографическим изменениям в странах-донорах[4].

С точки зрения регионального распределения данный фактор проявляется неравномерно. Регионы, традиционно работающие с мигрантами из Центральной Азии в трудоёмких отраслях (строительство, сельскохозяйственный сезонный труд, ЖКХ), испытывают меньшую дезорганизацию рынка труда при смене страновой структуры потоков, поскольку уже сформировали соответствующие институциональные и инфраструктурные механизмы. Напротив, регионы, ориентированные на более квалифицированную рабочую силу (технологические и инновационные хабы), оказываются более уязвимыми к сужению географии доноров, поскольку эта категория мигрантов, как правило, имела более диверсифицированное страновое происхождение [17; 20]. Первые шаги по диверсификации миграционных коридоров уже предпринимаются. В декабре 2025 г. спецпредставитель президента России Б. Титов заявил, что в 2026 г. в Россию могут приехать не менее 40 тыс. трудовых мигрантов из Индии[5]. Но переориентация на «восточный» коридор (Индия, Вьетнам, Бангладеш) сопряжена с новыми вызовами: языковыми барьерами, необходимостью признания зарубежных квалификаций, развития инфраструктуры приёма и интеграции.

Изменения в миграционном законодательстве 2022–2024 гг. создают дополнительный институциональный контекст для этих процессов. Ужесточение регуляторных требований — расширение инструментов контроля, патентная система, ограничения на работу по отдельным видам деятельности — с одной стороны, стимулирует легализацию занятости, повышая прозрачность рынка труда и бюджетные поступления. С другой — существенно возрастает риск вытеснения части мигрантов в теневой сегмент: исследования неформальной занятости в условиях санкционного давления фиксируют рост её отдельных форм в 2022–2023 гг., что может нивелировать положительные эффекты регуляторного ужесточения для региональных рынков труда. Данная динамика неоднородна по регионам: в крупнейших агломерациях с развитой контрольно-надзорной инфраструктурой вытеснение в тень менее вероятно, тогда как в регионах с ограниченными административными ресурсами регуляторное давление может парадоксальным образом усиливать неформальную занятость мигрантов [21].

Качество человеческого капитала мигрантов и производственный потенциал

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, в какой мере структура челове-

[4] Сергей Рязанцев: Трудовая миграция из Центральной Азии в Россию в контексте экономического кризиса. — URL : https://globalaffairs.ru/articles/trudovaya-migracziya-iz-czentralnoj-azii-v-rossiyu-v-kontekste-ekonomicheskogo-krizisa/ (дата обращения: 16.03.2026).

[5] Миграция в Россию: количественный сдвиг, новые направления и структурные вызовы/ — URL : https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsiya-v-rossiyu-kolichestvennyy-sdvig-novye-napravleniya-i-strukturnye-vyzovy-/ (дата обращения: 16.03.2026).

ческого капитала мигрантов соответствует потребностям принимающих регионов. Исследования показывают, что качество человеческого капитала является одним из ключевых факторов производственного потенциала, и его наращивание через инновационную деятельность и систему образования имеет долгосрочный, нелинейный характер. Применительно к внешней трудовой миграции это означает, что включение мигрантского труда в производственную функцию региона не эквивалентно простому увеличению численности занятых: качественные характеристики мигрантского труда (квалификация, знание языка, способность к профессиональной адаптации) существенно модифицируют итоговый производственный эффект [20; 22].

Эмпирические оценки, полученные в ходе исследования, опосредованно подтверждают данный вывод: отсутствие статистической значимости параметров по отдельным потокам из стран СНГ и дальнего зарубежья при наличии значимого совокупного эффекта свидетельствует о том, что решающим фактором выступает не географическая структура миграции, а соотношение и динамика этих потоков. Это соотносится с результатами, показывающими, что увеличение занятости мигрантов в низкоквалифицированных сегментах лишь в слабой степени связано с ростом региональной производительности труда, тогда как привлечение работников с дефицитными навыками формирует ощутимый, хотя и отложенный, вклад в производственный потенциал территорий. При этом трансформация российской экономики в сторону более технологичных и квалифицированных видов деятельности усиливает несоответствие между характеристиками мигрантского предложения и структурой спроса на рынке труда.

Следовательно, приоритетом региональной миграционной политики становится не столько регулирование масштабов привлечения иностранной рабочей силы, сколько создание механизмов, обеспечивающих её соответствие отраслевым и территориальным потребностям. Представленные аргументы обосновывают необходимость дифференцированного подхода к формированию региональных стратегий, учитывающего особенности производственной структуры, темпы убыли населения и уровень развития человеческого капитала в разных группах субъектов РФ.

Заключение

Настоящее исследование, объединяющее количественный анализ влияния миграционных потоков на производственный потенциал регионов России и системный анализ её социально-экономических последствий в условиях демографического сжатия, позволяет сформулировать следующие ключевые выводы.

1. Миграционные потоки оказывают на производственный потенциал регионов значимое, но разнонаправленное воздействие, обусловленное не столько абсолютными объёмами потоков, сколько их динамическим балансом — соотношением притока и оттока. Оценка стохастической производственной функции показала статистически значимый отрицательный коэффициент при совокупном притоке и положительный — при совокупном оттоке, что отражает принципиальную асимметрию: регионы, испытывающие интенсивный приток мигрантов при слабом оттоке собственного населения, как правило, не конвертируют прирост трудовых ресурсов в соответствующий рост ВРП.

2. Выявленная миграционная асимметрия усиливает существующие межрегиональные диспропорции. Экономически развитые регионы характеризуются конфигурацией, ассоциируемой с устойчивым ростом производительности труда и ВРП, тогда как периферийные регионы притягивают мигрантов в низкопроизводительных нишах при одновременном оттоке квалифицированных местных работников, что ведёт к ослаблению производственного потенциала.

3. В условиях демографического сжатия, санкционного давления и структурной трансформации экономики миграция

обеспечивает лишь частичную и пространственно неравномерную компенсацию дефицита рабочей силы. Дефицит кадров в ключевых отраслях носит структурный характер: предложение мигрантского труда сосредоточено преимущественно в низкоквалифицированных нишах, тогда как спрос экономики сместился в сторону квалифицированных и технологически сложных видов занятости.

4. Ужесточение миграционного регулирования в 2022–2024 гг. создаёт противоречивые стимулы на региональном уровне: формальное снижение объёмов привлечения иностранной рабочей силы обострило дефицит кадров в строительстве, сельском хозяйстве, ЖКХ и транспорте. Часть мигрантов была вытеснена в теневой сегмент занятости: регионы с развитой контрольно-надзорной инфраструктурой показывают большую способность к переориентации на легальные форматы, в то время как периферийные регионы сталкиваются с расширением теневой занятости.

5. Нарастающая географическая концентрация миграционных потоков на Центральную Азию (85% всех трудовых мигрантов) и первые шаги по переориентации на «восточный» миграционный коридор (Индия, Вьетнам, Бангладеш) формируют принципиально новую конфигурацию региональных рисков и возможностей, которая пока не нашла достаточного отражения ни в системе мониторинга, ни в существующих исследовательских рамках.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке региональных программ государственной миграционной политики и управления трудовыми ресурсами.

Литература и Интернет-источники

1. ***Топилин, А.В.*** Роль миграции в формировании региональных рынков труда в условиях второй волны депопуляции в современной России/А.В. Топилин, А.С. Максимова // Вопросы статистики. — 2020. — Т. 27. — № 6. — С. 26–36. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36; EDN: QXVXFF
2. ***Топилин, А.В.*** Миграция и сбалансированность региональных рынков труда/А.В. Топилин // Миграция и социально-экономическое развитие. — 2016. — Т. 1. — № 2. — С. 79–96. DOI: 10.18334/migration.1.2.38084; EDN: ZDDRLF
3. ***Савочкин, А.В.*** Влияние человеческого капитала на социально-экономическое развитие северных регионов России в условиях регионального разнообразия/А.В. Савочкин // Экономика, предпринимательство и право. — 2025. — Т. 15. — № 8. — С. 5497–5516. DOI: 10.18334/epp.15.8.123619; EDN: INPLEG
4. ***Моисеев, В.В.*** Актуальные проблемы человеческого капитала в регионах России/В.В. Моисеев, Ю.С. Колесникова, О.А. Смоленская // Человеческий капитал. — 2021. — № 6(150). — С. 38–44. DOI: 10.25629/HC.2021.06.03; EDN UOQLOC
5. ***Ионцев, В.А.*** Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и её регионах/В.А. Ионцев, А.Г. Магомедова // Экономика региона. — 2015. — № 3(43). — С. 89–102. DOI: 10.17059/2015-3-8; EDN: UISFRL
6. ***Лысенкова, М.А.*** Анализ социально-экономических последствий внешней трудовой миграции в условиях изменений российского рынка труда/М.А. Лысенкова // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2025. — № 11(181). — С. 372–382. DOI: 10.26726/rppe2025v11aotse; EDN: HOUZXO
7. ***Логинова, Е.В.*** Трудовая миграция в российских регионах в контексте обеспечения экономической безопасности/Е.В. Логинова, М.М. Гузев, А.В. Литвинова // Региональная экономика. Юг России. — 2024. — Т. 12. — № 2. — С. 125–138. DOI: 10.15688/re.volsu.2024.2.11; EDN: UCTOOE
8. ***Алонцева, Д.В.*** Влияние миграционных потоков на российский рынок труда/Д.В. Алонцева, П.В. Панькин, Т.А. Шабалина // Экономика, предпринимательство и право. — 2025. — Т. 15. — № 11. — С. 7793–7810. DOI: 10.18334/epp.15.11.124188; EDN: SXAUHQ

9. ***Якшибаева, Г.В.*** Влияние трудовой миграции на сбалансированное функционирование рынка труда: региональный аспект/Г.В. Якшибаева // Экономика и управление: научно-практический журнал. — 2025. — № 4(184). — С. 25–30. DOI: 10.34773/EU.2025.4.4; EDN: ZPBJYY

10. ***Соболев, Э.Н.*** Трудовая миграция в России: тенденции, риски, механизмы регулирования/Э.Н. Соболев // Экономическая безопасность. — 2024. — Т. 7. — № 7. — С. 1689–1704. DOI: 10.18334/ecsec.7.7.121432; EDN: CAEDYM

11. ***Лялина, А.В.*** Миграция населения в методиках оценки трудового потенциала региона/А.В. Лялина, А.П. Плотникова, К.Ю. Волошенко // Геополитика и экогеодинамика регионов. — 2024. — Т. 20. — № 2. — С. 69–88. EDN: WTSZTK

12. ***Крюков, В.А.*** Динамика человеческого капитала в Азиатской России в первые десятилетия XXI века/В.А. Крюков, А.О. Баранов, Ю.М. Слепенкова // Экономика региона. — 2021. — Т. 17. — № 4. — С. 1182–1195. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-10; EDN: YCCGSP

13. ***Макаров, В.Л.*** Оценка эффективности регионов РФ с учетом интеллектуального капитала, характеристик готовности к инновациям, уровня благосостояния и качества жизни населения/В.Л. Макаров, С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, [и др.] // Экономика региона. — 2014. — № 4(40). — С. 9–30. DOI: 10.17059/2014-4-1; EDN: TFGKJZ

14. ***Долганова, Е.А.*** Миграционные процессы в России и их социально-экономические последствия/Е.А. Долганова, Е.А. Боркова // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2025. — № 11(129). — С. 101–106. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-11-101-106; EDN: YODMHA

15. ***Лысенкова, М.А.*** Сравнительный анализ инновационной активности регионов на основе концепции стохастической границы: диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05/Лысенкова Мария Александровна. — 2022. — 161 с. EDN: BDLJGH

16. ***Зайончковская, Ж.А.*** Перспективы миграции и этнического развития России и их учет при разработке стратегических направлений развития страны на длительную перспективу/Ж.А. Зайончковская, Н.В. Мкртчян, А.И. Трейвиш, В.А. Тишков. — Москва : Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере, 2004. — 101 с. EDN: WKUKHZ

17. ***Гераськина, А.Р.*** Проблемы трудовой миграции в условиях внешнеэкономической неопределенности/А.Р. Гераськина, Р.М. Шафиев // Вектор экономики. — 2024. — № 11(101). EDN: ULYNNY

18. ***Vakulenko, E.*** Does migration lead to regional convergence in Russia?/E. Vakulenko // Internat ional Journal of Economic Policy in Emerging Economies. — 2016. — Vol. 9. — No. 1. — P. 1–24. DOI: 10.1504/IJEPEE.2016.074943; EDN: WSKZMR

19. ***Бареев, М.Ю.*** Внешняя миграция как потеря социального капитала в региональном социуме/М.Ю. Бареев, О.Н. Курмышкина // Регионология. — 2022. — Т. 30 — № 1(118). — С. 31–54. DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054; EDN: PUNFWH

20. ***Шимановский, Д.В.*** Влияние миграции человеческого капитала на экономический рост регионов России: эконометрический анализ/Д.В. Шимановский // Бизнес. Образование. Право. — 2024. — № 3(68). — С. 153–163. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1087; EDN: NSNVYY

21. ***Зудина, А.А.*** Неформальная занятость в периоды кризиса: анализ потоков рабочей силы на российском рынке труда/А.А. Зудина // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2024. — Т. 28. — № 4. — С. 565–586. DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586; EDN: OYLGWW

22. ***Ефимочкина, Н.Б.*** Человеческий капитал: региональные аспекты рынка труда и миграция/Н.Б. Ефимочкина, А.К. Мамедов, С.Х. Сулумов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2024. — Т. 26. — № 2. — С. 110–121. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-2-110-121; EDN: TMIKCV

Сведения об авторе:
Лысенкова Мария Александровна, к.э.н., лаборант-исследователь, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: lysenkovam@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2381-9807; РИНЦ SPIN-код: 6783–9408.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-175-187

EXTERNAL LABOR MIGRATION AND THE PRODUCTIVE POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS UNDER DEMOGRAPHIC CONTRACTION

Maria A. Lysenkova
ISESP FCTAS RAS
(24/35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)
E-mail: lysenkovam@gmail.com

Funding:
The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 25–28–00302. – URL : https://rscf.ru/project/25–28–00302/.

For citation:
Lysenkova M. A. External labor migration and the productive potential of Russian regions under demographic contraction. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 4. P. 175-187. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-175-187 (in Russ.)

Abstract. *The study analyses the impact of external labor migration on the productive and human capital potential of Russian regions under the conditions of demographic contraction, sanctions pressure, and structural economic transformation. The empirical base comprises official Rosstat statistics for 82 constituent entities of the Russian Federation over the period 2012–2023, covering migration turnover, Gross Regional Product, and labor-market indicators. As the quantitative tool, the study employs a stochastic frontier production function estimated by maximum likelihood in three specifications — the full set of migration variables and separately the inflow and outflow components — which allows conventional production factors (capital and labor) to be combined with migration turnover parameters (arrivals and departures, by origin and destination within and beyond the CIS). It should be noted that, consistent with Rosstat methodology, these migration variables capture overall population turnover rather than labor migration alone, so the estimated effects reflect the aggregate impact of migration rather than an isolated labor-migration effect. Estimates of technical efficiency for 2023 reveal a pronounced asymmetry between regions: resource and metropolitan regions with high capital intensity operate close to the production frontier, while peripheral regions with substantial population outflow show markedly lower efficiency scores. Additional consideration is given to institutional changes in migration policy and regulation of foreign labor attraction in 2022–2025, which affect the scale of legal migrant employment and the risks of shadow economy expansion, as well as to the ongoing geographic reorientation of migration corridors toward new sending countries. The results show that external labor migration simultaneously acts as a factor of partial compensation for demographic contraction in «attracting» regions and as a source of additional socio-economic risks in «donor» regions. The scientific novelty of the study lies in the integration of stochastic frontier modeling of regional productive potential with a demographic and institutional analysis of external labor migration, offering an empirical basis for differentiated regional migration policy.*

Keywords: *external labor migration, demographic contraction, labor shortage, human capital, labor market, migration policy, sanctions pressure.*

References and Internet sources

1. Topilin A. V., Maksimova A. S. Rol' migratsii v formirovanii regional'nykh rynkov truda v usloviyakh vtoroj volny depopulyatsii v sovremennoj Rossii [The role of migration in the formation of regional labour markets amidst the second wave of depopulation in modern Russia]. Voprosy statistiki [*Statistical Issues*]. 2020. Vol. 27. No. 6. P. 26–36. DOI: 10.34023/2313-6383-2020-27-6-26-36 (in Russ.)
2. Topilin A. V. Migratsiya i sbalansirovannost' regional'nykh rynkov truda [Migration and balance of regional labor markets]. Migratsiya i sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye [*Migration and Social Development*]. 2016. Vol. 1. No. 2. P. 79–96. DOI: 10.18334/migration.1.2.38084 (in Russ.)
3. Savochkin A. V. Vliyaniye chelovecheskogo kapitala na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye severnykh regionov Rossii v usloviyakh regional'nogo raznoobraziya [The impact of human capital on the socio-economic development of Russian northern regions amid regional diversity]. Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [*Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*]. 2025. Vol. 15. No. 8. P. 5497–5516. DOI: 10.18334/epp.15.8.123619 (in Russ.)
4. Moiseev V. V., Kolesnikova Yu. S., Smolenskaya O. A. Aktual'nyye problemy chelovecheskogo kapitala v regionakh Rossii [Actual problems of human capital in the regions of Russia]. Chelovecheskij kapital [*Human Capital*]. 2021. No. 6(150). P. 38–44. DOI: 10.25629/HC.2021.06.03 (in Russ.)
5. Iontsev V. A., Magomedova A. G. Demograficheskiye aspekty razvitiya chelovecheskogo kapitala v Rossii i yeyo regionakh [Demographic aspects of human capital development in Russia and its regions]. Ekonomika regiona [*Economy of Regions*]. 2015. No. 3(43). P. 89–102. DOI: 10.17059/2015-3-8 (in Russ.)
6. Lysenkova M. A. Analiz sotsial'no-ekonomicheskikh posledstvij vneshnej trudovoj migratsii v usloviyakh izmenenij rossiiskogo rynka truda [Analysis of the socio-economic consequences of external labor migration amid changes in the Russian labor market]. Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [*Regional Problems of Economic Transformation*]. 2025. No. 11(181). P. 372–382. DOI: 10.26726/rppe2025v11aotse (in Russ.)
7. Loginova E. V., Guzev M. M., Litvinova A. V. Trudovaya migratsiya v rossiiskikh regionakh v kontekste obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti [Labor migration in Russian regions: issues of economic security provision]. Regional'naya ekonomika. Yug Rossii [*Regional Economy. South of Russia*]. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 125–138. DOI: 10.15688/re.volsu.2024.2.11 (in Russ.)
8. Alontseva D. V., Pan'kin P. V., Shabalina T. A. Vliyaniye migratsionnykh potokov na rossiiskij rynok truda [The impact of migration flows on the Russian labor market]. Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [*Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*]. 2025. Vol. 15. No. 11. P. 7793–7810. DOI: 10.18334/epp.15.11.124188 (in Russ.)
9. Yakshibaeva G. V. Vliyaniye trudovoj migratsii na sbalansirovannoye funktsionirovaniye rynka truda: regional'nyi aspekt [The impact of labor migration on the balanced functioning of the labor market: a regional aspect]. Ekonomika i upravleniye: nauchno-prakticheskij zhurnal [*Economics and Management: Scientific and Practical Journal*]. 2025. No. 4(184). P. 25–30. DOI: 10.34773/EU.2025.4.4 (in Russ.)
10. Sobolev E. N. Trudovaya migratsiya v Rossii: tendentsii, riski, mekhanizmy regulirovaniya [Labor migration in Russia: trends, risks and regulatory mechanisms]. Ekonomicheskaya bezopasnost' [*Economic Security*]. 2024. Vol. 7. No. 7. P. 1689–1704. DOI: 10.18334/ecsec.7.7.121432 (in Russ.)
11. Lialina A. V., Plotnikova A. P., Voloshenko K. Yu. Migratsiya naseleniya v metodikakh otsenki trudovogo potentsiala regiona [Migration in the methods for assessing the labor potential of the region]. Geopolitika i ekogeodinamika regionov [*Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*]. 2024. Vol. 20. No. 2. P. 69–88. (in Russ.)
12. Kryukov V. A., Baranov A. O., Slepenkova Yu. M. Dinamika chelovecheskogo kapitala v Aziatskoj Rossii v pervyye desyatiletiya 21 veka [Dynamics of human capital in Asian Russia in the first decades of the 21st century]. Ekonomika regiona [*Economy of Regions*]. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 1182–1195. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-10 (in Russ.)

13. Makarov V. L., Ayvazyan S. A., Afanasyev M. Yu., et al. Otsenka effektivnosti regionov RF s uchotom intellektual'nogo kapitala, kharakteristik gotovnosti k innovatsiyam, urovnya blagosostoyaniya i kachestva zhizni naseleniya [The estimation of the regions' efficiency of the Russian Federation including the intellectual capital, the characteristics of readiness for innovation, level of well-being, and quality of life of the population]. Ekonomika regiona [*Economy of Regions*]. 2014. No. 4(40). P. 9–30. DOI: 10.17059/2014-4-1 (in Russ.)
14. Dolganova E. A., Borkova E. A. Migratsionnyye protsessy v Rossii i ikh sotsial'no-ekonomicheskiye posledstviya [Migration processes in Russia and their socio-economic consequences]. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika [*Economy and Business: Theory and Practice*]. 2025. No. 11(129). P. 101–106. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-11-101-106 (in Russ.)
15. Lysenkova M. A. Sravnitel'nyi analiz innovatsionnoj aktivnosti regionov na osnove kontseptsii stokhasticheskoj granitsy [*Comparative Analysis of the Innovation Activity of Regions Based on the Stochastic Frontier Concept*]. Theses for Cand. Degree. 2022. 161 p. (in Russ.)
16. Zayonchkovskaya Zh. A., Mkrtchyan N. V., Treivish A. I., Tishkov V. A. Perspektivy migratsii i etnicheskogo razvitiya Rossii i ikh uchot pri razrabotke strategicheskikh napravlenij razvitiya strany na dlitel'nuyu perspektivu [*Prospects of Migration and Ethnic Development of Russia and their Consideration in the Development of Strategic Directions for the Country's Long-Term Development*]. Moscow. 2004. 101 p. (in Russ.)
17. Geraskina A. R., Shafiev R. M. Problemy trudovoj migratsii v usloviyakh vneshneekonomicheskoj neopredelennosti [Problems of labor migration in conditions of foreign economic uncertainty]. Vektor ekonomiki [*Vector of Economy*]. 2024. No. 11(101). (in Russ.)
18. Vakulenko E. Does migration lead to regional convergence in Russia? *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. 2016. Vol. 9. No. 1. P. 1–24. DOI: 10.1504/IJEPEE.2016.074943
19. Bareev M. Yu., Kurmyshkina O. N. Vneshnyaya migratsiya kak poterya sotsial'nogo kapitala v regional'nom sotsiume [External migration and loss of social capital in the regional society]. Regionologiya [*Regionology*]. 2022. Vol. 30. No. 1(118). P. 31–54. DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.031-054 (in Russ.)
20. Shimanovsky D. V. Vliyaniye migratsii chelovecheskogo kapitala na ekonomicheskij rost regionov Rossii: ekonometricheskij analiz [Influence of human capital migration on the economic growth of Russian regions: econometric analysis]. Biznes. Obrazovaniye. Pravo [*Business. Education.* Law]. 2024. No. 3(68). P. 153–163. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1087 (in Russ.)
21. Zudina A. A. Neformal'naya zanyatost' v periody krizisa: analiz potokov rabochej sily na rossiiskom rynke truda [Informal employment during crises: analysis of labour force flows in the Russian labour market]. Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki [*Higher School of Economics Economic Journal*]. 2024. Vol. 28. No. 4. P. 565–586. DOI: 10.17323/1813-8691-2024-28-4-565-586 (in Russ.)
22. Efimochkina N. B., Mamedov A. K., Sulumov S. Kh. Chelovecheskij kapital: regional'nyye aspekty rynka truda i migratsiya [Human capital: regional aspects of labour market and migration]. Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN [*News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*]. 2024. Vol. 26. No. 2. P. 110–121. DOI: 10.35330/1991-6639-2024-26-2-110-121 (in Russ.)

Information about the author:
Lysenkova Maria Alexandrovna, Candidate of Economics, Research Assistant, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: lysenkovam@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2381-9807; Elibrary SPIN-code: 6783–9408.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-188-198
EDN: THZMMS

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лабейко О. А.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь (220007, Республика Беларусь, Минск, ул. Московская, 17)

E-mail: Olgalabeyko@bk.ru

Для цитирования:
Лабейко О. А. Совершенствование механизма обеспечения занятости людей с инвалидностью в Республике Беларусь // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 188-198. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-188-198; EDN: THZMMS

Аннотация. *Вовлечение населения в трудовую деятельность является одной из основных задач государственной кадровой политики Республики Беларусь, решение которой должно опираться на анализ мировых тенденций развития трудовых отношений, учитывать национальные факторы воспроизводства рабочей силы. В работе показаны действия глобальных вызовов на структуру рынка труда и характер занятости населения, включая внедрение искусственного интеллекта, цифровую трансформацию сфер деятельности, переход к зелёной экономике, старение населения, рост международной трудовой миграции. Систематизированы факторы, оказывающие существенное влияние на конъюнктуру рынка труда Республике Беларусь. На основе выполненного анализа программных документов социально-экономического развития страны выделены приоритеты государственной кадровой политики по созданию условий для полной занятости населения; эффективному использованию кадрового потенциала; вовлечению в трудовую деятельность лиц, не задействованных в экономике, имеющих сложности с трудоустройством; повышению роли общественных организаций в реализации государственной кадровой политики и др. С учётом действия глобальных вызовов и национальных условий обоснованы предложения по содействию занятости, трудоустройству и закреплению на рабочем месте людей с инвалидностью. Предложены новые организационные формы адаптации к трудовой деятельности людей с инвалидностью. Разработаны практические рекомендации по совершенствованию порядка установления и выполнения квот для приёма на работу людей с инвалидностью. Разработана модель наставничества для работников с разными формами инвалидности, суть которой состоит в описании цели, задач, характеристик группы наставляемых, алгоритма организации, проведения и оценки эффективности данного вида наставничества. Действия этих мер направлены на решение задач государственной кадровой политики по вовлечению населения в трудовую деятельность.*

Ключевые слова: *кадровый потенциал, рынок труда, цифровизация, демографические вызовы, международная трудовая миграция, резерв кадрового потенциала, люди с инвалидностью.*

© Лабейко О. А., 2026

Постановка проблемы

Эффективность решения актуальных и перспективных задач социально-экономического и общественно-политического развития страны во многом определяется количественными и качественными характеристиками кадрового потенциала отраслей экономики и сфер деятельности. Формирование и реализация государственной кадровой политики требует учёта глобальных вызовов функционирования рынка труда, национальных условий формирования спроса и предложения рабочей силы, совершенствования инфраструктуры для работы и профессиональной карьеры социально-демографических групп населения.

В Республике Беларусь ведётся комплексная работа по содействию занятости и трудоустройству людей с инвалидностью путём реализации ряда государственных программных документов, Национального плана действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции о правах инвалидов на 2026–2030 годы. При этом в стране наблюдается устойчивая тенденция роста абсолютных и интенсивных показателей первичной инвалидности среди населения в трудоспособном возрасте. В 2024 г. инвалидность была установлена у 20,6 тыс. человек в трудоспособном возрасте, что выше уровня 2020 г. на 645 человек, или 3,2 процентных пункта (п.п.) (табл. 1).

Анализ данных табл. 1 указывает на увеличение на 5,7% интенсивности первичной инвалидности населения в трудоспособном возрасте с 37,24 человек на 10 тыс. населения в 2020 г. до уровня 39,37 человек на 10 тыс. населения в 2024 году. Анализ показателей внутригруппового перемещения лиц с инвалидностью в трудоспособном возрасте за 2020–2024 гг. позволил установить: рост полной и частичной реабилитации на 5,3% и 9,8% соответственно, а также рост на 5,0 п.п. тяжести инвалидности с 10,1% до 15,1% (рис. 1). Увеличение абсолютных и интенсивных показателей инвалидности среди населения в трудоспособном возрасте обуславливает научную и практическую значимость настоящего исследования. Цель исследования — разработка направлений совершенствования механизма содействия занятости и трудоустройства людей с инвалидностью с учётом международных тенденций и национальных условий трансформации рынка труда.

Методология научного исследования базировалась на принципах системного подхода, позволяющего рассмотреть экономические, социальные и демографические процессы, протекающие в сфере социально-трудовых отношений, в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Применялся метод теоретического анализа научных публикаций отечественных и зарубежных ученых по теме исследования, а также методы сравнения и сопоставления основных положений международных докумен-

Таблица 1

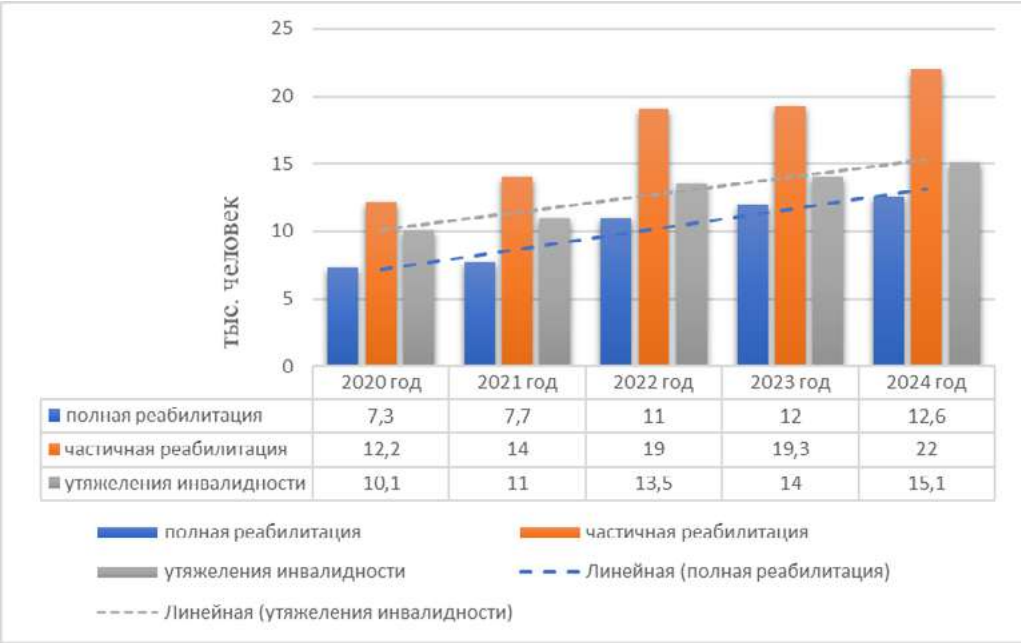
Показатели первичной инвалидности населения в Республике Беларусь за 2020-2024 годы

Table 1

Primary disability rates in the Republic of Belarus for 2020-2024 years

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Общая численность граждан, впервые признанных инвалидами, человек	50844	50027	53200	52093	52625
Численность граждан в трудоспособном возрасте, впервые признанных инвалидами, человек	19968	20212	20832	20947	20613
Удельный вес граждан в трудоспособном возрасте в общей численности, впервые признанных инвалидами, %	39,3	40,4	39,2	40,2	39,2
Первичная инвалидность среди населения в трудоспособном возрасте, на 10 тыс. населения	37,24	37,95	39,68	39,88	39,37

Источник: расчёты автора на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь.

	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
полная реабилитация	7,3	7,7	11	12	12,6
частичная реабилитация	12,2	14	19	19,3	22
утяжеления инвалидности	10,1	11	13,5	14	15,1

Рис. 1. Динамика внутригрупповых перемещений лиц с инвалидностью в трудоспособном возрасте в Республике Беларусь за 2020–2024 годы

Fig. 1. Dynamics of intra-group movements of citizens with disabilities of working age in the Republic of Belarus for 2020–2024 years

Источник: составлено автором.

тов, стратегических программных документов Республики Беларусь. Анализ динамических рядов распределения первичной и накопленной инвалидности населения выполнен на основе статических данных Республиканского научно-практического центра медицинской экспертизы и реабилитации за 2020–2024 гг., демографической статистики — Национального статистического комитета Республики Беларусь, в том числе выборочного обследования домашних хозяйств в целях комплексной оценки положения лиц с ограниченными возможностями (2018 г.).

Результаты исследования

В аналитическом отчёте Всемирного экономического форума «Future of Jobs Report 2025» международными экспертами приведены пять ключевых макротрендов, которые в ближайшей перспективе будут формировать сферу трудовых отношений. Они касаются: 1) технологических сдвигов в экономике за счёт использования искусственного интеллекта, обработки больших данных, роботизации и автоматизации производства; 2) сокращения рабочих мест, вызванное замедлением экономического роста; 3) перехода к зелёной экономике, приводящего к увеличению спроса на навыки управления природопользованием и охраны окружающей среды; 4) старения населения и сокращения численности трудовых ресурсов; 5) роста финансовых, инвестиционных, торговых, визовых ограничений между странами[1].

Принимая во внимание влияние указанных вызовов на национальный рынок тру-

[1] The Future of Jobs Report 2025 // World Economic Forum. – URL : https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf/ (дата обращения: 13.07.2026).

да сформированы приоритетные направления государственной кадровой политики: 1) повышение квалификации работников в сфере применения искусственного интеллекта, технологической грамотности и кибербезопасности; 2) реализация мероприятий по здоровьесбережению и улучшению благополучия трудовых ресурсов; 3) повышение эффективности и результативности труда; 4) расширение социальных гарантий работников для удержания талантливой молодёжи и обеспечения стабильности трудовых коллективов; 5) содействие занятости различных социально-демографических групп населения, прежде всего создание доступной производственной среды, реализация дополнительных мер поддержки и трудовых гарантий.

В научной литературе фокус исследований обращён к изучению двух аспектов развития международного рынка труда: перспективной структуры спроса на новые компетенции и профессии, обусловленные цифровизацией основных сфер общественной жизни [1–3]; факторов и последствий международной трудовой миграции [4, 5]. Формирование цифровой экономики, активное применение цифровых технологий в социальной сфере, включая здравоохранение, образование, науку и другие отрасли, меняют содержание труда, систему трудовых отношений, стимулируя возникновение новых сегментов в структуре предложения рабочей силы, требующих соответствующих компетенций и высокой квалификации. Отмечается рост спроса на специалистов в области искусственного интеллекта, машинного обучения, информационной безопасности, анализа больших данных [1]. Отдельное внимание учёных уделено системным рискам глобальной цифровизации, изучаются: рост структурной безработицы; увеличение разрыва в компетенциях работников и оплате их труда; усиление социальной стратификации в обществе; отставание институциональной среды цифрового развития стран [2; 3].

В современных научных публикациях представлены результаты исследований международной трудовой миграции и актуальные направления регулирования трудовых отношений на глобальном рынке труда. Передвижение трудовых ресурсов между странами обусловлено неравномерным развитием экономик и интернационализацией жизни, получившими глобальный характер [4]. Миграционное перемещение рабочей силы сопровождается «утечкой мозгов» и истощением человеческих ресурсов, неравномерностью и сезонностью миграционных потоков, возникновением «чёрных рынков» и нелегальных трудовых ресурсов и др. При этом отмечается, что в современных условиях международная трудовая миграция становится инструментом технологического прорыва многих государств за счёт привлечения квалифицированных специалистов [5].

Учёные высказывают схожую точку зрения о необходимости принятия комплекса мер по адаптации национального рынка труда к общемировым изменениям характера трудовых отношений. Такие меры должны быть направлены на: 1) формирование кадровых стратегий по сохранению и эффективному использованию имеющегося кадрового потенциала (например, расширение гибких форм занятости, повышение квалификации в области цифровых технологий); 2) применение целевых механизмов привлечения и закрепления молодых специалистов; 3) разработку программ трудоустройства социально уязвимых групп населения, а также содействия занятости работников, вытесняемых из традиционных отраслей; 4) реализацию национальной миграционной политики, направленной на защиту интересов своих граждан и обеспечение национальной безопасности страны [6]; 5) разработку новых программ в области рынка труда и занятости населения, народнохозяйственных программ, которые задают стратегические ориентиры сохранения и развития кадрового потенциала страны [7].

В Республике Беларусь факторы, приоритетные направления и механизмы реализации государственной кадровой политики по формированию, эффективному использованию и развитию кадрового по-

тенциала, ориентированного на решение актуальных и перспективных экономических, социальных, политических задач, отражены в стратегических прогнозных документах социально-экономического развития страны. В «Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы» указаны актуальные глобальные проблемы, влияющие на конфигурацию национального рынка труда: 1) потери демографического потенциала, снижение численности занятых, профессионально-квалификационный дисбаланс рабочей силы, масштабные миграционные потоки; 2) цифровизация и интеллектуализация общества, меняющая структуру занятости, автоматизация и искусственный интеллект ведут к сокращению рабочих мест, требуют подготовки специалистов новой формации[2].

В соответствии с Государственной программой «Сбалансированный рынок труда» на 2026-2030 годы меры политики сконцентрированы на следующих направлениях: эффективное использование существующего трудового потенциала; активное развитие работников путём профессионального обучения, переподготовки и повышения квалификации в соответствии с запросами нанимателей; создание условий для интеграции в трудовую деятельность всех категорий граждан; привлечение в страну квалифицированной иностранной рабочей силы[3]. Внутренние факторы, оказывающие влияние на функционирование национального рынка труда, могут быть сгруппированы следующим образом: 1) демографические (старение населения, сокращение населения трудоспособного возраста, сокращение численности занятого населения, увеличение числа работающих лиц старше трудоспособного возраста, рост внешней трудовой миграции); 2) экономические (рост объёмов производства и увеличение спроса на рабочую силу, разрыв между профессиональными компетенциями работников и требованиями рынка труда); 3) технологические (70% вакансий на рынке труда приходятся на рабочие профессии); 4) организационно-управленческие (межрегиональная и межотраслевая конкуренция за кадры, дисбаланс между объёмом, структурой профессиональной подготовки и запросами рынка труда, низкий уровень кадрового стратегического планирования в организациях); 5) социальные (увеличение доли молодых людей в составе рабочей силы, снижение привлекательности государственной службы для высококвалифицированных кадров).

В соответствии с «Концепцией государственной кадровой политики Республики Беларусь» её приоритетами являются: создание условий для полной занятости; вовлечение в трудовую деятельность, лиц не задействованных в экономике, имеющих сложности с трудоустройством, в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья и иных социально уязвимых категорий граждан; повышение роли общественных организаций в реализации государственной кадровой политики. В рамках реализации государственной кадровой политики поставлены задачи по вовлечению населения в трудовую деятельность, эффективному использованию трудовых ресурсов и их оптимальному распределению между отраслями и регионами, созданию условий для профессиональной карьеры и другие[4].

Белорусскими учёными разрабатываются концептуальные основы социальной политики государства, раскрываются её современные компоненты, в том числе сущность политики в сфере социально-трудовых отношений, социальной поддержки отдельных групп населения (инвалиды, ветераны войны, молодёжь и другие) [8, 9]. Проблемное поле научных исследований рынка тру-

[2] Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы. Утверждена решением Всебелорусского народного собрания от 19 декабря 2025 г. № 1. – URL : https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P925v0001 (дата обращения: 13.07.2026).

[3] Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 2 декабря 2025 года № 699 «О Государственной программе «Сбалансированный рынок труда» на 2026–2030 годы». – URL : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500699 (дата обращения: 13.07.2026).

[4] Указ Президента Республики Беларусь от 3 января 2024 года № 1 «О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь». – URL : https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32400001 (дата обращения: 13.07.2026).

да широкое и включает вопросы структурной трансформации рынка труда в условиях современных вызовов [10], формирования его цифровой экосистемы [11], развитие нестандартных форм занятости. Актуальной для изучения проблемой является сокращение трудовых ресурсов страны и поиск резервов их пополнения [13–15]. В ряде работ представлены инструменты развития инклюзивной занятости [16; 17], а также технологии занятости людей с инвалидностью [18].

На практике содействие занятости и трудоустройство людей с инвалидностью в Беларуси осуществляется органами по труду, занятости и социальной защите путём реализации комплекса мер по профессиональной и трудовой реабилитации, стимулирования предпринимательства. С целью приобретения, закрепления и совершенствования профессиональных знаний, умений, навыков по имеющейся или полученной специальности широкое распространение в национальной практике получила адаптация к трудовой деятельности людей с инвалидностью. Создание рабочих мест, в том числе специализированных, для трудоустройства людей с инвалидностью осуществляется посредством бронирования рабочих мест и установления квот для приёма на работу данной группы населения по заданию местных исполнительных и распорядительных органов власти. В целях содействия занятости людей с инвалидностью органами по труду, занятости и социальной защите реализуется широкий спектр услуг методического, правового, финансового характера, направленных на получение субсидий на открытие и ведение бизнеса. С учётом представленной системы глобальных вызовов, национальной конъюнктуры рынка труда, научных наработок в данной области предлагаются следующие меры совершенствования механизма содействия занятости и трудоустройства людей с инвалидностью в Республике Беларусь.

1. В области формирования кадрового потенциала людей с инвалидностью перспективным направлением является внедрение двух организационных форм адаптации к трудовой деятельности. Одна форма реализуется у нанимателей, изъявивших желание и имеющих необходимые условия осуществлять адаптацию к трудовой деятельности людей с инвалидностью. Другая форма адаптации к трудовой деятельности может быть реализована у нанимателя сразу же после заключения трудового договора с человеком, имеющим инвалидность, непосредственного на его рабочем месте. То есть предлагается предоставить возможность людям с инвалидностью пройти адаптацию к трудовой деятельности у нанимателя при трудоустройстве на новом рабочем месте в сроки, определённые национальным законодательством. При этом новые работники с инвалидностью могут не иметь соответствующих рекомендаций медико-реабилитационной экспертной комиссии, а также официального статуса безработного. Указанная мера будет выступать гарантом для нанимателей о том, что новый работник с инвалидностью в период адаптации к трудовой деятельности восстановит необходимые знания, умения, трудовые навыки по имеющейся квалификации и успешно справиться с выполнением трудовой функции. Внедрение в практическую деятельность предлагаемой новой формы организации адаптации к трудовой деятельности людей с инвалидностью сразу же после трудоустройства направлено на решение задачи по повышению уровня занятности среди данной группы населения.

2. В области обеспечения трудоустройства людей с инвалидностью перспективным направлением является совершенствование порядка установления и выполнения квот для приёма на работу людей с инвалидностью. Установление нанимателям квот для приёма на работу людей с инвалидностью должно решать практическую задачу не только выделения рабочих мест, но и трудоустройства на эти рабочие места людей с инвалидностью, что не является тождественным исходя из сложившейся практики. Поэтому под квотой для приёма на работу людей с инвалидностью понимается минимальное количество рабочих мест, на которые наниматель обязан

принять на работу людей с инвалидностью, не имеющих соответствующих противопоказаний по условиям труда и режиму рабочего времени. При этом наниматели обязаны выполнять квоту для приёма на работу людей с инвалидностью в течение текущего года, на который установлена данная квота с учётом её возможного перерасчёта. Квота нанимателем считается выполненной при условии, если заключён трудовой договор с гражданами с инвалидностью, численность которых не менее количества рабочих мест, установленных нанимателю в пределах квоты. Предлагается предусмотреть в национальной практике ответственность нанимателя за невыполнение по итогам календарного года квоты для приёма на работу людей с инвалидностью в форме наложения штрафа на ответственных должностных лиц. Указанные денежные средства должны аккумулироваться комитетами по труду, занятости и социальной защите для решения задач трудоустройства людей с инвалидностью.

3. Для решения практической задачи по сохранению работы и закреплению на рабочем месте работников с инвалидностью предлагается реализация наставничества для работников с разными формами инвалидности. В соответствии с национальной практикой, помимо традиционных целевых групп по решению нанимателя наставничество может распространяться на иные категории работников, в отношении которых необходимо осуществление наставничества. К категории работников, нуждающихся в дополнительных мерах по сохранению полученной работы, предлагается отнести работников с инвалидностью, принятых на работу на новое рабочее место. Работники с инвалидностью могут иметь разные функциональные нарушения, в том числе стойкое нарушение зрения, слуха, функций опорно-двигательного аппарата, психических функций. Это обуславливает необходимость нового содержательного наполнения наставничества соответствующими инструментами, методами и формами его реализации в отношении работников с разными формами инвалидности. Функция наставничества в отношении данной группы работников заключается в их закреплении на новом рабочем месте и сохранении работы. Наставничество в отношении работников с инвалидностью может осуществляться от двух месяцев до одного года, в зависимости от группы инвалидности, степени выраженности функциональных нарушений, профессиональной подготовки и занимаемой должности.

* * *

Таким образом, формирование, эффективное использование и развитие кадрового потенциала страны требует в государственной политике учёта международных тенденций трансформации рынка труда, национальных условий развития трудовых отношений. Предложены меры по вовлечению в трудовую деятельность людей с инвалидностью как незадействованного резерва кадрового потенциала страны. Считаем, что реализация на практике предложенных мер, в том числе новых форм адаптации к трудовой деятельности, порядка квотирования рабочих мест для людей с инвалидностью и внедрение модели наставничества в отношении работников с разной формой инвалидности, будет способствовать решению задач государственной кадровой политики по вовлечению в трудовую деятельность, созданию дополнительных условий для работы и профессиональной карьеры людей с инвалидностью.

Литература и Интернет-источники

1. ***Умерова, С.Э.*** Влияние цифровой трансформации на парадигму экономического развития и структуру занятости в глобальном масштабе / С.Э. Умерова, В.В. Чепурко, Т.Н. Скоробогатова // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 5. — № 12. — С. 82–91. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.12.05.010; EDN: ALMWBZ
2. ***Исраилова, Э.А.*** Развитие мирового рынка труда в условиях технологических инноваций / Э.А. Исраилова, Г.Л. Худавердян // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). — 2024. — Т. 31. — № 4. — С. 177–182. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.88.4.017; EDN: MYUNTN
3. ***Матвиенко, Е.Ф.*** Влияние искусственного интеллекта на мировой рынок труда / Е.Ф. Матвиенко // Экономика. Бизнес. Финансы. — 2025. — № 5. — С. 6–11. EDN: JQNYEG
4. ***Сун, Б.*** Мировой рынок труда в условиях глобализации: тенденции развития и проблемы регулирования / Б. Сун // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — Т. 13. — № 7–1. — С. 260–268. DOI: 10.34670/AR.2023.27.37.027; EDN: LTVLES
5. ***Агеев, А.И.*** Миграция как ресурс мировой экономики / А.И. Агеев // Экономические стратегии. — 2019. — Т. 21. — № 7. — С. 58–65. DOI: 10.33917/es-7.165.2019.58-65; EDN: XANXRK
6. ***Красинец, Е.С.*** Внешняя трудовая миграция в современном российском обществе: динамика и последствия / Е.С. Красинец // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 61–73. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-61-73; EDN: XISKJD
7. ***Мигранова, Л.А.*** Заработная плата в России и мире: сравнительный анализ / Л.А. Мигранова // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 3. — С. 52–67. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-04; EDN: VLQAPC
8. ***Морова, А.П.*** Социальная политика государства / А.П. Морова // Проблемы управления (Минск). — 2012. — № 2(43). — С. 75–80. EDN: WWKMBR
9. ***Морова, А.П.*** Переход к новой модели социальной политики в Республике Беларусь: итоги и перспективы / А.П. Морова // Проблемы управления (Минск). — 2010. — № 4(37). — С. 35–42. EDN: UTTLWV
10. ***Ванкевич, Е.В.*** Рынок труда Республики Беларусь: развитие в условиях современных вызовов / Е.В. Ванкевич, О.В. Зайцева // Белорусский экономический журнал. — 2024. — № 3(108). — С. 80–94. DOI: 10.46782/1818-4510-2024-3-80-94; EDN: GMQOUX
11. ***Ванкевич, Е.В.*** Теоретико-методические аспекты формирования цифровой экосистемы рынка труда в Беларуси / Е.В. Ванкевич, И.Н. Калиновская // Белорусский экономический журнал. — 2025. — № 2(111). — С. 17–32. DOI: 10.46782/1818-4510-2025-2-17-32; EDN: FJSDTW
12. ***Зайцева, О.В.*** Развитие нестандартных форм занятости в Республике Беларусь в условиях цифровизации экономики / О.В. Зайцева. — Витебск : Витебский государственный технологический университет, 2023. — 173 с. EDN: FZGEUN
13. ***Vashko, I.*** Youth Employment in Belarus / I. Vashko // Oikonomos: Journal of Social Market Economy. — 2019. — No. 1(13). — P. 58. EDN: VBMWAS
14. ***Шахотько, Л.П.*** Значение прогнозов населения и перспективы демографического развития Республики Беларусь / Л.П. Шахотько // Экономическая наука сегодня. — 2015. — № 3. — С. 47–59. EDN: WIEGMR
15. ***Шевченко, С.В.*** Эффективность использования трудового потенциала работающих в Республике Беларусь: основные тенденции и подходы к оценке / С.В. Шевченко // Уровень жизни населения регионов России. — 2015. — № 4(198). — С. 36–41. EDN: VOHVFV
16. ***Маковская, Н.В.*** Локальные рынки труда в национальной экономике Беларуси и их институционализация / Н.В. Маковская, Т.И. Чегерова // Экономика и банки. — 2025. — № 2. — С. 91–103. EDN: HWTOVC
17. ***Маковская, Н.В.*** Инклюзивная занятость в Беларуси: особенности функционирования и оценка / Н.В. Маковская // Белорусский экономический журнал. — 2025. — № 3(112). — С. 54–68. DOI: 10.46782/1818-4510-2025-3-54-68; EDN: GONNOL

18. ***Лабейко, О.А.*** Международные подходы к управлению реабилитацией и абилитацией людей с инвалидностью в контексте устойчивого развития / О.А. Лабейко // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, Экономические науки, Юридические науки. — 2025. — № 2(18). — С. 63–69. EDN: ANVYNI

Сведение об авторе:
Лабейко Ольга Анатольевна, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь.
Контактная информация: e-mail: Olgalabeyko@bk.ru; ORCID: 0009-0007-5930-9896; РИНЦ SPIN-код: 7732–6176.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-188-198

IMPROVEMENT OF THE MECHANISM FOR ENSURING EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Olga A. Labeyko

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (17 Moskovskaya str., Minsk, Belarus, 220007)

E-mail: Olgalabeyko@bk.ru

For citation:
Labeyko O. A. Improvement of the mechanism for ensuring employment of people with disabilities in the Republic of Belarus. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 188-198. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-188-198 (in Russ.)

Abstract. *Involvement of the working-age population in labor activity is one of the main objectives of the state personnel policy of the Republic of Belarus, the solution of which should be based on the analysis of global trends in the development of labor relations, and also take into account national factors of labor force reproduction. The paper shows the impact of global challenges on the structure of labor market and the nature of employment of the population, caused by introduction of artificial intelligence, digital transformation of the spheres of activity, transition to a green economy, population aging, growth of international labor migration, etc. Factors that have a significant impact on the supply and demand situation in the national labor market of the Republic of Belarus are systematized. Based on the analysis of the program documents of socio-economic development of the country, there are identified the priorities of the state personnel policy for creating conditions for full employment of the population; efficient use of human resources potential; involving in labor activity people who are not engaged in the economy and face difficulties in finding work; enhancing the role of public organizations in the implementation of state personnel policy, etc. Taking into account the impact of global challenges and national conditions, proposals for promoting employment, job placement and retention in the workplace of people with disabilities are substantiated. New organizational forms for integrating people with disabilities into the workforce are proposed. Practical recommendations for improving the process of establishing and implementing quotas for hiring people with disabilities are developed. A mentoring model for employees with various disabilities has been developed. Its essence lies in describing the purpose, objectives, characteristics of the target group of mentees, and an algorithm for organizing, implementing, and evaluating the effectiveness of this type of mentoring. These measures are aimed at addressing the state HR policy objectives of engaging the working-age population in the workforce.*

Keywords: *human resources, labor market, digitalization, demographic challenges, international labor migration, human resources pool, people with disabilities.*

References and Internet sources

1. Umerova S. E., Chepurko V. V., Skorobogatova T. N. Vliianiye tsifrovoj transformatsii na paradigmu ekonomicheskogo razvitiya i strukturu zanyatosti v global'nom masshtabe [The impact of digital transformation on the paradigm of economic development and employment structure on a global scale]. Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya [*Economics and Management: Problems and Solutions*]. 2025. Vol. 5. No. 12. P. 82–91. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.12.05.010 (in Russ.)
2. Israilova E. A., Khudaverdyan G. L. Razvitiye mirovogo rynka truda v usloviyakh tekhnologicheskikh innovatsij [Development of the global labor market in the conditions of technological innovations]. Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [*Vestnik of Rostov State University of Economics*]. 2024. Vol. 31. No. 4. P. 177–182. DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2024.88.4.017 (in Russ.)
3. Matvienko E. F. Vliyaniye iskusstvennogo intellekta na mirovoj rynok truda [The impact of artificial intelligence on the global labor market]. Ekonomika. Biznes. Finansy [*Economy. Business. Finance*]. 2025. No. 5. P. 6–11. (in Russ.)
4. Song Bin. Mirovoj rynok truda v usloviyakh globalizatsii: tendentsii razvitiya i problemy regulirovaniya [The world labor market in the context of globalization: development trends and regulatory problems]. Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [*Economcs: Yesterday, Today and Tomorrow*]. 2023. Vol. 13. No. 7–1. P. 260–268. DOI: 10.34670/AR.2023.27.37.027 (in Russ.)
5. Ageev A. I. Migratsiya kak resurs mirovoj ekonomiki [Migration as a resource for the global economy]. Ekonomicheskiye strategii [*Economic Strategies*]. 2019. Vo. 21. No. 7. P. 58–65. DOI: 10.33917/es-7.165.2019.58-65 (in Russ.)
6. Krasinets E. S. Vneshnyaya trudovaya migratsiya v sovremennom rossiiskom obshchestve: dinamika i posledstviya [External labor migration in modern Russian society: dynamics and consequences]. Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 61–73. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-61-73 (in Russ.)
7. Migranova L. A. Oplata truda v Rossii i mire: sravnitel'nyi analiz [Payment for work in Russia and across the world: a comparative analysis]. Narodonaselenie [*Population*]. 2018. Vol. 21. No 3. P. 52–67. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-04 (in Russ.)
8. Morova A. P. Sotsial'naya politika gosudarstva [Social policy of the state]. Problemy upravleniya (Minsk) [*Management Issues (Minsk)*]. 2012. No. 2(43). P. 75–80. (in Russ.)
9. Morova A. P. Perekhod k novoj modeli sotsial'noj politiki v Respublike Belarus': itogi i perspektivy [The transition to a new model of social policy in the Republic of Belarus: results and prospects]. Problemy upravleniya (Minsk) [*Management Issues (Minsk)*]. 2010. No. 4(37). P. 35–42. (in Russ.)
10. Vankevich E. V., Zaytseva O. V. Rynok truda Respubliki Belarus': razvitiye v usloviyakh sovremennykh vyzovov [The labor market of the Republic of Belarus: development in the context of modern challenges]. Belorusskij ekonomicheskij zhurnal [*Belarusian Economic Journal*]. 2024. No. 3(108). P. 80–94. DOI: 10.46782/1818-4510-2024-3-80-94 (in Russ.)
11. Vankevich E. V., Kalinovskaya I. N. Teoretiko-metodicheskiye aspekty formirovaniya tsifrovoj ekosistemy rynka truda v Belarusi [The theoretical and methodological aspects of the formation of the digital ecosystem of the labor market in Belarus]. Belorusskij ekonomicheskij zhurnal. [*Belarusian Economic Journal*]. 2025. No. 2(111). P. 17–32. DOI: 10.46782/1818-4510-2025-2-17-32 (in Russ.)
12. Zaytseva O. V. Razvitiye nestandartnykh form zanyatosti v Respublike Belarus' v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki [*Development of Non-Standard Forms of Employment in the Republic of Belarus in the Conditions of Digitalization of the Economy*]. Vitebsk. Vitebskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet [Vitebsk State Technological University]. 2023. 173 p. (in Russ.)
13. Vashko I. Youth employment in Belarus. *Oikonomos: Journal of Social Market Economy.* 2019. No. 1(13). P. 58.

14. Shakhotko L. P. Znacheniye prognozov naseleniya i perspektivy demograficheskogo razvitiya Respubliki Belarus' [The importance of population projections and prospects for demographic development of the Republic of Belarus]. Ekonomicheskaya nauka segodnya [*Economic Science Today*]. 2015. No 3. P. 47–59. (in Russ.)
15. Shevchenko S. V. Effektivnost' ispol'zovaniya trudovogo potentsiala rabotaiushchikh v Respublike Belarus': osnovnye tendentsii i podkhody k otsenke [Efficient use of labor potential in the Republic of Belarus: major trends and approaches to evaluation]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population of the Regions of Russia*]. 2015. No 4(198). P. 36–41. (in Russ.)
16. Makovskaya N. V., Chegerova T. I. Lokal'nyye rynki truda v natsional'noj ekonomike Belarusi i ikh institutsionalizatsiya [Local labor markets in the national economy of Belarus and their institutionalization]. Ekonomika i banki [*Economy and Banks*]. 2025. No. 2. P. 91–103. (in Russ.)
17. Makovskaya N. V. Inkliuzivnaya zaniatost' v Belarusi: osobennosti funktsionirovaniya i otsenka [Inclusive employment in Belarus: features of functioning and evaluation]. Belorusskij ekonomicheskij zhurnal [*Belarusian Economic Journal*]. 2025. No. 3(112). P. 54–68. DOI: 10.46782/1818-4510-2025-3-54-68 (in Russ.)
18. Labeyko O. A. Mezhdunarodnye podkhody k upravleniyu reabilitatsiej i abilitatsiej liudej s invalidnost'yu v kontekste ustoichivogo razvitiya [International approaches to managing rehabilitation and habilitation of people with disabilities in the context of sustainable development]. Vestnik Baranovichskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki i arkheologiya, Ekonomicheskiye nauki, Yuridicheskiye nauki [*Bulletin of Baranovichi State University. Series: Historical Sciences and Archaeology, Economic Sciences, Legal Sciences*]. 2025. No. 2(18). P. 63–69. (in Russ.)

Information about the author:
Labeyko Olga Anatolyevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Contact information: e-mail: Olgalabeyko@bk.ru; ORCID: 0009-0007-5930-9896; Elibrary SPIN-code: 7732–6176.

Статья поступила в редакцию 08.04.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-199-211
EDN: OUZGYV

РОЛЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ УСТАНОВОК В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИИ СТРАНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Михайлов А. Ю.[1*], **Хомякова. Л. И.**[1], **Морковкин Д. Е.**[1], **Войтенкова Г. Ф.**[2]

[1]*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации*
(125993, Россия, Москва, ленинградский проспект, 49)
[2]*ИСЭПН ФНИСЦ РАН*
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5)

E-mail: alexeyfa@ya.ru

Для цитирования:
Михайлов А.Ю., Хомякова Л.И., Морковкин Д.Е., Войтенкова Г.Ф. Роль производительных установок в социально-экономическом развитии страны в представлении китайских студентов // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 3. – С. 199-211. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-199-211; EDN: OUZGYV

Аннотация. *В статье представлены результаты исследования, посвящённого оценке студентами роли производительных установок в Китае на социальном, институциональном и индивидуальном уровне для достижения экономического и социального баланса в обществе. Здесь отмечается также важность осознания китайскими студентами роли этих установок для их собственной успешной деятельности в будущем. Авторами был применен описательный аналитический метод на основе ИИ с использованием социальных сетей. Выборка (365 студентов) включала в себя показатели в разбивке по полу, году обучения, а также по естественным и гуманитарным колледжам университетов. Полученные результаты показали, что китайские студенты осознают роль производительных установок в достижении экономического и социального баланса в обществе. В ответах респондентов относительно роли производительных установок в достижении экономического баланса в обществе выявлено отсутствие значительных статистических различий по показателям пола и года обучения студентов, и наличие существенных различий между ответами студентов гуманитарных и естественных колледжей. Однако не было обнаружено заметных различий в ответах студентов, касающихся развития в социальной сфере. Китайские студенты понимают, что производительные установки способствуют как развитию страны в целом, так и их личному успеху. Студенты также осведомлены о препятствиях, которые могут затруднять реализацию их потенциала. В статье отмечается, что результаты исследования могут быть использованы в университетах для распространения среди студентов информации о культуре производительных установок с помощью учебных планов и программ.*

Ключевые слова: *производительные установки, Китай, студенты, ИИ, экономический и социальный баланс развития общества и индивидов.*

© Михайлов А. Ю., Хомякова. Л. И., Морковкин Д. Е., Войтенкова Г. Ф., 2026

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-199-211

THE ROLE OF REPRODUCTIVE POLITICS IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE COUNTRY IN PERCEPTION OF CHINESE STUDENTS

Alexey Yu. Mikhaylov[1]*, **Lyubov I. Khomyakova**[1], **Dmitry E. Morkovkin**[1], **Galina F. Voytenkova**[2]

[1]*Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*
[2]*ISESP FCTAS RAS (24/35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)*

**E-mail: alexeyfa@ya.ru*

For citation:
Mikhaylov A. Yu., Khomyakova L. I., Morkovkin D. E., Voytenkova G. F. The role of reproductive politics in socio-economic development of the country in perception of Chinese students. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 199-211. DOI: 10.24412/1561–7785–2026–3-199-211

Abstract. *The article presents the results of a study aimed at examining university students' perception of the role of reproductive politics in China at the social, institutional and individual levels for achieving economic and social balance in the society. It also emphasizes the importance of the students' awareness of the role of these politics for their personal successful activities in the future. The authors adopted the descriptive AI-based analytical method using social media. The survey data covered 365 students. The sample included indicators divided by gender, academic level, scientific and humanities colleges. The obtained results show that the Chinese students are aware of the role of reproductive politics in achieving economic and social balance. There is no significant statistical difference in the responses by gender and academic level. However, there are significant differences between the responses of students of scientific and humanities colleges regarding the role of reproductive politics in achieving economic balance. But there are no significant differences in their responses concerning balance in social media. The students are aware that reproductive politics contribute both to the economic and social development of the country on the whole and to their personal success. They are also aware of the obstacles that may hinder their knowledge and practice concerning reproductive politics. The authors note that the survey results may be used in universities for spreading the cultures of reproductive politics among students through education plans and programs.*

Keywords: *reproductive politics, China, students, AI, economic and social balance of the development of society and individuals.*

© Alexey Yu. Mikhaylov, Lyubov I. Khomyakova, Dmitry E. Morkovkin, Galina F. Voytenkova, 2026

Introduction

Today, leadership in the world has become an essential source of economic and social power in most countries of the world, as the existence of projects that benefit materially the individual and society in those countries must be based on intellectual rules based on innovation, not imitation, hence leadership in general and entrepreneurship in particular. An important station in the way of shifting from imitation to innovation and even qualitative rather than quantitative expansion in reproductive politics. The pursuit of states and the desire of institutions to possess the elements of sustainable development based on stability, economic security, growth and prosperity confirms the great role of reproductive politics in all areas and activities of development and shows the necessity of starting scientific practices of reproductive politics and their communication according to a strategic direction within an institutional framework at the local and global levels, and based on the state must focus on reproductive politics in order to nurture.

Leadership also contributes to the empowerment of societies in all fields, especially institutions and individuals, as the development in the world has not come in vain. Rather, it resulted from the accumulation of reproductive politics that provided the world with a lot, especially in the economic and social fields. Indeed, some countries presented models of leadership in general and reproductive politics in particular that contributed to the advancement of those countries and made them an investment destination for many companies and institutions [1].

There is no doubt that leadership and pioneering projects provide everything that society needs in all its sectors, especially in the economic and social fields, so this leads to distinction in those projects, according to an intellectual value system based on development and innovation, by transforming reproductive politics into tangible reality, so that they contribute to achieving economic and social media balance at the level of society and achieving individual interests [2; 3]. From here, it is the sensibility of the state to contribute to developing the culture of reproductive politics because of its importance in economic and social development. From an economic point of view, it leads to job creation, stimulating markets, and improving productivity.

One of the objectives of economic development is the development of human resources by raising their productivity and acquiring knowledge, skills and experience, and developing and supporting young people's creative and reproductive politics capabilities. Since universities are incubators for young people, they must spread the culture of reproductive politics.

One of the most important reasons that necessitate this is standing on this topic because of its great importance in our current society, in institutional loyalty and solving problems by scientific methods. It is also an urgent need for decision-makers in operational positions when there appears to be a difference between the actual performance and the desired performance among employees, and this difference highlights the need for creativity and putting forward new ideas to converge with errors and work on the development and improvement of higher education institutions.

The reality of reproductive politics from the point of view of university students, and its role in achieving economic and social media balance, and the existence of some obstacles that lead to the lack of economic and social media balance, constitute a state of frustration for them. Most of the previous studies in the field of reproductive politics in social media did not give this issue its proper research, which necessitated conducting this study, which came to answer the following questions: 1) What is the degree of awareness of university youth about the role of reproductive politics in achieving economic balance? 2) What is the degree of awareness of university youth about the role of reproductive politics in achieving social media balance?

This study came to achieve the following objectives: 1) recognizing the degree of university youth awareness of the role of reproductive politics in achieving economic

balance; 2) recognizing university youth's degree of awareness about reproductive politics' role in achieving social media balance.

This study is of great importance for the following considerations: 1) Its focus is on examining the role of reproductive politics in achieving social and economic balance from the perspective of university students; 2) it can be a starting point for other research, with its theoretical literature and previous studies, and a tool for collecting information whose validity and reliability will be confirmed; 3) The results of this study can contribute to enhancing the role of universities in spreading the culture of reproductive politics among university students through their study plans and programs; 4) The importance of transforming society into a pioneering, innovative and developed society. Interest in reproductive politics and pioneering education works to modify patterns of behavior and traditional thinking in line with the development aspirations of society; 5) emphasizes the importance of reproductive politics among university students and preparing them to be economically self-reliant.

Reproductive politics generally means innovation or someone who manages something new in their field or invents something new that is unconventional that finds demand and popularity. At that time, the concept included the meaning of risk and enduring difficulties. At the beginning of the eighteenth century, the concept of reproductive politics entered the economic field, and in the nineteenth century, a distinction was made between the entrepreneur and the owner of capital as the inventors, although they did not have money to finance their inventions, they got it from other sources, so they are entrepreneurs and not owners of money, but they cannot separate the entrepreneur from the administrator, as one of the tasks of the entrepreneur is project management [4; 5].

The concept of leadership consists of several dimensions, the most important of which are [6; 7]: 1) Creativity and innovation: Creativity is considered the first step for ideas that respond to opportunities in organizations and universities and contribute to their success. Initiation and proactivity: characteristics that express efforts to seize new opportunities by identifying future needs, anticipating changes, anticipating problems that may suddenly appear, and transforming them into new opportunities that competitors have never seen before; 2) Calculated risk: It is the desire to seize opportunities despite the uncertainty, and it is done in effective and volatile ways of the risks associated with projects of all kinds and areas of application of their activities and investment in undiscovered technology; 3) Differentiation and competitiveness: It means the institution's ability to develop competitive behavior and challenge competing institutions through differentiation and uniqueness in competitive advantages.

Literature review

In view of the vital importance associated with leadership, the scope of the use of the concept of leadership has recently expanded by institutions, and many directions interpret it as a vital element that should be directed to introduce the dimensions associated with it [8; 9]. During its development, reproductive politics was influenced by different schools of thought. The concept of reproductive politics expanded, and since the beginning of the twenty-first century, interest in the issue of creativity has emerged within the concept of reproductive politics. Definitions of reproductive politics have recently focused on the process of establishing new projects [10; 11]. The interest in reproductive politics identified three international trends. The first trend is the global competition between countries and companies in increasing the influence of most forms of trade, while the second trend is that reproductive politics in itself is a catalyst for innovation that drives and sustains economic growth regardless of the political system. And the last trend is that cultural values, behaviors, and political expectations are affected by the world's trend towards economies that are more dependent on self-employment [12; 13]. The main factor for the development of any country is not money or technology but people with pioneering and innovative ideas. The

most important engine of economic growth is the availability of entrepreneurs and owners of distinguished innovative ideas, and the most important thing that can be done is to take the hand of an undeveloped society [14; 15].

The importance of reproductive politics is because it is a means to correct the path of small and medium enterprises, as the majority of these enterprises are not able to withstand and compete if no expert management takes advantage of opportunities, avoids threats, and searches for opportunities to expand and spread in innovative and new ways and non-traditional products to achieve profit, enabling these projects to confront expenditures and keep pace with expansion, spread and competitiveness [16; 17]. Likewise, reproductive politics represents the activity that establishes and manages a new organization to invest in an innovative and unique opportunity called external leadership. Reproductive politics is also within the existing organization and then represents a new adventure by finding new business or strategic renewal in it, and this is what is called internal leadership. Or the leadership of the company and internal leadership within companies has become vital means for existing organizations to continue to discover and invest in opportunities in order to move companies and individuals to a new state of survival [18; 19].

When talking about reproductive politics, we must touch on the entrepreneur, as he is the one who takes the lead in starting something special or doing something such as establishing his own facility, and he is the one who establishes a distinguished business, and often links between creative businesses and the ability to invest opportunities and enter the markets in a timely manner. and by providing appropriate and required products. Entrepreneurs have many advantages that make them treated as leaders; they often oppose managers and administrators who ask them to be more followers of known methods and less risky, such models, centered on the personality of the entrepreneur, show that they are of questionable validity as practical life shows that most entrepreneurs work in teams, not just individually [20; 21].

The personality of a successful entrepreneur, whether external or internal, depends on four aspects: his love for his work, focus and attention to the commodity and consumer need to reach the highest levels of perfection. stubbornness and toughness despite failure, and finally, the entrepreneur seeks the smart implementation. This requires creating an innovative and feasible business plan that includes building a work team that believes in the idea, searching for ways to collect funds, establishing various partnerships, being able to manage its money, and leading and motivating its team. These things together form the personality of a successful entrepreneur. In addition to that, there are reasons that make people go for leadership, and they include, first, their unwillingness to be employed because they prefer to be responsible for themselves. Secondly, they seek to implement their new ideas, and thirdly, they seek to obtain financial rewards from realizing their ideas and making them legitimate. It benefits and benefits others [22; 23].

The entrepreneur possesses the main personality in economic development. Entrepreneur performs higher achievements than others in various professions. The state needs entrepreneurs to formulate great economic achievements. The presence of entrepreneurs in a society leads to economic achievement, and there is a link between the need for achievement and business development. The entrepreneur creates a job opportunity for himself and for others, which contributes to alleviating the phenomenon of unemployment, training and qualifying his workers, as well as contributing to providing needed products in his society, and the educated entrepreneur can introduce new technology, develop alternatives, and be an example of achievement, and his own work gives him a sense of pleasure and more satisfaction than working in the public or private sector as an employee [24–26].

From the foregoing, we conclude that reproductive politics is an economic and social phenomenon that occurs at the individual level, and at the institutional, organizational and societal levels. The entrepreneur is the heart of

this phenomenon that develops in the economic and social environment in order to create and develop new economic and social wealth. The environment incubating leadership in China has been greatly enhanced through several decisive measures and decisions taken at the level of the federal government, represented in allowing full ownership of companies by foreigners in all activities and providing golden visas for entrepreneurs, in addition to dozens of promising advantages and incentives. Free zones have also contributed in the past two decades in establishing a solid base for reproductive politics in the country. The Ministry of Economy looks forward to its supportive strategies during the coming years, increasing the contribution of this sector to the gross national product and doubling the number of companies [27].

The Ministry of Economy of China is currently focusing on enhancing the country's business environment to ensure that it meets the needs of the small and medium-sized companies sector as a sector that drives the national economy [28-30]. By presenting the experiences of some universities in those countries, it became clear that there are universities that offer optional and some compulsory development policy programs for students, in addition to encouraging innovative work and organizing exhibitions [31-33]. And the possibility of benefiting from it and being guided by it in presenting the proposed vision.

Methodology

The following is a description of the characteristics of the study sample according to its variables. The results of table 1 showed that the ratio between males and females in the study sample was close, as the percentage of males reached (56%), while the percentage of females reached (44%). As for the variable of the academic level, the third-year students were the highest percentage in the sample. (31%), while fifth-year students were the lowest (3%), and the humanities colleges achieved the highest presence in the study sample at a rate of (62%), while the scientific colleges were (38%).

The questionnaire consisted of 76 items distributed over two areas. The first dimension in this study relates to the role of reproductive politics in achieving economic balance, and it was measured through 12 items. The second dimension relates to the role of reproductive politics in achieving social media balance, and it was measured through 10 paragraphs. The questionnaire also used a five-point Likert scale in the questionnaire, ranged between 1–5. Therefore, the modified range of the study tool was as follows (table 2).

Cronbach Alpha equation was applied to all the expressions of the study focus, as shown in table 3.

Table 1

Distribution of the study sample according to its variables

Таблица 1

Распределение опрошенных студентов по категориям

Variable	Number	Category	Number of people	Percentage (%)
Gender	1	Male	204	56
	2	Female	161	44
	Total		365	100
Academic level	1	First	27	7
	2	Second	150	41
	3	Third	113	31
	4	Fourth	55	15
	5	Fifth	20	6
	Total		365	100
College	1	Humanity	226	62
	2	Scientific	139	38
	Total		365	100

Source: research results.

Table 2

The degree of awareness of university youth about the role of reproductive politics in achieving economic and social media balance in Chinese society

Таблица 2

Степень осознания университетской молодежью роли производительных установок в достижении баланса в экономике и социальных сетях в китайском обществе

Sr.	Standard	Modified range
1	Low score	(1-2,33)
2	Average score	(2,34-3,66)
3	High score	(3,67-5)

Source: research results.

Reliability coefficients using Cronbach's alpha method for the study fields

Face validity of the study tool. The validity of the tool has been verified by presenting it to a group of arbitrators with specialization and experience and asking them to express their opinion on the paragraphs of the questionnaire by deleting, amending and proposing new paragraphs and the appropriateness of the tool for the subject of the study. Accordingly, the tool enjoys the sincerity of the content.

Structural validity of the study tool. To achieve the desired objectives of the scale items and in order to be able to measure their content, the value of the correlation coefficient (Pearson) was extracted, which shows the ability of each Dimension of the scale and its relevance to the overall tool. The axes that have a correlation value are negative (–) or whose correlation coefficient is less than (0,25) is low, and it is preferable to omit it. The validity of the study tool was verified using the validity of the internal construction by calculating the correlation coefficient for each Dimension and the total score of the tool in table 4.

It is concluded from table 4 that the degrees of correlation of the axes of university youth awareness of the role of reproductive politics in achieving economic and social media

Table 3

Reliability coefficients using Cronbach's alpha method for the study fields

Таблица 3

Коэффициенты надёжности, полученные методом альфа Кронбаха, для исследуемых аспектов

Field	number of paragraphs	Cronbach stability coefficient alpha
The role of reproductive politics in achieving economic balance	12	0,920
The role of reproductive politics in achieving social media balance	10	0,935
The tool as a whole	26	0,928

Source: research results.

Table 4

Degrees of correlation of university youth's awareness of the role of reproductive politics in achieving economic and social media balance with the overall score of the scale

Таблица 4

Степень соотношения между осознанием университетской молодежью роли производительных установок в достижении баланса в экономике и социальных сетях и общим балансом

Sr.	Themes of awareness of university youth about reproductive politics and its role in achieving economic and social media balance	Correlation coefficient	Statistical significance
1	The role of reproductive politics in achieving economic balance	0,524	< 0,001
2	The role of reproductive politics in achieving social media balance	0,639	< 0,001
3	The tool as a whole	0,615	< 0,001

Source: research results.

balance with the total score of the scale had a direct relationship with the total sum of the expressions of the axe to which they belong, and that all the expressions were significant at the level of significance $\alpha <= 0,05$ which means that the expressions measure what was set to be measured in this Dimension, and this result is an indication of acceptable distinction for all axes of the scale, and therefore all axes are considered constructively valid.

Results

The first question: Relates to the views of students in China about the role of reproductive politics in achieving economic balance. I strongly agree) and the arithmetic mean and standard deviation were found and arranged from most important to least important. The answer was evaluated (high, medium, and low) according to the modified range presented in table 3 in this study. Table 5 shows the result of the statistical analysis of students' answers about the second dimension in this study.

The above table shows that the responses of students the China about the paragraphs of the dimension of university youth's awareness of the role of reproductive politics in achieving economic balance ranged between medium and high (3,33). It can be concluded from the discussion of the results of students' opinions in China about the impact of reproductive politics in achieving an economic balance that the students confirm that the project achieves sufficient income more than working in official jobs and that one of the requirements for the success of the role of the reproductive politics in achieving economic balance several things, the most important of which are; Providing an incubator for the project in the university through which you can work, facilitating the marketing of the project's products through social networking sites, providing raw materials if the pilot project requires this, providing electronic devices if the pilot

Table 5

Analyzing students' answers about the extent to which university youth are aware of the role of reproductive politics in achieving economic balance

Таблица 5

Анализ ответов студентов о том, в какой степени университетская молодежь осознает роль производительных установок в достижении баланса в экономике

Sr.	Paragraph	Mean	Standard Deviation	Degree of Agreement	Rank
1	Ease of financial support for family	3,33	1,173	Medium	12
2	Ease of finding for children	3,79	1,219	High	5
3	Ease of access to the target groups for the products of the pilot project at low costs	3,68	0,917	High	9
4	Ease of licensing so that I do not incur high fees and taxes.	3,71	0,891	High	7
5	The reproductive politics generate sufficient income for me	3,61	1,013	Medium	11
6	Providing money for reproductive politics at the university through which I can work	3,70	0,683	High	8
7	Ease of marketing Chinese reproductive politics on social networking sites without costs	3,72	0,937	High	6
8	Competitive advantage for Chinese reproductive politics that competitors in the market cannot reach	3,62	1,094	Medium	10
9	Provide support for reproductive politics	3,95	0,565	High	4
10	Providing electronic devices for study of reproductive politics	4,04	0,662	High	2
11	Providing the appropriate environment towards training or education.	3,99	0,695	High	3
12	Providing material capabilities for reproductive politics of qualified human	4,10	0,816	High	1
General index		3,77	0,665	High	

Source: research results.

project is oriented towards digital leadership, in addition to providing the appropriate environment for the project if it is oriented towards training or education.

The second question: Relates to the views of students in China about the role of reproductive politics in achieving social media balance. I strongly agree) and the arithmetic mean and standard deviation were found and arranged from most important to least important, and the answer was evaluated (high, medium, and low) according to the modified range that was presented in table 3 in this study. Table 6 shows the result of the statistical analysis of students' answers about the third dimension in this study.

Table 6

Analyzing students' answers about the extent to which university youth are aware of the role of reproductive politics in achieving social media balance

Таблица 6

Анализ ответов студентов о том, в какой степени университетская молодежь осознает роль производительных установок в достижении баланса в социальных сетях

Sr.	Paragraph	Mean	Standard Deviation	Degree of Agreement	Rank
1	Achieving social welfare through my pilot project	4,11	0,737	High	6
2	The local community accepted reproductive politics	4,08	0,660	High	9
3	Reproductive politics addition to the local community	4,20	0,713	High	1
4	Providing qualified human cadres from the local community	4,13	0,739	High	4
5	My pioneering project provides reproductive politics in the community	4,12	0,889	High	5
6	Applying the idea of reproductive politics outside the social environment in which I live	4,15	0,790	High	3
7	I find that the chance of reproductive politics succeeding in my community is very high	4,09	0,765	High	8
8	Ease of applying the idea of a reproductive politics in a residential area	4,10	0,825	High	7
9	The reproductive politics limits population migration to other regions	4,03	0,861	High	10
10	The reproductive politics contributes to the employment of women in my community	4,17	0,638	High	2
General index		4,12	0,607		

Source: research results.

Discussion

The above table shows the answers of students in China about the paragraphs of the axis of university youth's awareness of the role of reproductive politics in achieving social media balance. We can conclude from discussing the results of students' opinions in China about the role of reproductive politics in achieving a social media balance that the students emphasize reproductive politics. For the unemployed members of the community, the pilot project also limits population migration to other regions and contributes to the employment of women in society. This result can be explained by the fact that university youth in China are influenced by the idea of reproductive politics and its impact on the local community through the state's support for reproductive politics and the impact of these projects on the local community. Samples T-Test and the test result appears in table 7.

Concerning testing the statistically significant differences at the level of significance (0.05) between the average estimates of the study sample towards reproductive politics and its role in achieving economic and social media balance in Chinese society attributed to the college (scientific, human), this question will be answered by testing the T-test in The condition of two samples (Independent Samples T-Test) and the test result appears in table 8.

Table 7

Means, standard deviations, and (t) values for differences in the responses of the sample members about the axes of the role of reproductive politics in achieving economic and social media balance in Chinese society, which are attributed to the gender variable

Таблица 7

Средние значения, стандартные отклонения и значения (t) для различий в ответах респондентов относительно осей роли производительных установок в достижении баланса в экономике и социальных сетях в китайском обществе, которые относятся к гендерной переменной

The field	Male		Female		t-value	Significance level	Result
	Mean	S.D.	Mean	S.D.			
The role of reproductive politics in achieving economic balance	3,76	0,639	3,78	0,692	-0,365	0,283	No differences
The role of Reproductive politics in achieving social media balance	4,08	0,637	4,17	0,575	-1,370	0,904	No differences

Source: research results.

Table 8

Means, standard deviations, and (t) values for differences in the sample's responses about reproductive politics and its role in achieving economic and social media balance in Chinese society due to the college variable

Таблица 8

Средние значения, стандартные отклонения и значения (t) для различий в ответах респондентов о производительных установках и их роли в достижении баланса в экономике и социальных сетях в китайском обществе в зависимости от вида колледжа

The field	humanity		Scientific		t-value	Significance level	Result
	Mean	S.D.	Mean	S.D.			
The role of reproductive politics in achieving economic balance	3,84	0,619	3,69	0,707	2,199	0,001	There are differences
The role of reproductive politics in achieving social media balance	4,11	0,594	4,14	0,623	-0,406	0,157	No differences

Source: research results.

The results are indicated in table 8 in the axis of the role of reproductive politics in achieving economic balance. There are statistically significant differences between the scientific and humanities colleges on this axis because the level of significance was less than 0,05. At the same time, there were no statistically significant differences between students in scientific and humanities colleges related to students' attitudes towards the role of reproductive politics in achieving social media balance.

The results in table 9 indicate that there are no statistically significant differences in the responses of the sample participants regarding the dimensions of reproductive politics and its role in achieving economic and social media balance in Chinese society attributed to the variable of the academic year. The significance level was greater than 0,05.

The students in undertaking reproductive politics think about achieve economic and social media balance. Overcome all obstacles that hinder knowledge and practice of reproductive politics. The availability of all financial and material resources to meet the requirements of the present time and future through reproductive politics to achieve economic and social media balance. The development of competent human resources by expanding reproductive incubators. The paper focuses on higher education and clear strategies that respond to the requirements of reproductive politics in achieving economic and social media balance.

Table 9

Univariate analysis of the mean performance of the study sample in the areas of reproductive politics and its role in achieving economic and social media balance in Chinese society due to the variable of the school year

Таблица 9

Однофакторный анализ средних показателей исследуемой выборки в области производительных установок и их роли в достижении баланса в экономике и социальных сетях в китайском обществе в зависимости от года обучения

The field	Source of contrast	Sum of squares	Degrees of freedom	Mean squares	F-value	Level of significance	Result
The role of reproductive politics in achieving economic balance	Between groups	1,052	4	0,263	0,519	0,669	There are no statistically significant differences
	Within groups'	160,127	360	0,445			
	Total	161,179	364	-			
The role of reproductive politics in achieving social media balance	Between groups	2,877	4	0,719	1,971	0,098	There are no statistically significant differences
	Within groups'	131,382	360	0,365			
	Total	134,259	364	-			

Source: research results.

References and Internet sources / Литература и Интернет-источники

1. Al-Ani W., Al-Harithiya A. Effect of some demographics' variables on the availability degree on entrepreneurial skills of Sultan Qaboos University students. *Journal of Educational Sciences*. 2015. Vol. 27. No. 2. P. 249–273. (in Arabic)
2. Dinis A., Do Paco A., Ferreira J., Raposo M., Rodrigues R. Psychological characteristics and entrepreneurship intentions among secondary student. *Education and Training*. 2013. Vol. 55. No. 8/9. P. 763–780.
3. Hoffman R., Casnocha B. *The Start-up of You: Adapt to the Future, Invest in Yourself, and Transform your Career*. 2012. New York. Crown Business Publishing Group. 280 p.
4. Abadie M., Waroquier L. Evaluating the benefits of conscious and unconscious thought in complex decision making. *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences.* 2019. Vol. 6. No. 1. P. 72–78.
5. Acemoglu D., Restrepo P. Robots and jobs: Evidence from US labor markets. *Journal of Political Economy*. 2020. Vol. 128. No. 6. P. 2188–2244.
6. Acemoglu D., Autor D., Hazell J., Restrepo P. *AI and Jobs: Evidence from Online Vacancies*. NBER Working Paper 28257. 2020 (Revised 2022). 68 p.
7. Aghion P., Akcigit U., Deaton A., Roulet A. Creative destruction and subjective well-being. *American Economic Review*. 2016. Vol. 106. No. 12. P. 3869–3897.
8. Aksoy C. G., Özcan B., Philipp J. Robots and the gender pay gap in Europe. *European Economic Review*. 2021. No. 134. Art. 103693.
9. Alekseeva L., Azar J., Giné M., Samila S., Taska B. The demand for AI skills in the labor market. *Labour Economics.* 2021. Vol. 71. Iss.C.
10. Amini C., Douarin E. Corruption and life satisfaction in transition: Is corruption a social norm in Eastern Europe? *Social Indicators Research*. 2020. Vol. 151. No. 2. P. 723–766.
11. Autor D., Dorn D. The growth of low-skill service jobs and the polarization of the US labor market. *American Economic Review.* 2013. Vol. 103. No. 5. P. 1553–1597.
12. Babina T., Fedyk A., Xi He A., Hodson J. *Artificial Intelligence, Firm Growth, and Industry Concentration*. Unpublished manuscript. 2020. Columbia University.
13. Bago B., Bonnefon J.-F., De Neys W. Intuition rather than deliberation determines selfish and prosocial choices. *Journal of Experimental Psychology: General.* 2021. No. 150. P. 1081–1094.

14. Bhargava A., Bester M., Bolton L. Employees' perceptions of the implementation of robotics, artificial intelligence, and automation (RAIA) on job satisfaction, job security and employability. *Journal of Technology in Behavioral Science*. 2021. No. 6. P. 106–113.
15. Mikhaylov A., Yousif N. B.A., Dincer H., Yüksel S., Karpyn Z. Analysis of the knowledge and innovation-based customer expectations for the green crypto assets in investment strategies using artificial intelligence and facial expression-based fuzzy modelling, *Quality and Quantity: International Journal of Methodology*. 2025. Vol. 59. No. 3. P. 2861–2890.
16. Mikhaylov A., Bhatti M. I.M. The link between DFA portfolio performance, AI financial management, GDP, government bonds growth and DFA trade volumes. *Quality and Quantity: International Journal of Methodology.* 2025. Vol. 59. No. 1. P. 339–356. DOI: 10.1007/s11135-024-01940-8
17. Krechko O., Mikhaylov A. Global electricity generation from renewable sources using fuzzy sets and spatial analysis: revolution in solar and wind energy in BRICS countries. *Quality and Quantity: International Journal of Methodology.* 2025. Vol. 59. No. 2. P. 1551–1571. DOI: 10.1007/s11135-024-02033-2
18. Rahman M. M., Mikhaylov A., Bhatti M. I.M. The impact of investment in human capital on investment efficiency: a PLS-SEM approach in the context of Bangladesh. *Quality and Quantity: International Journal of Methodology.* 2024. Vol. 58. No. 5. P. 4959–4986. DOI: 10.1007/s11135-024-01889-8
19. An J., Mikhaylov A. Technology-based forecasting approach for recognizing trade-off between time-to-market reduction and devising a scheduling process in open innovation management. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity.* 2024. Vol. 10. No. 1. P. 100207. DOI: 10.1016/j.joitmc.2024.100207
20. Greenhalgh S. *Just One Child: Science and Policy in Deng's China*. University of California Press. 2008. 403 p.
21. Greenhalgh S., Winckler E. A. *Governing China's Population: From Leninist to Neoliberal Biopolitics*. 2005. Stanford University Press. 412 p.
22. Fong V. L. China's One-Child Policy and the empowerment of urban daughters. *American Anthropologist.* 2002. Vol. 104. No. 4. P. 1098–1109.
23. Das Gupta M., et al. Why is son preference so persistent in East and South Asia? A cross-country study of China, India, and the Republic of Korea. *Journal of Development Studies.* 2003. Vol. 40. No. 2. P. 153–187.
24. Murphy R. Fertility and distorted sex ratios in a rural Chinese county: culture, state, and policy. *Population and Development Review.* 2003. Vol. 29. No. 4. P. 595–626.
25. Chu J. Prenatal sex determination and sex-selective abortion in rural Central China. *Population and Development Review*. 2001. Vol. 27. No. 2. P. 259–281.
26. Anagnost A. A surfeit of bodies: population and the rationality of the state in post-Mao China. *Conceiving the New World Order: The Global Politics of Reproduction.* Eds. F. D. Ginsburg, R. Rapp. 1995. University of California Press. P. 22–41.
27. Sigley G. Liberal despotism: population planning, subjectivity, and government in contemporary China. *Alternatives: Global. Local, Political*. 2004. Vol. 29. No. 5. P. 557–575.
28. Gruzina Yu. M., Mel'nichuk M. V., Vasbieva D. G., Ponomareva M. A. Exploring the relationship between emotional intelligence and students' academic performance in ESP. *European Journal of Contemporary Education.* 2026. Vol. 15. No. 2. P. 234-251. DOI: 10.13187/ejced.2026.2.234
29. Micallef L. O., Apresyan K. H., Plekhanova E. A., [et al.] Linguistic markers of manipulation in text-based deepfake financial discourse: a comparative study of English and Russian corpora. *Scientific Culture*. 2026. Vol. 12. No. 4. P. 6198-6210. DOI: 10.5281/zenodo.12426644
30. Gruzina Yu. M., Ksenofontov A. A., Ponomareva M. A., Yussuf A. A. The application of the index method in evaluating the efficiency of regional educational systems across the Russian Federation. *European Journal of Contemporary Education*. 2026. Vol. 15. No. 1. P. 105-115. DOI: 10.13187/ejced.2026.1.105
31. Fedorova E., Ledyaeva S, Stepanov V. The ripple effect: How fake news shapes stock market behavior. *International Review of Economics & Finance*. 2026. Vol. 109. P. 105386. DOI: 10.1016/j.iref.2026.105386

32. Gorelik V. A., Zolotova T. V. Method for determining the risk profile of investors based on the relationship of two stock investing problems. *Finance: Theory and Practice*. 2024. Vol. 28. No. 4. P. 136-143. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-4-136-143

33. Berger A., Polezharova L. V. Tax on Digital Services: Assessment of the advantage of the introduction in Russia. *Finance: Theory and Practice*. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 54-62. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-1-54-62

Информация об авторах:

Михайлов Алексей Юрьевич, к.э.н., доцент, Финансовый факультет, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: alexeyfa@ya.ru; РИНЦ SPIN-код: 6398–3330.

Хомякова Любовь Игоревна, к.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: prof713@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-5102-676X; РИНЦ SPIN-код: 4699–6920.

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; РИНЦ SPIN-код: 8277–4480.

Войтенкова Галина Фёдоровна: к.ист.н., старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: gvoytenkova@mail.ru; РИНЦ SPIN-код: 7318–9882.

Information about the authors:

Mikhaylov Alexey Yurievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: alexeyfa@ya.ru; Elibrary SPIN-code: 6398–3330.

Khomyakova Lyubov Igorevna, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: prof713@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-5102-676X; Elibrary SPIN-code: 4699–6920.

Morkovkin Dmitry Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; Elibrary SPIN-code: 8277–4480.

Voytenkova Galina Fedorovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: gvoytenkova@mail.ru; Elibrary SPIN-code: 7318–9882.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-212-225
EDN: NCAMIL

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КЛАСТЕРИЗАЦИИ

Федотов А.А.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24 / 35, корп. 5)

E-mail: fedotov.arr@gmail.com

Для цитирования:
Федотов А.А. Человеческий потенциал регионов России: результаты кластеризации // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 4. — С. 212-225. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-212-225; EDN: NCAMIL

Аннотация. *Статья посвящена построению типологии субъектов РФ по показателям человеческого потенциала на основе данных официальной статистики за 2023 год. В качестве исходных переменных использованы девять показателей, охватывающих различные аспекты человеческого потенциала: демографический, трудовой (профессиональный) и культурно-поведенческий. В числе этих показателей: ожидаемая продолжительность жизни, суммарный коэффициент рождаемости, заболеваемость, доля высококвалифицированных работников, доля руководителей и специалистов среднего и высшего звена, культурная активность населения (посещение музеев и театров), потребление алкоголя на душу населения, коэффициент разводимости и экологический индекс, отражающий экологическое поведение населения. В исследовании использовался метод кластерного анализа (иерархического и k-средних) с дальнейшим содержательным анализом полученных результатов. В итоге были выделены девять кластеров, каждый из которых имеет чёткую географическую, этнокультурную или социально-экономическую идентичность: южно-российский социокультурный тип, индустриально-аграрная «срединная» Россия, старопромышленный Северо-Запад, проблемный Дальний Восток, столичные пригороды и туристические центры, архаично-демографический юг Сибири, федеральные метрополии, кавказский этнокультурный тип и сибирские ресурсные регионы. Показано, что внутренняя структура кластеров во многом воспроизводит концепцию «четырёх Россий» Н.В. Зубаревич и согласуется с результатами независимых демографических и социально-экономических исследований. Отдельно рассмотрен аномальный рост разводимости в республиках Северного Кавказа в 2021–2023 гг. как статистический артефакт, порождённый введением адресных социальных пособий. Полученная типология может использоваться при разработке стратегий развития регионов по группам и формировании адресных мер региональной политики в сфере демографии, здравоохранения и культуры, а также служить основой для мониторинга эффективности национальных проектов с учётом специфики регионов.*

Ключевые слова: *человеческий потенциал, показатели, кластерный анализ, региональная дифференциация, типология регионов.*

© Федотов А.А., 2026

Введение и методология исследования

Данная работа посвящена анализу уровня человеческого потенциала в региональном разрезе. Исследование велось в рамках подхода, предложенного коллективом автором ИСЭПН ФНИСЦ РАН, теоретические основы которого были изложены В.В. Локосовым [1]. Данный подход рассматривает человеческий потенциал в широком смысле, как качественные характеристики населения, включая демографический, трудовой и социокультурный аспекты, в отличие от чисто экономического определения данного понятия. Другой особенностью этого подхода является чёткое разграничение понятий человеческого потенциала и качества жизни. Если качество жизни имеет большее отношение к внешним условиям среды, то человеческий потенциал определяется внутренними свойствами и характеристиками людей. Когда произведено чёткое разделение двух категорий, становятся возможными исследования взаимосвязей между ними и воздействия на отдельные элементы для решения актуальных задач. При этом региональная дифференциация показателей человеческого потенциала в России остаётся высокой. Например, разрыв между отдельными субъектами РФ по ожидаемой продолжительности жизни составляет 13 лет, что остаётся одной из центральных проблем в современной региональной экономике и социальной географии [2–4].

Целью настоящего исследования является построение типологии субъектов РФ по показателям человеческого потенциала за 2023 г. методом кластерного анализа и содержательная интерпретация полученных кластеров с учётом культурных, исторических и географических факторов. В данной работе рассматривались 9 показателей человеческого потенциала, охватывающие различные его аспекты: демографический, трудовой (профессиональный) и культурно-поведенческий. Это: 1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ), лет; 2) суммарный коэффициент рождаемости (СКР), детей на одну женщину; 3) заболеваемость на 1000 человек населения; 4) удельный вес высококвалифицированных работников в численности занятых, %; 5) доля руководителей и специалистов крупных и средних предприятий в численности занятых, %; 6) число посещений театров и музеев на 1000 человек населения; 7) потребление алкоголя, литров на человека; 8) коэффициент разводимости на 1000 человек населения; 9) экологический индекс (от 0 до 1) — в табл. 1 показатели даны под соответствующими номерами

Выбор именно этих показателей обусловлен, с одной стороны, их значимостью, до-

Таблица 1

Средние значения показателей человеческого потенциала по кластерам за 2023 год

Table 1

Average values of human potential indicators by cluster for 2023

Номер кластера (число регионов)	Показатель								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1 (9)	75,2	1,46	734	28,1	9,3	474	3,7	5,51	0,80
2 (33)	72,0	1,33	843	24,8	10,4	791	6,64	4,50	0,76
3 (13)	71,3	1,41	1016	23,2	11,8	1711	9,25	4,85	0,70
4 (11)	69,1	1,57	841	26,0	11,9	714	8,81	5,74	0,67
5 (8)	74,1	1,19	695	30,2	9,3	1571	7,10	3,99	0,68
6 (2)	68,0	2,24	790	25,0	16,8	529	5,01	5,90	0,86
7 (2)	78,0	1,34	909	46,9	15,4	3802	6,22	4,30	0,78
8 (3)	77,5	2,00	467	23,9	11,1	639	0,47	5,37	0,84
9 (4)	74,9	1,72	1035	33,1	16,7	865	7,25	5,42	0,77
Среднее по РФ (85)	72,4	1,44	839	26,4	11,2	1024	6,8	4,88	0,74

Источник: рассчитано автором по данным Росстата и Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками.

ступностью, разнообразием и охватом различных аспектов человеческого потенциала, а с другой, отсутствием мультиколлинеарности (которая была устранена путём исключения из методики других показателей — изначально было выбрано 22 показателя). В качестве эмпирической базы использованы официальные статистические данные по 85 регионам России за 2023 г. Росстата и Федеральной службы по контролю за алкогольным и табачным рынками[1].

Кластеризация выполнена методом k-средних [5, 6, 7, 8] после стандартизации переменных. Выбор числа кластеров (k = 9) произведён на основе визуальной оценки результатов иерархического кластерного анализа и полученной дендрограммы. Подробное описание методологии исследования по данным 2021 г. представлено в статье [9]. Здесь же, помимо обновленных данных, основное внимание уделено содержательному анализу полученных результатов. В табл. 1 представлены средние значения девяти показателей человеческого потенциала по каждому из выделенных кластеров, а также среднее значение по РФ в целом. На рис. 1 показано распределение кластеров по территории России.

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели Статистический сборник. 2023. // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru / folder / 210 / document / 13204; Здравоохранение в России. Статистический сборник. 2023. / Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru / folder / 210 / document / 13218; Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками. — URL : https://fsrar.gov.ru (дата обращения: 06.02.2026).

Описание полученных кластеров

Кластер № 1. Включает в себя 9 регионов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (ФО): республики Адыгея, Калмыкия, Дагестан, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия — Алания, края Краснодарский и Ставропольский, области Астраханская и Ростовская. Данный кластер отличается благоприятной демографической картиной. ОПЖ составляет 75,2 года (на 2,8 года выше среднероссий-

Рис. 1. Распределение регионов России по кластерам
Fig. 1. Distribution of Russian regions by cluster
Источник: подготовлено автором с использованием платформы MapChart (URL: https://www.mapchart.net / russia.html) и последующим ручным редактированием.

ского уровня), заболеваемость — 734 случая на 1000 человек, что существенно ниже среднего показателя по стране. Потребление алкоголя в объёме 3,7 литра на человека почти вдвое ниже среднего по РФ, что отражает влияние традиционных культурных норм [10]. Однако здесь одно из самых низких значений показателя посещения театров / музеев (менее половины среднего) и невысокая доля управленцев. Внутри кластера наиболее позитивным регионом является Республика Дагестан с максимальной ОПЖ (79,9 года — один из лучших результатов по России в целом) при умеренном уровне заболеваемости (794,6) и минимальном потреблении алкоголя (0,98 литра). Краснодарский край, напротив, является аутсайдером с максимальным потреблением алкоголя (6,4 литра) и самым низким экологическим индексом (0,74). Астраханская область демонстрирует развитую культурную инфраструктуру (700 посещений) при минимальной для кластера продолжительности жизни (72,2 года).

Относительно высокие показатели здоровья и долголетия в регионах кластера объясняются сочетанием нескольких факторов. Мягкий климат южных регионов и благоприятная экологическая обстановка формируют низкую смертность от сердечно-сосудистых и респираторных заболеваний. В республиках Северного Кавказа сохраняется традиционный уклад жизни с развитой системой поддержки пожилых, а также низким уровнем социального стресса, являющегося одним из ведущих факторов смертности трудоспособного населения в других регионах России [10; 11]. Кроме того, в этих республиках действуют религиозные нормы, ограничивающие потребление алкоголя, что обусловливает низкую заболеваемость и смертность от внешних причин [12; 13]. Слабая культурная инфраструктура объясняется аграрно-сервисным характером экономики без крупных индустриальных и образовательных центров; повышенный коэффициент разводимости (5,5) обусловлен, с одной стороны, демографической модернизацией традиционных семейных моделей [14], а с другой (в большой мере) практикой фиктивных разводов с целью получения пособий (описана в кластере № 8).

Кластер № 2. Объединил в себе большое количество регионов (33) разных ФО: области Белгородская, Брянская, Воронежская, Ивановская, Курская, Липецкая, Орловская, Смоленская, Тамбовская, Тверская Кировская, Нижегородская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская, Курганская, Свердловская, Челябинская, Кемеровская, Новосибирская, Омская и Томская; республики Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртская, Чувашская, Хакасия; края Пермский, Алтайский и Красноярский. Данный кластер является наиболее многочисленным, образуя ядро Центральной России, Поволжья, Урала и Западной Сибири. Главная статистическая особенность кластера — близость всех показателей к среднероссийским значениям. ОПЖ — 72,0 года (среднее по РФ — 72,4), СКР — 1,33 (1,44), заболеваемость — 843 (839), потребление алкоголя — 6,64 л (6,8), доля высококвалифицированных работников — 24,8% (26,4), посещаемость музеев и театров — 791 (1024), разводимость — 4,50 (4,88), экологический индекс — 0,76 (0,74). При первом взгляде состав кластера кажется очень разнородным, однако содержательный анализ выявляет единый признак, по которому данные регионы были объединены: все они относятся к индустриально-аграрному типу «срединной России», объединяющему элементы Второй и Третьей России по концепции Н.В. Зубаревич, с преобладанием русского населения, постарелой возрастной структурой, типичной малодетной семьёй и устойчивым миграционным оттоком молодёжи в крупные агломерации [4].

Низкая рождаемость (1,33) — самая устойчивая характеристика кластера, отражающая завершившийся постиндустриальный переход русского городского и сельского населения к малодетной модели семьи. Регионы Центральной России, Поволжья и Урала демонстрируют наиболее устойчивое снижение рождаемости в постсоветский период, связанное с откладыванием возраста вступления в брак, ростом средне-

го возраста матери при рождении первенца и распространением малодетных репродуктивных установок [15]. Меры демографической политики (материнский капитал, единое пособие) проявляют здесь значительно более слабый эффект, чем в национальных республиках. Близкие к средним показатели здоровья определяются «зрелой» возрастной структурой населения с высокой долей лиц старших возрастов. Регионы Центральной России, Поволжья и Урала характеризуются наиболее высоким уровнем демографического старения, обусловленным длительным снижением рождаемости и многолетним миграционным оттоком молодёжи [16]. Старение автоматически повышает фоновую заболеваемость по большинству хронических болезней и ограничивает рост ожидаемой продолжительности жизни.

Умеренное (в среднем) потребление алкоголя (6,64 л) скрывает значительную внутрикластерную дисперсию: от относительно «трезвых» Белгородской (5,41) и Липецкой (6,03) областей до проблемной Кировской области (9,1 л). Алкогольный фактор остаётся одной из ведущих причин смертности мужчин трудоспособного возраста, что не позволяет ОПЖ кластера выйти за среднероссийский уровень. Регионы кластера занимают «среднее» положение между республиками Северного Кавказа и «проблемными» территориями Северо-Запада и Дальнего Востока — по результатам типологизации, проведённой Н.А. Лебедевой-Несевря и С.С. Гордеевой [17]. Сниженная доля высококвалифицированных работников и культурной активности объясняются устойчивым оттоком молодого образованного населения в крупные агломерации — прежде всего Москву, Санкт-Петербург и крупные региональные центры (Казань, Екатеринбург, Новосибирск). Это же объясняет сниженную посещаемость театров и музеев [18; 19].

Таким образом, кластер № 2 объединяет 33 региона «срединной» России на основе сочетания преимущественно русского населения с постиндустриальной демографической моделью, индустриально-аграрной экономики и положения миграционного донора. Все его показатели близки к среднероссийским. Кластер не имеет выраженных полюсов благополучия или неблагополучия, однако, из-за большого количества регионов, дисперсия внутри кластера выше, чем в остальных, а анализ структуры позволяет выделить в данном кластере несколько характерных групп регионов (подкластеров), что требует отдельного исследования.

Кластер № 3. Он полностью состоит из регионов Центрального и Северо-Западного ФО — это области Владимирская, Калужская, Костромская, Ярославская, Вологодская, Калининградская, Мурманская, Новгородская, Псковская и Архангельская (включая Ненецкий АО), республики Карелия и Коми. Кластер демонстрирует противоречивый профиль: при пониженной ОПЖ (71,3 года) и высокой заболеваемости (1016) здесь фиксируется наивысшая после метрополий культурная активность (1711 посещений театров и музеев), а также наиболее высокое среди всех кластеров (исключая Крайний Север и Дальний Восток) потребление алкоголя — 9,3 литра на душу населения. Внутри кластера можно выделить несколько выраженных регионов. Республика Карелия представляет собой проблемный полюс: здесь минимальная продолжительность жизни в кластере (69,8 года), максимальная заболеваемость (1505,9) и рекордное потребление алкоголя (11,8 литра — один из самых высоких показателей по стране в целом). Псковская область выступает как культурный полюс с очень высоким числом посещений музеев и театров (3415), что объясняется концентрацией исторических памятников и активным туристическим потоком при малой численности постоянного населения. Ненецкий АО выделяется высокой рождаемостью (1,9) и резко повышенным числом руководителей и специалистов (22,3%), являющимся следствием сырьевой специализации региона.

Таким образом, в данном кластере наблюдается сочетание неблагоприятных показателей здоровья и высокой культурной активности, обусловленные историко-географической спецификой Северо-

Запада. Суровый северный климат (дефицит солнечного света, продолжительный зимний период, полярная ночь в Мурманской области, Республике Коми и Ненецком АО); характерная «северная модель потребления алкоголя» с преобладанием крепких напитков в большом объёме и как результат — повышенная смертность среди трудоспособного мужского населения [17]; накопленный экологический ущерб старопромышленных территорий (целлюлозно-бумажная, металлургическая, горнодобывающая промышленность Карелии, Коми, Архангельской, Вологодской, Мурманской областей), снижающих качество жизни населения. Вместе с тем здесь высокая культурная инфраструктура, множество исторических памятников, представленных в городах Золотого кольца (Владимир, Кострома, Ярославль), Северо-Запада (Псков, Великий Новгород), и в Калининграде.

Кластер № 4. Данный кластер объединяет регионы Дальневосточного и Сибирского ФО: области Иркутская, Амурская, Магаданская и Сахалинская, Республика Бурятия, края Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский, Еврейская АО, Чукотский АО. Данный кластер демонстрирует наихудшие показатели здоровья населения среди всех выделенных групп. ОПЖ составляет лишь 69,1 года — на 3,4 года ниже среднероссийского уровня; максимальный коэффициент разводимости (5,74), высокое потребление алкоголя (8,8 литра) и наименьший экологический индекс (0,67). Рождаемость при этом выше средней (1,57), что частично нейтрализует негативные тенденции. Внутри кластера особенно выделяется Чукотский АО с минимальной по кластеру (и почти минимальной по стране) ОПЖ (66,6 года) и высокой заболеваемостью (1259,1). По данным независимых демографических исследований, Чукотский АО устойчиво лидирует в рейтингах смертности от внешних причин, в том числе связанных с алкоголем, наркотиками и самоубийствами [17]. Сахалинская область выделяется максимальным потреблением алкоголя внутри кластера (11,5 литра) при относительно высокой культурной активности (1323 посещения), что связано с высокими доходами от нефтегазового сектора.

Проблемный профиль кластера формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. Во-первых, «северо-восточный градиент смертности», описанный А.Г. Вишневским и В.М. Школьниковым, отражает действие природно-климатических факторов, которые не компенсируются даже значительными северными надбавками к заработной плате. Во-вторых, географическая удалённость от крупных медицинских центров, низкая плотность населения и многолетний миграционный отток приводят к деградации социальной инфраструктуры и ограничивают доступность качественной медицинской помощи. В-третьих, распространённость вахтового и экспедиционного характера занятости формирует специфическое поведение — нестабильность семей (что объясняет максимальную разводимость) и алкоголизацию. В-четвёртых, сырьевая специализация экономики (горнодобывающая, лесная, рыбопромышленная) создаёт значительную экологическую нагрузку. Повышенная рождаемость частично объясняется присутствием коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, а также действием демографических мер поддержки дальневосточных территорий, однако этот позитивный эффект нивелируется сверхсмертностью трудоспособного населения.

Кластер № 5. Объединил пригородные столичные регионы и туристические центры: области Московскую, Рязанскую, Тульскую, Ленинградскую, Волгоградскую, республики Татарстан и Крым, город Севастополь. Кластер характеризуется относительно высокой ОПЖ (74,1 года), низкой заболеваемостью (695), значительной долей высококвалифицированных работников (30,2%), развитой культурной инфраструктурой (1571 посещение на 1000 человек) и наиболее низкой среди всех кластеров разводимостью (3,99). Одновременно зафиксирован минимальный СКР (1,19). Внутри кластера Республика Татарстан занимает особое положение: она демонстрирует максимальную культурную активность (2571 по-

сещение) и высокую продолжительность жизни (75,2 года), являясь самостоятельным центром развития с сильной экономикой, диверсифицированной промышленностью и активной культурной политикой. Севастополь выделяется наиболее высокой продолжительностью жизни в кластере (76,1 года) и сохраняет черты «городского» профиля с высокой долей занятых в интеллектуальных отраслях.

Общей характеристикой регионов кластера является их функциональная интеграция в крупные агломерации или статус центров притяжения второго порядка. Московская, Рязанская, Тульская области входят в зону экономического и миграционного влияния Московской агломерации; Ленинградская область — Санкт-Петербургской; Республика Крым и Севастополь являются крупнейшими туристическими центрами Юга России с резко возросшим после 2014 г. бюджетным финансированием инфраструктуры; Республика Татарстан и Волгоградская область выступают самостоятельными индустриально-культурными центрами. В таких регионах формируется урбанизированный образованный средний класс, для которого характерен постиндустриальный репродуктивный режим: откладывание деторождения, малодетность, ориентация на «качество жизни» и потребление культурных благ [15–16].

Кластер № 6. Представлен республиками Тыва и Алтай. Это уникальный малочисленный кластер с ярко выраженной спецификой. СКР (2,24) является максимальным (после Чеченской Республики) по стране — это единственные регионы России (включая Чеченскую Республику) с расширенным воспроизводством населения. При этом ОПЖ — наименьшая среди всех кластеров (68,0 лет). Республика Тыва устанавливает минимум по продолжительности жизни в этом кластере (66,6 года) при одновременно максимальной рождаемости (2,44). Экологический индекс кластера максимален (0,86), а потребление алкоголя умеренно (5,0 литра).

Определяющим фактором является этнокультурный состав населения: проживают алтайцы и тувинцы, у которых сохраняется традиционная многодетная модель семьи. В исследованиях Н.В. Зубаревич данные республики относятся к «Четвёртой России» — специфической периферии со слабой урбанизацией и сильными патриархально-клановыми устоями [4]. Высокая смертность объясняется комплексом социально-экономических проблем: значительной долей населения за чертой бедности, слабой доступностью качественной медицинской помощи (особенно в сельской местности), высоким уровнем бытового травматизма и насильственной смертности. Существенное расхождение между официальным уровнем потребления алкоголя и реальной картиной смертности от его последствий связано с тем, что в этих обществах большая часть алкогольной продукции производится и потребляется неформально, минуя официальный учёт. Эти регионы также устойчиво лидируют в рейтингах смертности от внешних причин.

Кластер № 7. Он объединил города Москву и Санкт-Петербург. Федеральные города образуют кластер наиболее высокого уровня человеческого потенциала. Здесь наблюдается наивысшая для страны доля высококвалифицированных работников (46,9% — почти вдвое выше среднего) и максимальная культурная активность (3802 посещения театров и музеев на 1000 человек, в 3,7 раза превышающая среднероссийский показатель). ОПЖ в Москве — 79,4 года, в Санкт-Петербурге — 76,6 года, что соответствует одному из лучших показателей в стране. Поведенческие риски умеренные: потребление алкоголя — 6,2 литра, разводимость — 4,3. Санкт-Петербург демонстрирует максимальную по стране культурную активность (5809 посещений на 1000 человек), обусловленную уникальной концентрацией музейно-театральных учреждений мирового уровня. Москва, уступая Санкт-Петербургу по культурной активности (1794), лидирует по доле высококвалифицированных работников (53,2) и продолжительности жизни.

Различия в показателях заболеваемости между Москвой (6934) и Санкт-Петербургом

(1124) объясняются комплексом факторов. Для Москвы более низкие значения связаны с более молодой возрастной структурой населения, эффектом «здорового мигранта», а также неполным учётом обращений за медицинской помощью со стороны временных и трудовых мигрантов. Повышенная заболеваемость в Санкт-Петербурге обусловлена не только высокой регистрацией заболеваний в развитой медицинской системе, но и объективными факторами: северным положением с дефицитом солнечного света, высокой влажностью и резкими перепадами атмосферного давления, более старой возрастной структурой населения, а также меньшим миграционным притоком молодёжи по сравнению с Москвой. В целом Москва и Санкт-Петербург концентрируют ключевые ресурсы страны: лучшее образование, высокотехнологичную медицину, ведущие культурные институты, наиболее квалифицированную рабочую силу. Оба города обладают высокой миграционной привлекательностью для специалистов со всей страны и стран СНГ.

В типологии Н.В. Зубаревич [4] именно столицы образуют «Первую Россию» — наиболее модернизированные и экономически развитые территории, фактически составляющие отдельный социально-экономический макрорегион, по многим показателям человеческого потенциала сопоставимый с развитыми странами. Согласно международному рейтингу человеческого потенциала городов (City Human Potential Ranking, 2023), разработанному международным исследовательским коллективом под руководством Панамериканского университета (Мексика) с использованием методологического подхода, опирающегося на принципы ЮНЕСКО, Москва заняла первое[2] место среди 100 мегаполисов развивающихся стран (БРИКС+), опередив Гонконг и Шанхай. Но здесь стоит отметить, что хоть рейтинг и называется рейтингом человеческого потенциала, но многие индикаторы, на основе которых он строился (их 197), являются показателями качества жизни, а не человеческого потенциала (то есть отражают условия среды, а не качественные характеристики людей).

Кластер № 8. Вошли три республики Северного Кавказа, не вошедшие в первый кластер, — Ингушетия, Кабардино-Балкарская и Чеченская. Кластер демонстрирует уникальное сочетание показателей: минимальная среди всех кластеров заболеваемость (467 случаев на 1000 человек), практически нулевое потребление алкоголя (0,47 литра — в 15 раз ниже среднероссийского), высокий СКР (2,00), одна из наиболее высокихОПЖ (77,5 лет) и высокий экологический индекс (0,84). Внутри кластера Чеченская Республика устанавливает абсолютные рекорды: минимальное в России потребление алкоголя (0,14 литра на душу населения), максимальный по стране СКР (2,66) и самая низкая по стране заболеваемость (428,3). Республика Ингушетия демонстрирует наиболее высокую продолжительность жизни (79,2 года, третье место по стране после Республики Дагестан и Москвы) и наименьшую заболеваемость (522). Кабардино-Балкарская Республика «промежуточное» положение с более высоким потреблением алкоголя (1,04 литра) и самым низким для кластера экологическим индексом (0,79).

Определяющим и объединяющим данные регионы фактором является воспроизводство традиционных культурно-религиозных ценностей ислама, практически полностью исключающих потребление алкоголя и формирующих особую модель семейно-демографического поведения с высокой рождаемостью и многодетностью. Анализ репродуктивного поведения жителей Северного Кавказа, проведённый С.В. Сиражудиновой на материалах эмпирических исследований, подтверждает прямую связь между уровнем религиозности и репродуктивными установками [12]. Исследования К.И. Казенина и Е.С. Митрофановой показывают, что особенности рождаемости в республиках Северного Кавказа представляют собой уникальное сочетание межпоколенческой преемственности и новых адаптивных стратегий [13]. Низкая за-

[2] City Human Potential Ranking. — URL : https://chpr.online (дата обращения: 15.03.2026).

болеваемость во многом связана с молодой возрастной структурой населения, благополучным состоянием окружающей природной среды, сельско-горным образом жизни, низким потреблением алкоголя и активным трудом. Однако низкая заболеваемость также может быть обусловлена слабой медицинской инфраструктурой и малой обращаемостью к врачам. Повышенный же коэффициент разводимости (5,37) — это уникальный случай, требующий отдельного разъяснения.

Дело в том, что до 2019–2020 гг. республики Северного Кавказа устойчиво входили в число регионов России с самыми низкими коэффициентами разводимости. Этот результат был прямым следствием действия исламского традиционного семейно-общинного уклада, сильного контроля старейшин над браком и преобладания религиозного брака над гражданским. По данным Росстата и независимых исследований, на 1000 заключённых браков в республиках СКФО в 2018–2019 гг. приходилось около 150–250 разводов — это был самый низкий показатель по стране (при среднероссийском уровне 650–700 разводов на 1000 браков). Республики Чеченская, Ингушетия, Дагестан и Кабардино-Балкарская традиционно занимали почётные места в рейтингах разводимости субъектов РФ [20]. К 2022 г. картина изменилась радикально: с 2023 г. в республиках Северного Кавказа произошёл статистически аномальный рост числа разводов, в результате которого регионы, исторически считавшиеся оплотом крепкой традиционной семьи, превратились в общероссийских «лидеров» по коэффициенту разводимости. Этот феномен имеет причинно-следственную связь с введением в России системы адресных социальных пособий для семей с низкими доходами [12]. Механизм «фиктивного развода» работает так: супруги оформляют юридический развод через суд, при этом продолжают совместно проживать. С точки зрения исламских норм, которые в большинстве этих республик имеют большой социальный вес, религиозный брак остаётся в силе, то есть семья не считает себя разведённой. Гражданский развод воспринимается как чисто техническая процедура для получения социальной помощи [13]. В итоге, за 2020–2022 гг. общее число разводов в республиках СКФО выросло втрое, то есть официальная статистика разводов не отражает истинное состояние данного компонента человеческого потенциала. Практика фиктивных разводов свойственна именно регионам Северного Кавказа, что, вероятно, обусловлено рядом причин: низкими доходами населения и высокой безработицей, «лёгким» отношением к разводам в силу продолжения действия религиозного брака, многодетностью семей, сильно повышающей размер получаемых пособий.

Кластер № 9. Включает большие территории четырёх регионов Урала и Сибири: Республику Саха (Якутию) и Тюменскую область с автономными округами. Это нефтегазодобывающие и алмазодобывающие регионы с уникальным сочетанием высоких экономических и демографических показателей. Доля руководителей и специалистов (16,7%) и удельный вес высококвалифицированных работников (33,1%) значительно превышают средние значения, выше средней продолжительность жизни (74,9 года) и рождаемость (1,72). Одновременно наблюдается повышенная заболеваемость (1035) и разводимость (5,42). Ханты-Мансийский АО — Югра демонстрирует максимальную продолжительность жизни в кластере (76,3 года), а Ямало-Ненецкий АО — рекордные значения доли высококвалифицированных работников (39,3%) и руководителей / специалистов (23,5%) при повышенной заболеваемости (1429). Тюменская область (без автономных округов) отличается высокой культурной активностью (1789 посещений) — следствие инвестиций в инфраструктуру крупнейшего центра нефтегазовой промышленности. Республика Саха (Якутия) демонстрирует повышенную рождаемость (1,55).

Сырьевая экономика обеспечивает населению доступ к относительно качественной ведомственной медицине и высокому уровню доходов, что положительно сказывается на продолжительности жизни и рождае-

мости. Молодая возрастная структура населения поддерживается двумя процессами: притоком работников трудоспособных возрастов из других регионов страны, а также повышенной рождаемостью коренных народов Севера. Повышенная заболеваемость объясняется сочетанием сурового климата и хорошей диагностической выявляемости в корпоративных медицинских учреждениях. Повышенная разводимость связана с вахтовой моделью занятости и миграционной нестабильностью семей.

Выводы и обсуждение

Проведённый кластерный анализ фактически выявил результаты действия нескольких фундаментальных осей региональной дифференциации, каждая из которых имеет самостоятельное теоретическое обоснование. Так, большинство кластеров обладают выраженной географической компактностью: регионы, находящиеся в физической близости, систематически попадают в один кластер. Это указывает на фундаментальную роль географической среды, климата и ландшафта в формировании региональных особенностей человеческого потенциала. В работе Л.Н. Гумилёва «Этногенез и биосфера Земли» подчёркивается, что именно взаимодействие этноса с вмещающим ландшафтом формирует устойчивые поведенческие стереотипы, передаваемые через механизм сигнальной наследственности и определяющие демографическую, хозяйственную и культурную активность населения на протяжении длительных исторических периодов[3] [21].

Три кластера — № 1 (Юг и Северный Кавказ), № 6 (Южная Сибирь) и № 8 (три республики Кавказа) — выделены не столько по географии, сколько по этнокультурному профилю. Их особенности (высокая рождаемость, низкое потребление алкоголя, высокая доля коренных народов, повышенная продолжительность жизни при сохранении традиционных социальных структур) являются следствием действия культурных и религиозных норм, что подтверждается специализированными демографическими исследованиями [12; 13].

Кластеры № 7 (метрополии), № 5 (столичные пригороды) и № 9 (сырьевая периферия) формируются преимущественно по социально-экономическому признаку: уровню доходов, доле квалифицированной рабочей силы, концентрации образовательных и культурных учреждений. Эти кластеры соответствуют «Первой» и модифицированной «Второй» России в типологии Н.В. Зубаревич [4].

Кластеры № 2 и № 3 сформированы по типу исторической специализации и накопленного социально-экономического наследия. Старопромышленные территории Северо-Запада и Нечерноземья, индустриально-университетские центры Сибири, Центральное Черноземье — все эти группы имеют устойчивую исторически сложившуюся идентичность, наложившую свой отпечаток на человеческий потенциал населения.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при разработке дифференцированных мер региональной социально-экономической и демографической политики. Универсальные федеральные программы, не учитывающие специфику региональных типов человеческого потенциала, показывают ограниченную эффективность, а кластерно-ориентированный подход позволяет адресно воздействовать на ключевые проблемные точки каждого типа регионов.

[3] Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Москва : АСТ, 2005. – 555 с.

Литература и Интернет-источники

1. ***Локосов, В.В.*** Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения/В.В. Локосов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1; EDN: FFZUND
2. ***Токсанбаева, М.С.*** Показатели качества трудового потенциала населения регионов России/М.С. Токсанбаева, Р.И. Попова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 110–122. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.10; EDN: EBUTVX
3. ***Леденёва, М.В.*** Кластерный анализ регионов России по демографическим показателям/М.В. Леденёва, Л.В. Шамрай-Курбатова, А.Н. Столярова, Е.А. Чумакова // Креативная экономика. — 2022. — Т. 16. — № 4. — С. 1621–1636. DOI: 10.18334/ce.16.4.114526; EDN: JCLRAW
4. ***Зубаревич, Н.В.*** Межрегиональное неравенство в России и постсоветских странах в XXI веке/Н.В. Зубаревич, С.Г. Сафронов // Региональные исследования. – 2024. — № 1(83). — С. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1; EDN: DPUWWT
5. ***Everitt, B.S.*** Cluster Analysis/B.S. Everitt, S. Landau, M. Leese, D. Stahl. — Chichester : Wiley, 2011. — 330 p.
6. ***Hastie, T.*** The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction/T. Hastie, R. Tibshirani, J. Friedman. — New York : Springer, 2017. — 745 p. DOI: 10.1007/978-0-387-84858-7
7. ***Jain, A.K.*** Data clustering: 50 years beyond K-means/A.K. Jain // Pattern Recognition Letters. — 2010. — Vol. 31. — No. 8. — P. 651–666. DOI: 10.1016/j.patrec.2009.09.011
8. ***Géron, A.*** Hands-On Machine Learning with Scikit-Learn, Keras, and TensorFlow/A. Géron. — Sebastopol, CA : O'Reilly Media, 2019. — 819 p.
9. ***Рюмина Е.В.*** Типология регионов России по показателям человеческого потенциала | Е.В. Рюмина, А.А. Федотов // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 1. — С. 114–126. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-114-126; EDN: AIIALI
10. ***Шомахов, К.Р.*** Человеческий потенциал как фактор экономического роста и экономической безопасности России/К.Р. Шомахов // Экономическая безопасность. — 2023. — Т. 6. — № 4. — С. 1381–1402. DOI: 10.18334/ecsec.6.4.119151; EDN: CJKEPT
11. ***Горошко, Н.В.*** Долгожители в демографической структуре населения России/Н.В. Горошко, С.В. Пацала // Социально-трудовые исследования. — 2023. — № 1(50). — С. 131–144. EDN: MFCGKW
12. ***Сиражудинова, С.В.*** Репродуктивное поведение жителей Северного Кавказа (по материалам эмпирического исследования)/С.В. Сиражудинова // Этнография. — 2024. — № 2(24). — С. 257–273. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-257-273; EDN: DDODDD
13. ***Казенин, К.И.*** Особенности постсоветской рождаемости на Северном Кавказе: инновации или межпоколенческая преемственность?/К.И. Казенин, Е.С. Митрофанова // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 121–151. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18811; EDN: IMFCZO
14. ***Казенин, К.И.*** Демографическая модернизация и возраст вступления в первый брак у народов Северного Кавказа/К.И. Казенин, Е.Л. Сороко // Демографическое обозрение. — 2021. — Т. 8. — № 2. — С. 95–127. DOI: 10.17323/demreview.v8i2.12784; EDN: TLCMEA
15. ***Кишенин, П.А.*** Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений/П.А. Кишенин // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 86–120. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18810; EDN: SKYDAW
16. ***Петросян, А.Н.*** Географические особенности старения населения России/А.Н. Петросян, Е.И. Шевчук, П.Л. Кириллов, Н.А. Мозгунов // Демографическое обозрение. — 2019. — Т. 6. — № 2. — С. 55–83. DOI: 10.17323/demreview.v6i2.9872; EDN: PZYIPL
17. ***Лебедева-Несевря, Н.А.*** Потребление алкоголя как фактор риска здоровью населения регионов РФ в «докризисный» и «послекризисный» периоды (2017–2022 гг.)/Н.А. Лебедева-Несевря, С.С. Гордеева // Анализ риска здоровью. — 2023. — № 2. — С. 17–29. DOI: 10.21668/health.risk/2023.2.02; EDN: DXJFNB

18. ***Мкртчян, Н.В.*** Миграция молодёжи из малых городов России/Н.В. Мкртчян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2017. — № 1(137). — С. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15; EDN: YORVWV

19. ***Нефедова, Т.Г.*** Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России/Т.Г. Нефедова // Крестьяноведение. — 2021. — Т. 6. — № 1. — С. 126–153. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153; EDN: DNGPIA

20. ***Чертенков, К.О.*** Межэтнические различия в разводимости на Северном Кавказе/К.О. Чертенков // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 2. — С. 41–62. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17765; EDN: CUXNYN

Сведения об авторе:
Федотов Артём Александрович, к.э.н., старший научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: fedotov.arr@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4185-4013; РИНЦ SPIN-код: 5172–1491.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-212-225

CLUSTER ANALYSIS OF REGIONS BY INDICATORS OF HUMAN POTENTIAL

Artem A. Fedotov
ISESP FCTAS RAS
(24 / 35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)
E-mail: fedotov.arr@gmail.ru

For citation:
Fedotov A.A. Cluster analysis of regions by indicators of human potential. Narodonaselenie[*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 212-225. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-212-225 (in Russ.)

Abstract. *This article is devoted to constructing a typology of the Russian Federation subjects based on human potential indicators, using official statistics for 2023. The initial variables are 9 indicators covering different aspects of human potential: demographic, labor (professional), cultural-behavioral. These indicators include life expectancy, crude birth rate, morbidity, the share of high-skilled workers, mid- and senior-level managers and specialists, cultural activity (visiting museum and theater attendance), per capita alcohol consumption, divorce rate, and environmental index reflecting the population's environmental behavior. Cluster analysis (hierarchical and k-means) with long-range content analysis of the results was used. Finally, nine clusters were identified, each with a distinct geographic, ethnocultural, or socioeconomic identity: southern Russian sociocultural type; industrial-agrarian «middle» Russia; old industrial Northwest; troubled Far East; metropolitan suburbs and tourist centers; archaic demographic south of Siberia; federal metropolises; Caucasian ethnocultural type; and Siberian resource regions. It is shown that the internal structure of the clusters largely reproduces the components of N.V. Zubarevich's «four Russias» and is consistent with the results of independent demographic and socioeconomic studies. The abnormal increase in divorce rates in the North Caucasus republics in 2021–2023 is separately considered as a characteristic result of the introduction of targeted social benefits. The resulting typology can be used to develop regional development strategies by group and formation of targeted regional policy measures in the areas of demography, healthcare, and culture. It can also be used for monitoring the effectiveness of national*

projects, taking into account the specific characteristics of each group of regions.
Keywords: *human potential, indicators, cluster analysis, regional differentiation, typology of regions.*

References and Internet sources

1. Lokosov V.V. Chelovecheskiy potentsial: kontseptual'nyye podkhody i metodiki izmereniya [Human potential: conceptual approaches and measurement methods]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1 (in Russ.)
2. Toksanbaeva M.S., Popova R.I. Pokazateli kachestva trudovogo potentsiala naseleniya regionov Rossii [Indicators of the labor potential quality of the Russian regions population]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 110–122. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.10 (in Russ.)
3. Ledenyova M.V., Shamrai-Kurbatova L.V., Stolyarova A.N., Chumakova E.A. Klasternyy analiz regionov Rossii po demograficheskim pokazatelyam [Cluster analysis of Russian regions by demographic indicators]. Kreativnaya ekonomika [*Creative Economy*]. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 1621–1636. DOI: 10.18334/ce.16.4.114526 (in Russ.)
4. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Mezhregional'noye neravenstvo v Rossii i postsovetskikh stranakh v 21 veke [Interregional inequality in Russia and post-Soviet countries in the 21st century]. Regional'nyye issledovaniya [*Regional Studies*]. 2024. No. 1(83). P. 4–18. DOI: 10.5922/1994-5280-2024-1-1 (in Russ.)
5. Everitt B.S., Landau *S.,* Leese M., Stahl D. *Cluster Analysis.* 5th ed. Chichester. Wiley and Sons. 2011. 330 p.
6. Hastie T., Tibshirani R., Friedman J. *The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction*. New York. Springer. 2017. 745 p. DOI: 10.1007/978-0-387-84858-7
7. Jain A.K. Data clustering: 50 years beyond K-means. *Pattern Recognition Letters*. 2010. Vol. 31. No. 8. P. 651–666. DOI: 10.1016/j.patrec.2009.09.011
8. *Géron A. Hands-On Machine Learning with Scikit-Learn, Keras, and TensorFlow*. 2nd ed. Sebastopol. CA. O'Reilly Media. 2019. 819 p.
9. Ryumina E.V., Fedotov A.A. Tipologiya regionov Rossii po pokazatelyam chelovecheskogo potentsiala [Typology of Russian regions according to human potential indicators]. Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 1. P. 114–126. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-1-114-126 (in Russ.)
10. Shomakhov K.R. Chelovecheskiy potentsial kak faktor ekonomicheskogo rosta i ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Human potential as a factor of Russia's economic growth and security]. Ekonomicheskaya bezopasnost' [*Economic Security*]. 2023. Vol. 6. No. 4. P. 1381–1402. DOI 10.18334 / ecsec.6.4.119151 (in Russ.)
11. Goroshko N.V., Patsala S.V. Dolgozhiteli v demograficheskoy strukture naseleniya Rossii [Centenarians in the demographic structure of the Russian population]. Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [*Social and Labor Research*]. 2023. No. 1(50). P. 131–144. (in Russ.)
12. Sirazhudinova S.V. Reproduktivnoye povedeniye zhiteley Severnogo Kavkaza (po materialam empiricheskogo issledovaniya) [Reproductive behavior among the peoples of the North Caucasus]. Etnografiya [*Ethnography*]. 2024. No. 2 (24). P. 257–273. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-257-273 (in Russ.)
13. Kazenin K.I., Mitrofanova E.S. Osobennosti postsovetskoy rozhdayemosti na Severnom Kavkaze: innovatsii ili mezhpokolencheskaya preyemstvennost'? [Fertility at the post-Soviet North Caucasus: between stability and innovations]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 121–151. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18811 (in Russ.)
14. Kazenin K.I., Soroko E.L. Demograficheskaya modernizatsiya i vozrast vstupleniya v pervyy brak u narodov Severnogo Kavkaza [Demographic modernization and age at first marriage of peoples of the North Caucasus]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 95–127. DOI: 10.17323/demreview.v8i2.12784 (in Russ.)
15. Kishenin P.A. Regional'naya differentsiatsiya rozhdayemosti v Rossiyskoy Federatsii: optika real'nykh pokoleniy [Regional differentiation of fertility in the Russian Federation: cohort perspectives]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 86–120. DOI: 10.17323/demreview.v10i4.18810 (in Russ.)

16. Petrosyan A.N., Shevchuk E.I., Kirillov P.L., Mozgunov N.A. Geograficheskiye osobennosti stareniya naseleniya Rossii [Geographical features of Russia's population aging]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 55–83. DOI: 10.17323/demreview.v6i2.9872 (in Russ.)
17. Lebedeva-Nesevrya N.A., Gordeeva S.S. Potrebleniye alkogolya kak faktor riska zdorov'yu naseleniya regionov RF v «dokrizisnyy» i «poslekrizisnyy» periody (2017–2022 gg.) [Alcohol consumption as health risk factor for the population of the RF regions in the «before-crisis» and «after-crisis» periods (2017–2022)]. Analiz riska zdorov'yu [*Health Risk Analysis*]. 2023. No. 2. P. 17–29. DOI: 10.21668/health.risk / 2023.2.02 (in Russ.)
18. Mkrtchyan N.V. Migratsiya molodozhi iz malykh gorodov Rossii [The youth migration from small towns in Russia]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [*Monitoring of Public Opinion*: *Economic and Social Changes*]. 2017. No. 1. P. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15 (in Russ.)
19. Nefedova T.G. Polyarizatsiya sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva i perspektivy sel'skoy mestnosti v staroosvoyennykh regionakh Tsentra Rossii [Polarization of social economic space and prospects of rural areas in the old developed regions of Central Russia]. Krest'yanovedeniye [*Russian Peasant Studies*]. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 126–153. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153 (in Russ.)
20. Chertenkov D.A. Mezhetnicheskiye razlichiya v razvodimosti na Severnom Kavkaze [Interethnic differences in divorce rates in the North Caucasus]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 41–62. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17765 (in Russ.)

Information about the author:
Fedotov Artem Aleksandrovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: fedotov.arr@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4185-4013; Elibrary SPIN-code: 5172–1491.

Статья поступила в редакцию 18.04.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-226-238
EDN: PWRLEE

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЖИЛЬЁМ НАСЕЛЕНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ

Максимова И.В.[1]*, Симагин Ю.А.[2]

[1]Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС
(400066, Россия, Волгоград, ул. Гагарина, 8)
[2]ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24 / 35, корп. 5)

**E-mail: maksimova–iv@ranepa.ru*

Для цитирования:
Максимова И.В., Симагин Ю.А. Проблемы обеспеченности жильём населения в малых городах России // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 4. – С. 226-238. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-226-238; EDN: PWRLEE

Аннотация. *Одним из условий реализация государственных программ повышения уровня и качества жизни россиян выступает повышение качества удовлетворения потребностей населения в благоустроенном и доступном жилье. Особенно остро проблема улучшения жилищных условий стоит в малых городах России, которые уступают средним и крупным городам по уровню социально-экономического развития. Наличие важных социальных и экономических функций малого города обусловливает выделение проблемы улучшения жилищных условий жителей малого города в отдельную категорию. Проведённые исследования показывают, что наличие жилищной проблемы в малых городах характерно не только для России с её значительными территориями, но и для небольших стран Центральной и Восточной Европы. В зарубежной практике развитие строительства в малых городах рассматривается в качестве фактора развития, так как способствует не только наращиванию человеческого капитала, но и росту экономического благополучия страны, её национальной безопасности. Анализ уровня удовлетворённости жилищными условиями населения в малых городах России показал, что по сравнению со средними значениями в субъектах РФ, где расположены малые города, основные показатели обеспеченности жильём, ввода в эксплуатацию нового жилья, возможности приобретения нового жилья несколько хуже. Проведённые исследования позволили авторам сделать заключение о необходимости дополнительных научных изысканий по дифференциации малых городов, выделению отдельных групп, схожих по общим проблемам развития территорий, что в дальнейшем может быть использовано в разработке федеральных и региональных программ социально-экономического развития, например, в рамках проектов «Малые города федерального значения» или «Малые города региона».*

Ключевые слова: *малые города, доступное и комфортное жильё, качество жизни населения, обеспеченность жильём, строительство жилья.*

© Максимова И.В., Симагин Ю.А., 2026

Постановка проблемы

Ключевым ориентиром в государственном управлении в любой стране выступает рост качества жизни населения. Качество жизни населения — это многогранное понятие, которое отражает уровень удовлетворения разнообразных потребностей индивида, возникающих в процессе его жизнедеятельности. Среди первостепенных потребностей можно выделить и потребность в обеспеченности жильём. Оценке степени удовлетворения этой потребности в России посвящено немало исследований. Особенно пристальное внимание ей стало уделяться в связи с реализацией национальных проектов «Жильё и городская среда», «Семья», «Инфраструктура для жизни» и другие. Однако до настоящего времени ещё нельзя говорить о том, что проблема обеспечения граждан России комфортным и доступным жильём решена.

В настоящее время в РФ в среднем в год вводится около 0,5 м² площади жилья на одного человека. В то время как наиболее экономически развитые страны (страны Европы, Канада, Япония и другие) ежегодно вводят более одного м² нового жилищного фонда в расчёте на душу населения. Причём новый жилищный фонд преимущественно на 60–70% формируется из малоэтажных жилых зданий [1]. По данным Росстата, в 2024 г. в среднем на одного жителя России приходилось 29 м² жилой площади, в то время как, например, в США на одного жителя приходится 70 м² жилой площади, в Канаде — 76 м²[1]. Ещё значительной остаётся доля в жилищном фонде «хрущёвок» с малыми размерами квартир, плохими тепло- и звукоизоляцией, не редкость ветхое и аварийное жильё (его ликвидация предусмотрена национальным проектом «Инфраструктура для жизни»[2]). А высокая стоимость жилья и невысокие доходы у большинства населения выступают серьёзными трудностями для решения жилищной проблемы россиян.

Кроме общенациональных, на решение жилищной проблемы оказывают влияние и региональные факторы — особенности рельефа местности, климат, наличие сырья для производства строительных материалов и другие. Поэтому успешное разрешение жилищной проблемы требует большого объёма исследований по самым разным аспектам. Высокий практический интерес представляют исследования обеспеченности жильём населения в малых городах России, что связано с усиливающимися тенденциями миграции населения из малых городов в более крупные. И жилищная проблема наряду с общеэкономическими и социальными здесь играет весомую демографическую роль.

Неслучайно поэтому многие авторы [2–5] обозначают решение жилищной проблемы в малых городах как вопрос, играющий важную роль в обеспечении национальной безопасности России. И.П. Смирнов и П.С. Лебедев [4] объединяют в единое целое решение проблем роста строительства в малых городах и пространственное развитие России в целом. В своих исследованиях они делают акцент на необходимость использования в строительстве жилья в малых городах эндогенных и экзогенных факторов. В частности, среди эндогенных причин роста, кроме улучшения жилищных условий для местных жителей, выделяются: строительство загородного жилья обеспеченными слоями населения, возведение нового социального жилья, строительство нового жилья для военных и работников крупных промышленных предприятий. К экзогенным были отнесены: административные (присоединение к городам близлежащих населённых пунктов — деревень, станционных посёлков, военных городков) и деятельность внешних девелоперов. Результаты исследований демонстрируют, что за счёт развития строительства жилья малые города реально могут решить многие социально-экономические проблемы,

[1] Сколько квадратных метров приходится на одного человека. – URL : https://alldoma.ru / novostifaktyi-sobyitiya-tochki-zreniya / kogda-zhilischnayaproblema-budet-reshena-v-rossii.html (дата обращения: 01.05.2026).

[2] Национальный проект «Инфраструктура для жизни». – URL : https://национальные-проекты.рф / new-projects / infrastruktura-dlya-zhizni / ?ysclid=msc049r3qi160790477 (дата обращения: 02.05.2026).

а это будет обеспечивать более равномерное экономическое развитие России, в том числе за счёт более рационального размещения населения и производств по территории страны.

Е.Г. Циплакова и соавторы [5] обращают внимание на необходимость развития жилищного строительства в малых городах как условия привлечения трудоспособного населения — важного фактора роста производства и бюджетных доходов. Среди факторов роста малых городов многие исследователи выделяют развитие малоэтажного строительства в России, что будет способствовать увеличению наиболее комфортабельного жилья для граждан страны. Так, например, Н.В. Гусакова считает развитие малоэтажного строительства ключевым фактором в обеспечении энергоэффективного, безопасного, доступного и комфортного жилья для граждан, как уже проживающих в малых городах, так и новых жителей [1].

Пристальное внимание к проблеме развития малых городов посредством жилищного строительства уделяется в зарубежной литературе. Например, исследователь М. Дж. Соуза с соавторами [6] связывает привлечение новых жителей в малые города с городскими инновациями в строительстве и бытовом обслуживании населения. Особо выделяется важная роль инноваций в развитии рынков в малых и средних городах Европы. Исследователь малых городов И. Мате [7], делая акцент на необходимости благоустройства жилья и жилого окружения в малых городах, выделяет это в качестве важного фактора развития стран Европы, поскольку малые города являются переходным типом населённых пунктов между городскими и сельскими ландшафтами, что обусловливает их важную роль в экономике, сфере услуг и инфраструктуре, а также рекреации. С. Вылча и соавторы [8] исследуя проблему устойчивого развития, связывает её с сокращением численности населения в малых городах Восточной Европы и констатирует необходимость использования в прогнозах численности населения в малых городах показателя благоустройства жилищного фонда.

К подобным заключениям приходят и другие авторы, в том числе российские. С одной стороны, финансовая недоступность жилья в больших городах (особенно в Москве) частично сдерживает приток в них населения [9]. С другой — без развития социальной инфраструктуры, в том числе без строительства доступного жилья, во многих малых городах России демографическая ситуация может стать катастрофической, вплоть до их полного исчезновения уже в среднесрочной перспективе [10] Цель данного исследования заключалась в проведении анализа удовлетворения потребностей жителей малых городов России в жилье для определения общих тенденций и выделения особенностей малых городов, которые могут быть учтены в решении проблемы улучшении жилищных условий жителей малого города.

Обобщение результатов проведённых исследований по проблеме обеспеченности жильём и роли жилищного строительства в развитии малых городов осуществлялось при помощи методов анализа и синтеза. Для выявления общих и специфических тенденций обеспеченности жильём населения в малых городах России применялись методы группировки и попарного сравнения, а также графический метод. Для изучения асимметрии показателей в статике и динамике использовался расчёт показателя простой средней арифметической и показателя вариации. Информационной базой выступали данные Росстата и сайта Дом.ru. В качестве объектов исследования были выбраны 280 малых городов из 53 субъектов РФ, по которым имелась в распоряжении полная информация. Для представления результатов исследований малые города объединялись в группы по принципу принадлежности к субъекту РФ.

Результаты исследования

Как уже отмечалось, обеспеченность жильём выступает важным показателем, характеризующим качество жизни населения. Однако зачастую этот показатель в малых городах ниже, чем в среднем по регио-

ну. На рис 1 представлены значения показателя жилой площади в жилых помещениях в расчёте на одного жителя малого города в сравнении со средними значениями по региону. В таких регионах, как Воронежская, Волгоградская области и Ставропольский край, средняя обеспеченность жильём соответствует средним значениям в регионе. А в республиках Дагестан, Ингушетия и Чеченской обеспеченность жильём в ма-

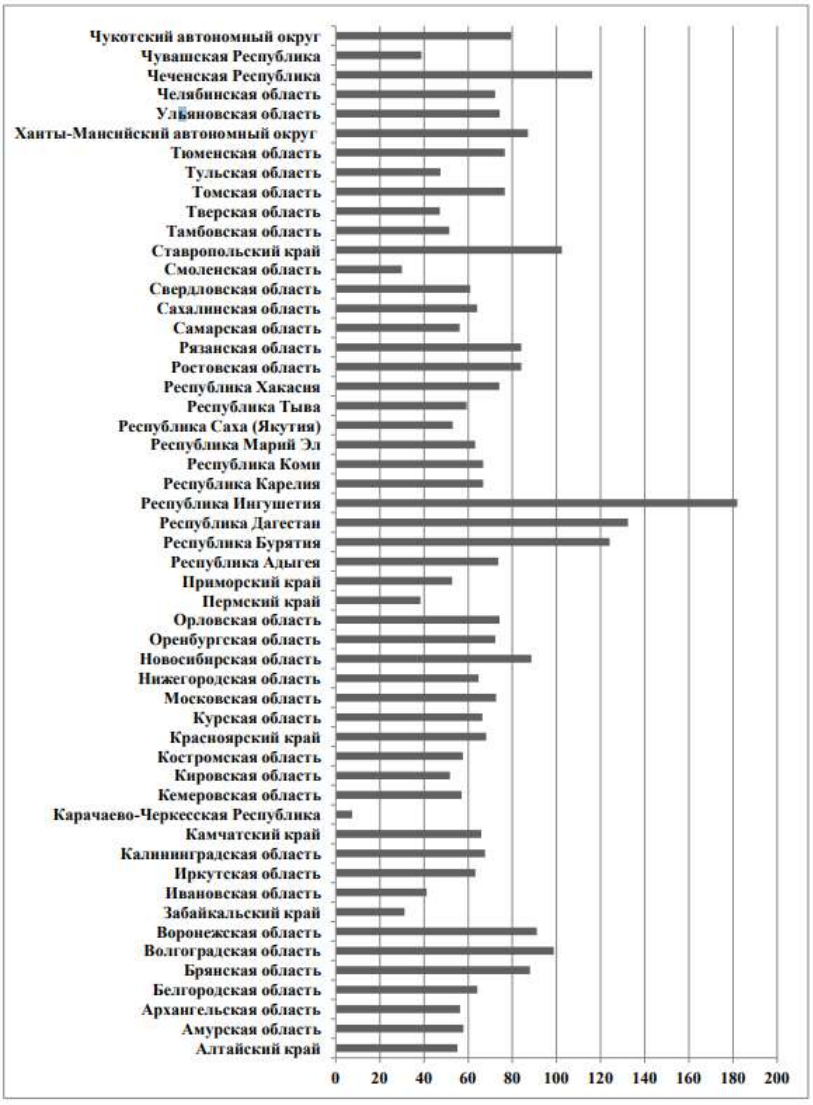

Рис. 1. Среднее количество м² на 1 человека в малых городах в % к аналогичному показателю в среднем по региону (по данным 2024 г.)

Fig. 1. Average number of square meters per person in small towns as a percentage of regional average (as of 2024)

Источники: Муниципальная статистика // Росстат. — URL : https: rosstat.gov.ru; «Муниципальная статистика России с 2005 года» // Росстат; обработка: «Если быть точным», 2025. — URL : https:// tochno.st / datasets / bdmo (дата обращения: 02.02.2026).

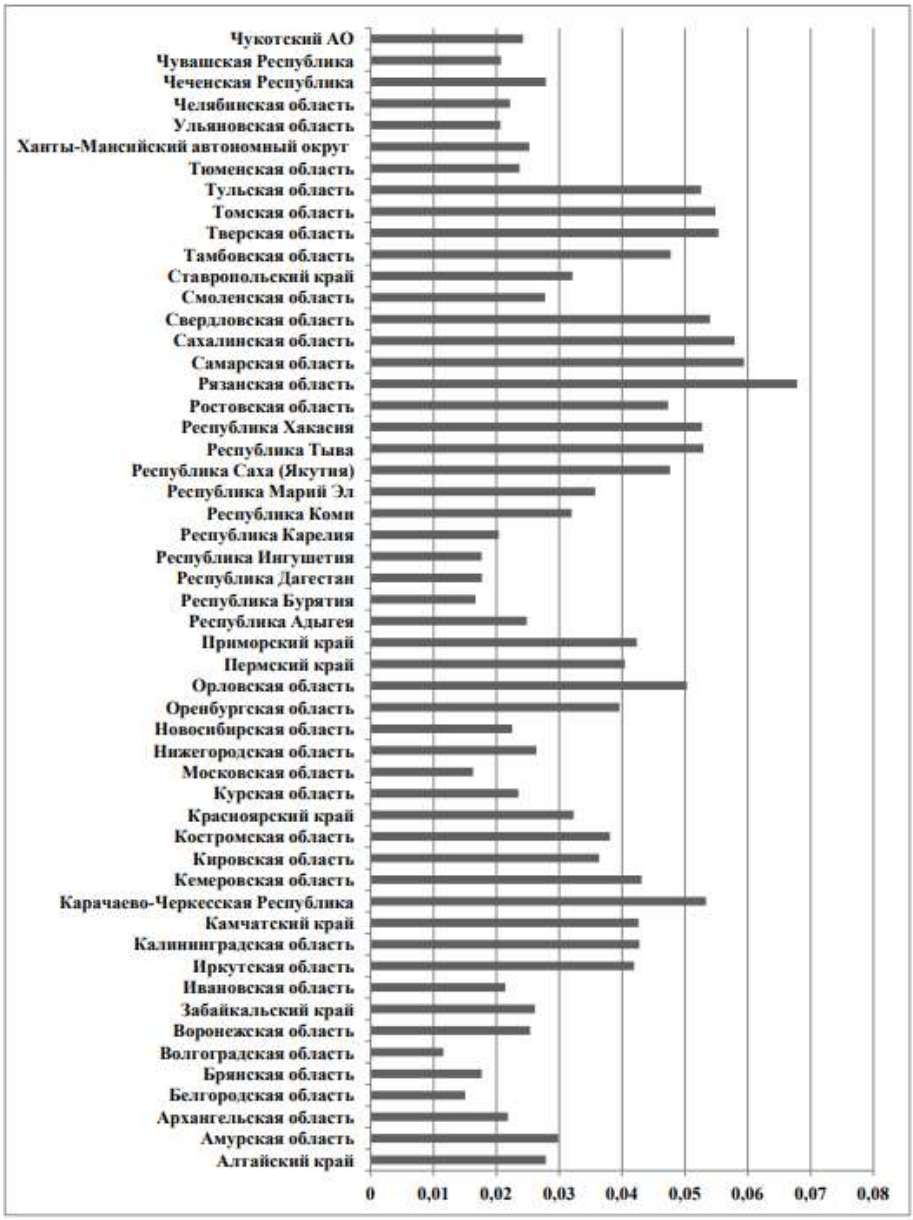

Рис. 2. Среднее значение ввода жилых помещений в малых городах, м² на одного жителя (по данным 2024 г.)

Fig. 2. Average value of housing construction in small towns, square meters per inhabitant (as of 2024)

Источники: Муниципальная статистика // Росстат. — URL : https: rosstat.gov.ru; «Муниципальная статистика России с 2005 года» // Росстат; обработка: «Если быть точным», 2025. — URL : https://tochno.st / datasets / bdmo (дата обращения: 02.02.2026).

лых городах даже выше. Как видно из рисунка, в преобладающем количестве малых городов обеспеченность жильём населения хуже, чем в среднем по региону. Усреднённое значение этого показателя по всей выборке малых городов составляет около 60% от общей площади всех жилых помещений.

Более низкая обеспеченность жильём жителей малых городов во многом связана с более низким уровнем строительства жилья. По данным исследователей, чтобы городские жители не испытывали трудности в жилье, должно ежегодно вводится около 1 м² жилой площади на душу населения. Это рекомендуемое значение соблюдается не всегда даже в крупных городах. В малых городах картина совсем удручающая. По данным 2024 г. этот показатель в среднем по всей выборке составлял 0,03 м². При этом ниже среднего значения этот показатель наблюдается в 1 / 3 городов (рис. 2).

Среди причин недостаточного строительства нового жилья можно выделить невысокий платёжеспособный спрос. Объясняется это вероятнее всего отсутствием перспектив в экономическом развитии и благоустройстве малых городов, и связанными с этим тенденциями миграции населения из малых городов в более крупные. Среди причин можно также выделить, как правило, и более низкие доходы населения малого города, что также, безусловно, взаимосвязано с уровнем экономического развития малых городов. Более низкий уровень средней заработной платы по сравнению со средней по региону является типичным в старопромышленных городах европейской и уральской частей страны, а также в южных регионах России. Здесь особо следует выделить области Смоленскую, Тамбовскую и Свердловскую, республики Дагестан и Ингушетию, Ставропольский край, где уровень средней заработной платы по данным 2024 г. был на 35–55% ниже, чем в среднем по региону, где располагается город (рис. 3).

Сопоставление среднегодовой стоимости одного м² в малых городах в сравнении со средними значениями по региону демонстрирует более низкую стоимость на первичном рынке жилья. Только у 10% городов в исследуемой совокупности цены на первичном рынке жилья были на уровне среднего по региону. Это, например, Новодвинск (Архангельская область), Кохма (Ивановская область), Котельнич (Кировская область), Зима (Иркутская область). А у 5% в исследуемой совокупности городских округов цены на первичном рынке жилья были выше, чем в среднем по региону, в том числе в городах Пионерский, Мамоново и Светлогорск (Калининградская область), Кыштым (Челябинская область). Низкие объёмы строительства жилья и, как правило, более низкие доходы населения обусловливают снижение возможности горожан малого города по улучшению жилищных условий. Рассчитанный показатель количества лет необходимых для приобретения жилья в новостройке площадью 50 м² у жителей малых городов представлен на рис. 4.

Согласно расчётам, в среднем по всей исследуемой совокупности малых городов при существующем уровне заработной платы необходимо 6,7 лет для приобретения жилья площадью 50 м². Следует также отметить, что значение этого показателя варьирует от 2,7 лет в Пермском крае (Горнозаводск) до 10 лет — в Алтайском крае (Алейск). В целом, более доступно жилье в новостройках для жителей Пермского, Приморского и Забайкальского краёв, Оренбургской и Архангельской областей, а наиболее недоступно — Самарской, Ростовской, Нижегородской, Воронежской областей и Алтайского края. Вместе с тем ситуаия в малых городах даже в пределах одного субъекта РФ весьма неоднозначна. И наличие жилья не выступает единственным критерием для решения о выборе места жительства. На выбор места жительства в значительной мере оказывает влияние благоустройство городской среды, наличие социальной, транспортной и торговой инфраструктур.

Для оценки этого критерия в малых городах был проведён анализ индекса качества городской среды, который представляет собой цифровое значение (в баллах)

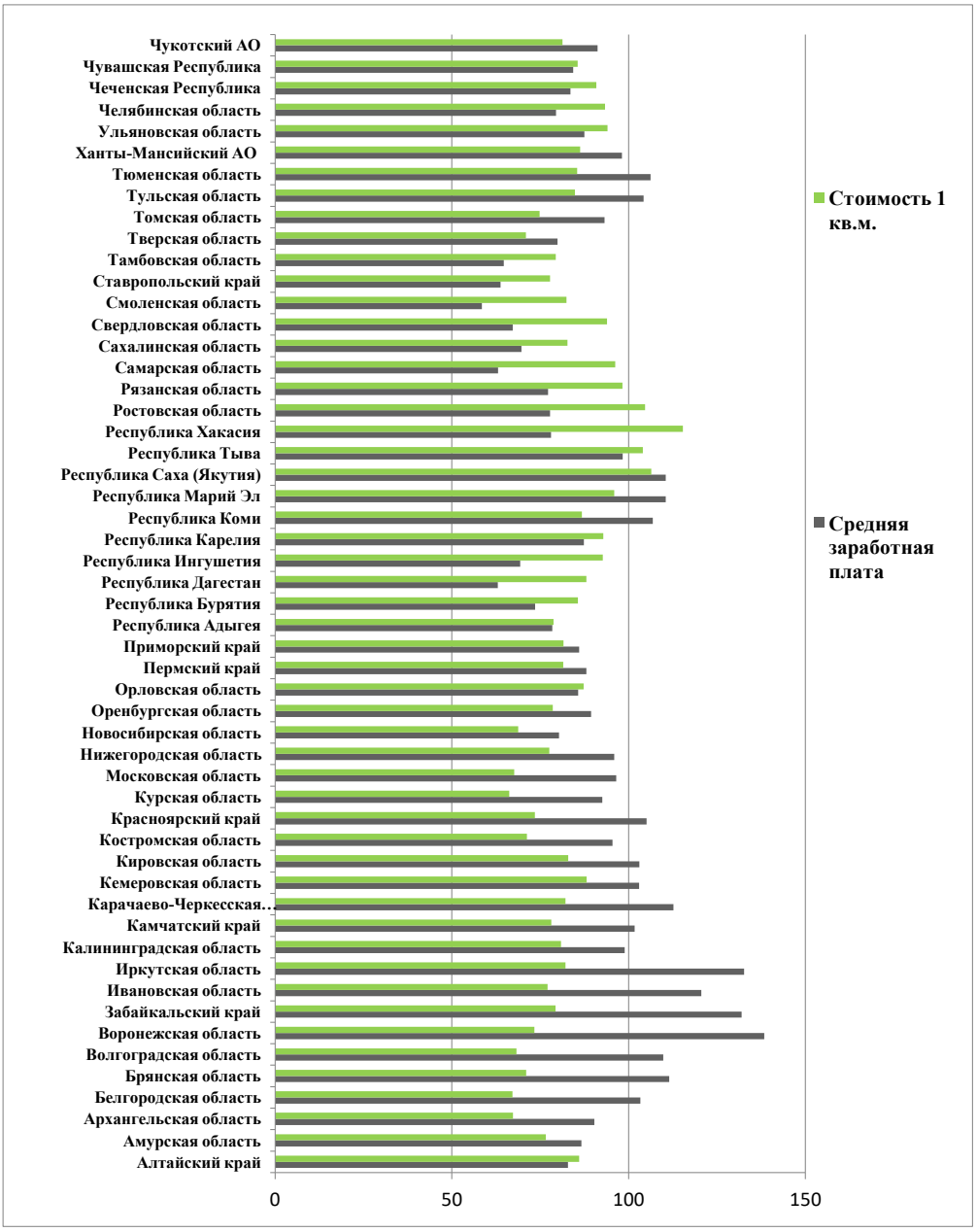

Рис. 3. Показатели средней заработной платы, стоимости 1 м² жилой площади в % к среднерегиональным значениям (по данным 2024 г.)

Fig. 3. Average wages and the cost of 1 square meter of living space as a percentage of regional values (as of 2024)

Источники: Муниципальная статистика // Росстат. — URL : https: rosstat.gov.ru; «Муниципальная статистика России с 2005 года» // Росстат; обработка: «Если быть точным», 2025. — URL : https:// tochno.st / datasets / bdmo (дата обращения: 02.02.2026).

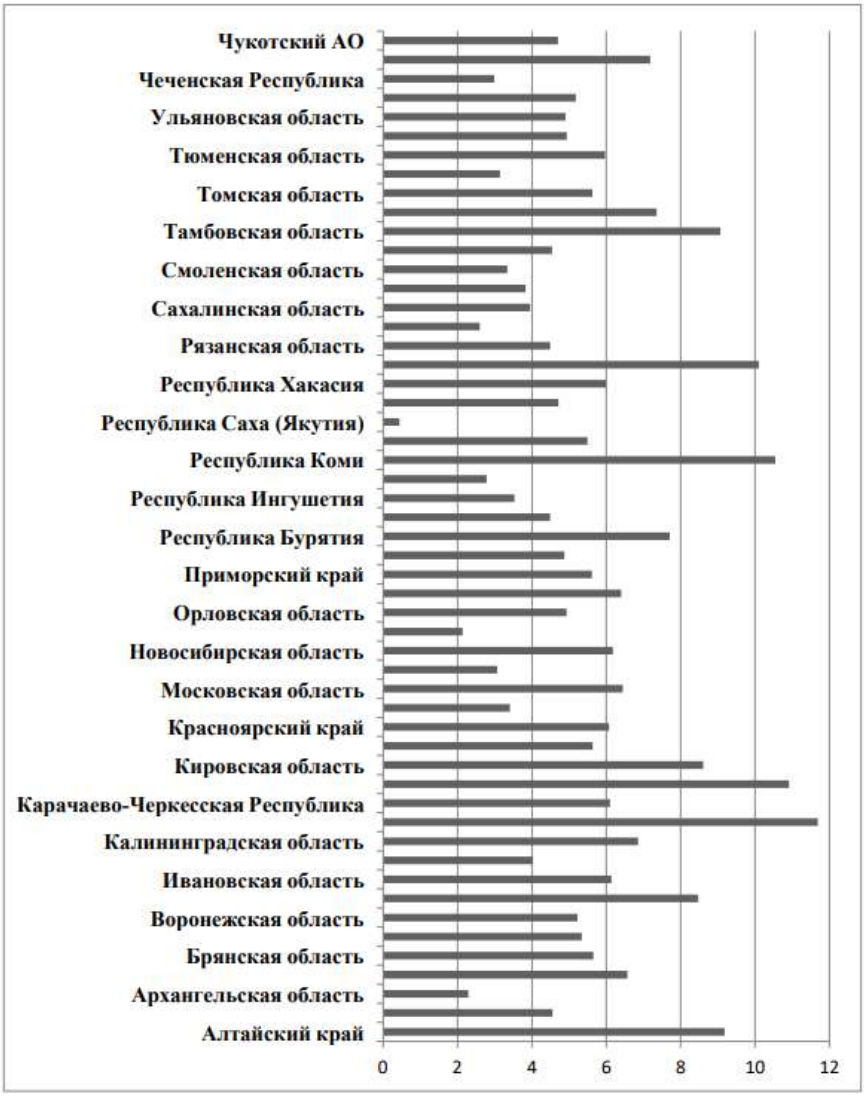

Рис. 4. Среднее число лет для приобретения жилого помещения площадью 50 м² при существующих уровнях цен на первичном рынке жилья и средней заработной платы (по данным за 2024 г.)

Fig. 4. Average number of years required to purchase a 50-square-meter living space at current prices in the primary housing market and average wages as of 2024)

Источники: Муниципальная статистика // Росстат. — URL : https: rosstat.gov.ru; «Муниципальная статистика России с 2005 года» // Росстат; обработка: «Если быть точным», 2025. — URL : https://tochno.st / datasets / bdmo (дата обращения: 02.02.2026).

состояния городской среды, полученное в результате комплексной оценки количественных индикаторов, характеризующих уровень комфорта проживания на соответствующей территории. В перечне индикаторов включаются: доля населения, проживающая в аварийном жилье; доля жилого фонда, обеспеченного централизованными услугами; разнообразие жилой застройки; разнообразие услуг в жилой застройке; загруженность дорог; доля озеленённых территорий и другое — всего 36 индикаторов. На рис. 5 представлены показатели индекса качества городской среды в малых городах с разной численностью населения по данным за 2024 год.

Среднее значение индекса качества городской среды по данным за 2024 г. в малых городах было на уровне 212 баллов (справочно: Москва — индекс *312)*[3]. Среди малых городов наиболее высокие значение индекса качества городской среды были у городов: Зеленоградск (Калининградская область, индекс 292), Руза (Московская область, индекс 282), Суздаль (Владимирская область, индекс 277). Наиболее низкие значения отмечались у городов Балей (Забайкальский край, индекс 144) и Макушино (Курганская область, индекс 157). На общем фоне малые города не отличаются по значению индекса качества городской среды от средних и крупных городов. Можно предположить, что на повышение значение индекса в малых городах могли повлиять показатели, которые в малом городе априори отличаются от ситуации в среднем, а тем более в крупном городе (например, уровень озеленения, состояние зелёных насаждений, загруженность дорог, количество дорожно-транспортных происшествий).

[3] Индекс качества городской среды 2024. – URL : https://www.minstroyrf.gov.ru / docs / 424619 / (дата обращения: 02.02.2026).

Выводы

По результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

1. Общей тенденцией в малых городах России можно считать более низкий уровень обеспеченности благоустроенным жильём, что свидетельствует о низком уровне удовлетворения потребностей в благоустроенном жилье даже по сравнению со средними значениями по региону. Обращают на себя внимание низкие объёмы ввода жилых помещений (в среднем это около 0,03 м² на одного человека), что значительно ниже рекомендуемых значений. В совокупности с более низкими зарплатами, даже при условии, что цены на первичном рынке жилья, как правило, ниже средних цен по региону, возможности улучшения жилищных условий населением малого города крайне низки (ниже, чем в среднем по региону).

2. Как правило, в малых городах наблюдаются высокие значения условного пока-

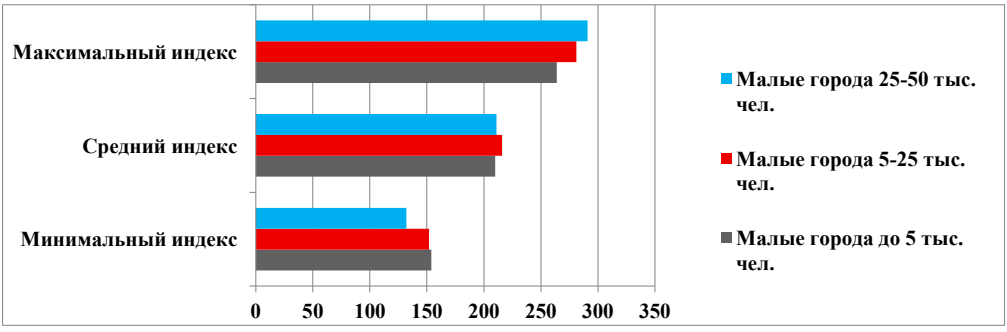

Рис. 5. Индекс качества городской среды в малых городах России (по данным 2024 г.)
Fig. 5. Urban Environment Quality Index in small towns (as of 2024)
Источник: Индекс качества городской среды 2024. — URL : https://www.minstroyrf.gov.ru / docs / 424619 / (дата обращения: 02.02.2026).

зателя необходимого времени приобретения жилья на первичном рынке. При среднем значении около 7 лет, в более чем 18% малых городов значение этого показателя выше. Качество городской среды в малых городах соответствует средним значениям в средних и крупных городах.

3. Неоднородность ситуации по показателям обеспеченности жильём, ввода жилья в эксплуатацию, средней заработной платы и средней стоимости 1 м^2 жилой площади, скорее всего, говорит о возможном влиянии локальных факторов и принадлежности малого города к определённому типу (старопромышленный город, транспортный узел, исторический центр, курортный город, районный центр). Региональные факторы и факторы местного характера обусловливают различия в уровне социально-экономического развития и влияют на темпы экономического развития территории и уровень жизни населения (в первую очередь доходы).

4. Преобладание низкого уровня удовлетворения потребности в благоустроенном жилье и влияние специфических факторов, обусловленных, как правило, более низким уровнем социально-экономического развития, актуализирует необходимость выделения проблемы улучшения жилищных условий населения в малых городах в отдельную категорию. Для успешного решения этой проблемы, на наш взгляд, необходимо проведение дополнительных исследований по дифференциации малых городов, объединение их в группы по общим признакам. Такими признаками могут служить экономические и социально-демографические: уровень социально-экономического развития, тип города по экономической специализации, численность и динамика населения и другие.

5. Произведённая дифференциация малых городов и объединение их в отдельные группы должна позволять делать суждения по поводу возможностей развития традиционных и нетрадиционных отраслей хозяйства, необходимой численности рабочей силы как фактора развития производства, строительства необходимого количества жилья и объектов социального и бытового обслуживания населения. В дальнейшем эта информация может быть использована для разработки федеральных и региональных программ социально-экономического развития, например, в рамках проектов «Малые города федерального значения» или «Малые города региона».

Литература и Интернет-источники

1. ***Гусакова, Н.В.*** Преимущества малоэтажного строительства как фактор повышения уровня и качества жизни населения / Н.В. Гусакова // BAIKAL RESEARCH JOURNAL. — 2024. — Т. 15. — № 1. — С. 173–180. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(1).173-180; EDN: PAIRHK
2. ***Симагин, Ю.А.*** Демографические проблемы и обеспеченность жильём населения Дальнего Востока России / Ю.А. Симагин // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы VII Международной научно-практической конференции (Москва, 26–27 июня 2025 г.). — Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2025. — С. 188–190. EDN: XTYTTC
3. ***Петрова, З. К.***, Жилищная проблема России: отсутствие достойного жилья угрожает социальной и демографической безопасности России / З.К. Петрова // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2020 году. Сборник научных трудов РААСН: в 2 томах. Т. 1. Российская академия архитектуры и строительных наук — Москва : АСВ, 2021. — С. 331–342. EDN: LJFGUI
4. ***Смирнов, И.П.*** Факторы пространственного роста малых городов Центральной России / И.П. Смирнов, П.С. Лебедев // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2023. — Т. 78. — № 5. — С. 42–51. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.78.5.5; EDN: DWMOGW
5. ***Цыплакова, Е.Г.*** Устойчивое развитие селитебных территорий исторических районов северных городов в рамках концепции адаптивного повторного использования / Е.Г. Цыплако-

ва, Ю.Г. Янкевич, Н.К. Янкевич, Г.И. Синько // Инновации и инвестиции. — 2023. — № 4. — С. 339–342. EDN: MLRCBE

6. ***Sousa, M.J.*** Technology, governance, and a sustainability model for small and medium-sized towns in Europe / M.J. Sousa, P.M. Melé, J.M. Gómez // Sustainability. — 2020. — T. 12. — № 3. — Статья № 884. DOI: 10.3390/su12030884; EDN: QSYQJD
7. ***Máté, É.*** Exploring the different ways of small-town development in Central and Eastern Europe / É. Máté, A. Trócsányi // Journal for Geography. — 2025. — Vol. 20. — No. 2. — P. 1–10. DOI: 10.18690/rg.20.2.5637; EDN: YPRABP
8. ***Vîlcea C.*** Does Shrinking Population in Small Towns Equal Economic and Social Decline? A Romanian Perspective / C. Vîlcea, L. Popescu, A. Clincea // Urban Science. — 2024. — Vol. 8. — No. 2. — P. 60. DOI: 10.3390/urbansci8020060; EDN: EVYBSR
9. ***Симагин, Ю.А.*** Доступность собственного жилья в Москве для жителей регионов России / Ю.А. Симагин, Д.Д. Муртузалиева, И.Н. Ванькина // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции (Москва, 28 ноября 2023 г.). — Москва : Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2024. — С. 250–256. EDN: DWWOWC
10. ***Максимова, И.В.*** Демографическая ситуация в малых городских округах России / И.В. Максимова, Ю.А. Симагин // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 4–16. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-4-16; EDN: YXSHRN

Сведения об авторах:
Максимова Ирина Васильевна, д.э.н., доцент, Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия.
Контактная информация: e-mail: maksimova-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-9028-2942; РИНЦ SPIN-код: 2274–8721.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881–6084.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-226-238

PROBLEMS OF HOUSING PROVISION OF POPULATION IN SMALL TOWNS OF RUSSIA

Irina V. Maksimova[1], Yury A. Simagin[2]

[1]Volgograd Institute of Management — branch of RANEPA
(8 Gagarin str., Volgograd, Russia, 400066)
[2]ISESP FCTAS RAS
(24 / 35, building 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

For citation:
Maksimova I.V., Simagin Yu. A. Problems of housing provision of population in small towns of Russia. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 226-238. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-226-238 (in Russ.)

Abstract. *Implementation of the state programs to improve the standards and quality of life for Russians is a complex and multifaceted task. One of the conditions for solving this task is to improve the quality of meeting the population's needs for affordable and comfortable housing. The problem of improving housing conditions is particularly acute in small towns in Russia, which are inferior to medium-sized and large cities in terms of socio-economic development. The presence of important*

social and economic functions of small towns makes it necessary to consider the problem of improving housing conditions in small towns as a separate category. Research shows that housing problem in small towns is not unique to Russia with its vast territories, but also to smaller countries in Central and Eastern Europe. In foreign practice, construction in small towns is considered as a development factor, since it contributes not only to growth of human capital, but also to economic well-being and national security of the country. Analysis of the level of satisfaction with housing conditions in small towns in Russia has shown that, compared to the average values in the Federation subjects where small towns are located, the main indicators of housing provision, commissioning of new housing, and possibility of purchasing new housing are somewhat lower. However, small towns in Russia do not lag behind medium-sized and large cities in terms of the quality of urban environment. The conducted study has allowed the authors to conclude that additional research is needed to differentiate small towns and identify specific groups with similar problems in territorial development, which can be used in development of federal and regional socio-economic programs, within the projects «Small Towns with Federal Status» and «Small Towns with Regional Status».

Keywords: *small towns, affordable and comfortable housing, quality of life, housing provision, housing construction.*

References and Internet sources

1. Gusakova N.V. Preimushchestva maloetazhnogo stroitel'stva kak faktor povysheniya urovnya i kachestva zhizni naseleniya [Advantages of low-rise construction as a factor in increasing life standards of the population]. *Baikal Research Journal*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 173–180. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(1).173-180 (in Russ.)
2. Simagin Yu. A. Demograficheskiye problemy i obespechennost' zhil'yom naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii [Demographic problems and housing provision of the population of the Russian Far East] Sotsial'naya dinamika naseleniya i chelovecheskij potentsial. Materialy 7 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (Moskva, 26–27 iyunya 2025 g.) [*Social Dynamics of the Population and Human Potential.* Proceedings of the VII international scientific and practical conference (Moscow, June 26–27, 2025)]. Moscow. Federal'nyy nauchno-issledovatel'skiy sotsiologicheskiy tsentr RAN [FCTAS RAS]. 2025. P 188–190. (in Russ.)
3. Petrova Z.K. Zhilishchnaya problema Rossii: otsutstviye dostojnogo zhil'ya ugrozhaet sotsial'noj i demograficheskoj bezopasnosti Rossii [Housing problem in Russia: The lack of decent housing threatens Russia's social and demographic security]. Fundamental'nyye, poiskovyye i prikladnyye issledovaniya RAASN po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arkhitektury, gradostroitel'stva i stroitel'noy otrasli Rossiyskoy Federatsii v 2020 godu. Sbornik nauchnykh trudov RAASN [*Fundamental, Exploratory and Applied Research of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences on Scientific Support for Development of Architecture, Urban Construction and Construction Industry of the Russian Federation in 2020.* Vol. I]. Moscow. Rossijskaya akademiya arkhitektury i stroitel'nykh nauk. [Russian Academy of Architecture and Construction Sciences]. 2021. P. 331–342. (in Russ.)
4. Smirnov I.P., Lebedev P.S. Faktory prostranstvennogo rosta malykh gorodov tsentralnoj Rossii [Factors of the spatial growth of small cities in Central Russia]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. [*Moscow University Geography Bulletin*]. 2023. Vol. 78. No. 5. P. 42–51. (in Russ.)
5. Tsyplakova E.G., Yankevich Yu.G., Yankevich N.K., Sinko G.I. Ustoychivoye razvitiye selitebnykh territoriy istoricheskikh rayonov severnykh gorodov v ramkakh kontseptsii adaptivnogo povtornogo ispol'zovaniya [Sustainable development of residential areas of historical districts of northern cities within the framework of the concept of adaptive reuse]. Innovatsii i investitsii [*Innovation and Investment*]. 2023. No. 4. P. 339–342. (in Russ.)
6. Sousa M.J., Melé P.M., Gómez J.M. Technology, governance, and a sustainability *model* for small and medium-sized towns in Europe. *Sustainability.* 2020. Vol. 12. No. 3. P. 1–15. DOI: 10.3390/su12030884
7. Máté É., Trócsányi A. Exploring the different ways of small-town development in Central and Eastern Europe. *Journal for Geography*. 2025. Vol. 20. No. 2. P. 1–10. DOI: 10.18690/rg.20.2.5637

8. Vîlcea C., Popescu L., Clincea A. Does shrinking population in small towns equal economic and social decline? A Romanian perspective. *Urban Science*. 2024. Vol. 8. No. 2. P. 60–67. DOI: 10.3390/urbansci8020060
9. Simagin Yu. A., Murtuzalieva D.D., Vankina I.N. Dostupnost' sobstvennogo zhil'ya v Moskve dlya zhitelej regionov Rossii [Affordability of own housing in Moscow for residents of Russian regions]. Dokhody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendentsii i perspektivy. Materialy 9 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (Moskva, 28 noyabrya 2023 g.) [*Incomes, Expenditures and Savings of the Russian Population of: Trends and Prospects*. Proceedings of the IX international research and practical conference (Moscow, November 28, 2023)]. Moscow. Federal'nyj nauchno-issledovatel'skij sotsiologicheskij tsentr RAN [FCTAS RAS]. 2024. P. 250–256. (in Russ.)
10. Maksimova I.V., Simagin Yu. A. Demograficheskaya situatsiya v malykh gorodskikh okrugakh Rossii [Demographic situation in small urban districts of Russia]. Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 28. No 3. P. 4–16. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-4-16 (in Russ.)

Information about the authors:
Maksimova Irina Vasilievna, Doctor of Economics, Associate Professor, Volgograd Institute of Management – branch of RANEPA, Volgograd, Russia.
Contact information: e-mail: maksimova-iv@ranepa.ru; ORCID ID: 0000-0001-9028-2942; Elibrary SPIN-code: 2274-8721.

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881-6084.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-239-251
EDN: QBAPWH

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Моргунов Е.В.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24 / 35, к. 5)

E- mail: morgun1976@mail.ru

Для цитирования:
Моргунов Е.В. Образовательный потенциал регионов России в первой четверти XXI века // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 239-251. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-239-251; EDN: QBAPWH

Аннотация. *Цель исследования — не только охарактеризовать текущее состояние и тренды, но и предложить научно обоснованные ориентиры для управления человеческим развитием в регионах РФ в контексте перехода к Индустрии 4.0 и достижения целей устойчивого развития (ЦУР) ООН. Для реализации цели в статье осуществлено моделирование образовательного потенциала регионов России среди занятого населения в 2001–2025 гг. и сделан прогноз на 2030 год. Для осуществления моделирования образовательного потенциала были проведены расчёты и анализ динамики средней продолжительности обучения среди занятого населения, а также анализ динамики доли занятых с высшим образованием. Осуществлено моделирование зависимости доли высшего образования от средней продолжительности обучения и сделан региональный прогноз данных показателей образовательного потенциала России до 2030 года. Методологической основой анализа данных является общая теория статистики. Для повышения степени корректности сопоставления анализируемых показателей использован индексный метод. Статистический анализ показал, что в 2001–2024 гг. средняя продолжительность обучения среди занятых в России выросла с 12,3 до 13,0 лет, а доля лиц с высшим образованием — с 21% до 33%. Начиная с 2016 г. все российские регионы относятся к категории очень высокого уровня образовательного потенциала по индексу средней продолжительности обучения. В свою очередь регрессионный анализ выявил очень высокую зависимость между долей высшего образования и средней продолжительностью обучения. Прогнозирование до 2030 г. установило, что средняя продолжительность обучения вырастет до 13,1 лет, а доля населения с высшим образованием — до 36%. Выявлены проблемы дефицита официальной статистики по показателям образования в региональном разрезе. Рекомендована целенаправленная политика увеличения доли занятых с высшим образованием, особенно в регионах с низким уровнем образовательного потенциала.*

Ключевые слова: *образовательный потенциал, средняя продолжительность обучения, высшее образование, регионы России, занятое население, человеческое развитие, статистический анализ.*

© Моргунов Е.В., 2026

Введение в методологию

Наше исследование образовательного потенциала выполнено в парадигме концепции устойчивого человеческого развития, основы которой заложены в работах А. Сена [1; 2]. В Программе развития ООН (ПРООН) основными показателями «индекса человеческого развития», являются ожидаемая продолжительность жизни, образование (ожидаемая и средняя продолжительность обучения) и величина валового национального дохода (по паритету покупательной способности) на душу населения[1]. Первичная проблема анализа потенциала (образования, продолжительности жизни и другого его вида) лежит в самом термине «потенциал» (от лат. potentia) — переводится как сила, возможность и используется в разных контекстах, связанных, прежде всего, с максимизацией значений показателя (в нашем случае — показатели человеческого развития). Однако, есть и другие трактовки, например, потенциал — это совокупность имеющихся ресурсов, которые можно использовать для достижения целей (человеческого развития и других). Среди последних научных работ, посвящённых именно человеческому потенциалу, стоит отметить монографии под редакцией Л.Н. Овчаровой, В.А. Аникина, П.С. Сорокина [3] и под ред. В.В. Локосова, Е.В. Рюминой [4].

В данной работе рассматривается образовательный потенциал через призму показателей «средняя продолжительность обучения» (СПО, лет), «доля работников с высшим образованием». При этом, стоит учитывать, что даже при количественно одинаковых показателях качество образовательного потенциала может быть разным, что в свою очередь отражается и на других показателях человеческого развития (ВВП, подушевой ВРП и других)[2].

За последние 10 лет в России опубликовано около 10-ти значимых работ (кроме вышеперечисленных), непосредственно посвящённых исследованию средней продолжительности обучения (СПО), в том числе и доли (проценту) высшего образования как важнейшей компоненте СПО. Так, в статье [5] проведён количественный анализ и моделирование динамики образовательного потенциала занятого населения в регионах России с использованием данных Росстата за 2002 и 2023 гг.; в статье Е.М. Турганбаева [6] с опорой на показатели в сферах образования (прежде всего, СПО) и здравоохранения анализируется влияние человеческого капитала на экономический рост регионов Казахстана за 1994–2019 гг.; а в статье И.А. Васькина, С.В. Цирель и А.В. Коротаева [7] проанализированы взаимосвязи терроризма с экономическим ростом и образованием (СПО). Среди зарубежных работ, посвящённых реализации целей устойчивого развития (ЦУР)[3] ООН отметим статью Дж. Фридмана и соавторов [8], в которой проведён анализ данных 1970–2018 гг., и сделан прогноз на 2030 г. прогресса в достижении образовательных целей устойчивого развития, в том числе на основе средней продолжительности обучения по регионам мира. В целом, согласно ПРООН, средняя продолжительность обучения, как показатель, представляет из себя среднее количество лет образования, полученного лицами в возрасте 25 лет и старше, пересчитанное из показателя образовательного уровня населения с учётом продолжительности каждого уровня образования.

Основной целью исследования является статистическое моделирование развития образовательного потенциала по показателю «средняя продолжительность обучения» в регионах России, обусловленного социальными, экономическими и прочими условиями развития российского общества и государства в первой четверти XXI века. Анализ статистических сборников Росстата показывает, что в России для оценки человеческого, в том числе и образователь-

[1] Джахан С. Индексы и индикаторы человеческого развития. Обновлённые статистические данные 2018. – ПРООН, 2018. – 122 с.

[2] Более подробно эта и другие проблематики человеческого потенциала рассмотрены в монографии ИСЭПН ФНИСЦ РАН [4].

[3] Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. – UN, 2015. – 41 p.

ного, потенциала по субъектам (регионам) РФ выпускаются два статистических ежегодных сборника — «Цели устойчивого развития в Российской Федерации» и «Регионы России. Социально-экономические показатели». Однако в них не нашлось места для таких показателей человеческого развития, как средняя и ожидаемая продолжительность обучения. Наиболее близкими для реализации цели исследования оказались следующие данные (таблицы) 3-го раздела статистического ежегодника «Регионы России»: «Состав занятого населения по возрастным группам» и «Состав занятого населения по уровню образования». На основе данных таблиц можно рассчитать региональные значения показателя «средняя продолжительность обучения» (лет), правда, только среди занятых (трудоустроенного населения страны от 15 до 70 лет и старше).

При этом необходимо отметить, что в соответствии с Законом «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) установлены следующие виды образования[4]: 1) общее образование; 2) профессиональное образование; 3) дополнительное образование; 4) профессиональное обучение; из них два вида образования — общее и профессиональное — реализуются по уровням образования: а) уровни общего образования в РФ: дошкольное образование; начальное общее образование (4 года); основное общее образование (обязательно для всех, 9 лет); среднее общее образование (11 лет); б) уровни профессионального образования: среднее профессиональное образование (нарастающий максимум — 12 лет); высшее образование — бакалавриат (15 лет); высшее образование — специалитет, магистратура (17 лет); высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации (18–19 лет).

Таким образом, чтобы определить региональную среднюю продолжительность обучения у занятых в РФ, нужно проанализировать состав занятого населения по уровню образования и на этой основе рассчитать значения СПО по регионам России за 2001 и за 2024 годы. При этом первичной методологической основой анализа данных будет являться общая теория статистики, её компоненты и показатели [9][5], составляющие комплексный многоуровневый статистический анализ исследования (сравнительный межрегиональный анализ, прогнозирование и т.п.); анализ реализован с помощью «WPS Office»; для повышения степени корректности сопоставления анализируемых показателей использован индексный метод; для оценки роста можно воспользоваться таким инструментом, как среднегодовой темп роста показателя — его можно оценить с помощью формулы CAGR (процентного индекса роста):

$$\mathrm{CAGRp} = \left(\frac{\text{конечное значение показателя}}{\text{начальное значение показателя}} \right)^{1/n} - 1, \quad (1)$$

где CAGRp — процентный индекс среднегодового темпа роста показателя; n — количество лет аналитического периода.

Расчёт и динамика средней продолжительности обучения среди занятых по регионам России

Для расчёта региональной СПО среди всех занятых в РФ были использованы следующие показатели в процентном (долевом) соотношении к итогу (100%, пример 2016 г. — год, когда все регионы России с точки зрения методологии ПРООН перешли в категорию «очень высокий уровень» образовательного потенциала по показателю СПО): % занятых с высшим образованием — продолжительность 16 лет (по данным Росстата в среднем по России — 33,5%); % со средним профессиональным образованием — 12 лет (в среднем по России — 45,1%); % со средним общим образованием — 11 лет (в среднем по России — 18,1%); % с основным общим образованием — 9 лет (в среднем по России — 3,2%), и без оного — условно 4 года (в среднем по России — 0,2%).

В результате расчётов получены абсолютные величины средней продолжитель-

[4] До 2012 г. виды образования были несколько другими – см. таблицу «Состав занятого населения по уровню образования» статистического сборника «Регионы России…» за соответствующий год.

[5] Лысенко С.Н., Дмитриева И.А. Общая теория статистики. Учебное пособие. – Москва : ИНФРА-М, 2014. – 219 с.

ности обучения (СПО, лет) у занятых по регионам России. С целью повышения соразмерности и качества последующего статистического анализа и моделирования используем индексный метод, тем более что индекс СПО (***I***mys) уже предложен ПРООН, он имеет следующий вид:

$$I_{mys} = (Y - Y_{min}) / (Y_{max} - Y_{min}), Y_{max} = \\ = 15 лет, Y_{min} = 0 лет, 0 \le I_{mys} \le 1 \quad (2)$$

где Y — фактическое значение СПО для регионов России (лет).

Мы несколько иначе, чем ПРООН[6], интерпретируем выбор верхней границы в 15 лет — это минимум для получения высшего образования (бакалавр) в России. Нижняя граница, равная 0 лет, обусловлена тем, что даже в нашей стране (регионах) до сих пор есть работники с очень низким уровнем СПО, не говоря уже о странах мира в целом. Подробно результаты расчётов и анализа представлены на рис. 1. В целом анализ показал, что в 2001–2024 гг. СПО среди занятых варьировалась в диапазоне 11,7–14,4 лет, в среднем по России — 12,4 лет (индекс СПО = 0,826, 2001 г.) и 13,2 года (индекс СПО = 0,880, 2024 г.), то есть в анализируемый период большинство субъектов РФ по данному показателю ПРООН можно отнести к регионам с очень высоким уровнем образовательного потенциала (индекс СПО более 80% от ориентира в 15 лет обучения).

В этой связи для реализации поставленной цели (моделирование образовательного потенциала) наиболее оптимальным мы видим следующее решение — разделение российских регионов по СПО на основе процентильного (уже — квартильного) метода. Также мы считаем достаточным для группировки субъектов РФ следующий вариант распределения по образовательному потенциалу среди занятых: А) субъекты РФ с высоким потенциалом — СПО выше медианного значения (Р100–51), в том числе регионы-лидеры — 10% регионов с наибольшем потенциалом (Р100–90); при этом третья квартиль (Р75) определяет медианное (по сути — среднее) значение для субъектов РФ с высоким уровнем образования; Б) субъекты РФ с низким потенциалом —

[6] Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. – UN, 2015. – 41 p.

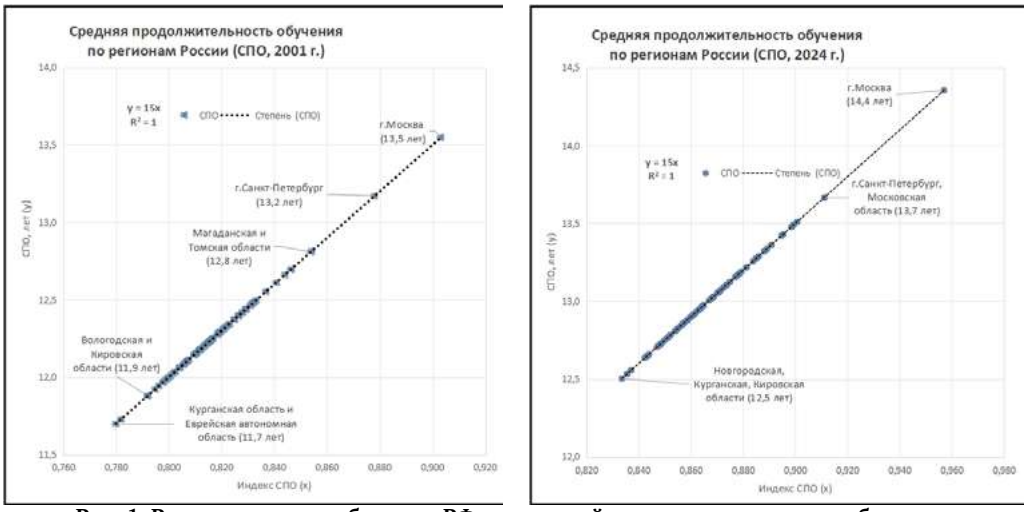

Рис. 1. Распределение субъектов РФ по средней продолжительности обучения (лет) среди занятого населения в 2001 г. (82 региона) и в 2024 г. (85 регионов)

Fig. 1. Distribution of the Russian Federation subjects by mean years of schooling among the employed population in 2001 (82 regions) and in 2024 (85 regions)

Источники: расчёты автора по данным Росстата.

СПО равен или ниже медианного значения (P50–0), в том числе регионы-аутсайдеры — 10% регионов с наименьшем потенциалом (P10–0); при этом значение СПО, равное 10-му процентилю, является критически низким уровнем образовательного потенциала, а первая квартиль (P25) определяет средне-медианное значение для субъектов РФ с низким уровнем образования. Статистический анализ средней продолжительности обучения среди занятых по регионам России показал, что в 2001–2024 гг.: 1) у 8-ми регионов-лидеров СПО составляло от 13,5 лет (индекс = 0,903, Москва) до 12,6 лет обучения (индекс = 0,841, Республика Алтай) в 2001 г. и от 14,4 лет (индекс = 0,957, Москва) до 13,4 лет обучения (индекс = 0,895, Республика Северная Осетия — Алания, Самарская область) в 2024 г.; 2) у 8-ми регионов-аутсайдеров СПО составило от 12,0 лет (индекс = 0,798, Ульяновская область) до 11,7 лет обучения (индекс = 0,780, Еврейская АО) в 2001 г. и от 12,7 лет (индекс = 0,844, Республика Бурятия) до 12,5 лет обучения (индекс = 0,834, Кировская область) в 2024 году; 3) в 2001–2024 гг. значения СПО в целом находились в диапазоне от 11,7–12,5 лет (индекс = 0,780–0,834 — минимальные значения) до 13,5–14,4 лет (индекс = 0,903–0,957 — максимальные значения); в среднем по регионам России СПО выросла с 12,3 лет (индекс = 0,819, Республика Адыгея, Архангельская и Камчатская области, Кабардино-Балкарская Республика, Красноярский край) до 13,0 лет обучения (индекс = 0,869, Рязанская и Брянская области); 4) при этом 80% значения СПО находились в диапазоне от 12,0–12,7 лет (индекс = 0,799–0,847–10-я процентиль) до 12,5–13,4 лет (индекс = 0,837–0,893–90-я процентиль), а медианное значение СПО по регионам России выросла с 12,2 лет (индекс = 0,817, Волгоградская и Курская области) до 13,0 лет обучения (индекс = 0,867, Тульская область); 5) в среднем у регионов России с высоким образовательным потенциалом — СПО выросла с 12,4 лет (индекс = 0,827, Иркутская и Самарская области, Республика Северная Осетия — Алания) до 13,2 лет обучения (индекс = 0,879, Воронежская и Пензенская области), а у регионов с низким потенциалом — СПО выросла с 12,1 (индекс = 0,807, Тамбовская, Новгородская и Тульская область) до 12,8 лет обучения (индекс = 0,855, Чувашская Республика и Краснодарский край); 6) среднегодовой темп роста (2024 г. к 2001 г.) СПО по большинству регионов России составил 0,24–0,25%, наибольший вклад в рост средней продолжительности обучения внесли изменения в минимальных значениях СПО — их темп роста составил 0,28%; 7) в 2001 году у 11% российских регионов индекс СПО был ниже 0,800, а у Чеченской Республики не было данных для расчёта, но начиная с 2016 г. — все субъекты РФ по методологии ПРООН можно было отнести к категории «регионы с очень высоким уровнем образовательного потенциала» (индекс СПО ⩾ 0,800); 8) обобщённо распределение российских регионов по СПО характеризуется как очень высоко однородное — соотношение 90 / 10% равно 1,0–1,1 (2001–2024 гг.), несмотря на лидерство Москвы — его СПО только в 1,1 раза отличается от среднего, а медианное значение составляет 99,8% от среднего СПО и в 2001 г. и в 2024 году.

Далее сконцентрируем внимание на динамике доли людей с высшим образованием среди занятых по регионам РФ. Выбор данного показателя обусловлен такими причинами как целью ПРООН на 2030 г. — достижение по странам мира 15-ти лет обучения, что, с нашей точки зрения маловероятно, но может выступать в качестве ориентира для СПО по регионам РФ. Начиная с 2016 г. все другие уровни образования, кроме высшего, уже не приносят положительного развития образовательного потенциала, так как даже у среднего профессионального образования «потолок» равен 12-ти годам обучения. Примерно с 2010-х гг. в мире началась 4-я индустриальная революция — объединение физического мира с цифровым в реальном времени [10][7], непосредственно для нашей темы важно, что Индустрия 4.0 будет предъявлять более высокие тре-

[7] Шваб К. Четвертая промышленная революция. — Москва : Эксмо, 2016. — 208 с.

бования к образованию — спрос на работников со среднем образованием (рабочие, «синие воротнички») будет снижаться, замещаться спросом на работников с высшим образованием[8]. В России же, судя по образовательному потенциалу, пока стагнирует переход к Индустрии 4.0: так, по данным Росстата, доля работников со среднем профобразованием характеризуется следующей среднероссийской динамикой — 42,9% (2001 г.) → 45,1% (2016 г.) → 45,7% (2024 г.), хотя при этом стоит отметить, что в 2024 г. при максимуме СПО (Москва) — доля людей со средним профобразование среди занятых составила 34,6%, а при минимуме СПО (Кировская область) — 52,2% среди занятых.

Динамика доли высшего образования среди занятых по регионам России

Прежде, чем приступить к анализу динамики высшего образования среди занятого населения по регионам РФ, кратко охарактеризуем положение России в мире (среди 199 стран) по показателю «доля высшего образования» среди взрослого населения (возраст 25+). По нашим расчётам на основе данных ЮНЕСКО[9], доля людей с высшем образованием в России (2022 г.) составляла 35,4% — РФ входит в 10% стран с наиболее высоким уровнем развития образовательного потенциала (в них доля людей с высшем образованием составляет 34–44%).

Для непосредственно российского регионального анализа мы использовали данные 3-го раздела статистического ежегодника «Регионы России» — таблицы «Состав занятого населения по уровню образования)». В этих таблицах представлены результаты выборочных обследований рабочей силы в процентах к итогу. По аналогии с (2) мы перевели процентные величины в индексные (долевые) — индекс высшего образования (Ihe) имеет следующий вид:

$$I_{he} = \left(Y - Y_{min}\right) / \left(Y_{max} - Y_{min}\right), Y_{max} = \\ = 100\%, Y_{min} = 0\%, 0 \le I_{he} \le 1, \quad (3)$$

где Y — фактическое значение доли занятых с высшим образованием по регионам России в %.

Теоретически (отчасти и практически) доли по уровням образования могут варьироваться в пределах от 0 до 1 (100%). Так, например, в 2022 г. минимальный уровень высшего образования составил 0,9% (Шри-Ланка), поэтому при формировании долевого индекса образования минимум равен 0, а максимум равен 1. Подробно результаты расчётов и анализа по регионам России за 2001 и 2024 гг. представлены на рис. 2.

Статистический анализ долей высшего образования (ВО) среди занятых по регионам России показал, что в 2001–2024 гг.: 1) у 8-ми регионов-лидеров доля ВО составляла от 42,5% (Москва) до 26,9% (Республика Алтай) в 2001 г. и соответственно — от 60,7% (Москва) до 41,8% (Республика Калмыкия) в 2024 г.; 2) в 2001 г. у 8-ми регионов-аутсайдеров доля ВО составляла от 15,8% (Чукотский АО) до 12,4% (Курганская область), в 2024 г. соответственно — от 25,8% (Курганская область) до 21,8% (Кировская область); 3) в 2001–2024 гг. доли высшего образования в целом находились в диапазоне от 12,4–21,8% (минимальные значения) до 42,5–60,7% (максимальные значения); в среднем по регионам России доля ВО выросла с 21,0% (Республика Дагестан) до 33,2% (Омская область); 4) при этом 80% долей высшего образования находились в диапазоне от 16,1–26,5% (10-я процентиль) до 26,1–40,3% (90-я процентиль), а медианное значение доли ВО по регионам России выросла с 20,5% (Омская область, Республика Калмыкия) до 31,8% (Саратовская, Брянская и Волгоградская области); 5) в 2001–2024 гг. в среднем у регионов России с высоким образовательным потенциалом — доля высшего образования выросла с 23,0% (Калининградская область) до 36,3% (Тюменская область), а у регионов

[8] Popkova E.G. (ed.) Bridging the Gap Between the Higher Education and Labor Markets: Relevance of the Fourth Industrial Revolution. 1st ed. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2025. – 258 c.

[9] Институт статистики ЮНЕСКО. – URL : https://www.uis.unesco.org / en / data / sdg4-country-profiles?hub=172 (дата обращения: 05.06.2026).

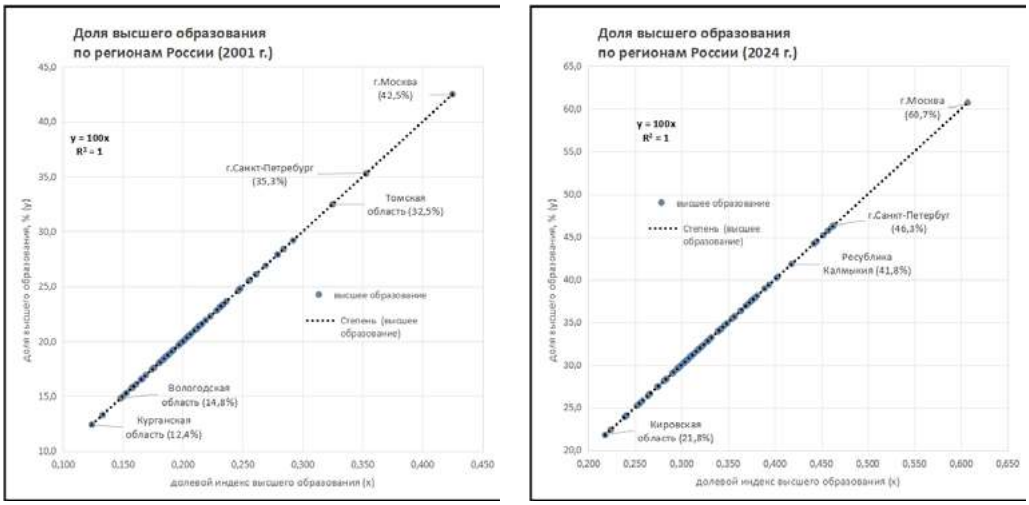

Рис. 2. Распределение субъектов РФ по доли высшего образования (%) среди занятого населения в 2001 году (82 региона) и в 2024 году (85 регионов)

Fig. 2. Distribution of the Russian Federation subjects by the share of higher education (%) among the employed population in 2001 (82 regions) and in 2024 (85 regions)

Источники: расчёты автора по данным Росстата.

с низким потенциалом — доля ВО выросла с 18,4% (Липецкая область) до 29,7% (Республика Карелия); 6) среднегодовой темп роста (2024 г. к 2001 г.) доли высшего образования по регионов России в целом составил 1,86% (медиана) — 1,93% (средняя), при этом регионы с высоким образовательным потенциалом росли на 1,38% ежегодно, регионы с низким потенциалом — на 2,02% (75-я процентиль и 25-я процентиль соответственно), наибольший вклад в рост доли ВО внесли изменения в минимальных региональных значениях — их темп роста составил 2,38%; 7) обобщённо распределение российских регионов по доли высшего образования характеризуется как высоко однородное — соотношение 90 / 10% равно 1,6 (2001 г.) и 1,5 (2024 г), доля ВО в Москве в 2,0 раза (2001 г.) и 1,8 раза выше среднероссийского значения, медианное значение составляет 97,3% (2001 г.) и 95,7% (2024 г.) от среднего значения доли ВО по субъектам РФ.

Таким образом, отдельно нами проанализированы показатель «средняя продолжительность обучения» среди занятых и его компонента — доля занятых с высшим образованием по регионам России в 2001 и в 2024 годах. Теперь требуется синтез и определение общих критических, оптимальных и максимальных значений, характеризующих образовательный потенциал по показателю «средняя продолжительность обучения» (СПО) и его компоненте (высшее образование), для реализации этих задач наиболее распространённым является метод статистического моделирования.

Моделирование связи между долями высшего образования и средней продолжительностью обучения среди занятых по регионам России

В социальных науках, прежде всего в экономике, часто используется статистическое моделирование, основанное на линейной регрессии как наиболее изученной модели оценки зависимостей. При этом, по сути, именно региональный показатель «средняя продолжительность обучения» (индекс СПО) среди занятых должен выступать как показатель-результат (y) регрессион-

ного анализа, а показатель «доля занятых с высшим образованием» — показателем-фактором (*x*). Однако ориентиры в концепции человеческого развития выражены в «индексе человеческого развития» и его компоненте — «индексе средней продолжительности обучения»; долгосрочная цель в области повышения образованности населения стран (регионов) — средняя продолжительность обучения должна составить 15 лет (индекс СПО = 1). В этой связи мы используем инверсию показателей — целями моделирования является определение долей (процентов) занятых с высшим образованием (*y*) для обеспечения, как минимум, среднерегионального (медианного) уровня человеческого развития по показателю «средняя продолжительность обучения» (*x*) среди занятых в России. Обобщённо результаты построения линейных регрессионных моделей для регионов России (2001 и 2024 гг.) представлены на рис. 3.

Регрессионный анализ показал, что согласно шкале Чеддока в 2001 г. имеется высокая положительная зависимость величины средней продолжительности обучения от доли (процента) занятых с высшим образованием — R-квадрат = 0,82, то есть модель объясняет примерно 82% вариации долевого индекса высшего образования, при этом увеличение доли занятых на 2,28% приводит к увеличению индекса СПО на 1,0%. В тоже время уже в 2024 г. связь — очень высокая, R-квадрат = 0,92, увеличение доли занятых на 2,92% приводит к увеличению индекса СПО на 1,0%, при этом, однако, и другие уровни образования, прежде всего, среднее профессиональное образование, пусть и минимально (снижение за четверть века с 18% до 8%) продолжают влиять на среднюю продолжительность обучения по регионам России.

В связи с вышеизложенным, считаем обоснованным при группировке результатов моделирования связи долевого индекса ВО и индекса СПО среди занятых по регионам России использовать линейную регрессионную модель по данным 2024 г.; при этом мы будем использовать в основном процентильный метод группировки: 1) ориентир ПРООН — при индексе СПО равным 1,000 (15 лет обучения) долевой индекс ВО (%) составит 72,1% (тренд); 2) максимальное значение (P100) — при индексе СПО равным 0,957 (14,4 года обучения) долевой индекс ВО (%) — 59,3–60,7% (тренд-

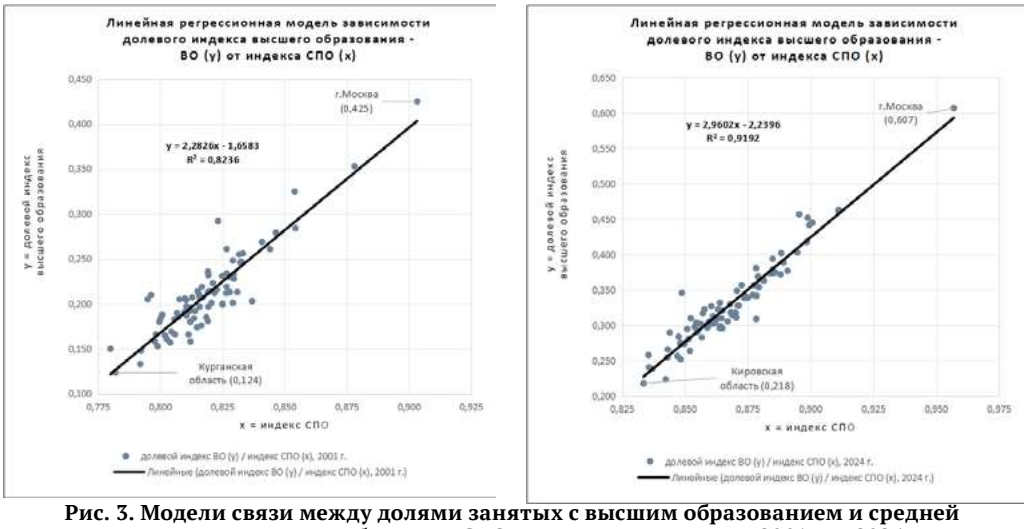

Рис. 3. Модели связи между долями занятых с высшим образованием и средней продолжительностью обучения (СПО) по регионам России (2001 г. и 2024 г.)

Fig. 3. Models of the relationship between the shares of employed with higher education and mean years of schooling by regions of Russia (2001 and 2024)

Источники: расчёты автора по данным Росстата.

факт); 3) индекс СПО = 0,900 — при данном индекс СПО (13,5 лет обучения) долевой индекс ВО (%) — 42,5% (тренд); 4) 90-я процентиль — при индексе СПО равным 0,893 (13,4 года обучения) долевой индекс ВО (%) — 40,4–40,3% (тренд-факт); 5) 75-я процентиль — при индексе СПО равным 0,879 (13,2 лет обучения) долевой индекс ВО (%) — 36,3% (тренд-факт); 6) среднее значение — при индексе СПО равным 0,869 (13,0 лет обучения) долевой индекс ВО (%) — 33,2% (тренд-факт); 7) медианное (оптимальное) значение (P50) — при индексе СПО равным 0,867 (13,0 лет обучения) долевой индекс ВО (%) — 32,7–31,8% (тренд-факт); 8) 25-я процентиль — при индексе СПО равным 0,855 (12,8 лет обучения) долевой индекс ВО (%) — 29,2–29,7% (тренд-факт); 9) 10-я процентиль — при индексе СПО равным 0,847 (12,7 лет обучения) долевой индекс ВО (%) — 26,8–26,5% (тренд-факт); 10) минимальное значение — при индексе СПО равным 0,834 (12,5 лет обучения) долевой индекс ВО (%) — 22,8–21,8% (тренд-факт); 11) индекс СПО = 0,800 (нижняя граница очень высокого уровня образовательного потенциала) — при данном индекс СПО (12,0 лет обучения) долевой индекс высшего образования составит 12,9%.

В целом, если не брать три ведущих российских регионов — Москва, Санкт-Петербург и Московская область (СПО больше 13,5 годам обучения), то в современных условиях образовательный потенциал среди российских регионов по показателю «средняя продолжительность обучения» (среди занятых) и его компоненте (доля с высшим образованием) можно представить округлённо следующим образом: максимальные значения потенциала СПО — 13,5–13,4 лет, доли занятых с высшим образованием примерно 41,5%; оптимальное (медианное) значение потенциала СПО — 13,0 лет, доли занятых с высшим образованием примерно 32,0%; критические (очень низкие) значения потенциала СПО — 12,7–12,5 лет, доли занятых с высшим образованием примерно 25,0%. Далее при помощи линейного регрессионного анализа мы произведём оценку СПО и доли высшего образования среди занятых в 2025 г. и сделаем прогноз данных показателей образовательного потенциала на 2030 год.

Прогнозирование средней продолжительности обучения и доли высшего образования среди занятых по регионам России

Для прогнозирования использованы данные Росстата («Регионы России …») и авторские расчёты [4; 5] за 2001, 2002, 2015, 2016, 2023 и 2024 годы. Результаты оценки 2025 г. показали, что СПО на 0,1 год меньше, чем в 2024 г. — это связано с тем, что в среднем рост по регионам РФ в 2023–2024 гг. увеличился на 0,2 года — с 12,8 до 13,0 лет обучение, а также с тем, что линейная регрессия динамики СПО показала очень оптимистичный результат, и применён консервативный вариант — линейно-логарифмическую модель (R2 для минимальных СПО равен 0,88, для всех остальных регрессий — R2 больше 0,91). Процентильная группировка результатов анализа СПО и доли ВО по регионам РФ среди занятых представлена в табл. 1. Так, статистический анализ СПО среди занятых по регионам РФ показал, что в 2025 г. (оценка) и 2030 г. (прогноз) значения СПО будут находиться в диапазоне от 12,4–12,5 лет (индекс = 0,825–0,835 — минимальные значения) до 14,3–14,5 лет (индекс = 0,953–0,965 — максимальные значения), в среднем по регионам РФ СПО вырастет с 12,9 лет (индекс = 0,863) до 13,1 лет обучения (индекс = 0,873).

При этом 80% значения СПО будут находиться в диапазоне от 12,6–12,7 лет (индекс = 0,840–0,850–10-я процентиль) до 13,3–13,5 лет (индекс = 0,888–0,899–90-я процентиль), а медианное значение СПО по регионам РФ вырастет с 12,9 лет (индекс = 0,861) до 13,1 лет обучения (индекс = 0,871). В 2025–2030 гг. в среднем у регионов РФ с высоким образовательным потенциалом СПО вырастет с 13,1 лет (индекс = 0,873) до 13,3 лет (индекс = 0,883), а у регионов с низким потенциалом СПО вырастет с 12,7 (индекс = 0,850) до 12,9 лет (индекс = 0,859). Среднегодовой темп роста (2030 г. к 2025 г.) СПО по боль-

Таблица 1

Обобщённая характеристика регионов России по средней продолжительности обучения и доли высшего образования среди занятых в 2001-2030 годах

Table 1

Generalized characteristics of Russian regions by mean years of schooling and share of the employed with higher education in 2001-2030

Показатель	2001	2024	2024 / 2001		2025	2030	2030 / 2025	
	Факт	Факт	Рост (раз)	Темп роста (средний)	Оценка	Прогноз	Рост (раз)	Темп роста (средний)
Регионы с высоким уровнем развития потенциала								
средние значения показателей развития								
СПО (лет)	12,3	13,0	1,061	0,25%	12,9	13,1	1,011	0,19%
СПО (индекс)	0,819	0,869	1,061	0,25%	0,863	0,873	1,011	0,19%
Доля ВО (индекс)	0,210	0,332	1,581	1,93%	0,335	0,362	1,079	1,27%
максимальные значения показателя развития (100-я процентиль)								
СПО (лет)	13,5	14,4	1,059	0,24%	14,3	14,5	1,012	0,20%
СПО (индекс)	0,903	0,957	1,059	0,24%	0,953	0,965	1,012	0,20%
Доля ВО (индекс)	0,425	0,607	1,428	1,50%	0,604	0,643	1,065	1,06%
90-я процентиль значение показателя чел. развития								
СПО (лет)	12,5	13,4	1,068	0,27%	13,3	13,5	1,012	0,20%
СПО (индекс)	0,837	0,893	1,068	0,27%	0,888	0,899	1,012	0,20%
Доля ВО (индекс)	0,261	0,403	1,543	1,82%	0,410	0,440	1,072	1,16%
75-я процентиль значение показателя чел. развития								
СПО (лет)	12,4	13,2	1,063	0,26%	13,1	13,3	1,011	0,19%
СПО (индекс)	0,827	0,879	1,063	0,26%	0,873	0,883	1,011	0,19%
Доля ВО (индекс)	0,261	0,363	1,391	1,38%	0,367	0,392	1,068	1,09%
51-я процентиль значение показателя чел. развития								
СПО (лет)	12,3	13,0	1,063	0,25%	12,9	13,1	1,012	0,19%
СПО (индекс)	0,817	0,868	1,063	0,25%	0,863	0,873	1,012	0,19%
Доля ВО (индекс)	0,205	0,321	1,564	1,88%	0,323	0,350	1,081	1,30%
Регионы с низким уровнем развития потенциала								
медианное значение показателя развития (50-я процентиль)								
СПО (лет)	12,2	13,0	1,062	0,25%	12,9	13,1	1,012	0,19%
СПО (индекс)	0,817	0,867	1,062	0,25%	0,861	0,871	1,012	0,19%
Доля ВО (индекс)	0,205	0,318	1,555	1,86%	0,327	0,353	1,079	1,28%
25-я процентиль значение показателя развития								
СПО (лет)	12,1	12,8	1,059	0,24%	12,7	12,9	1,011	0,18%
СПО (индекс)	0,807	0,855	1,059	0,24%	0,850	0,859	1,011	0,18%
Доля ВО (индекс)	0,184	0,297	1,614	2,02%	0,297	0,322	1,082	1,32%
10-я процентиль значение показателя развития								
СПО (лет)	12,0	12,7	1,060	0,24%	12,6	12,7	1,012	0,19%
СПО (индекс)	0,799	0,847	1,060	0,24%	0,840	0,850	1,012	0,19%
Доля ВО (индекс)	0,161	0,265	1,641	2,08%	0,300	0,323	1,076	1,23%
минимальные значения показателя развития (0-я процентиль)								
СПО (лет)	11,7	12,5	1,068	0,28%	12,4	12,5	1,012	0,20%
СПО (индекс)	0,780	0,834	1,069	0,28%	0,825	0,835	1,012	0,20%
Доля ВО (индекс)	0,124	0,218	1,758	2,38%	0,220	0,239	1,089	1,43%

Источники: расчёты автора по данным Росстата.

шинству регионов РФ составит 0,19–0,20%, наименьший вклад в рост средней продолжительности обучения внесут регионы со значениями СПО, близкими к 25-й процентили — их темп роста составит 0,18%.

Заключение

Анализ образовательного потенциала по регионам позволил сделать следующие выводы.

1. Наблюдается рост образовательного потенциала; так, в 2001–2024 гг. средняя продолжительность обучения (СПО) среди занятых в России выросла с 12,3 до 13,0 лет, доля лиц с высшим образованием (ВО) — с 21% до 33%; с 2016 г. все российские регионы относятся к категории «очень высокий уровень» потенциала по СПО (индекс больше 0,800).

2. На основе структурного линейно-регрессионного анализа выявлена очень высокая зависимость между долей занятых с высшим образованием и средней продолжительностью обучения ($R^2 = 0,92$ в 2024 г.); для достижения всем населением 15 лет обучения (цель ПРООН) потребовалось бы 72% занятых с высшим образованием.

3. Прогнозирование до 2030 г. (на основе динамичного линейно-регрессионного анализа) установило, что СПО в целом по России вырастет до 13,1 лет (+0,19% в год), доля ВО — до 36% (+1,27% в год);

4. В 2025–2030 гг. рост образовательного потенциала замедлится по сравнению с периодом 2001–2024 гг., и даже Москва так и не достигнет ориентира в 15 лет обучения (в 2030 г. СПО будет 14,5 лет), в тоже время отстающие российские регионы будут расти быстрее лидеров.

5. Выявлены проблемы и ограничения анализа образовательного потенциала в России — это дефицит официальной статистики, Росстат не публикует показатель «средняя продолжительность обучения» в разрезе регионов, что потребовало авторских расчётов на основе данных о занятых; не учитывается качественная составляющая образовательного потенциала — разница в качестве образования при одинаковых количественных показателях.

6. Для выхода на целевые ориентиры ПРООН (15 лет обучения) необходимо целенаправленная федеральная и региональная политика увеличения доли занятых с высшим образованием, особенно в российских регионах с низким и медианным уровнем СПО, поскольку именно высшее образование становится основным драйвером роста образовательного потенциала в условиях перехода к Индустрии 4.0.

В тоже время надо признать, что в общественном дискурсе остаётся не решённым вопрос: высшее образование — это безусловное или условное благо, и уровень образованности зависит от возможности (гарантии) трудоустройства, а также о том — необходимо ли для внедрения технологий Индустрии 4.0 именно высшее образование. В целом новизна данного исследования образовательного потенциала регионов России состоит в сочетании оригинальной расчётной методологии, углублённого регрессионного анализа, прогнозного моделирования и практических рекомендаций, что позволяет не только оценить текущее состояние, но и предложить научно обоснованные ориентиры для повышения образовательного потенциала в условиях цифровой трансформации и перехода к Индустрии 4.0.

Литература Интернет-источники

1. ***Сен, А.*** Развитие как свобода / А. Сен; под ред. и с послесл. Р.М. Нуреева. — Москва : Новое изд-во, 2004. — 430 с.
2. ***Сен, А.*** Идея справедливости / А. Сен; науч. ред. перевода В. Софронов, А. Смирнов. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2016. — 520 с.
3. ***Аникин, В.А.*** Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / В.А. Аникин, Е.В. Антонов, В.К. Антонова, [и др.]. — Москва : Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. — 462 с. EDN: ZHHTSU

4. ***Архангельский, В.Н.*** Комплексная характеристика человеческого потенциала регионов России / В.Н. Архангельский, Ю.В. Дмитриева, В.Г. Доброхлеб, [и др.]. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2024. — 422 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-435-2.2024; EDN: BQHGGT
5. ***Моргунов, Е.В.*** Качество жизни и образовательный потенциал: анализ межрегионального неравенства в России / Е.В. Моргунов, А.И. Ростовцев // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2025. — № 11 (181). — С. 383–394. DOI: 10.26726/rppe2025v11qolae; EDN: KZAJRE
6. ***Turganbayev, Y.M.*** The Effect of Human Capital on Economic Growth: Evidence from Kazakh Regions / Y.M. Turganbayev // Economy of regions. — 2023. — Vol. 19. — No. 2. — P. 385–396. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-7; EDN: GQQVQI
7. ***Васькин, И.А.*** Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа / И.А. Васькин, С.В. Цирель, А.В. Коротаев // Социологический журнал. — 2018. — Т. 24. — № 2. — С. 28–65. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5844; EDN: USNGQP
8. ***Friedman, J.*** Measuring and forecasting progress towards the education-related SDG targets / J. Friedman, H. York, N. Graetz, [et al.] // Nature. — 2020. — No. 580. — P. 636–639. DOI: 10.1038/s41586-020-2198-8
9. ***Фалин, Г.***, Квартили в описательной статистике / Г. Фалин, А. Фалин // Математика. Первое сентября. — 2011. — № 14–15. — С. 8–14. EDN: TDPCSH
10. ***Моргунов, Е.В.*** Анализ промышленных революций / Е.В. Моргунов, В.С. Чернявский // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXVI Всероссийского симпозиума (Москва, 15–16 апреля 2025 г.) / под ред. Г.Б. Клейнера. — Москва : ЦЭМИ РАН, 2025. — С. 191–197. EDN: WOVLRM

Сведения об авторе:
Моргунов Евгений Владимирович, к.э.н., зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: morgun1976@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7687-0040; РИНЦ SPIN-код: 3910–0942.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-239-251

THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF RUSSIAN REGIONS IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY

Evgeny V. Morgunov
ISESP FCTAS RAS
(24 / 35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)
E-mail: morgun1976@mail.ru

For citation:
Morgunov E.V. The educational potential of Russian regions in the first quarter of the 21st century. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 239-251. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-239-251 (in Russ.)

Abstract. *This paper models the educational potential of Russians regions among the employed population in 2001–2025 and provides a forecast for 2030. The study calculates and analyses the dynamics of mean years of schooling (MYS) among the employed and the share of workers with higher education. A regression model is constructed to assess the relationship between the share of higher education and MYS, followed by a regional forecast of both indicators up to 2030. The methodological framework is based on general statistics theory, and the index method is applied to improve the accuracy of comparing. Statistical analysis shows that from 2001 to 2024, MYS among the employed*

population in Russia increased from 12.3 to 13.0 years, and the share of the employed with higher education rose from 21% to 33%. Since 2016, all Russian regions have belonged to the category of «very high» educational potential according to the MYS index. Regression analysis reveals a very strong relationship between the share of higher education and MYS. The forecast up to 2030 indicates that MYS will reach 13.1 years, and the share of population with higher education will reach 36%. The study identifies a shortage of official statistics on educational indicators at the regional level. It recommends a targeted policy to increase the share of employed with higher education, especially in regions with low educational potential.

Keywords: *educational potential, mean years of schooling, higher education, regions of Russia, employed population, human development, statistical analysis.*

References and Internet sources

1. Sen A. Razvitiye kak svoboda [*Development as Freedom*]. Moscow. Novoye izd-vo [New Publishers], 2004. 430 p. (in Russ.)
2. Sen A. Ideya spravedlivosti [*The idea of Justice*]. Moscow. Izd-vo Instituta Gaydara [Gaidar Institute Press]. 2016. 520 p. (in Russ.)
3. Anikin V.A., Antonov E.V., Antonova V.K., et al. Chelovecheskiy potentsial: sovremennyye traktovki i rezul'taty issledovaniy [*Human Potential: Modern Interpretations and Research Results*]. Moscow. Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya [VCIOM]. 2023. 462 p.
4. Arkhangelsky V.N., Dmitrieva Yu.V., Dobrokhleb V.G., et al. Kompleksnaya kharakteristika chelovecheskogo potentsiala regionov Rossii [*Comprehensive Characteristics of the Human Potential of Russian Regions*]. Eds. V.V. Lokosov, E.V. Ryumina. FNISTs RAN. Moscow. [FCTAS RAS]. 2024. 422 p. (in Russ.).
5. Morgunov E.V., Rostovtsev A.I. Kachestvo zhizni i obrazovatel'nyy potentsial: analiz mezhregional'nogo neravenstva v Rossii [Quality of life and educational potential: analysis of interregional inequality in Russia]. Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [*Regional Issues of Economic Transformation*]. 2025. No. 11 (181). P. 383–394. DOI: 10.26726/rppe2025v11qolae (in Russ.).
6. Turganbayev Y.M. The effect of human capital on economic growth: evidence from Kazakh regions. Ekonomika regiona [*Economy of Regions*]. 2023. Vol. 19. No. 2. P. 385–396. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-7
7. Vaskin I.A., Tsirel S.V., Korotaev A.V. Ekonomicheskiy rost, obrazovaniye i terrorizm: opyt kolichestvennogo analiza [Economic development, education, and terrorism: a quantitative analysis]. Sotsiologicheskiy zhurnal [*Sociological Journal*]. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 28–65. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5844 (in Russ.).
8. Friedman J., York H., Graetz N., et al. Measuring and forecasting progress towards the education-related SDG targets. *Nature.* 2020. No. 580. P. 636–639. DOI: 10.1038/s41586-020-2198-8
9. Falin G., Falin A. Kvartili v opisatel'noy statistike [Quartiles in descriptive statistics]. Matematika. Pervoe sent'abrya [*Mathematics. The First of September*]. 2011. No.14–15. P. 8–14. (in Russ.)
10. Morgunov E.V. Chernyavsky V.S. Analiz promyshlennykh revolyutsiy [Analysis of industrial revolutions]. Strategicheskoye planirovaniye i razvitiye predpriyatiy: materialy 26 Vserossiyskogo simpoziuma [*Strategic Planning and Development of Enterprises.* Proceedings of the XXVI All-Russian symposium (Moscow, 15–16 April 2025)]. Ed. G.B. Kleyner. Moscow. TsEMI RAN [CEMI RAS], 2025. P. 191–197. (in Russ.)

Information about the author:
Morgunov Evgeny Vladimirovich, Candidate of Economics, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: morgun1976@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7687-0040; Elibrary SPIN-code: 3910–0942.

Статья поступила в редакцию 06.06.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-252-263
EDN: MXPQGB

БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЙСКИХ ДЕТЕЙ: МАСШТАБЫ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Логинов Д.М.

Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС (119034, Россия, Москва, Пречистенская наб., 11, стр. 1)

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Финансирование:
Статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования:
Логинов Д.М. Барьеры развития образовательного потенциала российских детей: масштабы и дифференциация // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 252-263. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-252-263; EDN: MXPQGB

Аннотация. *На материалах репрезентативного социологического опроса, проведённого Центром «Институт социального анализа и прогнозирования» Института прикладных экономических исследований РАНХиГС в 2024 г., рассмотрены масштабы и основания барьеров развития образовательного потенциала детского поколения. В проблемное поле статьи в этой связи включены два звена развития образовательного потенциала: включённость детей в желаемые практики образовательной и воспитательной активности, а также достаточность ресурсного потенциала домохозяйств для обеспечения успешного перехода от школьного к профессиональному образованию приемлемого уровня. Выявлено, что более 40% опрошенных, имеющих в семье детей младше 18 лет, отмечают факт недостижимости ими каких-либо образовательных или развивающих занятий, посещение которых представляется желательным. Основания соответствующих ограничений заметно дифференцированы: сравнительно благополучные в материальной отношении семьи, а также в целом жители крупных городов, чаще прочих обращают внимание на загруженность детей, препятствующую дальнейшему наращиванию их подготовки, в то время как сельские жители кардинально депривированы с точки зрения инфраструктурной обеспеченности населённых пунктов. Выделяется достаточно массовая группа домохозяйств (четверть выборочной совокупности), в которых декларируются выраженные препятствия в возможностях поддержки образовательных амбиций школьников при переходе от общего к профессиональному образованию приемлемого уровня и качества. Данные барьеры предельно выражены среди групп населения, имеющих пониженный материальный статус, что позволяет сделать вывод о преобразовании материальных депривaций домохозяйств в депривации развития образовательного потенциала. Нерешённость выявленных проблем выступает основанием ограничений будущей позитивной социальной динамики, сужая перспективы развития страны на горизонте ближайших десятилетий.*

Ключевые слова: *образовательный потенциал, социально-экономическое неравенство, социальная мобильность, общее образование, дополнительное образование, профессиональное образование.*

© Логинов Д.М., 2026

Введение

Продуктивное развитие образовательного потенциала детского поколения представляется безусловно важной задачей, решение которой позволяет существенно расширить жизненные шансы молодых людей, получающих возможности достижения индивидуального успеха на основе сформированных возможностей. Одновременно выстраивание на страновом уровне соответствующих позитивных трендов способствует позитивной социальной динамике на горизонте десятилетий. При этом представляется очевидным наличие барьеров, препятствующих реализации желаемых образовательных траекторий массовых групп россиян, вследствие дефицита их ресурсных возможностей и неравенств в материальном и территориально-поселенческом измерении. В этой связи исследование, посвящённое выявлению ограничений реализации образовательных практик детского поколения в условиях текущего социально-экономического контекста, видится важным и актуальным.

Необходимость развития индивидуальных и групповых образовательных возможностей концептуально обоснована разработками теории человеческого капитала [1–4], закрепляющей рассмотрение ресурсной значимости образования в контексте задач повышения конкурентоспособности и достижения успеха — как на индивидуальном, так и на страновом уровнях. Исследования человеческого капитала подтверждают важность развития детей, начиная с ранних возрастов — в периоды жизни, когда происходит первичное формирование навыков и закладывается «фундамент» дальнейшего развития личности [5; 6].

В российской исследовательской практике внимание к развитию качественных характеристик населения имеет достаточно длительную традицию. В ходе установочных разработок, реализована структуризация проблем повышения качества человеческого потенциала, а также обоснована необходимость осуществления соответствующих инвестиций [7–9]. Важность проблематики объясняет неослабевающее внимание к ней и в последние годы: можно отметить широкий круг разработок, посвящённых исследованию человеческого потенциала, как в концептуально-теоретическом «разрезе», так и в эмпирическом измерении [10–13].

Представители различных групп российского населения демонстрируют выраженные интенции к развитию образовательного потенциала путём включённости в широкое пространство соответствующих практик [14; 15]. При этом важной особенностью, определяющей контекст и продуктивность осуществляемых поведенческих моделей, выступает значительное неравенство, проявляющееся, в числе прочего, по основаниям материальной обеспеченности и территории проживания [16–19]. Система существующих в обществе неравенств определяет существенные различия в возможностях формирования и развития человеческого капитала различных групп россиян [20–22], вследствие чего образование во многом превращается из фактора социально-экономической мобильности в инструмент консервации барьеров между различными группами населения [23]. При этом в условиях пандемии COVID-19, существенно повлиявшей на жизненные практики всех массовых групп российского общества, домохозяйственные инвестиции в развитие человеческого потенциала детей заметно сократились [24].

Предметом исследования выступают барьеры развития образовательного потенциала детского поколения, а объектом — домохозяйства, имеющие в своём составе детей дошкольного и школьного возраста. Развитие образовательного потенциала детского поколения крайне многоаспектно, и на стадиях жизненного цикла детей реализуется в различных форматах. Можно с уверенностью предполагать, что в актуальных условиях существенного социально-экономического неравенства часть российских домохозяйств сталкивается с барьерами, ограничивающими возможности развития образовательного потенциала детей, и целью настоящей работы является рассмотрение актуальности данных барье-

ров для различных групп населения. В фокусе настоящего исследования находится рассмотрение ограничений на двух уровнях, не только имеющих самоценную значимость, но также являющихся важными взаимосвязанными элементами в цепочке формирования образовательного и — шире — человеческого потенциала детей. Первый уровень — это включённость детей, не достигших восемнадцатилетнего возраста, в систему дополнительной подготовки, а второй — прожективно рассматриваемый переход школьников от общего к профессиональному образованию. Насколько массовой является ситуация вынужденного отказа домохозяйств от желаемых практик дополнительного образования детей? Какими факторами, в первую очередь, определяется актуализация данных депривaций детского поколения? Считают ли представители домохозяйств со школьниками свои ресурсные возможности достаточными для того, чтобы обеспечить подрастающему поколению возможности получения желаемого профессионального образования? Насколько существенной в этом отношении является социально-экономическая дифференциация домохозяйств, и по каким основаниям различия проявляются наиболее выраженно? Для ответов на эти вопросы мы использовали результаты массового анкетного опроса, репрезентирующего взрослое население страны, реализованного с использованием специально разработанного автором исследовательского инструментария.

Эмпирическую базу исследования составляют две подвыборки, выделенные из данных репрезентативного опроса населения страны, который проведён Институтом прикладных экономических исследований (ИПЭИ) РАНХиГС в 2024 году[1]. Опрос реализован методом телефонного анкетирования посредством случайной стратифицированной систематической выборки мобильных телефонных номеров. Реализованное на основе данных Росстата квотирование территориальных страт (столицы, Центр, Урал, Сибирь, Восток) позволило территориально распределить выборку в соответствии с показателями генеральной совокупности. Показатели достигнутой выборки, совокупный объём которой составил 2618 респондентов, по основным демографическим характеристикам соответствуют актуальным данным Росстата. Первую из подвыборок, используемую для анализа ограничений включённости детей в систему дополнительной образовательной подготовки (обучающих и развивающих занятий, выходящих за рамки программ основного дошкольного и общего образования), составляют представители домохозяйств, имеющих в своём составе детей от 2 до 17 лет (1024 респондента). Вторая подвыборка, объём которой составляет 966 респондентов, включает представителей домохозяйств, в составе которых представлены дети от 7 до 17 лет, и используется при анализе ресурсных ограничений, объективизирующих препятствия к будущему вхождению в желаемый сегмент профессиональной образовательной подготовки.

Ограничения доступности детских образовательных и развивающих занятий

В условиях современного социально-экономического контекста достижение жизненного успеха во многом определяется возможностями, заложенными в ранние периоды формирующего возраста, и, вследствие этого, внимание домохозяйств к образовательным практикам детского поколения стало массовой социальной нормой. При этом результаты исследования показывают, что более 40% опрошенных, имеющих в составе домохозяйств детей младше восемнадцати лет, отмечают факт недостижимости каких-либо образовательных и / или развивающих занятий, посещение которых представляется желательным.

Данные, представленные на рис. 1, свидетельствуют о достаточно равномерном распределении ситуаций отказа от дополнительных образовательных практик детей

[1] Россияне среднего возраста – 2024. Свидетельство о государственной регистрации базы данных RU № 2024623977 / Д.М. Логинов, Е.В. Вьюговская, Н.И. Галиева, [и др.]. – URL : https://elibrary.ru / item.asp?id=69586015 (дата обращения: 25.11.2025).

по территориально-поселенческим группам. Как можно предположить, это иллюстрирует ситуацию, при которой в городах, особенно крупных, присутствует более широкая номенклатура выбора вариантов детской активности, часть которых видится желаемой и при этом недоступной. В сельских поселениях, в свою очередь, предложение соответствующих услуг гораздо уже, что ограничивает как фактологический набор доступных вариантов, так и пространство субъективно желаемого. Аналогичная ситуация небольших межгрупповых различий наблюдается при сравнении домохозяйств, характеризующихся различным уровнем материальной обеспеченности. При этом представители сравнительно благополучных в финансовом отношении слоёв общества в меньшей степени склонны отмечать вынужденную ограниченность возможностей дополнительного образования и развития подрастающего поколения.

Далее рассмотрим факторы, вызывающие ограничения доступности практик развития образовательного потенциала юных представителей российских домохозяйств (табл. 1). Наиболее распространённым основанием (указанным около 40% опрошенных) в этом отношении является финансовое, когда родители оказываются не в состоянии оплатить соответствующие занятия, а также обеспечить детей необходимыми материалами, инвентарём и пр. Немногим более трети семей проживают в населённом пункте или районе города, где мероприятия желаемой направленности отсутствуют. Дефицит времени у детей (особенно заметный в школьном возрасте в связи с загруженностью основными образовательными занятиями), а также отсутствие возможностей родительского сопровождения, также являются причинами вынужденных ограничений образовательной активности, имеющими массовую значимость.

Результаты исследования показывают, сколь существенна дифференциация в отношении причин отказа от представляющихся желаемыми образовательных и развивающих занятий. Роль финансового фактора при этом предстаёт сопоставимой, характеризуя от 31% (в сельской местности) до 41% (в городах) домохозяйств, депривированных в рассматриваемом отношении. Для семей, проживающих в крупных мегаполисах, выраженно приоритетным основанием является загруженность детей образовательными и воспитательными мероприятиями, в то время как ограниченность образовательной инфраструктуры является существенно менее значимой, по сравнению с менее крупными городами и особенно — с сельскими поселениями. При этом сельские жители, наряду с тем, что для них основным фактором является отсутствие

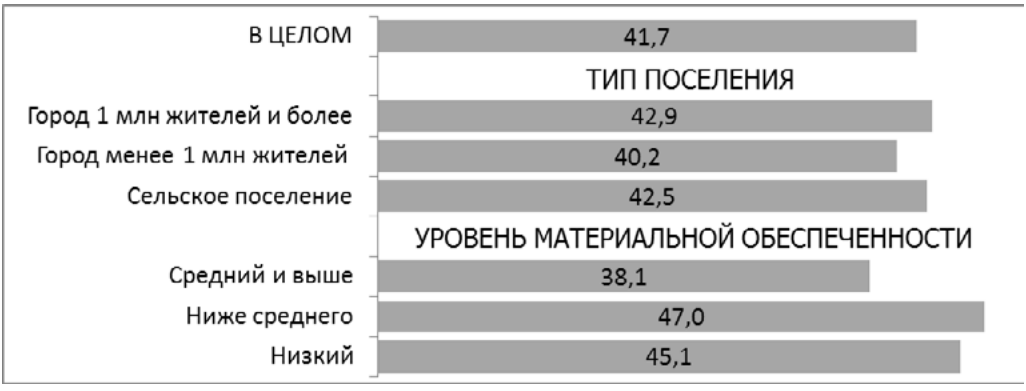

Рис. 1. Распространённость вынужденного отказа от желаемых детских образовательных и / или развивающих занятий, %

Fig. 1. Prevalence of forced refusal of desirable educational and developmental activities for children, %

Источник: расчёты автора по подвыборке репрезентативного анкетного опроса россиян; 1024 респондента, имеющих в составе домохозяйства детей младше 18 лет; 2024 год.

желаемых занятий в населённом пункте, характеризуются минимальной фокусировкой на недостатке времени у детей и их загруженности. Для представителей городов менее одного миллиона жителей, наряду с проживающими в сельской местности, сравнительно значимым является отсутствие возможностей сопровождения детей на занятия, которые, вследствие особенностей развития инфраструктуры, могут располагаться далеко от дома.

Таблица 1

Причины вынужденного отказа от желаемых детских образовательных и/или развивающих занятий, % от отказывающихся, допускалось несколько ответов

Table 1

Reasons for forced refusal of desirable educational and/or developmental activities for children, % of those who refused, multiple answers allowed

Группы	Причины			
	Недостаток финансовых средств	Отсутствие желаемых занятий в населённом пункте / районе проживания	Отсутствие возможностей необходимого сопровождения детей	Недостаток времени у детей, их высокая загруженность
В целом	37,2	34,7	30,9	25,5
Типы поселений				
Города 1 млн жителей и более	40,9	20,9	24,3	40,0
Города менее 1 млн жителей	39,2	30,4	34,3	23,5
Сельские поселения	31,1	60,0	32,2	10,0
Уровень материальной обеспеченности				
Средний и выше	18,0	34,1	30,9	34,6
Ниже среднего	56,3	39,3	34,8	13,3
Низкий	61,4	28,6	24,3	19,8

Источник: расчёты автора по подвыборке репрезентативного анкетного опроса россиян; 1024 респондента, имеющих в составе домохозяйства детей младше 18 лет; 2024 год.

Различия в основаниях, которыми определяются барьеры включённости в представляющиеся желательными практики развития образовательного потенциала, также в существенной степени проявляются по группам материальной обеспеченности россиян. Если в сравнительно благополучной группе дефицит финансовых ресурсов фиксируется в 18% случаев, то среди обеспеченных на уровне ниже среднего доля таких ответов превышает половину опрошенных, а среди бедных — достигает более 60%. При этом в группе среднего и выше материального статуса на уровне трети домохозяйств, депривированных в отношении посещения детьми желаемых занятий, отмечается основание загруженности детей, которое среди двух других групп материального статуса выделяется на 15–20 процентных пунктов реже.

Представления об ограничениях успешного перехода детей от общего к профессиональному образованию

Переход от общего к профессиональному образованию является одним из важнейших этапов реализации образовательных траекторий детского поколения. Подготовка к этому этапу и его реализация требуют приложения целенаправленных усилий и ресурсных затрат, предполагая соответствующее напряжение не только самих молодых людей, но и их семей. На основе са-

мооценок представителей домохозяйств, имеющих в своём составе школьников, видно, что четверть опрошенных явно сомневаются в возможностях обеспечить детям качественную подготовку, предваряющую поступление в профессиональные учебные заведения (рис. 2).

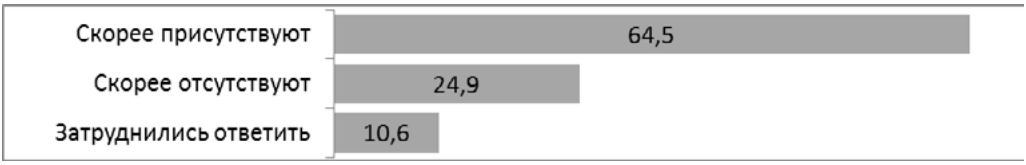

Рис. 2. Представления о возможностях семьи обеспечить детям подготовку к поступлению в профессиональные учебные заведения приемлемого уровня

Fig. 2. Perceptions of the family's ability to provide children with preparation for entering vocational educational institutions of an acceptable level

Источник: расчёты автора по подвыборке репрезентативного анкетного опроса россиян; 966 респондентов, имеющих в составе домохозяйства школьников; 2024 год.

В каких группах населения рассматриваемые ограничения проявляются наиболее выраженно? Данные, представленные в табл. 2, показывают, что рассматриваемые барьеры в несколько большей степени проявляются среди жителей крупных городов и сельских поселений, а население мегаполисов предстаёт в сравнительно благополучном положении. При этом территориально-поселенческие различия в целом измеряются лишь несколькими процентными пунктами, и в каждой из трёх выделенных групп отмечается существенно более половины ответов, фиксирующих позитивную оценку домохозяйственных возможностей. Как можно предполагать, территориально-поселенческая дифференциация скорее проявляется в уровне образовательных амбиций, а также в результатах реализации прожективных практик развития образовательного потенциала.

Одновременно подтверждается существенное влияние материального неравенства российских домохозяйств на их возможности в отношении развития детского образовательного потенциала. В ситуации сравнительно благополучного статуса позитив в самооценке достаточности домохозяйственных ресурсов приближен к 80%, в группе пониженных материальных возможностей шансы успешной подготовки детей к окончанию школьного образовательного этапа и поступлению в желаемое профессиональное учебное заведение снижаются до немногим более половины, достигая минимума (37%) среди тех, чей материальный статус низок. При этом важно отметить, что ограниченный материальный статус, кардинально снижая жизненные шансы в рассматриваемом отношении, не сводит их совсем к нулю.

Представления о перспективах домохозяйственной поддержки образовательных амбиций детей при переходе к профессиональному образованию существенно взаимосвязаны с декларируемым уровнем общей жизненной удовлетворённости (табл. 3). Только каждый пятый из россиян, полагающих достаточность ресурсной обеспеченности для эффективного осуществления данного перехода, скорее и полностью не удовлетворён своей жизнью. При этом те, кто декларирует негативные представления относительно своих возможностей помочь детям на данном важнейшем этапе образовательной траектории, склоняются к жизненной неудовлетворённости в более чем половине случаев.

Основные выводы

Результаты исследования свидетельствуют о наличии выраженных барьеров, огра-

Таблица 2

Представления о возможностях семьи обеспечить детям подготовку к поступлению в профессиональные учебные заведения приемлемого уровня, % по строке

Table 2

Perceptions of the family's ability to provide children with preparation for entering vocational educational institutions of an acceptable level, % by row

Группы	Представления о возможностях		
	Скорее присутствуют	Скорее отсутствуют	Затруднились ответить
В целом	64,5	24,9	10,6
Типы поселений			
Города 1 млн жителей и более	66,4	22,1	11,5
Города менее 1 млн жителей	64,7	26,6	8,7
Сельские поселения	60,9	25,9	13,2
Уровень материальной обеспеченности			
Средний и выше	77,3	11,9	10,8
Ниже среднего	52,2	37,4	10,4
Низкий	37,2	53,3	9,5

Источник: расчёты автора по подвыборке репрезентативного анкетного опроса россиян; 966 респондентов, имеющих в составе домохозяйства школьников; 2024 год.

Таблица 3

Уровень удовлетворённости жизнью в целом, по группам представлений о домохозяйственных возможностях обеспечения детям подготовки к поступлению в профессиональные учебные заведения приемлемого уровня, % по столбцу

Table 3

Overall life satisfaction by groups differentiated according to perceptions of households' capabilities to provide children with preparation for entering vocational educational institutions of an acceptable level, % by column

Уровень удовлетворённости жизнью в целом	Представления о возможностях		
	Скорее присутствуют	Скорее отсутствуют	Затруднились ответить
Удовлетворены	45,5	21,8	35,4
Скорее удовлетворены	33,7	26,5	32,3
Скорее не удовлетворены	12,5	30,7	19,2
Не удовлетворены	8,3	21,0	13,1

Источник: расчёты автора по подвыборке репрезентативного анкетного опроса россиян; 966 респондентов, имеющих в составе домохозяйства школьников; 2024 год.

ничивающих продуктивность образовательного потенциала детского поколения.

В отношении детей дошкольного и школьного возраста ситуация недостижимости желаемого комплекса образовательных и развивающих занятий фиксируется представителями более 40% домохозяйств. Сопоставимость распространённости подобных ситуаций в городских и сельских территориально-поселенческих группах, а также умеренные различия в группах материального статуса, позволяют предполагать разнообразие факторов формирования и закрепления подобных депривиций. Полученные данные подтверждают неоднородность выявляемых барьеров развития юных россиян. Достаточно распространённым фактором предсказуемо является материально-финансовый, фиксируемый на уровне около 40% опрошенных; сопо-

ставимую значимость (31–35%) имеют причины, связанные с инфраструктурной обеспеченностью населённых пунктов и временны**ы**ми возможностями родителей. Ограничения в посещении желаемых занятий вследствие загруженности детей основными и дополнительными активностями отвечают ситуации каждого четвёртого домохозяйства из числа ощущающих депривации в рассматриваемом отношении.

При этом основания недостижимости для детей желаемых образовательных и развивающих занятий предстают существенно дифференцированными. Так, для домохозяйств сравнительно благополучного материального статуса, а также в целом для жителей мегаполисов, сравнительно значимым является недостаточность времени у детей, которые уже имеют нагрузку, близкую к предельной. В сельской местности максимальную значимость имеет фактор развития инфраструктуры, вследствие чего желаемый спектр образовательной и воспитательной активности остаётся зачастую недостижимым. Недостаток финансовых средств, по очевидным причинам, чаще обуславливает жизненную ситуацию домохозяйств ограниченного материального статуса, при этом обращает на себя внимание уровень соответствующих различий, которые в сравнении с относительно благополучной группой населения более чем троекратны.

Выраженной точкой напряжения и приложения целенаправленных усилий для современной российской семьи является обеспечение подготовки детей к успешному переходу от общего к профессиональному образованию. Четверть опрошенных родителей школьников явным образом сомневаются в том, что смогут обеспечить своим детям качественную подготовку, предваряющую поступление в профессиональные учебные заведения желаемого уровня. Важно отметить достаточную равномерность представлений в этом отношении представителей различных территориально-поселенческих групп, что свидетельствует о том, что в каждой из них заметное большинство находят достижимыми выбираемые для себя сегменты профессионального образовательного пространства страны. При этом домохозяйственная ресурсная дифференциация предстаёт крайне существенной, и можно констатировать, что материальные депривации средневозрастных россиян имеют явные интенции к переходу в депривации развития человеческого потенциала младшего поколения, вступающего во взрослую жизнь.

Проведённое исследование, безусловно, имеет ряд значимых ограничений, в первую очередь связанных с тем, что предметом рассмотрения здесь выступают только два звена многомерной «цепочки» развития образовательного потенциала детского поколения. При этом полученные результаты представляются значимыми для выявления соответствующих барьеров и могут служить основой будущих исследовательских разработок в данной сфере и быть полезными при совершенствовании социальной политики для обоснования мер, направленных на сглаживание проблем, актуальных для различных групп населения страны. Эффективная поддержка усилий российских домохозяйств в отношении развития детей с очевидностью способна повысить продуктивность социальной динамики, расширяя перспективы страны не только в ближайшем будущем, но и на горизонте десятилетий.

Литература и Интернет-источники

1. ***Becker, G.S.*** Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G.S. Becker // The Journal of Political Economy. — 1962. — Vol. 70. — No. 5, Part 2. — P. 9–49. DOI: 10.1086/258724
2. ***Mincer, J.*** Investment in Human Capital and Personal Income Distribution / J. Mincer // The Journal of Political Economy. — 1958. — Vol. 66. — No. 4. – P. 281–302. DOI: 10.1086/258055
3. ***Schultz, T.W.*** Investment in Human Capital / T.W. Schultz // The American Economic Review. — 1961. — Vol. 51. — No. 1. – P. 1–17.
4. ***Аникин, В.А.*** Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки / В.А. Аникин // Экономическая социология. — 2017. — Т. 18. — № 4. — С. 120–156. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156; EDN: NRBCPB
5. ***Cunha, F.*** Estimating the Technology of Cognitive and Noncognitive Skill Formation. / F. Cunha, J.J. Heckman, S.M. Schennach // Econometrica. — 2010. — Vol. 78. — No.3. — P. 883–931.
6. ***Heckman, J.J.*** Human Capital Policy. / J.J. Heckman, P. Carneiro P. // Inequality in America: What Role for Human Capital Policies? / eds. J.J. Heckman, A.B. Krueger. — Cambridge, MA : MIT Press, 2003. — P. 77–239.
7. ***Римашевская, Н.М.*** Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век / Н.М. Римашевская // Проблемы прогнозирования. — 2001. — № 3. — С. 34–48. EDN: HRTODT
8. ***Римашевская, Н.М.*** Человеческий потенциал России и проблемы «сбережения населения» / Н.М. Римашевская // Российский экономический журнал. — 2004. — № 9–10. — С. 22–40. EDN: PGKVEN
9. ***Марцинкевич, В.И.*** Инвестиции в человека: экономическая наука и российская экономика / В.И. Марцинкевич // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 9. — С. 29–39. EDN: HSTXTD
10. ***Аникин, В.А.*** Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / В.А. Аникин, Е.В. Антонов, В.К. Антонова, [и др.] — Москва : Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. — 462 с. EDN: ZHHTSU
11. ***Локосов, В.В.*** Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В.В. Локосов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1; EDN: FFZUND
12. ***Плискевич, Н.М.*** Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации / Н.М. Плискевич // Мир России. Социология. Этнология. — 2022. — Т. 31. — № 3. — С. 33–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53; EDN: IUKFQM
13. ***Рюмина, Е.В.*** Население не только как экономический ресурс: понятие человеческого потенциала в широком смысле / Е.В. Рюмина // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 19–27. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.2; EDN: AQGSIM
14. ***Слободенюк, Е.Д.*** Включенность россиян в образовательные практики, формирующие человеческий капитал / Е.Д. Слободенюк, А.В. Каравай, С.В. Мареева // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2024. — № 4(182). — С. 148–169. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2570; EDN: AJNZEA
15. ***Пишняк А.И.*** Инвестиции среднего класса в человеческий капитал: потребление платных услуг в области образования и медицины / А.И. Пишняк, А.Р. Горяйнова, Е.А. Назарбаева, Н.В. Халина // Вопросы экономики. — 2020. — № 11. — С. 69–85. DOI 10.32609 / 0042–8736–2020–11–69–85; EDN: RDMLKD
16. ***Тихонова Н.Е.*** Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, [и др.]. — Москва : Весь Мир, 2022. — 422 с. DOI: 10.55604/9785777708731; EDN XJGBFE
17. ***Горшков, М.К.*** Общественные неравенства в пореформенной России: социологический диагноз / М.К. Горшков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2016. — Т. 16. — № 4. — С. 693–718. EDN: XRGGFR

18. ***Мареева, С.В.*** Неравенство в российском обществе в монетарном и немонетарном измерении: динамика последнего десятилетия / С.В. Мареева // Социологические исследования. — 2024. — № 9. — С. 3–16. DOI: 10.31857/S0132162524090012; EDN: QXFCVB

19. ***Логинов, Д.М.*** Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов / Д.М. Логинов // Вопросы экономики. — 2020. — № 12. — С. 41–61. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-41-61; EDN: VEHHGO

20. ***Константиновский, Д.Л.*** Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика / Д.Л. Константиновский // Социологическая наука и социальная практика. — 2020. — Т. 8. — № 3(31). — С. 125–133. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7491; EDN FGRZUS

21. ***Ишмуратова, Д.Ф.*** Неравенство как фактор развития человеческого капитала / Д.Ф. Ишмуратова // Общество: социология, психология, педагогика. — 2021. — № 12(92). — С. 129–133. DOI: 10.24158/spp.2021.12.18; EDN: RLHHZX

22. ***Слободенюк, Е.Д.*** Представления о неравенстве как фактор инвестиций в человеческий капитал: опыт эмпирического анализа / Е.Д. Слободенюк, С.В. Мареева, А.В. Каравай // Социологические исследования. — 2023. — № 6. — С. 29–41. DOI: 10.31857/S013216250024234-0; EDN: EZZMVN

23. ***Ключарев, Г.А.*** Человеческий капитал и проблема неравенств в модернизирующемся образовании / Г.А. Ключарев // Вестник Института социологии. — 2011. — № 3. — С. 88–105. EDN: PBFDEB

24. ***Мареева, С.В.*** Неравенство инвестиций в человеческий капитал российских детей / С.В. Мареева, Е.Д. Слободенюк // Terra Economicus. — 2022. — Т. 20. — № 3. — С. 98–115. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-98-115; EDN: QKFCNV

Информация об авторе:
Логинов Дмитрий Михайлович, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС, Москва, Россия.
Контактная информация: loginov-dm@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-2717-6909; РИНЦ SPIN-код: 4026–2487.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-252-263

BARRIERS TO DEVELOPMENT OF RUSSIAN CHILDREN'S EDUCATIONAL POTENTIAL: SCOPE AND DIFFERENTIATION

Dmitry M. Loginov

Institute of Applied Economic Research of RANEPA
(11 Prechistenskaya emb., Moscow, Russia, 119034)

E-mail: loginov-dm@ranepa.ru

Funding:
The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program.

For citation:
Loginov D.M. Barriers to development of Russian children's educational potential: scope and differentiation. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 252-263. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-252-263 (in Russ.)

Abstract. *The scale and bases of the barriers to development of children's educational potential have been analyzed on the materials of a representative survey held by the Center «Institute of Social Analysis and Forecasting» of RANEPA in 2024. The article involves two components of the educational potential development: children's involvement into preferable practices of educational activity and sufficiency of households' resource potential to ensure a successful transition from school to vocational education*

of an acceptable level. It has been found that more than 40% of respondents, who have children under 18, state the fact of unavailability for their kids of educational and developing activities which are desirable for them. However, the grounds for the respecting restraints are significantly differentiated: comparatively well-off families and residents of big cities more often than others indicate children's overload which prevents them from further improvement of their education, whereas rural inhabitants are severely deprived in terms of infrastructure availability in their settlements. A rather mass group of households (a quarter of the sample) who declare significant obstacles in opportunities to support educational ambitions of school children when shifting from secondary to vocational education of an acceptable level and quality. These barriers are particularly expressed among groups of people who have lower income, that allows us to conclude that material deprivations of households are turning into deprivations related to human potential development of the young generation. The unresolved problems are limiting future positive social dynamics, narrowing the country's development prospects over the coming decades.

Keywords: *educational potential, socio-economic inequality, social mobility, secondary education, complimentary education, vocational education.*

References and Internet sources

1. Becker G.S. Investment in human capital: a theoretical analysis. *The Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. No. 5. Part 2. P. 9–49.
2. Mincer J. Investment in human capital and personal income distribution. *The Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66. No. 4. P. 281–302.
3. Schultz T.W. Investment in human capital. *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51. No. 1. P. 1–17.
4. Anikin V.A. Chelovecheskiy kapital: stanovleniye kontseptsii i osnovnye traktovki [Human capital: genesis of basic concepts and interpretations]. Ekonomicheskaya sotsiologiya [*Journal of Economic Sociology*]. 2017. Vol. 18. No. 4. P. 120–156. DOI: 10.17323/1726-3247-2017-4-120-156 (in Russ.)
5. Cunha F., Heckman J.J., Schennach S.M. Estimating the technology of cognitive and noncognitive skill formation. *Econometrica*. 2010. Vol. 78. No. 3. P. 883–931.
6. Heckman J.J., Carneiro P. Human capital policy. *Inequality in America: What Role for Human Capital Policies?* Eds. J.J. Heckman, A.B. Krueger. Cambridge, MA. MIT Press. 2003. P. 77–239.
7. Rimashevskaya N.M. Kachestvennyy potentsial naseleniya Rossii: vzglyad v 21 vek [Qualitative potential of the Russian population: a look into the 21st century]. Problemy prognozirovaniya [*Studies on Russian Economic Development*]. 2001. No. 3. P. 34–48. (in Russ.)
8. Rimashevskaya N.M. Chelovecheskiy potentsial Rossii i problemy «sberezheniya naseleniya» [Human potential of Russia and the problems of «population saving»]. Rossiyskiy ekonomicheskiy zhurnal [*Russian Economic Journal*]. 2004. No. 9–10. P. 22–40. (in Russ.)
9. Martsinkevich V.I. Investitsii v cheloveka: ekonomicheskaya nauka i rossiyskaya ekonomika [Investment into human capital: economic science and Russian economy]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [*World Economy and International Relations*]. 2005. No. 9. P. 29–39. (in Russ.)
10. Anikin V.A., Antonov E.V., Antonova V.K., et al. Chelovecheskiy potentsial: sovremennyye traktovki i rezul'taty issledovaniy [*Human Potential: Modern Interpretations and Research Findings*]. Moscow. VCIOM. 2023. 462 p. (in Russ.)
11. Lokosov V.V. Chelovecheskiy potentsial: kontseptual'nyye podkhody i metodiki izmereniya [Human potential: conceptual approaches and measurement methods]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1 (in Russ.)
12. Pliskevich N.M. Instituty, tsennosti i chelovecheskiy potentsial v usloviyakh sovremennoy modernizatsii [Institutions, values, and human potential in the context of contemporary modernization]. Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya [*Universe of Russia. Sociology. Ethnology*]. 2022. Vol. 31. No. 3. P. 33–53. DOI: 10.17323/1811-038X-2022-31-3-33-53 (in Russ.)

13. Ryumina E.V. Naseleniye ne tol'ko kak ekonomicheskiy resurs: ponyatiye chelovecheskogo potentsiala v shirokom smysle [Population not only as an economic resource: the concept of human potential in a broad sense]. Narodonaselenie [*Population*]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 19–27. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.2 (in Russ.)
14. Slobodenyuk E.D., Karavay A.V., Mareeva S.V. Vkluchennost' rossiyan v obrazovatel'nyye praktiki, formiruyushchiye chelovecheskiy kapital [Participation of Russians in educational practices forming human capital]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*]. 2024. No. 4(182). P. 148–169. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2570 (in Russ.)
15. Pishnyak A.I., Goriainova A.R., Nazarbaeva E.A., Khalina N.V. Investitsii srednego klassa v chelovecheskiy kapital: potrebleniye platnykh uslug v oblasti obrazovaniya i meditsiny [Middle class' investment in human capital: consumption of paid services in education and medicine]. Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. No. 11. P. 69–85. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-11-69-85 (in Russ.)
16. Tikhonova N.E., Mareeva S.V., Anikin V.A., et al. Obshchestvo neravnykh vozmozhnostey: sotsial'naya struktura sovremennoy Rossii [*Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia*]. Moscow. Ves' Mir [The Whole World]. 2022. 422 p. DOI: 10.55604/9785777708731 (in Russ.)
17. Gorshkov M.K. Obshchestvennyye neravenstva v poreformennoy Rossii: sotsiologicheskiy diagnoz [Social inequalities in post-reform Russia: a sociological diagnosis]. Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya [*RUDN Journal of Sociology*]. 2016. Vol. 16. No. 4. P. 693–718. (in Russ.)
18. Mareeva S.V. Neravenstvo v rossiyskom obshchestve v monetarnom i nemonetarnom izmerenii: dinamika poslednego desyatiletiya [Monetary and non-monetary inequalities in Modern Russian society: dynamics of the recent decade]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2024. No. 9. P. 3–16. DOI: 10.31857/S0132162524090012 (in Russ.)
19. Loginov D.M. Kak rossiyskoye naseleniye perezhilo krizis vtoroy poloviny 2010-kh godov [How the Russian population went through the crisis of the second half of the 2010s]. Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. No. 12. P. 41–61. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-41-61 (in Russ.).
20. Konstantinovsky D.L. Preodoleniye bar'yerov v obrazovanii: issledovaniya i sotsial'naya praktika [Overcoming barriers in education: research and social practice]. Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [*Sociological Science and Social Practice*]. 2020. Vol. 8. No. 3(31). P. 125–133. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7491 (in Russ.)
21. Ishmuratova D.F. Neravenstvo kak faktor razvitiya chelovecheskogo kapitala [Inequality as a Factor of Human Capital Development]. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [*Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*]. 2021. No. 12(92). P. 129–133. DOI: 10.24158/spp.2021.12.18 (in Russ.)
22. Slobodenyuk E.D., Mareeva S.V., Karavay A.V. Predstavleniya o neravenstve kak faktor investitsiy v chelovecheskiy kapital: opyt empiricheskogo analiza [Perceptions of inequality as a factor of investments in human capital (An empirical analysis)]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [*Sociological Studies*]. 2023. No. 6. P. 29–41. DOI: 10.31857/S013216250024234-0 (in Russ.)
23. Klyucharev G.A. Chelovecheskiy kapital i problema neravenstv v moderniziruyushchemsya obrazovanii [Human capital and the problems of inequalities in modernizing education]. Vestnik Instituta sotsiologii [*Bulletin of the Institute of Sociology*]. 2011. No. 3. P. 88–105. (in Russ.)
24. Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. Neravenstvo investitsiy v chelovecheskiy kapital rossiyskikh detey [Unequal investing in the human capital of children (The case of Russia)]. *Terra Economicus*. 2022. Vol. 20. No. 3. P. 98–115. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-3-98-115 (in Russ.)

Information about the author:
Loginov Dmitry Mikhailovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting of RANEPA, Moscow, Russia.
Contact information: loginov-dm@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-2717-6909; Elibrary SPIN-code: 4026–2487.

Статья поступила в редакцию 25.11.2025, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-264-276
EDN: OINVPZ

ВЕКТОР НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ОБРАЗОВАНИЯ: КОРРЕКТИВЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Крошилин С.В.*, Медведева Е.И.

ИСЭПН ФНИСЦРАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского 24 / 35, корп. 5)

**E-mail: krosh_sergey@mail.ru*

Для цитирования:
Крошилин С.В., Медведева Е.И. Вектор на модернизацию образования: коррективы под влиянием демографических показателей // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 3. – С. 264-276. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-264-276; EDN: OINVPZ

Аннотация. *Цель данного исследования — в создании методики построения прогностических оценок развития российской системы образования с учётом демографических показателей и тенденций подготовки / переподготовки населения России. Прогноз реализован на основе использования эконометрических подходов и построения полиномиальной аппроксимации (тренда). Были рассчитаны функциональные зависимости с экстраполяцией тенденций и получены прогнозы до 2050 г. (с временным лагом 5 лет). Информационную базу составили данные Росстата, аналитические материалы, мониторинги и статистические сборники «Индикаторы образования» и «Образование в цифрах» НИУ ВШЭ. Авторами была осуществлена визуализация полученных результатов — прогностических оценок количества обучающихся и числа образовательных учреждений в России с расчётом показателя «избыток» / «нехватка» их количества в перспективе до 2050 г. по различным уровням образования. Для системы дошкольного образования данный показатель составил «излишек» в 4,8 тыс. единиц в 2050 г., то есть их должно быть почти на 16% меньше, чем сейчас. В системе общего образования может высвободиться к 2050 г. 2,7 тыс. учреждений (к 2035 г. — 1,3 тыс. единиц). Для системы среднего профессионального образования потребуется как минимум ещё 119 учреждений на прогнозную дату. При сохранении существующих тенденций в высшей школе к 2050 г. могут остаться без студентов 123 вуза. Уникальность предложенной методики обусловлена возможностью масштабирования прогностических оценок и вертикально, и горизонтально. Апробированный вариант расчёта может быть полезен широкому кругу учёных и специалистам, которые занимаются исследованиями вопросов системы образования. Полученные результаты могут быть использованы в административной работе на федеральном и региональном / муниципальном уровнях, в том числе при реализации и оценке результативности Национальных проектов России.*

Ключевые слова: *демографические показатели, образование, реформирование системы образования, человеческий капитал, эконометрическое моделирование.*

© Крошилин С.В., Медведева Е.И., 2026

Введение

В последние несколько десятилетий в нашей стране наблюдается постоянная, многоплановая модернизация сферы образования. Некоторые учёные отмечают [1; 2], что мы не успеваем отразить и зафиксировать результативность проводимых (или уже проведённых) реформ как происходит (иногда вообще не дождавшись результатов предыдущего этапа реформирования) внедрение обновлённых практик работы, обучения, процесса передачи и контроля знаний. Эффективность оценки работы всех акторов и участников образовательного процесса также трудно проанализировать в складывающихся реалиях.

Последние несколько лет на процесс корректировки всех составляющих образования наложились и социально-экономические процессы, некоторые из которых были актуальны ещё в 1990-е гг. (уменьшение количества рождённых детей, миграционные потоки, коммерциализация процесса обучения, вопросы сдачи ЕГЭ), но некоторые только обозначились. Правительство РФ совместно с соответствующими Министерствами и ведомствами разрабатывает и реализует множество программ [3; 4], направленных на развитие данной сферы. В феврале 2026 г. министр просвещения России С. Кравцов декларировал, что за прошедший год были достигнуты все показатели Национальных проектов. Так, в 2026 г. «… введено в эксплуатацию 80 новых школ, пять детских садов… ученики 5–7-х классов перешли на новые программы по истории и обществознанию… «[1]. Также внедряются новые и / или обновлённые нормативные акты и приказы. «С 1 сентября 2025 года действует приказ Минпросвещения № 704[2], регламентирующий единое поурочное планирование. Установлены нормы домашних заданий, снижено количество контрольных работ, синхронизировано содержание программ и экзаменов…». И это только малая часть того, что было разработано, регламентировано и внедрено.

Президент России В.В. Путин в 2023 г. подписал Указ № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования»[3]. Многие вопросы, отражённые в поправках к Указу № 343, уже нашли своё отражение в разработанных документах, а, зачастую, уже стартовали в реализации. Министр науки и высшего образования РФ В. Фальков в интервью[4] охарактеризовал возможные новации и варианты внедрения модернизационных аспектов в образовании следующим образом: «…необходимо регулирование объёма платных мест в университетах, более всего изменятся квоты на обучение по направлениям «Экономика и управление», «Юриспруденция», хотя корректировка произойдёт по всем программам и специальностям[5], происходит процесс реформирования сроков обучения и ступеней (бакалавриат, специалитет и магистратура)… Мы в процессе отказа от бакалавриата, магистратура будет иная… масштабный переход начнется в 2026–2027 годах»[6] — сказал министр. Отдельным краеугольным камнем является изменение стандартов обучения в высшей школе с внедрением и / или упразднением некоторых

[1] Все показатели национальных проектов в части сферы образования достигнуты в полном объёме // Минпросвещения России. — URL : https://edu.gov.ru / press / 11049 / sergey-kravcov-vse-pokazateli-nacionalnyh-proektov-v-chasti-sfery-obrazovaniya-dostignuty-v-polnom-obeme?utm_medium=email (дата обращения: 09.02.2026).

[2] Приказ Министерства просвещения РФ от 09.10.2024 № 704 «О внесении изменений в некоторые приказы Министерства просвещения РФ, касающиеся федеральных образовательных программ начального общего образования, основного общего образования и среднего общего образования» // Официальное опубликование правовых актов. — URL : http://publication.pravo.gov.ru / document / 0001202502120007 (дата обращения: 11.02.2026).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // Президент России. — URL : http://www.kremlin.ru / acts / news / 71118 (дата обращения: 11.02.2026).

[4] Россия переходит на новую модель высшего образования // РИА Новости. — URL : https://ria.ru / 20250617 / obrazovanie-2023284204.html (дата обращения: 17.02.2025).

[5] Число бюджетных мест в вузах по инженерным и сельскохозяйственным направлениям в следующем учебном году планируется увеличить // Минобрнауки России. — URL : https://minobrnauki.gov.ru / press-center / news / novosti-ministerstva / 98937 / ?sphrase_id=9365955 (дата обращения: 17.02.2025).

[6] Россия переходит на новую модель высшего образования // РИА Новости. — URL : https://ria.ru / 20250617 / obrazovanie-2023284204.html (дата обращения: 17.02.2025).

дисциплин, компетенций и даже принципа работы (преподавания). Планируется разработать и внедрить такие образовательные стандарты, которые можно охарактеризовать «ядром» профильного обучения. По мнению В. Фалькова, «ядро должно соотноситься с профилем обучения — инженерным, медицинским, педагогическим», под которым понимается «…перечень предметов, обязательный к изучению студентами во всех без исключения университетах независимо от того, куда они поступили, включая единое методическое обеспечение этого ядра»[7].

Резюмируя можно сказать, что действия руководства страны, профильных министерств и ведомств всецело направлены на повышение качества [5] получаемых образовательных услуг, которые формируют базовый фундамент на всех ступенях его получения (образования) для возможности самоидентификации индивида в обществе, получения престижной и нужной обществу профессии, самореализации в выбранной сфере деятельности и обеспечения постоянного роста человеческого капитала страны. Именно такие реалии предопределяют реализацию основных принципов высшего образования в XXI в., о которых говорил министр в июне 2025 г. «… это фундаментальность, практико-ориентированность и гибкость». Перечисленные тренды подтверждают актуальность и необходимость изучения возможных форматов своевременной модернизации уровней образования (с учётом количественных и качественных показателей численности обучающихся и числа учебных заведений на каждом уровне подготовки) с целью подтверждения и / или упразднения реализации реформ для соответствия современным требованиям, а также с учётом существующих особенностей демографических процессов [6].

Методология исследования

Дизайн изучения существующих трендов развития системы образования с учётом сложившейся / складывающейся демографической ситуации состоит из четырёх этапов: первый — отбор параметров, необходимых для анализа с целью формирования массива данных для исследования. Второй этап — построение прогноза для каждого из выбранных параметров. На третьем этапе рассчитывается линия тренда на основе подбора наилучшей аппроксимирующей функции. Четвёртый, завершающий этап, направлен на визуализацию прогностической оценки и получение количественных данных для стратегического анализа и принятия решений.

Первоначально при реализации первого этапа были проанализированы демографические значения показателей[8] (включая прогнозные оценки[9] среднего варианта Росстата[10]) численности населения по возрастным группам[11]. Далее были выделены для анализа четыре уровня образования: дошкольное, общее, среднее (профессиональное) и высшее. Это необходимо, так как в современных реалиях срок обучения является критически важным, а модернизация вариантов получения образовательных услуг предопределена стратегическими задачами развития страны. Для анализа характерных тенденций на различных уровнях были выделены два показателя: численность учащихся и количество учебных заведений. Информационную базу исследования составили данные Росстата, статистические сборники «Индикаторы образования»[12] (выпуски 2011, 2013, 2016–2026 гг.)

[7] Россия переходит на новую модель высшего образования // РИА Новости. — URL : https://ria.ru / 20250617 / obrazovanie-2023284204.html (дата обращения: 17.02.2025).

[8] Рождаемость, смертность и естественный прирост (Население. Демография) // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru / storage / mediabank / demo21_2023.xlsx (дата обращения: 10.02.2026).

[9] Изменение численности населения по вариантам прогноза (Население. Демография. Демографический прогноз) // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru / storage / mediabank / Progn_1.xls (дата обращения: 10.02.2026).

[10] Численность населения по отдельным возрастным группам (на начало года) (Население. Демография. Демографический прогноз) // Росстат. — URL : https://www.rosstat.gov.ru / storage / mediabank / Progn_3.xls (дата обращения: 12.02.2026).

[11] Распределение населения по возрастным группам (Население. Демография) // Росстат. — URL : https://www.rosstat.gov.ru / storage / mediabank / demo14.xlsx (дата обращения: 12.02.2026).

[12] Индикаторы образования: 2026: статистический сборник / Н.В. Бондаренко, Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг и др.; НИУ «Высшая школа экономики». — Москва : ВШЭ, 2026. — 476 с. (а также предыдущие издания по годам).

и «Образование в цифрах»[13] (выпуски 2014, 2016–2025 гг.), издаваемые НИУ ВШЭ. На основе полученных данных сформирован массив информации для реализации исследований и дальнейшего анализа.

На втором этапе для построения прогноза были использованы эконометрические методы [7; 8] построения парной линейной регрессии (с одной объясняющей переменной) [9; 10]:

$$\hat{Y}(X) = \hat{\beta}_0 + \hat{\beta}_1 \times X \Rightarrow M(Y_t | Q_t = q_t) = \beta_0 + \beta_1 \cdot q_t, \quad (1)$$

где $Y(X)$ — функция оцениваемой линии, X — независимая переменная, $\hat{\beta}_0$ и $\hat{\beta}_1$ — оцениваемые значения β_0 и β_1, M — математическое ожидание величины Y_t, Y_t — случайная величина, некая функция от Q_t, Q_t — неслучайная (объясняющая) переменная в момент времени t, β_0 и β_1 — параметры, которые необходимо оценить (найти значения).

Для нахождения $\hat{\beta}_0$ и $\hat{\beta}_1$ (получения статистических оценок β_0 и β_1) и построения модели вида $Y_t = \beta_0 + \beta_1 \times q_t + \varepsilon_t$ (где ε_t — это случайная величина), был использован Пакет «Анализ данных» и «Поиск решения» математического процессора MS Excel. Подход позволил получить прогнозные значения отобранных показателей российской системы образования с временным «шагом» 5 лет до 2050 года. Отметим, что значения 2025 г. также оценочные, так как на момент публикации официальные данные не были представлены и отражены в сборниках.

Третий этап анализа выбранных параметров осуществлялся на основе построения полиномиальной аппроксимации (тренда). Для каждого из анализируемых показателей была рассчитана функция с помощью экстраполяции тенденций, выявленных в предыдущие периоды наблюдения [11; 12]:

$$Y_t = a_0 + a_1 t + a_2 t^2 \ldots + a_n t^n, \quad (2)$$

где Y_t — оцениваемая линия тренда (функция), a_i — константы, n — степень полинома ($n \leqslant 6$).

Подбор степени полинома осуществляется на основе расчёта R^2 (коэффициента детерминации), который позволяет определить соответствие линии аппроксимации с реальными показателями временного ряда. Это направлено на получение более точной линии тренда при повышении степени (точности). В свою очередь, степень полинома определяется количеством максимумов или минимумов кривой (точек экстремумов — «перегибов»). В нашем случае был выбран полином третьей степени, который имеет один или два экстремума. На основе применения данного метода, который базируется на расчётах уравнения тренда с учётом значения коэффициента детерминации R^2 (для подбора более точной функции), были построены линии тренда для выбранных параметров российской системы образования.

Четвёртый этап — визуализация полученных результатов прогностических оценок количества обучающихся и числа образовательных учреждений в России. В данном случае наиболее информативно и наглядно представить два полученных прогноза и трендовую модель на одном графике (рисунке) с двумя осями ординат (количество учащихся и число учебных заведений) и одной абсциссой (гг.). Причём для количества учебных заведений график на период прогноза отражает два варианта тренда и вариант «с сохранением» значений текущего показателя. Это позволит вычислить показатель $\Delta Уч$:

$$\Delta Уч = Y_{уч} - Y_{уч}, \quad (3)$$

где $\Delta Уч$ — оценка возможной разницы между реальным количеством учебных заведений на данный момент времени ($Y_{уч}$) и прогнозным значением ($Y_{уч}$).

Данный показатель направлен на оценку «избытка» или «нехватки» учебных учреждений конкретного уровня образования в перспективе. На основе визуализации полученных результатов при построении ли-

[13] Образование в цифрах: 2025: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; НИУ «Высшая школа экономики». – Москва : ВШЭ, 2025. – 136 с. (а также издания предыдущих лет).

ний трендов и прогнозов, возможно анализировать существующие тенденции и возникающие риски, а также осуществлять стратегически обоснованные выводы для реформирования отечественной системы образования.

Результаты исследования

Ситуация, отражающая демографические показатели в нашей стране, на протяжении последних десятилетий остается сложной [6], несмотря на предпринимаемые усилия со стороны правительства РФ и реализацию различных Национальных проектов [1; 3], направленных на увеличение рождаемости, повышение качества жизни, возможностей самореализации индивидов [13; 14]. Наметившийся с 2010 г. тренд не увеличение численности российского населения, а также присоединение в 2014 г. полуострова Крым — отразились положительно на приросте количества жителей страны. Несмотря на данные процессы трудоспособное население в данный период всё равно сокращалось. Это отчетливо видно на рис. 1.

При сравнении показателей 2010 г. (база сравнения) с численностью трудоспособного населения — в 2015 г. уменьшение произошло почти на 3%, а количество тех, кто был моложе или старше, увеличилось соответственно на 11% по каждой из категорий. С 2015 г. нагрузка на трудоспособное население только росла и к 2020 г. рост молодых иждивенцев составил почти 1 / 5, а пожилых — около 16% по отношению к показателям 2010 года. Последствия пандемии COVID-19 и санкционное давление, проведение СВО привели к сокращению численности и к снижению показателей группы «моложе трудоспособного возраста». Согласно прогнозу Росстата (средний вариант)[14] мы сможем достичь показателей нагрузки на трудоспособное населения 2010 г. лишь к 2030 году. При этом тех, кто старше трудоспособного возраста, будет на 3,8% больше. По данным прогноза к 2045 г. их количество может составить почти 36,8 млн человек, а молодых — 21,4 млн человек, работающих будет почти 81 млн человек. Та-

[14] Изменение численности населения по вариантам прогноза (Население. Демография. Демографический прогноз) // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru / storage / mediabank / Progn_1.xls (дата обращения: 10.02.2026).

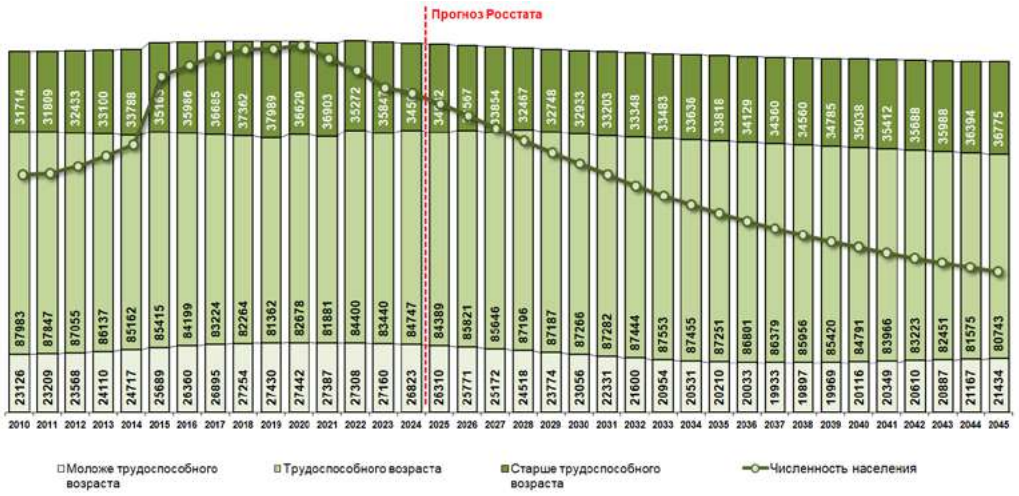

Рис. 1. Динамика и прогнозные значения нагрузки на трудоспособное население. Общая численность населения России, тыс. человек

Fig. 1. Dynamics and forecast values of the burden on the able-bodied population. The total population of Russia, thousand people

Источник: построено авторами на основе данных Росстата.

ким образом, пропорция может быть следующая «на 3-х работающих будет приходиться почти 2 иждивенца». На сегодняшний день 10 работающих обеспечивают 7 иждивенцев. Очевидно, такая ситуация потребует более эффективного использования трудовых ресурсов во всех отраслях и сферах деятельности, а также «полной реализации» трудового потенциала работающего населения страны. В этом случае особые требования будут возложены на систему подготовки и переподготовки, которая должна обеспечить возможность реализации образовательных траекторий и создать рациональный ландшафт образовательной и трудовой деятельности индивида [15]. Учитывая демографические векторы необходимо принимать стратегические решения: оптимизировать наличие / отсутствие образовательных организаций, а также анализировать желания / предпочтения самого индивида к получению знаний [4].

При построении функции полиномиальной аппроксимации третей степени показателей — «количество образовательных организаций» и «количество обучающихся», были получены графики, визуализирующие прогностические оценки указанных параметров для различных уровней российской системы образования. На рис. 2 представлены авторские расчёты для учреждений дошкольного образования (ДО) в России. При расчёте $\Delta Уч\_ДО$ получилось значение равное 4,8 тыс. учебных учреждений. Это означает, что при сохранении существующей тенденции демографических показателей и темпов «открытия / закрытия» учреждений данного уровня обучения по стране к 2050 году 4,8 тыс. ед. может высвободиться (это соответствует 15% от имеющихся зданий в настоящее время). Это произойдет на фоне сокращения количества обучающихся с 6,2 млн человек в 2025 г. до 5,9 млн в 2035 и до 5,2 млн к 2050 году. Применяя

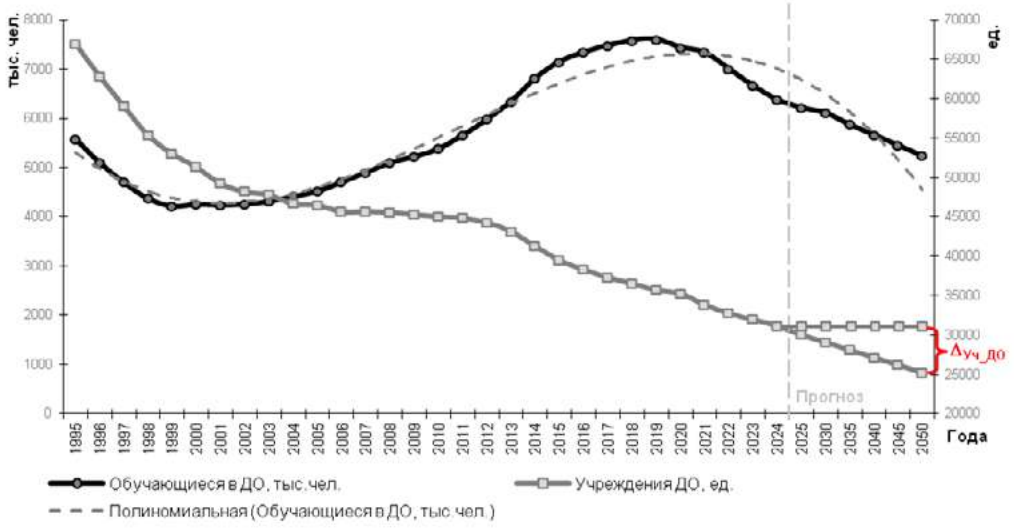

Рис. 2. Визуализация прогностических оценок количества обучающихся (левая шкала) и числа учреждений дошкольного образования (правая шкала) в России

Fig. 2. Visualization of predictive estimates of the number of students (left scale) and the number of preschool education institutions (right scale) in Russia

Примечание: тут и далее пунктиром на графике обозначены результаты расчёта трендовой модели для количества обучающихся. С 2025 г. используются прогнозные значения.

Источник: рассчитано и построено авторами на основе данных Росстата и прогнозных значений.

авторскую методику, был получен прогноз и рассчитана линия тренда для обучающихся и количества учреждений дошкольного уровня подготовки:

$$\tilde{Y}_{t\,ДО} = -0{,}8074 \cdot x_t^3 + 40{,}6951 \cdot x_t^2 - \\ -451{,}4121 \cdot x_t + 5723{,}7231 \ (R^2 = 0{,}9318) \quad (4)$$

Аналогичным способом был произведён расчёт и получена визуализация для системы общего образования (ОО) (рис. 3). Был построен прогноз и получена линия тренда для обучающихся и количества учреждений общего образования:

$$\tilde{Y}_{tOO} = -1{,}1412 \cdot x_t^3 + 81{,}7391 \cdot x_t^2 - \\ -1731{,}6121 \cdot x_t + 26064 \ (R^2 = 0{,}8184) \quad (5)$$

$\Delta Уч\_{ОО}$ получилось равное 2,7 тыс. учебных учреждений общего образования. Это означает, что при сохранении актуальных темпов роста / уменьшения количества рождённых, в данном уровне подготовки по стране могут стать свободными к 2050 г. 2,7 тыс. единиц (это на 7% меньше, чем сейчас). К 2035 г. может высвободиться уже 1,3 тыс. учреждений (сократится на 3,3%). Это произойдёт на фоне сокращения количества обучающихся с 17,4 млн человек в 2025 г. до 16,5 млн в 2035 и до 15,7 млн к 2050 году.

Прогнозные оценки и визуализация данных для системы высшего образования (ВО) представлены на рис. 4. Был рассчитан прогноз и получены линии тренда для обучающихся и количества учреждений высшего образования:

$$\tilde{Y}_{t\,ВО} = 1{,}0931 \cdot x_t^3 - 55{,}8312 \cdot x_t^2 + \\ +670{,}9212 \cdot x_t + 4579{,}7 \ (R^2 = 0{,}8639) \quad (6)$$

Расчёт $\Delta Уч\_ВО$ показал значение равное 123, что говорит об излишке данного количества единиц высших учебных заведений. Это означает, что при сохранении существующих тенденций в высшей школе по стране может высвободиться к 2050 г. 123 вуза (это на 16,6% меньше, нежели чем сейчас). К 2035 г. может быть упразднено 70 единиц (то есть сократится на 9,5% от имеющегося

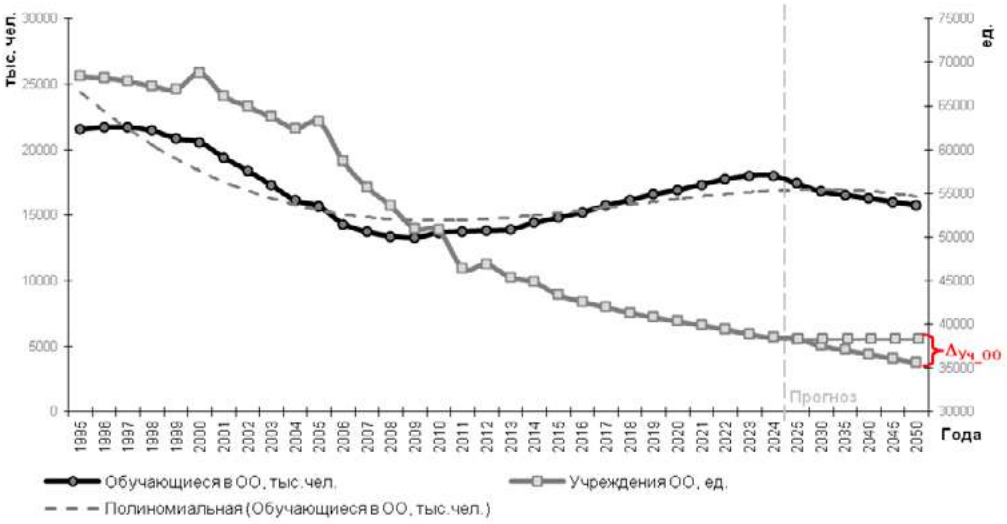

Рис. 3. Визуализация прогностических оценок количества обучающихся (левая шкала) и числа учреждений общего образования (правая шкала) в России

Fig. 3. Visualization of predictive estimates of the number of students (left scale) and the number of general education institutions (right scale) in Russia

Источник: рассчитано и построено авторами на основе данных Росстата и прогнозных значений.

количества). Это произойдёт на фоне сокращения количества обучающихся в системе ВО с 4,4 млн человек в 2025 г. до 3,8 млн в 2035 г. и до 3,4 млн человек к 2050 году.

Прогнозные оценки также были рассчитаны и для системы среднего профессионального образования (СПО). Расчёт $\Delta Уч\_$ СПО показал отрицательное значение, равное –119. Это доказывает, что в СПО ситуация иная, но она достаточно сложная: необходимо «прирастить / увеличить» к 2050 г. количество на 119 единиц (на 3,5%), а вот в 2035 г. их нехватка может уже составить примерно 46 единиц (то есть необходим прирост на 1,4% от имеющегося количества). Это произойдёт в условиях «повышенной» востребованности данного уровня среди обучающихся с почти 3,7 млн человек в 2025 г. до 3,9 млн в 2035 г. и до 4,2 млн человек к 2050 году.

Следует подчеркнуть, что все представленные оценки являются прогностическими (с учётом всех существующих неточностей, которые имеются в официальной статистике, отраженной в открытых источниках). Однако приведённые значения уже сейчас позволяют выявить и оценить необходимые трансформации, которые могут и / или должны произойти в системе российского образования до 2050 года.

Обсуждение и выводы

Математическим путем было доказано, что показатели, характеризующие демографическую ситуацию, оказывают непосредственное влияние на развитие и функционирование всех уровней российского образования. Несмотря на критику, которая существует в настоящее время, наша система образования остаётся одной из самых доступных и эффективных в мире. Однако наша система подготовки и переподготовки является и самой консервативной. В настоящих условиях существует объективная необходимость быстрого реагирования на трансформации, которые происходят в обществе под влиянием как внешних, так и внутренних социально-экономических факторов и вызовов.

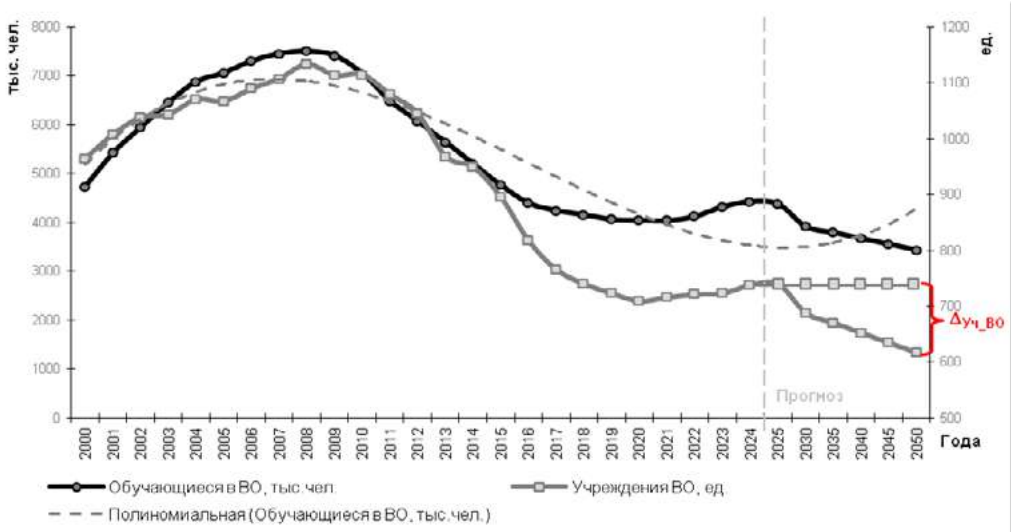

Рис. 4. Визуализация прогностических оценок количества обучающихся (левая шкала) и числа учреждений высшего образования (правая шкала) в России

Fig. 4. Visualization of predictive estimates of the number of students (left scale) and the number of institutions of higher education (right scale) in Russia

Источник: Рассчитано и построено авторами на основе данных Росстата и прогнозных значений.

Проведённые исследования и оценка общей ситуации на всех уровнях образования в России показывает, что наряду со 100% охватом населения уровнем общего образования, внутри системы существует много проблем (например, до сих пор не везде ликвидирована / упразднена вторая смена, наблюдается определённая нехватка учителей предметников и т.д.). В 2025 г. произошло сокращение численности учеников в начальных классах (1–4 классы) почти на 345 тыс. по сравнению с показателями 2024 года. К сожалению, данная тенденция продлится и отразится на показателях деятельности всех уровней подготовки. Кроме того, в современной системе общего образования имеется тенденция снижения количества учеников в 10–11 классах (в 2024 г. только 45% школьников сделали выбор обучения в старшем звене школы). Это связано с «популяризацией» системы СПО, и тем фактом, что обучение в 10–11 классах влечёт за собой «необходимость сдачи ЕГЭ» для поступления в вуз. Многие школьники стремятся сократить «общее время обучения» и быстрее начать свою индивидуальную трудовую деятельность. Т.Л. Клячко утверждает, что «в современной школе произошла утрата ориентиров развития… результаты обучения слабо связаны с условиями получения начального образования… В настоящее время усиливается «переток» молодёжи в систему СПО с целью дальнейшего поступления в вузы без сдачи ЕГЭ. В системе ВО наблюдается «оттягивание» студентов из региональных вузов. Например, в 2024 г. на Москву и Санкт-Петербург пришлось 1 / 3 общего набора студентов, причём в московский вуз поступил каждый 1 / 4 российский абитуриент…» [2].

Количество детей и молодёжи однозначно влияет на возможные изменения всех уровней подготовки и переподготовки. Именно поэтому предложенный авторский подход может быть использован для анализа перспектив развития и реформирования российской системы образования. Новизна предложенной авторской методики обусловлена возможностью масштабирования прогностической оценки как вертикально (путем расширения анализируемых уровней образования), так и горизонтально (за счёт включения новых параметров для анализа, например, численности преподавателей, интенсивности нагрузки). Кроме того, инструментарий может быть использован как на федеральном, так и на региональном / муниципальном уровнях. Данный подход прошёл проверку на адекватность и верификацию на данных из статистических сборников Росстата и НИУ ВШЭ («Индикаторы образования» и «Образование в цифрах»). С помощью визуализации прогностических оценок показателей «количество обучающихся» и «число учреждений» можно осуществлять анализ востребованности уровней образования в отдельных регионах страны с целью дальнейшего принятия взвешенных стратегических решений относительно вопросов модернизации и развития. Авторская методика может быть использована широким кругом специалистов и учёных, которые занимаются исследованиями в области системы образования, а также в административной работе, в том числе при реализации и оценке результативности Национальных проектов России.

Литература и Интернет-источники

1. ***Гузь, Н.А.*** Государственная поддержка образования, науки, культуры и социальной сферы / Н.А. Гузь, В.Д. Власенко // Мир науки, культуры, образования. — 2024. — № 6(109). — С. 170–173. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-6109-170-173; EDN: CVPRLX
2. ***Клячко, Т.Л.*** Структурные изменения в российской системе высшего образования / Т.Л. Клячко, Г.С. Токарева // Университетское управление: практика и анализ. — 2024. — Т. 28. — № 4. — С. 30–53. DOI: 10.15826/umpa.2024.04.033; EDN: VMAAAH
3. ***Каменева, Е.А.*** Национальные проекты и программы в сфере образования в России: осведомленность и ожидания участников образовательного процесса / Е.А. Каменева, Н.И. Киселева, М.А. Селиванова, Н.В. Узюмова // Перспективы науки и образования. — 2023. — № 6(66). — С. 689–706. DOI: 10.32744/pse.2023.6.40; EDN: LQDPHR
4. ***Петров, А.М.*** Человеческий капитал, как этап развития стратегического планирования в РФ (национальные проекты «Демография», «Образование») / А.М. Петров // Экономические науки. — 2021. — № 198. — С. 213–218. DOI: 10.14451/1.198.213; EDN: ZIMGFC
5. ***Старикова, Е.А.*** Образование в рамках устойчивого развития: реализация ЦУР 4 «Качественное образование» и концепция «непрерывного обучения» / Е.А. Старикова, М.Н. Синицына // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2025. — Т. 13. — № 3(156). — С. 260–268. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.13.030; EDN: BMWZJZ
6. ***Локосов, В.В.*** Демографический кризис современного российского общества: концептуальная оценка и возможности выхода / В.В. Локосов // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-4-14; EDN: PCZVUE
7. ***Айвазян, С.А.*** Индикаторы основных направлений социально-экономического развития субъектов РФ / С.А. Айвазян, М.Ю. Афанасьев, А.В. Кудров // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование. — 2019. — Т. 26. — № 7. — С. 47–60. DOI: 10.20537/mce2019econ04. EDN: NFMOVA
8. ***Mirzanov, B.J.*** Econometric modeling of GDP calculation by ultimate consumption method / B.J. Mirzanov // Theoretical & Applied Science. — 2018. — No.6(62). — Pp. 213–218. DOI: 10.15863/TAS.2018.06.62.37; EDN: XRYHTN
9. ***Ревунова, С.В.*** Эконометрические методы в современной экономике / С.В. Ревунова // Экономика и предпринимательство. — 2019. — № 9(110). — С. 1266–1269. EDN: XHPRPM
10. ***Heydari, M.*** Investigating the impact of crisis on Corporate costs and sales using econometrics method / M. Heydari, Zh. Xiaohu, K.K. Lai, [et al.] // Proceedings of National Aviation University. — 2019. — Vol.4. — No.81. — P. 71–85. DOI: 10.18372/2306-1472.81.14604. EDN: MXDNZP
11. ***Маршалко, Г.Б.*** Полиномиальные аппроксимации некоторых функций активации нейронных сетей / Г.Б. Маршалко, Ю.А. Труфанова // Информатика и автоматизация. — 2022. — Т. 21. — № 1. — С. 161–180. DOI: 10.15622/ia.2022.21.6. EDN: IPCNAN
12. ***Zhang, M.*** Estimation of the Non-Parametric Spatial Dynamic Panel Data Model with Fixed Effects / M. Zhang, B. Tian // Mathematics. — 2023. — Vol. 11. — No. 13. — Art. 2865. DOI: 10.3390/math11132865. EDN: FJNHQL
13. ***Шабунова, А.А.*** Социально-экономические индикаторы национальных целей развития России: тенденции и прогноз / А.А. Шабунова, С.В. Крошилин, А.В. Ярашева, Е.И. Медведева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. — № 5. — С. 40–54. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.2. EDN: IGFYCO
14. ***Крошилин, С.В.*** Методика ранжирования федеральных округов по социально-экономическим показателям / С.В. Крошилин, Е.И. Медведева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 85–97. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-85-97; EDN: WUBVEN
15. ***Макар, С.В.*** Современные тренды трудовой деятельности: смена технологических укладов, искусственный интеллект и цифровизация / С.В. Макар, С.В. Крошилин // Дискуссия. — 2025. — № 6(139). — С. 6–17. DOI: 10.46320/2077-7639-2025-6-139-6-17; EDN: QQSSQE

Сведения об авторах:
Крошилин Сергей Викторович, к.техн.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: krosh_sergey@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6070-1234; РИНЦ SPIN-код: 8035–9831.

Медведева Елена Ильинична, д.э.н., доцент, главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4200-1047; РИНЦ SPIN-код: 1609–2427.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-264-276

THE VECTOR OF MODERNIZATION OF EDUCATION: FORCED ADJUSTMENTS UNDER THE INFLUENCE OF DEMOGRAPHIC INDICATORS

Sergey V. Kroshilin*, Elena I. Medvedeva

ISESP FCTAS RAS
(24 / 35, building 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

**E-mail: krosh_sergey@mail.ru*

For citation:
Kroshilin S.V., Medvedeva E.I. The vector of modernization of education: forced adjustments under the influence of demographic indicators. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 264-276. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-264-276 (in Russ.)

Abstract. *The purpose of the study was to create a methodology for building predictive assessments of the development of the Russian education system, taking into account demographic indicators and trends in the training / retraining of the Russian population. The forecast is based on the use of econometric approaches and the construction of a polynomial approximation (trend). Functional dependencies were calculated using trend extrapolation, and forecasts were made up to 2050 (in 5-year increments). Information base — ROSSTAT data, analytical materials, monitoring and statistical collections «Education Indicators» and «Education in numbers» of the Higher School of Economics. The authors visualized the results obtained — predictive estimates of the number of students and the number of educational institutions in Russia with the calculation of the indicator (assessment) of the «excess» / «shortage» of their number in the future until 2025 by education levels. For the preschool education system, this indicator amounted to 4.8 thousand units of «excess» by 2050, i.e. they should be 15.9% less than now. By 2050, 2.7 thousand institutions will be «released» in the general education system (by 2035 it will be 1.3 thousand units). And for the vocational education system, at least 119 more institutions will be needed. The uniqueness of the proposed methodology is due to the possibility of scaling predictive assessments both vertically (taking into account new areas of training) and horizontally (including new indicators). The proven methodology can be useful to a wide range of scientists and specialists who study the educational system. The results obtained at this stage can be used in administrative work at the federal and municipal levels, including in the implementation and evaluation of the effectiveness of the National Projects in Russia.*

Keywords: *demographic indicators, education, reform of the education system, human capital, econometric modeling.*

References and Internet sources

1. Guz N.A., Vlasenko V.D. Gosudarstvennaja podderzhka obrazovanija, nauki, kul'tury i sotsial'noj sfery [State support of education, science, culture and social sphere]. Mir nauki, kul'tury, obrazovanija [*The World of Science, Culture, and Education*]. 2024. No. 6(109). P. 170–173. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-6109-170-173 (in Russ.)
2. Klyachko T.L., Tokareva G.S. Strukturnye izmenenija v rossijskoj sisteme vysshego obrazovanija [Structural changes in the Russian higher education system]. Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz [*University Management: Practice and Analysis*]. 2024. Vol. 28. No. 4. P. 30–53. DOI: 10.15826/umpa.2024.04.033 (in Russ.)
3. Kameneva E.A., Kiseleva N.I., Selivanova M.A., Uzyumova N.V. Natsional'nyye proekty i programmy v sfere obrazovanija v Rossii: osvedomlonnost' i ozhidanija uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa [National projects and programs in the field of education in Russia: awareness and expectations of participants in the educational process]. Perspektivy nauki i obrazovanija [*Perspectives of Science and Education*]. 2023. No. 6(66). P. 689–706. DOI: 10.32744/pse.2023.6.40 (in Russ.)
4. Petrov A.M. Chelovecheskij kapital, kak etap razvitija strategicheskogo planirovanija v RF (natsional'nye proekty «Demografija», «Obrazovanie») [Human capital as a stage of development 0f strategic planning in the Russian Federation (national projects «Demography», «Education»)]. Ekonomicheskiye nauki [*Economic Sciences*]. 2021. No. 5(198). P. 213–218. DOI: 10.14451/1.198.213 (in Russ.)
5. Starikova E.A., Sinitsyna M.N. Obrazovaniye v ramkakh ustojchivogo razvitija: realizatsija TsUR 4 «Kachestvennoe obrazovanie» i kontseptsija «nepreryvnogo obuchenija» [Education in the framework of sustainable development: implementation of SDG 4 «Quality Education» and the concept of «lifelong learning»]. Ekonomika i upravleniye: problemy, reshenija [*Economy and Management: Problems, Solutions*]. 2025. Vol. 13. No. 3(156). P. 260–268. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.13.030 (in Russ.)
6. Lokosov V.V. Demograficheskij krizis sovremennogo rossijskogo obschestva: kontseptual'naja otsenka i vozmozhnosti vyhoda [Demographic crisis of modern Russian society: conceptual assessment and exit opportunities]. Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 4–14. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-4-14 (in Russ.)
7. Aivazyan S.A., Afanasiev M. Yu., Kudrov A.V. Indikatory osnovnykh napravlenij sotsial'no-ekonomicheskogo razvitija sub'yektov RF [Indicators of the main directions of socio-economic development]. Analiz i modelirovaniye ekonomicheskikh i sotsial'nykh protsessov: Matematika. Komp'juter. Obrazovaniye. [*Analysis and Modeling of Economic and Social Processes: Mathematics. Computer. Education.*]. 2019. Vol. 26. No. 7. P. 47–60. DOI: 10.20537/mce2019econ04 (in Russ.)
8. Mirzanov B.J. Econometric modeling of GDP calculation by ultimate consumption method. *Theoretical & Applied Science*. 2018. No. 6(62). P. 213–218. DOI: 10.15863/TAS.2018.06.62.37S.V
9. Revunova S.V. Ekonometricheskiye metody v sovremennoj ekonomike [Econometric methods in modern economics]. Ekonomika i predprinimatel'stvo [*Journal of Economy and Entrepreneurship*]. 2019. No. 9(110). P. 1266–1269. (in Russ.)
10. Heydari M., Xiaohu Zh., Lai K.K., et al. Investigating the impact of crisis on corporate costs and sales using econometrics method. *Proceedings of National Aviation University*. 2019. Vol. 4. No. 81. P. 71–85. DOI: 10.18372/2306-1472.81.14604
11. Marshalko G.B., Trufanova Yu. A. Polinomial'nyye approksimatsii nekotorykh funktsij aktivatsii nejronnykh setej [Polynomial approximations for several neural network activation functions]. Informatika i avtomatizatsija [*Informatics and Automation*]. 2022. Vol. 21. No. 1. P. 161–180. DOI: 10.15622/ia.2022.21.6 (in Russ.)
12. Zhang M., Tian B. Estimation of the non-parametric spatial dynamic panel data model with fixed effects. *Mathematics*. 2023. Vol. 11. No. 13. Art. 2865. DOI: 10.3390/math11132865
13. Shabunova A.A., Kroshilin S.V., Yarasheva A.V., Medvedeva E.I. Sotsial'no-ekonomicheskiye indikatory natsional'nykh tselej razvitija Rossii: tendentsii i prognoz [Socio-economic indicators of Russia's national development: trends and forecast]. Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2024. Vol. 17. No. 5. P. 40–54. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.2 (in Russ.)

14. Kroshilin S.V., Medvedeva E.I. Metodika ranzhirovanija federal'nykh okrugov po sotsial'no-ekonomicheskim pokazatel'am [The methodology of ranking federal districts by socio-economic indicators]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 85–97. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-85-97 (in Russ.)
15. Makar S.V., Kroshilin S.V. Sovremennye trendy trudovoj dejatel'nosti: smena tekhnologicheskikh ukladov, iskusstvennyj intellekt i tsifrovizatsija [Modern trends in labor activity: changing technological patterns, artificial intelligence and digitalization]. Diskussija [*Discussion*]. 2025. No. 6(139). P. 6–17. DOI: 10.46320/2077-7639-2025-6-139-6-17 (in Russ.)

Information about the authors:
Kroshilin Sergey Viktorovich, Candidate of Technical Sciences, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: krosh_sergey@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6070-1234; Elibrary SPIN-code: 8035–9831.

Medvedeva Elena Ilyinichna, Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: e_lenam@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4200-1047; Elibrary SPIN-code: 1609–2427.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-277-288
EDN: YSKIWF

СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, УСТАНОВКИ И ОЖИДАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Ярашева А.В.[1]*, Марков Д.И.[2]

[1]ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24 / 35, корп. 5)
[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49 / 2)

**E-mail: baktriana@rambler.ru*

Для цитирования:
Ярашева А.В., Марков Д.И. Сберегательное поведение, установки и ожидания российской молодёжи // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 277-288. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-277-288; EDN: YSKIWF

Аннотация. *Сберегательное поведение, как составная часть финансового поведения населения, представляя собой наиболее традиционный вид экономической активности человека, отражает объективные материальные возможности для накоплений и субъективные установки (склонность к сбережению), детерминированные целым комплексом факторов. В статье на основе сравнительного анализа статистических данных Росстата (2021–2025 гг.), результатов исследований Аналитического центра НАФИ (2025 г.) и выводов авторских социологических опросов (2022–2024 гг.) выявлены тенденции сберегательной активности россиян; сберегательные действия, установки и ожидания молодёжи в возрасте от 17 до 35 лет в условиях финансовой и социально-экономической неопределённости. Именно данная возрастная когорта населения представляет интерес для учёных и практиков с точки зрения их экономической активности сегодня и в ближайшем будущем. Авторами определены тенденции в изменении представлений молодёжи относительно: мотивов накопления денежных средств, целей сбережений, надёжности различных финансовых инструментов; выделен факт определённой адаптации установок молодёжи к текущим экономическим реалиям. Сделан вывод о том, что российская молодёжь демонстрирует высокий индекс сберегательно-инвестиционной активности, а её сберегательные установки продолжают оставаться преимущественно ситуативными. Определено, что чаще всего молодые люди в исследуемом периоде копили «про запас», на приобретение мелкой бытовой техники и ремонт квартиры или дома. А среди видов сбережений выделено равнозначное отношение к накоплениям: «на вкладах», «в наличных рублях» и «в наличной иностранной валюте». Показано, что выбор той или иной цели сбережения значимо связан с возрастом и материальным положением опрошенной молодёжи.*

Ключевые слова: *сберегательное поведение, вклады, молодёжь, установки, цели сбережений, доверие, надёжность сбережений, население.*

© Ярашева А.В., Марков Д.И., 2026

Среди факторов, определяющих векторы сберегательной активности населения, выделяются объективные (материальные возможности для накопления, выгодные условия по вкладам, в целом экономическая ситуация в стране) и субъективные (общие установки экономического поведения и личные мотивы для откладывания денежных средств). Важность исследования этих взаимосвязанных групп факторов обусловлена необходимостью поиска ответов на вопросы, касающиеся повышения уровня жизни россиян. Сберегательные установки молодёжи приковывают внимание учёных с точки зрения потенциальных возможностей данной когорты населения в качестве активных пользователей банковских услуг, а также будущих участников экономических отношений, в том числе, на рынке сберегательных и инвестиционных услуг.

Разработанность темы

Подходы к исследованию сберегательного поведения населения и отдельных его слоев базируются на рассмотрении эффективных практик и моделей сберегательной активности [1], тенденций накопления денежных средств в конкретных условиях и на отдельных этапах социально-экономического развития страны [2]. Учёные дифференцируют отношение к сбережениям различных групп россиян: по возрасту [3], полу [4], месту проживания, выделяя городскую среду и её особенности в части формирования экономических установок населения [5; 6]. Особый интерес вызывают представления и установки сберегательного и инвестиционного поведения студенческой молодёжи, как будущих участников финансового рынка [7] и «стратегических» групп населения с точки зрения формирования и инвестирования долгосрочных сбережений в экономику [8, 9]. Сберегательные модели поведения рассматриваются российскими учёными в разрезе «пирамиды субпространств»: социального, экономического и финансового [10], учёт которой в идеале должен приводить потребителей к рациональному принятию решений. В последние годы пристальное внимание уделяется изучению сберегательной и денежной [12] культуры молодёжи (и влиянию семейных традиций на особенности их формирования [11]), как важному фактору обеспечения монетарного благополучия человека [13; 14]. Установки на «накопление» и их соотношение с «потреблением» анализируются с учётом психологической склонности молодёжи к риску, сбережению [15], добросовестным / недобросовестным практикам [16]. Изучаемые вопросы требуют мониторинга в условиях трансформации социально-экономической ситуации и, в частности, на фоне изменений на финансовом рынке России.

Методы исследования

При написании статьи использовались методы сравнительного анализа статистических данных Росстата, исследований Аналитического центра НАФИ, результаты авторского исследовательского проекта, посвящённого экономической культуре российской молодёжи, который осуществлялся в период 2022–2024 годов. Цель проекта заключалась в выявлении глубинных факторов экономического поведения и установок российской молодёжи. Методология проекта включала онлайн-опрос российской молодёжи в возрасте от 17 до 35 лет[1] по квотной выборке с репрезентацией по полу, возрасту, типу населённого пункта и федеральному округу. Проведено три замера с разницей в один год: первый — с 16 февраля по 3 марта 2022 г. (n=600), второй — с 20 по 28 февраля 2023 г. (n=620) и третий — с 20 по 24 февраля 2024 г. (n=650)[2]. Как мы

[1] Нижней границей выбраны 17 лет по следующим причинам: во-первых, это возраст окончания средней школы, момент, когда перед молодым человеком встаёт определяющий его карьерную и жизненную траекторию выбор — поступление в вуз, ссуз или отказ от этого; во-вторых, проведение опроса в начале года, что в ином случае «отрезало» бы от участия в опросе тех, кому скоро исполнится 18 лет. Так как респонденты рекрутировались через онлайн-панель компании «Анкетолог», вопрос о согласии родителей несовершеннолетних на участие в опросе решён этой компанией.

[2] Согласно данным Росстата, на 1 января 2022 г. объём ге-

уже отметили в одной из публикаций [5], отсутствие значимой динамики в исследуемых показателях говорит в пользу статичных феноменов экономической культуры молодёжи, а заметная вариативность свидетельствует о её реактивных проявлениях (особенно обострившихся на фоне санкционного давления и изменений в экономическом развитии страны).

В данной статье описывается динамика сберегательных установок и практик молодёжи в условиях финансовой и социально-экономической неопределённости. Из набора включённых в анкету вопросов были проанализированы те, которые связаны с отношением исследуемой группы к деньгам и сбережениям, долгосрочному планированию, наличием и целями сбережений, а также представлениями о долгосрочной надёжности различных финансовых инструментов. Применительно к обозначенным направлениям выдвинуто предположение о том, что сберегательные установки и поведение молодёжи не только характеризуются высокой ситуативностью (т.е. в зависимости от положения дел в стране и в мире), но и различаются в зависимости от возраста молодых людей и их материальных возможностей.

Обработка и статистический анализ результатов исследования проводились в программе IBM SPSS Statistics ver. 27 с использованием критерия Хи-квадрат Пирсона (далее — χ^2) и скорректированных стандартизованных остатков, наиболее подходящих для поиска взаимосвязей между категориальными переменными в социологическом исследовании.

Результаты исследования

Характеризуя в целом экономическую активность россиян всех возрастов за последние 5 лет, можно отметить рост объёмов организованных (привлечённых банками) сбережений, а также увеличение показателя «сбережения на душу населения» (табл. 1.). Период 2023–2025 гг. характеризовался в России высокой ключевой ставкой, и именно с данным обстоятельством связан своеобразный бум активности вкладчиков: доходность от размещённых в банках депозитов (при безусловной их надёжности) превышала доходность от иных (более рискованных) финансовых инструментов. За период с 2022 по 2024 г. доля российских домохозяйств, имевших сбережения, подросла с 72,9% до 75,5%; увеличился и сам размер сбережений: медианная сумма выросла с 20 до 30 тыс. рублей, а средняя — со 115 до 145 тыс. рублей[3]. По итогам февраля 2026 г. объём рублёвых сбережений в России превысил 62,5 трлн рублей[4]. Но во второй половине нынешнего года ожидается замедление темпов роста в связи с понижением ключевой ставки, и вслед за ней — доходности от банковских депозитов.

Сберегательное поведение, имеющее специфические особенности у разных возрастных групп населения, в целом можно охарактеризовать: 1) типом сберегателей, условно подразделяемых на: «транжир», не строящих (по разным причинам) долговременных планов; «консерваторов», предпочитающих гармонию между умеренностью в расходах и умением планировать предстоящие траты денежных средств; «активных накопителей», имеющих чёткие сберегательные планы и экономящих на расходах; 2) оценкой надёжности сбе-

неральной совокупности российской городской молодёжи в возрасте 17–35 лет составлял 26.119.452 человек (URL: https://rosstat.gov.ru / folder / 12781). В каждом из проведённых замеров были соблюдены следующие пропорции а) по полу – 50% мужчин и 50% женщин (предельная разница в долях групп между замерами не превышает 2 п.п.); б) по возрасту – 14% в возрасте 17–20 лет, 15% –21–24 лет, 23% – 25–29 лет и 48% –30–35 лет (предельная разница не более 5 п.п.); в) по федеральному округу – 11% из СЗФО, 29% из ЦФО, 18% из ПФО, 10% из ЮФО, 6% из СКФО, 9% из УФО, 11% из СФО и 6% из ДФО (предельная разница не более 4 п.п.); г) по типу населённого пункта – 13% проживали в городах с населением до 50 тыс. человек, 10% – в городах от 50 тыс. до 100 тыс. чел., 26% – в городах от 100 тыс. до 500 тыс. человек, 17% – от 500 тыс. до 1 млн человек и 34% – в городах-миллионниках (предельная разница не более 5 п.п.).

[3] ЦБ: финансовая подушка россиян в среднем составляет 145 тыс. рублей. – URL : https://ru.tradingview.com / news / rbc:5048ca9c067b8:0 / (дата обращения: 15.03.2026).

[4] «Россияне продолжают копить»: ВТБ рассказал о двух трендах на рынке вкладов // Банки.ру. – URL : https://www.banki.ru / news / lenta / ?id=11022637) (дата обращения: 20.03.2026).

Таблица 1

Депозиты (вклады) физических лиц, привлечённые кредитными организациями (на начало года)

Table 1

Deposits (contributions) of individuals, attracted by credit institutions (at the beginning of the year)

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Сумма, млн рублей	26023495	27786480	32732515	41052900	53354769
На душу населения, тыс. рублей	178,4	189,4	223,7	280,8	365,3

Источник: составлено авторами на основе сборников Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели 2024. – С. 994-995; Регионы России. Социально-экономические показатели 2025. – С. 948-949.

режений, детерминированной репутацией кредитных учреждений и уровнем доверия всей финансовой и банковской системе; 3) целями (мотивами) сбережений, неизбежно связанными со сроками осуществления таких накоплений; отдельно следует выделить цель — создание финансовой подушки безопасности, как средства «срочной помощи» при непредвиденных расходах.

Рассмотрим на основе выделенных аспектов молодёжь, как группу россиян, определяющих особенности ландшафта будущего финансового рынка в стране. Как показало исследование Аналитического центра НАФИ[5], проведённое летом 2025 г., уже сегодня молодое поколение россиян «превосходит население возраста 45+ по уровню сберегательно-инвестиционной активности». Если средний индекс, измеряющий подобную активность, составил 52,2 п. (из 100), то у молодёжи (18–34 года) он равен 60. При этом «по уровню инвестиционной и сберегательной грамотности молодые люди лишь немногим отстают от возрастной группы 35–44 года»[6].

Говоря о факторе доверия кредитным организациям, следует упомянуть результаты масштабного исследования (2025 г.) НАФИ, ОТП Банка и Ассоциации «ФинТех», касающегося того, как население и эксперты рынка банковских услуг видят «банк будущего»[7]. Согласно данным исследования[8], «знания о технологиях банковской сферы среди потребителей абсолютно не соответствует уровню доверия к ним и их реальному использованию». Самой важной характеристикой «идеального банка будущего» респонденты назвали «технологичность и скорость обслуживания». При этом для молодёжи важно, чтобы он «встраивался в повседневную жизнь, а для представителей старшего возраста, чтобы стал источником стабильности: старшие поколения чаще подчёркивают надёжность, как необходимое качество банка (42%), а представители молодёжи ставят на первое место удобство (40%) и скорость (26%) обслуживания». Самые молодые клиенты банков (18–24 года) выразили мнение: «при взаимодействии с идеальным банком будущего они будут испытывать счастье (42%), увлечённость (39%) и удивление (27%)».

Согласно результатам авторского социологического исследования, сберегательные установки молодёжи можно охарактеризовать как преимущественно ситуативные (преобладают ответы со словом «ско-

[5] Молодёжь превосходит поколение 45+ по уровню сберегательно-инвестиционной активности. – URL : https://nafi.ru / analytics / molodezh-prevoskhodit-pokolenie-45-po-urovnyu-sberegatelno-investitsionnoy-aktivnosti- / (дата обращения: 22.02.2026).

[6] Согласно результатам совместного исследования ПСБ, НИФИ Минфина России и АЦ НАФИ, ежеквартально проводящегося с 2023 г., у молодёжи самый высокий рейтинг за счёт позитивных оценок будущих перспектив рынка, а также относительно низких барьеров и высокого уровня доверия к игрокам финансового рынка. Индекс ИСИАР включает в себя 4 субиндекса: «Инвестиционная и сберегательная грамотность»; «Доверие населения к игрокам рынка сбережений и инвестиций»; «Отсутствие барьеров»; «Перспективы развития рынка сбережений и инвестиций».

[7] Зумеры будут счастливы от взаимодействия с идеальным банком будущего. – URL : https://nafi.ru / polls / zumery-budut-schastlivy-ot-vzaimodeystviya-s-idealnym-bankom-budushchego / (дата обращения: 01.03.2026).

[8] Исследование проведено с помощью исследовательской платформы Тет-О-Твет; она объединяет более 700 тыс. активных участников из всех регионов России.

рее») за одним исключением: с 2022 г. позиция о том, что государство должно обеспечить человеку безбедную старость (пара суждений № 1), не только стала преобладать, но и укрепилась (доля «определённо» и «скорее согласных» варьировалась в пределах 70–72%; при этом доля «определённо согласных» выросла на 12 п.п.) (табл. 2). Полученные данные позволяют сделать вывод об ограниченном горизонте планирования молодых людей: в условиях социально-экономической неопределённости эта задача — обеспечение безбедной старости — делегируется государству, тогда как основное внимание молодых людей нацелено на краткосрочную перспективу.

Примечательным результатом исследования является смещение доли неопределившихся в вопросе стратегий формирования накоплений на квартиру[9] (пара суждений № 4): если в 2022 и 2023 гг. 67% и 68% соответственно занимали промежуточную позицию между жёсткой финансовой дисциплиной («регулярной копейкой») и ожиданием крупной суммы (премии или выигрыша), то в 2024 г. эта доля снизилась до 56%, тогда как доля определённых приверженцев крупных сумм выросла за этот период на 9 процентных пунктов.

[9] Подчеркнём, что, как показывают последние исследования, квартира имеет для молодых людей, особенно девушек, экзистенциальную ценность.

Таблица 2

Динамика сберегательных установок молодёжи, в % по строке*

Table 2

Dynamics of savings attitudes of youth, in % by row

Суждение 1	Точно 1	Скорее 1	Скорее 2	Точно 2	Суждение 2
1) Обеспечение безбедной старости - задача государства, поскольку человек много лет работал на пользу страны и платил налоги	**42% ***(33%) ****(30%)	30% (37%) (41%)	17% (17%) (23%)	11% (12%) (6%)	1) Обеспечение безбедной старости – задача исключительно самого человека, на государство рассчитывать неправильно
2) Лучше не доверять банкам свои сбережения, а вкладывать их в то, что можно контролировать самим (наличность, недвижимость, др.)	21% (17%) (14%)	32% (41%) (43%)	35% (34%) (34%)	12% (8%) (9%)	2) Хранить деньги на банковском депозите достаточно надёжно и безопасно
3) С деньгами нужно расставаться легко, ведь мы их зарабатываем не для того, чтобы себя в чем-то ограничивать	18% (11%) (15%)	33% (44%) (51%)	34% (36%) (28%)	15% (9%) (5%)	3) Нужно ограничивать себя в тратах и стараться больше копить, мало ли на что понадобятся деньги в будущем
4) Накопить на покупку квартиры можно только откладывая сразу крупные суммы, а мелкими это сделать невозможно	25% (19%) (16%)	27% (30%) (26%)	29% (38%) (42%)	19% (13%) (16%)	4) Накопить на покупку квартиры можно, если регулярно откладывать определённую, пусть и не крупную сумму
5) Не стоит ни в чём себе отказывать, особенно если это приносит удовольствие	13% (8%) (12%)	29% (33%) (27%)	41% (41%) (45%)	18% (17%) (16%)	5) Главное в жизни - умеренность и гармония, а не стремление к роскоши и удовольствиям
6) В современном мире нет ничего постоянного. Поэтому не стоит строить долгосрочные планы на жизнь	20% (-)* (14%)	37% (-) (38%)	29% (-) (41%)	14% (-) (7%)	6) Нельзя жить, не строя долгосрочные планы. Не правы те, кто говорит, что в нашем мире нет ничего постоянного

Примечания: *Респондентам задавался следующий вопрос: «*Поговорим о сбережениях. С каким из предложенных суждений Вы согласны? (выберите 1 вариант ответа в каждой паре суждений)*»; цифры в строках – результаты опроса: **в 2024 г. (n=650); ***в 2023 г. (n=620); ****в 2022 г. (n=600).

★ В 2023 г. этот вопрос задавался в иной, более конкретной формулировке, и была зафиксирована схожая тенденция: половина опрошенных старается строить планы на год и более (49%), 32% ориентируются на 1 или несколько месяцев, 8% – ограничиваются неделей, а каждый десятый (11%) – живёт сегодняшним днём.

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Такая динамика может обусловливаться быстрым ростом стоимости и аренды недвижимости, а также повышением цен на широкий перечень товаров и услуг. Помимо этого, фиксируется и заметное снижение доли неопределившихся по отношению к деньгам (пара суждений № 3), планированию жизни (пара суждений № 6) и банкам (пара суждений № 2) с примерно 77–79% до 66–67%, что может также обусловливаться определённой адаптацией к текущим реалиям; позиции о необходимости ограничивать свои траты и копить, использовать для этого по возможности банковские инструменты и не строить планы на длительную перспективу стали упоминаться чаще. Достаточно стабильной на протяжении всех замеров остаётся доля опрошенных с промежуточной позицией по отношению к гедонизму / умеренности (пара суждений № 5) — 71%, 75% и 69% в 2022, 2023 и 2024 гг. соответственно; при этом, умеренность молодёжь отмечает всё же чаще (более 40% выбрали скорее второе суждение, ещё 18% — определённо второе суждение).

Что касается декларируемых целей сбережений, то с 2023 г. их порядок упоминания почти не изменился: в 2024 г. чаще всего назывались такие цели, как «про запас» (31%), приобретение мелкой бытовой техники / гаджетов (28%), ремонт квартиры или дома (26%) и отдых (21%). Но по сравнению с 2022 г. зафиксировано существенное снижение значений по всем целям (особенно тем, что находятся в ТОП-3 рейтинга), а также на покупку дорогих товаров и оплату обучения. Вероятно, после резкого изменения ситуации в стране в 2022 г., молодые люди поспешили приобрести те товары и услуги, приобретение которых ранее откладывали. На отсутствие сбережений ежегодно указывал каждый четвёртый опрошенный молодой человек (рис. 1).

По данным на 2024 г. выбор той или иной цели для накопления значимо связан с возрастом (χ^2; p=0,004) и материальным положением опрошенных (χ^2; p=0,000). Так, в группе 17–24 лет значимо чаще копят на покупку квартиры и на открытие собственного дела, а в группе 25–35 лет — на покупку дорогих товаров для дома. Декларирующие материальное положение выше среднего значимо чаще называли ремонт квартиры или дома, отдых за рубежом, а также покупку дорогих товаров для дома, и значимо реже указывали на отсутствие сбережений (тогда как в группе со средними и ниже возможностями эта доля составила 42%); здесь же, можно предположить, что заметная позитивная динамика упоминаний перечисленных целей к предыдущему году есть следствие аналогичной динамики материального положения опрошенных[10].

Недвижимость и ценные металлы независимо от даты замера называются молодыми людьми как наиболее надёжные сберегательные инструменты на длительную перспективу — 73% и 35% соответственно; следом с заметным отрывом следуют криптовалюта, наличные рубли и валюта, вклады в государственном банке и российские государственные облигации, которые назвали 15–18% участников опроса (рис. 2). Наибольшую позитивную динамику показали недвижимость и криптовалюта, стоимость которых за этот период заметно росла; таким образом, молодёжь корректируют свои сберегательные стратегии в зависимости от контекста (социального, рыночного, политического). Важно, что представленный рейтинг отражает представления о долгосрочной надёжности сберегательных инструментов, а не практики их использования[11].

[10] Если в 2022 г. 48% опрошенных характеризовали материальное положение семьи, в которой они непосредственно проживают, выше среднего уровня (то есть могут позволить себе, как минимум, покупку бытовой техники и мебели), то в 2023 и 2024 гг. – уже 56% и 61% соответственно. Такая динамика отмечалась и другими исследователями, что связывается с более высокими (по сравнению со старшими возрастными группами) адаптационными способности молодых людей в условиях неопределённости и кризиса.

[11] Как показало исследование ВЦИОМ, опубликованное в ноябре 2025 г., представления о надёжности финансовых инструментов и их реальное использование существенно различаются: например, если 51% россиян со сбережениями считают недвижимость надёжной, то используют её для формирования накоплений только 15%; аналогично и с ценными металлами – 34% против 10%. Наоборот, менее надёжные, с точки зрения опрошенных, накопительные счета, вклады и наличные рубли используются заметно чаще: 32% против 53%, 29% против 45% и 4% против 16% соответственно. Вероятно, ввиду недоступно-

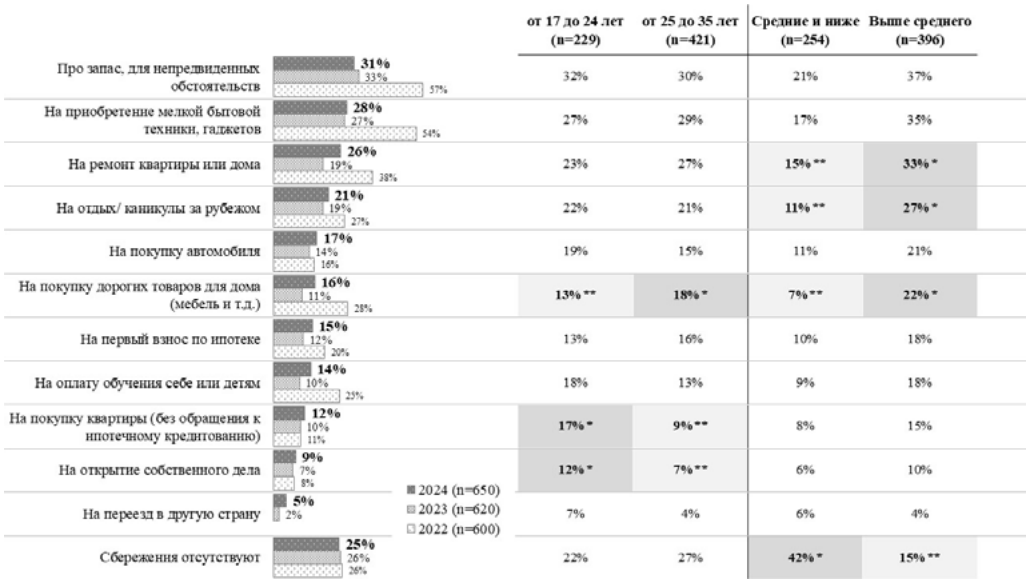

Рис. 1. Динамика целей сбережений молодёжи*, в % от опрошенных в целом и в зависимости от возраста и самооценки материального положения

Fig. 1. Dynamics of youth savings goals, in % of respondents as a whole and depending on age and self-assessment of financial security

Примечания: разрезы по возрасту и самооценке материального положения** представлены по результатам опроса в 2024 г.; обозначены * значения, имеющие скорректированные стандартизованные остатки больше 1,64***, что свидетельствует о наличии значимой положительной связи между категориями; ** значения, имеющие скорректированные стандартизованные остатки меньше –1,64, что свидетельствует о наличии значимой отрицательной связи между категориями.

* Задавался вопрос: «*На какие цели Вы имеете личные сбережения? (выберите 1 и более вариантов ответа)*».

** К группе со средними и ниже возможностями относились выбравшие варианты «*денег не хватает даже на продукты питания и одежду*», «*денег хватает только на продукты питания, однако покупка одежды вызывает затруднения*» или «*можем купить продукты и одежду, но приобрести бытовую технику и мебель затруднительно*»; к группе с возможностями выше среднего – «*можем купить бытовую технику и мебель, но на машину или квартиру придётся долго копить*», «*денег хватает на всё, кроме таких дорогих приобретений как загородный дом или квартира*» или «*денег достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать – при желании можем купить квартиру или загородный дом*».

*** Для определения наличия / отсутствия взаимосвязей между категориями были выбраны популярные в маркетинговых исследованиях скорректированные стандартизованные остатки, отлично подходящие для анализа вопросов с несколькими вариантами ответа и неравных по объёму выборки групп. Значение 1,64 соответствующее уровню доверия 90% вместо привычных 95%, выбрано намерено ввиду высокой степени неопределённости социально-экономической, политической и финансовой ситуации в стране; такой «поисковый» подход к анализу собранных данных позволит зафиксировать быстроменяющиеся тренды в сберегательном поведении.

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Представления о надёжности сберегательных инструментов значимо различаются в зависимости от пола (χ^2; p=0,001) и возраста (χ^2; p=0,001). Так, если женщины чаще указывают на недвижимость, то мужчины — на накопление наличной валюты, ценных бумаг; если самые молодые респонденты гораздо чаще называют более рискованные криптовалюту, акции российских компаний и иностранные облигации, то респонденты постарше — более консерватив-

сти недвижимости и металлов, вклады и накопительные счета с высокими процентными ставками представляют собой компромиссное решение с точки зрения доходности и риска, а наличные рубли – «подушку безопасности» на случай непредвиденных событий: URL: https://wciom.ru / fileadmin / user_upload / dengi_budushchego_budushchee_deneg.pdf (дата обращения 28.07.2026).

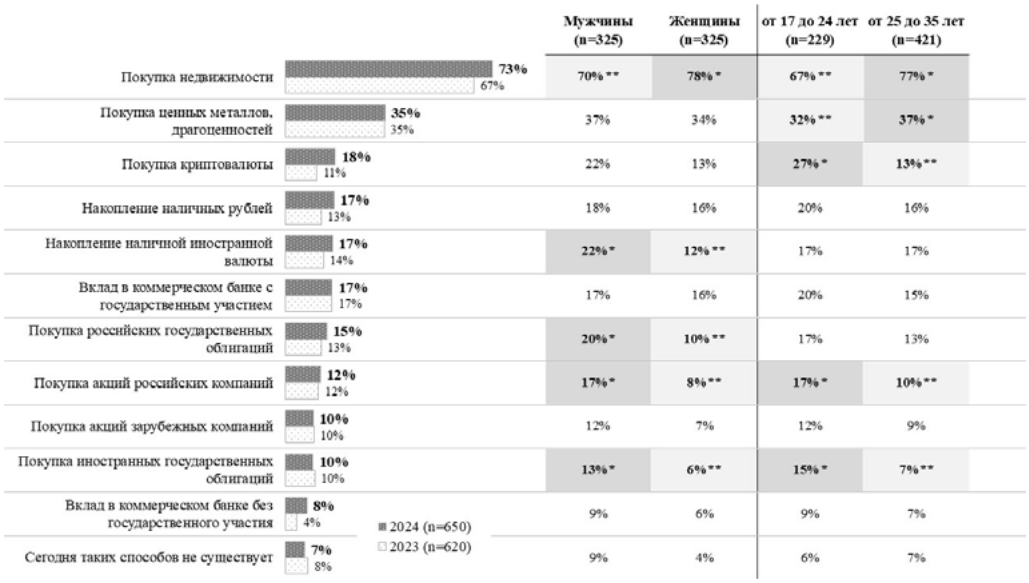

Рис. 2. Динамика представлений молодёжи о надёжности различных финансовых инструментов*, в %

Fig. 2. Dynamics of youth's perceptions of the reliability of various financial instruments, in % of respondents as a whole and depending on sex and age

Примечания: обозначены * значения, имеющие скорректированные стандартизованные остатки больше 1,64, что свидетельствует о наличии значимой положительной связи между категориями; ** значения, имеющие скорректированные стандартизованные остатки меньше –1,64, что свидетельствует о наличии значимой отрицательной связи между категориями.

★ Задавался вопрос: «*Какие из перечисленных ниже способов позволяют достаточно надёжно обеспечить долгосрочную сохранность вложенных средств? (выберите 1 или несколько вариантов ответа)*».

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

ные инструменты: недвижимость, ценные металлы и драгоценности.

* * *

За прошедшие 5 лет в России наблюдалась повышенная сберегательная активность населения с преобладанием накоплений в виде банковских вкладов. Выросли объёмы сбережений, их средняя и медианная суммы, а также показатель «сбережения на душу населения». Российская молодёжь, представляющая собой слой населения, который в ближайшем будущем будет составлять экономическую опору общества, уже сегодня демонстрирует высокий индекс сберегательно-инвестиционной активности, и практически полностью сформированные представления о возможностях накопления и преумножения собственных денежных средств.

Как показали результаты авторского исследования, сберегательные установки российской молодёжи продолжают оставаться в основном ситуативными, что обусловливается сохранением высокой степени неопределённости социально-экономической и финансовой ситуации в России и в мире. На уровне представлений о надёжности финансовых инструментов это проявляется в предпочтении недвижимости и ценных металлов, и меньшей уверенности в банковских продуктах и инвестициях. Цели сбережений за период 2023–2024 гг. не изменились: чаще всего молодые люди копили «про запас», на приобретение мелкой бытовой техники и ремонт квартиры или дома. Представления о надёжности различ-

ных сберегательных инструментов также достаточно устойчивы: молодые люди чаще уверены в недвижимости и ценных металлах, тогда как вклады, наличность, российские ценные бумаги (в первую очередь ОФЗ) и даже криптовалюта занимают промежуточную позицию в этом рейтинге, и могут сменять позиции относительно друг друга, вероятно, вследствие информационного фона. Значимая роль таких социально-демографические факторов сберегательного поведения, как пол, возраст и материальные возможности — сохраняется.

Литература и Интернет-источники

1. ***Тюриков, А.Г.*** Финансовое поведение россиян: практики, модели, эффективные инструменты / А.Г. Тюриков, Е.Л. Круглова, Д.А. Кунижева // Финансы: теория и практика. — 2025. — Т. 29. — № 6. — С. 107–120. — DOI : 10.26794 / 2587-5671-2025-29-6-107-120; EDN: RQEGDG
2. ***Есина, Ю.Л.*** Оценка современных тенденций сбережений и учета денежных средств у молодежи / Ю.Л. Есина, Е.О. Говорова // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. — 2025. — № 3(15). — С. 81–94. DOI: 10.24412/2782-4845-2025-15-81-94; EDN: AAFTTT
3. ***Малкина, М.Ю.*** Влияние ценностей на финансовое поведение студенческой молодёжи / М.Ю. Малкина, Д.Ю. Рогачев // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 165–179. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-165-179; EDN: CCPACE
4. ***Ярашева, А.В.*** Гендерные различия сберегательно-инвестиционных стратегий молодёжи / А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова, Д.И. Марков // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 153–165. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.13; EDN: HZSMIE
5. ***Марков, Д.И.*** Особенности сберегательной культуры российской городской молодёжи: отношение к сбережениям и пенсии / Д.И. Марков // Социальное пространство. — 2024. — Т. 10. — № 1. DOI: 10.15838/sa.2024.1.41.5; EDN: AUKKAS
6. ***Александрова, О.А.*** Готовность жителей Москвы к финансовым отношениям в формате экономики совместного участия / О.А. Александрова, Е.И. Борковская // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 221–232. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-221-232; EDN: CIIEVW
7. ***Фрик, О.В.*** Исследование сберегательного и инвестиционного поведения студенческой молодёжи финансового вуза / О.В. Фрик, Ю.О. Лещенко // Стандарты и мониторинг в образовании. — 2024. — Т. 12. — № 6. — С. 33–39. DOI: 10.12737/1998-1740-2024-12-6-33-39; EDN: AOZHRW
8. ***Щурина, С.В.*** Особенности поведения населения на рынке сбережений / С.В. Щурина // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18. — № 3. — С. 52–66. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-52-66; EDN: PDSMIB
9. ***Карпова, С.В.*** Финансово-экономическое поведение потребителей и его влияние на достижение целей устойчивого развития в России / С.В. Карпова, Т.В. Погодина // Финансы: теория и практика. — 2024. — Т. 28. — № 1. — С. 109–121. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-1-109-121; EDN: FMYKIY
10. ***Макар, С.В.*** Финансовое поведение как результат взаимодействия людей в социально-экономическом пространстве / С.В. Макар, А.В. Ярашева, Д.И. Марков // Финансы: теория и практика. — 2022. — Т. 26. — № 3. — С. 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168; EDN: DOFGQL
11. ***Голубева, К.А.*** Родительские практики формирования финансовой культуры молодежи столичного мегаполиса / К.А. Голубева // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. — 2022. — № 3–4. — С. 40–49. DOI: 10.26653/2076-4685-2022-3-4-04; EDN: SAGTTL
12. ***Малышаков, А. А.*** К вопросу о денежной культуре российских студентов / А.А. Малышаков // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы: материалы X Международной научно-практической конференции (Москва, 29 ноября 2024 г.) / отв. ред. А.В. Ярашева. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2025. — С. 195–199. EDN: FSUSLG

13. ***Александрова, О.А.*** Секция «Монетарные и немонетарные аспекты благополучия человека и общества в России» на X Санкт-Петербургском международном экономическом конгрессе / О.А. Александрова, А.В. Ярашева // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 239–245. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-239-245; EDN: GHSPGC

14. ***Ледянкина, И.Ю.*** Молодежь и деньги: балансирование между потребностями и сбережениями / И.Ю. Ледянкина // Научный Лидер. — 2024. — № 3(153). — С. 166–167. EDN: STDKBU

15. ***Frisancho, V.*** Can a mobile-app-based behavioral intervention teach financial skills to youth? Experimental evidence from a financial diaries study / V. Frisancho, A. Herrera, S. Prina // Journal of Economic Behavior & Organization. — 2023. — Vol. 214. — P. 595–614. — DOI : 10.1016 / j. jebo.2023.08.014; EDN: EXEKHG

16. ***Малкина, М.Ю.*** Самоуверенность, склонность к риску и склонность к недобросовестным действиям как детерминанты экономического поведения студентов / М.Ю. Малкина, Д.Ю. Рогачев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — № 2. — С. 93–119. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1881; EDN: FFLNNQ

Сведения об авторах:

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. *Контактная информация:* e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; РИНЦ SPIN-код: 4700–6733.

Марков Дмитрий Игоревич, к.соц.н., преподаватель Кафедры социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия. *Контактная информация:* e-mail: dimarkov1998@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9380-0506; РИНЦ SPIN-код: 1200–6958.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-277-288

SAVING BEHAVIOR, ATTITUDES, AND EXPECTATIONS OF RUSSIAN YOUTH

Aziza V. Yarasheva[1]*, Dmitry I. Markov[2]

[1]ISESP FCTAS RAS
(24 / 35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)
[2]Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 / 2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

**E-mail: baktriana@rambler.ru*

For citation:
Yarasheva A.V., Markov D. I Saving behavior, attitudes, and expectations of Russian youth. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 277-288. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-277-288 (in Russ.)

Abstract. *Saving behavior, as an integral part of the financial behavior of the population, representing the most traditional type of human economic activity, reflects objective material opportunities for savings and subjective attitudes (propensity to save) determined by a whole range of factors. Based on a comparative analysis of statistical data from Rosstat (2021–2025), the results of research held by the NAFI Analytical Center (2025) and the conclusions of author's sociological surveys (2022–2024), the article reveals the trends of savings activity of Russians, savings actions, attitudes and expectations of youth aged 17 to 35 years in the conditions of financial and socio-economic uncertainty. It is this age cohort of the population that is of interest to researchers and practitioners in terms of their economic activity today and in the near future. The authors identify trends in changing youth perceptions regarding: motives for accumulating money, savings goals, reliability of various financial instruments;*

the fact of a certain adaptation of youth attitudes to current economic realities is highlighted. It is concluded that Russian youth demonstrates a high index of savings and investment activity, and their savings attitudes continue to be predominantly situational. It was found that most often young people in the study period saved up «in reserve», for purchase of small household appliances and renovation of apartment or house. And among the types of savings, there is an equivalent attitude to savings: «on deposits», «in cash rubles» and «in cash foreign currency». It is shown that the choice of a particular savings goal is significantly related to the age and financial situation of the surveyed youth.

Keywords: *saving behavior, deposits, youth, attitudes, savings goals, trust, savings reliability, population.*

References and Internet sources

1. Tyurikov A.G., Kruglova E.L., Kunizheva D.A. Finansovoye povedeniye rossiyan: praktiki, modeli, effektivnyye instrumenty [Financial behavior of Russians: practices, models, and effective tools]. Finansy: teoriya i praktika [*Finance: Theory and Practice*]. 2025. Vol. 29. No. 6. P. 107–120. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-107-120 (in Russ.)
2. Esina Yu. L., Govorova E.O. Otsenka sovremennykh tendentsij sberezhenij i uchota denezhnykh sredstv u molodyozhi [Assessment of contemporary trends in savings and cash accounting among young people]. EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo [*EFS: Economy. Finance. Society*]. 2025. No. 3(15). P. 81–94. DOI: 10.24412/2782-4845-2025-15-81-94 (in Russ.)
3. Malkina M. Yu., Rogachev D. Yu. Vliyaniye tsennostej na finansovoye povedeniye studencheskoj molodyozhi [Impact of values on financial behavior of student youth]. Narodonaselenie. [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 165–179. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-165-179 (in Russ.)
4. Yarasheva A.V., Alikperova N.V., Markov D.I. Gendernyye razlichiya sberegatel'no-investitsionnykh strategij molodyozhi [Gender differences in youth savings and investment strategies]. Narodonaselenie. [*Population*]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 153–165. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.13 (in Russ.)
5. Markov D.I. Osobennosti sberegatel'noj kul'tury rossijskoj gorodskoj molodyozhi: otnosheniye k sberezheniyam i pensii [Russian urban youth's savings culture: savings and pension attitudes]. Sotsial'noye prostranstvo [*Social Area*]. 2024. Vol. 10. No. 1. DOI: 10.15838/sa.2024.1.41.5 (in Russ.)
6. Aleksandrova O.A., Borkovskaya E.I. Gotovnost' zhitelej Moskvy k finansovym otnosheniyam v formate ekonomiki sovmestnogo uchastiya [Readiness of Moscow residents for financial relations in the format of shared economy]. Narodonaselenie. [*Population*] 2025. Vol. 28. No. 2. P. 221–232. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-221-232 (in Russ.)
7. Frik O.V., Leshenko Yu. O. Issledovaniye sberegatel'nogo i investitsionnogo povedeniya studencheskoj molodyozhi finansovogo vuza [Research of the savings and investment behavior of students of a financial university]. Standarty i monitoring v obrazovanii [*Standards and Monitoring in Education*]. 2024. Vol. 12. No. 6. P. 33–39. DOI: 10.12737/1998-1740-2024-12-6-33-39 (in Russ.)
8. Shchurina S.V. Osobennosti povedeniya naseleniya na rynke sberezhenij [Peculiarities of the population's behavior in the savings market]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [*Economics, Taxes, and Law*]. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 52–66. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-52-66 (in Russ.)
9. Karpova S.V., Pogodina T.V. Finansovo-ekonomicheskoye povedeniye potrebitelej i yego vliyaniye na dostizheniye tselej ustojchivogo razvitiya v Rossii [Financial and economic behavior of consumers and its impact on the achievement of Sustainable Development Goals in Russia]. Finansy: teoriya i praktika [*Finance: Theory and Practice*]. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 109–121. DOI: 10.26794/2587-5671-20224-28-1-109-121 (in Russ.)
10. Makar S.V., Yarasheva A.V., Markov D.I. Finansovoye povedeniye kak rezul'tat vzaimodejstviya lyudej v sotsial'no-ekonomicheskom prostranstve [Financial behavior as a result of people's interaction in the socio-economic space]. Finansy: teoriya i praktika [*Finance: Theory and Practice*]. 2022. Vol. 26. No. 3. P. 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168 (in Russ.)
11. Golubeva K.A. Roditel'skiye praktiki formirovaniya finansovoj kul'tury molodyozhi stolichnogo megapolisa [Parental practices of forming the financial culture of the youth of the metropolitan

metropolis]. Nauchnoye obozreniye. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki [*Scientific Review. Series 2: Human Sciences*]. 2022. No. 3–4. P. 40–49. DOI: 10.26653/2076-4685-2022-3-4-04 (in Russ.)

12. Malshakov A.A. K voprosu o denezhnoj kul'ture rossijskih studentov. [On the issue of money culture of Russian students] Dokhody, raskhody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendentsii i perspektivy: materialy 10 Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii (Moskva, 29 noyabrya 2024 g.) [*Incomes, Expenditures and Savings of the Russian Population*: *Trends and Prospects*. Proceedings of the X international scientific and practical conference (Moscow, 29 November 2024)]. Ed. A.V. Yarasheva. Moscow. FNISTs RAN [FCTAS RAS]. 2025. P. 195–199. (in Russ.)
13. Aleksandrova O.A., Yarasheva A.V. Sektsiya «Monetarnyye i nemonetarnyye aspekty blagopoluchiya cheloveka i obshchestva v Rossii» na 10 Sankt-Peterburgskom mezhdunarodnom ekonomicheskom kongresse [Section «Monetary and nonmonetary aspects of individual and society well-being in Russia» at the X Saint-Petersburg international economic congress (SPEC-2025]. Narodonaselenie. [*Population*]. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 239–245. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-239-245 (in Russ.)
14. Ledyankina I. Yu. Molodyozh' i den'gi: balansirovaniye mezhdu potrebnostyami i sberezheniyami [Youth and money: balancing between needs and savings]. Nauchnyi Lider [*Scientific Leader*]. 2024. No. 3(153). P. 166–167 (in Russ.)
15. Frisancho V., Herrera A., Prina S. Can a mobile-app-based behavioral intervention teach financial skills to youth? Experimental evidence from a financial diaries study. [*Journal of Economic Behavior and Organization*]. 2023. Vol. 214. P. 595–614. DOI: 10.1016/j.jebo.2023.08.014
16. Malkina M. Yu., Rogachev D. Yu. Samouverennost', sklonnost' k risku i sklonnost' k nedobrosovestnym dejstviyam kak determinanty ekonomicheskogo povedeniya studentov [Self-confidence, risk and dishonesty propensity as determinants of economic behavior (On the example of students)]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*]. 2022. No. 2. P. 93–119. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1881 (in Russ.)

Information about the authors:
Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, Head of laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact Information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary SPIN-code: 4700–6733.

Markov Dmitry Igorevich, Candidate of Sociology, Lecturer at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: DIMarkov1998@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9380-0506; Elibrary SPIN-code: 1200–6958.

Статья поступила в редакцию 31.03.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-289-301
EDN: WWMCNS

ДОВЕРИЕ РОССИЯН К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ В СФЕРЕ ЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ

Федоров В.В.[1],[2], Марков Д.И.[1]*

[1]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49 / 2)
[2]Аналитический центр ВЦИОМ (119034, Россия, Москва, ул. Пречистенка, 38)

**E-mail: DIMarkov1998@yandex.ru*

Для цитирования:
Федоров В.В., Марков Д.И. Доверие россиян к искусственному интеллекту в сфере личных финансов // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 289-301. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-289-301; EDN: WWMCNS

Аннотация. *Технологии искусственного интеллекта (ИИ) уже сегодня преобразуют сферу финансов и могут помочь человеку более грамотно распоряжаться своими деньгами, однако, успех любой инновации во многом зависит от её поддержки и доверия. В статье анализируются результаты исследования, посвящённые доверию россиян к ИИ в сфере личных финансов и факторам, его обусловливающим. Эмпирическую базу работы составили результаты всероссийского опроса по вероятностной онлайн-панели (n=1617 респондентов от 18 лет и старше) и две фокус-группы со студентами Финансового университете при Правительстве РФ, имеющих занятость и высокий уровень пользования генеративным ИИ. Согласно полученным результатам, уровень доверия россиян к ИИ можно охарактеризовать как низкий — 30% декларируют готовность доверить ему хотя бы частичное управление своими финансами, и только 3% консультировались с нейросетями по вопросу управления накоплениями. Уровень доверия заметно варьируется в зависимости от возраста (чем моложе респонденты, тем чаще они готовы доверить ИИ свои деньги), и наличия сберегательной установки (среди имеющих или формирующих накопления доля готовых довериться ИИ также значимо выше). Среди субъективных факторов недоверия к ИИ в сфере личных финансов выявлены: новизна технологии, неточность и расплывчатость рекомендаций, риск потери контроля и самостоятельности в принятии решений. Сделан вывод о том, что повышение уровня доверия населения к ИИ в сфере личных финансов возможно, во-первых, при участии государства (создание этической и нормативно-правовой базы, регулирующей работу ИИ, разработка механизмов страхования на случай ошибки ИИ), во-вторых, путём «очеловечивания» ИИ, т.е. придание ему антропоморфных признаков, в-третьих, вследствие роста числа положительных примеров среди пользователей.*

Ключевые слова: *личные финансы, сбережения населения, инвестиции, искусственный интеллект, финансовая грамотность, доверие новым технологиям.*

© Федоров В.В., Марков Д.И., 2026

Искусственный интеллект (ИИ) всё глубже проникает в сферу финансов, преобразуя работу не только финансовых организаций, но и поведение потребителей финансовых услуг. ИИ-помощники становятся доступнее, что должно помочь массовому пользователю более рационально управлять своими денежными средствами. Однако использование новой технологии на финансовом рынке (и не только на нём) напрямую зависит от доверия к этой технологии[1] [1]; более того, как отмечается в докладе Банка России[2], посвящённом вопросам развития и регулирования ИИ на финансовом рынке в России и мире, внедрение концепции доверенного ИИ — один из главных трендов в этой области. В условиях неравномерного уровня финансовой грамотности среди россиян, роста масштабов мошеннических практик в цифровой, и не только, среде[3], исследования доверия к ИИ-технологиям в управлении личными финансами являются особенно актуальными: выявленные драйверы и барьеры доверия позволят, с одной стороны, сформулировать рекомендации, направленные на противодействие его злоупотреблением, а с другой — разработать более инклюзивные, прозрачные, точные, безопасные и человекоцентричные финансовые сервисы. Цель данной статьи — описать уровень доверия россиян к ИИ в сфере личных финансов, его возможные факторы и предложить направления для дальнейших исследований по этой теме.

Разработанность темы

Подробный и разносторонний обзор по вопросу доверия в цифровом обществе, в том числе применительно к российским реалиям, приводит Ю.В. Веселов [2], отмечая такие особенности и результаты цифрового доверия, как более широкий радиус, рост числа «слабых», хрупких, краткосрочных и удаленных взаимодействий, снижение издержек обмена в экономике и общения в социальном мире. При этом, автор указывает на определённую парадоксальность: несмотря на низкий у россиян уровень цифровой грамотности и аналогичный уровень доверия к цифровым технологиям, пользование ими растёт, что нередко, как показывают исследователи и регулярные обзоры и доклады ЦБ, приводит к чувствительным последствиям как для рядового обывателя, так и для общества в целом [3]. Схожую иррациональность доверия в социально-экономических отношениях, которую можно назвать культурной особенностью (например, доверие лишь ближнему окружению успешно сосуществует с доверчивостью по отношению к мошенникам, доверие к государству — с распространёнными практиками уклонения от налогообложения и др.), подчёркивает и О.А. Александрова [4]: по её мнению, преодоление этой проблемы возможно лишь при условии «создания у населения уверенности в невозможности безнаказанного злоупотребления его доверием», которая, в свою очередь, обеспечивается сложной и разветвлённой системой социальных институтов. В России на данный момент реализация подобной системы применительно к сфере высоких технологий видится скорее затруднительной в виду, как отмечает Е.В. Левина, недостатка современной технико-технологической базы и высококвалифицированных специалистов в области высоких технологий, в том числе ИИ, необходимости развития нормативной и этической базы для функционирования цифровых технологий, ограниченных инвестиций и другого [5].

Переходя от макро- к микроуровню, в исследованиях С.Г. Ушкина и Е.А. Коваль [6; 7]

[1] Доклад для общественных консультаций «Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке» // Банк России: Центральный банк Российской Федерации. — URL : https://www.cbr.ru / Content / Document / File / 156061 / Consultation_Paper_03112023.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

[2] Доклад для общественных консультаций «Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке: текущий статус и условия дальнейшего развития» // Банк России: Центральный банк Российской Федерации. — URL : https://www.cbr.ru / Content / Document / File / 185193 / Consultation_Paper_20112025.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

[3] В частности, ЦБ регулярно публикует информацию о возросших масштабах и уроне от действий мошенников, «портреты» пострадавших, о способах противодействия мошенникам подобную. Более подробно: URL: https://www.cbr.ru / information_security / pmp / ; https://www.cbr.ru / statistics / information_security / cyber_portrait / 2024 / ; https://www.cbr.ru / content / document / file / 174841 / cyberfraudcounteringnewthreats.pdf (дата обращения: 26.01.2026)).

такие технологии, как «умные» колонки и генеративный ИИ воспринимаются респондентами как бытовые приборы, помощники, «продвинутые поисковики», позволяющие повысить комфортность жизни и взять на себя определённые когнитивные функции. При этом, как отмечают исследователи, удобство и стремление использовать ИИ-девайсы «здесь и сейчас» превалирует над рефлексией о рисках конфиденциальности, снижения собственных умственных способностей, а также о том, что ИИ-ассистенты своими рекомендациями могут подталкивать пользователя к определенному поведению. Молодые люди, ввиду высокого интереса к новым возможностям, становятся одновременно и первопроходцами, и наиболее уязвимой группой [8], что требует оперативного и подконтрольного обучения основным пользовательским навыкам.

Уровень доверия к ИИ в сфере экономики и финансов можно охарактеризовать как низкий, хотя у молодёжной аудитории фиксируются более умеренные значения. По результатам Аналитического центра ВЦИОМ, в 2024 г. 13% россиян указали, что доверяют технологиям ИИ в сфере экономики, тогда как среди поколения цифры и младших миллениалов 26% и 27% соответственно (заметно больше россиян отметили, что доверяют виртуальным ИИ-помощникам — 44%, а среди молодых поколений — 69% и 66% соответственно). Аналогично, если 33% россиян считают, что использование технологий ИИ скорее повысит безопасность финансовых операций, то среди поколения цифры и младших миллениалов эта доля возрастает до 59% и 42% соответственно[4]. Можно согласиться с тезисом о том, что опыт пользования цифровыми инструментами финансовой сферы, который для молодых людей сегодня практически естественен, снижает риски недоверия экономическим транзакциям [9]. Помимо возраста (который тесно коррелирует со скоростью освоения цифровых компетенций), как демонтируют исследователи, не менее важными факторами являются пол, уровень образования, наличие детей (которые могут помочь родителям в освоении новых технологий), материальное положение, уровень финансовой и цифровой грамотности, а также жизненный опыт [10–12].

Проведенный анализ источников позволил выдвинуть следующие гипотезы. Гипотеза 1: присутствует значимая разница между поколениями по уровню готовности доверить ИИ управление деньгами. Гипотеза 2: наличие у индивида сберегательных установок значимо сказывается на его готовности доверить ИИ управление своими деньгами. Гипотеза 3: у молодых пользователей сформировалось двоякое отношение к использованию ИИ в сфере личных финансов: с одной стороны, они признают его высокий потенциал и точность рекомендаций, но, с другой — предпочли бы самостоятельно распоряжаться своими деньгами и нести ответственность за свои решения.

Методология исследования

В рамках данной работы под ИИ мы будем понимать, в первую очередь генеративный ИИ или нейросети, к которым, в отличие от традиционного ИИ, ориентированного на решение более специализированных задач, чаще всего обращаются пользователи для решения повседневных задач (например, к «Алиса AI», Chat GPT и другие). Доверие к ИИ в сфере личных финансов мы будем определять, как готовность человека передать ИИ полное или частичное управление имеющимися у него деньгами / сбережениями. Причём управление может осуществляться как непосредственно ИИ, так, и опосредовано, то есть через следование пользователя его советам.

Эмпирическую базу работы составили: во-первых, результаты исследования, реализованного 2–3 октября 2025 г. методом формализованного онлайн-интервью на базе вероятностной панели «ВЦИОМ-онлайн» (выборка репрезентирует население

[4] Более подробные результаты см. в пресс-релизе АЦ ВЦИОМ «Пределы доверия: естественный интеллект — об искусственном». — URL : https://wciom.ru / analytical-reviews / analiticheskii-obzor / predely-doverija-estestvennyi-intellekt-ob-iskusstvennom (дата обращения: 26.01.2026).

России в возрасте от 18 лет и старше; объем — 1617 респондентов из 83 регионов России; предельная погрешность — 3,1% при доверительной вероятности 95%). Респондентам предлагалось ответить на два содержательных вопроса, связанных а) с готовностью доверить ИИ свои деньги; б) с актуальными практиками консультирования по поводу формирования накоплений (одним из источников консультации респонденты могли выбрать и ИИ / нейросети). Анализ данных проводился в программе IBM SPSS Statistics ver. 23; для выявления взаимосвязей между переменными использовались критерий Хи-квадрат и стандартизованные остатки, а для выявления значимых различий между группами — z-тест с поправкой Бонферрони (чтобы избежать ошибки в расчётах из-за множественных сравнений).

Во-вторых, результаты двух фокус-групп (7 участников в каждой), проведённых в декабре 2025 г. со студентами Финансового университета при Правительстве РФ старших курсов обучения, имеющих занятость и высокий уровень владения ИИ[5]. При этом участникам дискуссии предлагалось ответить не только на проективные вопросы (чтобы выявить общее отношение к возможностям ИИ в сфере личных финансов), но и сформулировать прогноз развития ИИ в этой сфере на перспективу 10–15 лет. Данные анализировались методом открытого кодирования.

Результаты исследования

Согласно результатам опроса половина россиян имеют сбережения: 15% пополняют свои накопления регулярно, 23% — иногда, и 12% не пополняют; каждый пятый (20%) декларирует, что ещё только копит, хотя самих сбережений не имеет, и у каждого четвертого (26%) какие-либо сбережения вообще отсутствуют; 4% затруднились ответить на вопрос. На наличие у себя сбережений и возможность их пополнения заметно чаще указывают самые молодые респонденты поколения цифры (60%), в группе с высокими потребительскими возможностями (87%), а также проживающие в городах-мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге (61%).

Уровень доверия россиян к ИИ в части управления деньгами можно охарактеризовать как низкий: при ответе на соответствующий вопрос[6] лишь 2% указали, что готовы передать ИИ полное управление, а 28% — частичное; не стали бы вообще доверять ИИ 61%, и 9% затруднились с выбором. Значимо чаще о готовности доверить ИИ хотя бы частичное управление своими деньгами декларируют мужчины (34%), те, кто имеет или ещё формирует сбережения (34%), и молодые поколения, особенно представители поколения цифры (51%) (табл. 1). Говоря о практиках, большинство опрошенных россиян (72%) в 2025 г. ни к кому не обращались за советом о том, как копить деньги и какие инструменты для этого лучше использовать, причём каждый третий в принципе не выразил интереса к подобным консультациям в будущем, а каждый четвертый искал нужную информацию самостоятельно. Советовались с ближним окружением, специалистами банка или ИИ только 19%, 8% и 3% соответственно. (табл. 2).

Чем моложе поколение, тем больше доля консультировавшихся: так, среди младших миллениалов четверть советовались с ближним окружением и треть — среди поколения цифры; более того, среди последних почти каждый десятый обращался за советом к нейросетям. Такие различия, вероятно, обусловливаются ещё небольшим жизненным опытом и открытостью к новым технологиям. Аналогично, среди имеющих или формирующих сбережения доля

[5] Под высоким уровнем владения ИИ в данном исследовании понимается наличие у респондентов знаний и навыков о том, как использовать ИИ в качестве инструмента для решения практический задач: например, написать рабочий код компьютерной программы, подготовить техническое задание проекта, расшифровать аудио и видео-сообщение, написать музыку или даже, делегировать ИИ заполнение социологической анкеты (предварительно сообщив ИИ всю необходимую информацию о себе).

[6] Полная формулировка вопроса: «Сейчас появляются новые технологии – искусственный интеллект. Это специальные компьютерные программы, которые могут сами анализировать информацию и предлагать решения. В том числе в сфере финансов. Вы бы доверили или нет искусственному интеллекту управлять Вашими деньгами?».

Таблица 1

Доля россиян готовых хотя бы частично доверить ИИ управление своими деньгами

Table 1

Percentage of Russians willing to at least partially entrust AI with managing their money

Признаки и группы	Процент
В целом по выборке	30
Пол (χ^2; p = 0,002)	
A. Мужчины	34*B
B. Женщины	26
Поколение/возраст (χ^2; p = 0,000)	
A. Поколение цифры (2001 г.) – 18-23 года	51*C, D, E, F
B. Младшие миллениалы (1992-2000) – 24-32 года	36 E
C. Старшие миллениалы (1982-1991) – 33-42 года	34 E
D. Реформенное поколение (1968-1981) – 43-56 лет	33 E
E. Поколение застоя (1948-1967) – 57-72 года	17**
F. Поколение оттепели (До 1947) – 73+ лет	19
Сберегательная установка (χ^2; p = 0,000)	
A. Ещё копят или имеют сбережения	34*B
B. Не копят и нет сбережений	20**

Примечание: анализировалась дихотомическая переменная: варианты ответа «*доверил бы полностью*» и «*доверил бы частично*» закодированы как 1, а «*не доверил бы*» и «*затрудняюсь ответить*» как 0. Здесь и в табл. 2 «*»обозначены доли ответов, которые респонденты указывали значимо чаще ожидаемого, чем, если бы связь между признаками отсутствовала (стандартизованные остатки больше 2,0); «**» обозначены доли ответов, которые респонденты указывали значимо реже ожидаемого, чем, если бы связь между признаками отсутствовала (стандартизованные остатки меньше -2,0); нижние индексы A, B, C присвоены тем значениям, которые статистически значимо выше, чем в группах A, B, C, при уровне значимости p=0,05 и ниже, например, доля готовых доверить ИИ управление своими деньгами среди поколения цифры значимо больше аналогичной доли у поколений старших миллениалов, реформенного, застоя и оттепели.

Источник: составлено авторами.

консультирующихся по вопросам накоплений с каждым из предложенных источников статистически значимо выше, чем среди тех, кто не имеет сбережений и не копит (в сумме 31% против 19% соответственно); обращались к нейросетям — 4% против 2% соответственно. Можно заключить, что наличие сберегательной установки способствует поиску новых инструментов и способов управления деньгами. Примечательно, что высокодоходные и низкодоходные группы по этому показателю практически не различаются (27% среди хорошо оценивающих свои потребительские возможности и 26% среди плохо оценивающих), за тем исключением, что первые значимо чаще ищут информацию про накопления самостоятельно (35% против 17%), а вторые — чаще декларируют полное отсутствие интереса к этой теме (32% в группе с хорошими потребительскими возможностями против 42% в группе с плохими).

Значимые различия по полу также присутствуют: мужчины реже консультируются с ближним окружением (16% против 22% среди женщин) и специалистами банка (5% против 10%), несколько чаще с брокерами (3% против 1%) и чаще самостоятельно ищут нужную информацию (27% против 21%); разница в обращении к нейросетям отсутствует (3% против 2%).

Результаты фокус-групп со студентами оказались более пессимистичными: ни один из респондентов не доверил бы ИИ управление своими деньгами. Несмотря на то, что сферы использования студентами генеративного ИИ крайне разнообразны — начиная с подготовки к экзаменам

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «За последний год Вы советовались с кем-нибудь, как правильно копить деньги или где лучше хранить накопления? Если да, то с кем именно?», в % от опрошенных, любое количество ответов

Table 2

Answers to the question « Over the past year, have you consulted anyone about saving money or where to keep your savings? If so, who?», in % of respondents, any number of responses

Варианты ответа / Response options	В целом/ Total	Поколения / Generations					
		A. Поколение цифры (2001 г.)	B. Младшие миллениалы (1992-2000)	C. Старшие миллениалы (1982-1991)	D. Реформенное поколение (1968-1981)	E. Поколение застоя (1948-1967)	F. Поколение оттепели (До 1947)
		18-23 года	24-32 года	33-42 года	43-56 лет	57-72 года	73+ лет
Да, с родственниками, друзьями, знакомыми (χ^2; p = 0,000)	19	38*C, D, E, F	28*D, E, F	19	15**	17	5**
Да, со специалистом банка (χ^2; p = 0,000)	8	7	4	5	7	12*B, C	13
Да, с искусственным интеллектом, нейросетями (χ^2; p = 0,000)	3	9*D, E	3 E	5*E	3 E	0**	0
Да, с брокером (χ^2; p = 0,907)	2	2	1	1	2	2	0
Да, с частным финансовым консультантом (χ^2; p = 0,805)	1	3	1	1	2	1	0
Другое (χ^2; p = 0,206)	1	2	3	1	0	1	2
Нет, но самостоятельно искал информацию в Интернете, профильной литературе (χ^2; p = 0,013)	24	14**	27	23	28 A	21	31
Нет, ни к кому не обращался, но хотел бы (χ^2; p = 0,003)	10	15	11	14*E	11	6**	5
Нет, ни к кому не обращался, и не хотел бы (χ^2; p = 0,001)	35	22**	27	35	34	41*A, B	35
Затрудняюсь ответить (χ^2; p = 0,270)	3	2	2	3	4	3	9*

Примечание: каждый вариант ответа анализировался как дихотомическая переменная.

Источник: составлено авторами.

и проверки орфографии в тексте и деловых письмах, заканчивая целеполаганием в различных сферах жизни (например, составлением планов питания и тренировок), обращением за психологической / мотивационной поддержкой и даже написанием сценариев к непонравившимся финалам сериалов, — никто из них не консультируется с ним по вопросам управления бюджетом, выбору вкладов и кредитов, покупки различных активов или инвестированию. Тем не менее, важно отметить, что такие попытки были, но студенты скептично отнеслись к полученному результату: советы нейросетей не отличались конкретикой, новизной, а в отдельных случаях были спорными и неубедительными («*Например, ИИ предлагает купить мне палладий, хотя, учитывая спрос на строительство серверов, производство видеокарт и чипов, нужно вкладываться в медь, кремний, да даже в серебро и золото, которые сейчас активно растут. Это не логично, неубедительно*»; «*Он предложил мне откладывать 10% с каждой стипен-*

дии / зарплаты, но об этом в любой книжке написано»)[7]. Отдельные участники фокус-групп добавили, что ИИ в принципе не может предложить «рабочую» финансовую стратегию, иначе «*каждый бы уже был миллионером, а на финансовом рынке и в экономике — начался кризис*».

В этой связи, ожидаемо, что студенты осторожно отнеслись к идее делегировать ИИ управление своими сбережениями: с одной стороны, они признают наличие таких возможностей, как: а) изучение основ финансовой грамотности; б) снижение порога вхождения на рынок инвестиций, особенно для тех, кто не имеет достаточных для этого знаний, навыков и уверенности; в) минимизация человеческого фактора при выборе «новичком» финансовых продуктов; г) диверсификация инвестиций, так как рядовой пользователь, скорее всего, не знает о многих имеющихся на рынке выгодных и социально-полезных активах / проектах («*Для тех, кто вообще не разбирается в финансовых продуктах, чего-то боится, ИИ может стать хорошей стартовой точкой, особенно если лень что-то искать самому. Но всё равно, надо критически воспринимать информацию*»). С другой стороны, студенты подчёркивают следующие риски: а) ввиду того, что технология относительно новая, это, во-первых, не исключает ошибок со стороны самого ИИ, а во-вторых, создаёт благоприятную почву для финансовых мошенников («*Пока обычные люди разобрались, что такое биткоин, очень многих развели мошенники. Точно так же может быть и с ИИ — прошел не по той ссылке, и он тебе советует передать деньги курьеру*»); б) незначительная ошибка в команде / промпте может существенно повлиять на то, какую финансовую стратегию предложит / будет использовать ИИ; в) потеря самостоятельности в принятии финансовых решений («*Не исключено, что он будет вкладываться в инструменты, в которые ему скажет вкладываться государство, например в производство «Лады» или в программу долгосрочных сбережений*»); г) наличие скрытых комиссий («*Вдруг он будет какую-то часть прибыли с моих денег забирать для своего разработчика*»). Отдельные участники отметили, что в проводимых соревнованиях по инвестированию большинство нейросетей показывали отрицательную доходность.

Студенты предложили следующие направления повышения доверия молодёжи к ИИ в сфере личных финансов: во-первых, это разработка специализированных ИИ-технологий, нацеленных на решение именно финансовых задач, и создание нормативно-правовой базы, которая регулировала бы их работу с денежными средствами пользователей, определяла перечень безопасных промптов и предусматривала аналогичные системе страхования вкладов механизмы на случай потери активов из-за ошибки ИИ. Во-вторых, «очеловечивание» ИИ, которое включает в себя и наличие аватара с человеческими чертами (именем, голосом, лицом и т.п.)[8], и упоминание имён разработчиков («*Нужно показать, что за ИИ всегда стоит человек*»), и возможность переключиться на компетентного в финансовых вопросах оператора-человека, способного верифицировать рекомендацию ИИ, а также большое число успешных примеров не только среди амбассадоров, с которыми молодые люди могут себя ассоциировать, но и среди обычных пользователей. В частности, студенты, принявшие участие в фокус-группах, декларировали, что готовы доверять советам и мнению человека из ближнего окружения или финансового специалиста, использующего ИИ («*Даже если мама предварительно уточнила что-то у ИИ, я все равно ей поверю, потому что у неё большой жизненный опыт, и она редко ошибается*»; «*Если финансовый консультант умеет грамотно работать с ИИ (а не пересылать мне то, что ему ответил ИИ), то это только плюс*»; «*Обсуждая такие важные вопросы я, прежде всего, хочу видеть перед собой человека*»).

[7] Здесь и далее курсивом в кавычках обозначаются комментарии участников фокус-групп.

[8] Согласно аналитическому центру НАФИ, 79% россиян в возрасте от 18 до 55 лет нравится, когда у ИИ-ассистента есть определённый стиль общения, чувство юмора, «личность». – URL : https://nafi.ru / polls / 82-rossiyan-schitayut-vazhnym-chtoby-neyroseti-ponimali-kulturnyy-kod- / (дата обращения: 02.08.2026).

Студенты затруднились дать чёткий прогноз развития ИИ в сфере личных финансов, ссылаясь на быстрое развитие технологий («*За такой промежуток времени может произойти всё что угодно*»). Однако они уверены, что профессия финансового консультанта не исчезнет, но такая услуга станет элитарной («*Думаю, что в будущем финансовые консультации, как и услуги образования и медицины, оказываемые ИИ, будут доступны всем, но богатые люди продолжат обращаться к людям*»; «*ИИ будет помогать бедному человеку дойти до базового минимума, а дальше он сам*»). В этой связи, можно заключить, что третья выдвинутая нами гипотеза отчасти подтвердилась: молодые пользователи не только пока не готовы доверить ИИ свои деньги, но и сомневаются в его компетентности в сфере личных финансов, особенно, если это касается узких тем и вопросов.

Обсуждение

Вопрос низкого уровня доверия населения к ИИ в сфере личных финансов, во многом уходит в проблему адаптации, и даже страха перед новыми, революционным технологиями. Так, когда мы просили студентов (ещё раз подчеркнем, имеющих достаточно большой и разнообразный опыт пользования нейросетями), объяснить, что такое ИИ, они чаще всего упоминали его скорость работы, поисковые возможности и «магию автоматизации» рутинных процессов (в том числе делать выжимку из больших объёмов информации), ограниченные возможностями устройства / сервера и имеющимися в общем доступе данными[9]. При этом, большинство участников фокус-групп солидарны, что качество работы ИИ нередко оставляет желать лучшего («*Он напоминает мне ленивца из мультфильма «Ледниковый период», который постоянно косячит*»), а его регулярное и бесцельное использование может привести к атрофии образного мышления и воображения, навыков поиска и осмысления информации и даже потери субъектности; как отметила одна из участниц: «*Не исключаю, что в таком случае ИИ одомашнит человека, как человек когда-то давно одомашнил волка*». В качестве наиболее подходящего иллюстрирующего образа для ИИ студенты предложили ворону или сову — птиц, которые сложны в дрессировке, особенно в отсутствие необходимых у дрессировщика опыта и навыков. Не удивительно, что когда речь заходит о передаче ИИ такой важной (и чаще дефицитной, особенно у студентов) в жизни молодого человека вещи как деньги, то он воспринимает эту идею «в штыки». Можно предположить, что чем выше навык пользования нейросетями, тем ниже уровень доверия к ним в сфере личных финансов. Однако, как указали и сами студенты, ИИ-технологии развиваются невероятно быстро, а значит обозначенные, и не только эти проблемы могут быть разрешены в самом скором времени. Тогда ситуация кардинально изменится: опытные пользователи смогут извлекать из нейросетей значимую выгоду.

Полученные результаты согласуются с выводами последних зарубежных исследований. В частности, E. Hermann и M. Alberhasky отмечают, что потребители финансовых услуг охотнее следует советам своих близких, чем советам ИИ; но примечательно, что уровень доверия останется таким же высоким, даже если вскроется, что близкий человек предварительно проконсультировался с ИИ [13]. В статье «Not all AI is created equal…» («Не весь ИИ одинаков…») M. Zehnle, C. Hildebrand и A. Valenzuela демонстрируют, что не только контекст и продолжительность использования, но даже название ИИ может снизить уровень недоверия (так, ИИ, которые ассоциируются у пользователей с роботами, гораздо чаще получают отрицательные реакции, чем ИИ, ассоциируемые с помощниками, системами или алгоритмами) [14]. Или же, как установили североамериканские исследователи N. Castelo, M.W. Bos, D.R. Lehmann, придание

[9] Первый содержательный вопрос на фокус-группе звучал следующим образом: «Начнём нашу беседу с небольшой задачи: представьте, что прибыл сюда с другой планеты, и очень хочу узнать, что такое искусственный интеллект, и как им можно пользоваться в повседневной жизни и рабочих буднях. Пожалуйста, объясните пришельцу-попаданцу, что такое ИИ, на моей планете такого нет»

ИИ антропоморфных признаков положительно способствует частоте его использования в решении тех задач, которые обычно делегируются человеку [15]. Можно предположить, что в зависимости от элементов интерфейса ИИ-консультанта по финансам — его имени, голоса, манеры общения и пр., — уровень доверия и готовность делегировать ему хотя бы частичное управление деньгами будет значимо варьироваться.

Согласно результатам ВЦИОМ, в июне 2026 г. почти 18% россиян декларировали, что хотя бы раз в своём опыте консультировались с нейросетями по банковским продуктам, налогам, инвестициям, управлению своим бюджетом[10], однако данные о регулярности таких практик и удовлетворённости результатами отсутствуют. В соответствии с кривой Роджерса, можно ожидать, что даже если неудовлетворенные советами ИИ пользователи будут реже или вовсе перестанут к нему обращаться с этой задачей (как это было в случае с опрошенными студентами), по мере роста возможностей каждой последующей версии ИИ, аудитория будет расти.

Всё это открывает большие перспективы для дальнейшего исследования темы: от сравнения по широкому набору критериев различных ИИ-помощников, присутствующих на отечественном рынке, до определения сферы использования и точной доли свободных денежных средств, управление которой пользователи готовы передать ИИ. Наиболее важными являются вопросы, касающиеся доли участия ИИ в диалоге между финансовым консультантом и его клиентом, возникновения новых форм неравенства, обусловленных доступностью передовых ИИ-моделей, а также сохранения финансовой субъектности пользователя. В долгосрочной перспективе видится актуальным мониторинг источников, к которым обращаются россияне при принятии финансовых решений, в частности, формирования накоплений и их распоряжением.

[10] Более подробные результаты см. в пресс-релизе ВЦИОМ «Нейросети в нашей жизни». – URL : https://wciom.ru / analytical-reviews / analiticheskii-obzor / neiroseti-v-nashei-zhizni (дата обращения: 02.08.2026).

* * *

Результаты проведённого исследования позволяют заключить, что уровень доверия россиян к ИИ в сфере личных сбережений — скорее низкий, чем умеренный. При этом, он значимо варьируется в зависимости от возраста и наличия сберегательной установки: молодые поколения, а также те, кто имеет или ещё формирует накопления чаще симпатизируют использованию нейросетей, как с точки зрения декларируемой готовности доверить им частичное управление своими финансами, так и с точки зрения реальных практик консультирования с ними в течение последнего года. Субъективными барьерами доверия к ИИ в сфере личных финансов следует отнести а) новизну технологии; б) неточность и расплывчатость рекомендаций (данная проблема быстро разрешается); в) риск потери контроля и самостоятельности в принятии решений. Все три гипотезы исследования подтвердились. Изменить сложившуюся ситуацию возможно, во-первых, при участии государства (создание этической и нормативно-правовой базы, регулирующей работу ИИ, разработка механизмов страхования на случай ошибки ИИ), во-вторых, путем «очеловечивания» ИИ, в-третьих, за счёт роста числа положительных примеров среди пользователей и амбассадоров технологии.

Литература и Интернет-источники

1. ***Абрамова, М.А.*** Перспективы внедрения цифрового рубля в денежный оборот России: атрибуты и принципы формирования доверенной цифровой среды/М.А. Абрамова, Н.Н. Куницына, Е.И. Дюдикова // Финансы: теория и практика. — 2023. — Т. 27. — № 4. — С. 6–16. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16; EDN: KXSALM
2. ***Веселов, Ю.В.*** Доверие в цифровом обществе/Ю.В. Веселов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2020. — Т. 13. — № 2. — С. 129–143. DOI: 10.21638/spbu12.2020.202; EDN: LHOYYS
3. ***Ревенков, П.В.*** Фишинговые схемы в банковской сфере: рекомендации пользователям интернета по защите и разработка задач регулирования/П.В. Ревенков, К.Р. Ошманкевич, А.А. Бердюгин // Финансы: теория и практика. — 2021. — Т. 25. — № 6. — С. 212–226. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-6-212-226; EDN: NMLMJW
4. ***Александрова О.А.*** Обеспечение атмосферы доверия как условие экономического развития/О.А. Александрова // Экономическое возрождение России. — 2019. — № 3(61). — С. 71–81. EDN: AYQIIY
5. ***Левина, Е.В.*** Вопросы прогнозирования перспектив развития феномена доверия субъектов экономики к интеллектуальным технологиям/Е.В. Левина // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Т. 13. — № 8. — С. 2765–2782. DOI: 10.18334/epp.13.8.118583; EDN: RHBMBN
6. ***Ушкин, С.Г.*** Алиса, ты следишь за мной? Восприятие конфиденциальности в нарративах пользователей «умных» колонок/С.Г. Ушкин, Е.А. Коваль // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2023. — № 3(175). — С. 23–40. DOI: 10.14515/monitoring.2023.3.2314; EDN: ECXFOV
7. ***Ушкин С.Г.*** Практики использования чат-ботов с искусственным интеллектом российскими подростками/С.Г. Ушкин, Е.А. Коваль // Социология науки и технологий. — 2024. — Т. 15. — № 4. — С. 124–141. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-4-124-141; EDN: PELCEY
8. ***Ярашева, А.В.*** Особенности кредитного поведения молодёжи России: тенденции и риски/А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова, Д.И. Марков // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 170–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14; EDN: PEPDXL
9. ***Карапетян, Р.В.*** Доверие к цифровым инструментам финансовой сферы: экономико-социологический подход/Р.В. Карапетян, С. А.Р. Карапетян // Экономика и управление. — 2022. — Т. 28. — № 2. — С. 122–131. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-2-122-131; EDN: VRJFPM
10. ***Ярашева, А.В.*** Гендерные различия сберегательно-инвестиционных стратегий молодёжи/А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова, Д.И. Марков // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 153–165. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.13; EDN: HZSMIE
11. ***Макар, С.В.*** Финансовое поведение как результат взаимодействия людей в социально-экономическом пространстве/С.В. Макар, А.В. Ярашева, Д.И. Марков // Финансы: теория и практика. — 2022. — Т. 26. — № 3. — С. 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168; EDN: DOFGQL
12. ***Крылова, Л.В.*** Криптовалюты vs цифровые валюты центральных банков: роль финансовой грамотности населения/Л.В. Крылова, И.В. Лукашенко // Финансы: теория и практика. — 2022. — Т. 26. — № 5. — С. 220–232. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-5-220-232; EDN IOFETC
13. ***Hermann, E.*** The Trusted Partner for financial decision making: Romantic partner or AI?/E. Hermann, M. Alberhasky // Computers in Human Behavior. — 2026. — Vol. 177. DOI: 10.1016/j.chb.2025.108877
14. ***Zehnle, M.*** Not all AI is created equal: A meta-analysis revealing drivers of AI resistance across markets, methods, and time/M. Zehnle, Ch. Hildebrand, A. Valenzuela // International Journal of Research in Marketing. 2025. — Vol. 42. — No. 3. — Part B — P. 729–751. DOI: 10.1016/j.ijresmar.2025.02.005
15. ***Castelo, N.*** Task-Dependent Algorithm Aversion./N. Castelo, M.W. Bos, D.R. Lehmann // Journal of Marketing Research. 2019. — Vol. 56. — No. 5. — P. 809–825. DOI: 10.1177/0022243719851788

Сведения об авторах:
Федоров Валерий Валерьевич, к.полит.н., генеральный директор, Аналитический центр ВЦИОМ; декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
Контактная информация: e-mail: fedorov@wciom.com, ORCID: 0000-0002-0749-4475; РИНЦ SPIN-код: 8419–3106.

Марков Дмитрий Игоревич, к.соц.н., преподаватель Кафедры социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: dimarkov1998@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9380-0506; РИНЦ SPIN-код: 1200–6958.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-289-301

RUSSIANS' TRUST IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PERSONAL FINANCE

Valery V. Fedorov[1,2], Dmitry I. Markov[1]*

[1]Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)
[2]Analytical Center VCIOM (38 Prechistenka str., Russia, Moscow, 119034)

**E-mail: DIMarkov1998@yandex.ru*

For citation:
Fedorov V.V., Markov D.I. Russians' trust in artificial intelligence in personal finance. Narodonaselenie [*Population*]. 2025. Vol. 29. No. 3. P. 289-301. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-289-301 (in Russ.)

Abstract. *Artificial intelligence technologies are already transforming the financial sector and have the potential to help individuals manage their finances more effectively. However, the success of any innovation largely depends on public support and trust. The article analyses the results of a study dedicated to the level of Russians' trust in AI in the sphere of personal finance and the factors that determine it. The empirical basis of the research consists of: data from a nationwide survey conducted via a probabilistic online panel (respondents aged 18 and older); two focus groups with students from the Financial University under the Government of the Russian Federation who are employed and demonstrate a high level of engagement with generative AI. The findings indicate that the level of Russians' trust in AI is relatively low: 30% of respondents declare their willingness to entrust AI with at least partial management of their finances; only 3% have consulted neural networks regarding the management of their savings. Trust levels vary significantly depending on: age (younger respondents are more likely to entrust their money to AI); savings orientation (those who already have savings or are in the process of building them show a significantly higher willingness to trust AI). The study identifies several subjective factors contributing to distrust in AI within personal finance, including: the novelty of the technology; the imprecision and vagueness of AI recommendations; the perceived risk of losing control and autonomy in decisionmaking. The research concludes that increasing public trust in AI for personal finance — especially among young people — is possible through the following measures: state involvement, including the creation of an ethical and regulatory framework governing AI operations, as well as the development of insurance mechanisms to cover potential AI errors; «humanizing» AI, i.e., endowing it with anthropomorphic features to make it more relatable and trustworthy; increasing the number of positive user experiences, thereby building a track record of successful AI applications in personal finance.*

Keywords: *personal finance, household savings, investments, artificial intelligence, financial literacy, trust in new technologies.*

References and Internet sources

1. Abramova M.A., Kunitsyna N.N., Dyudikova E.I. Perspektivy vnedreniya tsifrovogo rublya v denezhnyj oborot Rossii: atributy i printsipy formirovaniya doverennoj tsifrovoj sredy [Prospects for the incorporation of the digital ruble into Russia's monetary turnover: attributes and principles for developing a trusted digital environment]. Finansy: teoriya i praktika [*Finance: Theory and Practice*]. 2023. Vol. 27. No. 4. P. 6–16. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-4-6-16 (in Russ.)
2. Veselov Yu. V. Doveriye v tsifrovom obshchestve [Trust in a digital society]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. [*Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*]. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 129–143. DOI 10.21638/spbu12.2020.202 (in Russ.)
3. Revenkov P.V., Oshmankevich K.R., Berdyugin A.A. Fishingovyye skhemy v bankovskoj sfere: rekomendatsii pol'zovatelyam interneta po zashchite i razrabotka zadach regulirovaniya [Phishing schemes in the banking sector: Recommendations to Internet users on protection and development of regulatory tasks]. Finansy: teoriya i praktika [*Finance: Theory and Practice*]. 2021. Vol. 25. No. 6. P. 212–226. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-6-212-226 (in Russ.)
4. Aleksandrova O.A. Obespecheniye atmosfery doveriya kak usloviye ekonomicheskogo razvitiya [Providing the atmosphere of trust as a condition of economic development]. Ekonomicheskoyye vozrozhdeniye Rossii [*The Economic Revival of Russia*]. 2019. No. 3. P. 71–81. (in Russ.)
5. Levina E.V. Voprosy prognozirovaniya perspektiv razvitiya fenomena doveriya sub»ektov ekonomiki k intellektual'nym tekhnologiyam [The issues of forecasting the prospects for the development of the phenomenon of trust of economic entities in intellectual technologies]. Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [*Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*]. 2023. Vol. 13. No. 8. P. 2765–2782. DOI 10.18334/epp.13.8.118583 (in Russ.)
6. Ushkin S.G., Koval E.A. Alisa, ty sledish' za mnoj? Vospriyatiye konfidentsial'nosti v narrativakh pol'zovatelej «umnykh» kolonok [Alice, are you following me? Perception of confidentiality in the narratives of smart speaker users]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*]. 2023. No. 3. P. 23–40. DOI 10.14515/monitoring.2023.3.2314 (in Russ.)
7. Ushkin S.G., Koval E.A. Praktiki ispol'zovaniya chat-botov s iskusstvennym intellektom rossijskimi podrostkami [Practices of using chatbots with artificial intelligence by Russian teenagers]. Sotsiologiya nauki i tekhnologij [*Sociology of Science and Technology*]. 2024. Vol. 15. No. 4. P. 124–141. DOI 10.24412/2079–0910–2024–4–124–141 (in Russ.)
8. Yarasheva A.V., Alikperova N.V., Markov D.I. Osobennosti kreditnogo povedeniya molodyozhi Rossii: tendentsii i riski [Features of credit behavior of Russiaт youth: trends and risks]. Narodonaselenie [*Population*]. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 17–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14 (in Russ.)
9. Karapetyan R.V., Karapetyan S.R. Doveriye k tsifrovym instrumentam finansovoj sfery: ekonomiko-sotsiologicheskij podhod [Trust in digital financial instruments: an economic-sociological approach]. Ekonomika i upravleniye [*Economics and Management*]. 2022. Vol. 28. No. 2 P. 122–131. DOI 10.35854/1998–1627–2022–2–122–131 (in Russ.)
10. Yarasheva A.V., Alikperova N.V., Markov D.I. Gendernyye razlichiya sberegatel'no-investitsionnykh strategij molodyozhi [Gender differences in youth savings and investment strategies]. Narodonaselenie [*Population*]. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 153–165. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.13 (in Russ.)
11. Makar S.V., Yarasheva A.V., Markov D.I. Finansovoye povedeniye kak rezul'tat vzaimodejstviya lyudej v sotsial'no-ekonomicheskom prostranstve [Financial behavior as a result of people's interaction in the socio-economic space]. Finansy: teoriya i praktika [*Finance: Theory and Practice*]. 2022. Vol. 26 No. 3. P. 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168 (in Russ.)
12. Krylova L.V., Lukashenko I.V. Kriptovalyuty vs tsifrovye valyuty tsentral'nykh bankov: rol' finansovoj gramotnosti naseleniya [Cryptocurrencies vs Central Banks' digital currencies: The role of financial literacy]. Finansy: teoriya i praktika [*Finance: Theory and Practice*]. 2022. Vol. 26. No. 5. P. 220–232. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-5-220-232 (in Russ.)

13. Hermann E., Alberhasky M. The Trusted partner for financial decision making: Romantic partner or AI? *Computers in Human Behavior*. 2026. Vol. 177. DOI: 10.1016/j.chb.2025
14. Zehnle M., Hildebrand C., Valenzuela. A. Not all AI is created equal: A meta-analysis revealing drivers of AI resistance across markets, methods, and time. *International Journal of Research in Marketing*. 2025. Vol. 42. No. 3, Part B.P. 729–751. DOI: 10.1016/j.ijresmar.2025.02.005
15. Castelo N., Bos M.W., Lehmann D.R. Task-dependent algorithm aversion. *Journal of Marketing Research*. 2019. Vol. 56. No. 5. P. 809–825. DOI: 10.1177/0022243719851788.

Information about the authors:
Fedorov Valery Valerievich, Candidate of Political Science, CEO of the Analytical Center VCIOM, Moscow, Russia; Dean of Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: fedorov@wciom.com, ORCID: 0000-0002-0749-4475; Elibrary SPIN-code: 8419–3106.

Markov Dmitry Igorevich, Candidate of Sociology, Lecturer at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Contact information: e-mail: DIMarkov1998@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9380-0506; Elibrary SPIN-code: 1200–6958.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-302-322
EDN: VPIKHP

ДИНАМИКА ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ НАСЕЛЕНИЯ РСФСР И СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК ПО ПРОДУКТАМ ПИТАНИЯ С 1970 ПО 1990 ГОДЫ

Пилипенко И.В.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24 / 35, корп. 5)
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5)

E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

Финансирование:
Исследование выполнено за счёт гранта РНФ (проект № 23–18–00249) «Жизненный уровень населения России в XX — начале XXI в. по традиционным и альтернативным показателям». — URL : https://rscf.ru/project/23–18–00249/

Для цитирования:
Пилипенко И.В. Динамика покупательной способности заработных плат населения РСФСР и союзных республик по продуктам питания с 1970 по 1990 годы // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 3. — С. 302-322. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-302-322; EDN: VPIKHP

Аннотация. *В статье рассматривается проблема оценки уровня и динамики жизни населения РСФСР, других союзных республик и СССР в целом через расчёт изменений в покупательной способности заработных плат населения по отношению к продуктам питания для 1970, 1975, 1980, 1985 и 1988–1990 годов. Для проведения исследования автором была составлена база данных цен на продовольственные товары и значений среднемесячной номинальной заработной платы рабочих и служащих, а также колхозников из более чем 70 сборников союзных и республиканских статистических органов в период 1970–1990 годов. Использовались данные о ценах по 20 продовольственным товарам в государственной и кооперативной торговле для шести союзных республик; результаты обследования семейных бюджетов рабочих и служащих, а также колхозников в 15 республиках о ценах покупок 27 продуктов питания в 1975, 1980, 1985 и 1988 гг.; результаты авторских расчётов средних цен по 12 товарным группам с учётом товарной структуры розничного товарооборота и объёма продаж продуктов питания в 12 союзных республиках. На основе этих данных было рассчитано количество продовольственных товаров, которые можно было приобрести на среднемесячную зарплату в каждой из 15 союзных республик через промежутки в пять лет в указанный временной период. В работе представлены результаты сравнение цен в государственной и кооперативной торговле с ценами, полученными в авторских расчётах и через бюджетные опросы, уровень и динамика цен по различным группам продуктов питания, по всем союзным республикам. Также проведено сравнение цен покупок семьями рабочих и служащих, с одной стороны, и колхозников, с другой стороны. Показано, что покупательная способность заработных плат населения в период 1970–1990 гг. выросла в РСФСР и во всех остальных союзных республиках по большинству продовольственных товаров/групп товаров за счёт опережающего роста номинального размера заработных плат по сравнению с ценами на продукты питания.*

Ключевые слова: *цены, покупательная способность, заработная плата, уровень жизни, продукты питания, продовольственные товары, союзная республика, СССР, РСФСР.*

© Пилипенко И.В., 2026

Введение

Исследования проблемы динамики уровня жизни населения и оплаты труда в России в рамках плановой и рыночной экономики являются важными по ряду причин. Соревнование двух систем в мировой экономике в 1940–1980-е гг. наложило свой отпечаток на научные исследования, побудив авторов по обе стороны «железного занавеса» пропагандировать достижения своей системы и преуменьшать или подчёркивать недостатки другой, зачастую в ущерб проведению объективных сопоставлений и выявлению имевшихся в реальности тенденций.

Так, основной упор при оценке уровня жизни в СССР в западных публикациях делался на проблемах дефицита товаров в экономике, на сопоставлении объёмных и средних подушевых показателей, по которым СССР уступал США [1–4][1]. Западные авторы при проведении сравнительных исследований меньше внимания уделяли вопросам неравенства, безработицы, охраны труда, качества жилья и городской инфраструктуры в своих странах [5]. В работах Дж. Джейкобс, Д. Харви и Д. Мэсси[2] и других проблемы неравенства в уровне жизни и сегрегации в западных странах рассматривались, но без привязки к СССР.

В свою очередь, публикации советских авторов не вполне учитывали развитие экономической теории за рубежом (например, экономики благосостояния и институциональной экономики) и практики взаимоотношений между работодателями и сотрудниками в западных странах, которая постоянно совершенствовалась, в том числе с учётом советского опыта[3]. При этом чаще отмечается идеологизация научных работ в советской литературе [6–8], хотя те же недостатки присущи и публикациям зарубежных авторов вплоть до настоящего времени. Например, известно, что, согласно подсчётам ряда профильных американских исследовательских центров, покупательная способность зарплат большинства населения США стагнирует с середины 1970-х гг., и улучшение общего показателя благосостояния обеспечивается увеличением реальных доходов менеджмента компаний[4].

При этом в научном и публицистическом мейнстриме этот период не характеризуется как стагнация экономики США, за исключением годов очевидных экономических кризисов и стагнации: 1973–1975 гг., 1980–1982 г., 1990–1991 гг., 2001 г., 2007–2009 гг., 2020 год. В то же время в отечественных исследованиях состояние экономики СССР в период с 1964–1965 гг. по 1985 г. нередко именуют стагнацией, например [7, с. 7], хотя значительное повышение уровня жизни основной массы населения страны в это время не подвергается сомнению ни в российских, ни в зарубежных источниках. Более того, отсутствие собственного опыта проживания в другой социальной и экономической системе у подавляющего большинства авторов обуславливало упрощённое понимание её внутренних механизмов и процессов, что негативно сказывалось как

[1] Bergson A. The real national income of Soviet Russia since 1928. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1961. – 472 p.; Kornai J. Economics of Shortage. – Amsterdam : North-Holland Pub. Co., 1980. – 631 p. См. также доклады, подготовленные в 1970–1980-х гг. для профильного Комитета Сената США: Soviet Economy in a Time of Change. A Compendium of Papers Submitted to the Joint Economic Committee, Congress of the United States. Volume 1. Washington, DC: US Government printing office, 10 October 1979. 855 p.; Consumption in the USSR: An International Comparison. A Study Prepared for the Use of the Joint Economic Committee, Congress of the United States. Washington, DC: US Government printing office, 17 August 1981. 123 p.

[2] Jacobs J. The Death and Life of Great American Cities. – New York: Random House, 1961. – 458 p.; Harvey D. Social Justice and the City. – London : Edward Arnold Publishers Ltd., 1973. – 336 p.; Massey D.B. Spatial Divisions of Labour: Social Structures and the Geography of Production. – New York: Methuen, 1984. – 339 p.

[3] Маневич Е.Л. Жизненный уровень советского народа. – Москва : Госполитиздат, 1959. – 95 с.; Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. – Москва : Соцэкгиз, 1960. – 199 с.; Социализм и народное благосостояние / под ред. К.И. Микульского. – Москва : Мысль, 1976. – 446 с.; Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. – Москва : Мысль, 1977. – 263 с.; Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. – Москва : Политиздат, 1987. – 352 с.

[4] Mishel L., Gould E., Bivens J. Wage Stagnation in Nine Charts // Economic Policy Institute, 6 January 2015. – URL : https://www.epi.org/publication/charting-wage-stagnation/; Desilver D. For Most U.S. Workers, Real Wages Have Barely Budged in Decades // Pew Research Center, 7 August 2018. – URL : https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/08/07/for-most-us-workers-real-wages-have-barely-budged-for-decades /

на качестве исследований, так и, например, на результативности проведения рыночных преобразований в бывших соцстранах в 1990-е годы. Когда же у авторов такой опыт проживания имелся, оценки становились более сбалансированными[5] [5; 9]. При этом переход авторов на идеологические позиции другой стороны (например, в результате эмиграции или коренных изменений в социальной системе ряда стран) также не всегда способствовал повышению объективности.

В течение 1920–1980-х гг. вышли фундаментальные работы советских экономистов С.Г. Струмилина, А.Г. Аганбегяна, В.Ф. Майера, Л.С. Бляхмана, Н.Е. Рабкиной, Н.М. Римашевской, И.С. Пастухова и других[6], в которых подробно анализировались основные, преимущественно в виде агрегированных показателей, тенденции доходов и расходов и динамика благосостояния населения, особенности установления уровня оплаты труда в различных отраслях экономики, проблемы прогнозирования в сфере экономики труда [10]. Следует также отметить не имеющие аналогов Таганрогские исследования (выборочные посемейные обследования населения города Таганрог с целью изучения проблем уровня жизни), проводимые с 1967 г. в течение 50-ти лет по инициативе и под руководством Н.М. Римашевской сначала в Центральном экономико-математическом институте АН СССР, а затем в Институте социально-экономических проблем народонаселения АН СССР / РАН [11–13]. Среди зарубежных работ сбалансированным подходом к анализу экономической истории СССР выделяются [14–17] и ряд закрытых публикаций специалистов ЦРУ в 1980-х годах[7]. Среди исследований социально-экономической направленности, вышедших после распада СССР, можно отметить работы [6; 18–25].

Вместе с тем вопрос о динамике уровня жизни и покупательной способности заработных плат населения СССР и союзных в сравнении с развитием постсоветских республик в рамках рыночной экономики так и остался дискуссионным как из-за отсутствия общепризнанной методики сопоставления с текущими показателями в российской научной литературе, так и ввиду смещения после распада СССР фокуса исследований преимущественно в сторону РСФСР / РФ, тогда как другим 14 союзным республикам, за исключением отдельных работ [26] стало уделяться гораздо меньше внимания. Указанные вопросы находятся в фокусе данного исследования, посвящённого динамике покупательной способности заработных плат населения по продуктам питания 15 постсоветских республик в течение 1990-х — 2020-х годов.

Методика проведения исследования

В настоящей работе мы исследуем динамику цен на потребительские товары и изменение покупательной способности заработных плат, как основной части подушевых доходов населения (около 80%[8]), в период 1970–1990 гг. в СССР в целом и в каждой из 15 союзных республик, используя

[5] Эйдельман М.Р. Тезисы доклада о методах сопоставления показателей уровня жизни СССР и США. — Москва, 1963. — 21 с.; Perlo V. The USA and USSR: the economic race. — New York: International Publishers, 1960. — 127 p.; Perlo V., Perlo E. Dynamic stability: the Soviet economy today. — New York: International Publishers, 1980. — 344 p.

[6] Аганбегян А.Г., Майер В.Ф. Заработная плата в СССР: (Некоторые вопросы теории и практики). — Москва : Госпланиздат, 1959. — 240 с.; Бляхман Л.С. Упорядочение заработной платы в промышленности СССР; Общество «Знание» РСФСР. Ленинградское отделение. — Ленинград, 1960. — 56 с.; Струмилин С.Г. Избранные произведения в 5 т.: Т. 3. Проблемы экономики труда. — Москва : Наука, 1964. — 528 с.; Майер В.Ф. Доходы населения и рост благосостояния народа. — Москва : Мысль, 1968. — 220 с.; Рабкина Н. Е, Римашевская Н.М. Основы дифференциации заработной платы и доходов населения: методы экономико-математического моделирования. — Москва : Экономика, 1972. — 288 с.; Потребности, доходы, потребление: методология анализа и прогнозирования народного благосостояния / Н.М. Римашевская, И.Л. Лахман, А.И. Левин, [и др.]; отв. ред. Н.П. Федоренко, Н.М. Римашевская. — Москва : Наука, 1979. — 240 с.; Пастухов И.С. Экономические интересы, производство и обмен при социализме. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 141 с.

[7] The Soviet Labor Market in the 1980s: An Intelligence Assessment / Directorate of Intelligence, CIA, SOV 82–10017, Langley, VA, February 1982. 35 p.; A Comparison of the US and Soviet Economies: Evaluating the Performance of the Soviet System: A Reference Aid / Directorate of Intelligence, CIA, SOV 85–10175, Langley, VA, October 1985. 78 p.

[8] Труд в СССР: стат. сборник. — Москва : Финансы и статистика, 1988. — С. 230; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат СССР. — Москва : Финансы и статистика, 1991. — С. 113.

собранную нами базу статистических данных через пятилетние промежутки времени — по состоянию на 1970, 1975, 1980, 1985 гг. и в период 1988–1990 гг. (до ускорения инфляции в экономике советских республик в течение 1991 г.), и с учётом публикаций [5; 27; 28].

Продовольственные товары играли в целом значительную роль в определении уровня и качества жизни населения[9] [29–32] РСФСР и других исследуемых республик. На приобретение продуктов питания рабочими и служащими в СССР направлялось в среднем 37,1% совокупного дохода домохозяйств рабочих и служащих в 1975 г. и 32,2% по итогам 1988 г., а семьями колхозников — 42,2% и 35,4%, соответственно[10], что, согласно закону Энгеля, свидетельствовало о повышении благосостояния населения [28, с. 54–64]. В общей структуре розничного товарооборота в СССР доля продовольственных товаров также уменьшилась с 55,5% в 1970 г. до 43,8% в 1990 г. при увеличении объёма розничного товарооборота в период 1970–1990 гг. в условиях достаточно стабильных цен в 3,02 раза (со 155,2 млрд рублей до 468,3 млрд рублей)[11].

Для проведения расчётов по ценам на продукты питания в рамках плановой экономики мы задействовали три источника информации о ценах на продовольственные товары из 47 статистических сборников Госкомстата СССР и союзных республик[12]: 1) информацию о ценах в государственной и кооперативной торговле по 20 продуктам питания[13], опубликованную в статистических сборниках СССР и ряда республик (РСФСР, Азербайджанская, Армянская, Узбекская, Украинская и Эстонская ССР) в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Данная статистика покрывает преимущественно период 1980–1990 гг., за исключением Эстонской ССР, по которой имеются данные за 1970 г., и Украинской ССР, данные по которой ограничены 1985 и 1990 гг.; 2) результаты обследования семейных бюджетов рабочих и служащих, а также колхозников в 15 союзных республиках о ценах на продукты питания, которые приобретались домохозяйствами в 1975, 1980, 1985 и 1988 годы[14]. Собранные Госкомстатом СССР данные позволили составить ряды с динамикой цен для указанных четырёх лет по 27 продовольственным товарам[15]. Необходимо отметить, что данные средние цены не учитывают цены продуктов, приобретённых населением в организациях общественного питания (хотя в структуре расходов домохозяйств эти затраты, естественно, учитывались); 3) результаты наших расчётов средних цен на продукты питания, проведённые для 1970, 1975, 1980, 1985 гг. и одного года в период 1988–1990 гг., в зависимости от наличия информации по республикам. Для расчёта средних цен на продовольственные товары (для каждого товара / группы товаров) в рублях за килограмм, литр или за одно куриное яйцо, мы использовали данные из статистических сборников «Народное хозяйство» СССР и союзных республик по объёмам продаж в натуральном выражении по 12 товарам / товар-

[9] Майер В.Ф. Уровень жизни населения СССР. – Москва : Мысль, 1977. – 263 с.

[10] Бюджеты рабочих, служащих и колхозников в 1975–1988 гг. / Госкомстат СССР. – Москва : Информационно-издательский центр, 1989. – С. 49, 277.

[11] Народное хозяйство СССР в 1985 г.: Стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – Москва : Финансы и статистика, 1986. – С. 465, 468; Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – Москва : Финансы и статистика, 1991. – С. 121, 124.

[12] См. список 1 использованных статистических сборников в онлайн-приложении к статье по ссылке: https://i-pilipenko.ru/Pilipenko_Annex_to_Article_Narodonaselenie_2026.pdf

[13] Список продуктов питания: мясо (включая мясо птицы); колбасные изделия; консервы мясные (за условную банку); рыба; сельди; консервы рыбные (за условную банку); животное масло; растительное масло; сыр и брынза; яйца (за десяток); сахар; кондитерские изделия; чай; хлеб и хлебобулочные изделия; мука; крупа и бобовые; макаронные изделия; картофель; овощи; плоды; фрукты, ягоды, арбузы и дыни.

[14] Бюджеты рабочих, служащих и колхозников в 1975–1988 гг. / Госкомстат СССР. – Москва : Информационно-издательский центр, 1989. – С. 82–113, 310–341.

[15] Список продуктов питания: говядина; баранина; свинина; птица домашняя; колбасные изделия и мясокопчёности; молоко цельное; сметана и сливки; масло животное; творог, сырковая масса; сыр и брынза; рыба свежая; рыба солёная; сельди; яйца (за штуку); хлеб пшеничный; хлеб ржаной; картофель; капуста свежая; огурцы и помидоры; свёкла, морковь, редис; бахчевые; фрукты и ягоды свежие; цитрусовые; сахар; конфеты, халва; маргарин и другие жиры; масло растительное.

ным группам[16] в указанные годы и по товарной структуре товарооборота (в денежном выражении), включая общественное питание[17]. Необходимые для расчётов данные за 1975 г. отсутствовали для Армянской и Молдавской ССР. Для трёх республик — Грузинской, Таджикской и Туркменской ССР — в целом отсутствовала статистика по объёмам продаж, поэтому рассчитать для них динамику в период 1970–1990 гг. средних цен не представлялось возможным, и для нашего анализа использованы данные по ценам покупок из опросов домохозяйств (см. п. 2 выше).

Полученные в наших расчётах цены учитывают сектор общественного питания, который играл значительную роль в обеспечении питания учащихся в образовательных учебных заведениях, служащих в государственных учреждениях, работников на производстве и в сельском хозяйстве по сниженным ценам[18]. При этом ввиду отсутствия в статистике данных по объёмам продаж рыбы и рыбопродуктов в натуральном выражении в союзных республиках, информация по этим продуктам использовалась из результатов опросов домохозяйств, а также из цен в государственной и кооперативной торговле.

Данные о среднемесячной номинальной заработной плате рабочих и служащих в союзных республиках были собраны из 68 сборников «Народное хозяйство» СССР и 15 союзных республик[19]. С целью определения динамики покупательной способности средних зарплат в каждой республике высчитывалось, сколько можно купить продуктов питания в килограммах, литрах или штуках за одну зарплату в рамках плановой экономики в 1970, 1975, 1980, 1985 и 1988–1990 годов. Применение в 15 республиках единых принципов исчисления и ставок подоходного налога[20] позволяло сравнивать покупательную способность зарплат между республиками без необходимости корректировать их на величину налоговых отчисления с зарплат.

В отличие от рыночной экономики, для которой характерна значительная дифференциация в оплате труда по регионам внутри одной страны, различным отраслям, между крупными и средними / малыми городами и между городской и сельской местностью, плановая экономика характеризовалась низкими показателями неравенства в размерах заработных плат[21]. Соответственно, используемый нами показатель средних заработных плат отражал ситуацию с покупательной способностью зарплат действительно большинства занятых в экономике союзных республик. В целом для построения рядов с рассчитанной нами покупательной способностью средних номинальных заработных плат в каждой республике мы использовали две основные базы данных, различающихся как по временным периодам, так и по списку продуктов питания: наши расчёты цен на основные товары / товарные группы за исключением рыбы и рыбопродуктов для периода 1970–1990 гг. и данные обследования семейных бюджетов рабочих и служащих за 1975–1988 гг., которые рассматривались параллельно для возможности перепровер-

[16] Список товаров / товарных групп: мясо и мясопродукты; животное масло; растительное масло; молоко и молочные продукты; яйца (в штуках); сахар; кондитерские изделия; чай; хлебные продукты; картофель; овощи и бахчевые; фрукты и цитрусовые.

[17] См. список 1 источников в онлайн-приложении.

[18] За 40–45 коп. можно было получить полный обед, включая салат, первое, второе блюда и напиток.

[19] См. список 2 использованных статистических сборников в онлайн-приложении к статье по ссылке: https://i-pilipenko.ru / Pilipenko_Annex_to_Article_Narodonaselenie_2026.pdf

[20] Доход до 70 рублей в месяц налогом не облагался; далее для дохода от 71 до 91 рубля сумма налога постепенно увеличивалась с 0,25 до 7,12 рубля с шагом для дохода в 1 рубль; для дохода от 92 до 100 рублей сумма налога равнялась 7,12 рубля плюс 12% с суммы, превышающей 91 рубль; для дохода 101 рубль и выше — 8,20 рубля плюс ставка в 13% с суммы, превышающей 100 рублей. – см.: Тур В.А., Дырдов С.Н., Авдошина Е.А. Справочник по налогам с населения: 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.А. Тура. — Москва : Финансы и статистика, 1984. – С. 20.

[21] Так, коэффициент Джини по распределению зарплат в СССР составлял 0,29 по состоянию на 1980 г. и 0,28 в 1990 году. В свою очередь, значения коэффициента Джини для союзных республик варьировали от 0,23 для Белорусской ССР, 0,24 для Латвийской, Украинской и Эстонской ССР, 0,25 для Литовской ССР, 0,26 для РСФСР, 0,27 для Молдавской и Армянской ССР до 0,29 для Грузинской ССР, 0,30 для Казахской ССР, 0,31 для Киргизской и Туркменской ССР, 0,32 для Узбекской ССР, 0,33 для Таджикской ССР и 0,35 для Азербайджанской ССР [33, p. 29, 31].

ки полученных результатов расчётов (см. табл. 1–7 ниже и Приложения 1–14[22]).

Общие тенденции динамики цен на продукты питания

Государственные цены на основные продукты питания являлись наиболее низкими в сравнении как с нашими расчётами цен, исходя из розничной структуры товарооборота и объемов продаж в натуральном выражении, так и при сравнении с результатами опросов населения о реальных ценах покупок продуктов питания. Например, средняя по СССР стоимость мяса в государственной и кооперативной торговле составляла 1,81 рубля за кг в 1980 г., 1,89 рубля в 1985 г. и 1,97 рубля в 1988 г., в то время как по результатам опросов населения (семей рабочих и служащих) в 1980 г. 1 кг баранины стоил 1,96 рубля, говядины — 2,17, свинины — 2,32 рубля, в 1985 г. — соответственно 1,90 рубля, 2,36 и 2,33 рубля за кг, а в 1988 г. — 1,96 рубля, 2,53 и 2,42 рубля за кг. Средние государственные цены на колбасные изделия составляли 2,38 рубля за кг в 1980 г., 2,69 рубля в 1985 г. и 3,19 рубля за кг по итогам 1988 г., а согласно опросам цены покупки колбасных изделий семьями рабочих и служащих составляли в среднем 2,76 рубля за кг, 3,10 и 3,71 рубля за кг.

Согласно данным официальной статистики, результатам опросов населения и наших расчётов, государство держало низкими и фиксированными цены на такие базовые продукты питания в СССР как хлеб (средняя цена 28–31 коп. за кг белого (пшеничного) хлеба и 17 коп. за кг черного (ржаного) хлеба), молоко (25–28 коп. с тенденцией снижения цены в период 1975–1988 гг.), куриные яйца (10–11 коп. за штуку), сахар (87 коп. за кг), являвшийся основным консервантом у населения при заготовке на зиму свежих фруктов и ягод (наряду с солью, которая использовалась для консервирования овощей), сливочное масло (3,46–3,52 рубля за кг), растительное масло (1,6 рубля за л), картофель (15–20 коп. за кг) и другие овощи — свёкла, морковь, редис (18–23 коп. за кг). Кроме того, следует отметить низкие цены на свежую рыбу (74–86 коп. за кг) и рыбу соленую (1,61–1,85 рубля за кг), которые в среднем в 2,9 и 1,7 раза были ниже стоимости соответственно говядины и колбасных изделий, а также значительный объем потребления населением кондитерских изделий, который по состоянию на 1990 г. (5,3 млн т или 18,4 кг на душу населения) превысил объем потребления рыбы и рыбопродуктов (4,3 млн т).

Наиболее близкими по отношению к средним в СССР ценам на продовольственные товары характеризовалась РСФСР, в которой по состоянию на 1990 г. проживало 51,2% населения страны и создавалось 59,4% валового общественного продукта в фактически действовавших ценах[23] (табл. 1).

Среднеквадратическое отклонение для РСФСР по средним ценам за период 1975–1988 гг. по 27 товарам / товарным группам из бюджетных опросов семей рабочих и служащих составляло всего 6,8%. Можно отметить в среднем более высокую стоимость огурцов и помидоров, которая усреднённо на 29,5% была выше средней цены по СССР (77 коп. за кг), а также цену бахчевых культур — выше на 10,6% при средней цене в стране в 26 коп. за кг, свежих ягод и фруктов — выше на 10,1% при средней цене в 1,12 коп. за кг, и солёной рыбы, стоившей в среднем на 9,9% выше, чем в среднем по СССР. Во вторую группу со средним отклонением цен на 10% входили Украинская и Казахская ССР. В Украинской ССР с развитым агропромышленным комплексом стоимость огурцов и помидоров была в среднем на 36,7% ниже, чем по СССР. Также значительно ниже средних показателей были цены на свежие фрукты и ягоды (–21,5%), солёную рыбу (–21,0%), пшеничный хлеб (–16,0%), свёклу, морковь и редис (–11,4%). Выше среднего по СССР стоили цитрусовые (на 10% при средней цене на уровне 2,10 рубля за кг), капуста свежая (на 8,2%) и картофель (на 7,7%). Казахская

[22] См. Приложения 1–14 в онлайн-приложении к статье по ссылке: https://i-pilipenko.ru/Pilipenko_Annex_to_Article_Narodonaselenie_2026.pdf

[23] Расчёты автора по данным сборников: Народное хозяйство СССР в 1990 г. – С. 5; Народное хозяйство РСФСР в 1990 году. – С. 11.

Таблица 1

Отклонение усреднённых цен покупок продуктов питания семьями рабочих и служащих в государственной и кооперативной торговле в РСФСР и других союзных республиках в период 1975–1988 гг. от средних значений по СССР, в %*

Table 1

Deviation of average prices of food purchases in the state and cooperative retail stores by families of workers in the RSFSR and other Union republics in 1975–1988 from the average prices in the USSR, %

Товар / товарная группа	Средняя цена в СССР, рублей	РСФСР	Белорусская ССР	Молдавская ССР	Украинская ССР	Азербайджанская ССР	Армянская ССР	Грузинская ССР
Говядина	2,26	0,7	-16,6	-4,0	-3,9	-4,2	1,5	0,0
Баранина	1,88	1,2	-11,2	-22,9	-7,3	23,0	3,1	3,1
Свинина	2,28	2,6	-11,3	-3,7	4,1	-1,1	6,4	-0,8
Птица домашняя	2,26	2,1	-8,8	-5,1	-3,5	26,5	23,8	26,7
Колбасные изделия и мясокопчёности	3,04	1,2	3,0	-8,4	-3,1	2,6	-1,5	7,7
Молоко цельное	0,26	4,8	-8,6	-4,8	-8,6	24,8	19,0	22,9
Сметана и сливки	1,26	-1,8	1,2	12,3	-4,2	47,9	23,1	41,2
Масло животное	3,48	-0,1	-1,7	-1,5	-1,4	4,7	3,2	3,0
Творог, сырковая масса	0,94	1,6	-9,0	-15,1	2,7	17,0	-8,5	6,4
Сыр и брынза	2,48	6,7	7,4	-7,6	0,9	-23,3	-36,8	-17,4
Рыба свежая	0,79	-1,9	1,3	-2,5	6,1	7,3	48,4	23,9
Рыба солёная	1,75	9,9	-16,7	-20,6	-21,0	-6,4	-0,6	-4,6
Сельди	1,70	1,2	-3,7	-9,1	0,9	-0,4	-3,2	15,5
Яйца, за штуку	0,11	0,0	-9,3	-7,0	-7,0	4,7	11,6	18,6
Хлеб пшеничный	0,31	6,4	29,6	-22,4	-16,0	14,4	12,8	2,4
Хлеб ржаной	0,18	0,0	1,4	-15,3	-5,6	4,2	12,5	-11,1
Картофель	0,16	-6,2	-30,8	72,3	7,7	67,7	24,6	18,5
Капуста свежая	0,15	-6,6	0,0	-8,2	8,2	45,9	-24,6	8,2
Огурцы и помидоры	0,77	29,5	29,9	-56,8	-36,7	-46,1	-70,5	-39,6
Свекла, морковь, редис	0,20	3,8	-22,8	-27,8	-11,4	117,7	-21,5	97,5
Бахчевые	0,26	10,6	68,3	-15,4	-5,8	11,5	-32,7	43,3
Фрукты и ягоды свежие	1,12	10,1	-1,3	-53,8	-21,5	-29,8	-33,4	-22,6
Цитрусовые	2,10	-2,2	-4,5	10,5	10,0	3,3	4,0	-33,4
Сахар	0,87	2,3	-7,5	-9,2	-8,0	14,4	14,1	9,5
Конфеты, халва	3,14	3,0	1,9	-1,0	2,5	-7,6	38,5	15,9
Маргарин и др. жиры	1,63	-0,6	7,4	-0,9	-0,6	6,5	4,9	6,9
Масло растительное	1,61	3,9	9,3	4,3	2,3	8,2	9,6	7,3
	Казахская ССР	Киргизская ССР	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Узбекская ССР	Латвийская ССР	Литовская ССР	Эстонская ССР
Говядина	13,1	11,0	5,0	1,8	12,9	-12,8	-9,5	-9,7
Баранина	-6,5	6,1	-11,5	-1,6	14,2	-4,4	-10,9	-0,9
Свинина	6,2	2,6	-13,3	-9,8	-0,1	-1,4	-7,6	-9,3
Птица домашняя	-13,7	-9,6	-14,4	3,1	5,0	-8,1	-5,1	-0,8
Колбасные изделия и мясокопчёности	3,2	-13,5	-7,9	-9,1	1,4	-5,7	-5,8	-15,6

Молоко цельное	-8,6	-5,7	18,1	13,3	10,5	-6,7	-4,8	-3,8
Сметана и сливки	-6,8	10,5	28,4	32,4	39,8	13,7	32,0	12,7
Масло животное	0,2	-0,6	0,6	0,6	0,5	-1,4	-0,8	-1,6
Творог, сырковая масса	-8,5	-11,1	-2,7	8,8	0,8	-16,7	6,1	-0,3
Сыр и брынза	-2,9	-7,0	-5,5	-15,2	-1,4	1,0	-8,5	12,5
Рыба свежая	-18,2	-17,2	0,6	-6,4	6,4	0,6	3,8	-18,5
Рыба солёная	-18,9	-22,5	-18,3	16,7	-0,3	-20,0	-20,5	-18,2
Сельди	-0,6	10,2	-8,6	-5,9	1,3	-12,5	-14,3	-12,4
Яйца, за штуку	-4,7	-7,0	9,3	0,0	9,3	-4,7	-7,0	-4,7
Хлеб пшеничный	-17,6	-8,8	-8,0	-4,0	-10,4	60,8	48,0	64,8
Хлеб ржаной	1,4	2,8	-6,9	-5,6	-1,4	4,2	6,9	1,4
Картофель	15,4	20,0	58,5	56,9	24,6	-10,8	-29,2	-13,8
Капуста свежая	-16,4	0,0	8,2	1,6	6,6	18,0	1,6	45,9
Огурцы и помидоры	-29,2	-72,1	-68,2	-63,3	-39,0	76,9	71,1	74,7
Свекла, морковь, редис	-2,5	10,1	8,9	13,9	-11,4	22,8	-3,8	32,9
Бахчевые	-23,1	-47,1	-54,8	-58,7	-48,1	100,0	118,3	51,0
Фрукты и ягоды свежие	-1,3	-21,5	-47,8	-42,4	-39,5	7,0	-11,0	7,4
Цитрусовые	4,9	15,6	12,2	8,3	26,4	-4,1	-2,1	-6,0
Сахар	-5,7	-8,0	0,0	2,0	-2,9	-5,5	-8,9	-8,3
Конфеты, халва	-13,8	-19,9	-29,9	-30,5	-21,1	9,9	10,2	12,6
Маргарин и др. жиры	-1,2	-0,5	-3,4	-2,6	-1,4	-0,9	-2,2	-4,0
Масло растительное	-5,6	-11,3	-10,2	-11,6	-9,0	3,7	2,6	-1,2

*Положительное значение – более высокая цена, чем в среднем по СССР; отрицательное значение – более низкая цена, чем в среднем по СССР.

Источник: рассчитано автором по данным: Бюджеты рабочих, служащих и колхозников в 1975-1988 гг. / Госкомстат СССР. – Москва: Информационно-издательский центр, 1989. – С. 82-113.

ССР характеризовалась более высокими ценами на картофель (на 15,4%) и говядину (на 13,1%) и более низкими ценами на огурцы и помидоры (–29,2%), бахчевые (–23,1%), рыбу свежую и солёную (–18,2% и –18,9%, соответственно), хлеб пшеничный (–17,6%), капусту свежую (–16,4%), конфеты и халву (–13,8%), птицу домашнюю (–13,7%).

Остальные 12 республик характеризовались отклонениями от средних значений по СССР на 18,9% (Белорусская ССР), 19,2% (Киргизская ССР), 19,3% (Узбекская ССР) и выше — до 30,3% у Литовской ССР и 31,2% у Азербайджанской ССР. Необходимо выделить системно более низкую, чем в среднем по СССР, стоимость мяса (говядины баранины, свинины и мяса птицы) в Белорусской ССР (ниже в среднем на 8–17%), Молдавской ССР (ниже на 4–23%), Литовской ССР (ниже на 5–11%) и Латвийской ССР (ниже на 1,4–13%). В республиках Средней Азии (Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР), где преимущественно выращивались арбузы и дыни, стоимость бахчевых культур была в среднем на 47–59% ниже общесоюзных значений. Эти республики также отличались более низкой (на 22–48%) стоимостью свежих фруктов и ягод и ценой на конфеты и халву (минус 20–31%). Кроме того, низкими ценами на фрукты и огурцы / помидоры отличались Молдавская ССР (минус 54–57%) и три закавказские республики — Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР (меньше на 23–33% для фруктов и на 40–71% для огурцов и помидоров, чем в среднем по СССР). Наоборот, в трёх прибалтийских республиках стоимость бахчевых культур в розничной продаже была в 1,5–2 раза выше средних по СССР показателей. Кроме того, отметим более высокую стоимость говядины и баранины в Узбекской ССР (на 13–14%), баранины в Азербайджанской ССР (на 23%) и говядины в Киргизской ССР (на 11%).

Соотношение цен на продукты питания для семей рабочих и служащих и семей колхозников

Сравнение цен покупок продуктов питания семьями колхозников и семьями рабочих и служащих в СССР в период 1975–1988 гг. (табл. 2) выявило в среднем более высокие цены на говядину, баранину и свинину для колхозников (соответственно на 39,9%, 51,9% и 23,1%), а также на картофель (на 56,9%) и на овощи — свёклу, морковь и редис (на 20%), чем у рабочих и служащих, к которым также относились и работники совхозов. Данные культуры и животные (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи) выращивались, и продукты из них заготавливались, в основном, самими жителями на селе. Более низкие цены покупок колхозников были характерны для таких товаров / товарных групп как рыба солёная (–27,9%), конфеты и халва (–24,2%), хлеб пшеничный (–22,4%), творог и сырковая масса (–18,8% при средней цене по СССР на уровне 94 коп. за кг), а также на сахар, огурцы и помидоры, молоко цельное и сыр / брынзу (–11,3% при средней стоимости по стране в 2,48 рубля за кг).

Наименьшие отклонения цен на продукты питания для семей колхозников от цен для семей рабочих и служащих были характерны в Казахской, Белорусской, Грузинской, Молдавской и Эстонской ССР (среднеквадратическое отклонение 14–15%), тогда как по числу товарных групп / товаров с более низкими ценами из списка с 27 позициями лидировали Эстонская ССР (16 товаров), РСФСР, Белорусская, Литовская и Молдавская ССР (по 15 товаров). При этом уровень зарплат колхозников в СССР повысился с 61,3% в 1970 г. до 87,8% к 1990 г., а заработки колхозников в Азербайджанской, Армянской, Грузинской, Молдавской и Литовской ССР достигли, соответствен-

Таблица 2

Отклонение усреднённых цен покупок продуктов питания семьями колхозников в государственной и кооперативной торговле в союзных республиках в период 1975-1988 гг. от усреднённых цен покупок семьями рабочих и служащих, в %*

Table 2

Deviation of average prices of food purchases in state and cooperative retail stores by families of kolkhoz workers from average prices of food purchases of families of workers in the Union Republics in 1975-1988, %

Товар / товарная группа	Средняя цена покупок колхозников в СССР, рублей	РСФСР	Белорусская ССР	Молдавская ССР	Украинская ССР	Азербайджанская ССР	Армянская ССР	Грузинская ССР
Говядина	3,16	17,7	1,1	-5,4	6,8	51,8	5,1	14,4
Баранина	2,85	26,2	10,2	31,1	20,0	101,9	0,6	6,1
Свинина	2,80	20,2	20,0	26,0	27,3	17,0	-3,1	5,0
Птица домашняя	2,17	-10,9	-0,1	-4,3	-15,6	9,4	-1,8	2,2
Колбасные изделия и мясокопчёности	3,66	28,5	26,8	8,7	23,6	-10,3	-0,7	-11,1
Молоко цельное	0,24	-18,2	-3,1	-2,0	-2,1	6,9	2,4	-10,1
Сметана и сливки	1,30	4,3	3,1	0,0	2,3	13,2	6,1	-13,8
Масло животное	3,54	2,5	0,7	0,5	1,9	12,3	0,6	0,3
Творог, сырковая масса	0,77	-22,2	-16,9	-5,3	-22,0	20,4	7,2	6,5
Сыр и брынза	2,20	-9,2	-8,0	11,9	-17,0	-5,9	1,9	23,1
Рыба свежая	0,73	-9,7	-7,5	-7,2	-13,2	19,6	-15,9	-0,5
Рыба солёная	1,26	-28,8	-16,8	-21,1	-15,6	-10,9	-18,4	-4,6
Сельди	1,65	5,7	-6,4	-14,4	-4,1	-1,2	-12,8	5,1
Яйца, за шт.	0,11	2,3	2,6	7,5	-2,5	2,2	-6,2	-3,9

Хлеб пшеничный	0,24	-22,6	-8,6	-6,2	-18,1	-1,4	-3,5	-3,9
Хлеб ржаной	0,18	-2,8	-2,7	1,6	2,9	102,7	146,9	25,0
Картофель	0,26	63,9	-6,7	22,3	20,0	38,5	14,8	40,3
Капуста свежая	0,15	-5,3	-6,6	-12,5	-4,5	36,0	-6,5	21,2
Огурцы и помидоры	0,67	-16,3	2,3	-26,3	36,4	56,0	-3,3	26,3
Свёкла, морковь, редис	0,23	48,8	47,5	10,5	122,9	81,4	24,2	19,9
Бахчевые	0,25	0,9	20,6	25,0	42,9	-10,3	2,9	26,8
Фрукты и ягоды свежие	1,11	-3,3	18,6	-1,9	3,7	81,5	27,3	14,2
Цитрусовые	2,20	10,1	-0,7	-5,1	6,3	11,2	-6,5	-14,8
Сахар	0,75	-13,8	0,0	-16,1	-19,7	2,3	0,0	0,0
Конфеты, халва	2,38	-23,4	-17,6	-25,4	-18,8	0,1	8,6	-12,9
Маргарин и др. жиры	1,60	-3,6	-1,9	-0,5	-0,3	4,0	0,9	-1,6
Масло растительное	1,53	-3,1	-1,0	3,9	5,2	-0,6	2,5	-1,9
	Казахская ССР	**Киргизская ССР**	**Таджикская ССР**	**Туркменская ССР**	**Узбекская ССР**	**Латвийская ССР**	**Литовская ССР**	**Эстонская ССР**
Говядина	23,6	39,2	50,9	57,6	66,9	4,1	0,0	6,4
Баранина	35,9	76,3	56,1	17,3	73,7	12,4	-7,3	-1,9
Свинина	15,7	0,2	--	--	41,9	15,8	-2,5	0,5
Птица домашняя	3,5	4,4	-12,3	10,4	7,5	-4,9	-1,4	-0,7
Колбасные изделия и мясокопчёности	14,2	6,5	2,0	11,2	2,9	13,9	-5,8	-2,3
Молоко цельное	-7,3	-4,0	12,9	6,7	0,9	-2,0	0,0	-2,0
Сметана и сливки	19,6	0,4	-4,8	3,5	30,3	-3,7	-5,9	2,3
Масло животное	3,0	0,1	0,7	-0,1	0,9	0,2	-0,4	0,7
Творог, сырковая масса	-8,4	-2,7	-3,0	6,8	-7,6	-21,0	-3,3	-18,1
Сыр и брынза	-9,4	-2,2	12,4	-28,4	-10,2	-7,5	-14,8	-0,6
Рыба свежая	-0,4	-8,5	10,1	14,6	-8,1	3,5	-4,3	-11,3
Рыба солёная	-12,7	-9,6	-0,4	-35,8	-39,3	-10,0	-12,1	-20,1
Сельди	-3,1	-2,7	-8,1	-0,9	-29,0	5,4	7,6	-3,4
Яйца, за шт.	-2,4	-10,0	8,5	-4,7	2,1	-4,9	5,0	-2,4
Хлеб пшеничный	-4,9	-5,3	4,3	10,8	-6,3	1,0	2,2	2,4
Хлеб ржаной	6,8	2,7	7,5	-4,4	-21,1	-2,7	-1,3	-8,2
Картофель	13,3	19,2	11,7	25,5	27,2	77,6	17,4	37,5
Капуста свежая	13,7	8,2	21,2	22,6	10,8	16,7	41,9	-15,7
Огурцы и помидоры	15,1	18,6	-21,4	-35,4	-14,9	21,8	3,6	28,6
Свёкла, морковь, редис	41,6	4,6	0,0	3,3	10,0	166,0	168,4	2,9
Бахчевые	10,0	10,9	-2,1	-2,3	-7,4	12,0	48,5	51,0
Фрукты и ягоды свежие	21,6	12,0	-0,4	38,5	38,5	7,5	15,6	-0,6
Цитрусовые	-1,8	-2,0	21,1	1,7	4,7	3,5	-9,2	-5,3
Сахар	2,1	-17,2	3,2	5,1	7,4	-2,4	-12,6	0,6
Конфеты, халва	-12,9	-14,5	-14,3	-24,4	-20,8	-8,5	-20,0	-8,0
Маргарин и др. жиры	4,2	-5,9	1,3	-1,4	3,9	-2,8	-1,4	-2,4
Масло растительное	-2,6	0,5	-1,9	-1,6	-2,4	-1,0	0,2	9,0

*Положительное значение – более высокая цена покупок семей колхозников, чем средняя цена покупок семей рабочих и служащих; отрицательное значение – более низкая цена покупок семей колхозников.

Источник: рассчитано автором по данным: Бюджеты рабочих, служащих и колхозников в 1975-1988 гг. / Госкомстат СССР. – Москва: Информационно-издательский центр, 1989. – С. 82-113, 310-341.

но, 123%, 113%, 109%, 108% и 107% от уровня заработных плат рабочих и служащих в этих республиках. В Латвийской и Эстонской ССР средние зарплаты колхозников составляли 103%, а в Киргизской и Туркменской ССР — 101% от размера заработных плат рабочих и служащих. В остальных республиках уровень заработков колхозников был от 88–89% в Таджикской, Украинской ССР и РСФСР до 93–94% в Казахской, Белорусской и Узбекской ССР[24].

В целом за рассматриваемый период 1970–1990 гг. доля семей (домохозяйств) колхозников в СССР как за счёт процесса урбанизации, так и реорганизации части колхозов в совхозы сократилась почти в два раза — с 20,5% до менее 11,7% от общего населения страны[25]. Одновременно с этим доля колхозной торговли в СССР фактически стагнировала, находясь на уровне 2,4–2,8% от общего объёма розничного товарооборота в стране, что было в 5,1 раза меньше показателя оборота колхозного рынка в стране в 1940 г. (при том, что доля сельского населения в стране на тот момент составляла 67,2%, а в 1990 г. — 34% [7], то есть уменьшилась менее чем в 2 раза при увеличении производительности труда в сельском хозяйстве). Доля колхозного рынка лишь немного увеличивалась при рассмотрении только продажи продовольственных товаров (с 4,4% в 1970 г. до 5,9% в 1990 г.) и продаж по сопоставимому кругу товаров (с 8,5% в 1970 г. до 11,1% в 1990 г.)[26], тогда как абсолютное число колхозных рынков сначала сократилось с 7,5 тыс. в 1970 г. до 5,9 тыс. в 1980 г., а потом увеличилось до 8,2 тыс. ед. к 1990 году[27].

При этом необходимо иметь ввиду, что цены на колхозных рынках были стабильно выше цен в государственной и кооперативной торговле. Так, по состоянию на 1980 г. цены колхозного рынка были в среднем в 2,6 раза выше государственных розничных цен и цен в потребкооперации, в том числе в 2,7 раза выше на продукцию растениеводства и в 2,4 раза выше на продукцию животноводства. К 1988 г. разрыв достиг 2,8 раза, в том числе 2,8 раза по продукции растениеводства и 2,7 раза по продукции животноводства (2,7 раза по мясу и 4,2 раза по молочным продуктам[28]. Соответственно, в физическом выражении доля колхозного рынка в общем товарообороте продуктов питания не превышала 2,1%, а в товарообороте по сопоставимому кругу товаров составляла около 4%. Таким образом, государственная и кооперативная торговля полностью доминировала как в общем розничном товарообороте, так и в розничной торговле продуктами питания, хотя колхозные рынки предоставляли возможности для населения оперативно приобрести недостающие / не имевшиеся в государственных магазинах или магазинах потребкооперации продовольственные товары.

Стабильность цен и покупательная способность заработных плат

Общая стабильность цен в 1970–1980-х гг.[29] объяснялась несколькими разнонаправленными ценовыми тенденциями по отдельным товарам / группам товаров. Так, согласно опросам домохозяйств, молочные продукты (молоко цельное, сметана и сливки, масло животное, творог и сырковая масса) характеризовались умеренным понижением цен, а повышение цен было отмечено в сегменте мяса и мясопродуктов (говядина, птица домашняя, колбасные изделия и мясокопчёности). С другой стороны, повышение и понижение цен в течение 20-летнего периода было характерно для таких товаров / товарных групп, как баранина, свинина, рыба свежая и рыба солёная, сельдь, яйца, бахчевые культуры, конфеты и халва. Значительное повышение цен в течение 1985–1988 гг. было зафиксировано для таких продуктов питания как свёкла, морковь,

[24] Расчёты автора по данным сборников: Труд в СССР, 1988. – С. 143; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – С. 38.

[25] Народное хозяйство СССР в 1989 году. – С. 33.

[26] Народное хозяйство СССР в 1990 году. – С. 119.

[27] Народное хозяйство СССР в 1988 году. – С. 132; Народное хозяйство СССР в 1990 году. – С. 151.

[28] Народное хозяйство СССР в 1988 году. – С. 133.

[29] Подробнее о принципах ценообразования в плановой экономике: Майзенберг Л.И. Ценообразование в народном хозяйстве СССР. — Москва : Госполитиздат, 1953. — 263 с.

редис (в среднем по СССР на 15,0%), фрукты и ягоды свежие (на 15,6%), хлеб пшеничный (на 19,4%), хлеб ржаной (на 23,5%), капуста свежая (на 26,7%) и картофель (на треть).

Наши расчёты средних цен по 12 товарным группам для 1970, 1975, 1980, 1985 и 1990 гг. подтверждают увеличение прироста цен в период 1985–1990 гг. во время перестройки, причём в основном за счёт таких групп товаров, как картофель (прирост в среднем по СССР на 80,9%), овощи и бахчевые (на 71,1%), фрукты и цитрусовые (на 68,6%), хлебные продукты (на 18,2%), а также мясо и мясопродукты (на 16,5%). Следует отметить, что дезинтеграционные процессы в экономике во время поздней перестройки [22] оказали негативное влияние на объёмы продаж и потребления продуктов в ряде союзных республик. Например, в РСФСР в 1990 г. незначительно снизились по сравнению с 1989 г. объёмы продаж мяса и мясопродуктов, животного и растительного масла, сахара, в то время как продажи овощей и картофеля сократились соответственно на 9,1% и 9,3%. В Эстонской ССР объём продаж сократился в течение 1990 г. по девяти из 12 основных групп товаров (мясо и мясопродукты, животное и растительное масло, яйца, сахар, кондитерские изделия, хлебные продукты, картофель, овощи и бахчевые), причём по растительному маслу сокращение потребления составило 22,2%, по овощам и бахчевым — 8,4%, по кондитерским изделиям — 7,9%.

Покупательная способность средних номинальных заработных плат рабочих и служащих за период с 1970 г. по 1990 г. возросла по большинству продовольственных товаров / товарных групп во всех 15 республиках СССР за счёт опережающего роста оплаты труда по сравнению с увеличением цен на продукты питания (табл. 3–5). Так, номинальные заработные платы в период 1970–1985 гг. выросли на 63% в Белорусской ССР, на 59% в РСФСР, Эстонской и Литовской ССР, на 58% в Грузинской и Латвийской ССР, на 53% в Молдавской ССР, на 51% в Украинской и Казахской ССР, на 48% в Азербайджанской ССР, на 47% в Туркменской и Армянской ССР, на 44% в Киргизской ССР и на 34% в Таджикской ССР при среднем значении по СССР на уровне 55,8%. Отклонение республик от среднего общесоюзного уровня зарплат в рассматриваемые годы не превышало 13% вверх (Эстонская ССР в 1985 г.) и 20% вниз (Молдавская ССР в 1975 г.). При этом, рассматривая РСФСР, где зарплаты были стабильно выше на 3–5% от среднего по СССР, необходимо иметь ввиду наличие обширных территорий в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, где для рабочих и служащих действовали северные надбавки.

Соответственно, в 1970–1990 гг. в целом по СССР, согласно нашим расчётам, покупательная способность зарплат рабочих и служащих выросла в 2,3 раза по сахару, 2,2 раза по животному и растительному маслу, в 1,1 раза по молоку и молочным продуктам и куриным яйцам, на 85% по кондитерским изделиям, на 77% по хлебным продуктам, на 76% по чаю, на 59% по мясу и мясопродуктам, на 10% по картофелю (табл. 6). Снижение покупательной способности произошло по фруктам и цитрусовым (на 11%) и по овощам и бахчевым продуктам (на 7%).

В РСФСР покупательная способность зарплат увеличилась по всем товарным группам, кроме овощей и бахчевых (табл. 7). При этом покупательная способность по молоку и молочным продуктам увеличилась в 2,3 раза, по сахару, животному маслу и кондитерским изделиям — в 2,2 раза, по куриным яйцам — на 98%, по хлебным продуктам — на 74%, по мясу и мясопродуктам — на 59%, по фруктам и цитрусовым — на 42%. В Белорусской ССР более чем в два раза покупательная способность зарплат увеличилась по растительному и животному маслу, молоку и молочным продуктам, сахару, куриным яйцам и мясу и мясопродуктам. В Молдавской ССР покупательная способность рабочих и служащих увеличилась по всем товарным группам, кроме фруктов / цитрусовых и овощей / бахчевых, причем по молоку и молочным продуктам, сахару, куриным яйцам и животному маслу покупательная способность выросла более чем в два раза. В Украинской ССР, как и в РСФСР, покупательная способность зарплат также увели-

Таблица 3

Уровень ежемесячных номинальных заработных плат в РСФСР и других союзных республиках в сравнении со средним значением в СССР с 1970 г. по 1990 г., в %

Table 3

The level of average nominal monthly salaries in the RSFSR and other Union republics in comparison to the average in the USSR from 1970 to 1990, in %

Территория	1970	1975	1980	1985	1990
СССР, заработная плата, рублей в месяц	122,0	145,8	168,9	190,1	274,6
СССР	100	100	100	100	100
РСФСР	103	105	105	106	108
Белорусская ССР	87	86	89	91	96
Молдавская ССР	84	80	82	83	85
Украинская ССР	94	92	92	91	90
Азербайджанская ССР	90	86	88	86	71
Армянская ССР	101	95	97	95	88
Грузинская ССР	87	82	86	88	78
Казахская ССР	101	101	99	98	97
Киргизская ССР	92	92	88	86	80
Таджикская ССР	97	94	86	83	75
Туркменская ССР	107	112	104	101	89
Узбекская ССР	94	94	92	86	78
Латвийская ССР	103	100	101	103	106
Литовская ССР	98	98	98	100	103
Эстонская ССР	111	110	112	113	124

Источник: рассчитано автором по данным источников из списка 2 в онлайн-приложении.

Таблица 4

Сравнение изменений в уровне номинальных заработных плат и цен на продукты питания в РСФСР и 8 союзных республиках, для которых имеются данные за период с 1970/1975 гг. по 1989/1990 гг., в %*

Table 4

Comparing changes in nominal wages and food prices in the RSFSR and other 8 Union republics, for which the data is available from 1970/1975 to 1989/1990, in %

Территория	Период	Заработная плата	Мясо и мясопродукты	Животное масло	Растительное масло	Молоко и молочные продукты	Яйца, за штуку	Сахар
СССР	1970-1990	125,1	41,3	3,3	3,4	6,0	8,9	-2,5
РСФСР	1970-1990	135,4	47,7	8,8	38,8	3,5	19,1	5,6
Белорусская ССР	1970-1990	148,6	23,1	-14,7	-17,6	-11,6	0,5	-3,1
Молдавская ССР	1970-1990	126,7	28,2	-2,6	19,2	-3,4	11,6	-6,0
Украинская ССР	1970-1990	115,6	50,4	-0,8	9,4	12,1	8,1	3,8
Казахская ССР	1970-1990	114,6	35,9	3,0	5,4	-8,7	13,2	2,5
Киргизская ССР	1970-1989	75,4	53,9	0,9	2,5	0,9	7,4	-2,7
Узбекская ССР	1970-1989	68,8	90,9	10,2	9,8	1,5	32,0	-33,3
Литовская ССР	1975-1990	136,9	38,2	-4,2	3,7	1,7	9,3	92,9
Эстонская ССР	1970-1990	151,8	61,8	18,4	1,9	35,9	15,3	-4,2
	Период	**Заработная плата**	**Кондитерские изделия**	**Чай**	**Хлебные продукты**	**Картофель**	**Овощи и бахчевые**	**Фрукты и цитрусовые**
СССР	1970-1990	125,1	21,4	27,6	27,4	105,5	142,0	154,0
РСФСР	1970-1990	135,4	9,0	31,1	35,1	117,4	145,0	65,7
Белорусская ССР	1970-1990	148,6	29,8	н.д.	29,5	н.д.	н.д.	н.д.
Молдавская ССР	1970-1990	126,7	76,1	н.д.	30,4	43,3	169,2	245,4

Украинская ССР	1970-1990	115,6	21,7	90,8	33,8	66,7	114,4	125,8
Казахская ССР	1970-1990	114,6	13,6	н.д.	20,7	н.д.	н.д.	н.д.
Киргизская ССР	1970-1989	75,4	19,0	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Узбекская ССР	1970-1989	68,8	7,3	11,3	-3,5	122,4	84,1	76,3
Литовская ССР	1975-1990	136,9	-38,5	16,5	19,8	9,2	41,8	24,9
Эстонская ССР	1970–1990	151,8	85,4	20,8	86,0	218,2	269,2	114,8

*Положительное значение – повышение цен за указанный период; отрицательное значение – снижение цен.

Источник: рассчитано автором по данным источников из списков 1 и 2 в онлайн-приложении.

Таблица 5

Сравнение изменений в уровне номинальных заработных плат и цен на продукты питания в 6 союзных республиках, для которых имеются данные только за период 1975-1988 г., в %

Table 5

Comparing changes in nominal wages and food prices in 6 Union republics for which the data is only available from 1975 to 1988, in %

Товар / товарная группа	Таджикская ССР	Туркменская ССР	Азербайджанская ССР	Армянская ССР	Грузинская ССР	Латвийская ССР
Зарплата	29,5	28,2	15,7	44,4	57,1	55,1
Говядина	41,0	42,3	30,4	14,8	23,9	7,9
Баранина	16,9	6,3	26,3	62,5	6,8	1,1
Свинина	-1,5	4,5	27,3	12,4	51,2	29,6
Птица домашняя	32,3	26,5	60,4	43,2	13,8	21,2
Колбасные изделия и мясокопчёности	55,6	60,2	6,3	-3,1	19,1	47,8
Молоко цельное	-6,3	0,0	-9,2	-19,8	0,0	-11,1
Сметана и сливки	-12,5	-17,1	2,5	-0,6	-0,6	-13,0
Масло животное	0,0	-0,3	-3,6	-25,0	-0,3	-2,3
Творог, сырковая масса	-9,2	-5,7	23,4	10,1	-11,1	-5,6
Сыр и брынза	13,3	-4,2	37,1	1,7	5,5	10,8
Рыба свежая	18,7	6,9	23,9	-11,1	40,2	19,2
Рыба солёная	-3,3	2,4	28,3	4,6	-2,6	34,4
Сельди	13,2	12,5	20,0	18,2	9,6	0,0
Яйца, за шт.	9,1	10,0	41,9	29,0	8,3	0,0
Хлеб пшеничный	22,2	37,0	93,3	52,9	16,7	12,5
Хлеб ржаной	40,0	40,0	127,8	52,9	0,0	33,3
Картофель	94,7	94,7	106,7	66,7	41,2	35,7
Капуста свежая	84,6	78,6	136,0	42,9	31,3	71,4
Огурцы и помидоры	100,0	88,9	81,5	35,7	196,2	55,7
Свёкла, морковь, редис	76,5	100,0	57,1	145,5	56,0	36,4
Бахчевые	55,6	44,4	18,5	15,3	88,0	79,4
Фрукты и ягоды свежие	38,5	13,2	н.д.	н.д.	3,3	29,7
Сахар	0,0	1,1	5,0	62,0	0,0	3,7
Конфеты, халва	3,8	10,8	3,5	0,0	30,9	22,3
Маргарин и др. жиры	-2,5	-1,8	0,0	-0,6	2,3	1,3
Масло растительное	-0,7	0,7	н.д.	н.д.	1,2	-1,8

Источник: рассчитано автором по данным источников из списков 1 и 2 в онлайн-приложении.

Таблица 6

Динамика покупательной способности номинальных заработных плат по продуктам питания в СССР в 1970-1990 гг., кг/л за ежемесячную заработную плату

Table 6

Dynamics of food purchasing power of nominal wages in the USSR from 1970 to 1990, kg/liter for a monthly wage

Товар / товарная группа	1970	1975	1980	1985	1990	Товар / товарная группа	1975	1980	1985	1988
Мясо и мясопродукты	72	84	88	93	115	Говядина	74	78	81	87
Животное масло	36	43	50	56	79	Баранина	86	86	100	112
Растительное масло	77	96	111	122	169	Свинина	72	73	82	91
Молоко и молочные продукты	578	668	760	877	1227	Птица домашняя	75	76	81	87
						Колбасные изделия и мясокопчёности	57	61	61	59
Яйца, шт.	1266	1593	1686	1888	2616	Молоко цельное	521	650	731	878
Сахар	146	176	203	225	336	Сметана и сливки	106	136	157	181
Кондитерские изделия	57	63	73	73	106	Творог, сырковая масса	144	180	207	244
Чай	18	н.д.	23	27	32	Сыр и брынза	60	69	76	86
Хлебные продукты	578	678	762	835	1021	Рыба свежая	197	228	238	255
						Рыба солёная	91	95	108	119
Картофель	966	н.д.	1240	1325	1058	Хлеб пшеничный	521	582	613	594
Овощи и бахчевые	503	н.д.	513	555	468	Капуста свежая	1122	1206	1267	1156
						Свёкла/морковь	810	938	951	955
Фрукты и цитрусовые	218	н.д.	238	226	194	Бахчевые	694	650	731	708
						Фрукты/ягоды	140	158	174	174

Источник: рассчитано автором по данным источников из списков 1 и 2 в онлайн-приложении.

чилась по всем товарным группам, кроме овощей и бахчевых, в том числе более чем в два раза по мясу и мясопродуктам и куриным яйцам[30].

В Казахской и Киргизской ССР, по которым не было данных для расчётов за период 1970–1990 гг. по картофелю, овощам и фруктам, было зафиксировано увеличение покупательной способности по всем оставшимся товарным группам: в Казахской ССР — от 58% по мясу и мясопродуктам до 2,4 раза по молоку и молочным продуктам; в Киргизской ССР — от 14% по мясу и мясопродуктам до 80% по сахару. В Узбекской ССР покупательная способность зарплат рабочих и служащих возросла от 28% до 2,5 раз по восьми товарным группам, тогда как по мясу и мясопродуктам, картофелю, овощам и фруктам она снизилась на 4–12%. В Таджикской и Туркменской ССР при рассмотрении данных за период 1975–1988 гг. по 27 товарам / товарным группам покупательная способность зарплат увеличилась по 18 позициям и 19 позициям, соответственно. При этом снижение покупательной способности на 7–35% в Таджикской ССР и на 6–36% в Туркменской ССР произошло по сходным позициям — по говядине, колбасным изделиям и мясокопчёностям, хлебу, картофелю и другим овощам, а также по бахчевым и фруктам.

При рассмотрении результатов наших расчётов по восьми товарным группам для периода 1970–1990 гг. в Азербайджанской ССР увеличение покупательной способности зарплат составило от 30% по растительному маслу до 69% по молоку и молочным продуктам, в Армянской ССР — от 35% по куриным яйцам до 87% по растительному маслу. В свою очередь, в Грузин-

[30] См. Приложения 1–14 в онлайн-приложении к статье по ссылке: https://i-pilipenko.ru/Pilipenko_Annex_to_Article_Narodonaselenie_2026.pdf

Таблица 7

Динамика покупательной способности номинальных заработных плат по продуктам питания в РСФСР в 1970-1990 гг., кг / л за ежемесячную заработную плату

Table 7

Dynamics of food purchasing power of nominal wages in the RSFSR from 1970 to 1990, kg / liter for a monthly salary

	1970	1975	1980	1985	1990		1975	1980	1985	1988
Мясо и мясопродукты	74	87	92	96	118	Говядина	75	80	85	95
Животное масло	38	45	52	93	82	Баранина	91	88	105	119
Растительное масло	86	103	106	128	146	Свинина	74	72	84	98
Молоко и молочные продукты	549	673	781	861	1248	Птица домашняя	75	77	85	93
						Колбасные изделия и мясокопчёности	59	63	64	63
Яйца, за штуку	1347	1658	1766	1975	2662	Молоко цельное	528	658	746	871
Сахар	148	178	207	231	330	Сметана и сливки	116	142	171	198
Кондитерские изделия	58	65	78	67	125	Творог, сырковая масса	150	183	219	256
Чай	22	23	27	26	39	Сыр и брынза	58	68	76	88
Хлебные продукты	537	636	684	760	936	Рыба свежая	207	250	258	277
						Рыба солёная	91	90	103	114
Картофель	950	н.д.	1437	1454	1028	Хлеб пшеничный	511	573	610	603
Овощи и бахчевые	432	н.д.	496	509	415	Капуста свежая	1277	1367	1439	1307
						Огурцы/помидоры	207	187	190	190
Фрукты и цитрусовые	112	н.д.	109	121	158	Бахчевые	851	935	959	980
						Фрукты/ягоды	696	658	719	619

Источник: рассчитано автором по данным источников из списков 1 и 2 в онлайн-приложении.

ской ССР в 1975–1988 гг. на одну среднемесячную зарплату можно было приобрести больше продуктов по 24 позициям из 26, по которым имеется статистика, в том числе по 10 товарам / товарным группам покупательная способность рабочих и служащих увеличилась более чем на 50%.

В прибалтийских республиках было зафиксировано значительное повышение покупательной способности зарплат рабочих и служащих. Так, в Литовской ССР покупательная способность возросла в период 1975–1990 гг. по всем 12 продовольственным товарам / товарным группам, причём по 11 продуктам, за исключением сахара, повышение составило от 40% до 3,2 раз. В Эстонской ССР покупательная способность зарплат увеличилась от 17% до 2,6 раз, и исключением являлись картофель и овощи / бахчевые, по которым покупательная способности снизилась на 21% и 32%, соответственно. В Латвийской ССР на одну среднемесячную зарплату в 1988 г. по сравнению с 1975 г. можно было купить больше продуктов по 24 позициям из 27-ми, причем по девяти позициям покупательная способность увеличилась на 50% и более. Исключением являлись капуста свежая, огурцы / помидоры и бахчевые, стоимость которых увеличилась больше, чем зарплаты рабочих и служащих в республике.

Заключение

Таким образом, можно резюмировать, что механизм повышения покупательной способности зарплат населения в плановой экономике через их постоянное увеличение в номинальном выражении при достаточно стабильных ценах на продукты питания действительно имел место в РСФСР и других союзных республиках, а также в целом

по СССР в период 1970–1990 гг. по большинству товарных групп / продуктов питания.

При этом в отличие от рыночной экономики, где баланс между спросом и предложением (в отсутствие государственного регулирования) достигается за счёт изменения цен, благосостояние населения в рамках плановой экономики зависело не только от наличия спроса (количества денег у населения), но и от наличия предложения (товаров на рынке), которое могло быть ограниченным в рамках распределительной системы. В связи с этим для выявления дальнейших различий в покупательной способности заработных плат внутри союзных республик (например, по регионам, городам и районам РСФСР, что сильно влияло на восприятие уровня благосостояния отдельных семей и граждан) необходимо также учитывать особенности снабжения различных территорий.

Литература и Интернет-источники

1. ***Flakierski, H.*** Income Inequalities in the Former Soviet Union and its Republics/H. Flakierski. — Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1993. — 87 p.
2. ***Gregory, P.R.*** Russian and Soviet economic performance and structure/P.R. Gregory. — Boston : Addison-Wesley, 2001. — 502 p.
3. ***Hanson, Ph.*** The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR 1945–1991/ Ph. Hanson. — London : Routledge, 2003. — 279 p.
4. ***Rosenfelde, S.*** Russia Since 1980. Wrestling with Westernization/S. Rosenfelde, S. Hedlund. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — 347 p. EDN: QPNJUB
5. ***Пилипенко, И.В.*** Жилищное строительство в республиках СССР за 70 лет: макроанализ/И.В. Пилипенко. — Москва : Изд. дом «Научная библиотека», 2023. — 600 с. EDN: MPZVJJ
6. ***Кудров, В.М.*** Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления/В.М. Кудров. — Москва : Наука. 1997. — 301 с.
7. ***Мамяченков, В.Н.*** Материальные условия жизни населения Свердловской области в 1946–1991 гг.: диссертация на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02/В.Н. Мамяченков; Уральский государственный технический университет. — Екатеринбург, 2012. — 452 с. EDN: QFNHPN
8. ***Миронов, Б.Н.*** Уровень жизни в СССР в отечественной и зарубежной историографии/Б.Н. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2025. — Т. 70. — Вып. 2. — С. 541–567. DOI: 10.21638/spbu02.2025.216; EDN: VFAPXO
9. ***Пилипенко, И.В.*** Жилищное строительство в России за 100 лет: динамика, итоги и социально-экономические проблемы/И.В. Пилипенко // Вопросы экономики. — 2025. — № 1. — С. 134–158. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-1-134-158; EDN: GZDMUC
10. ***Ржаницына, Л.С.*** Доходы: уровень, дифференциация, гарантии/Л.С. Ржаницына. — Москва : Профиздат, 1991. — 158 с.
11. ***Римашевская, Н.М.*** Семья, труд, доходы, потребление (Таганрогские исследования)/Н.М. Римашевская, И.А. Герасимова, В.Г. Копнина, [и др.]; отв. ред. Л.А. Оников. — Москва : Наука, 1977. — 264 с.
12. Народное благосостояние: Тенденции и перспективы/отв. ред. Н.М. Римашевская, Л.А. Оников; АН СССР, Госкомтруд СССР, ИСЭПН. — Москва : Наука, 1991. — 253 с.
13. Таганрогские исследования: полвека спустя/под науч. ред. Н.М. Римашевской, В.В. Локосова. — Москва : Экономическое образование, 2017. — 288 с. DOI: 10.26653/2017/978-5-7425-0185-5; EDN: YXJAFV
14. ***Nove, A.*** An Economic History of the USSR, 1917–91/A. Nove. — New York : Penguin Books, 1982. — 470 p.
15. ***Kornai, J.*** The Social System: The Political Economy of Communism/J. Kornai. — Oxford : Clarendon Press, 1992. — 644 p.

16. ***Davies, R.W.*** Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev/R.W. Davies. — Cambridge : Cambridge University Press, 1998. — 96 p.

17. ***Allen, R.C.*** Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution/R.C. Allen. — Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003. — 302 p.

18. ***Холодилин, К.А.*** Экономическая динамика СССР в 1950–1990 годах: опыт исчисления единого экономического показателя/К.А. Холодилин // Вопросы статистики. — 1997. — № 4. — С. 64–75.

19. ***Миронов, Б.Н.*** Жизненный уровень в Советской России при Сталине по антропометрическим данным/Б.Н. Миронов // Экономическая история: ежегодник. — 2004. — Т. 2004. — С. 565–588. EDN: YGDOYX

20. ***Бирман, И.Я.*** Уровень русской жизни (а также американской): вопросы — материалы — сравнения — некоторые ответы/И.Я. Бирман. — Москва : Научный мир, 2004. — 510 с.

21. ***Ханин, Г.И.*** Экономическая история России в новейшее время: в 2 т. Том. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год/Г.И. Ханин. — Новосибирск : НГТУ, 2008. — 515 с. EDN: QSWCFV

22. ***Ханин, Г.И.*** Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. Т. 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988–1991 годах/Г.И. Ханин. — Новосибирск : НГТУ, 2010. — 408 с. EDN: QSWCER

23. ***Лаврова, Т.А.*** Ретроспективный анализ покупательной способности основных групп населения в Российской Федерации/Т.А. Лаврова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2019. — № 5–1(119). — С. 145–150. EDN: TRJRLQ

24. ***Диденко, Д.В.*** Вековые тенденции неравенства доходов в России: сравнительный анализ статистической динамики/Д.В. Диденко // Уральский исторический вестник. — 2022. — № 1(74). — С. 6–15. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-6-15; EDN: NLZKEC

25. ***Мамяченков, В.Н.*** Заработная плата граждан СССР и её покупательная способность в 1940–1955 годах (на материалах Свердловской области)/В.Н. Мамяченков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 5. — С. 16–25. DOI: 10.37482/2227-6564-V045; EDN: NYHIJA

26. ***Пилипенко, И.В.*** Три методических подхода к сравнению динамики заработных плат в 15 республиках СССР и постсоветских государствах в 1960-х — 2020-х годах (часть I)/И.В. Пилипенко // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 155–170. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-155-170; EDN: TVAZOI

27. ***Пилипенко, И.В.*** Динамика экономического развития и эволюция основных направлений внешней торговли постсоветских республик/И.В. Пилипенко // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2018. — Т. 9 — № 12. — С. 12–38. EDN: POXCNH

28. Переход к рыночной экономике и структурные реформы в государствах-членах Евразийского экономического союза/под ред. И.В. Пилипенко. — Санкт-Петербург: Наукоемкие технологии, 2019. — 976 с. EDN: FCVZZC

29. ***Жеребин, В.М.*** Уровень жизни населения: основные категории, характеристики и методы оценки/В.М. Жеребин, А.Н. Романов. — Москва : ЮНИТИ, 2002. — 592 с.

30. ***Римашевская, Н.М.*** Региональные особенности уровня и качества жизни/Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарева, Г.Н. Волкова, [и др.]. — Москва : ООО «М–Студио», 2012. — 392 с. EDN: DLTKVF

31. ***Айвазян, С.А.*** Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход/С.А. Айвазян. — Москва : Наука, 2012. — 430 с. EDN: WNTANH

32. ***Александрова, О.А.*** Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания/О.А. Александрова, О.А. Алексеева, Н.В. Аликперова, [и др.]; отв. ред. А.В. Ярашева. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2024. — 351 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-433-8.2024; EDN: SJXQTV

33. ***Alexeev, M.V.*** Income Distribution in the U.S.S.R. in the 1980s/M.V. Alexeev, C.G. Gaddy // Review of Income and Wealth. — 1993. — Series 39. — No. 1. — P. 23–36.

Сведения об авторе:
Пилипенко Игорь Валерьевич, к.геогр.н., МРА, зав. лабораторией, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва; ведущий научный сотрудник, Институт истории, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.
Контактная информация: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8108-7253; SPIN-код РИНЦ: 1304–8386.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-302-322

THE DYNAMICS OF FOOD PURCHASING POWER OF WAGES OF THE POPULATION OF THE RSFSR AND THE UNION REPUBLICS FROM 1970 TO 1990

Igor V. Pilipenko

ISESP FCTAS RAS
(24 / 35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)
Saint Petersburg State University
(5 Mendelevskaya Line, St. Petersburg, Russia, 199034)

E-mail: i-pilipenko@yandex.ru

Funding:
The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23–18–00249) «The standard of living of the population of Russia in the 20th – early 21st centuries according to traditional and alternative indicators». URL: https://rscf.ru/project/23-18-00249/

For citation:
Pilipenko I.V. The dynamics of food purchasing power of wages of the population of the RSFSR and the Union Republics from 1970 to 1990. Narodonaselenie [*Population*]. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 302-322. DOI: 10.24412/1561–7785–2026–3-302-322 (in Russ.)

Abstract. *This article considers the problem of assessing the dynamics and level of the standard of living of the population of the RSFSR, other Union republics and the USSR in general by calculating purchasing power of average wages with regard to food products for the years of 1970, 1975, 1980, 1985 and 1988–1990. For this study, we compiled a database of prices for foodstuff and average monthly nominal wages of blue-collar and white-collar workers as well as of collective farm workers from more than 70 yearbooks / statistical compendiums published by the statistical agencies of the USSR and Union's republics in 1970–1990. We used the data on prices for 20 food products in the state and cooperative retail trade for six republics; the results of surveys of household budgets of blue-collar and white-collar workers as well as of collective farm workers in 15 republics of the USSR for 27 food products in 1975, 1980, 1985 and 1988; the results of the author's calculations of average prices for 12 foodstuff groups taking into account the structure of retail turnover and the volume of sales of food products in 12 republics of the USSR. Based on these data, we calculated how much food products could be bought for an average wage in each of the 15 republics in every five years during the time period considered. In this article, the results of comparing the prices in the state and cooperative retail trade with the prices obtained from the author's calculations and budget surveys, the level and dynamics of prices for various groups of food products and across all the 15 republics of the USSR are presented. We also compared prices of purchases in households of blue- and white-collar workers, on the one hand, and collective farm works, on the other hand. The article shows that purchasing power of wages of the population during 1970–1990 rose in the RSFSR and all the 14 other Union republics with regard to the majority of foodstuff / groups of products due to a faster growth of nominal wages in comparison to prices for food products.*

Keywords: *prices, purchasing power, wage, standard of living, foodstuff, food products, the Union republic, USSR, RSFSR.*

References and Internet sources

1. Flakierski H. *Income Inequalities in the Former Soviet Union and its Republics*. Armonk. NY. M.E. Sharpe. 1993. 87 p.
2. Gregory P.R. *Russian and Soviet Economic Performance and Structure*. Boston. Addison-Wesley. 2001. 502 p.
3. Hanson Ph. *The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR 1945–1991*. London. Routledge. 2003. 279 p.
4. Rosenfelde S., Hedlund S. *Russia since 1980. Wrestling with Westernization*. Cambridge. Cambridge University Press. 2009. 347 p.
5. Pilipenko I.V. Zhilishchnoje stroitel'stvo v respublikakh SSSR za 70 let: makroanaliz [*Housing Construction in the Republics of the USSR During the 70-Year Period: a Macroanalysis*]. Moscow. Izd. dom «Nauchnaya biblioteka» [Publishing House «Scientific Library»]. 2023. 600 p. (in Russ.)
6. Kudrov V.M. Sovetskaya ekonomika v retrospektive: opyt pereosmysleniya [*The Soviet Economy in the Retrospective: an Attempt of Reinvention*]. Moscow. Nauka [Science]. 1997. 301 p. (in Russ.)
7. Mamyachenkov V.N. Material'nyye usloviya zhizni naseleniya Sverdlovskoj oblasti v 1946–1991 gg. [*Material Living Conditions of the Population of Sverdlovsk Oblast in 1946–1991*]. Doctoral Diss. Ekaterinburg. 2012. 453 p. (in Russ.)
8. Mironov B.N. Uroven' zhizni v SSSR v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii [Standard of living in the USSR in Russian and foreign historiography]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya [*Vestnik of Saint Petersburg University. History*]. 2025. Vol. 70. Iss. 2. P. 541–567. (in Russ.)
9. Pilipenko I.V. Zhilishchnoye stroitel'stvo v Rossii za 100 let: dinamika, itogi i sotsial'no-ekonomicheskiye problemy [Housing construction in Russia during the 100-year period: dynamics, results and socio-economic problems]. Voprosy Ekonomiki [*Issues of Economics*]. 2025. No. 1. P. 134–158. (in Russ.)
10. Rzhanitsyna L.S. Dokhody: uroven', differentsiatsiya, garantii [*Incomes: Level, Differentiation, Guarantees*]. Moscow. Profizdat [Trade Union Publishers]. 1991. 158 p. (in Russ.)
11. Rimashevskaya N.M., Gerasimova I.A., Kopnina V.G., et al. Sem'ya, trud, dohody, potrebleniye (Taganrogskiye issledovaniya) [*Family, Work, Incomes, Consumption (Taganrog Studies)*]. Ed. L.A. Onikov. Moscow: Nauka [Science]. 1977. 264 p. (in Russ.)
12. Narodnoye blagosostoyaniye: Tendentsii i perspektivy [*People's Well-Being: Trends and Prospects*]. Ed. N.M. Rimashevskaya, L.A. Onikov. Moscow: Nauka [Science]. 1991. 253 p. (in Russ.)
13. Taganrogskiye issledovaniya: polveka spustya [*Taganrog Studies: Half a Century Later*]. Eds. N.M. Rimashevskaya, V.V. Lokosov. Moscow: Ekonomicheskoye obrazovaniye [Economic Education]. 2017. 288 p. (in Russ.)
14. Nove A. *An Economic History of the USSR, 1917–91*. New York. Penguin Books. 1982. 470 p.
15. Kornai J. *The Social System: The Political Economy of Communism*. Oxford. Clarendon Press. 1992. 644 p.
16. Davies R.W. *Soviet Economic Development from Lenin to Khrushchev*. Cambridge. Cambridge University Press. 1998. 96 p.
17. Allen R.C. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton. NJ. Princeton University Press. 2003. 302 p.
18. Kholodilin K.A. Ekonomicheskaya dinamika SSSR v 1950–1990 godakh: opyt ischisleniya yedinogo ekonomicheskogo pokazatelya [The economic dynamics of the USSR in the 1950s-1990s: lessons learnt from calculating the integral economic indicator]. Voprosy Statistiki [*Statistical Issues*]. 1997. No. 4. P. 64–75. (in Russ.)
19. Mironov B.N. Zhiznennyy uroven' v Sovetskoy Rossii pri Staline po antropometricheskim dannym [Dynamics of living standards in Stalin's time: anthropometric dimensions]. Ekonomicheskaya istoriya: yezhegodnik [*Economic History: Yearbook*]. Vol. 2004. P. 565–588. (in Russ.)
20. Birman I. Ya. Uroven' russkoj zhizni (a takzhe amerikanskoj): voprosy — materialy — sravneniya — nekotoryye otvety [*The Standard of Russian living (as well as of the American one): Questions — Materials — Comparisons — Some Answers*]. Moscow. Nauchny mir [Scientific World]. 2004. 510 p. (in Russ.)

21. Khanin G.I. Ekonomicheskaya istoriya Rossii v novejsheye vremya [*Economic History of Russia in Modern Times*]. In 2 volumes. Vol. 1. Ekonomika SSSR v kontse 30-h godov — 1987 god [*The Economy of the USSR in the Late 30s — 1987*]. Novosibirsk. 2008. 516 p. (in Russ.)
22. Khanin G.I. Ekonomicheskaya istoriya Rossii v novejsheye vremya [*Economic History of Russia in Modern Times*]. In 2 volumes. Vol. 2. Ekonomika SSSR i RSFSR v 1988–1991 godakh [*The Economy of the USSR and the RSFSR in 1988–1991*]. Novosibirsk. 2010. 408 p. (in Russ.)
23. Lavrova T.A. Retrospektivnyj analiz pokupatel'noj sposobnosti osnovnykh grupp naseleniya v Rossijskoj Federatsii [Retrospective analysis of the purchasing power of the major population groups in the Russian Federation]. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [*Bulletin of Saint Petersburg State University of Economics*]. 2019. No. 5–1(119). P. 145–150. (in Russ.)
24. Didenko D.V. Vekovyye tendentsii neravenstva dokhodov v Rossii: sravnitel'nyj analiz statisticheskoj dinamiki [Secular trends of income inequality in Russia: a comparative analysis of the statistical dynamics]. Ural'skiy istoricheskiy vestnik [*Ural Historical Journal*]. 2022. No. 1(74). P. 6–15. (in Russ.)
25. Mamyachenkov V.N. Zarabotnaya plata grazhdan SSSR i yeyo pokupatel'naya sposobnost' v 1940–1955 godakh (na materialakh Sverdlovskoj oblasti) [Soviet citizens' wages and their purchasing power in 1940–1955 (Sverdlovsk Region)]. Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo Universiteta. Ser.: Gumanitarnyye i Sotsial'nyye Nauki. [*Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*].2020. No. 5. P. 16–25. (in Russ.)
26. Pilipenko I.V. Tri metodicheskikh podkhoda k sravneniyu dinamiki zarabotnykh plat v 15 respublikakh SSSR i postsovetskikh gosudarstvakh v 1960-h — 2020-h godakh (chast' 1) [Three methodical approaches to comparing the dynamics of wages in 15 Republics of the USSR and post-Soviet states in the 1960s — 2020s (Part I)]. Narodonaselenie [*Population*]. Vol. 28. No. 4. P. 155–170. (in Russ.)
27. Pilipenko I.V. Dinamika ekonomicheskogo razvitiya i evolyutsiya osnovnykh napravlenij vneshnej torgovli postsovetskikh respublik [The dynamics of economic development and the evolution of main foreign trade directions of post-Soviet republics]. Ekonomika i Upravleniye: Problemy, Resheniya [*Economics and Management: Problems, Solutions*]. 2018. Vol. 9. No. 12. P. 12–38. (in Russ.)
28. Perekhod k rynochnoj ekonomike i strukturnyye reformy v gosudarstvakh-chlenakh Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza [*The Transition to a Market Economy and Structural Reforms in the Eurasian Economic Union Member States*]. Ed. I.V. Pilipenko. St. Petersburg. Naukoemkiye Tekhnologii [Knowledge-Incentive Technologies]. 2019. (in Russ.)
29. Zherebin V.M., Romanov A.N. Uroven' zhizni naseleniya: osnovnyye kategorii, kharakteristiki i metody otsenki [*Standard of Living of Population: Main Categories, Characteristics and Methods of Estimation*]. Moscow. 2002. 592 p. (in Russ.)
30. Rimashevskaya N.M., Bochkareva V.K., Volkova G.N., et al. A. Regional'nyye osobennosti urovnya i kachestva zhizni [*Regional Specifics of the Standards and Quality of Life*]. Moscow: M-Studio [M-Studio]. 2012. 392 p. (in Russ.).
31. Ayvazyan S.A. Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya: ekonometricheskiy podhod [*Analysis of the Quality of Life and Lifestyles of the Population: an Econometric Approach*]. Moscow. Nauka [Science]. 2012. 430 p. (in Russ.)
32. Osnovy ekonomicheskogo povedeniya i blagososotoyaniya naseleniya: motivy, faktory, ozhidaniya [*The Foundations of Economic Behavior and Well-Being of the Population: Reasons, Factors, Expectations*]. Ed. A.V. Yarasheva. Moscow. FNISTs RAN [FCTAS RAS]. 2024. 351 p. (in Russ.).
33. Alexeev M.V., Gaddy C.G. Income distribution in the U.S.S.R. in the 1980s. *Review of Income and Wealth*. 1993. Series 39. No. 1. P. 23–36.

Information about the author:
Pilipenko Igor Valeryevich, Candidate of Geography, MPA, Head of Laboratory, ISESP FCTAS RAS, Moscow; Leading Researcher, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.
Contact information: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8108-7253; Elibrary SPIN-code: 1304–8386.

Статья поступила в редакцию 21.05.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): https://www.narodonaselenie-journal.ru. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объём материла от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

• наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
• сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
• в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
• аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
• список литературы на русском языке и другие источники информации приводится после текста статьи;
• название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
• в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, РИНЦ AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:
• информативной (не содержать общих слов)
• отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
• структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
• объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводится полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [*Social Sciences and Modern World*]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G.S., Kuznetsova N.P. Potrebnosti i dohod sem'i [*Family Needs and Income*]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I.L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangelsk. 2009. 184 p. Available at: https://dlib.rsl.ru/01004325199 (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

• формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
• после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
• греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
• перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косого креста (х) в конце одной строки и в начале следующей строки;
• знак умножения между буквенными символами не ставится (A = be), а между числами ставят точку по центру строки (5 • 30);
• единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °С, 50%);
• в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.